

РУССКОЕ СЛОВО.

VII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЛЕВЫМЪ БЕЗВОРОДКО.

1859.

И Ю Л Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМПА.

252888

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 8 Іюля 1869 года.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН	
Благодѣтели. Романъ. Часть вторая. М. МИХАЙЛОВА . . .	1	✓
Диссонансъ. Я. ПОЛОНСКАГО.	91	
Присоединеніе Амура къ Россіи. Статья третья. Д. РО- МАНОВА.	93	✓
Гедвонъ. ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО	137	
Современныя германскія темсты. Статья первая. П. Л. ЛАВРОВА	141	/

ОТДѢЛЪ II.

Критика. О значеніи романа нравовъ въ наше время, по поводу новаго романа Г. Гончарова «Обломовъ». К. Б.	1	✓
HISTOIRE DES RÉVOLUTIONS D'ITALIE OU GUELFES ET GIBEL- LINS, par J. Ferrati. В. ПОПОВА.	37	

ОТДѢЛЪ III.

Сивъсъ. Александръ фонъ-Гумбольдтъ	1	
О первоначальномъ (элементарномъ) обученіи, какъ ис- ходномъ моментъ основательнаго образованія. Статья первая. Ф. ТОЛЯ.	34	
Прежнія и будущія пути сообщенія Кавказа	69	
Опера и ея новѣйшее направленіе въ Германіи. Крити- ческій вступъ. Статья вторая. А. СЪРОВА.	88	
Письмо изъ Берлина. В. И. ВОДОВОЗОВА	113	
Московскія скачки 1859 года. О. П—Й.	118	

Общественная жизнь въ Петербургѣ. Сборы. — Кулербергъ до 12-ти часовъ вечера. — Кулербергъ за полночь. — Открытіе памятника Императору Николаю I. — Баронъ Клодтъ и Рамазановъ. — Художественныя выставки г. Зміоски. — Гулянья по водѣ. — Гонка судовъ. — Новый яхтъ-клубъ. — Гулянья на землѣ. — Смерть Фалъева. — Два слова о Дюпре. — Отстройка Театра-Цирка. — Благотворительное гулянье въ Полюстровѣ. ЕГОРА МОЛЛЕРА	147
--	-----

Отъ Редаціи	160
------------------------------	-----

Шахматный листокъ. Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія. — Разсужденіе о распространеніи шахматной игры въ Европѣ и Америкѣ. — Торжество въ Нью-Йоркѣ по случаю возвращенія Морфи. — Партіи: Ланге съ Зиккелемъ и Эліасономъ; Лондонскаго клуба съ Парижскимъ; Лабурдоне съ Макдоцелемъ; Стаунтона съ Андерсеномъ. — Примѣчаніе къ <i>проблемъ коня</i> . — Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. Урусова (статья 5-я). Рѣшеніе задачъ. — Задачи. ВИКТОРА МИХАЙЛОВА	159
---	-----

Записки Мелкотравчатого. Глава VII—X. Е. Э. ДРИАНСКАГО. Въ приложеніи.

БЛАГОДѢТЕЛИ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Сегодня какъ вчера и завтра какъ сегодня, шла жизнь Васи подъ благодѣтельной кровлей Платона Николаевича. Вася очень скучалъ и, не смотря на свою лѣнь, съ надеждой смотрѣлъ на будущее свое ученье въ гимназiи, и нетерпѣливо ожидалъ времени экзаменовъ. Что онъ зналъ, было совершенно достаточнo для перваго класса, и потому Платонъ Николаевичъ смотрѣлъ сквозь пальцы на не всѣмъ-то прилежныя занятiя его дома. Кромѣ того, задавать и просматривать арифметическiя задачи такъ надoблo Платону Николаевичу, что съ наступленiемъ теплыхъ весеннихъ дней онъ пересталъ и спрашивать Васю о нихъ. Возвратившись въ потѣ лица (не столько отъ трудовъ, сколько отъ жару) изъ палаты, Платонъ Николаевичъ спѣшилъ облачиться въ халатъ, пообѣдать и лечь отдохнуть. Разумѣется, и вечеромъ было ему не до Васи. Напившись чаю, онъ тотчасъ же собирался въ гости, или гулять, по прежнему, если не болѣе, возбуждая какiя-то таинственныя подозрѣнiя въ Агаофѣ Максимовнѣ, которыя и оканчивались обыкновенно извѣстною развязкой за ужиномъ.

Передъ самымъ поступленiемъ Вася въ гимназiю, Платонъ Николаевичъ получилъ отъ Анны Васильевны письмо.

Отд. I.

1

которое произвело непріятное впечатлѣніе и на него, и въ особенности на Агаёвю Максимовну. Письмо было написано не собственноручно Анной Васильевной, а только подъ ея диктовку. Сама Анна Васильевна не вставала съ постели по случаю серьезной болѣзни. Въ началѣ лѣта она отправилась пѣшкомъ на богомолье верстъ за сто отъ города, страшно истомилась дорогой, а на возвратномъ пути ее вымочило холоднымъ дождемъ, и она пріѣхала въ монастырь почти безъ памяти. Въ письмѣ Анна Васильевна выражала опасеніе за свою жизнь, и просила Агаёвю Максимовну и Платона Николаевича призрѣть по смерти ея безпріютную спотку Пашеньку, пока не возьметъ ее къ себѣ, какъ обѣщала, другая тетка, Лидія Петровна Дубровская. Просьба эта вывела изъ себя Агаёвю Максимовну.

— Да чтожь это такое? восклицала она, показывая зубъ: — на смѣхъ это, что ли? Вотъ, достались имъ какіе дураки! Мало, что одного на шею себѣ навязали, попомъ, кормимъ, обуваемъ, одѣваемъ; еще возьми и другую! Миліонщикова какихъ нашли, право.

— Вы напрасно огорчаетесь заранѣе, маменька, стараясь утѣшить ее Платонъ Николаевичъ, хотя въ душѣ вполне раздѣляя ея образъ мыслей: — вѣдь Анна Васильевна, слава Богу, еще жива, да притомъ и Дубровская хотѣла быть въ К. нынѣшнимъ лѣтомъ. Еслибъ и случилось такое несчастіе, какъ смерть Анны Васильевны, такъ вы знаете — Лидія Петровна давно ужъ съ нею списывалась, хотѣла все Пашеньку къ себѣ взять. Она только не соглашалась — жаль было разстаться съ дѣвочкой.

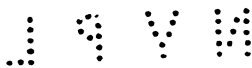
— Всегда была дура, сердито замѣтила Агаёвю Максимовна: — душой видно и въ могилу сойдетъ. Экая богачка какая! Жаль разстаться съ ребенкомъ! Нѣжности тоже при нашей-то бѣдности.

— Чувство, маменька, понятное.

— Будетъ тебѣ понятное, какъ еще обуза навяжется!

— Да Лидія Петровна возьметъ.

— Хотѣла взять, а теперь хочетъ ли еще, тебѣ вѣдь не сказывала. Знаемъ мы эти обѣщанья-то — вилами это на водѣ писано.

Платонъ Николаевичъ вздумалъ было возражать и спорить, но и самъ былъ не радъ: Агаея Максимовна пуше разсердилась, разбранила его, на чемъ свѣтъ стоитъ, разсердила и его самого, и переговоры кончились тѣмъ, что Платонъ Николаевичъ плюнулъ, сказалъ: «тьфу! говорить-то съ вами — только воду толочь!» и ушелъ изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью, причемъ Агаея Максимовна, раззумѣется, не преминула назвать его извергомъ рода чело-вѣческаго.

Шумѣтъ много было не изъ-за чего: въ то время, какъ пришло въ Н. это письмо, такъ разстроившее Агаею Максимовну, петербургская тетка Пашеньки была уже въ К. и подтвердила Аниѣ Васильевнѣ желаніе свое взять дѣвочку къ себѣ.

Лидія Петровна Дубровская была еще молодая женщина, лѣтъ двадцати пяти, и довольно красивая. Она воспитывалась въ Петербургѣ въ институтѣ, и въ первый же годъ по выходѣ изъ него вышла замужъ за гвардейскаго офицера. Гвардейскій офицеръ, женившись, справедливо разсудилъ, что въ яркомъ мундирѣ и въ эполетахъ особенной надобности теперь не оказывается, и потому вышелъ въ отставку, и принялся за разныя торговыя операціи. У него было прекрасное состояніе, и онъ любилъ при случаѣ упомянуть, что женился безъ всякихъ расчетовъ, единственно по влеченію сердца. Лидія Петровна вышла за него, какъ большею частію выходятъ въ шестнадцать лѣтъ: она почти не знала, какъ это случилось; ей казалось, что она его любить; всѣ говорили, что онъ страстно влюбленъ въ нее; онъ богатъ и красивъ, а она хоть и хорошенькая, но у нея ничего нѣтъ. Въ Лидіи Петровнѣ не было особенной суетности, и возможность жить роскошно и блистать въ свѣтѣ мало привлекала ее; но общій голосъ о любви Дубровскаго по неволѣ заставилъ ее думать о немъ все чаще и чаще; она рѣшила на основаніи этихъ думъ, что любить его, и вышла за него замужъ. Съ того времени, какъ ее отвезли въ институтъ, Лидія Петровна не выѣзжала изъ Петербурга. Въ послѣдніе годы она часто бывала больна, и отчасти чтобы провести нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, на чистомъ

воздухъ, отчасти чтобы повидаться съ племянницей и можетъ быть взять ее съ собой, отпросилась у мужа въ К. Она пріѣхала какъ-разъ кстати: Анна Васильевна была при смерти.

Послѣднія минуты ея были бы очень темны, еслибъ у постели ея не сидѣла добрая женщина, которой она довѣрчиво передала свое единственное сокровище. Пашенька полюбила Лидію Петровну почти съ перваго разу, можетъ быть потому, что невольно въ каждомъ словѣ ея, обращенномъ къ племянницѣ, въ каждой ласкѣ ея просвѣчивалась любовь къ дѣтямъ, которыхъ такъ страстно хотѣлось имѣть Лидіѣ Петровнѣ.

Восемь лѣтъ замужства очень измѣнили ее, и Анна Васильевна, знавшая ее только по портрету, снятому въ годъ ея выхода изъ института, вѣрно не узнала бы ея сразу. На портретѣ было полное, свѣжее, почти дѣтское личико, окруженное свѣтлыми золотистыми локонами; и во взглядѣ, и въ улыбкѣ выражалось беззаботное веселье. Казалось, эти ясные глаза неспособны плакать, эти маленькія губки могутъ только смѣяться и шутить. Лидія Петровна, явившаяся въ тѣсную келью Анны Васильевны, была непохожа на эту безпечную веселую дѣвочку. Она была очень худа и блѣдна; глаза стали какъ-будто темнѣе и задумчивѣе; въ самой улыбкѣ было что-то грустное. Ея тихія манеры и кроткій голосъ невольно располагали къ ней всякого. Катерина съ вѣчнымъ своимъ скептицизмомъ не вѣрила рассказамъ Анны Васильевны о добротѣ Дубровской и о искреннемъ участіи, принимаемомъ ею въ маленькой племянницѣ. «Всѣ онѣ такъ издали-то, да на словахъ-то,» замѣчала она: «а на дѣлѣ и нѣтъ ничего. Вонъ и Агаѣю Максимовну послушать-то, такъ подумаешь, что чуть не распинается за ребенка; а его бы спросить сердечнаго — такъ, поди, житья нѣтъ.» Анна Васильевна, конечно, не возражала, потому-что, наслушавшись мрачныхъ предположеній Катерины, нобавалась иногда и сама за будущую судьбу своей ненаглядной Пашеньки. «Оно точно,» прибавляла подчасъ Катерина: «деликатности, чай, больше будетъ, чѣмъ у Агаѣи Максимовны; воспитана тоже

не такъ. Ну, такъ гордости, поди, сколько! Люди богатые; сама — дама петербургская. Видала я тоже петербургскихъ-то! Нафрантить, пыли въ глаза пустить — на это ихъ взять; тоже стелятъ-то мягко, да жестко спать». Катерина заранѣе смотрѣла враждебно на Лидію Петровну; она составила себѣ идеальный образъ какой-то неприступной, гордой и расфранченной столичной барыни, и нѣсколько разъ говорила, что даетъ правую руку на отсѣченіе, если она не такова. По приѣздѣ Лидіи Петровны, Катерина, разумѣется, не вдругъ созналась въ несправедливости своихъ предположеній, не тотчасъ поддалась; но съ перваго же разу она увидала, что ей придется сдѣлать нѣсколько уступокъ изъ своего строгаго суда въ пользу Лидіи Петровны. Не столько ласковый тонъ, съ которымъ обратилась приѣзжая къ нянкѣ Пашеньки, сколько общее впечатлѣніе ея разговоровъ и обхожденія подкупили Катерину. Катерина была не на столько самолюбива, чтобъ быть недовольною своею непроницательностью; напротивъ, она отъ всей души радовалась, что ошиблась въ мнѣніи своемъ о Лидіи Петровнѣ. Особенно пріятно было Катеринѣ, что Лидія Петровна, какъ только увидала ея воспитанницу, сказала: «Зачѣмъ это вы водите ее въ черномъ? Вѣдь она ребенокъ еще. Да къ тому-жъ лѣто теперь — ей, я думаю, и жарко такъ, и неловко». — «Не моя воля, Лидія Петровна,» отвѣчала Катерина: «воля тетеньки. Я имъ тоже говорила.» — Не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе произвели на Лидію Петровну и манеры Пашеньки, которыя еще страннѣе казались при ея черномъ костюмѣ: она научилась какъ-то особенно низко и церемоніально кланяться, какъ кланялись монахини, странно сидѣтъ вытянувшись на кончикѣ стула, ходя складывать руки подъ сердцемъ. Въ этихъ привычкахъ, кромѣ обыкновенной дѣтской подражательности, была отчасти виновата и сама Анна Васильевна: этотъ отгѣнокъ подобострастія въ приемахъ казался ей чрезвычайно приличнымъ, особенно въ ребенкѣ. Пашенька усвоила себѣ эти монастырскія манеры постепенно и безъ всякаго принужденія, не изъ желанія понравиться тетѣ, а потому, что сужденіе Анны Васильевны казалось ей неопровержимымъ закономъ. Лидіи Петровнѣ показалось даже, что

дѣвочка и говоритъ какъ-то странно — на о, какъ говорило большинство въ монастырѣ.

Ни объ чемъ этомъ Лидія Петровна не сказала Аннѣ Васильевнѣ, потому-что застала ее уже въ очень опасномъ, почти безнадежномъ положеніи. Она ограничилась тѣмъ, что старалась успокоить больную относительно судьбы ея любимой племянницы. Анна Васильевна, казалось, только и думала, что о Пашенькѣ. Что ни говорила она, едва внятно и черезъ силу, все касалось Пашеньки.

Послѣдніе дни тетки остались навсегда въ памяти дѣвочки, какъ что-то и торжественное, и таинственное, и мрачное. Смерть отца не произвела на нее такого впечатлѣнія; ее только изрѣдка водили въ комнату, гдѣ онъ лежалъ; домъ, въ которомъ они жили, былъ великъ, и отца, когда онъ и здоровъ, дѣти видали не часто; Пашенька узнала, что онъ умеръ, когда его положили уже на столъ въ залъ подъ образами, а до того она и не думала, что онъ можетъ умереть. Смерти тетки, напротивъ, она ждала, потому что и сама Анна Васильевна говорила, что умираетъ, и Катерина подтверждала это, да и всѣ въ монастырѣ какъ-то особенно покачивали головами, спрашивая о больной. Анна Васильевна исповѣдалась и причастилась передъ смертью, и пособоровалась. Обрядъ соборованія, во время котораго всѣ стояли съ зажженными свѣчами, показался Пашенькѣ почти похоронами. Она горько расплакалась, и долго не могла утѣшиться. Послѣ соборованія Анна Васильевна совсѣмъ притихла, только попросила читать надъ ней отходную, и уже не говорила ни слова. Она скончалась незамѣтно.

Лидія Петровна взяла Пашеньку къ себѣ, и сказала Катеринѣ: «Я вижу, ты очень привязана къ своей питомцѣ; тебѣ вѣрно грустно будетъ разстаться съ ней. Я взяла бы тебя къ себѣ, еслибъ ты согласилась». Катерина уже думала объ этомъ, только не рѣшалась сказать Лидіи Петровнѣ и просить ее, потому-что все еще какъ-то ей не довѣряла. Благодарныхъ слезъ и признательныхъ словъ было безъ числа.

Схоронивши Анну Васильевну, Дубровская поѣхала съ

Пашенькой и Катериной къ себѣ въ деревню, въ сорока верстахъ отъ К.

Изъ четырехъ стѣнъ монастыря, изъ узкаго, сыраго и глухаго сада Пашенька перешла къ деревенскому простору; вмѣсто мѣрной, какъ заведенные часы, жизни, она отдалась волѣ безотчетнаго сельскаго житья. Ея не будилъ по утрамъ глухой звонъ колокола, не слышалось постоянно въ ухахъ церковное пѣнье, и не окружали ея черныя тѣни, отказавшіяся отъ свѣта жизни ради мрака молитвы. Пашеньку не тѣснила уже черная меринсовая ряса, въ которой она никакъ не могла приучиться не путаться; черная остроконечная бархатная шапочка тоже была навсегда сброшена. Пашеньку одѣли въ коротенькое легкое платьице, обстригли ей волосы, которые ужъ заплетались въ косу, и дѣвочкѣ стало какъ-то и легче, и свѣтлѣе, и веселѣе. Катерина едва-ли не больше питомицы своей радовалась переиѣнѣ ея костюма.

Въ нѣсколько дней Пашенька привыкла къ Лидіи Петровнѣ почти такъ-же, какъ къ покойницѣ-теткѣ. Она звала ее «мамѣ», и была при ней почти безотлучно.

Лидія Петровна не могла натѣшиться своей дочкой. Она не скучала по цѣлымъ часамъ разговаривать съ ней, слушать ея дѣтскій лепетъ и рассказывать ей что-нибудь. Рассказы были такъ-же непохожи на слышанные Пашенькою въ монастырѣ, какъ и самая обстановка была непохожа на монастырскую. Изъ рассказовъ Лидіи Петровны она знакомилась съ нуждами и интересами окружающаго міра, а не съ темными картинками какой-то мистической области. И надо правду сказать, гораздо болѣе сердечнаго участія возбуждали въ дѣвочкѣ разныя мелочи крестьянской жизни, къ которой такъ близко подошла она теперь, чѣмъ дикая судьба какого-нибудь Ивана Яковлевича, такъ тѣсно принятая всѣми къ сердцу въ монастырѣ. Въ полтора мѣсяца, прожитые въ деревнѣ, Пашенька отвыкла и отъ всѣхъ странныхъ приемовъ, которые такъ поразили въ ней Лидію Петровну. Это сдѣлалось тоже какъ-то само собой, почти безъ всякихъ замѣчаній со стороны Лидіи Петровны.

Катерина была совершенно счастлива, видя, какъ любятъ ея Пашеньку, и каждый разъ, передъ тѣмъ какъ раздѣвать

и укладывать ее въ постель, заставляла дѣвочку молиться о новой своей маменькѣ, причемъ обыкновенно разсыпалась въ похвалахъ доброму сердцу Лидіи Петровны и желала ей всякого счастья. Это желаніе было едва-ли лишнее: Лидія Петровна, казалось, не была счастлива. Даже Пашенька замѣчала по временамъ затаенную грусть и сдержанныя слезы въ глазахъ Лидіи Петровны. Изъ рассказовъ лакея и горничной, пріѣхавшихъ съ нею, Катерина узнала, что Лидія Петровна не особенно хорошо живутъ съ мужемъ; ссорь, правда, большихъ не бываетъ, но онъ все больше по гостямъ разъѣзжаетъ, а она сидитъ дома и рѣдко-рѣдко когда поѣдетъ въ театръ или куда-нибудь.

И въ деревнѣ Лидія Петровна не измѣнила своему домо-сѣдству: не познакомилась рѣшительно ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, которыхъ было немало и неподалеку, и единственнымъ развлеченіемъ ея было чтеніе, да довольно большія прогулки за околицу, въ поля и въ ближнюю рощу.

Деревенская жизнь не поправила здоровья Лидіи Петровны: такъ-же худа и блѣдна поѣхала она въ Петербургъ, какъ пріѣхала оттуда.

Незадолго до отъѣзда пришла къ ней Катерина съ просьбой взять и ее съ собой.

— Да я такъ и думала, отвѣчала Лидія Петровна: — хотѣла, чтобы ты осталась при Полѣ.

— Матушка Лидія Петровна! какъ мнѣ благодарить васъ! Благодарѣтельница вы наша! Да еще у меня просьбица къ вамъ, матушка.

— Чтò такое?

— Да вотъ все душа у меня не на мѣстѣ на счетъ Васеньки-то. Не возьмете-ли, матушка, и его къ себѣ.

— Я и рада бы, голубушка, да мужъ мой не согласенъ на это; мы ужь съ нимъ говорили объ этомъ. Теперь Вася, я думаю, поступилъ ужь въ гимназію; пусть пока тамъ учится, а потомъ, какъ кончитъ, мы постараемся, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, въ университетъ.

— Вы, матушка, хоть напишите Платону-то Николаичу, чтобы извѣщалъ васъ, какъ у нихъ дитя живетъ; а то теперъ, какъ Анны-то Васильевны нѣтъ — царство ей

лебесное! — они думаютъ, чай, что и спросу съ нихъ не будетъ: Богъ знаетъ, какое Васинькѣ-то у нихъ будетъ житье. Какъ подумаешь только, вся душа сокрушается.

— Я напишу сегодня же, чтобы они хоть разъ въ мѣсяцъ извѣщали меня объ немъ, здоровъ-ли, и какъ учится.

— Покорно васъ благодарю, матушка.

Письмо Лидіи Петровны очень обрадовало и Платона Николаевича и Агаею Максимовну, потому-что убѣдило ихъ наконецъ, что нечего бояться имъ новыхъ хлопотъ, что Пашенька не попадетъ къ нимъ въ руки. И Катерина поѣхала въ Петербургъ съ болѣе спокойнымъ сердцемъ, зная, что будетъ имѣть отъ времени до времени извѣстія о Васѣ.

Лидія Петровна пріѣхала въ Петербургъ въ половинѣ сентября.

II.

Дорога занимала дѣвочку, какъ занимала каждого изъ насъ въ дѣтствѣ: все было ей и ново, и странно, и Пашенька почти не чувствовала дорожной усталости. Зато очень устала Лидія Петровна, и когда экипажъ остановился передъ большимъ домомъ на Литейной, гдѣ была квартира Дубровскихъ, ее почти на рукахъ подняли по лѣстницѣ.

Самого Дубровскаго не было дома: онъ уѣхалъ куда-то на обѣдъ. Лидія Петровна переодѣлась и легла на кушетку въ своей комнатѣ. Пашенька сѣла около нея.

— А ты не устала? спросила ее Лидія Петровна.

— Нѣтъ, отвѣчала Пашенька.

— А что же ты не походишь по комнатамъ, не посмотришь, какъ у насъ?

Пашенька пошла.

Квартира Дубровскихъ была не роскошная, но полная изящнаго комфорта. Пашенька не только не жилава, но и не бывала въ комнатахъ, убранныхъ съ такимъ вкусомъ, и потому все показалось ей верхомъ великолѣпія. Она обошла всѣ комнаты, и снова воротилась къ теткѣ, когда въ прихожей послышался звонокъ.

— Вотъ вѣрно и мужъ, сказала Лидія Петровна.

Пашенькѣ стало почему-то неловко; она какъ-будто боялась знакомства съ дядей.

Это былъ точно Егоръ Александровичъ. Онъ тотчасъ же вошелъ въ комнату, гдѣ лежала жена. Лидія Петровна шла уже ему на встрѣчу. Они поцаловались.

— Давно-ли?

— Сейчасъ.

— Что же не послала за мной?

— Зачѣмъ?

— Ну, какъ здоровье твое?

— Все такъ-же.

— Это и видно. Племянницу привезла?

— Какже. Вотъ она!

Ничего изъ этого разговора Пашенька не поняла, потому-что все было сказано по-французски.

— Поля! обратилась къ ней Лидія Петровна ужь по-русски: — подойди къ папѣ.

Пашенька подошла. Егоръ Александровичъ поднялъ ее на руки и расцаловалъ въ обѣ щеки. Она вовсе не такимъ воображала дядю. Ей думалось почему-то, что онъ долженъ быть суровый, сумрачный господинъ, и притомъ старый, сѣдой. Оказалось; что Егоръ Александровичъ вовсе не таковъ. Онъ былъ высокъ, строенъ, моложавъ и даже очень красивъ. Въ густыхъ черныхъ волосахъ его, обстриженныхъ и завитыхъ по модѣ, и въ длинныхъ усахъ не замѣтно было и слѣда сѣдины; притомъ темные глаза смотрѣли очень ласково и привѣтливо на ребенка. Стало быть, и бояться было нечего. Егоръ Александровичъ былъ одѣтъ очень щеголевато, въ модномъ фракѣ, въ отлично повязанномъ галстухѣ; здороваясь съ женой, онъ не успѣлъ снять съ лѣвой руки своей палевою перчатку, безукоризненной чистоты.

— Ну, что, какъ тебѣ дяденька понравился? спрашивала вечеромъ Катерина, раздѣвая и укладыввая спать Пашеньку.

— Онъ добрый, отвѣчала Пашенька.

— Приласкалъ тебя?

— Да, взялъ на руки, поцаловалъ; говорилъ, что на этой недѣлѣ повезетъ меня въ театръ.

— А вотъ народъ толковалъ — слушай ихъ только! — онъ, говорили, нелюдимъ; не житье съ нимъ Лидія Петровнѣ.

Скептицизмъ Катерины начиналъ по-видимому уступать мѣсто болѣе довѣрчивому взгляду на людей.

Спальня Пашеньки была рядомъ съ комнатою Лидіи Петровны; когда Катерина укладывала спать свою питомицу, Егоръ Александровичъ сидѣлъ у жены, разговаривая по-французски. Это былъ вообще обыкновенный въ домѣ языкъ.

Только одинъ этотъ вечеръ, кажется, и провелъ дома Егоръ Александровичъ въ теченіе зимы, если не считать двухъ вечеровъ, когда у него были гости. Почти всякой день, когда Пашенька собиралась уже идти ложиться спать и прощалась съ Лидіей Петровной, часу въ десятомъ, Егоръ Александровичъ являлся въ комнату жены уже во фракѣ и съ шляпой подъ мышкой. Перебросившись нѣсколькими французскими фразами съ женой, онъ пожималъ, а иногда и цаловалъ ей руку, и уѣзжалъ. Они сходились уже на другое утро, за завтракомъ.

Пашенька замѣчала, что иногда слова Егора Александровича, сказанныя имъ женѣ передъ уходомъ изъ дому, какъ-будто разстраивали Лидію Петровну; но она не понимала ни полслова, и потому иногда думала, что ошиблась.

Однажды, когда Егоръ Александровичъ простился и вышелъ изъ комнаты, дѣвочка такъ пристально устремила глаза на лицо Лидіи Петровны, что Лидія Петровна невольно спросила ее:

— Что ты такъ смотришь на меня, Поля?

— Ничего, отвѣчала Пашенька, но потупила глаза и покраснѣла.

— Поди ко мнѣ, дитя мое, сказала Лидія Петровна, взявъ дѣвочку за руку: — сядь тутъ.

И когда Пашенька сѣла около нея на диванѣ, Лидія Петровна стала гладить ее по головѣ и спросила:

— Ну, скажи мнѣ, Поля, о чемъ ты думала, какъ смотрѣла на меня?

— Я не знаю, мамѣ.

— Не правда, отвѣчала Лидія Петровна, какъ-будто желая хоть въ ребенкѣ найти себѣ повѣреннаго.

— Право, не знаю, сказала дѣвочка, робко взглядывая въ лицо Лидіи Петровны: — я думала, ты хочешь плакать.

Пашенька думала это и теперь: въ голосѣ Лидіи Петровны слышались слезы.

— Да, моя душечка, сказала Лидія Петровна: — я хочу плакать.

— Отчего, мамà?

— Оттого, дитя мое, что мнѣ больно, грустно, что я одна.

— Что ты въ гости не поѣдешь, мамà?

Но на этотъ вопросъ Пашенька не получила отвѣта, потому-что Лидія Петровна ужь плакала, закрывши лицо платкомъ. Пашенька тоже не могла удержать слезъ, хотя не понимала конечно, отчего онѣ наплывали ей на глаза. Слезы ребенка заставили Лидію Петровну прийти немного въ себя; но послѣ двухъ-трехъ словъ утѣшенія, обращенныхъ къ Пашенькѣ, она еще больше расплакалась. Она обнимала и целовала продолжавшую плакать дѣвочку, и казалось находила какое-то странное утѣшеніе въ томъ, что дѣвочка на вопросы ея: «жалъ тебѣ меня, Поля?» отвѣчала: «жалъ!»

Заплаканная ушла Пашенька и въ свою спальню, и только понапрасну встревожила свою няньку.

— Что это съ тобой, моя радость? Объ чемъ это ты? спрашивала Катерина. — Кто тебя обидѣлъ?

— Никто, отвѣчала Пашенька.

— Чтожъ у тебя глазки-то красные? Объ чемъ плакала?

— Мама плакала, мнѣ и стало ее жалко, отвѣчала дѣвочка.

— Э! полно, радость ты моя! всѣхъ не нажалѣешься? У мамы можетъ горе какое есть; ну поплачетъ немножко— и все пройдетъ. А тебѣ-то что плакать? Вотъ развѣ самой скучно.... Скучно вѣдь тебѣ, родная? И подружекъ-то нѣтъ, поиграть-то не съ кѣмъ.... Скучно? а!

— Нѣтъ.

— Ужъ какое нѣтъ! Знаю я.... Надо вотъ Лидіи Пет-

ровнѣ сказать, чтобъ тебѣ товарку хоть какую нашла. Куклы.этакія у тебя хорошія, дорогія; а играть не съ кѣмъ.

Куклы у Пашеньки въ самомъ дѣлѣ были ужъ не такія жалкія, какъ въ монастырѣ; но всю зиму проиграла она въ нихъ одна, большею-частію около Катерины, сидѣвшей въ спальнѣ ея за какою-нибудь работой.

Любовь Лидіи Петровны къ Пашенькѣ была самая бездѣлительная любовь. Въ первое время она почти не отпускала дѣвочку отъ себя; сама шила ей платья, сама причесывала и завивала ей волосы, однимъ словомъ тѣшилась ею, какъ куклой. Но потомъ она стала рѣже говорить съ нею, меньше ею заниматься, и даже не подумала о томъ, чтобы хоть учить Пашеньку читать. Въ теченіе зимы Пашенька, что и знала, все позабыла.

Все время, которое Лидія Петровна не сидѣла за книгой или за какою-нибудь работой, она занималась музыкой, и надо сказать правду, она отлично играла на фортепіано. Въ музыкѣ Лидія Петровна находила въ одно и тоже время и исходъ и пищу своей постоянной печали. Съ этой печалью няньчилась она какъ со своимъ любимымъ дитятей. Проводивъ мужа, Лидія Петровна садилась за фортепіано и начинала пѣть. Пашенька обыкновенно засыпала подъ это пѣнье. Лидія Петровна пѣла чуть не до истержки, и ложилась въ постель почти всегда въ жару и съ красными отъ слезъ глазами.

Вскорѣ послѣ того вечера, какъ Пашенька расплакалась, глядя на слезы Лидіи Петровны, дѣвочкѣ пришлось опять быть свидѣтельницей сцены, которая можетъ-быть тоже заставила бы ее плакать, еслибъ она понимала, въ чемъ дѣло, и еслибъ Лидія Петровна въ самомъ началѣ не уснула ея спать. Но Пашенька, и улегшись въ постель, долго не спала и все тревожно прислушивалась къ разговору въ комнатѣ рядомъ.

Егоръ Александровичъ съ шляпой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ скорыми шагами; Лидія Петровна сидѣла прижавшись въ уголкѣ дивана. Голосъ ея переходилъ иногда какъ-будто въ плачь; Егоръ Александровичъ возвышалъ свой голосъ почти до крика. У Пашеньки духъ захватывало, словно

она ждала какой-то бѣды. Понимай она по-французски, она услышала бы вотъ какой разговоръ:

— Я тебѣ понять не могу, чего ты наконецъ хочешь, чего тебѣ недостаетъ, говорилъ Егоръ Александровичъ. — Проси, требуй, чего тебѣ нужно! Кажется, я никогда тебѣ ни въ чемъ не отказывалъ.

— Я ничего не хочу, слезливо отвѣчала Лидія Петровна.

— Ничего! Да вѣдь тошно видѣть этакую фигуру унынія постоянно передъ собой. Иной разъ дома бы остался, такъ бѣжишь, чтобы только не видать этихъ постоянно красныхъ глазъ. Кажется, всевозможныя развлеченія къ твоимъ услугамъ; средства есть, слава Богу. Нѣтъ, надо разыгрывать изъ себя какую-то непризнанную героиню à la Жоржъ Зандъ.

— Я ничего не разыгрываю, и прошу только, оставь меня въ покоѣ.

— А я и не оставляю, потому-что это наконецъ чортъ знаетъ что такое! это отравя всей жизни. Изъ-за тебя я почти со всѣми знакомыми разошелся. Скажи пожалуйста, какого тебѣ еще общества надо? Можетъ быть въ романахъ твоихъ пишутъ о какомъ-нибудь другомъ обществѣ, или во Франціи тамъ особенные люди.... Ну, поѣзжай за границу! Возьми денегъ — сколько хочешь, я не жалѣю. Найди себѣ тамъ Манфреда какого-нибудь! Я, повѣрь, и ревновать не буду, только бы онъ осушилъ твои вѣчныя слезы.

— А ты часто ихъ видишь?

— Жаль, что не каждую минуту. Вотъ толковала тоже, что скучаешь оттого, что дѣтей нѣтъ. Ну, взяли дѣвочку. И что же? Занялась два дня, а потомъ и бросила. Ужь ты бы лучше совсѣмъ въ кухнѣ ее поселила. Ея и не видать что-то нынче. Видно мы въ мечтахъ только на все горазды. Вотъ было бы мило, еслибъ по просьбѣ твоей, я тогда согласился и брата-то ея взять. Нечего сказать, дали бы ему образованіе, было бы за что поблагодарить въ послѣдствіи.

Лидія Петровна молчала, потому-что чувствовала много правды въ словахъ мужа; а между-тѣмъ сердце въ ней кипѣло досадою и по щекамъ катились слезы.

— Мы только на одно способны, продолжалъ Егоръ

Александровичъ, бѣгло взглянувъ въ лицо жены:—проливать слезы надъ своимъ небывальными несчастіями. Я бы, право, самъ готовъ отыскать кого-нибудь, чтобъ ты хоть влюбилась, что ли; можетъ быть заняло бы тебя что-нибудь, изсякъ бы твой слезный источникъ. Хочешь, я тебѣ десятка два офицеровъ привезу, выбирай любаго.

Лидія Петровна ужь рыдала.

— Впрочемъ, и то сказать, продолжалъ, не останавливаясь и не смущаясь этими рыданіями, Егоръ Александровичъ:—ты и любить также способна, какъ дѣтей воспитывать. Жаль мнѣ, право, смотрѣть, что выйдетъ изъ этой дѣвочки. Не только образованія какого-нибудь — этого ужь и ждать нечего, а пожалуй и грамотѣ не выучатъ. Некогда — слезы все время отнимаютъ. И я дуракъ! кажется, довольно знаю твой милый характеръ; нѣтъ, нужно было согласиться взять воспитанницу.

— Да вѣдь она еще совсѣмъ ребенокъ, учить ее рано, проговорила чуть слышно Лидія Петровна.

— Конечно! Тебѣ и тѣмъ некогда завятыся, чтобы она хоть слово по-французски знала. Когда же плакать-то станешь? А тамъ, будетъ дѣвочка побольше, сунемъ ее въ пансіонъ куда-нибудь — и прекрасно. Взяли на себя обязанность воспитать, и воспитали; чего же еще больше? Я какъ вспомню, что ты рассказывала, какъ собиралась взять дѣвочку, такъ у меня вся жолчь подымется. Только оттого, видите, и слезы были, и недовольство, что не на кого обратить своего пламеннаго, любящаго сердца. Вотъ и доказательство теперь есть. Образовывайте изъ нея такую плаксу, какъ сами; будетъ вамъ весь вѣкъ благодарна. Смотрѣть-то тошно! Такъ и бѣжалъ бы изъ дому на край свѣта.

Егоръ Александровичъ ударилъ шляпой по столу и ушелъ; на этотъ разъ онъ и руки не подалъ Лидіи Петровнѣ.

Во всемъ, что онъ говорилъ, Егоръ Александровичъ былъ неправъ развѣ только потому, что собирался ѣхать въ этотъ вечеръ къ какой-то камелии. Но Лидія Петровна этого не знала, и могла бы кажется признать достоинство справедливости за каждымъ словомъ, высказаннымъ ей мужемъ. Къ несчастію малодушныя натуры убѣждаются всегда только на

половину: рядомъ съ сознаниемъ въ своей виновности въ нихъ возникаютъ обыкновенно всевозможныя оправданія, которыми подчасъ и совершенно уничтожается сознание. Лидія Петровна, оставшись одна, принялась передумывать каждую фразу мужа, и, не умѣвши оправдаться передъ нимъ, оправдала себя передъ собой до такой степени, что причислила себя къ несчастнѣйшимъ въ мѣрѣ женщинамъ. Это, разумѣется, не способствовало къ осушенію ея слезъ. Увы! даже особенно мѣткія замѣчанія Егора Александровича не произвели желаннаго дѣйствія; наиримѣръ хоть бы замѣчаніе объ опредѣленіи дѣвочки въ пансіонъ. Лидія Петровна забыла напомнить себѣ, что она уже раза два объ этомъ думала.

Тѣмъ не менѣе черезъ день или черезъ два (а никакъ не на другой, потому-что это было бы сознаниемъ своей виновности) Лидія Петровна вздумала заняться съ Пашенькой ученьемъ. Это была минутная вспышка; черезъ нѣсколько дней учить дѣвочку Лидіи Петровнѣ наскучило такъ-же, какъ наскучило Платону Николаевичу просматривать и провѣрять арифметическія задачи Васи.

Изъ всего, что до-сихъ-поръ знаетъ читатель о Лидіи Петровнѣ, можно, пожалуй, заключить, что она ни съ кѣмъ не зналась въ городѣ. Но это не совѣтъ такъ. Кромѣ знакомыхъ ея мужа, большею частью военныхъ, отставныхъ или на службѣ, да разныхъ откупщиковъ и спекулянтовъ, которые посѣщали часто Лидію Петровну по утрамъ, а иногда и обѣдали у Дубровскихъ, у нея было нѣсколько знакомыхъ дамъ, и между ними даже двѣ пріятельницы, которымъ Лидія Петровна повѣряла свои страданія. Особенно довѣренностію и дружбой ея пользовалась дѣвушка одного съ нею выпуска, Мари Шумская, хорошенькая, полненькая блондинка, къ которой какъ-то вовсе не шло плаксивое сочувствіе къ несчастіямъ Лидіи Петровны. Можетъ-быть впрочемъ Мари и не особенно сочувствовала ей, и только потому съ такимъ вниманіемъ слушала свою пріятельницу, что ей и самой нужно было повѣренную для своихъ горестей. Мари была дѣвушка бѣдная, жила у дяди, и терпѣла, по ея словамъ, ужасы.

Какъ-то подь конецъ зимы она пріѣхала къ Лидіи Петровнѣ совсѣмъ разстроенная.

— Ты не повѣришь, Лиди, что я терплю! заговорила она, бережно снимая шляпку и поправляя пышно взбитые волосы. — Это наконецъ невыносимо!

— Что съ тобой, Мари? спрашивала Лидія Петровна.

— *Imagine toi, chère amie*, отвѣчала Мари, усаживаясь и расправляя свое платье: — сегодня *mon cher oncle* не постыдился упрекнуть меня тѣмъ, что я живу у него, не выхожу замужъ. Ты не повѣришь, *ma chère*, какъ я плакала. Я убѣжала поскорѣе изъ дому. Мнѣ такъ противно, такъ гадко тамъ, что я не знаю, чтò бы съ собою сдѣлала.

— Бѣдная моя Мари! простонала Лидія Петровна, чувствовавшая едва-ли не болѣе Мари ея горе.

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать! Я не хочу оставаться въ этомъ противномъ домѣ! говорила Мари. — Научи меня, *chère amie*, что мнѣ дѣлать?

— Что я могу тебѣ сказать?... Ты знаешь...

— Я хочу пойти въ гувернантки. Чтожъ! нечего дѣлать. Конечно тогда ужъ я не могу рассчитывать на хорошую партію (голосъ у Мари нѣсколько дрогнулъ); но...

— Знаешь, что, Мари, воскликнула вдругъ Лидія Петровна, какъ-бы внезапно осѣненная гениальною мыслью: — какъ бы я желала, чтобы ты жила со мной — кстати бы ты занималась немножко съ Полей... Я рѣшительно не могу... *Tu serais enfin somme gouvernanante*, потому-что иначе какъ же тебѣ переѣхать отъ дяди.

— Ахъ, душа моя, воскликнула въ восторгѣ Мари: — какъ бы я была рада! *Mais je ne voudrais rien de mieux*. Мы бы всегда были вмѣстѣ. *Ah! que cela serait charmant!*

— Одно, *chère amie!* ты знаешь... Еслибъ это зависѣло отъ меня одной.

— Егоръ Александрычъ не *dira pas un mot contre*.

— Ахъ, душа моя, ты не знаешь его.

— Онъ будетъ радъ, что ты не будешь вѣчно одна; онъ и такъ желаетъ доставить тебѣ развлеченіе. Ты только скажи, *et tu verras...*

— Я и сказать-то боюсь, Мари. Онъ и такъ нападаетъ на меня, что я не учу дѣвочку сама. А тутъ...

— Ты сама не можешь, ma chère; развѣ это не видно? Для этого надо совсѣмъ другой характеръ. И притомъ Поля — *c'est comme si c'était ton propre enfant...* Свою какъ-то и учить не умѣешь. Вотъ и я съ сестрой никакъ не могу заниматься... *Avec tout le bon vouloir je ne fais rien.*

Это неожиданное предположеніе очень обрадовало Лидію Петровну, и она съ большимъ удовольствіемъ представляла себѣ время, когда Мари будетъ ея постоянною собесѣдницей. Она только сомнѣвалась, осуществится ли это, и какъ-то боялась заговорить съ мужемъ.

Наконецъ она выбрала удобную минуту и сказала о своемъ желаніи Егору Александровичу. Противъ всякого ожиданія, Егоръ Александровичъ согласился, хотя притомъ пожалъ плечами и какъ-то странно улыбнулся.

III.

Егоръ Александровичъ мало обращалъ вниманія на пріятельницу своей жены до переѣзда ея къ нему въ домъ, хотя она и была, по собственнымъ словамъ его, въ его вкусѣ: онъ вообще любилъ полненькихъ, кругленькихъ блондинокъ съ большими веселыми глазами. Когда Марья Павловна поступила въ гувернантки Пашеньки, Дубровскій побольше всмотрѣлся въ нее, и сталъ съ нею любезенъ, какъ прежде никогда не бывалъ. Это происходило, должно полагать, изъ признательности за то, что Марья Павловна нѣсколько оживила постоянно господствовавшій въ домѣ мракъ. Бывало, когда у Дубровскихъ не обѣдало гостей, трудно было представить что-нибудь непріятнѣе обѣда вдвоемъ Егора Александровича и Лидіи Петровны (Пашеньку конечно нечего считать); во все продолженіе обѣда супруги или натянуто молчали или вели еще болѣе натянутый разговоръ. Теперь живой разговоръ не умолкалъ за столомъ. И Лидія Петровна значительно повеселѣла. Марья Павловнѣ удавалось довольно часто увлекать ее въ театръ; разъ увлекла она ее даже въ маскарадъ. Лидія Петровна совсѣмъ потерялась въ толпѣ,

потеряла и свою пріятельницу (которая поѣхала въ маскарадъ вѣроятно не безъ цѣли) и такъ соскучилась, что дала себѣ слово въ другой разъ никогда не надѣвать маски и дошшо.

Въ томъ, что Лидія Петровна стала меньше прежняго плакать, была главная польза присутствія въ домѣ Дубровскихъ Марьи Павловны. Спеціальная цѣль ея, воспитаніе Пашеньки, достигалась плохо. Марья Павловна была едва-ли способнѣе Лидіи Петровны для занятій съ дѣвочкой. Все ученье Пашеньки заключалось въ томъ, что каждое утро она читала по двѣ страницы изъ русской и изъ французской книги, и учила наизусть по четыре строчки какихъ-нибудь стиховъ. По-французски Пашенька выучилась довольно скоро, потому-что на другомъ языкѣ Марья Павловна съ пей не говорила.

Пришло лѣто. Дубровскіе переѣхали на дачу. При ней былъ довольно большой садъ, общій съ смежною дачей, и Пашенька могла играть теперь съ дѣтьми сосѣдей, двумя дѣвочками почти однихъ съ нею лѣтъ. По случаю лѣта Марья Павловна находила не лишнимъ сократить отчасти учебныя занятія, и заставляла ее читать уже по одной страницѣ, а стихи повторялись только прежде выученные.

— Знаешь, что, ма сѣге, сказала какъ-то вскорѣ послѣ переѣзда на дачу Марья Павловна своей пріятельницѣ: — я нахожу, что ты совсѣмъ несправедлива къ Егору Александрычу.

— А что? спросила Лидія Петровна.

— Ты жаловалась постоянно, что онъ не живетъ дома, что ты для него какъ-будто не существуешь.

— Да развѣ это не правда? стремительно перебила Лидія Петровна.

— Конечно, нѣтъ; вотъ сколько времени уже онъ не выѣзжалъ.

— Да, потому-что теперь лѣто, что мы живемъ на дачѣ. Къ кому онъ станетъ ѣздить въ городъ? Et puis...

Лидія Петровна замялась.

— Что, что такое? вскричала Марья Павловна.

— Я хотѣла сказать, что и это не надолго, отвѣчала не

совсѣмъ увѣренно Лидія Петровна: — что ему скоро надоѣсть... сидѣть на дачѣ.

— Нѣтъ, ты не то хотѣла сказать, возразила Марья Павловна, глядя испытующимъ взглядомъ на Лидію Петровну: — ты говоришь не то, что думаешь. Я этого не ждала отъ твоей дружбы.

— Божусь, я не думала ничего другаго, отвѣчала Лидія Петровна, какъ-будто нѣсколько смущаясь.

— Вѣрю, сказала съ явной досадой Марья Павловна.

— Не сердись, Мари! воскликнула умоляющимъ тономъ Лидія Петровна: — ради Бога, не сердись! я такая, право, глупая: иногда я Богъ знаетъ что придумываю, что воображаю.

— Я и не сержусь, отвѣчала Марья Павловна, замѣтно сердясь.

Лидія Петровна взяла ее за руку.

— Я скажу тебѣ, изволь, что я думала; но это у меня такъ только въ головѣ мелькнуло; я этому не вѣрю, не хочу вѣрить.

— Ты ревнуешь меня къ Егору Александрычу, сказала Марья Павловна, пристально глядя на Дубровскую.

— Non, non, с'èге amie, я только думала, что Жоржъ потому нынче сидитъ больше дома, чѣмъ прежде, что ему уже не такъ скучно, что ты умѣешь лучше меня занять его.

— Продолжай! продолжай! сказала Марья Павловна, когда пріятельница ея замолчала.

— Только, и больше ничего, отвѣчала Лидія Петровна.

Глаза Марьи Павловны приняли грустное выраженіе.

— Отчего не скажешь ты мнѣ прямо, что тебѣ непріятно мое присутствіе въ твоемъ домѣ? спросила она. — Кажется, мы достаточно дружны. Впрочемъ теперь нечего и говорить объ этомъ. Я не могу оставаться у тебя...

— Мари, что ты? полно! Мари!

— Я думала, что, живя съ тобой, доставлю тебѣ удовольствіе, развлеченіе, вышло на оборотъ. Что дѣлать! Я не знала тебя до-сихъ-поръ.

Лидія Петровна уже плакала. Она жала руки Марьи Павловны и умоляла ее забыть ея глупыя слова.

— Нѣтъ, душа моя, отвѣчала Марья Павловна: — Я не могу оставаться у тебя, я должна искать себѣ другаго мѣста... Боже мой! и зачѣмъ я была такъ глупа! Еслибъ я только знала...

Дѣло впрочемъ черезъ пять минутъ уладилось. Пріятельницы объяснились и помирились. Марья Павловна осталась.

Надо правду сказать — прелестная Марья Павловна сильно кокетничала съ Егоромъ Александровичемъ, и онъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ къ ея кокетству. Послѣ переданнаго нами разговора между двумя пріятельницами, Мари вдругъ накинула на себя неприступную холодность. Она мало и какъ-будто неохотно говорила съ Егоромъ Александровичемъ; даже, казалось, стала избѣгать частыхъ съ нимъ встрѣчъ. Вечерами, послѣ чая, когда Лидія Петровна, боясь петербургской дачной сырости и простуды, сидѣла въ комнатѣ, Марья Павловна гуляла по саду, и Егоръ Александровичъ былъ обыкновенно ея кавалеромъ. Тутъ она вдругъ прекратила свои прогулки.

Это было сдѣлано не совсѣмъ ловко; но на замѣчаніе Лидіи Петровны, отчего это она не гуляетъ, Марья Павловна отвѣчала: «ты права, та снѣге; Егоръ Александровичъ точно интересуется мной; поэтому я и не хочу ходить въ садъ. Зачѣмъ давать ему поводъ? Когда онъ отвыкнетъ видѣть меня по вечерамъ въ саду, тогда, пожалуй, я стану опять ходить».

Егоръ Александровичъ былъ по видимому не только не доволенъ, но и озабоченъ такою переменною въ поведеніи Марьи Павловны. Не знаю, спрашивалъ ли онъ ее, почему она не ходитъ въ садъ, и объяснила ли ему что Марья Павловна; только въ теченіе слѣдующихъ десяти дней Егоръ Александровичъ разъ пять проводилъ вечера не у себя на дачѣ: то ему въ городъ было нужно, то на дачу къ знакомымъ его звали. Марья Павловна говорила Лидіи Петровнѣ:

— Вотъ видишь, та снѣге! А ты еще говорила мнѣ...

— Ахъ, прости меня, Мари! Я вижу, что была глупа. Онъ никогда и не ухаживалъ за тобой.

— Не ухаживалъ — точно, но все-таки я замѣчала...

— Ахъ, нѣтъ! ты ошибалась! Онъ со всѣми такъ любезенъ.

— Изъ-за чего же ты такъ огорчалась тогда?

— Ахъ! я говорю тебѣ, что я была глупа.

И Марья Павловна опять стала гулять вечерами въ саду. Въ первый же вечеръ къ ней присоединился Егоръ Александровичъ, и они долго ходили и вели самый оживленный разговоръ о чемъ-то. Въ саду не было никого, но тѣмъ не менѣе разговоръ этотъ происходилъ довольно тихо, чуть не шопотомъ.

Егоръ Александровичъ пересталъ впрочемъ быть постояннымъ собесѣдникомъ Марьи Павловны. Раза два, а иногда даже и три въ недѣлю, онъ не сопровождалъ ее въ садъ, а уѣзжалъ съ дачи.

Лидія Петровна окончательно успокоилась, и такъ время шло мирно до самой осени.

Не за долго передъ отъѣздомъ съ дачи случилось, однакожь, происшествіе, не совсѣмъ пріятное для нѣжнаго сердца Лидіи Петровны.

Осень въ этотъ годъ была не по-петербургски хороша. Темные вечера были часто такъ теплы, что Лидія Петровна не закрывала оконъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ она подошла къ окну, подъ которымъ шла тропинка изъ сада къ террасѣ дачи. Она услышала шаги. Егоръ Александровичъ и Марья Павловна возвращались изъ сада. Ничего бы, еслибъ она услышала только шаги; но она слышала и слѣдующія слова, проговоренныя полу-шопотомъ:

— Что у нихъ? спрашивала Марья Павловна вѣроятно про дачныхъ сосѣдей.

— Вѣрно именины или что-нибудь подобное.

— Сколько гостей собралось!

— Et pas un seul petit baiser aujourd'hui!

— Тсс... завтра.

Это «тсс...» было сказано поздно. Егоръ Александровичъ и Марья Павловна застали Лидію Петровну уже въ истерикѣ.

Черезъ день гувернантки у Пашеньки не было. Лидія Петровна по-прежнему стала плакать и не учила дѣвочку.

Послѣ года бездѣйствія Пашенька поступила въ пансіонъ. На этотъ разъ Егоръ Александровичъ не только не противорѣчилъ Лидіи Петровнѣ, опъ даже ни слова не сказалъ.

IV.

Вася былъ уже въ шестомъ классѣ гимназій, когда съ благодѣтельницаю его случилось несчастье — отнялась правая нога. Несчастье это не произвело, кажется, ипкакого непріятнаго впечатлѣнія ни на Васю, ни на Платона Николаевича. Горько было оно только для Агаѣи Максимовны. Ей приходилось сидѣть цѣлый день на мѣстѣ, и не только на антресоли, даже въ кухню не могла она заглядывать. Кажется, и причинъ сердиться было меньше теперь, но Агаѣя Максимовна стала сердиться чуть ли не вдвое чаще и больше прежняго.

Особенно рѣзкихъ переменъ въ домашнемъ быту Платона Николаевича въ теченіе этихъ шести слишкомъ лѣтъ не происходило; а что и переменилось, переменилось исподволь, постепенно, почти незамѣтно. Незамѣтно выросъ Вася и норовилъ скоро сравняться ростомъ съ благодѣтелемъ; незамѣтно забралась сѣдина въ бакенбарты Платона Николаевича, и незамѣтно клонился съ каждымъ днемъ къ упадку его локонъ, завитой съ праваго виска, и утрачивалъ свое подобіе съ сосиской. Вася просидѣлъ въ четвертомъ классѣ два года, и сколько ни увѣрялъ Платона Николаевича въ пользу, которую принесетъ ему лпшній годъ, проведенный въ классѣ, Платонъ Николаевичъ не повѣрилъ, и выразился очень жолчно: «Какая тутъ польза! Полезно было бы, кабы ты годомъ раньше вышелъ. А то — чортъ знаетъ какую тамъ пользу нашелъ. Въ профессора, что ли, собираешься идти, съ твоей-то лѣнью? Оно и кстатп! Полезно, полезно! Пора бы и честь знать — на чужихъ-то плечахъ сидѣть. Могъ бы ужъ и самъ хлѣбъ добывать». Платонъ Николаевичъ сталъ гораздо строптивѣе въ послѣднее время, и часто нападалъ на племянника, обыкновенно попрекая его своимъ благодѣніемъ и его неблагодарностью. Вася никогда не отвѣчалъ на эти попреки, и только зло косился на своего бла-

годѣтеля; но трудно представить, какая ненависть къ Платону Николаевичу кипѣла у него въ сердцѣ: онъ готовъ-бы былъ броситься на него и растерзать его на части. Почти такъ-же враждебно смотрѣлъ Вася и на Агаею Максимовну; къ непріязненному чувству его, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ могъ защищать темный пушокъ надъ верхней губой, прибавилось еще и презрѣніе. Само собою разумѣется, такое пріятное чувство не могло возбуждать и въ Агаеѣ Максимовнѣ особой симпатіи къ племяннику; но и ей было главнымъ образомъ досадно, что племянника такъ долго приходится кормить обѣдомъ и пить чаемъ, а тамъ, что онъ чувствуетъ — все равно. Впрочемъ еще одно злило ее въ племянникѣ. Какъ нѣкогда сына, стала она теперь и Васю подозрѣвать въ нѣжной склонности къ Василисѣ, которая стала тѣмъ-временемъ толще печи и, кажется, не представляла особенной привлекательности. Справедливость требуетъ сказать, что Вася, встрѣчаясь иногда съ Василисой въ узкомъ корридорѣ, сталкивался съ нею очень близко; но это происходило вѣроятно только отъ толщины Василисы и отъ узости корридора; хихикала же она при подобныхъ встрѣчахъ только по глупости. Вася, чѣмъ больше выросталъ, становился все некрасивѣе, и все худѣлъ. Отчего онъ худѣлъ, неизвѣстно, можетъ-быть отъ росту, а можетъ-быть и оттого, что курилъ очень много и за неимѣніемъ денегъ курилъ самый дешевый, крѣпкій кучерской табакъ, конечно потихоньку. Учился онъ довольно плохо, и изъ числа товарищей главными пріятелями его были только два отъявленные лѣнтяи и негодяи. Одинъ, Алеша Пирожковскій, былъ единственный сынъ совѣтника казенной палаты по питейному отдѣленію, баловень и всегда съ полнымъ бумажникомъ. Другой, Андриуша Канюковъ, такой-же сирота, какъ и Вася, отличался наравнѣ съ Шавровымъ совершеннымъ равнодушіемъ относительно своей будущей судьбы: учился кой-какъ и никогда не думалъ, что изъ него выйдетъ современемъ. Съ нимъ Вася былъ дружнѣе, чѣмъ съ Пирожковскимъ, и оба старались извлекать всевозможныя выгоды изъ богатаго пріятеля: погулять на его счетъ, признаться у него денегъ или обыграть его въ карты. Почти при каждомъ свиданіи

происходила между ними картежная игра; всё трое сильно къ ней пристрастились. Богатый товарищ обыкновенно оставался въ проигрышѣ, оттого ли, что всегда черезъ-чуръ горячился, или оттого, что два партнера его играли вдвое лучше, чѣмъ онъ. Въ дружеской компаніи Вася былъ вовсе не такой дикарь, какъ подъ родственной кровлей Платона Николаевича: онъ не только участвовалъ въ разныхъ забавахъ своихъ друзей; но и самъ иногда изобрѣталъ разныя похощенія. Глядя на него, можно было предположить, что со временемъ онъ можетъ быть для извѣстнаго круга даже «душою общества». Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ могъ выходить изъ дому безъ провожатаго, онъ уже и не заглядывалъ на Новыя-мѣста, къ знакомымъ Евграфа.

Одною изъ самыхъ замѣтныхъ переменъ въ домашнемъ быту Войлоковыхъ было исчезновеніе Евграфа. Не даромъ съ давнихъ поръ, куда бы ни посылали его, онъ сворачивалъ съ дороги и хоть на минутку забѣгалъ на Новыя-мѣста; не даромъ засматривался онъ тамъ на хорошенькую горбылевскую Машу и употреблялъ всевозможныя старанія повратиться ей. Старанія были безплодны, потому-что въ Евграфѣ и нравиться-то было нечему; но онъ не унывалъ, ежедневно почти, пренебрегая бранью Агаѣи Максимовны и Платона Николаевича, отправлялся на Новыя-мѣста, покупалъ ленточки, платочки и тому подобныя обновки хорошенькой Машѣ, потчивалъ ее орѣхами и пряниками. Года черезъ два послѣ того, какъ Вася былъ въ первый разъ въ домѣ старика Горбылева, солдатъ захворалъ и умеръ. Въ немъ Евграфъ видѣлъ главнаго своего доброжелателя, и рассчитывалъ, что какъ дѣвочка подростеть, отецъ безпрекословно выдастъ ее за него замужъ. Съ матерью Евграфъ былъ тоже друженъ; но въ ней приходилось теперь закивать больше прежняго. Само собою разумѣется, смерть хозяйна много измѣнила въ домѣ. Горбылиха, какъ баба молодая еще и свѣжая, не осталась конечно безъ утѣшителей, и это было не совсѣмъ по праву Евграфу. Однажды онъ рѣшился даже замѣтить ей это.

— Подрастаетъ дѣвушка-то, Фекла Алексѣвна, сказалъ онъ: — скоро придется замужъ отдавать.

— А чтожь! и ладно. Ее отдамъ, да и сама замужъ выду.

— Не поздно ли будетъ?

— Что за поздно? Развѣ я старуха по твоему?

— Старуха не старуха, а вонъ ужь дочь-то какая.

— Чтожь! дочери-то всего шестнадцатый годокъ — не Богъ знаетъ сколько.

— Семнадцатый.

— Ну, семнадцатый. И то не много.

— Скорѣе бы ее замужъ-то выдавать.

— Куда торопиться-то? Не бойсь, не засидится. Али плоха дѣвка-то, по твоему? Никакъ и глаза-то на нее проглядѣхъ.

— Чтò и говоритъ! всякой скажетъ—красавица. А все бы—дѣло это такое—все бы замужъ-то вышла, лучше бы.

— А дома-то чтò?

— Балуется.

— Чѣмъ балуется-то?

— Примѣръ все-таки, значить, Оекла Алексѣвна.

— Чтò-о? Примѣръ? Ужь не я ли по твоему ей примѣръ даю дурной? Да съ какого ты мнѣ резону сказать-то это смѣль? А! Чтò ты мнѣ за указчикъ?

— По дружеству я больше, Оекла Алексѣвна, началъ оправдываться Евграфъ.

— Да пропадай ты и съ дружествомъ своимъ! велико сокровище! Вишь, указывать пришелъ. Да чтò, любовники у меня, что ли, завелсь какіе?

— Кто про это говоритъ, Оекла Алексѣвна! Какіе любовники?

— Ну такъ чегожь ты тутъ про примѣръ-то?

— Я больше на счетъ сосѣдей, а не то, чтобы въ домѣ.

— Не бойсь, прежде-то не было сосѣдей?

— Быть-то были, да у Машеньки возрастъ былъ не тотъ.

— Полно ужь ты вилить-то! И тогда, бывало, орѣхи дѣвчонка грызеть, али пряникъ ѣсть, такъ ты только и норовишь распросить, кто далъ да откуда. Женсь, коли больно ужь полюбилась!

— Чтожь, я отъ этого не прочь, отвѣчалъ съ разстановкой Евграфъ: — и не токмо-что не прочь, давно присматриваюсь, и тѣмъ было желательно дѣло покончить.

— Чѣмъ жену кормить-то будешь?

— Это напрасный спросъ, Оекла Алексѣвна. Вамъ извѣстно....

— Чтѣ мнѣ извѣстно? Мало ли ты чего наболтаешь — языкъ-то безъ костей. А тамъ, какъ сдѣлается дѣло, глядишь, самъ въ навозники, а жену въ судомойки.

— Этого зараньшс говорить нечего. Было бы дѣло на мази, показалъ бы, чтѣ есть, же на однихъ на словахъ.

— Больно, поди, много!

— Много не много, а есть пятьсотъ на ассигнаціи. Хотя бы лавочку, примѣромъ, открыть — съ полнымъ можемъ удоблетвореніемъ.

— Чтожь, женись!

— И радъ бы, Оекла Алексѣвна, въ рай....

— Такъ въ чемъ же грѣхи-то?

— За собой грѣховъ не вижу; только со стороны Машеньки никакого пріятства пѣтъ. На всякое мое слово поровнѣть больше супротивное чтѣ сказать.

— Не на шею же тебѣ повѣситься?

— Сами знаете, Оекла Алексѣвна, что этого и въ мысляхъ не имѣю; желательнѣе одно, чтобы въ женѣ любовь къ себѣ видѣть, а не то чтобы....

— Вольно жъ тебѣ ни слова не сказать. Самъ виновать. Сколько ходишь — хоть бы какъ промежъ другой рѣчи.

— Можно было, кажется, понимать, Оекла Алексѣвна.

— Все это дѣло неавственное.

Немедленно послѣ этого разговора, какъ только ушелъ Евграфъ, Оекла Алексѣвна сообщила дочери все, что было между ними сказано.

— Ни за что не пойду, отвѣчала на слова матери Маша: — съ лица противный, зубы выбиты.

— Эку бѣду какую пашла! возразила Горбылица. — За то, слышь, деньги есть; изъ услугъ бы вышелъ, лавочку бы открылъ. Ждла бы во все свое удовольствіе.

— Пуще всего, не найду я другаго-то жениха! Слава Богу, не клиномъ свѣтъ сошелся; есть и не ему чета.

— Смолоду-то все этакъ говорятъ: этотъ нехорошъ, тотъ неладенъ, а потомъ, глядишь, и не знай за кого рада выйти.

— Развѣ года-то мои ушли, что ли?

— Ну, не столкуешь съ тобой! Хоть-то ты на мысль возьми — сидите чуть не цѣлыя ночи за воротами, по улицамъ разгуливаете — того и гляди, грѣхъ еще какой случится.... И не убережешься.... А тамъ и покрывай его! отыскивай, поди, мужа! И этотъ же самый Евграфъ Семёнычъ отъ тебя рыло отворотить, даромъ что у самого зубы выбиты.

— Ну, а выдешь за него — какая отъ этого корысть?

— А та корысть, что вольный будешь человекъ. Что только на умъ пришло, что вздумала — никто тебѣ ни въ чемъ не помѣха. Баба значить, а не дѣвка.

— Вѣдь вотъ ты, маменька, за батюшку-то выходила — поди, любила его тоже!

— Какая любовь! боялась больше. Потомъ — нешто, привыкла.

Вечеромъ пришелъ къ Ѳеклѣ Алексѣевнѣ гость, который каждый день объ эту пору ходилъ. Какъ придетъ, Ѳекла Алексѣевна обратится къ дочери и скажетъ: «шла бы ты, Маша, за ворота — погуляла.» Маша уйдетъ, да до полночи и пропадетъ. Такъ и въ этотъ разъ.

V.

Дѣло было лѣтомъ. После жаркаго дня наступалъ прохладный вечеръ; солнце садилось за облака, но дождя ждать надо было развѣ къ утру.

Маша накинула себѣ на голову шелковый платочекъ, подвязала его бантикомъ на шеѣ, надѣла какую-то мантилью, купленную у торговки ношенными вещами, и пошла, тихо напѣвая, къ сосѣднему дому, о трехъ низенькихъ окнахъ, въ которыя очень было легко влѣзть съ улицы. Они были всѣ затворены. Въ одно Маша постучалась.

- Кто тамъ? раздался женскій голосъ.
- Ты что заперлась? Пойдемъ гулять! крикнула Маша.
- А вотъ погоди! сейчасъ! зайди въ горницу.
- Нѣту, я тутъ подожду. Да ты гдѣ? спрашивала Маша, приближая лицо къ окну.
- А вотъ я гдѣ; видишь, въ какомъ приборѣ! отвѣчала подошедшая къ окну молодая и недурная дѣвушка.
- Она оправляла на себѣ и зашнуровывала платье.
- Ты куда, Стеша, собралась? спросила Маша.
- А въ гости.
- Къ кому?
- Хочешь, вмѣстѣ пойдемъ, такъ и увидишь, къ кому.
- А я, было, думала, что мы пойдемъ, такъ, по улицамъ ходимъ.
- Чего такъ-то ходить? Пойдемъ со мной въ гости — звали меня... Весело будетъ.
- Да ты скажи, куда?
- Скажешь тебѣ, такъ ты, пожалуй, не пойдешь. Да погоди, я выйду сейчасъ.
- Да ты поскорѣе!
- Мигомъ.

И точно, Стеша мигомъ очутилась за воротами, въ поношенной шляпкѣ и въ бурнусѣ. Она была старше Маши годами пятью, и не смотря на пригожее личико, много проигрывала рядомъ съ нею. У Маши щеки были какъ румяное наливное яблочко — кажется, не ущипнешь; Стеша ужь завяла немножко.

- Ну, идемъ, сказала она, выходя.
- Да куда же? спросила опять Маша.
- Я тебѣ такъ нарочно только сказала, отвѣчала Стеша: — я не въ гости вовсе, просто погулять; и за тобой хотѣла забѣжать.
- Ну, пойдемъ.
- Дѣвушки пошли.

У Стеши была какая-то заученая походка: она выступала плавно, слегка покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Машѣ очень нравилась эта походка, и она стара-

лась подражать ей. Ей казалось, что какъ станешь такъ выступать, всякой подумаетъ — барышня идетъ.

— Ахъ, когда это у меня шляпка будетъ! воскликнула, пройдя нѣсколько шаговъ, Маша.

— Не Богъ знаетъ сколько на это нужно, отвѣчала Стеша: — особенно на такую-то, какъ моя. Да купи ее у меня: я не дорого возьму. Миѣ на новую обѣщали.

— Кто?

— А вотъ куда я тебя въ гости-то звала. Пойдемъ, что ли?

— Вотъ ужъ ты и опять! Да скажи толкомъ, въ гости ты идешь, или такъ?

— Маша, голубушка, пойдемъ со мной. Кабы ты видѣла, человѣкъ-то какой!

— Мужчина?

— Не то, что просто мужчина. — офицеръ.

— Ахъ, ни за что не пойду къ мужичиѣ.

— Да что онъ, съѣстъ тебя, что ли?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, боюсь.

— Вѣдь не звѣрь, и притомъ мой знакомый.

— Ты была ужъ у него?

— Была, и объ тебѣ сказывала.

— Обо миѣ-то что?

— А онъ спрашиваетъ: «Есть у васъ подруга?» Я говорю: есть. — «Приходите, говоритъ: вмѣстѣ съ подругой. Мы чаю напьемся, на гитарѣ поиграемъ.» — Какъ онъ на гитарѣ играетъ, кабы ты слышала.

— Ахъ, страхъ какой!

Стеша расхохоталась.

— Что на гитарѣ-то играетъ — страхъ.... Этакая ты право, чудная. Коль будешь все дома сидѣть, только одурѣешь — больше ничего; и обращенія никогда не будетъ такого, какъ прилично — по модѣ.

— Я, Стеша, вернусь, сказала Маша, останавливаясь на углу улицы.

— Полно! что ты, Маша! возразила Стеша, взявъ ее за руку. — Ну, не хочешь идти въ гости, такъ меня хоть проводи туда; а потомъ и пойдешь домой.

— Какъ я одна пойду — собакѣ еще, пожалуй, нападутъ.

— Развѣ ночь, что ли, теперь? И не Богъ знаетъ дорога-то какая далекая.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Да вонъ, въ Кривомъ переулкѣ — пятой домъ отъ угла. Пойдемъ.

— Ахъ, право, какая ты! проговорила Маша, но пошла съ своею пріятельницей.

Онѣ повернули въ Кривой переулокъ.

— Только ужъ я ни за что не пойду.

— Да чего ты боишься-то?

— Стыдно.

— Да развѣ я на что дурное тебя зову? Посидѣть-то, чаю-то выпить стыдно?

— А вдругъ кто увидитъ, что я тамъ была.

— Увидать некому, а и увидятъ, не бѣда: тутъ во дворѣ знакомая моя торговка живетъ; такъ будто къ ней ходили.

— Какъ бы, Стеша, не вышло чего?

— Нечему выйдти-то.

— Вдругъ обидитъ.

— А я-то на что буду? Развѣ я дамся въ обиду. Я ужъ не впервой иду.

— Стыдно все.

— Вотъ пустяки! Иди знай!

— Далеко еще?

— А вонъ домишко-то — трубка-то изъ окна торчатъ. Тутъ и есть.

Маша и шла и не шла. Она безпрестанно замедляла шагъ. Ей и хотѣлось пойти, и страшно было. Лицо у нея все разгасилось.

Трубка въ окнѣ исчезла. Вскорѣ послышалось бряпчанье гитары, и звучный баритонъ нѣсколько въ носъ запѣлъ:

Съ ней я зимой вечерами дѣлился,

Ею одною дышалъ я и жилъ;

Съ нею блаженство мое скоронилъ.

Онъ произносилъ: «съ нэй» и «дѣлился».

— Это онъ что ли поетъ? спросила Маша.

— Онъ.

— А какъ его звать-то?

— Викторъ Михайлычъ.

— А по фамилиі?

— Алексѣевцевъ.

— Молодой?

— Лѣтъ тридцати.

— Ахъ, я все боюсь, Стеша!

Онѣ стояли уже у воротъ дома.

— И посмотри ты, въ какомъ я платьѣ. Какъ я пойду? Кабы знать, я бы новое надѣла.

— Платье какъ платье; и смотрѣть-то никто не станетъ.

— Право, я не знаю, какъ....

— Чего тутъ толковать-то! Пойдемъ, что ли!

— Погоди, Стеша!

Но Стеша взяла свою пріятельницу за руку и увлекла ее въ калитку. Тутъ Маша перестала возражать, и пошла не говоря ни слова за Стешей. Сердце у нея немножко замирало. На крыльцѣ и въ сѣняхъ не было никого. Стеша съ фамилярностью домашняго человѣка отворила не большую дверку на право, и обѣ дѣвушки очутились въ прихожей.

«Дайте жъ скорѣй налитой мнѣ бокалъ!»

распѣвалъ тотъ же голосъ. Онѣ дѣлали какое-то особенное усиліе, произнося: «покалъ», а не «бокалъ».

Маша чувствовала, что хорошо бы убѣжать; но было уже поздно.

Прихожая была крошечная горенка, наполненная разнымъ домашнимъ хламомъ, сапогами, пустыми бутылками, нечищенымъ самоваромъ, щетками для платья и сапоговъ. Все это лежало и стояло на полу. Въ углу, на колченогомъ столѣ, былъ подносъ съ нѣсколькими стаканами и чайникомъ. Только и было тутъ мебели.

Маша управляла на себѣ платье и мантилью, а Стеша отворила дальнѣйшую дверь, и пѣніе прекратилось.

— А! воскликнулъ хозяинъ, идя на встрѣчу гостей:— а ужъ я думалъ, ты не придешь. Заждался совсѣмъ.

— А я не одна, отвѣчала Стеша.

— Не одна, ну, тѣмъ лучше. Кстати Сеня хотѣлъ придти.

— Маша! крикнула Стеша.

Маша опустила глаза, и вошла съ пылающими щеками.

— Милости прошу! милости прошу! приглашалъ Викторъ Михайлычъ. — Садитесь, да снимайте ваши салоны!

— Ничего-съ, проговорила Маша, мелькомъ взглянувъ на Виктора Михайлыча.

— Ахъ, да какая красавица, воскликнулъ онъ, и подско- чилъ къ ней. — Ну, а поцаловать можно?

— Какъ вамъ нестыдно! что вы? промолвила Маша, уклоняясь.

Смѣлая и не дававшая никому спуску, будь дѣло на улицѣ, она теперь не на шутку струсила.

— Вотъ ужъ и цаловаться сейчасъ!

— Вѣдь я извѣстный цаловальникъ.... ха! ха! ха! съос- трилъ Викторъ Михайлычъ.

— А то поцалуй его, Маша! Экая важность! Не убу- деть тебя отъ этого.

— Нѣтъ, полноте! продолжала говорить Маша, уверты- ваясь отъ объятій Виктора Михайловича.

Онъ однакожъ расправилъ свои густые черные усы и съ чрезвычайною ловкостью чмокнулъ Машу прямо въ горя- чія губы.

— Ахъ, что это, право! Я уйду! вскричала она.

— Ну, ничего, ничего! больше не буду, успокоилъ ее Викторъ Михайлычъ, и отошелъ.

Маша посмотрѣла на него.

Это былъ господинъ съ весьма незначительной смуглой физиономіей, съ нѣсколько вившимися черными волосами, гу- стыми усами, и запылившими глазами, небольшого роста, плотный и насквозь прокуренный жуковскимъ табакомъ. На немъ были широчайшіе нанковые шаровары, перетянутые туго ремнемъ и старенькій военный сюртукъ безъ эполетъ. Сюртукъ былъ растегнутъ и обнаруживалъ розовую клѣт- чатую холстинковую рубашку, безъ галстука.

Стеша между-тѣмъ распорядилась какъ дома, она сбро- сила съ себя бурнусъ, сняла шляпку и оправила волосы пе-

редь маленькимъ круглымъ зеркальцемъ на ножкѣ, стоявшимъ на одномъ изъ оконъ. Волосы на вискахъ были у нея накануне заплетены въ тонкія косички, и теперь пышно курявились.

— Что же ты-то не снимешь платка? обратилась она къ Машѣ.

— Нѣту, зачѣмъ? Я пойду сейчасъ.

— А я и не пушу! замѣтилъ мелькомъ Викторъ Михайлычъ, закуривая трубку.

Стеша подошла къ Машѣ, и начала съ нею шептаться. Эти таинственные переговоры кончились тѣмъ, что Маша сняла съ головы шелковый платокъ, сняла и мантилью.

Викторъ Михайлычъ сѣлъ къ окну, выставилъ трубку въ окно и пускалъ клубами дымъ.

— Чѣмъ же мнѣ васъ потчивать? сказалъ онъ, когда дѣвушки перестали шептаться.

Онъ свиснулъ.

— Главное, надо чаю велѣть сдѣлать.

Онъ ущемилъ трубку въ зубахъ, высвободилъ руки и захопалъ въ ладоши.

— Да что это Сени нѣтъ? Обѣщался быть.

— Придетъ еще, замѣтила Стеша.

Викторъ Михайлычъ отставилъ трубку въ сторону, и опять засвисталъ и захопалъ въ ладоши.

— Савка! крикнулъ онъ наконецъ нетерпѣливо и съ досадою: — Савка!

Никто не являлся.

— Фу, дьяволъ! проговорилъ онъ и пошелъ изъ комнаты.

— Ну, чего ты все ежишься, Маша! сказала Стеша. — Посидимъ, напьемся чаю, и пойдемъ. Нечего и бояться было.

— Все чего-то боязно, проговорила Маша. — У него одна горница-то? спросила она, оглядываясь въ комнатѣ.

— Нѣтъ, еще вонъ рядомъ спаленка маленькая, отвѣчала Стеша.

Комната, въ которой сидѣли дѣвушки, не представляла ни особеннаго изящества, ни комфорта. Стѣны были выклеены плохими обоями, которыя мѣстами отстали, потолокъ былъ выбѣленъ по дереву, полъ некрашеный; мебели-

ровка состояла изъ двухъ небольшихъ столовъ, стараго дивана безъ пружинъ и десятка плетеныхъ стульевъ. На одномъ изъ столовъ помѣщалась библіотека, состоявшая изъ оборваннаго до нельзя тома «Ста русскихъ литераторовъ» и разрозненной части сочиненій Марлинскаго. Между оконъ висѣла раскрашенная литографированная картина, изображавшая женщину въ чалмѣ, съ открытыми, несоразмѣрной величины грудями, и съ подписью *Одалиска*. Надъ одалисской болтался на гвоздикѣ черкесскій кинжалъ.

Викторъ Михайлычъ не заставилъ себя долго ждать, онъ черезъ минуту воротился, выбранилъ заочно Савку, сказалъ, что завтра же прогнать его, и вынулъ изъ стола синюю бумажку.

— Ну, вотъ, вѣдь слышалъ каналья, проговорилъ онъ сердито: — а нейдетъ. Савка!

Наконецъ явился и Савка. Это былъ малый лѣтъ двадцати, пухлый и лоснящійся, весь вымазанный сажей, въ сѣромъ холщевомъ казакинѣ.

— Гдѣ ты пропадаешь, болванъ? прикрикнулъ на него Викторъ Михайлычъ: — гдѣ это рожу-то раскрасилъ себѣ? Трубы, что ли, чистилъ?

— Самоваръ грѣю.

— На вотъ тебѣ деньги, сбѣгай, купи мадеры бутылку, да мушкетелю бутылку для барышень.

Савка покосился на нихъ.

— Ахъ, не надо! вскричали въ одинъ голосъ и Стеша и Маша: — зачѣмъ?

— Мушкетелю бутылку, слышишь? продолжалъ Викторъ Михайловичъ, не обращая вниманія на это возраженіе: — да сладкаго чего-нибудь... .

— Чего прикажете?

— Ну, финиковъ тамъ, что ли, ягодъ какихъ-нибудь, чего знаешь. Да зайди къ Крутикову. Ромъ есть у насъ?

— Есть еще немного.

— Ну такъ зайди къ Крутикову, скажи: баринъ, молъ, васъ ждетъ. Барышни у нихъ въ гостяхъ. Маршъ да живо!

— Слушаю-съ.

И Савка удалился.

— Хоть бы вы на гитарѣ сыграли, Викторъ Михайлычъ, да сѣли, сказала Стеша:— вотъ Маша охотница такая музыки послушать.

— Охотница? Я съ моимъ удовольствіемъ, согласился Алексѣевцевъ, и взялся за гитару.— А сами не поете? Какъ имечко?

— Маша.

— Не поете сами?

— Нѣтъ-съ, такъ, развѣ что для себя.

— И на гитарѣ не умѣете?

— Нѣтъ-съ.

— Хотите, стану учить? Мигомъ выучу.

— Вы, Викторъ Михайлычъ, чувствительное спойте, сказала Стеша:

— Развѣ «Гусарь на саблю опираясь»? Это, по твоему, чувствительная что ли?

— Нѣтъ, про гусара же, да другую.

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Викторъ Михайлычъ, заколотилъ по струнамъ гитары и запѣлъ:

«Вчера, за чашей пуншевою,
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.»

Еслибъ пѣсня и не такъ была чувствительна, Алексѣевцевъ способенъ бы былъ тронуть ею кого угодно — съ такимъ чувствомъ онъ пѣлъ. И безъ того маленькіе, глазки его совсѣмъ изчезли; онъ наклонялъ голову то въ ту, то въ другую сторону, а когда дѣло дошло до того, что «слеза повисла на рѣсницѣ, и канула въ бокалъ» (опять таки въ бокалъ, а не въ бокалъ), Викторъ Михайловичъ впалъ въ остервѣненіе какое-то. Онъ совсѣмъ закинулъ голову назадъ, такъ что показывалъ слушательницамъ только источникъ обворожительныхъ звуковъ, смуглое горло свое съ огромнаго размѣра адамовымъ яблокомъ, и билъ по струнамъ всею ладошью. Понятно, какъ хорошо вышли въ такомъ художественномъ пѣльи чувствительныя слова:

«Оставь, гусарь! Ахъ, сердцу больно!...
 Ты, знать, не горевалъ.
 Увы! одной слезы довольно,
 Чтобъ отравить покая.»

Послѣ этого пѣнія Маша опять начала шушукаться съ своею подругой, уговаривая Стешу отпустить ее домой; та едва уговорила ее остаться до чаю. Машу начиналъ ужъ страхъ брать: если и трезвый Викторъ Михайлычъ въ такой азартъ входитъ, чтожь будетъ, какъ онъ попотчуетъ себя мадерой, за которой пошелъ Савка.

Семень Андреечъ Крутиковъ не замедлилъ явиться по приглашенію. Этому юному прапору съ весьма скудной растительностью на верхней губѣ, приличіе какъ-то было именоваться просто Сеней, какъ и называлъ его другъ его штабсъ-капитанъ. Сеня былъ малый скромный, тихій, со всѣмъ не подстать отважному Виктору Михайлычу; но тѣмъ неменѣе между ними были самыя пріятельскія отношенія. Черноусый капитанъ и рюмки водки не могъ выпить, не пославъ предварительно за Сеней, если только тотъ не въ караулѣ. Росту Сеня былъ очень небольшого, довольно щедущный, рыжеватый, весь въ веснушкахъ, съ безцвѣтными глазами и толстыми губами, часто откашливался и плевалъ, и не выпускалъ изо рта трубки.

— Вотъ, имѣю честь представить моего друга, отрекомендовалъ Викторъ Михайлычъ. — Изволь куртизанить.

— Очень пріятно-съ, отвѣчалъ, усмѣхаясь, Сеня, и сѣлъ около Маши.

Куртизанить, впрочемъ, онъ и не начиналъ; только спросилъ Машу, гдѣ она живетъ, и замолкъ.

Пока Савка хлопоталъ въ передней съ чаемъ и съ прочимъ угощеньемъ, Викторъ Михайлычъ пропѣлъ для услады своихъ гостей еще пѣсенки двѣ-три — и съ особеннымъ одушевленіемъ «Въ горахъ я встрѣтила Черкеса» на тотъ же впрочемъ голосъ, что и «Вчера за чашей пуншевою».

Рому оказалось достаточно на пуншевую чашу и сегодня; съ помощью пунша и мадеры, Сеня сталъ поразвязиѣе, началъ заигрывать съ Машей, и когда Маша, выпивъ на скоро чашку чая и отказавшись отъ вина, не смотря на увѣ-

ренія Виктора Михайловича, что вино сладкое, дамское, пзъявила рѣшительное желаніе идти домой, Сеня непременно хотѣлъ отправиться провожать ее.

— Нѣтъ ужъ, извольте остаться, возразила ему Стеша.
— Я сама ее провожу.

— А ты-то какъ-же? спросилъ Викторъ Михайлычъ: — вѣдь ты придешь?

— А развѣ приходитъ?

— Разумѣется.

— Ну, ладно.

Маша стала повязывать платокъ.

— Вотъ вы, Семень Андрейчъ, крикнула Стеша:—куртизанить-то васъ взять, а вотъ купили бы у меня шляпку да подарили Машѣ; а я себѣ новую сошью.

— Перестань! что ты? останавливала ее Маша.

— А то вы на словахъ только, продолжала Стеша:— а какъ до дѣла дойдетъ, такъ вы и на понятный дворъ.

— Что жъ ничего-то не видя! возразилъ довольно храбро Сеня.—А впрочемъ пожалуй. Вотъ получу жалованье и куплю.

— Э! отвѣчала Стеша, махнувъ рукой: — я до вашего жалованья и шляпку-то изношу. — Ну, пойдѣмъ, Маша. Я мигомъ ворочусь.

— Прощайте-съ, сказала Маша хозяину.

— Прощайте, барышня! отвѣчалъ Викторъ Михайлычъ.
— Милости просимъ опять какъ-нибудь. Да не придете, пожалуй. Больно ужъ вы недотрога.

— Это она съ непривычки больше, Викторъ Михайлычъ, извинила ее Стеша.

И дѣвушки ушли.

VI.

Труденъ только первый шагъ, да и не всегда еще особенно труденъ; а тамъ и пойдетъ все какъ по маслу. Маша не ограничилась однимъ посѣщеніемъ къ Виктору Михайлычу: пошла и въ другой разъ, и въ третій, не такъ уже увертывалась отъ его поцѣлуевъ, попробовала однажды, какое

такое это сладкое дамское вино, отъ котораго не отказывается Стеша, и даже стала просить новаго знакомца своего, чтобы онъ поучилъ ее играть на гитарѣ. Викторъ Михайловичъ согласился, разумѣется, «съ моимъ удовольствіемъ» и урока въ четыре Маша могла уже акомпанировать себѣ «Гусара». Этимъ, впрочемъ, и ограничивались отношенія ея къ Виктору Михайлычу. Что касается Сени, Маша на него и вниманія не обращала. Да и не стоило: человѣкъ-то онъ былъ очень ужъ ничтожный; нечего и говорить, что объ обѣщаніи купить шляпку въ другой разъ и помину не было.

Стеша оказалась вскорѣ почему-то очень-недовольною своимъ штабс-капитаномъ, бранила его, на чемъ свѣтъ стоитъ, и вмѣсто того, чтобы идти вечеромъ къ нему, стала ходить съ Машей на публичное гулянье, въ загородный садъ, куда было рукой подать отъ Новыхъ-мѣстъ. Тамъ дѣвицы свели новыя знакомства, которыя вполнѣ вознаградили Стешу за неблагодарность Виктора Михайлыча. Какъ побывали онѣ въ гостяхъ у одного молодаго человѣка, жившаго на Дворянской улицѣ, въ своемъ домѣ, и попробовали у него петербургскихъ конфетъ и шампанскаго, то рѣшили къ Алексѣевцеву и не заглядывать. Пуще всего — не видали его финиковъ да дамскаго вина!

Вскорѣ послѣ этого знакомства у Маши явились и новая шляпка, и нѣсколько новыхъ платьевъ, и франтовскіе сапожки, и зонтикъ. Изъ недавней простенькой мѣщаночки она превратилась разомъ въ барышню. Окля Алексѣевна была очень этимъ довольна, потому-что дочь не разъ приносила ей денегъ.

Евграфъ, какъ извѣстно, могъ посѣщать горбылевскій домикъ на Новыхъ-мѣстахъ только въ послѣ-обѣденную пору, во время отдыха господъ; онъ заставлялъ Машу всегда дома, и ничего не могъ замѣтить. Маша, до разрыва Стеши со штабс-капитаномъ, была даже какъ-то особенно любезна съ Евграфомъ. Съ непривычки это сначала поразило его такъ, что онъ совсѣмъ растерялся, а потомъ онъ просто таятъ сталъ отъ каждаго милого слова Маши, и кажется, въ петлю бы полѣзъ, еслибъ она дала ему хоть разокъ поцѣловать себя. Онъ былъ влюбленъ не на шутку.

— Что́ это, Евграфъ Семенычъ, сказала разъ Маша, когда Евграфъ засталъ ее дома одну и такъ смутился, что чуть тотчасъ-же не ушелъ: — что́ это вы сидите всегда да молчите? Хоть-бы слово когда сказали.

— Что жъ мнѣ говорить, отвѣчалъ Евграфъ: — когда слова мои не берутся во вниманіе?

— Словъ-то нѣтъ, такъ значить и во вниманіе брать нечего.

Евграфъ собрался съ духомъ и прямо бухнулъ:

— Одно мое слово есть до васъ, и на него-бы желательно слышать отвѣтъ.

— А какое это слово?

— Такое, Марья Кириловна, что коли не видалъ васъ день — значить, все едино, не жилъ.

Маша засмѣялась; а у Евграфа сердце замерло.

— Будто ужъ я такъ вамъ понравилась?

— Всѣмъ своимъ дыханіемъ къ вамъ пристрастился, Марья Кириловна, проговорилъ Евграфъ, вытирая у себя потъ на лбу: — одно слово сказать — не жилъ бы безъ васъ.

Онъ махнулъ рукой, и добавилъ:

— Уста запекаются — говорить не могу.

Маша продолжала улыбаться, показывая Евграфу свои бѣлые и ровные, какъ жемчугъ, зубы.

— Что жъ! проговорила она наконецъ: — и я васъ люблю.

Чего еще болѣе! Евграфъ никакъ этого не ожидалъ. Хоть уста у него и запекались, какъ онъ говорилъ, однако онъ собрался съ духомъ и немедленно объяснилъ Машѣ свои намѣренія и передалъ ей свой разговоръ съ Ѳеклой Алексѣвной. Маша прямо объявила ему, что не прочь выйдти за него замужъ, только-бы онъ подождать до осени, побыль-бы женихомъ покамѣсть, а то такъ вдругъ и обвѣнчаться — страшно. Евграфъ былъ готовъ хоть годъ ждать; онъ не вѣрилъ своему счастью. Ему сильно хотѣлось поцаловать въ этотъ разъ Машу въ румяную щеку; но онъ не рѣшился ни прямо высказать желанія своего, ни даже намекнуть о немъ, — такъ и ушелъ домой.

На другой день онъ засталъ Ѳеклу Алексѣвну дома.

— Ты что безъ меня дѣвку-то сомущаешь? сказала она ему шутливо: — чего вы тутъ вчера съ толковали?

— Дѣло законное, отвѣчалъ Евграфъ съ радостной улыбкой: — по полюбовному согласію, Ѳекла Алексѣвна.

— Когда-жъ свадьба-то?

— Я готовъ во всякую минуту.

— Вишь, больно торопливъ. Хоть-бы сваху заслалъ. А то, пожалуй, на свадьбѣ и въ дружкѣ самъ пойдешь.

Евграфъ изъяснилъ-было желаніе хоть обручиться пока, чтобы дѣло было вѣрнѣе, но Ѳекла Алексѣвна замѣтила на это, что «когда рожь, тогда и мѣра».

— А, поди, вчера съ всѣ губы истрепали, цаловавшись? спросила она.

— И не прикасался, Ѳекла Матвѣвна, отвѣчалъ Евграфъ.

— Охъ, врешь, быть этого не можетъ.

— Вѣрите Богу!

— Ну-ка, при мнѣ попробуй! я посмотрю.

— На что, маменька? возразила Маша.

— Ну, безъ спору! ну!

Евграфъ благоговѣнно подступилъ къ Машѣ и нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ:

— Можно, Марья Кириловна?

— Что жъ не можно-то? отвѣчала Маша улыбаясь и подставила ему свои алыя губы.

Евграфъ поцѣловалъ ихъ, и сердце у него, кажется, совсѣмъ биться перестало.

— Не по-жениховски чего-то! замѣтила опытная Ѳекла Алексѣвна: — ну, да на первый разъ ладно.

Евграфъ ушелъ домой, замирая отъ блаженства.

Все шло такимъ-образомъ отлично, пока у Маши не завелись новыя знакомства. Она немедленно охладѣла къ мысли выйдти замужъ за Евграфа, и стала обращаться съ нимъ почти такъ же, какъ до извѣстнаго объясненія; о поцѣлуняхъ ужъ и помину не было. Въ ослѣпленіи любви Евграфъ не замѣчалъ ни новыхъ платьевъ, ни новыхъ манеръ Маши, и только огорчался однимъ — что она не даетъ ему поцѣловать себя. Ослѣпленіе это было такого рода, что онъ

разъ принесъ ей нарочно заказанные козловые башмаки, тогда-какъ Маша носила нынче прюнелевыя ботинки.

— Это ужъ ты маменькѣ подари, или какой другой невѣстѣ! сказала она Евграфу, наморщивъ лобъ и съ презрительною гримасой.

— Развѣ плохи башмаки? спросилъ Евграфъ.

— Можетъ, и хороши кому, да не мнѣ.

— Да отчего-жь?

— Стану я этакую дрянъ носить! у меня вонъ какія!

И Маша приподняла немного платье. У Евграфа въ глазахъ зарябило, когда онъ увидалъ маленькую ножку, обтянутую бѣлымъ какъ снѣгъ, тонкимъ чулкомъ, и въ щегольской ботинкѣ. Онъ завернулъ свои башмаки опять въ бумагу, въ которой принесъ ихъ, положилъ ихъ въ задній карманъ сюртука, неловко и на-скоро распрощался съ Машей и пошелъ какъ убитый въ Московскую улицу.

Подозрѣнія, которымъ давно-бы пора было пробудиться, закипѣли теперъ разомъ. Онъ началъ гнать отъ себя мысль о Машѣ, рѣшился и не заглядывать больше на Новыя-мѣста, и такимъ-образомъ все покончить. Но всѣ эти старанія и рѣшенія были напрасны: Евграфъ ни о чемъ, кромѣ Маши, думать не могъ, и каждое послѣ-обѣда порывался сходить посмотрѣть на нее. Три дня онъ, однакожь, вытерпѣлъ.

Тѣмъ временемъ Оекла Алексѣевна сдѣлала порядочный нагоняй Машѣ, что она отвадила отъ дому Евграфа. По ея словамъ, одно другому не мѣшало — можно было и платья новыя, и ботинки прюнелевыя носить, а Евграфомъ все-таки не пренебрегать.

— Да онъ неопрятный этакой! возразила Маша: — даже противно.

— Пуще всего! Экія нонче причуды у тебя. Не бойсь, чистенькіе-то твои на тебѣ женятся?

— Да я вовсе и не хочу замужъ. Развѣ такъ-то не проживу?

— Ай! и думать этого не могли! слышишь? Да на что это похоже будетъ? какая это жизнь?

— Ну, другой женихъ найдется.

— Какъ-же! жди! такъ вотъ и кинутся всѣ на тебя. Одинъ этотъ-то со злобы на весь городъ мораль пустить.

— Да онъ придетъ, маменька; вотъ, увидишь — придетъ.

— Кто его знаетъ! онъ вѣдь преупрямый.

— Придетъ.

Маша не ошиблась.

Евграфъ, явившись, выразилъ желаніе переговорить наединѣ съ Ѳеклой Алексѣвной, и она выслала Машу.

— Какія еще тайности? спросила Ѳекла Алексѣвна.

— Дѣло выходитъ совсѣмъ неладное, Ѳекла Алексѣвна.

— Про чтò говоришь?

— Про одно могу только говорить — на счетъ Машеньки.

— Что Машенька?

— Кажись, не доглядѣли, Ѳекла Алексѣвна. Послѣ этого, значить, мнѣ надо въ отставку.

— На это вся твоя воля; плакать не станемъ. Ну, а какъ нѣтъ ничего? Что тогда скажешь?

Евграфъ совсѣмъ смутился: этого онъ до-сихъ-поръ и въ мысляхъ не имѣлъ. Чтò, какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ ничего?

— Тò мнѣ сумнительно, возразилъ онъ однакожь: — откуда вдругъ у Машеньки всякія обновы являются. Богатство ваше мнѣ извѣстно.

— А откуда оно тебѣ извѣстно? давала я тебѣ деньги считать?

— Кто про это говоритъ!

— Такъ и не болтай зря! Ну, не по нраву тебѣ дочь, не бери ее; никто не нудить. Найдемъ и безъ тебя жениховъ. Вишь, разборчивый какой выискался!

Евграфъ, умѣвшій такъ сильно злиться на Агаю Максимовну и Платона Николаевича, совсѣмъ пасовалъ, когда дѣло касалось Маши, и потому принялся просить у Ѳеклы Алексѣвны прощенія въ своихъ сомнѣніяхъ.

Все вскорѣ уладилось, хотя въ душѣ Евграфа часто закипали ревнивыя подозрѣнія. Осенью онъ женился.

Агаю Максимовна, при безпрестанной перемѣгѣ прислуги, стала часто поминать его добромъ. Никто изъ лакеевъ не уживался у Войлоковыхъ долѣ мѣсяца.

VII.

Почти въ одно время съ Евграфомъ затѣялъ жениться и Платонъ Николаевичъ. Женитьба была у него постоянно на языкѣ, потому-что нельзя было не чувствовать пустоты въ той жизни, которою онъ жилъ. Но говорить не такъ трудно, какъ рѣшиться на подобный важный шагъ. Когда Платонъ Николаевичъ обдумывалъ свое намѣреніе приискать себѣ подругу жизни, главнымъ препятствіемъ представлялась ему достопочтенная его родительница, которая способна была раздуть въ домѣ цѣлый адъ разныхъ непріятностей. Правда, Агаѣя Максимовна очень часто и сама говорила, что Платону Николаевичу непременно слѣдуетъ жениться, что жить такимъ бобылемъ ему не приходится; но это говорилось обыкновенно только тогда, какъ Платонъ Николаевичъ заставлялъ маменьку подозрѣвать, что у него есть нѣкоторые не совсѣмъ законные амуры. Съ каждымъ днемъ Агаѣя Максимовна становилась подозрительнѣе, особенно какъ принуждена была сидѣть въ своей спальнѣ, не сходя съ мѣста и не могла успокоивать немного свое сердце хоть звуками органа. Платонъ Николаевичъ поддерживалъ эти подозрѣнія, возвращаясь часто очень-поздно вечеромъ и съ измятою манишкой. Нерѣдко случалось также, что онъ заставитъ старуху прождать себя къ ужину, а приѣдетъ поужинавши, и съ раскраснѣвшими щеками.

— Ты ужь нынче и пьянъ никакъ! воскликнетъ Агаѣя Максимовна, показывая свой желтый зубъ, все больше и больше клонящійся къ упадку.

— Ну, пьянъ! отвѣтитъ Платонъ Николаевичъ: — а вамъ что за дѣло?

— Ахъ, Боже мой! аспидъ какой! завопитъ Агаѣя Максимовна: — слова ему нельзя сказать.

Платонъ Николаевичъ хлопнетъ дверью и уйдетъ.

Немилое житье! Но едвали бы оно было веселѣе, еслибъ Платонъ Николаевичъ и женился.

Кромѣ помѣхи въ лицѣ маменьки, важное препятствіе къ вступленію въ приличный бракъ заключалось въ самомъ общественномъ и политическомъ положеніи Платона Николае-

вича. Къ несчастію, онъ былъ происхожденія не дворянскаго. Когда онъ вступалъ на службу, дворянскій дипломъ сіялъ ему вдалькѣ путеводною звѣздой; но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ ней, звѣзда отодвигалась все дальше и дальше. Только-что онъ дослужился до желаннаго коллежскаго ассесора, оказалось необходимымъ дослужиться до статскаго совѣтника, чтобы быть дворяниномъ. Хоть бы образованіемъ, по крайней мѣрѣ, взять; но и тутъ бѣда! Платонъ Николаевичъ особенно сокрушался незнаніемъ французскаго языка. Даръ краснорѣчія, которымъ онъ обыкновенно старался блеснуть, не могъ замѣнить этого важнаго недостатка.

Конечно, нашлись бы въ городѣ невѣсты, которыя почли бы за честь выйдти за Платона Николаевича, и не обратили бы вниманія на его недостатки; но — 'увы! на этихъ-то именно невѣсть Платонъ Николаевичъ и смотрѣть не хотѣлъ. Ему нужно было (а почему, онъ кажется и самъ не звалъ) барышню высокаго полета, то-есть, во первыхъ, принадлежащую къ лучшему губернскому кругу, и, во вторыхъ, образованную, чтобы по-французски рѣзала, какъ на родномъ языкѣ, играла на фортепьяно и даже пѣла пріятные романсы. Съ такими требованіями, разумѣется, дѣло присканія невѣсты оказывалось труднымъ. Мы забыли притомъ сказать, что Платонъ Николаевичъ и относительно наружности былъ чрезвычайно разборчивъ въ этомъ случаѣ — хотѣлъ непременно молоденькую и хорошенькую. Правда, со времени полученія бесплоднаго чина коллежскаго ассесора, Платонъ Николаевичъ, потерявъ всякую надежду на дворянство, сдѣлалъ одну уступку изъ своихъ требованій; но уступка была слишкомъ скупая: невѣста, видите ли, могла и не пѣть романсовъ — только.

Нѣсколько лѣтъ уже присматривался Платонъ Николаевичъ къ одной барышнѣ, удовлетворявшей, за исключеніемъ пѣнія, всѣмъ его требованіямъ; но все почему-то не рѣшался сдѣлать предложеніе. То ему казалось, что она еще молода, то, что не достаточно солидна. Можетъ-быть этимъ хотѣлъ онъ разсѣять нѣсколько въ своихъ глазахъ неувѣренность, пойдетъ ли за него барышня и отдадутъ ли ее родители.

Платонъ Николаевичъ не дѣлалъ ни шага, чтобы понравиться избранной имъ особѣ, и до времени считалъ это, кажется, даже излишнимъ.

Влѣдпмѣръ Павловичъ Станковъ, дочь котораго, Ольга Владимѣровна, имѣла счастье понравиться Войлокову, былъ помѣщикъ пятисотъ душъ, не служилъ, лѣто проживалъ въ деревнѣ и только на зиму приѣзжалъ въ городъ, гдѣ жилъ довольно открыто и давалъ всегда два бала, на святкахъ и о масляницѣ. Кромѣ того, какъ большой любитель музыки и самъ хорошій скрипачъ, онъ соединялъ около себя всѣхъ губернскихъ дилетантовъ, и у него въ домѣ устраивались тріо и квартеты. Ольга Владимѣровна играла обыкновенно партію на фортепіано. На музыкальныхъ вечерахъ Платонъ Николаевичъ у Станковыхъ былъ всего раза два, и находилъ, что эти тріо и квартеты—тоска, и что онъ не понимаетъ, какъ люди могутъ слушать эту канитель. Спрашивается, на что нужна ему была жена непременно музыкантша? Но это, впрочемъ, ностороннее! Мать Ольги Владимѣровны, Софья Степановна, была очень добрая, очень толстая барыня, съ необыкновеннымъ радушіемъ принимавшая всѣхъ своихъ гостей. Это радушіе происходило можетъ быть и отъ ея чрезвычайной болтливости: она была рада всякому, чтобы только поговорить въ волю. Въ разговорѣ она безпрестанно путала русскія слова и фразы съ французскими. Забывая, что Платонъ Николаевичъ по-французски не знаетъ, она не оставляла этой привычки и въ разговорѣ съ нимъ. Платонъ Николаевичъ при французскихъ фразахъ считалъ обязанностію или улыбаться или дакать, какъ бы желая показать, что онъ очень хорошо понимаетъ слова Софьи Степановны. У Станковыхъ, кромѣ дочери, было и два сына, служившіе въ военной службѣ въ Петербургѣ.

Желаніе жениться было у Платона Николаевича не постоянно-сильно; оно проявлялось въ немъ какъ-то періодически, и потомъ на время затихало. На это были особыя причины, и, надо признаться, причины странныя. Что таиться? Агаея Максимовна была совершенно права въ своихъ подозрѣніяхъ: Платонъ Николаевичъ зачастую обманывалъ ее, когда, возвратясь поздно вечеромъ домой, увѣрялъ, что онъ

игралъ въ карты тамъ-то или сидѣлъ въ клубѣ. По сильной слабости къ женскому полу, большую часть вечеровъ Платонъ Николаевичъ проводилъ у какой-нибудь барышни, которой нанималъ квартирку въ отдаленной улицѣ и доставлялъ нѣкоторыя средства жизни. Въ теченіи времени, прожитаго у Платона Николаевича Васей, такихъ подругъ у него можно было послѣдовательно насчитать пять. Нельзя въ этомъ случаѣ не отдать полной справедливости любящему сердцу Войлокова: онъ обыкновенно привязывался искренно къ этимъ, для другихъ легкимъ, интрижкамъ, и никогда не былъ самъ причиною разрыва. Къ несчастію избранныя имъ красавицы не удовлетворялись ни любовью Платона Николаевича, ни матеріальными выгодами, имъ предлагаемыми; рано или поздно Платонъ Николаевичъ, посредствомъ разныхъ шпионовъ и шпионокъ, открывалъ таки черную измѣну, и, конечно, приходилось разставаться. Вотъ послѣ такихъ-то разставаній начинало всегда томить Войлокова желаніе жениться. «То ли дѣло жена! думалъ онъ: жена ужъ не измѣнитъ. А если бъ и вздумала, всегда можно присмотрѣть: ближе; притомъ и всякой соблазнъ можно отстранить заранѣе—отвадить только отъ дому эту молодежь, этихъ шаркуновъ паркетныхъ, которые только и дѣлаютъ, что ухаживаютъ за чужими женами да сбиваютъ ихъ съ толку.»

Послѣдній разрывъ былъ особенно горекъ Платону Николаевичу. О любви его нечего и говорить; достаточно упомянуть вотъ о какомъ обстоятельстве: сегодня Платонъ Николаевичъ подарилъ вѣтреной подругѣ своей бурнусъ въ сорокъ цѣлковыхъ; а завтра она изволила ускакать совсѣмъ изъ города вонъ съ какимъ-то офицеромъ. — «Вотъ, и вѣр послѣ этого этому народу!» задумался Платонъ Николаевичъ. «Постоянно выказывала ко мнѣ привязанность; ни одна со мной такъ нѣжна не была... И вдругъ! И кажется до сихъ поръ только меня и знала; ничего ни самъ, ни черезъ другихъ не замѣчалъ. Кабы на деньги, что-ли, жадная была — и того нѣтъ. А жалко сорока рублей, жалко! Вотъ вызнай ихъ послѣ этого! Чортъ развѣ имъ въ душу загѣзетъ. — Одно средство — жениться надо; и чѣмъ скорѣе — тѣмъ лучше.»

Къ этому дѣлу нельзя было приступить безъ совѣта съ маменькой.

Въ первый-же день, какъ ему оказалось некуда ѣхать вечеромъ, Платонъ Николаевичъ за чаемъ объявилъ Агаеѣ Максимовнѣ:

— Маменька, я хочу жениться.

Маменька покосилась на него.

— Слышали ужь это — тысячу разъ.

— Нѣтъ, я вамъ сурьезно это говорю.

— Ну, сурьезно; мнѣ-то что за дѣло?

— Боже мой! что это за несноснѣйшая женщина! воскликнулъ съ досадой Платонъ Николаевичъ. — Кому-жъ до этого дѣло? скажите! кому? Хочешь съ ней посоветоваться — приходишь какъ къ матери... Ахъ! кажется въ Ег-рашкѣ — и въ томъ было больше сочувствія.

Платонъ Николаевичъ злобно отодвинулъ отъ стола свой стулъ, и ушелъ изъ комнаты. Онъ разъ десять молча и пасмурно прошелся изъ угла въ уголь по залѣ, потомъ подошелъ къ органу и принялся его вертѣть. Въ органѣ двѣ три дудки уже давно что-то разстроились, и онъ началъ очень плачевно гудѣть «Ѣхалъ казакъ за Дунай.» Слабонервная дворняшка, заслышавъ эту музыку, завыла въ источникъ голоса подъ самымъ окномъ. Платонъ Николаевичъ бросилъ ручку органа. Грустно ему стало. Опять принялся онъ ходить изъ угла въ уголь. «Не знаю, куда-бы радъ дѣться, а некуда!» думалъ онъ.

— Платоша! кликнула его Агаея Максимовна.

Платонъ Николаевичъ пошелъ въ спальню маменьки.

— Что вамъ? спросилъ онъ, остановясь передъ сторухой.

— Что-же ты чай-то не пьешь? сказала Агаея Максимовна довольно кротко.

— Пойдетъ-ли тутъ кусокъ въ горло? отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — кромѣ непріятностей, ничего не видишь. По службѣ — непріятности, дома — непріятности... Это, наконецъ...

Онъ сѣлъ опять на прежнее мѣсто, и налилъ себѣ стаканъ чаю.

— Поставилъ бы я васъ въ свое положеніе — любопытно, чтобы вы сказали?

Непріятности по службѣ были, кажется, изобрѣтены Платонъ Николаевичемъ только для красоты слога. Поговаривали, правда, о какихъ-то преобразованіяхъ по вѣдомству, въ которомъ онъ служилъ, но это было дѣло далекое да еще и не вѣрное.

— Поѣдешь, что ли, куда нынче? спросила Агаоья Максимовна, сбивая по видимому разговоръ на свою всегдашнюю тему.

Она не мало изумилась и обрадовалась, когда сынъ отвѣчалъ:

— Куда мнѣ ѣхать!

— Кто тебя знаетъ! сказала старуха: — вѣдь каждый вечеръ куда-то ѣздишь.

— Некуда мнѣ ѣхать; я сегодня цѣлый вечеръ дома.

— Давно бы пора! Совсѣмъ нынче бездомникомъ какимъ-то сталъ. И у насъ-то никогда никого. Всякой думаетъ — что и ѣхать? вѣрно дома нѣтъ.

Мать и сынъ помолчали.

— Ты что давеча началъ говорить? спросила немного погодя Агаоья Максимовна, справедливо полагая, что ужъ если сынъ остался на цѣлый вечеръ дома, значитъ — что нибудь задумалъ не на шутку.

— Вѣдь вы и слушать не хотѣли, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ.

— Да вѣдь кто тебя знаетъ! Я думала — такъ, языкомъ только бьешь.

— Кажется, я сказалъ вамъ сурьѣзно, маменька, что хочу жениться.

— Хотѣть-то не трудно, я ужъ это давно слышу: «хочу» да «хочу»; да на комъ?

— Я вамъ до сей поры этого не говорилъ, а часто такъ думалъ: «вотъ бы мнѣ жена, какъ нельзя лучше!»

— Кто такая?

— Станкова Оленька.

— Не видала.

— Да слышали до крайней мѣрѣ?

Отд. I.

4

— Когда-жъ не слышать! Говорять, хорошая дѣвушка; только ужь, я думаю, гордости и невѣсть какой!

— Да отчего же ей гордой быть?

— Мало-ли отчего! Такъ ужь воспитываютъ нынче... И ничего-то не имѣють, такъ носъ деруть; а ужь какъ состояніе-то есть, такъ и приступу нѣтъ. Вѣдь приданое, чай, за ней хорошее?

— Не думаю, чтобы много было, но, разумѣется...

— Справиться бы падо.

— У нихъ душъ пѣтсоть всего; но два брата еще есть. А денегъ у старика — это навѣрное можно сказать — нѣтъ; все проживають.

— Какъ она послѣ баловства-то да нѣги и здѣсь захочетъ такъ-же жить — вотъ и выйдетъ складъ!

— Ахъ, не говорите этого, маменька! вы ее не знаете — прескромная дѣвушка — этакая солидная...

— Всѣ онѣ до поры до времени скромницы.

— И вся семья нравственная, религіозная. Я убѣжденъ, и вамъ будетъ пріятно породниться.

— Ну, обо мнѣ тутъ нечего толковать! Нѣ для меня ты женишься. А, конечно — что говорить! — Желала-бы видѣть тебя степеннымъ человѣкомъ. Слава Богу, пора! Чѣмъ Богъ знаетъ съ кѣмъ водиться — тратиться Богъ знаетъ на кого... Жена — все совсѣмъ другое дѣло: и тратить на нее, такъ все же въ домъ, а не изъ дому..

Рѣшеніе Платона Николаевича пробыть весь этотъ вечеръ дома, по видимому, совсѣмъ покорило сердце Агаоы Максимовны: въ словахъ ея не было ни гѣни строптивости, не смотря на щекотливость предмета.

— У меня это, маменька, твердое намѣреніе, сказали Платонъ Николаевичъ послѣ краткаго молчанія. — Такъ вы благословляете?

— Нечего заранѣе-то благословлять, отвѣчала Агаоы Максимовна: — падо сначала это дѣло подготовить... Не такъ же, съ бухта-барахта пріѣхалъ да и грянулъ; хочу, молю, жениться!

— Конечно.

— Вѣдь ты, поди, и трехъ разъ въ зиму-то у нихъ не былъ?

— Да, точно, всего разъ пять.

— Этакъ нельзя же. Надо, чтобы дѣвушка видѣла—человѣкъ ей интересуется. Ну, бывать надо чаще, говорить.

— Это такъ, такъ...

— И присмотрѣться тоже, какъ у нихъ все—принаровиться.

— Да, да.

— Ну, и потомъ... конечно...

— По здоровомъ разсужденіи...

— Само собой!

— Ваша правда, маменька, ваша правда. Такъ я и начну дѣйствовать.

— Да не торопись, съ толкомъ. Вѣдь не вдова—поспѣешь. И о приданомъ можешь все разузнать.

— Одно меня, маменька, беспокоитъ...

— Что такое?

— А не пойдетъ за меня...

Такое предположеніе показалось Агаѣ Максимовнѣ просто нелѣпымъ.

— Вотъ вздоръ какой! воскликнула она.— Да вѣдь у нея жениха нѣтъ.

— Жениха нѣтъ, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — а все-таки это, маменька, не вздоръ. Очень можетъ случиться и очень вѣроятно, что не пойдетъ.

— Да отчего?

— Во-первыхъ не дворянинъ.

— Дослужишься.

— Да, какъ-же! дослужишься при нынѣшнихъ-то порядкахъ. Вотъ, сколько времени ляжку теръ до коллежскаго ассесора — и что же взялъ! Это называется: Улита ѣдетъ, да когда-то она будетъ.

— А вспомни-ка, какъ на службу ты поступалъ, думалъ ли, что и до этого дослужишься. Такъ и теперь.

Соображеніе это очень утѣшило Платона Николаевича; онъ подумалъ: «А что жъ, въ самомъ дѣлѣ! отчего мнѣ и

статскимъ совѣтникомъ не быть!» но вскорѣ охладился и возразилъ маменькѣ:

— Требуется, чтобы теперъ былъ дворянинъ.

— Да на это не посмотрять! Главное — средства бы были; а всѣ знаютъ, ты человѣкъ небѣдный. Нынче деньги выше всего.

— Они и сами съ состояніемъ.

— Все-таки за такого-то отдать, у котораго у самого ничего нѣтъ, надо и дочь больше наградить... Разсчитать тоже...

— А по мнѣ хоть бы и ничего за женой не было, такъ неважность; только бы дѣвушка образованная...

— Вотъ ужъ это глупо! вотъ этого слышать не могу! сердито вскричала Агафья Максимовна: — этакое мотовское какое-то разсужденіе. Точно миліонщикъ какой разсуждаетъ!

— Это я такъ только, маменька, въ разсѣянности, успокоилъ ее Платонъ Николаевичъ: — объ деньгахъ я никогда не забывалъ и не забуду. А признаюсь — все-таки мнѣ сомнительно, выдадутъ ли за меня Оленьку.

— А я такъ объ этомъ и думать не хочу: только бы ты сталъ почаще бывать у нихъ, старикамъ угождать, съ ней тоже любезничать, и какъ разъ дѣло сдѣлается.

На слѣдующій же вечеръ Платонъ Николаевичъ отправился къ Станковымъ, и какъ разъ попалъ на квартетъ. Музыка происходила въ залѣ; расшаркавшись передъ хозяиномъ и Ольгой Владиміровной, Платонъ Николаевичъ прошелъ въ гостиную къ хозяйкѣ.

Софья Степановна сидѣла одна, и встрѣтила Войлокова словами:

— Ахъ, очень рада васъ видѣть.

— Давно собирался къ вамъ, Софья Степановна, какъ нибудь вечеркомъ. Вашъ домъ для меня всегда...

— Ахъ очень рада, очень рада, повторила Софья Степановна.

Она говорила совершенную правду, потому-что томилась безмолвіемъ, на которое обрекала ее музыка. Теперь она могла говорить, сколько душѣ угодно, и заговорила. Платонъ Николаевичъ при французскихъ фразахъ, какъ водится, улы-

бался, или замѣчалъ: «Да, это точно... Гм... Вы правы... Да-съ, да, да!» или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Наконецъ онъ улучилъ какъ-то минутку, когда Софья Степановна переводила духъ, и промолвилъ, какъ бы прислушиваясь къ музыкѣ:

— Скажите, какъ прекрасно играетъ Ольга Владиміровна! сколько души! Это истинное наслажденіе слушать ея игру.

— Она вѣдь брала уроки у Гензельта. Мужъ мой всегда былъ ужасный любитель музыки. Когда мы жили въ Петербургѣ и онъ былъ еще въ гвардіи...

И начался опять безконечный разговоръ.

Платонъ Николаевичъ слушалъ повидимому съ большимъ вниманіемъ; но въ сущности съ страстнымъ нетерпѣніемъ выжидалъ хоть краткой паузы.

Дождался, и опять ввернулъ свое словечко:

— Ахъ, право, я въ такомъ восхищеніи, что словъ не нахожу. Какъ прелестно, какъ обворожительно играетъ Ольга Владиміровна.

И Платонъ Николаевичъ обратилъ правое ухо къ двери залы. Фортепіано совсѣмъ не было слышно за скрипкой, альтомъ и віолончелью.

Но Софья Степановна, будто и не слыхала лестнаго замѣчанія гостя, принялась рассказывать что-то совсѣмъ постороннее. «Надо будетъ еще разокъ похвалить!» подумалъ Платонъ Николаевичъ: «а то она слишкомъ ужъ увлеклась и не слыхала.» И при первомъ случаѣ похвалилъ. На этотъ разъ Софья Степановна сказала, что ей очень пріятно это слышать, и Платонъ Николаевичъ въ душѣ одобрилъ свое тонкое умѣнье вести дѣло.

Скоро квартетъ кончился, и всѣ пришли въ гостиную.

Платонъ Николаевичъ былъ очень доволенъ, что музыка кончилась и что Софью Степановну развлекутъ другіе гости, и немедленно направилъ стопы свои на встрѣчу къ Ольгѣ Владиміровнѣ.

— Я заслушался вашей игры, Ольга Владиміровна, произнесъ онъ съ пріятной улыбкой: — давно не испыталъ я такого наслажденія. Вы съ такою... съ такимъ совершенствомъ исполняете...

— Ахъ, я никогда, кажется, такъ дурно не играла, какъ сегодня, возразила, улыбаясь, Ольга Владиміровна: — папа ужасно сердился на меня, и я два раза всёхъ сбивала.

— Я не говорю въ тонкости, я профанъ, тонко замѣтилъ Платонъ Николаевичъ:—но музыка—это страсть моя, и я просто заслушался васъ.

И къ Владиміру Павловичу подошелъ Платонъ Николаевичъ и тоже счелъ необходимымъ сказать:

— Какъ пріятно послушать такую артистическую музыку — особенно какъ это страсть моя. Съ какимъ наслажденіемъ слушалъ я игру Ольги Владиміровны. Безъ лести можно сказать — первоклассная артистка.

Владиміръ Павловичъ улыбнулся проницески, и сказалъ:

— А вы сами ни на чемъ не играете?

— Начиналъ какъ-то учиться, но разныя обстоятельства, служба...

— На чемъ?

— На гитарѣ.

— Напрасно бросили, инструментъ пріятный.

— Я думаю опять какъ-нибудь привыкъ; но гитара нынче какъ-то не въ употребленіи въ обществѣ.

— Нѣтъ, ничего; чтожъ! займитесь.

Платонъ Николаевичъ рѣшительно вралъ, чтобы только понравиться своему предполагаемому тестю: онъ и гитары никогда въ руки не бралъ.

Музыканты не удовольствовались однимъ квинтетомъ. Войлоковъ нашелъ, что первый шагъ сдѣланъ удачно, и потому откланялся со Станковыми, когда Ольга Владиміровна шла съ отцомъ въ залу, чтобы начать играть.

— Что-жъ вы не останетесь, Платонъ Николаевичъ? сказалъ, прощаясь съ нимъ, хозяинъ: — вы такой любитель музыки и даже отчасти музыкантъ; а мы собираемся Моцарта коверкать.

Платонъ Николаевичъ никогда не слыхивалъ про Моцарта; но отвѣчалъ:

— Это доставило бы мнѣ большое удовольствіе — притомъ пьеса такая превосходная... Но — къ сожалѣнію, не могу — далъ слово...

Совравши такимъ образомъ, Платонъ Николаевичъ отправился домой. Весело потирая руки, вошелъ онъ въ душную комнату маменьки, и радостно промолвилъ:

— Ну, маменька, дѣло, кажется, идетъ наладъ!

Агафья Максимовна сопѣла надъ вязаньемъ.

— Что нахохлилась, старуха! а? что нахохлилась? продолжалъ ласковымъ, заигрывающимъ тономъ Платонъ Николаевичъ.

— Ничего не нахохлилась, отвѣчала Агафья Максимовна.

— Такъ чтожь не похвалите?

— За что? Больно ужь у тебя скоро все! Не успѣлъ разъ съѣздить — и дѣло ужь у него идетъ наладъ. Глупости одни! Что можетъ сразу быть? Еще только напуталъ, пожалуй!

— Напутать предоставляю кому-нибудь другому, а я такого ловкаго брандера запустилъ, что просто, я вамъ скажу...

— Чтò запустилъ?

— Брандера... намекъ этакой, знаете.

— Ну, и чтò же?

— Ничего, разумѣется; но всё такъ мило, радушно — и Владиміръ Павловичъ и Софья Степановна...

— А барышня?

— Тоже въ такихъ любезностяхъ рассыпалась!

— Что-то ужь очень скоро! скептически замѣтила Агафья Максимовна.

— А вамъ бы эту исторію нѣсколько лѣтъ тянуть. По моему, знаете, маменька, въ этихъ дѣлахъ, напротивъ, надобно дѣйствовать рѣшительно, быстро... Это своего рода военная наука, тактика, такъ сказать... По-суворовски тутъ надобно дѣйствовать. Смѣлость города беретъ — сами знаете.

Маменька, вопреки обычаю своему, не сердилась на этотъ разъ отъ противорѣчій Платона Николаевича: онъ очень смягчилъ ее сердце тѣмъ, что оставался остальное время вечера дома.

Съ этого времени Платонъ Николаевичъ сталъ все чаще и чаще заѣзжать къ Станковымъ, и всякой разъ сообщалъ маменькѣ, что дѣло подвигается быстрыми шагами впередъ,

что старики Станковы носятъ его на рукахъ, и что Ольга Владиміровна имъ интересуется.

— Чтожь никогда самъ-то къ тебѣ не зайдеть?

— Занять все.

— Со мной бы познакомились.

— Погодите, маменька, будетъ время. Я очень хорошо вижу, что и онъ, и Софья Степановна проникли мой планъ, и видятъ расположеніе ко мнѣ Оленьки... А потому... кажется... однимъ словомъ — наша возьметъ!

Быль-ли Платонъ Николаевичъ самъ увѣренъ въ томъ, въ чемъ увѣрялъ Агаою Максимовну — опредѣлительно сказать трудно. Съ точки зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя дѣло подвигалось мало. Всѣ отношенія Платона Николаевича къ Станковымъ ограничивались во время частыхъ его посѣщеній только разговорами въ родѣ приведеннаго нами выше.

Черезъ мѣсяцъ или полтора послѣ того вечера, какъ Платонъ Николаевичъ назвалъ Моцарта превосходною пьесой, ему удалось впрочемъ начать объясненіе своихъ плановъ Софьѣ Степановнѣ. Въ какой мѣрѣ эти объясненія были полезны для Платона Николаевича въ его сердечномъ дѣлѣ, читатель сейчасъ увидитъ.

Платонъ Николаевичъ случайно попалъ опять на такую же музыку, какъ тогда. Софья Степановна опять сидѣла одна и опять была очень рада собесѣднику, или, лучше сказать, слушателю. На этотъ разъ Платонъ Николаевичъ, выждавъ удобную минуту, уже не хвалилъ игру Ольги Владиміровны: похвалъ ей было имъ расточено въ послѣднее время немало, и всѣ новыя похвалы показались бы только повтореніемъ; требовалось запустить, по выраженію Платона Николаевича, брандера подѣйствительнѣе.

— Вы не повѣрите, Софья Степановна, сказалъ онъ при первой возможности: — какое меланхолическое расположеніе духа преслѣдуетъ меня часто!

Софья Степановна посмотрѣла на Платона Николаевича съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Отчего же это? спросила она.

— Я и самъ не могу разъяснить себѣ въ точности.

— Но вѣдь есть же причина какая-нибудь?

— Позвольте мнѣ, Софья Степановна, началъ не безъ волненія Платонъ Николаевичъ: — позвольте мнѣ рассказать... подѣлиться съ вами тѣмъ, что такъ... такъ подвергаетъ меня въ меланхолію... и просить... просить вашего совѣта... такъ какъ мое уваженіе къ вамъ... почтеніе...

Софья Степановна такъ растерялась отъ этого страннаго приступа, что куда и говорливость ея дѣлась!

— Если я только могу совѣтовать вамъ что-нибудь, Платонъ Николаевичъ, отвѣчала она въ смущеніи: — я, право, не знаю... но во всякомъ случаѣ...

— Позвольте говорить съ вами, Софья Степановна, какъ говорилъ бы я съ моей матушкой! произнесъ Войлоковъ почти торжественно.

— Благодарю васъ за довѣріе ко мнѣ, Платонъ Николаевичъ, отвѣчала все еще растерявшаяся Софья Степановна: — если только я могу...

— Меланхолія моя, началъ, покачиваясь на стулѣ, Платонъ Николаевичъ: — происходитъ, сколько я могу судить, изъ одного источника — отъ моей одинокой жизни, отъ совершеннаго моего одиночества. Конечно, маменька, которую я люблю и уважаю, услаждаетъ въ нѣкоторой степени... Но, согласитесь сами, Софья Степановна, въ мои года, когда человѣкъ, можно сказать, начинаетъ вполнѣ чувствовать... сознавать... въ положеніи человѣка солиднаго, такъ сказать... Притомъ и безбѣдное обезпеченіе... Все это въ совокупности... Согласитесь, Софья Степановна, тяжело! тяжело!... Ищешь передать свои ощущенія, сообразить планы для будущаго... Самая служба даетъ какъ бы крылья для... для приведенія жизни къ должному знаменателю. Не правда-ли?

Софья Степановна сказала «гм...» и кивнула головой — должно быть въ знакъ согласія.

— Вотъ и вы раздѣляете мое мнѣніе, Софья Степановна, продолжалъ Платонъ Николаевичъ: — теперь мнѣ остается одно — просить вашего добраго совѣта... какъ?.. какая въ глазахъ образованнаго общества моя роля?

Софья Степановна посмотрѣла на Платона Николаевича какими-то странными глазами, и сказала:

— Извините меня, Платонъ Николаевичъ, я-все какъ-то не вполнѣ понимаю васъ.

— Позвольте говорить съ вами прямо, Софья Степановна, отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ, покраснѣвшій какъ ракъ отъ своего ораторства: — позвольте предложить вамъ прямой вопросъ. Такъ-какъ вы уже знаете, что главное, что томить меня въ этой жизни, это — одиночество; то скажите мнѣ откровенно: могу ли я надѣяться, чтобы... чтобы молодая дѣвица изъ хорошаго дома, образованная, захотѣла... вышла за меня?

— Отчего же нѣтъ?.. я думаю... отвѣчала Софья Степановна.

— Принимая, конечно, въ соображеніе мою ролю въ обществѣ, карьеру по службѣ, обстановку моего домашняго быта, надежды на... на улучшеніе по всѣмъ этимъ частямъ.

— Я въ этомъ даже увѣрена, подтвердила Софья Степановна.

— Благодарю васъ, благодарю, ночтеннѣйшая Софья Степановна, воскликнулъ почти восторженно Платонъ Николаевичъ: — вы даете мнѣ такъ сказать новую жизнь. Позвольте!

И къ крайнему изумленію Софьи Степановны гость подставилъ ей свою ладонь, желая поцаловать ея руку. Отказать было, разумѣется, нельзя.

— Благодарю васъ, благодарю, повторялъ Платонъ Николаевичъ: — вы въ нѣкоторомъ родѣ окрыляете меня вашими словами, Софья Степановна.

Когда музыка кончилась, Платонъ Николаевичъ какъ-то особенно развязно подлетѣлъ къ Ольгѣ Владиміровнѣ, и началъ говорить ей краснорѣчивые комплименты о ея игрѣ.

Воротаясь домой, Платонъ Николаевичъ не менѣе развязно и бойко влетѣлъ въ комнату Агаѣи Максямовны и воскликнулъ:

— Побѣда, маменька! побѣда!

Агаѣя Максимовна была на этотъ разъ не въ духѣ, и злобно отвѣчала на эти радостныя слова возгласомъ:

— Ну, что кричишь-то! Оглушилъ совѣмъ! Какія еще глупости выдумалъ!

— Маменька, продолжалъ Платонъ Николаевичъ, не замѣчая по-видимому дурнаго расположенія духа старухи: — маменька, все покончено. Завтра я сдѣлаю предложеніе.

Какъ ни сумрачна была Агаея Максимовна, она увидала, что надо разсудить о такомъ серьезномъ предметѣ какъ слѣдуетъ.

— Сядь, проговорила она сыну: — расскажи толкомъ. А то стоять, руками машеть, ореть во все горло! Испугалъ только.

Платонъ Николаевичъ сѣлъ и сказалъ, весело потирая руками:

— Я вамъ, маменька, всегда говорилъ, что на эти дѣла я мастеръ перваго сорта. Анну съ бантомъ слѣдовало бы дать за отличие. Незамѣтнымъ этакъ образомъ — а все почти покончилъ.

— Да говори ты по порядку! вскричала Агаея Максимовна, начиная терять терпѣніе. — Богъ знаетъ, что породить! Ничего разобрать нельзя. Точно полоумный какой.

— А порядокъ вотъ какой! началъ Платонъ Николаевичъ: — что я сегодня тонкимъ образомъ спрашиваю Софью Степановну: отдалибъ они за мся Оленьку или нѣтъ? И оказывается, что отдали бы.

Агаея Максимовна, такъ по-видимому желавшая, чтобы Платонъ Николаевичъ оставилъ наконецъ безпутную холостую жизнь, тутъ вдругъ какъ-будто испугалась.

— Ахъ, Боже мой! промолвила она: — какъ же это такъ?

— Дѣло, значитъ, намази, продолжалъ Платонъ Николаевичъ: — завтра же по утру облачаюсь во фракъ, ѣду къ Владиміру Николаевичу и дѣлаю формальное предложеніе. Пора, наконецъ! А то тянешь, тянешь, инда одурь беретъ.

— Какъ же это такъ? повторила Агаея Максимовна.

— А такъ-же! отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ. — Согласитесь маменька, годить нечего. Куй желѣзо, покуда горячо, говорить пословица. Того и гляди, что еще и другой кто-нибудь перебьетъ.

— Я все думаю, Платоша, ладнос-ли это выйдетъ дѣло,

заговорила очень мягко и кротко Агаеья Максимовна: — хорошая ли она будетъ жена? Какъ родители теперъ — какъ съ ними сойдешься?

Платонъ Николаевичъ принялся увѣрять маменьку и доказывать ей всѣми доступными ему аргументами, что не только его, но и ее, Агаеью Максимовну, ожидаетъ полное счастье и домашнее согласіе, потому что Ольга Владиміровна дѣвушка не только образованная и музыкантша, но и религіозная, и нравственная, и преисполненная уваженія къ старшимъ, и прочее. На возраженіе Агаеьи Максимовны относительно увеличенія расходовъ, Платонъ Николаевичъ отвѣчалъ, что за Оленькой все-таки будетъ приданое — и приданое порядочное, и наконецъ средства его самого должны въ скоромъ времени увеличиться, такъ-какъ онъ рассчитываетъ на значительное повышеніе въ службѣ.

— Сами вы знаете, маменька, заключилъ Платонъ Николаевичъ: — что на человѣка женатаго вообще смотрятъ не такъ, какъ на холостаго. Притомъ-же родство съ этакимъ семействомъ.... Вѣдь это по всей губерніи уважаемое семейство.... Все это мнѣ, навѣрное, дастъ ходъ.... Вы одно вспомните — у нихъ и губернаторъ нерѣдкій гость. Все будешь больше на виду.

Доводы Платона Николаевича были очень убѣдительны; но Агаеья Максимовна все-таки находилась въ нѣкоторой тревогѣ, и когда ее уложили въ постель, долго не могла уснуть, и все сопѣла, и все ворочалась съ боку на бокъ. Платонъ Николаевичъ тоже долго думалъ съ подушкой. Храбрость, выказанная имъ въ разговорѣ съ маменькой, совѣтъ его покинула: онъ сильно трусилъ завтрашняго свиданія и объясненія съ Владиміромъ Павловичемъ. Тѣмъ неменѣе онъ заснулъ съ твердымъ намѣреніемъ видѣться съ нимъ на слѣдующее утро и объясниться. «Дѣлать дѣло, такъ дѣлать!»

Утро, какъ извѣстно, мудренѣе вечера, и всѣ трусливыя колебанія Платона Николаевича исчезли. Напрасно Агаеья Максимовна говорила ему какимъ-то особенно-кроткимъ, почти плачевнымъ голосомъ: «Ахъ, Платоша! Платоша! право-бы ты погодилъ немного. Куда торопиться? Дѣло такое — на вѣкъ вѣдь это! Страшно все что-то.» Платонъ

Николаевичъ ничего и слышать не хотѣлъ; онъ на-скоро напился чаю и пошелъ одѣваться. Мечты его разыгрывались. Онъ ужъ воображалъ, какъ Владиміръ Павловичъ и Софья Степановна подведутъ къ нему Оленьку, и онъ заключить ее въ свои объятія и поцѣлуеть. Свѣжія губки ея — настоящій розанчикъ; такія такая, что можно, кажется, обхватить ее двумя четвертями. Представляя себѣ эти прелести, Платонъ Николаевичъ нашелъ нелишнимъ съ особенной щедростью надушить себѣ фракъ подъ мышками; потомъ онъ налилъ себѣ духовъ на ладонь, и оберъ ею себѣ губы. «Надо, чтобъ и тутъ былъ этакій букетъ», проговорилъ онъ чуть не вслухъ. Локонъ, обильно умащенный восковою помадой, пришелъ какъ будто въ прежнее нормальное состояніе; нѣсколько наиболее видныхъ сѣдыхъ волосковъ изъ бакенбартъ и два черныхъ волоса изъ носу Платонъ Николаевичъ тщательно выдернулъ щипчиками. Манишка и воротнички были снѣжной бѣлизны и безукоризненной гладкости; часовая цѣпочка какъ-то особенно-празднично горѣла въ этотъ разъ на глянцевиномъ черномъ жилетѣ. Платонъ Николаевичъ надѣлъ даже палевыя перчатки.

Настоящимъ женихомъ, во всеоружіи своей мужественной красоты, вошелъ онъ твердою, нѣсколько-торжественною поступью въ комнату Агаѣи Максимовны, и приблизился къ маменькѣ со словами:

— Благословите, маменька.

У Агаѣи Максимовны задрожали губы, закапали слезы, и она плачевнымъ, куринымъ какимъ-то тономъ залепетала:

— Ахъ, право, Платоша.... какъ-же это?... ахъ.... Погодишь бы.... Платоша.

Но Платоша проговорилъ тихимъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Рѣшился я, маменька, и рѣшеніе мое неизмѣнно. Да будетъ воля Божія! Не противорѣчьте.

Агаѣя Максимовна застонала, захныкала, и наконецъ произнесла едва-внятно посреди вздоховъ и рыданій:

— Господь.... Господь тебя благослови!

Платонъ Николаевичъ поцѣловалъ руку маменьки, по-

молился на передній уголъ и отправился. Сердце его тревожно билось.

Было еще довольно-рано, и Платонъ Николаевичъ, какъ разсчитывалъ, засталъ Станкова одного, въ кабинетѣ, за французскими газетами.

Владиміръ Павловичъ былъ, повидимому, очень-изумленъ такимъ раннимъ визитомъ, и такимъ праздничнымъ видомъ Платона Николаевича. Благоуханія «букета императрицы» наполнили весь кабинетъ, и сидя близко къ гостю, можно было упасть въ обморокъ. Станковъ отложилъ газеты въ сторону, пожалъ руку Платону Николаевичу, просилъ его садиться и справился о его здоровьѣ. Глядя на лицо Платона Николаевича, можно было опасаться удара: такъ было оно красно отъ внутренняго волненія, возраставшаго въ немъ по мѣрѣ приближенія къ дѣлу.

Платонъ Николаевичъ сѣлъ, и рѣшился, не томя себя долго, начать дѣло прямо.

— А я къ вамъ переговорить, Владиміръ Павловичъ, сказалъ онъ, вертя шляпой.

— Что такое-съ? спросилъ хозяинъ: — чѣмъ могу служить?

— Дѣло мое, началъ, запинаясь чуть не на каждомъ словѣ, Платонъ Николаевичъ: — дѣло мое столько-же.... касается.... относится къ вамъ, Владиміръ Павловичъ, какъ и ко мнѣ. Вашъ радушный привѣтъ.... моя служебная карьера.... положеніе въ обществѣ.... При томъ оснащенный Софьей Степановной.... Позвольте просить у васъ руки Ольги Владиміровны.

Владиміръ Павловичъ широкими отъ удивленія глазами посмотрѣлъ на гостя, и что-то скользнуло по лицу его въ родѣ сдержаннаго смѣха; онъ, однакожь, очень-серьезно отвѣчалъ:

— Вы меня удивили, Платонъ Николаевичъ. Хорошо-ли вы обдумали ваше намѣреніе? Не шутите-ли вы?

Еще - бы не обдумать! Платонъ Николаевичъ и на-кануи, да и нынче дорогой обдумалъ даже и вступительную рѣчь къ своему объясненію, неуступавшую въ краснорѣчіи Цицерону, и только отъ сердечнаго трепета забылъ ее.

— Помилуйте, Владиміръ Павловичъ! отвѣчалъ онъ на замѣчаніе хозяина: — какъ можно шутить въ подобныхъ вещахъ?

Лицо Владиміра Павловича сдѣлалось очень-серіозно, и онъ строго сказалъ:

— Нѣтъ-съ, вы изволите шутить. А шутить — и я нахожу — въ подобныхъ вещахъ нельзя. Да вы подумали-ль только, что выйдетъ изъ вашего сватовства? Вы не перебивайте меня, позвольте мнѣ все сказать. Я можетъ-быть скажу вамъ кое-что и не совсѣмъ пріятное для вашего самолюбія, но это необходимо. Во первыхъ, вы сами вызываете меня, а во вторыхъ, то, что я вамъ выскажу, можетъ пригодиться вамъ и въ другой разъ.

Платонъ Николаевичъ сидѣлъ, какъ на горячихъ угляхъ.

— Если вамъ нравится моя дочь, то вы хоть-бы справились, нравитесь-ли вы ей хоть сколько-нибудь. Наконецъ, если ужъ вамъ она такъ нравится (чего, впрочемъ, вовсе нѣтъ), что вы безъ нея жить не можете, то вамъ слѣдовало бы пообдумать, годитесь-ли вы ей въ мужья. Что мы принимали васъ радушно — изъ этого еще ничего не слѣдуетъ: мы всѣхъ такъ принимаемъ. Вы тутъ что-то сказали о своемъ положеніи въ обществѣ.... Да какое-жъ у васъ положеніе?... Но не въ немъ дѣло, впрочемъ; еслибъ въ васъ были какія-нибудь другія достоинства.... Всякой ищетъ себѣ пары по образованію, по развѣтїю.... Ну, скажите пожалуйста, положи руку на сердце, неужели вы думаете, что дочь моя можетъ любить васъ?

Платонъ Николаевичъ промывчалъ что-то.

— За что? Согласитесь, не за красоту же вашу и молодость? Вѣдь ни того, ни другого нѣтъ. Извините меня, что я высказываю вамъ все это; но дѣлаю именно потому, что мои слова очень могутъ вамъ пригодиться. И даже больше вамъ скажу, хоть вы и не знаю какъ сердитесь на меня. Не только въ моихъ глазахъ, но и въ глазахъ большей части того общества, къ которому я принадлежу, вы — совершенное ничтожество во всѣхъ отношеніяхъ, и напрасно мечтаете о себѣ много.

— Послѣ этого, сказалъ Платонъ Николаевичъ, подымаясь съ мѣста:—мнѣ остается только раскланяться съ вами.

И голосъ его, и самъ онъ весь дрожалъ отъ беспильной злобы и сознанія справедливости словъ Владиміра Павловича.

— Нѣтъ-съ, позвольте, остановилъ его Станковъ:—вы сказали сейчасъ, что васъ обнадежила моя жена; она передавала мнѣ съ удивленіемъ вашъ вчерашній разговоръ и выразила даже подозрѣніе, что вы думаете свататься за Ольгу. Признаюсь, я немало хохоталъ надъ этимъ. — На прощанье позвольте вамъ сказать, что, если вы всякое слово умѣете перетолковывать въ свою пользу, я не желаю видѣть васъ въ другой разъ въ моемъ домѣ. Мое почтеніе!

— Мое почтеніе-съ, проговорилъ Платонъ Николаевичъ и поспѣшно вышелъ изъ кабинета.

Въ этотъ день онъ и въ палату не поѣхалъ; за обѣдомъ, когда Агаоья Максимовна спросила его, что было у Станковыхъ, онъ вмѣсто отвѣта принялся кричать, чтобы его оставили въ покоѣ, что минуты у него не проходятъ безъ непріятностей. Въ свою очередь и Агаоья Максимовна, разумѣется, начала вопить, что это не слышь, а разбойникъ какой-то, каторжникъ. Вася, уписывая подъ шумокъ жареную говядину, едва держался, чтобы не фыркнуть отъ смѣха.

Къ вечеру Платонъ Николаевичъ послалъ за цырюльникомъ и велѣлъ поставить себѣ двадцать пять пивокъ къ поясницѣ.

VIII.

Неудачное сватовство очень непріятно подѣйствовало на Платона Николаевича. Цѣлую недѣлю не выходилъ онъ изъ дому; даже въ присутствіе не заглядывалъ. Онъ вдругъ какъ-то опустился, осовѣлъ и даже словно постарѣлъ. Разумѣется, не въ томъ было его горе, что судьба не соединила его съ Ольгой Владиміровной. Нѣтъ, главное — самолюбіе его было сражено такъ беспощадно въ первый еще разъ въ жизни. Съ этого знаменательнаго утра Платонъ Николаевичъ какъ будто и самъ утратилъ вполне вѣру въ себя. Агаоья Максимовна не утерпѣла, конечно, чтобы не подлить еще желчи

въ его огорченное сердце своими разспросами, замѣчаниями и такъ далѣе. Даже злыя выходки ея противъ нынѣшняго свѣта, противъ гордости, противъ нелѣпости воспитанія, которое ведетъ къ одному разврату и безчувствію, и проч., даже такія выходки бѣсили Платона Николаевича. Онъ чаще прежняго началъ ссориться съ маменькой. Къ другимъ браннымъ словамъ, которыя Агаѣя Максимовна обращала обыкновенно къ сыну въ минуты раздраженія, прибавилось теперь новенькое: «пьяница», вслѣдствіе того, что Платонъ Николаевичъ, въ первые дни послѣ неудачи своей, пилъ передъ обѣдомъ рюмки по три душегрѣйки, и раза два спрашивалъ водки даже между супомъ и слѣдующимъ блюдомъ. Это новое словечко выводило Платона Николаевича изъ себя, и Агаѣя Максимовна не рада была, что изобрѣла его; а между тѣмъ слабъ человекъ—нѣтъ, нѣтъ, да и вырвется у нея это словечко.

— А! пьяница я? крикнетъ Платонъ Николаевичъ:—пьяница?.. Эй! кто тамъ? Водки подай! живо!.. Ну, пьяница, такъ пьяница.

Водку подадутъ, Платонъ Николаевичъ нальетъ себѣ огромную рюмку, выпьетъ залпомъ, крикнетъ и скажетъ:

— Я вѣдь пьяница.

— Извергъ ты этакой! завопитъ Агаѣя Максимовна:—ужь лучше бы ты меня въ землю живую зарылъ. Господи! синими ты съ меня это испытаніе!

Когда Платонъ Николаевичъ выѣхалъ въ первый разъ изъ дому послѣ своего пораженія, всѣ знакомые его замѣтили перемену въ его наружности. Локонъ Платона Николаевича въ день сватовства былъ въ послѣдній разъ завязъ съ праваго виска на подобіе сосиски. Войлоковъ сталъ чесаться гладко, вѣроятно потому, что откинулъ отъ себя всякую мысль о женитьбѣ.

Утѣшиться, однакожь, надо было; и гдѣ-жъ, разумѣется, искать утѣшенія, какъ не въ любви? Коварной измѣнницы, бѣжавшей съ офицеромъ, воротить уже было нельзя, и требовалось приискать новый предметъ для своей привязанности. У Платона Николаевича была одна знакомая почтенная ста-

рушка, неразъ уже выручавшая его изъ подобнаго настоящему положенія, и онъ обратился за совѣтомъ къ ней.

— Помоги, доброжелательница!

— Есть у меня, Платонъ Николаичъ, одна дѣвица на примѣтъ, отвѣчала доброжелательница:— бѣдненько живетъ только, не имѣетъ ни одежды особенной какой, ничего такого; зато скромная, смиренная. И малымъ будетъ довольна, потому небогатая.

— Вотъ этакую-то мнѣ и нужно, согласился Платонъ Николаевичъ:— безъ всякихъ шиковъ. Только бы вѣрна была.

— Насчетъ этого и не сумѣвайте, успокоила доброжелательница:— какъ дѣвица бѣдная, то и будетъ дорожить. Все равно, за благодѣтеля ей будете.

— И прекрасно.

Вскорѣ послѣ этого разговора Платонъ Николаевичъ сталъ ежедневно проводить вечера въ сосѣдствѣ горбылевскаго дома на Новыхъ мѣстахъ. Не больше какъ черезъ мѣсяць послѣ знакомства съ Войлоковымъ, и у Стеши явился такой же бурнусъ, какъ у многоупоминаемой измѣнницы.

Штеша жила съ какою-то теткой, и обѣ были очень довольны приобрѣтеніемъ покровителя въ лицѣ Платона Николаевича. Разумѣется, и Платонъ Николаевичъ былъ доволенъ, что можетъ гдѣ-нибудь забыться. Знакомство съ сосѣдкой Машей произвело одно замѣтное измѣненіе въ домашнемъ быту Платона Николаевича. Послѣ нѣсколькихъ упрековъ маменьки, что онъ слишкомъ поздно возвращается вечерами домой и слишкомъ часто заставляеть понапрасну ждать себя къ ужину, онъ объявилъ на отрѣзъ, что— если такъ— сего никогда не слѣдуетъ дожидаться къ ужину, и онъ никогда дома ужинать не будетъ. И, не смотря на вопли и брань маменьки, Платонъ Николаевичъ не перемѣнилъ своего рѣшенія. Агаоля Максимовна нашла, что ужь если самъ хозяинъ не ужинаетъ, то домочадцамъ и думать объ этомъ не слѣдуетъ: поэтому и Вася принужденъ былъ ложиться спать безъ ужина. Онъ не особенно былъ этимъ огорченъ, потому что рѣдкій вечеръ проводилъ дома.

Весело ли проводилъ Платонъ Николаевичъ время на Но-

выхъ-мѣстахъ — положительно неизвѣстно; но должно думать, что весело: иначе, зачѣмъ бы ему являться туда каждый день въ извѣстный часъ и оставаться такъ долго. Тетка Стеши обыкновенно готовила ужинъ, и Платонъ Николаевичъ никогда не возвращался домой съ тощимъ желудкомъ. Онъ не могъ нахвалиться вѣрностью и привязанностью Стеши, и мало по малу забылъ свое поражение у Стапковыхъ.

Такъ прошло больше года.

Однажды мирная бесѣда Платона Николаевича съ его новой подругой жизни вдругъ была нарушена какимъ-то страннымъ крикомъ и шумомъ въ сѣняхъ.

— Что это? спросилъ удивленный Платонъ Николаевичъ.

— Тетенька! крикнула Стеша: — бѣгите! поглядите, что это тамъ дѣлается такое.

Тетка побѣжала, и крикъ и шумъ удвоились.

— Это пьяный какой-то, замѣтилъ Платонъ Николаевичъ.

— Должно быть сосѣдъ, отвѣчала Стеша: — онъ все, какъ напьется, сюда лѣзетъ...

— Зачѣмъ?

— Жену все щетъ.

— Чиновникъ, что ли?

— Какой чиновникъ! мѣщанинъ; прежде въ лакеяхъ былъ.

Тетка воротилась и сказала:

— Насилу выпроводила. Вынь да выложи ему его Машку.

А она, поди, на томъ краю города.

Слово за слово, и Платонъ Николаевичъ узналъ, что пьяный, потревожившій его спокойствіе, есть не кто иной, какъ бывший его служитель, Евграфъ.

— А вѣдь онъ прежде вина въ ротъ не бралъ, сказалъ Войлоковъ.

— Не было печали, такъ и не бралъ, рассказала Стеша: — какъ женился-то, думалъ — онъ первый. А вышло, что, можетъ, ужъ десятый. Онъ съ другого-же дня и запилъ. Потомъ повоздержался было немного, а тамъ и опять пошелъ. Почти-что каждый день безъ просыпу пьянъ.

— Развѣ дурно съ женой живутъ?

— Какое житье! Она и дома-то рѣдко бываетъ. И мать то у нея этакая же гулящая... Сначала-то онъ хотѣлъ, го-

ворять, торговать начать, да видно отъ домашней-то жизни — какъ запилъ, это ужъ у него и изъ головы вонъ.

— Какъ только это онъ поддался! Вѣдь онъ злой презлой!

— Что его зло-то? Алексѣвна развѣ уступить — тещато? Пьяного-то всякой разъ избьетъ, да и спать уложить.

Платону Николаевичу было очень любопытно взглянуть на жену Евграфа, тѣмъ болѣе, что Стеша говорила о ней, какъ о красавицѣ.

— Погодите, я вамъ ее покажу, сказала она: — позову къ себѣ. Она славно на гитарѣ играть и поеть.

Уроки штабсъ-капитана Алексѣвцева, видно, не пропали даромъ.

Недалеко, какъ черезъ нѣсколько дней, Стеша встрѣтила Платона Николаевича такими словами:

— А у васъ бѣда-то какая случилась!

— А что такое?

— Да Маша-то овдовѣла.

— Какъ такъ?

— Просто ужаси! Мужъ-то у нея разбился до смерти. Вчерась напился, да видно съ пьяныхъ-то глазъ и дороги не видалъ. Пошелъ къ оврагу тутъ за Новыми мѣстами, да чѣмъ бы на мостъ, а онъ видно прямо. Обрывъ этакой страшный — полетѣлъ туда внизъ головой, объ камни въ дребзги расшибся.

— Да вѣдь видѣлъ же кто-нибудь — какъ-же его не установили?

— Чего видѣть! Ночью было дѣло-то. Давеча, только мы встали, Алексѣвна прибѣгаетъ: «не видали-ль, говорить, нашего-то сокола? Дома и не ночевалъ нынче.» А къ намъ онъ и не заходилъ. Какъ ушла она, слышимъ: привезли его — полицейскій нашель.

— А что жена?

— Что ей! говорить: по-дѣломъ! зачѣмъ пилъ?.. Я бѣгала посмотрѣть, да и не рада — страхъ нида взялъ: весь разбитый, снѣй, да въ крови. Выйду вотъ въ сѣни въ потемкахъ — все мерещится. Кабы знала, не ходила бы лучше.

Платонъ Николаевичъ, хоть и не питалъ особой любви къ Евграфу, вздохнулъ о его судьбѣ и сказалъ:

— Жаль его, жаль! Много было мнѣ отъ него неприятностей, какъ онъ у меня жилъ; а все-таки жаль! И какъ это, я понять немогу, былъ человѣкъ такой трезвый... вдругъ такъ запить!

Маша, хоть и не особенно была огорчена смертью мужа, поплакала - такъ на его похоронахъ; а Фекла Алексѣевна, какъ выносили покойника изъ дому, голосила даже и причтала: на кого онъ, соколъ ясный, ихъ спроть покинулъ, кто ихъ будетъ понть, кормить, и проч.

IX.

Вася кончалъ курсъ. Въ послѣдніе мѣсяцы своего ученья онъ былъ гораздо прилежнѣе, потому что сознавалъ необходимость увѣнчать свое образованіе чинномъ четырнадцатаго класса. Не смотря на всю нелюбовь свою къ Платону Николаевичу, онъ началъ заискивать въ немъ: говорилъ съ благодѣтелемъ своимъ какимъ-то особенно подобострастнымъ тономъ, просилъ его совѣтовъ, какъ ему устроиться по окончаніи курса въ гимназіи. Объ университетѣ Вася и не думалъ — не потому, чтобы раздѣлялъ мнѣніе Платона Николаевича, высказанное имъ когда-то объ университетскомъ образованіи въ письмѣ къ покойной Аннѣ Васильевнѣ, а единственно потому, что и въ гимназіи учиться ему надоѣло — хотѣлось поскорѣе вырваться на свободу. Платонъ Николаевичъ принималъ нѣжности Васи за чистую монету, и обѣщалъ ему опредѣлить его на службу въ палату, гдѣ и самъ процвѣталъ. Независимо отъ просьбы Васи, Платону Николаевичу и самому хотѣлось устроить спроту поскорѣе и повыгоднѣе, чтобы избавиться наконецъ отъ заботъ и хлопотъ объ немъ. Платонъ Николаевичъ, размягченный лестью Васи, былъ даже на столько благосклоненъ, что объяснялъ ему заранѣе нѣкоторыя тонкости служебныя, и приводилъ ему, ради примѣра, факты изъ собственнаго своего опыта. Вася слушалъ совѣты родственника съ искреннею признательностью, и они сразу напечатлѣвались въ его памяти и

соображеніи, не то что латинскія снряженія, которыя Вася зубрилъ какъ-будто для того только, чтобы черезъ три-четыре дня опять позабыть.

Наступили наконецъ экзамены. При нѣкоторомъ счастьѣ и не особенной строгости испытателей, они сошли хорошо съ рукъ Васи, и онъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ явился домой — объявить Платону Николаевичу и его до-стопочтенной родительницѣ о полученіи вожделѣннаго чина коллежскаго регистратора. Послѣ должнаго поздравленія Платонъ Николаевичъ сказалъ:

— Какъ получишь аттестатъ, мы тебя пристроимъ. Надѣюсь, что ты мою рекомендацію оправдаешь.

— Да чего-жъ мнѣ и ждть болѣе? отвѣчалъ Вася: — вѣдь если я теперь не стану заботиться о себѣ, такъ и толку изъ меня никакого не выйдетъ.

Платонъ Николаевичъ вполне одобрилъ такой благородный образъ мыслей.

— А гдѣ же онъ жить-то теперь будетъ? спросила Агаѳья Максимовна: — у насъ все?

— Дѣ, мы объ этомъ еще и не переговорили съ тобой, Вася, сказалъ Платонъ Николаевичъ. — Если ты хочешь, можешь оставаться и у насъ, только, разумѣется, какъ ты будешь имѣть теперь свои средства, такъ конечно не захочешь жить даромъ. Мы бы разочли, сколько ты намъ стоишь — столъ, прислуга, чай, бѣлье, и проч. — и ты сталъ бы мнѣ платить изъ своего жалованья.

«Знаемъ мы васъ!» подумалъ Вася, котораго впрочемъ приличнѣе называть отпунѣ Васильемъ Петровичемъ. «Ты разочтешь такъ, что мнѣ и на табакъ ничего не останется. Возьмешь за всѣ года, сколько я у тебя прожилъ.»

— Это, по моему, песовсѣмъ удобно, Платонъ Николаичъ, возразилъ онъ.

— Отчего такъ?

— Мнѣ, разумѣется, было-бы пріятнѣе остаться у васъ; но и самое помѣщеніе на этой квартирѣ не такое... Какъ поступлю на службу, иногда понадобится тому-другому ко мнѣ зайти. А это и вамъ безпокойство, да и неловко вообще — всякой черезъ ваши комнаты поидеть.

— Да что, ты балы собираешься дѣлать, что ли? Какіе еще къ тебѣ гости станутъ ходить? возразила Агаоья Максимовна, которой очень улыбулась мысль, что племянникъ будетъ отнынѣ платить за свое прокормленіе и содержаніе.

— Балы не балы, тетушка, отвѣчала Василій Петровичъ: — а все же это не удобно. Иной и не въ гости, а по дѣлу, по службѣ прійдетъ. Я увѣренъ, и Платонъ Николаевичъ согласится со мной.

— Дѣ, дѣ, подтвердилъ Платонъ Николаевичъ: — неудобно, неловко.

— Тебѣ бы только потакать! заворчала недовольнымъ тономъ Агаоья Максимовна. — Дебошприпчать-то здѣсь нельзя — вотъ это главное.

— У васъ вѣдь одна пѣсня, сказалъ Платонъ Николаевичъ: — только и на умѣ, что всякого подозрѣвать...

— У! самъ-то дебоширъ, такъ и радъ всякому дебошу потакать! замѣтила уже совсѣмъ злобно Агаоья Максимовна.

Ея однакожь не послушали, и все устроилось по желанію Васпльа Петровича.

Стараніями Платона Николаевича ему немедленно по поступленіи на службу назначено было небольшое жалованье. Для перваго обзаведенія платьемъ и всѣмъ необходимымъ Войлоковъ далъ облагодѣтельствованному имъ родственнику двѣсти пятьдесятъ рублей взаймы, уплату которыхъ изъ жалованья разложилъ на два года. Шавровъ «окапировался» нанялъ себѣ скромную комнатку съ мебелью и со столомъ у какой-то мѣщанки въ Кривомъ переулкѣ (томъ самомъ, гдѣ жилъ извѣстный штабсъ-капитанъ), и перебрался туда изъ дому своихъ благодѣтелей. Одновременно съ нимъ вышли изъ гимназій товарищи его, Пирожковскій и Канюковъ; оба тоже поступили на службу, и остались пріятелями съ Шавровымъ.

Съ перваго же утра, проведеннаго въ присутственномъ мѣстѣ, Шавровъ почувствовалъ, что у него гораздо больше склонности къ служебнымъ занятіямъ, чѣмъ было къ ученію. Дѣло шло у него хорошо и быстро, и черезъ недѣлю онъ былъ уже замѣченъ столоначальникомъ, какъ малый, подающій надежды.

Домашній бытъ его устроился тоже ладно. Пожилая мѣщанка, хозяйка его, кормила его порядочно, и держала въ большомъ опрятствѣ двѣ его комнаты, почти ничѣмъ не отличавшіяся, ни мебелью, ни стѣнами, отъ комнатъ жившаго не подалеку Виктора Михайлыча. Только вмѣсто изображенія одалиски съ непомянутыми грудями висѣлъ въ простѣнкѣ портретъ Кутузова, да не было гитары и черкесскаго кинжала. По вечерамъ, когда Шавровъ бывалъ дома, къ нему нерѣдко заѣзжали Пирожковскій съ Канюковымъ, и между ними происходили картежныя ратоборства. Шавровъ такъ наметался въ игрѣ, что былъ постоянно въ выигрышѣ; поэтому денегъ у него было всегда довольно, и вычетъ изъ жалованья въ пользу Платона Николаевича нисколько его не стѣснялъ. Пирожковскій, по окончаніи ученья и по вступленіи на службу, сталъ разумѣется богаче, чѣмъ былъ въ гимназій, и размѣръ игры постепенно и понемногу возросъ значительно.

Событіе съ Евграфомъ случилось какъ разъ во время экзаменовъ. Платонъ Николаевичъ, рассказывая за обѣдомъ подробную исторію его смерти и порицая дурное поведеніе его жены, напомнилъ Васѣ о хорошенькой Машѣ, которую онъ не видалъ такъ давно, что можетъ быть и не узналъ бы ея. Шавровъ тогда же рѣшилъ, что, какъ экзамены кончатся, онъ отыщетъ старую свою знакомку.хлопоты по поступленію на службу, по устройству квартиры и проч. отдалили это намѣреніе недѣли на двѣ, на три; но однажды, когда, возвратясь изъ должности и сытно пообѣдавъ, онъ не зналъ, что дѣлать, и притомъ чувствовалъ нѣкоторое стремленіе къ женскому обществу, Шавровъ надѣлъ фуражку, взялъ палку и отправился на Новыя мѣста.

Какъ ни давно былъ Шавровъ въ домѣ Горбылева, онъ тотчасъ же нашелъ его и узналъ по забору, отдѣлявшему его отъ улицы. Въ самой калиткѣ встрѣтился онъ съ толстой, нѣсколько набѣленной бабой, которая остановила его вопросомъ:

- Вамъ кого?
- Машу, отвѣчалъ Шавровъ.
- Отъ кого вы?

— Ни отъ кого, самъ по себѣ.

— На что вамъ ее?

— А тебѣ что за дѣло?

— Какъ мнѣ что за дѣло? Да развѣ я не мать ея, что-ли?

Шавровъ посмотрѣлъ на нее, и тутъ только нашелъ лицо ея знакомымъ. Она, впрочемъ, показалась ему много измѣнившейся: какъ-будто ниже ростомъ стала, какъ-будто моложе (можетъ-быть отъ бѣдъ); только зубы почернѣли.

— А ты не узнала меня? спросилъ Шавровъ.

— Развѣ знакомы? спросила Фекла Алексѣевна, всматриваясь.

— Давно не видались, такъ можно и не узнать. Вотъ и я тебя не узналъ.

— Да вы кто такой?

— Шавровъ.

— Съ Семенычемъ-то къ намъ ходили?... Гдѣ-же васъ узнать! Гляди-ко-сь, вы поднялись-то какъ! Тогда вѣдь еще совсѣмъ ребенокъ были. Милости прошу.

— Маша дома?

— Дома, дома. Вы идите, да посидите, а я вернусь уже: мнѣ надо вотъ сюда, за уголь, въ переулочекъ.

Шавровъ пошелъ къ дому. На громкій лай дворняжки въ сѣняхъ, изъ комнаты послышался окликъ:

— Кто тамъ?

— Я, отвѣчалъ Шавровъ, отворяя дверь.

— Ахъ, батюшки! на что я похожа? вскричала Маша, скрестивъ на груди руки и кидаясь за ситцевый пологъ кровати.

Сверхъ рубашки у нея была подвязана только юбка; сидя на полу, Маша разглаживала что-то утюгомъ на обитой сукномъ доскѣ, прилаженной на двухъ стульяхъ, когда послышался лай собаки. Полныя, круглыя, свѣжія груди почти совсѣмъ выкатились наружу изъ-подъ широкаго и распущеннаго ворота рубашки. Бѣлыя руки и голыя плечи такъ обольстительно сверкнули передъ гостемъ, что сердце у него ёкнуло.

— Ничего, ничего, сказалъ онъ: — что ты прячешься? вѣдь я старый знакомый.

Маша взглянула изъ-за полога.

— А кто вы такой? я васъ не знаю.

— Выходи, такъ скажу.

Маша пристально смотрѣла на Шаврова, въ недоумѣннѣи раскрывъ большіе глаза и румяныя губы. Разгорѣвшееся отъ работы лицо ея было такъ хорошо, что гость былъ готовъ кинуться къ ней и начать цѣловать ея. Разбившіеся волосы упали ей на глаза; придерживая одною рукою пологъ, другою она поправила волосы, и будто ненарочно опять показала гостю бѣлое плечо.

— Что, не узнала? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; да вы нарочно. Я никогда васъ не видывала.

— Выйди-же сюда! и узнаешь.

— Дайте мнѣ хоть пріодѣться, что-ли.

— Зачѣмъ? Выходи такъ!

— Какъ это можно! Пойдите, я хоть платокъ накину.

И Маша вышла изъ-за занавѣски, вся завернувшись въ большой платокъ, подошла къ Шаврову и стала опять смотреть на него.

— Все-таки не узнаешь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.... Гляжу — въ-самомъ-дѣлѣ, какъ будто.... Да нѣтъ!... Я васъ никогда не видывала.

— А помнишь, я ходилъ сюда съ Евграфомъ?

— Ахъ, батюшки! Васенька! Василій.... Какъ васъ по батюшкѣ-то?... Я-бы и совѣмъ не узнала. Вѣдь сколько лѣтъ.

— Старога знакомаго и поцѣловать, я думаю, можно, сказалъ гость, взявши ее за плечи.

— Ахъ, полноте! что вы? проговорила Маша, увертываясь: — что вы, Василій....

— Петровичъ, подсказалъ Шавровъ.

— Не надо, Василій Петровичъ; зачѣмъ, право? продолжала она, освобождаясь.

Но Василій Петровичъ ужъ крѣпко держалъ ее въ объятіяхъ, и цѣловалъ ее и въ глаза, и въ щеки, и въ шю; наконецъ, вся разгорѣвшись отъ борьбы, она закинула немного назадъ голову и подставила ему свои губы.

— Господи! спохватилась она: — опять я вся раскрылась; платокъ-то свалился.

Она стала снова закутываться; но Шавровъ не давалъ ей сдѣлать это: онъ щекотилъ ее, вырывалъ у нея платокъ, наконецъ вырвалъ его совсѣмъ, и бросилъ въ сторону.

— Ну, что вы дѣлаете? говорила Маша, придерживая рукой воротъ рубашки: — на что я этакъ похожа?

— Ахъ ты, красавица! прелесть! только и повторялъ Шавровъ, не уставая обнимать и цѣловать ее.

— Полноте, Василій Петровичъ! упранивала Маша: — сядемте лучше, поговоримте.

— Не могу я ни объ чемъ говорить, отвѣчалъ Шавровъ.
— Ну, поцѣлуй меня еще! поцѣлуй, да хорошенько.

— Что вы дѣлаете? что вы дѣлаете? повторила Маша.

— Такъ люблю тебя... Развѣ ты не любишь меня?

— Ахъ, нѣтъ, люблю, отвѣчала Маша, прижимаясь къ Шаврову. — Помните, пряниками-то какъ кормила.

— Я-бы самое-тебя съѣлъ теперь, какъ пряникъ.

Х.

Не смотря на недавнюю опытность свою, Маша съ удивительной ловкостью умѣла долго водить за носъ всякого, кто интересовался ею, и весьма-немногіе пользовались ея благоклонностью, тогда-какъ очень и очень-многіе бросали на нее деньги, ничево не достигая. Случай съ Шавровымъ былъ поэтому совершенной неожиданностью для Ѳеклы Алексѣевны. Она, впрочемъ, узнала о немъ только, когда увидала его послѣдствія.

На другой день, только встала, Маша стала на-скоро одѣваться, отказалась отъ завтрака, и поспѣшно ушла изъ дому. Напрасно кричала ей Ѳекла Алексѣевна:

— Да куда ты? что загорѣлось?

— Надо.

Только и отвѣчала Маша.

— Что она? рехнулась никакъ? говорила, разводя руками, Ѳекла Алексѣевна: — право, рехнулась.

Маша торопливо шла уже по Кривому переулку, прямо къ дому мѣщанки Конотоповой, у которой занималъ квартиру Василій Петровичъ.

И съ этого дня, каждую минуту, когда только онъ былъ дома, проводила она у него. Что возбудило въ ней такую сильную любовь къ Шаврову — трудно понять. Онъ тоже страстно отдался первой своей привязанности.

Гитара Маши совсѣмъ переселилась въ квартиру Шаврова, и часто по вечерамъ прохожіе останавливались передъ окнами послушать, кто это такъ хорошо распѣваетъ. Викторъ Михайловичъ Алексѣевцевъ выучилъ Машу пѣть и два романса про гусаря, и «Что ты замолкъ»; но эти пѣсни ей не нравились, она ихъ не пѣла и выучилась другимъ. Любимая была у ней «Что отуманилась, зоренька ясная?» Пирожковскій и Канюковъ таяли отъ восторга, слушая ее, и завидовали счастьемъ товарища. Пирожковскій затѣялъ даже вѣроломство противу своего друга.

Однажды онъ засталъ Машу у Шаврова, когда его самого не было дома, и разсыпался передъ нею въ увѣренія, что просто чуть не озолотитъ ее, если она не откажется полюбить и его такъ, какъ Василья Петровича.

Маша только качала головой и говорила:

— Ни, ни, ни!

Пирожковскій подскѣлъ къ ней по-ближе.

— Вы что очень ужъ близко? Смотрите! вѣдь я и укушу, пожалуй.

— Нужды нѣтъ! укуси, только сначала поцѣлуй!

— О-го! чего захотѣли!

— А что жъ?

— Не много-ли будетъ?

— Будто ужъ и нельзя? сказала Пирожковскій, придвигаясь еще.

— Послушайте! проговорила Маша такъ серьезно и съ такимъ строгимъ лицомъ, что онъ по неволѣ опять отодвинулся: — если вы меня только тронете противъ воли — вотъ, ей-Богу же, ей-Богу, сами будете жалѣть. Ужъ я близко тогда къ вамъ не подойду.

— Ну, хорошо, только поцѣлуй!

— За что это, скажите?

— А ты развѣ и цѣлуешься только за деньги?

— Еще-бы!

- Ну, и много Вася тебѣ плотить?
- Будеть съ меня.
- Такъ такъ и не поцѣлуешь?
- Говорятъ вамъ, нѣ за что.
- Ну, я подарю тебѣ что-нибудь.
- Подарите.
- Тогда поцѣлуешь?
- Поцѣлую.... Только что-нибудь хорошее подарите!
- Шляпку хочешь?
- Э! проговорила съ презрительной миной Маша. —

Шляпки-то у меня три-п.

- Ну, платье!
- Какое вы платье подарите? Вы въ платьяхъ толку не знаете.
- Такъ что-же?
- А послушайте! вы въ-самомъ-дѣлѣ хотите мнѣ подарить?
- Разумѣется.
- Такъ знаете, что — подарите мнѣ часики.
- Вотъ ужъ и я теперъ тебѣ скажу: много захотѣла.
- Ну, какъ знаете!
- А если бъ я подарилъ, что-бы тогда?
- Поцѣловала-бы.
- И больше ничего?
- Такой уговоръ былъ. Чего-жъ еще больше?
- Этого мнѣ мало....
- Ну — тамъ-бы еще посмотрѣли.
- Куплю, рѣшилъ Пирожковскій.

И точно, «въ надеждѣ сладостныхъ наградъ», купилъ часы и подарилъ Машѣ. Поцѣлуй онъ получилъ; но дальше не пошелъ.

— Ахъ ты, цыганка! цыганка! говорилъ онъ послѣ этого ей при каждой встрѣчѣ.

— Я по уговору все исполнила, отвѣчала Маша очень-серіозно, и втихомолку хохотала съ Шавровымъ надъ его тароватымъ пріятелемъ.

Едва-ли не такое-же сильное впечатлѣніе произвела Маша и на Платона Николаевича, который видѣлъ ее разъ у Стеши.

Она такъ понравилась ему, что онъ готовъ былъ разыграть съ своей пріятельницей такую-же роль, какую разыгрывали прежде съ нимъ особы въ родѣ Стеши.

Послѣ перваго свиданія съ Машей, Платонъ Николаевичъ сталъ довольно-часто спрашивать:

— Да что это, Стеша, Маши у тебя такъ давно не впадать?

— Да зачѣмъ вамъ?

— Такъ.

— А развѣ ее залучишь когда! Она все день-то деньской Богъ знаетъ гдѣ рыщеть.

Надо замѣтить, что дружба Стеши и Маши давно уже охладѣла — съ тѣхъ почти самыхъ поръ, какъ онѣ стали гулять вмѣстѣ въ загородномъ саду. Между ними тогда-же началось соперничество, въ которомъ выигрывала, разумѣется, всегда Маша. Гдѣ ужъ было тутъ держаться дружбѣ?

Платонъ Николаевичъ прибѣгъ опять къ своей доброжелательницѣ; но и доброжелательница не помогла дѣлу. На всѣ ея предложенія Маша только и отвѣчала:

— Ни за что на свѣтѣ, ни за что.

Василій Петровичъ узналъ, разумѣется, отъ Маши объ искательствѣ Платона Николаевича, и очень былъ радъ подсмѣяться надъ неудачей своего благодѣтеля.

Съ того самаго времени, какъ Войлоковы рѣшили пріютить у себя Васю, а Анна Васильевна уѣхала съ племянницей въ монастырь, между братомъ и сестрой не существовало никакихъ сношеній, кромѣ приписокъ Васи въ письмахъ Платона Николаевича къ Аннѣ Васильевнѣ. Со смертью тетки и эти приписки прекратились.

Ни пока былъ въ гимназiи, ни по выходѣ изъ нея, Шавровъ никогда и не вспоминалъ о сестрѣ. Онъ былъ совершенно спокоенъ относительно ея положенія: зналъ, что у Дубровскихъ жить ей не можетъ быть дурно, и думалъ, что родственники вѣроятно выдадутъ ее и замужъ, и ему нечего будетъ хлопотать о ней. Ему никогда не приходило даже желанія повидаться съ сестрой, не то, чтобы начать съ нею переписку. Совсѣмъ не такъ думала и не то чувствовала Пашенька.

Вотъ какое письмо получилъ отъ нея Василій Петровичъ черезъ годъ по вступленіи своемъ на службу:

«Меня давно огорчаетъ, дорогой мой Вася, что мы съ тобой какъ чужіе и не знаемъ ничего другъ про друга. Пока мы были дѣтьми, это еще было простибельно и понятно; а теперь пора намъ познакомиться и стать ближе. Вѣрно меня не обманываетъ мое сердце, и тебѣ самому хочется этого. Ты помнишь меня конечно больше, чѣмъ я тебя. Ты былъ и старше, и умнѣе, когда мы разстались. Годы, проведенные мною въ отцовскомъ домѣ, почти совсѣмъ исчезли изъ моей памяти; я не могу даже вообразить себѣ твоего лица, и очень бы хотѣла имѣть твой портретъ. У меня все была твердая надежда, что мы увидимся скоро. Я думала, ты приѣдешь, окончивъ курсъ въ гимназіи, сюда, поступишь въ здѣшній университетъ, и мы будемъ постоянно виѣстѣ. Вышло не такъ. Чтò дѣлать? Я не знаю, лучше это, или хуже, но отъ всего сердца желаю тебѣ успѣховъ въ жизни и счастья. Когда-нибудь встрѣтимся же, и какъ было бы хорошо, еслибы мы встрѣтились съ тобой друзьями. Я тебя очень люблю, мой дорогой Вася, и надѣюсь, ты полюбишь меня. Отвѣчай мнѣ поскорѣе на это письмо, и расскажи мнѣ все, все подробно, что было съ тобой послѣ того, какъ мы не видались. Это такъ меня интересуеть. Я тебѣ тоже про себя все опишу. И будемъ писать другъ къ другу какъ можно чаще... Не правда-ли? Чтобы ты знала все, чтò со мной, а я все, чтò съ тобой. Съ кѣмъ же и подѣлиться каждой радостью, каждымъ горемъ, какъ не съ братомъ и съ сестрой? Милый мой Вася, какъ бы хотѣлось мнѣ начать съ тобой поскорѣе дѣятельную переписку. Вѣдь ты тоже будешь радъ? А потомъ, можетъ-быть, Богъ дастъ и увидаться. Ахъ! какое это счастье будетъ! какая радость!

«На первый разъ хочу рассказать тебѣ про себя только главное, а потомъ и все, все опишу; отвѣчай только мнѣ скорѣе.

«Ты знаешь, мой другъ, что я поступила было въ пансіонъ; но оставалась тамъ очень недолго, всего одинъ годъ. Наша добрая М. Шуазель умерла, и всѣ пансіонерки разошлись по домамъ. Хотя я и недолго была въ пансіонѣ,

а очень ему благодарна: онъ принесъ мнѣ большую пользу. Дома я почти не училась до поступленія въ пансіонъ; да и по выходѣ оттуда опять пришлось почти все время быть безъ серьезныхъ занятій. Учить меня было некому, тетенька все больна. Хотѣли взять мнѣ гувернантку, но не взяли. Только къ чтенію я пристрастилась, и читала что попадалось подъ руку, да занималась еще музыкой. Я бы все, чему успѣла научиться въ пансіонѣ, забыла, еслибъ года три тому назадъ тетенька не пригласила давать мнѣ уроки одного студента, Николая Ивановича Темникова. Ты вѣрно полюбилъ бы его отъ всей души, милый Вася! У него такая прекрасная душа и такой свѣтлый умъ! Я могу сказать, что ему одолжена всѣмъ моимъ воспитаніемъ, всѣмъ развитіемъ. До уроковъ его я блуждала какъ въ потемкахъ. Какъ жаль, что ты не былъ здѣсь въ университетѣ; онъ однихъ лѣтъ съ тобой, ты былъ бы его товарищемъ — и навѣрное другомъ. Въ послѣднее время къ сожалѣнію онъ разошелся съ дядей Егоромъ Александровичемъ — они что-то повздорили, и я уже не видала его по окончаніи курса. Теперь онъ уѣхалъ въ провинцію.

«Прости меня, милый мой Вася, что я такъ безсвязно пишу. Хотѣлось рассказать много, очень много, а теперь, какъ взяла перо, не могу ничего связать. Ты не повѣришь, какъ бы я желала видѣть тебя! Тогда, на словахъ, все рассказала бы гораздо лучше. Напиши же мнѣ поскорѣе, радъ ли ты моему письму, и какъ ты живешь, да подробнѣе, не такъ, какъ я.

«Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую.»

Письмо это не произвело никакого особенно пріятнаго впечатлѣнія на Василья Петровича. Онъ даже поставленъ былъ имъ отчасти въ тупикъ. О сестрѣ онъ и не вспоминалъ никогда — словно ея не существовало. Теперь приходилось начинать съ нею переписку, и это казалось Шаврову дѣломъ очень труднымъ. Написать отвѣтъ на первое письмо сестры собирался онъ цѣлыя двѣ недѣли; принявшись писать, перемаралъ нѣсколько листовъ бумаги, и все-таки написалъ всего двѣ странички — сухія и оффиціальныя. Между прочимъ онъ говорилъ, что жалѣетъ о своемъ не довольно

впрочемъ еще положеніи, чтобы выписать сестру къ себѣ на житье; но въ тоже время выражалъ надежду, что это скоро будетъ возможно.

Какое впечатлѣніе произвело на Пашеньку письмо брата, мы еще увидимъ; а теперь займемся пока судьбою Платона Николаевича.

ХІ.

Давно уже, какъ мы упомянули, ходили слухи о разныхъ преобразованіяхъ по тому вѣдомству, въ которомъ служилъ Платонъ Николаевичъ. Слухи эти то усиливались, то на время совсѣмъ почти смолкали. Усиливаясь, они производили, разумѣется, нѣкоторую тревогу во всѣхъ, кого должны были коснуться, а въ числѣ прочихъ и въ Платонѣ Николаевичѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ, а онъ по преимуществу, думали, что дѣло обойдется безъ перемѣнъ и все останется по старому: потолкуютъ, потолкуютъ, да тѣмъ и ограничатся.

Вдругъ пріѣхалъ, совершенно неожиданно, чиновникъ изъ Петербурга въ качествѣ ревизора.

Это событіе всѣхъ озадачило. Не говоря уже о тѣхъ, кому приходилось стать лицомъ къ лицу съ пріѣзжимъ, даже родственники и близкіе ихъ знакомые были въ нѣкоторомъ смятеніи. При извѣстіи о пріѣздѣ ревизора, у Агаоы Максимовны вдругъ онѣмѣли два пальца на правой рукѣ. Платону Николаевичу слѣдовало утѣшить маменьку.

— Богъ дастъ, все обойдется ладно, сказалъ онъ, не вѣря самъ тому, что говоритъ: — засталъ, правда, въ распложъ, да вѣдь не камень же какой! Пойдетъ, я думаю, на нашу удочку.

— Ахъ, Платоша! возразила плачевнымъ тономъ Агаоы Максимовна: — кто ихъ нынче разберетъ? Все стало не по старому. Гордости этой одной....

— Гордости точно нѣсть числа, согласился Платонъ Николаевичъ. — Что воспитывался въ университетѣ — такъ каждый думаетъ, ему и чортъ не братъ. О честности толковать мода у нихъ проявилась....

— Боюсь я все за тебя, Платоша, проговорила съ собоузнваніемъ Агаея Максимовна.

— Что за меня бояться! отвѣчалъ Платонъ Николаевичъ: — не я одинъ. На людяхъ, вы знаете, маменька, и смерть, говорятъ, красна.

— Ахъ, не говори! не говори! завопила встревоженная Агаея Максимовна, махая рукой, на которой онѣмѣли два пальца.

— Вотъ что-то завтра намъ скажетъ, заключилъ Платонъ Николаевичъ.

На слѣдующее утро онъ уѣхалъ изъ дому очень рано.

Пришелъ часъ обѣда; а Платонъ Николаевичъ все еще не возвращался. Агаея Максимовна сидѣла на сундукѣ у окна, и то и дѣло посматривала на улицу, не ѣдетъ ли сынъ. «Все нѣтъ! все нѣтъ!» повторяла она по временамъ вслухъ. Нельзя не замѣтить приэтомъ, что Агаея Максимовна издавна, съ самаго начала служебной карьеры Платона Николаевича, принимала самое горячее участіе въ удачахъ и неудачахъ его по службѣ. Участіе это основывалось не на одномъ материнскомъ чувствѣ или опасеніи за свои матеріальныя удобства и выгоды; въ Агаею Максимовну въ самой сидѣло нѣчто чиновничье: ей доставляло крайнее удовольствіе слѣдить за ходомъ многоколесной машины губернской администраціи, и она разспрашивала сына обо всѣхъ ея подробностяхъ. Съ теченіемъ времени у Агаеи Максимовны явились даже заклятые враги, которые не знали даже о ея существованіи. Они были врагами Агаеи Максимовны не потому, чтобы находились въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Платону Николаевичу; часто между Войлоковымъ и ими не существовало и вовсе никакихъ отношеній. Виною враждебнаго взгляда Агаеи Максимовны были самыя принципы.

Неуклюжая Василиса накрыла на столъ, и спросила, ждуть ли барина.

— Разумѣется, отвѣчала Агаея Максимовна.

Она велѣла поставить на столъ графинчикъ съ водкой, и выпила рюмочку ради подирѣзленія.

— Не видала, спросила она Василису: — не проходили палатскіе домой?

— Не видала.

— Сбѣгай-ка къ кому-нибудь изъ нихъ, хоть къ Чекушпну, что ли — онъ всѣхъ ближе живеть — спроси, воротился отъ должности, или нѣтъ. Да поживѣе!

— Сейчасъ.

Василиса ушла.

Агаѣя Максимовна ждала не дождалась ее, и справедливо предполагала, что дѣвка вѣрно заболталась съ кѣмъ-нибудь на улицѣ: такой ужъ характеръ противный. Въ ожиданіи, Агаѣя Максимовна рѣшилась еще подкрѣпиться рюмочкой. Пальцы на правой рукѣ такъ онѣмѣли, что она не чувствовала ихъ, и потому принуждена была лѣвою рукой ладить себѣ изъ графина водки и лѣвою же рукой поднести рюмку ко рту.

Наконецъ-то воротилась Василиса.

— Ну, чтó?

— Чекушинъ домой еще не бывалъ.

— Гдѣ ты сидѣла-то?

— Мнѣ гдѣ сидѣть? сбѣгала — да и только.

— Цѣлый часъ пропадала. Поди, ласы съ кѣмъ-нибудь точила на улицѣ?

— У васъ, извѣстно... Развѣ близко къ Чекушнымъ-то?

— Ну, молчи, грубиянка! пошла вонъ отсюда!

— Вы вѣчно Богъ-знаеть за чтó бранитесь.

— Вонъ, тебѣ говорятъ! вонъ!.. Ахъ, ты подлая!

На улицѣ загремѣли дрожки, и отвлекш вниманіе Агаѣи Максимовны отъ грубой дѣвки. Платонъ Николаевичъ возвращался наконецъ пзъ присутствія.

— Васютка! крикнула Агаѣя Максимовна: — неси обѣдать! Платоша ѣдетъ.

Василиса пошла въ кухню.

Агаѣя Максимовна находилась въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи. У нея даже голова тряслась, и она никакъ не могла удержать ее прямо. Слово предчувствіе какое охватило тяжелой лапой ея сердце.

Громкіе шаги Платона Николаевича послышались въ залѣ. Онъ приближался молча къ комнатѣ маменьки, и не пѣлъ: «Соловей мой соловей!» какъ пѣвалъ обыкновенно, возвращаясь отъ должности. Казалось, тяжелая лапа еще крѣпче сдавила сердце Агаѣи Максимовны.

Она ни слова не спросила; только взглянула въ лицо Платона Николаевича. Довольно было и этого: онъ былъ мраченъ какъ туча, готовая разразиться громомъ и молніей.

— Все кончено! крикнулъ онъ, отодвигая стулъ отъ стола и тяжело опускаясь на него.

— Нѣтъ! закричала вдругъ какъ-то дико Агаѣя Максимовна.

— Чего нѣтъ? да, когда я говорю...

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что все на столѣ жалобно задребезжало.

— Нѣтъ! нѣтъ! визгнула опять Агаѣя Максимовна, и покатилась, какъ снопъ, съ сундука на полъ.

Платонъ Николаевичъ бросился къ маменькѣ, и съ трудомъ поднялъ ее подъ мышки и дотащилъ до постели. На крикъ его прибѣжала Василиса и лакей. Лакей немедленно умчался за лекаремъ; а Василиса принялась помогать Платону Николаевичу раздѣвать и укладывать въ постель Агаѣю Максимовну.

Лицо у старухи совсѣмъ перекошило; она слабо только владѣла лѣвой рукой.

— Чтò съ вами, маменька? спрашивалъ Платонъ Николаевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала съ напряженіемъ Агаѣя Максимовна.

— Параличъ, должно быть, хватилъ, замѣтила Василиса.

— Нѣтъ, нѣтъ, вопила Агаѣя Максимовна.

— Да чтò это, маменька, вы все говорите «нѣтъ» да «нѣтъ», сказалъ Платонъ Николаевичъ, наклоняясь къ старухѣ: — развѣ вы ничего больше не можете произнести?

— Нѣтъ, нѣтъ, только и отвѣчала старуха.

— Да вы попробуйте что-нибудь сказать. Скажите: да.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ахъ, матушки мои! изумлялась Василиса.

Приѣхалъ лекарь, и сказалъ, разумѣется, что Агафья Максимовна поражена ударомъ. Поставили ей пиявокъ — не подѣйствовало; кровь пустили — тоже. Старуха оставалась при своемъ: нѣтъ! нѣтъ!

Платонъ Николаевичъ пообедалъ безъ всякаго аппетита: супу съѣлъ всего ложки двѣ, жаренаго только одинъ кусокъ, тогда-какъ блюдо спосили обыкновенно со стола пустымъ.

Наступилъ вечеръ. Спать послѣ обѣда Платонъ Николаевичъ совсѣмъ не могъ, даже и не ложился, и все ходилъ изъ угла въ уголъ по залѣ. На душѣ у него было очень темно, и онъ хотѣлъ бы подѣлиться своимъ горемъ, рассказавши его кому-нибудь. Маменька не говоря уже о томъ, что больна, можетъ быть и не понимаетъ ничего. Ктѣ ее знаетъ?

Тѣмъ не менѣе Платонъ Николаевичъ отправился въ спальню старухи, постоялъ около постели, потомъ подвинулъ къ ней кресло и сѣлъ. Агафья Максимовна глядѣла на него понятливыми глазами, хотя и говорила только: нѣтъ! нѣтъ!

— Вы одно мнѣ скажите, маменька, произнесъ Платонъ Николаевичъ: — можете ли вы меня понимать? Понимаете ли, что я говорю?

— Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчала Агафья Максимовна, впрочемъ такимъ тономъ, какъ-будто хотѣла сказать: да! да!

Тонъ этотъ нѣсколько утѣшилъ Платона Николаевича: значитъ, у маменьки осталось еще на столько сознанія, что ей можно рассказать о происшествіяхъ этого утра — конечно, осторожно, чтобы не разстроитъ ее больше.

Платонъ Николаевичъ началъ такъ:

— Напрасно, маменька, вы такъ огорчились. Бѣда вѣдь вовсе не такъ велика.

— Нѣтъ! нѣтъ! радостно воскликнула Агафья Максимовна.

«Все понимаетъ», подумалъ Платонъ Николаевичъ, и продолжалъ:

— Съ помощію Божіею все можетъ устроиться лучше прежняго даже. Конечно, я долженъ теперь буду оставить службу.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Но я и самъ, даже до этого происшествія, думалъ перемѣнить мѣсто. Давно уже начались разныя непріятности, интриги. Я вамъ ничего этого не говорилъ, потому-что не хотѣлъ огорчать васъ. А теперь, право, какъ обсудилъ я, такъ даже радъ, что буду уволенъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Право, маменька, и вамъ не слѣдуетъ вовсе огорчаться. Для меня можетъ теперь открыться даже гораздо шире карьера. Вотъ, какъ я ходилъ по залѣ, я все это очень дѣльно обдумалъ. И коммерціей можно заняться.

— Нѣтъ! нѣтъ!

— Это вовсе не унижительно: въ наше время многіе и очень уважаемые люди пускаются въ коммерцію. А по службѣ теперь ничего не выиграешь, потому-что нынче все новыя какія-то основанія. А подъ нихъ поддѣлываться — тяжело. И поэтому, вѣрьте моей совѣсти, я даже радъ, что увольняюсь.

— Нѣтъ! нѣтъ!

Единственное словечко, оставшееся въ распоряженіи у языка Агаѣи Максимовны, очень ясно выражало ея чувства, и въ послѣдній разъ произнесла она его, обливаясь горькими слезами. Видимо было, что она не вѣрила убѣжденіямъ Платона Николаевича. Да вѣрилъ ли и самъ онъ тому, что говорилъ? Такой разладъ чувства и слова былъ въ немъ очень обыкновеннымъ явленіемъ.

Бесѣда съ маменькой, прерываемая ея односложными восклицаніями, неудовлетворила Платона Николаевича. Онъ считалъ необходимымъ говорить съ нею тономъ утѣшенія, и не хотѣлъ тревожить ее изліяніями своей желчи. Оттого и не удовлетворился онъ, и даже въ то время, какъ говорилъ съ Агаѣей Максимовной, думалъ, съ кѣмъ бы ему повидаться и высказать все, что у него на душѣ. Между сослуживцами у Платона Николаевича не было друзей, да и всѣ они были столько же встревожены какъ онъ самъ, кромѣ низшихъ регіоновъ, съ которыми у Войлокова, разумѣется, не было ничего общаго. Развѣ поѣхать къ Стешѣ? Но Платонъ Нико-

лаевичъ и безъ того охладѣлъ къ ней нѣсколько въ послѣднее время, а теперь, въ такихъ обстоятельствахъ, ѣхать къ ней—значило не успокоить себя, а только еще больше раздражить: что можетъ понять Степа въ непріятномъ положеніи Платона Николаевича?

Онъ невольно припомнилъ Васю, и рѣшилъ пойти къ нему—отвести душу. Платонъ Николаевичъ былъ у родственника всего разъ, чтобы посмотрѣть, какъ онъ устроился, а потомъ только приглашалъ его, какъ младшаго, къ себѣ. Василій Петровичъ не считался съ благодѣтелемъ своимъ визитами, и заходилъ къ Войлоковымъ иногда разъ, иногда два въ недѣлю. Веселья особеннаго эти визиты ему не доставляли, но какъ дѣлать дома нечего, такъ отчего же и не зайдти? Надо при этомъ отдать справедливость и маменькѣ, и сыну. Съ тѣхъ поръ, какъ Шавровъ сталъ отъ нихъ дальше, они оказывали ему больше ласки и радушія. Василій Петровичъ все-таки ихъ не долюбивалъ, и въ это утро почувствовалъ даже какую-то странную радость тому, что надъ головой Платона Николаевича стряслась такая бѣда. Платонъ Николаевичъ, разумѣется, не чуялъ этого, собрался къ Шаврову и посоветовалъ маменькѣ успокоиться, уснуть немного. Маменька завопила было: «нѣтъ! нѣтъ!» Но Платонъ Николаевичъ, справедливо думая, что это «нѣтъ» значитъ можетъ быть и «да», не обратилъ на него вниманія, велѣлъ только Василюсь зажечь въ спальнѣ Агаонъ Максимовны лампадку и сидѣть тутъ безотлучно, и ушелъ.

Онъ и не ожидалъ, что вечеръ, проведенный у Шаврова, такъ его успокоитъ. Василій Петровичъ встрѣтилъ его такимъ радушнымъ восклицаніемъ: «Ба! Платонъ Николаевичъ! вотъ не ждалъ! Какъ я радъ, какъ я радъ!» При разсказѣ Платона Николаевича о горѣ, постигшемъ его маменьку, Шавровъ выразилъ глубокое, истинно родственное сочувствіе, и упрекнулъ своего благодѣтеля, что онъ тотчасъ же не далъ ему знать о приключившейся бѣдѣ: признательный племянникъ примчался бы на крыльяхъ вѣтра, чтобы раздѣлить заботы Платона Николаевича о больной. Но какое участіе принялъ Шавровъ въ служебной неудачѣ родственника! Не смотря на все свое раздраженіе, Платонъ Николаевичъ вѣрно

не нашелъ бы такихъ горькихъ и желчныхъ словъ, какими Василий Петровичъ говорилъ о разныхъ нововведеніяхъ и преобразованіяхъ, не ведущихъ ни къ какой цѣли.

Но все это утѣшило Платона Николаевича не такъ, какъ появленіе Маши. Игривыя мечты его часто обращались къ ней въ послѣднее время, и Войлоковъ не терялъ надежды — рано или поздно сблизиться съ хорошенькой вдовушкой. До него доходили слухи о дружбѣ ея съ Васей; но этимъ Платонъ Николаевичъ не особенно тревожился: не вѣкъ же такъ будетъ? Сегодня дружны, а завтра нѣтъ. Да, наконецъ, одно другому и не мѣшаетъ.

— Рекомендую моего родственника и благодѣтеля, ска- залъ Машѣ Шавровъ, подводя ее къ Платону Николаевичу.

— Я ихъ знаю, отвѣчала, улыбаясь, Маша: — мы у Стеши видѣлись.

— А вы все прячетесь отъ меня, замѣтилъ шутливо Платонъ Николаевичъ: — сколько я Стешѣ говорилъ, чтобы она васъ позвала, а вы все отказываетесь.

— А вамъ меня зачѣмъ? Вѣдь ужъ есть у васъ своя Стеша?

— Чтò Стеша! возразилъ съ сладкой улыбкой Платонъ Николаевичъ.

— Вотъ всѣ вы, мужчины, такіе измѣнники! засмѣялась Маша.

— А вы еще не знаете, Платонъ Николаевичъ, сказалъ Шавровъ: — какая она артистка! Покажи-ка свое искусство, сыграй да спой!

Онъ подалъ ей гитару.

— Вотъ! не успѣла носъ показать, ужъ и пой!

Не смотря, однакожъ, на возраженіе, она взяла гитару, и стала щипать на ней струны.

— Ты вспомни, что Платонъ Николаевичъ мой родственникъ и благодѣтель, сказалъ не безъ нѣкоторой ироніи Шавровъ: — и ты должна ему угодить.

Ироническаго отгѣнка Платонъ Николаевичъ не замѣтилъ и слова Васи пролились бальзамомъ на его сердце.

— Какую вамъ? спросила гостя Маша.

— А что ни споете, отвѣчалъ Войлоковъ: — мнѣ все будетъ пріятно.

— «Зореньку», Маша! сказалъ Шавровъ.

— Надоѣла «Зоренька», отвѣчала Маша. — А вотъ...

Она заиграла и запѣла:

«Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ!»

Платонъ Николаевичъ былъ въ совершенномъ восторгѣ.

Немедленно послѣ чаю на столѣ явился подносъ съ разными закусками, съ водкой и съ двумя бутылками мадеры.

— Ну-ка, Платонъ Николаевичъ, пригласилъ Василій Петровичъ: — выпьемъ за здоровье ревизора.

— Чтобы ему ни дна ни покрывки! промолвилъ Платонъ Николаевичъ, подходя къ столу. — Вотъ мы за чье здоровье выпьемъ!

И онъ показалъ на Машу.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила Маша. — Налей мнѣ, Вася, полрюмочки мадеры, я хочу выпить за здоровье Платона Николаевича.

— Вотъ и прекрасно! согласился Платонъ Николаевичъ: — я за ваше, а вы за мое.

И выпилъ.

Бесѣда сдѣлалась развязнѣе: гость, по приглашенію Шаврова, «повторилъ» разъ и два, и совсѣмъ разнѣжился.

Маша еще пропѣла романса два-три, и Платонъ Николаевичъ ощутилъ непреодолимое желаніе поцаловать ее въ румяныя губы. Она стала было отказываться, но Василій Петровичъ рѣшилъ дѣло такъ:

— Поцалуй его, Маша! Это не бѣда. Вѣдь Платонъ Николаевичъ и родственникъ мнѣ, и благодѣтель.

— Развѣ ужъ по этому, согласилась Маша.

Платонъ Николаевичъ совсѣмъ раскраснѣлся отъ волненія и «повтореній».

— Ну, еще! еще! просилъ онъ Машу.

— Будетъ съ васъ! отвѣчала она.

Было около часу, когда Платонъ Николаевичъ отправился домой. Сидя на дрожжахъ, онъ немножко покачивался, и все

хотѣлъ свиснуть, но никакъ не могъ совладѣть со своими губами. У него было также большое желаніе поговорить съ самимъ собой; но присутствіе кучера удерживало его.

Только воротясь домой и войдя въ свой кабинетъ, Платонъ Николаевичъ далъ волю своему языку.

— Вася славный малый, говорилъ онъ, ложась въ постель: — а я пьянъ... и Маша славная... «Будеть, говорить, съ васъ!...» Штука... А я пьянъ.

Съ тѣмъ онъ и уснулъ.

М. Михайловъ.

ДИССОНАНСЪ.

На чердачкѣ она жила кой-какъ работой, —
Какъ свѣтскій человѣкъ и онъ былъ не богатъ,
И были для него мучительной заботой
Перчатки, галстуки, визиты, маскарадъ,
Какъ бѣса — Божій крестъ, его пугала бѣдность —
Всѣмъ видная нужда, понятная всѣмъ бѣдность.
Огарокъ на столѣ, лоскутья на полу,
Постель и образокъ съ лампадкою въ углу...
Какъ всякій модный франтъ, онъ былъ богатъ мечтами,
Не равнодушный къ ней, онъ думалъ о другой,
Женитьбой думалъ онъ расправиться съ долгами
И рыскать по баламъ съ богатою женой.
Все это онъ скрывалъ, — но и она скрывала
Волненія души и плакала тайкомъ.
За ней онъ весело ухаживалъ сначала
И съ лихорадочнымъ участіемъ потомъ.
Вчера, весь вспрыснутый духами, передъ баломъ
Онъ постучался къ ней, — она свѣчу зажгла;
Вошелъ онъ въ комнату, и на его усталомъ
Лицѣ безпечная улыбка замерла.
И сталъ онъ говорить: — ужели ты не видишь,
Что за тебя я радъ послѣдній рубль отдать,
За что-же ты меня какъ-будто ненавидишь,
Робѣешь и молчишь — я не могу понять.
— Меня легко понять, ему въ отвѣтъ сказала
Бѣдняжка, поблѣднѣвъ, и отклонивъ рукой
Ту горсть, которая съ волненьемъ подавала
Ей все, что было за душой.
— Чего-же хочешь ты?

— Мнѣ ничего не надо.

(И слезы градомъ хлынули изъ глазъ.)

Меня вы любите, но я любви не рада,
Я васъ люблю, но избѣгаю васъ.
Мнѣ ваше тягостно горячее участие,
Я знаю, вы добры; но — сердце мнѣ твердить,
Моя любовь не принесетъ вамъ счастья,
И ваша страсть меня не воскресить.
Быть можетъ, я стою надъ бездною разврата;
Но вамъ меня въ ту бездну не столкнуть....
И если я себя рѣшусь продать за злато, —
Продамъ себя не вамъ, — продамъ кому-нибудь.
Молчите! Пусть меня болванъ, — злодѣй погубить,
Я буду думать: — чтожь, пускай!
Я не люблю его, и онъ меня не любить —
Возьму себѣ на хлѣбъ, скажу ему прощай,
И если ворочусь домой ночной порою,
Съ рыданьемъ бросившись на жесткую кровать,
Я прокляну не васъ, вы — человѣкъ съ душою,
Я васъ могла бъ любить — но.... но не проклинать!

И. Меломский.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ АМУРА КЪ РОССИИ.

ПЕРИОДЪ Ш.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АМУРА.

(1847 — 1858 г.)

Статья третья.

«Что же касается до русской рѣки Амуръ, то объ этомъ рѣчь впереди.»

Слова Императора Николая I.

6-го сентября 1847 года, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I-й, во время своего путешествія по Россіи, прибылъ на станцію Сергіевскую (третью отъ г. Тулы), и здѣсь изволилъ принимать тульскаго военнаго губернатора Николая Николаевича Муравьева. Послѣ нѣсколькихъ словъ Государь объявилъ ему, что онъ назначилъ его генераль-губернаторомъ въ восточную Сибирь, причемъ упомянулъ о развитіи нашей золотопромышленности, о нѣкоторыхъ безпорядкахъ по этой части, о кяхтинской торговлѣ; выразивъ, что она, повидимому, не уменьшается, что Китайцы, какъ кажется, привыкли къ сношеніямъ съ нами, дорожатъ ими и, въ заключеніе своихъ разсужденій, изволилъ прибавить слѣдующее замѣчательное изрѣченіе: *«что же касается до русской рѣки Амуръ, то объ этомъ рѣчь впереди»*. Напутствуемый такою высокою мыслію державнаго Императора, Николай Николаевичъ отправился въ С. Петербургъ, гдѣ, не теряя времени, тотчасъ-же приступилъ къ ознакомленію съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находилось въ то время дѣло объ Амурѣ.

Государь Императоръ какъ-бы предъугадывалъ, что только человѣкъ съ такой неутомимой энергіей и настойчивой силой воли, какъ генералъ Муравьевъ, способенъ выпутаться изъ подобнаго хаоса свѣдѣній, мнѣній и предположеній о рѣкѣ Амурѣ, который существовалъ въ концѣ 1847 года, и въ этомъ случаѣ слѣдовалъ правилу, что à bon entendeur — peu de parler. Съ другой стороны, и Николай Николаевичъ счумѣлъ отгадать, въ мѣтко-сказанной фразѣ, мысли и желанія незабвеннаго монарха, направленные къ осуществленію видовъ Россіи на рѣку Амуръ, и не могъ не понять ее иначе, потому-что въ противномъ случаѣ не было-бы никакого повода выражаться подобнымъ образомъ о рѣкѣ Амурѣ, не имѣя нпкакой, даже и отдаленной, цѣли.

Во время пребыванія своего въ С. Петербургѣ, Николай Николаевичъ познакомился съ капитанъ-лейтенантомъ Геннадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ, назначеннымъ въ то время командиромъ строящагося въ Гельсингфорсѣ транспорта «Байкалъ», отправляющагося изъ Кронштадта въ кругосвѣтное плаваніе, для обыкновеннаго періодическаго доставленія въ Камчатку различныхъ грузовъ и припасовъ отъ морскаго вѣдомства. Геннадій Ивановичъ издавна уже помышлялъ объ изслѣдованіи Амура, а потому весьма-естественно, что, послѣ бесѣды съ генераломъ Муравьевымъ, идея эта укрѣпилась въ немъ окончательно, получила полное основательное развитіе и сдѣлалась лучшею, задушевною его мечтою. Пылкій, воспримчивый и дѣятельный капитанъ Невельской не могъ далѣе откладывать дѣла! Послѣ отъѣзда генерала Муравьева въ Сибирь, онъ сталъ хлопотать о скорѣйшемъ окончаніи строящагося транспорта и вооруженіи его, чтобы имѣть возможность выйдти по-ранѣе изъ Кронштадта, придти въ началѣ весны 1849 года въ Петропавловскъ, сдать тамъ грузъ, и остающееся время навигаціи употребить на описъ и изслѣдованіе юговосточныхъ береговъ Сибири и лимана Амура. Въмѣстѣ-съ-тѣмъ, зная уже сочувствіе къ этому дѣлу генералъ-губернатора восточной Сибири, онъ отправилъ къ нему въ Иркутскъ *первое* свое письмо, отъ 10-го февраля 1848 года, которое такъ интересно и вмѣстѣ-съ-тѣмъ составляетъ такое важное начало въ ряду совершившихся въ

послѣдствіи событій, что помѣщается здѣсь въ возможной полнотѣ:

«Ваше превосходительство, милостивый государь, Николай Николаевичъ! Зная ваши благія намѣренія сдѣлать все полезное для страны вамъ ввѣренной и бывши столь много обласканъ вашимъ превосходительствомъ, я долгомъ поставилъ себѣ увѣдомить васъ, что, судя по ходу работъ, надѣюсь непременно выйти въ море въ самыхъ первыхъ числахъ августа и при такомъ раннемъ выходѣ я твердо увѣренъ, что буду имѣть возможность идти кругомъ мыса Горна и потому въ самыхъ первыхъ числахъ мая 1849 года обыть въ Петропавловскомъ портѣ, гдѣ, чтобы сдать петропавловскій и охотскій грузы, достаточно было простоять 2½ недѣли, слѣдовательно я буду имѣть впереди все лѣто 1849 года, т. е. іюнь, іюль и августъ мѣсяцы. Это время смогло-бы быть употреблено съ величайшею пользою, а именно на *осмотръ и опись* юговосточныхъ береговъ Охотскаго моря, начиная отъ Тугурской губы и далѣе къ востоку до лимана р. Амура, на изслѣдованіе и опись самыхъ устьевъ этой рѣки и пространства между остр. Сахалинымъ и матерымъ берегомъ Азии. Но въ настоящемъ случаѣ вѣжу, что безъ ходатайства вашего превосходительства здѣсь никто о томъ не думаетъ, а безъ предписанія я, самъ собою, не посмѣю дѣйствовать.

«Между-тѣмъ случай и время, дорогое время, будутъ потеряны!... Однако, имѣя постоянно въ виду ваши благія намѣренія касательно этого предмета, я съ своей стороны принялъ всѣ мѣры, чтобы быть готовымъ къ исполненію; стоитъ только приказать. Такимъ-образомъ я достигъ уже того, что по избранію моему, ко мнѣ назначили офицеровъ дѣятельныхъ и имѣющихъ теоретическія и практическія свѣдѣнія въ наукахъ, собственно къ познанію природы относящихся, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большую практику въ описи береговъ. Я достигъ уже того, что ко мнѣ отпускаютъ всевозможные и лучшіе инструменты. Постигая же всю важность познаній для Россіи страны этой, я употребилъ-бы всю мою дѣятельность, всѣ мои способности, чтобы представить подробную и добросовѣстную картину

«мѣсть, мракомъ доселѣ отъ насъ сокрытыхъ, представить «не для одного любопытства науки, но главное, для практической пользы, т. е. гдѣ и съ какими удобствами и средствами можетъ быть основанъ портъ, какіе находятся лѣса, «растенія и качество земли, и что и въ какой степени безопасности можно совершать плаванія, какія можно встрѣтить препятствія отъ климата, течения, мелей и т. п., словомъ сказать, представить полную картину береговъ этихъ, «принимая главнымъ основаніемъ практическую пользу и «представляя вещи какъ онѣ дѣйствительно есть и добро-«совѣстно. А при такомъ изслѣдованіи, кто можетъ теперь «исчислить всѣ важныя послѣдствія, какія для блага Россіи «произойти могутъ? Пусть официально помѣстятъ мнѣ въ «инструкціи: «что я въ Петропавловскѣ долженъ сдать и «охотскій грузъ и постараться въ исходѣ мая выйти изъ «Петропавловскаго порта и слѣдовать къ описи новой В. К. «губы и къ востоку лежащаго отъ нея берега, и что если «въ продолженіи лѣта и осени 1849 года не будетъ воз-«можности окончить опись эту, то на зимніе мѣсяцы идти «въ Петропавловскій портъ, а буде-же, по позднему времени, «или по какимъ-либо причинамъ, взойти въ Петропавловскъ «будетъ невозможно, то на это время идти на остр. Тихаго «океана, гдѣ я найду болѣе удобнымъ провести зимніе мѣ-«сяцы, съ тѣмъ, чтобы съ раннею весною воротиться опять «къ описи и по окончаніи уже которой слѣдовать въ Охотскъ «и сдать судно» и секретно: «не давая подозрѣній, подъ ка-«кимъ-либо предлогомъ, отъ случайностей происходящимъ, «напримѣръ туманъ, буря, теченіе и т. п. постараться зайти «въ лиманъ Амура, изслѣдовать устье этой рѣки и простран-«ство между материкомъ и остр. Сахалиномъ до предѣла къ «югу сколь возможно большему». При такомъ предписаніи, «я распорядился-бы слѣдующимъ образомъ: 1) на пути въ «Петропавловскъ на Сандвичевыхъ островахъ заготовилъ-бы «провизіи на 8 мѣсяцевъ, 2) прийдя въ Петропавловскъ, сдать-«бы охотскій грузъ (за которымъ изъ Охотска можно было-бы «отправить въ продолженіи лѣта судно) и постарался-бы не-«премѣнно въ исходѣ мая выдти изъ Петропавловска, и 3) пошелъ-бы прямо въ лиманъ Амура, между Сахалиномъ

«и матерымъ берегомъ, разумѣется, официально меня за-
 «чесли-бы туда туманъ или течение и проч., и по такимъ-же
 «официально представленнымъ причинамъ не вышелъ-бы от-
 «туда до-тѣхъ-поръ, пока подробно все не изслѣдовалъ-бы,
 «предлоговъ можно найти, самыхъ убѣдительныхъ, весьма-
 «много и такихъ, противу которыхъ ничего и сказать нельзя,
 «стоятъ только *завратъся*; и 4) оттуда уже отправился-бы я
 «въ новую губу и началъ-бы подробную опись берега, по
 «окончаніи которой, если успѣлъ-бы въ 1849 году, а въ
 «противномъ случаѣ въ 1850 году пришелъ-бы въ Охотскъ
 «и сдалъ судно. И долженъ сказать вашему превосходитель-
 «ству и невозможно въ портахъ этихъ снабдить такъ судно,
 «какъ снабженъ транспортъ, на которомъ я отправляюсь, и
 «наконецъ, для блага отечества, смѣю откровенно сказать
 «вашему превосходительству, что при подобныхъ случаяхъ
 «надобно, чтобы дѣйствовало лицо совершенно-постороннее,
 «независимо отъ начальника охотскаго порта. . . . .
 «Затѣмъ, по окончаніи всего этого, я могу быть въ Иркутскѣ
 «зимой 1849 года или 1850, а дабы зиму я слѣдующее лѣто
 «провести съ пользою, если ваше превосходительство най-
 «дете нужнымъ, можно употребить меня и моихъ офицеровъ
 «(съ которыми, какъ мнѣ извѣстно, я долженъ изъ Охотска
 «возвратиться) на изслѣдованіе озера Байкала и верховья
 «р. Амура, о чемъ доселѣ не имѣется хорошихъ, настоящихъ
 «свѣдѣній. А наконецъ я, по отвѣтѣ вашему, могъ-бы взять
 «съ собою изъ Петербурга чертежи испытанныхъ грузовыхъ
 «и другихъ рѣчныхъ и озерныхъ судовъ и въ продолженіи
 «зимы и весны въ Иркутскѣ легко можно было для примѣра,
 «подъ моимъ присмотромъ, выстроить и вооружить хотя одно
 «подобное судно, а лѣтомъ мы-бы его испытали — тѣмъ
 «болѣе, что въ этихъ странахъ подобные образцы весьма-
 «важны.

«Ваше превосходительство! мнѣ-бы гораздо, конечно
 «гораздо-легче было, какъ доселѣ предполагается, отвести
 «грузъ въ Петропавловскъ и Охотскъ, сдать судно и пре-
 «спокойно воротиться, нежели имѣть на своей отвѣтствен-
 «ности подобную работу. Но я вполнѣ понимаю, сколь важны
 «для нашего отечества подобныя изслѣдованія, священнымъ

«долгомъ поставилъ - бы себѣ представить о всемъ этомъ добросовѣстно и такъ, какъ оно дѣйствительно есть. Чувствую, что дѣятельности, знанія и способностей моихъ достанетъ, и средства и время есть. У меня и прекрасно-снабженное, совершенно-новое судно, здоровая и хорошая команда, прекрасные офицеры.

«Какъ Русскій, какъ преданный моему отечеству, смѣю представить о томъ вашему превосходительству, упоая на Господа, не щадя ни правъ своихъ, ни здоровья, ни самой жизни, надѣюсь исполнить, но безъ ходатайства вашего превосходительства ничего не будетъ, — надобно, чтобы наше начальство мнѣ вмѣнило это въ обязанность, а безъ того вы сами изволите знать, могу-ли я дѣйствовать? Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство не оставите своимъ ходатайствомъ и почтите меня до отхода вашимъ приказаніемъ и увѣдомленіемъ. Въ ожиданіи этого, съ глубочайшимъ уваженіемъ и проч.»

Въ это-же время морское министерство спрашивало мнѣніе генераль-губернатора относительно перенесенія Охотскаго порта въ новооткрытую, на Сегнекинскомъ полуостровѣ, у Тугурской губы, Константиновскую бухту и проведенія сухопутнаго сообщенія отъ этой бухты въ Забайкалье, предложеннаго начальникомъ Охотскаго порта, капитаномъ Вонлярлярскимъ.

Генераль-губернаторъ, пользуясь представившимся поводомъ, отвѣчалъ начальнику главнаго морскаго штаба, что проэктированная г. Вонлярлярскимъ сухопутная дорога къ Константиновской гавани невозможна, и что, по его мнѣнію, предварительно слѣдовало-бы подробнѣе осмотрѣть и описать юговосточный берегъ Сибири, отъ Тугурскаго залива до устья Амура; почему онъ и проситъ дать приказаніе командиру, отправляющагося изъ Кронштадта въ Камчатку судна, сдать грузъ въ Петропавловскѣ, отправиться къ описи означенныхъ береговъ, снабдивъ его для этого надлежащими инструкціями. Князь Меншиковъ нашелъ это ходатайство уважительнымъ, и по его настоянію и содѣйствію, предъ отправленіемъ капитана Невельскаго въ кругосвѣтное плаваніе, ему дано было приказаніе, по сдачѣ груза въ Петро-

павловскѣ, осмотрѣть юговосточный берегъ Охотскаго моря отъ Тугурской губы, между тѣми мѣстами, которыя были видимы или усмотрѣны прежними мореплавателями, и по приходѣ въ сибирскіе порта состоятъ въ распоряженіи генераль-губернатора восточной Сибири.

Въ этомъ-же 1848 году прибылъ въ Иркутскъ Англичанинъ Остенъ, желавшій путешествовать по Сибири, въ особенности-же по Забайкалью, и по рѣкамъ Ингодѣ и Шилкѣ спуститься къ устью Амура. Генераль-губернаторъ, имѣя въ виду, что всѣ прежнія русскія попытки, къ изслѣдованію Амура и открытію плаванія по этой рѣкѣ, были отклоняемы нашимъ правительствомъ, считалъ тѣмъ болѣе неумѣстнымъ содѣйствовать отправленію по этой рѣкѣ иностраннаго изслѣдователя, отчего могли-бы возникнуть непріятныя для насъ столкновенія съ Китайцами. Поэтому, назначенный сопутствовать Остену, корпуса топографовъ подпоручикъ Вагановъ проѣхалъ съ нимъ лѣтомъ 1849 года по Забайкалью до Нерчинскаго завода и успѣлъ отклонить совершенно его намѣреніе плыть по Амуру. Послѣ этого Остенъ возвратился въ Иркутскъ и отсюда зимою, въ началѣ 1850 года, въ С. Петербургъ.

Это обстоятельство привело къ важнымъ послѣдствіямъ. Генераль-губернаторъ двумя письмамъ, въ томъ 1848 году, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому, что проѣзжающіе чрезъ всю Сибирь подъ видомъ ученыхъ розысканій иностранцы имѣютъ совѣмъ другую цѣль,—въ чемъ онъ убѣдился совершенно. Одни изъ нихъ желаютъ видѣть Камчатку и сообщеніе ея съ жилою Сибирью, другіе изслѣдовать новый путь сообщенія Сибири съ Восточнымъ океаномъ. При этомъ генераль-губернаторъ присовокуплялъ, что эти соображенія давно зацѣпаютъ его, и давно онъ собираетъ свѣдѣнія объ этихъ важныхъ для Россіи предметахъ.

Отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ, приготовленный въ проэктѣ, но еще не подписанный, былъ поднесенъ имъ Государю Императору и по высочайшему повелѣнію вмѣстѣ съ выпискою изъ помянутыхъ двухъ писемъ переданъ государственному канцлеру.

Далѣе, основываясь на мнѣніи академика Миддендорфа о независимости Гиляковъ и о согласіи ихъ уступить часть земли для поселенія, за нѣсколько пудовъ табаку, министръ Перовскій полагалъ удобнымъ поселить на прибрѣтенныхъ такимъ способомъ мѣстахъ часть Бурятъ, Тунгусовъ, или иное преданное намъ, надежное и притомъ мирное, племя.

Между тѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ, разсмотрѣвъ выписку изъ двухъ писемъ генерала Муравьева и проэктъ отвѣта на нихъ министра внутреннихъ дѣлъ, счелъ необходимымъ составить предположенія объ установленіи сношеній съ Гиляками, обитающими близъ устья Амура (на сѣверной его стороны), и о наблюденіи въ тѣхъ мѣстахъ за движеніями иностранцевъ. Распоряженіе это было удостоено высочайшаго утвержденія.

Вмѣстѣ съ этимъ въ департаментѣ генеральнаго штаба, по распоряженію военного министра князя Чернышева, были собраны всѣ имѣвшіяся до того времени свѣдѣнія о границѣ нашей съ китайскими владѣніями и составлено соображеніе о точнѣйшемъ опредѣленіи этой границы. — Въ докладѣ департамента по этому предмету упоминалось, что часть границы отъ р. Горбицы до Охотскаго моря остается неизвѣстною, ибо объ ней никакихъ положительныхъ топографическихъ свѣдѣній во все не имѣется, и все показанное на картахъ въ этомъ пространствѣ не заслуживаетъ никакого довѣрія. Но вмѣстѣ съ этимъ тутъ же приводились свѣдѣнія, сообщенныя академикомъ Миддендорфомъ о независимости Гиляковъ и объ открытыхъ имъ въ 1844 году четырехъ пограничныхъ знакахъ (амвонахъ), поставленныхъ китайскими чиновниками южнѣ предполагаемой нами границы, на основаніи послѣдняго пункта трактата 1689 года; въ слѣдствіе чего г. Миддендорфъ, принявъ эти знаки за пограничные столбы, исчислилъ, что пространство російскихъ владѣній должно увеличиться 50-ю тысячами квадратныхъ верстъ дикою и непроходимой мѣстности, забывая что подобное бесполезное прибрѣтеніе навсегда отрѣзывало бы насъ отъ Амура. — Поэтому департаментъ генеральнаго штаба для рекогносцировки этого пространства полагалъ назначить особую комиссію изъ офицеровъ генеральнаго штаба и то-

пографовъ, на которую вмѣстѣ съ тѣмъ возложить и переговоры съ Гиляками, о приведеніи ихъ въ подданство Россіи, или по крайней мѣрѣ для пріобрѣтенія у нихъ части земли для основанія складочнаго торговаго мѣста, безъ чего по мнѣнію г. Миддендорфа на этихъ берегахъ весьма легко могутъ основаться иностранцы, и тѣмъ захватить въ свои руки всѣ выгоды водянаго сообщенія Сибири съ моремъ по р. Амуру. Что-же касается до свѣдѣній доставленныхъ г. Миддендорфомъ о томъ, что р. Амуръ отлично способна къ пароходству, не имѣетъ нигдѣ пороговъ и отмелей и массою своихъ водъ равняется самымъ значительнымъ рѣкамъ Соединенныхъ-Штатовъ, то для удостовѣренія въ этомъ департаментъ генеральнаго штаба предлагалъ произвести особую рекогносцировку всего теченія Амура, поручивъ извѣстному лицу спуститься въ лодкѣ, въ видѣ партикулярнаго путешественника, съ верховья рѣки до устья и выплыть къ Аянскому или Тугурскому заливу.

Государь Императоръ, разсмотрѣвъ 12 января предложенія департамента генеральнаго штаба, изволилъ пайти ихъ полезными и приказалъ сообщить графу Нессельроде.— Въ слѣдствіе этого государственный канцлеръ передалъ военному министру свои соображенія по этому предмету, удостоившіяся въ проэктѣ высочайшаго утвержденія. — Въ нихъ графъ Нессельроде, походя показанія г. Миддендорфа объ открытыхъ имъ 4 пограничныхъ столбахъ неудовлетворительными, сомнѣвался чтобы столбы эти могли въ глазахъ Китайцевъ дѣйствительно означать границу ихъ съ Россією, потому что въ послѣднемъ пунктѣ нерчинскаго трактата ничего вообще не говорится о границахъ и о постановленіи какихъ-либо пограничныхъ знаковъ, которые по его мнѣнію иначе не могли бы быть поставлены, какъ обоюдными комиссарами. Но вмѣстѣ-съ-тѣмъ онъ однако полагалъ, что осмотръ означеннаго пространства, по отдаленности его отъ обитаемыхъ мѣстъ Китая, могъ бы быть совершенъ безъ особенныхъ неудобствъ въ политическомъ отношеніи, если все будетъ сдѣлано съ осторожностію и если начальнику экспедиціи поставлено будетъ въ непремѣнную обязанность не приближаться къ Амуру и избѣгать всякихъ

столкновений съ Китайцами. Отношеніе свое графъ заключалъ тѣмъ, что Государю Императору благоугодно было, чтобы предположенія по этому предмету были рассмотрѣны въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ военнаго министра, генераль-адъютантовъ князя Чернышева и Берга, министра внутреннихъ дѣлъ и его.

Составившійся такимъ образомъ въ началѣ 1849 года комитетъ, рассмотрѣвъ предположенія изложенныя въ запискѣ департамента генеральнаго штаба и мнѣнія по этому предмету министерства иностранныхъ дѣлъ, призналъ полезными слѣдующія главнѣйшія мѣры:

1) Отправленному въ 1848 году изъ Кронштадта къ берегамъ Охотскаго моря капитанъ-лейтенанту Невельскому поручить сдѣлать осмотръ всего берега отъ новооткрытаго залива *Константинъ* до устья Амура, а также и сѣверныхъ береговъ Сахалина. — Цѣль сего осмотра, кромѣ описанія всѣхъ сихъ мѣстъ въ морскомъ отношеніи, состояла бы въ отысканіи на означенномъ пространствѣ — и по возможности не въ дальномъ разстояніи отъ устья Амура — удобнаго и выгоднаго пункта.

2) Если морское начальство признаетъ возможнымъ возложить на капитанъ-лейтенанта Невельскаго подобное порученіе, то съ обычною почтою Р. А. компаніи, въ мартѣ мѣсяцѣ послать ему нужныя обо всемъ наставленія трипликатами въ Петропавловскій портъ, въ Охотскъ и въ Аянъ. Въ сихъ наставленіяхъ объяснить и какія мѣры осторожности онъ долженъ принять, дабы при произведеніи осмотра не возбудить подозрѣній и особенно вниманія Китайцевъ.

3) Свѣдѣнія, какія въ слѣдствіе сего порученія соберетъ г. Невельской, укажутъ уже дальнѣйшій планъ дѣйствія.

4) Крейсерство же въ тѣхъ мѣстахъ учредить по занятіи нами пункта, и для сего можно бы въ послѣдствіи назначить особое небольшое судно, принаровленное къ плаванію въ тѣхъ моряхъ и которое бы постоянно находилось при нашемъ укрѣпленіи.

5) Засимъ въ видахъ установленія сношеній съ Гиляками предоставить Р. А. компаніи, чтобы онъ сдѣлала опытъ

подобныхъ съ ними сношеній *сухимъ путемъ* (изъ Аяна), стараясь по возможности сблизиться съ симъ народомъ и привлечь его къ Россіи. — Компания уже вошла въ тѣсныя связи съ Тунгусами, обитающими за р. Удью, посылая къ нимъ *сухимъ путемъ* изъ Аяна своихъ промышленниковъ. — Теперь желательно, чтобы она продолжала далѣе подобныя попытки, въ самыя земли Гиляковъ, тѣмъ же способомъ и путемъ. Черезъ людей, которые будутъ по распоряженію компании посланы къ Гилякамъ, можно собрать подробныя о нихъ свѣдѣнія, а также объ отношеніяхъ ихъ къ Китаю, и на основаніи сихъ свѣдѣній и тѣхъ, кои будутъ собраны предполагаемою сухопутною экспедиціею, можно сообразить потомъ дальнѣйшія средства упроченія надъ ними нашего вліянія и проч.

На основаніи таковыхъ заключеній особаго комитета главное правленіе Россійско-Американской компании получило предложеніе послать изъ Аяна *сухимъ путемъ* небольшую торговую экспедицію въ землю Гиляковъ, обитающихъ къ сѣверу отъ устья Амура, и генераль-губернатору восточной Сибири было сообщено по высочайшему повелѣнію о предпринятомъ отысканіи близъ устья Амура на сѣверъ отъ этой рѣки удобнаго пункта, и о посылаемой Россійско-Американской компаниею въ эту страну торговой экспедиціи; причемъ предложено было генераль-губернатору оказать этой экспедиціи въ случаѣ надобности свое содѣйствіе.

Такимъ-образомъ, въ слѣдствіе положенія особаго комитета, капитану Невельскому послано было наконецъ то предписаніе, котораго онъ добивался въ бытность свою въ С. Петербургѣ. Морское министерство препроводило къ генераль-губернатору въ Иркутскъ инструкцію капитану Невельскому на изслѣдованіе устья Амура и выборъ пункта къ сѣверу отъ него, удобнаго для занятія и устройства торговаго поселенія. Такъ-какъ зимняя камчатская почта изъ Охотска въ Петропавловскій портъ въ это время уже отпавилась, то генераль-губернаторъ, получивъ помянутую инструкцію, отправилъ ее съ своими наставленіями изъ Иркутска съ нарочнымъ курьеромъ штабсъ-капитаномъ Корсаковымъ, которому приказано было по прибытіи въ Охотскъ

дождаться тамъ открытія навигаціи и тотчасъ по очищеніи льда отправиться на суднѣ моремъ въ Петропавловскій портъ, стараясь застать тамъ капитана Невельскаго съ транспортомъ «Байкалъ».

Одновременно, съ порученіемъ капитану Невельскому описи устья Амура, въ С. Петербургѣ, согласно съ представленіемъ департамента генеральнаго штаба, рѣшено было отправить особую экспедицію для изслѣдованія пространства, заключающагося между означаемою на картахъ границею съ китайскими владѣніями и открытыми академикомъ Миддендорфомъ къ югу отъ нея 4-мя пограничными столбами. Экспедиція эта была составлена изъ горныхъ инженеровъ Кованько и Меглицкаго, нѣсколькихъ топографовъ, астронома Шварца и ввѣрена начальству генеральнаго штаба полковника Агте, находившагося уже нѣсколько лѣтъ въ Сибири и производившаго рекогносцировку другихъ частей китайской границы. Вмѣстѣ съ топографическою рекогносцировкой, экспедиціи этой поручалась развѣдка минеральныхъ богатствъ на этомъ пространствѣ, и открытіе золота на южныхъ склонахъ Становаго хребта.

Генералъ-губернаторъ, получивъ приказаніе о содѣйствіи отправляющейся экспедиціей подполковника Агте, донесъ въ С. Петербургъ, что по его мнѣнію рекогносцировка южныхъ покатоствей Становаго хребта не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, а поиски золота въ этомъ краѣ, даже и въ случаѣ ихъ особаго успѣха, по дикости и недоступности этой мѣстности, не могутъ доставить никакой практической пользы, а возбудятъ только опасенія Китайцевъ, и послужатъ имъ предлогомъ къ проведенію тамъ пограничной черты. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ генералъ Муравьевъ указалъ на болѣе полезную въ практическомъ отношеніи цѣль экспедиціи, именно на обслѣдованіе Удскаго края и сопредѣльной ему мѣстности, лежащей къ юговостоку. Отъѣзжая весною того же года въ Охотскъ, генералъ-губернаторъ не могъ ожидать въ Иркутскѣ отвѣта изъ С. Петербурга, а потому рѣшился своею властію остановить экспедицію, о чемъ оставилъ пужныя приказанія губернатору г. Иркутска Г. Зорину. Въ слѣдствіе этого подполковникъ

Акте, по прибытіи своемъ въ Иркутскъ, былъ тамъ задержанъ, а къ генераль-губернатору былъ посланъ въ Якутскъ съ этимъ извѣстіемъ курьеръ.

Такимъ образомъ въ началѣ 1849 года дѣла приняли такой оборотъ, что капитанъ Невельской, успѣвъ въ маѣ прибыть изъ Кронштадта въ Петропавловскій портъ, нашелъ тамъ почталона присланнаго зимою курьеромъ отъ генераль-губернатора къ начальнику Камчатки Машину съ приказаніемъ о скорѣйшемъ принятіи груза съ транспорта «Байкаль», слѣдующаго какъ въ Камчатку, такъ и въ Охотскъ, и съ письмомъ къ капитану Невельскому, въ которомъ генераль Муравьевъ предлагалъ ему идти къ описи устья Амура, увѣдомляя, что по его ожиданію объ этомъ вѣроятно скоро послѣдуетъ высочайше утвержденная инструкція изъ С.-Петербурга, капитанъ Невельской рѣшился дѣйствовать, не ожидая полученія изъ С. Петербурга этой инструкціи, и потому нисколько не теряя времени сдалъ въ Петропавловскѣ грузъ и 31 мая 1849 года направился съ своимъ транспортомъ «Байкаль» къ восточному берегу острова Сахалина чтобы оттуда начать свои изслѣдованія *). Подойдя на видъ острова Сахалина, около половины его длины именно въ широтѣ 51° 35', онъ имѣлъ возможность убѣдиться въ невѣрности этого берега (относительно долготы), показанной Крузенштерномъ на своихъ картахъ, открывъ здѣсь шхеры Благополучія и слѣдуя вдоль этого берега къ сѣверу обогнулъ сѣверную оконечность острова Сахалина. Здѣсь, повѣривъ опредѣленные Крузенштерномъ мысы Маріи и Елизаветы, капитанъ Невельской нашелъ ихъ совершенно правильными и затѣмъ направился съ сѣвера въ проливъ между матерымъ берегомъ и островомъ Сахалиномъ. — Туманы и неправиль-

---

*) Экипажъ транспорта «Байкаль» составляли: командиръ капитанъ-лейтенантъ Геннадій Ивановичъ Невельской (нынѣ контръ-адмиралъ), старшій офицеръ лейтенантъ Петръ Васильевичъ Казакевичъ (нынѣ контръ-адмиралъ, военный губернаторъ Приморской области и командиръ Сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана), лейтенантъ Гревенсъ (нынѣ капитанъ 2-го ранга), мичмана: Геймсаръ и Гротъ (нынѣ капитанъ-лейтенанты), корпуса штурмановъ поручики: Хализовъ (нынѣ подполковникъ) и Поповъ (нынѣ капитанъ), докторъ Бергъ и нижнихъ чиновъ 26 человекъ.

ное теченіе весьма не благоприятствовали въ первое время плаванію транспорта, который, держась берега Сахалина, зашелъ въ тотъ же заливъ *Обмана*, который ввелъ въ ошибку посѣщавшаго этотъ берегъ въ 1846 году подпоручика Гаврилова. Назвавъ этотъ заливъ именемъ своего транспорта, капитанъ Невельской продолжалъ путь далѣе къ югозападу, но встрѣтилъ 24 іюня у *мыса Головачева* отмели, сталъ на якорь, спустилъ шлюпки и послалъ на нихъ мичмана Грота и подпоручика Попова отыскивать фарватеръ. Поиски были неудачны, и потому капитанъ Невельской, не успѣвъ въ этомъ мѣстѣ пробраться прямо въ лиманъ Амура (подобно г. Гаврилову перескочившему съ своимъ бригаомъ эти отмели при полной водѣ), поворотилъ отъ мыса Головачева на сѣверо-западъ вдоль песчаной отмели къ матерому берегу. Здѣсь при прочистившемся туманѣ увидѣли гористый берегъ Маньчжуріи, не доходя до него около 4 миль, обогнули банку и слѣдуя къ югу въ недалекомъ разстояніи отъ этого берега, между имъ и банкою, 28 іюня вошли въ лиманъ Амура. — Здѣсь капитанъ Невельской сталъ на якорь и на шлюпкахъ началъ промѣръ и изслѣдованія сѣверной части Лимана. Но для составленія карты этого пространства и плана дальнѣйшихъ изслѣдованій нужно было опредѣлить и связать между собою оба берега лимана, для чего капитанъ Невельской послалъ на шлюпкахъ мичмана Грота вдоль сахалинскаго берега, а лейтенанта Казакевича вдоль матерого берега. Первому было приказано осмотрѣть западный берегъ Сахалина, собрать свѣдѣнія о пути къ югу въ Японское море и изслѣдовать не существуетъ ли прямаго сообщенія залива Байкаль съ лиманомъ Амура; а второму кромѣ того поручалось зайти въ устье Амура. — Лейтенантъ Казакевичъ направился сначала къ виднѣвшемуся вдали гористому матерому берегу и, приблизившись къ нему, поворотилъ вдоль его на югъ, огибая при этомъ всѣ мысы и осматривая внутренности всѣхъ бухтъ, принимая каждую изъ нихъ за отыскиваемое устье. — Наконецъ чрезъ нѣкоторое время предъ нимъ открылась на западъ обширная и длинная бухта, въ которой теченіе замѣтно было сильнѣе: это было устье Амура.

Войдя въ рѣку и слѣдуя подѣ лѣвымъ (сѣвернымъ) ея берегомъ, лейтенантъ Казакевичъ чрезъ нѣкоторое время присталъ къ гилякской деревнѣ Чадбахъ. — Гиляки по видимому были весьма изумлены при видѣ Русскихъ, ихъ костюма и особой конструкціи лодки. Въ особенности обратилъ на себя ихъ вниманіе блестящій секстантъ, которымъ лейтенантъ Казакевичъ дѣлалъ въ виду ихъ наблюденія и который потомъ они съ любопытствомъ передавали другъ другу *). Г. Казакевичъ поднялся на своей шлюпкѣ до деревни Чныррахъ, оттуда истощившійся провіантъ принудилъ его вернуться обратно и вездѣ встрѣчалъ тоже простодушное изумленіе Гиляковъ.

На обратномъ пути лейтенантъ Казакевичъ всходилъ на вершину мыса Табахъ (лѣвый входной мысъ при устьѣ Амура) и отсюда при отливѣ увидалъ все видимое пространство лимана, наполненное мелями и изрѣзанное протоками и озерами воды. — Возвратясь на транспортъ, на которомъ въ это время продолжали изслѣдованіе сѣверной части лимана, лейтенантъ Казакевичъ представилъ капитану Невельскому отчетъ о своемъ плаваніи. Вмѣстѣ съ этимъ и мичманъ Гротъ возвратился на транспортъ и донесъ, что вдоль берега Сахалина къ югу идутъ сплошныя отмели, и что прямого сообщенія залива Байкаль съ лиманомъ не существуетъ. Оставивъ лейтенантовъ Казакевича, Гревенса и поручика Хализова на транспортѣ продолжать изслѣдованія лимана подаваясь къ югу, самъ капитанъ Невельской со всѣми прочими офицерами на 3-хъ шлюпкахъ направились въ устье Амура. Лейтенантъ Казакевичъ, возвратясь на транспортъ,

*) Какъ доказательство того, что до прихода Русскихъ Гиляки не имѣли никакого понятія даже объ весьма употребительныхъ предметахъ и състныхъ припасахъ, напр. соли, можно привести здѣсь слѣдующій забавный случай. Приставъ къ деревнѣ Чадбахъ, гребцы г. Казакевича начали варить себѣ кашу. Гиляки, нѣсколько уже ознакомившись съ ними, осмотрѣвъ ихъ костюмы и пуговицы, присѣвъ кругомъ на корточки, съ любопытствомъ слѣдили за процессомъ приготовленія гречневой каши и когда матросы принялись ѣсть, то одинъ изъ Гиляковъ попросилъ знаками дать ему отѣдать. Г. Казакевичъ показалъ ему подставить пригоршни и положилъ ему въ нихъ цѣлую ложку горячей каши. Гилякъ вскочилъ отъ обжора, однако не бросилъ изъ рукъ каши, а, припрыгивая, перекидывалъ ее съ одной ладони на другую, пока она остыла совершенно.

между прочимъ сообщилъ, что р. Амуръ на пройденномъ имъ разстояніи такъ широка, что неспособна для защиты ея съ берега. По этому капитанъ Невельской съ офицерами, производя на пути промѣры и изслѣдованія фарватера рѣки, идущаго надъ ея сѣвернымъ берегомъ, поднялся такимъ образомъ выше Чныррахъ до мѣста, гдѣ рѣка стуживается въ одно русло именно до деревни Алягамъ (Аломъ) на правомъ берегу, и до неизменнаго прибрежья на лѣвомъ, названнаго капитаномъ Невельскимъ, Константиновскимъ полуостровомъ. Мѣсто это по его мнѣнію представляло ближайшій къ устью рѣки пунктъ, удобный для защиты рѣки съ берега, и потому осмотрѣвъ его капитанъ Невельской направился обратно къ выходу изъ рѣки, слѣдуя вдоль южнаго ея берега по фарватеру. — Но, выйдя изъ рѣки и направляясь къ югу, онъ проходилъ мѣстами по отмелямъ и мѣстами попадалъ на глубокой каналъ, составляющій въ настоящее время главный фарватеръ для входа въ Амуръ съ моря. Слѣдуя же далѣе по лиману на югъ, капитанъ Невельской чрезъ нѣсколько дней подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ матерой берегъ сближается съ противоположнымъ западнымъ берегомъ острова Сахалина, и здѣсь у мысовъ названныхъ имъ *Лазаревымъ* и *Муравьевымъ*, вмѣсто воображаемаго Лаперузомъ, Бротонемъ, Крузенштерномъ и Гавриловымъ перешейка, онъ открылъ проливъ, въ которомъ наименьшая глубина была 5 сажень. Пройдя южиѣ той параллели, до которой въ прошломъ столѣтіи доходилъ капитанъ Бротонъ, отъ мыса матерого берега (названнаго Невельскимъ) капитанъ Невельской, повернулъ обратно на сѣверъ и, пройдя тѣмъ же открытымъ имъ проливомъ, а послѣ того, слѣдуя вдоль сахалинскаго берега по глубокому каналу, возвратился на транспортъ, послѣ 30 дней своего отсутствія.

На пути изъ устья Амура къ югу капитанъ Невельской старался слѣдовать глубокимъ фарватеромъ лимана, восходящимъ изъ рѣки къ югу въ море, но свѣжіе вѣтры принуждали его часто придерживать берега, и при этомъ сходять съ глубокаго мѣста и идти по отмелямъ. Поэтому, хотя капитанъ Невельской и не успѣлъ прослѣдить всего фарватера и опредѣлить точнымъ образомъ его направленіе, но

тѣмъ неменѣе, пополняя не обследованныя мѣста его распросами мѣстныхъ жителей, онъ пришелъ къ выводу — въ послѣдствіи оказавшемуся вполне правильнымъ, — что фарватеръ Амура, ниже его устья отъ мыса Пронге, направляется къ югу въ близкомъ разстояніи отъ берега. Но, желая въ этомъ убѣдиться болѣе положительнымъ образомъ и имѣть фактъ могущій вполне убѣдить другихъ, капитанъ Невельской вознамѣрился войти съ своимъ транспортомъ въ рѣку Амуръ. Но такъ-какъ направление канала, ведущаго въ Амуръ, не было еще положительнымъ образомъ изслѣдовано; то транспортъ, попавъ въ лабиринтъ мелей лимана, долженъ былъ подвигаться такъ сказать ощупью, встрѣчая сильное и неправильное теченіе и становясь нѣсколько разъ на мель. Съ самаго ранняго утра вся команда транспорта работала безсмысленно и неутомимо до поздней ночи, завозя якоря, выгружая тяжести, вытягивая завезенныя якоря, и при всѣхъ этихъ стараніяхъ были дни, въ которые транспортъ едва успѣвалъ подвинуться на завозахъ до 200 сажень. Эта тяжелая и продолжительная работа въ позднее осеннее время утомляла команду до чрезвычайности, и только благодаря энергіи и настойчивости такого командира, каковъ былъ капитанъ Невельской, она могла продолжаться 45 дней. Но при всемъ томъ, будучи обязанъ инструкціями непременно айти въ Константиновскую губу, описать юговосточный берегъ Сибири и придти въ Охотскъ не позже сентября чтобы доставить туда часть груза слѣдовавшаго на транспортѣ «Байкаль» изъ Кронштадта, капитанъ Невельской долженъ былъ оставить свое намѣреніе обследовать болѣе подробнымъ образомъ фарватеръ лимана и войти въ рѣку съ транспортомъ. Къ этому побуждало его кромѣ того еще и убѣжденіе, что съ имѣющимися у него ничтожными средствами не представляется никакой возможности изслѣдовать весь лиманъ, занимающій площадь до 2500 квадратныхъ верстъ, и что главный вопросъ, заключающійся въ томъ, что рѣка Амуръ имѣетъ сообщеніе и съ Охотскимъ моремъ и съ Татарскимъ заливомъ (проливомъ), разрѣшенъ имъ достаточно вѣрно. Поэтому, оставивъ изслѣдованія лимана, онъ направился обратно къ сѣверу въ Охотское море.

Въ это же время Россійско - Американская компанія, для исполненія порученной ей торговой экспедиціи въ землю Гиляковъ, нашла гораздо удобнѣе отправить се моремъ, нежели сухимъ путемъ. Поэтому лѣтомъ 1849 года, находившійся на службѣ компаніи, прапорщикъ корпуса штурмановъ Дмитрій Ивановичъ Орловъ, на двухъ байдаркахъ, былъ отправленъ изъ Аяна къ югу вдоль берега моря. Ему между прочимъ было поручено отыскать транспортъ «Байкаль», который между тѣмъ, выйдя изъ лимана и исполняя данное ему назначеніе описать матерой берегъ отъ устья Амура до Тугурской губы, слѣдовалъ вдоль этого берега и около гилякской деревни *Искай* открылъ заливъ, закрытый съ моря песчаною низменною косою. Капитанъ Невельской назвалъ его *заливомъ Счастія*. Продолжая опись берега далѣе къ сѣверу, транспортъ «Байкаль» впервые обследовалъ матерой берегъ и далъ ему правильное начертаніе, ибо по имѣвшимся тогда картамъ почти весь путь транспорта приходился по сухому пути. — Подойдя къ мысу Мухтеля капитанъ Невельской замѣтилъ открывшееся на югъ углубленіе, и для обследованія его послалъ на шлюпкѣ мичмана Грота, а самъ съ транспортомъ направлялся въ Константиновскую губу, осмотрѣвъ которую возвратился къ усмотрѣнному прежде заливу.

Зайдя въ это углубленіе, составлявшее Ульбанскую губу и принявъ посланную прежде шлюпку, капитанъ Невельской описалъ его и назвалъ заливомъ Св. Николая. Выходя изъ него и зашилѣвъ у мыса Мухтеля, онъ здѣсь чрезъ нѣкоторое время замѣтилъ двѣ черныя точки приближавшіяся къ транспорту отъ берега. Это были байдарки г. Орлова, который слѣдуя вдоль берега доходилъ до деревни *Коль* (лежащей въ 20 миляхъ къ сѣверозападу отъ залива Счастія), вступалъ въ сношенія съ туземцами, спрашивалъ ихъ объ нашемъ суднѣ, составилъ по ихъ рассказамъ карту залива Счастія и наконецъ, подойдя къ мысу Мухтеля, примѣтилъ вдали въ море судно, къ которому и направился пользуясь тихой погодой.

Принявъ на транспортъ байдарки г. Орлова, капитанъ Невельской продолжалъ дальнѣйшее плаваніе къ Охотску,

намѣриваясь на пути зайти въ Аянъ, чтобы высадить тамъ г. Орлова и отправить свое донесеніе.

Между тѣмъ посланный отъ генералъ-губернатора съ полученною изъ С. Петербурга инструкціею капитану Невельскому на опись устья Амура курьеръ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ *) былъ задержанъ въ Охотскѣ льдами до іюня, а потому, выйдя въ началѣ этого мѣсяца на ботѣ «Кадьякъ» подъ командой подпоручика Гаврилова въ море, направился прямо къ сѣвернымъ берегамъ Сахалина, рассчитывая, что въ это время онъ не можетъ уже застать транспорта «Байкаль» въ Петропавловскомъ портѣ. Разошедшись съ транспортомъ «Байкаль» у сѣверныхъ береговъ Сахалина и выдержавъ здѣсь нѣсколько свѣжихъ вѣтровъ ботъ «Кадьякъ», крейсируя между этимъ и матерымъ берегомъ, два раза заходилъ въ Константиновскую гавань, но не отыскавъ транспорта «Байкаль» отправился въ обратный путь и пришелъ въ Аянъ.

Предъ отправленіемъ генерала Муравьева въ 1848 году изъ С. Петербурга въ восточную Сибирь, Государь Императоръ, отдавая ему свои повелѣнія, между прочимъ изволилъ выразить, что въ Камчаткѣ онъ вѣроятно не будетъ, потому что туда, говорятъ, нельзя проѣхать. Генералъ-губернаторъ отвѣчалъ, что онъ постарается быть и тамъ, и по приѣздѣ въ Иркутскъ, на слѣдующій же 1849 годъ весною, отправился съ своей супругою **) въ Якутскъ и далѣе въ Камчатку. Преодолявая всѣ трудности верховаго пути по тропинкѣ, проложенной чрезъ болотистыя тундры, лѣсистыя тайги и чрезъ быстрыя рѣки, претерпѣвая всевозможныя лишенія, въ особенности чувствительныя для супруги Николая Николаевича, онъ благополучно и весьма скоро достигъ Охотска, откуда на транспортѣ «Иртышъ» направился къ берегамъ Камчатки. Посѣтивъ Петропавловскій портъ, генералъ-губернаторъ на обратномъ пути подходитъ къ сѣвернымъ берегамъ острова Сахалина, гдѣ свѣжій вѣтеръ

---

*) Нынѣ генералъ-маіоръ свиты Его Императорскаго Величества, посланный-губернаторъ Забайкальской области и наказный атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска.

**) Екатериною Николаевною Муравьевой.

не позволилъ ему съѣхать на берегъ для занятія острова. Отсюда транспортъ «Иртышъ» направился прямо въ заливъ Аянъ.

Такимъ-образомъ генераль Муравьевъ былъ первый изъ генераль-губернаторовъ восточной Сибири, который посѣтилъ Камчатку и Петропавловскій портъ. До него всё считали это весьма труднымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, а можетъ быть и бесполезнымъ. Николай Николаевичъ, прежде того чтобы рѣшиться на перенесеніе въ другое мѣсто Охотскаго порта и предпринять какія-либо мѣры относительно Камчатки и Петропавловскаго порта, хотѣлъ все видѣть своими глазами и лично во всемъ убѣдиться. Обратный путь въ Якутскъ онъ совершилъ чрезъ Аянъ, чтобы видѣть вновь устроенный Россійско - Американскою компаніею аянской трактъ и сравнить его съ охотскимъ трактатомъ.

Вскорѣ послѣ прибытія генераль-губернатора въ Аянъ, вошелъ туда ботъ «Кадьякъ» съ штабсъ-капитаномъ Корсаковымъ, который здѣсь отдалъ отчетъ генераль-губернатору въ своемъ неудавшемся порученіи. Вскорѣ послѣ того 2-го сентября въ виду залива показался идущій въ Охотскъ транспортъ «Байкаль», который, замѣтивъ въ глубинѣ залива двухмачтовое судно (транспортъ «Иртышъ») съ адмиральскимъ флагомъ на стеньгѣ, догадался что здѣсь долженъ быть генераль-губернаторъ, — почему и направился въ заливъ. При входѣ въ оный онъ былъ встрѣченъ катеромъ, на которомъ прибылъ на транспортъ генераль Муравьевъ съ своимъ штабомъ, нетерпѣливо желавшій узнать результатъ порученія. Капитанъ Невельской привѣтствовалъ его со шканцевъ крикомъ. «Господь Богъ намъ помогъ.... главное кончено.... все благополучно.... рѣка съ сѣвера и съ юга открыта для судовъ.... Сахалинъ островъ!....» Въ небольшой каютѣ транспорта «Байкаль» столпились всѣ спутники генераль-губернатора, съ жадностью слушая рассказы Геннадія Ивановича и съ любопытствомъ рассматривая карты невѣдомыхъ доселѣ береговъ рѣки.

Генераль-губернаторъ отсюда-же отправилъ донесеніе въ С.-Петербургъ о результатахъ экспедиціи капитана Невельскаго съ курьеромъ штабсъ-капитаномъ Корсаковымъ. Транс-

портъ «Байкаль» между тѣмъ отправился въ Охотскъ, гдѣ капитанъ Невельской, сдавъ его, вмѣстѣ съ своими офицерами отправился сухопутьемъ въ С.-Петербургъ.

Результаты изслѣдованій капитана Невельскаго были весьма важны. Хотя онъ и не успѣлъ опредѣлить точно направленіе главнаго фарватера Амура среди отмелей лимана, однако онъ доставилъ данныя, изъ которыхъ можно было убѣдиться, что фарватеръ этотъ существуетъ и что онъ не забросанъ песками, какъ полагали до этого времени. Поэтому, чтобы окончательно убѣдить въ этомъ прочихъ, онъ означилъ этотъ фарватеръ на своей картѣ и въ донесеніи утверждалъ положительно, что фарватеръ въ устьѣ Амура существуетъ и имъ обслѣдованъ, въ слѣдствіе чего и самая рѣка получаетъ полное значеніе относительно сообщенія Сибири съ океаномъ. Но величайшая заслуга Геннадія Ивановича Невельскаго, приводившая къ нечислимымъ послѣдствіямъ, состояла въ разсѣяніи заблужденія, увѣковѣченнаго именами Лаперуза, Бротона, Крузенштерна, о существованіи, никѣмъ изъ нихъ не видѣннаго, низменнаго, песчаннаго перешейка, соединявшаго Сахалинъ съ материкомъ. Капитанъ Невельской открылъ на мѣстѣ этого фантастическаго перешейка проливъ, до 5 саж. глубиною, которому по всѣмъ правамъ слѣдуетъ придать названіе *пролива Невельскаго*, вмѣсто ничего не выражающаго, безсмысленнаго, повторяемаго всѣми русскими картами названія *Татарскаго пролива* *). Заслуга въ этомъ случаѣ капитана Невельскаго передъ наукою землѣвѣдѣнія состояла въ томъ: — онъ доказалъ, что Сахалинъ есть островъ, что рѣка Амуръ имѣетъ прямое естественное водяное сообщеніе съ Японскимъ моремъ, и что чрезъ открытый проливъ существуетъ сообщеніе двухъ морей — Японскаго съ Охотскимъ. Въ смыслѣ политическомъ заслуга капитана Невельскаго была еще важнѣе. Открытый имъ проливъ показывалъ, что устье рѣки Амура точно также доступно для военныхъ судовъ и съ юга изъ Японскаго моря, какъ

*) *Татарскій* проливъ и Татарскій берегъ Маньчжуріи получили эти названія отъ Лаперуза, потому-что ему угодно было смѣшать прибрежныхъ жителей: Орочей, Мангуновъ, Анновъ и др. съ Татарами, а другимъ націямъ — безусловно повторять эту ошибку.

и съ сѣвера изъ Охотскаго; что поэтому наблюденіе за этимъ устьемъ съ одного сѣвернаго берега недостаточно, потому что тогда другія націи могутъ подойти съ юга изъ Японскаго моря и утвердиться на южномъ берегу этого устья еще въ то время, когда оно съ сѣвера изъ Охотскаго моря недоступно отъ льдовъ. вмѣстѣ-съ-тѣмъ этотъ проливъ указывалъ на удобную связь устья Амура съ Маньчжурскимъ берегомъ Японскаго моря, и на зависимость этого побережья отъ устья Амура. При существованіи этого пролива Маньчжурскій берегъ Японскаго моря и всѣ находящіяся на немъ гавани составляли какъ-бы необходимое дополненіе Амурской рѣчной области, и самая рѣка Амуръ приобрѣтала огромное значеніе относительно Японіи, Кореи и морскаго побережья даже самаго Китая.

Такимъ-образомъ еслибы кругосвѣтное плаваніе капитана Невельскаго имѣло цѣлю, подобно большей части его предшественниковъ, только одно доставленіе въ Камчатку грузовъ, и еслибы благородное рвеніе и пастойчивыя старанія его на полученіе права идти къ устью Амура не были уважены, — то это обстоятельство могло бы привести къ плачевнымъ послѣдствіямъ и недалѣе какъ въ минувшую войну. Безъ этой экспедиціи мы бы оставались при тѣхъ свѣдѣніяхъ объ устьѣ Амура, какія доставлены были Лаперузомъ, Бротомомъ, Крузенштерномъ и подтверждены въ 1846 году Россійско-Американскою компаніей, т. е. что устье рѣки заперто мелью около 3 футъ глубиною и къ югу идутъ мели, подтверждавшія свидѣтельство Крузенштерна, такъ что мы бы оставались увѣренными, что устье рѣки доступно только для шлюпокъ и что входъ въ эту рѣку съ юга изъ Японскаго моря невозможенъ, потому что онъ запертъ низменнымъ песчанымъ перешейкомъ, соединяющимъ Сахалинъ съ материкомъ. При такихъ убѣжденіяхъ устье рѣки Амура, какъ бесполезное, не могущее по своимъ гидрографическимъ условіямъ имѣть какое-либо значеніе для Сибири, даже въ отдаленномъ будущемъ, — вѣроятно въ началѣ нынѣшняго десятилѣтія еще не было-бы нами занято, и поэтому, во время минувшей войны, весьма легко могло бы быть обследовано и даже занято — съ юга изъ Японскаго моря — непріа-

тельскою эскадрою, крейсеровавшею въ Тихомъ океанѣ въ 1854, 1855 и 1856 годахъ. Но даже и при возможности входа въ это устье военныхъ судовъ, мы, убѣжденные въ существованіи перешейка показаннаго на картахъ г. Крузенштерномъ, ожидали бы появленія непріятельскихъ судовъ только съ сѣвера, и по всѣмъ этимъ доводамъ безъ настоячивыхъ стараній и своевременныхъ изслѣдованій капитана Невельскаго устья Амура, рѣка эта можетъ быть была бы навсегда потеряна и для Сибири, и для Россіи.

Но авторитетъ Крузенштерна былъ такъ великъ, что въ С.-Петербургѣ не повѣрили открытію капитана Невельскаго, точно также какъ за 120 лѣтъ предъ симъ не повѣрили Берингу, открывшему проливъ между Азіей и Америкой. Надобно было чрезъ нѣсколько десятилѣтій пребыть въ эти моря англійскому мореплавателю Куку, чтобы увѣрить даже и самихъ Русскихъ въ справедливости и вѣрности открытія сдѣланнаго русскимъ морякомъ и увѣковѣчить его имя названіемъ *Берингова пролива*. Такъ точно въ наше время нужно было чрезъ 4 года (въ 1853 г.) пройти, въ слѣдствіе открытій г. Невельскаго въ 1849 году, вдоль западнаго берега Сахалина военной шкунѣ «Востокъ», чтобы въ С.-Петербургѣ повѣрили, что открытый капитаномъ Невельскимъ проливъ существуетъ, и что въ немъ дѣйствительно глубина простирается не менѣе 5 сажень.

Генераль-губернаторъ, отправившись съ своею супругою изъ Аяна, вновь проложеннымъ компаніею аянскимъ трактомъ, въ Якутскъ, и оттуда въ Иркутскъ, представилъ въ С.-Петербургѣ свое заключеніе о неудобствахъ Охотскаго порта и о необходимости перенесенія его въ Петропавловскій портъ, который при этомъ получилъ бы значеніе главнаго русскаго порта на Восточномъ океанѣ. Для сообщенія же Камчатки съ побережьемъ Охотскаго моря въ Якутской области, генераль-губернаторъ предполагалъ пользоваться факторіею Россійско-Американской компаніи въ заливѣ Аялѣ, которую предлагалъ при этомъ возвести на степень правительственнаго порта, а для болѣе удобнаго и правильнаго сообщенія его съ Якутскомъ основать по рѣкѣ Маѣ, впа-

дающей въ рѣку Алдань (притокъ Лены), земледѣльческія поселенія.

Въ это же время генераль-губернаторъ получилъ высочайшее разрѣшеніе употребить экспедицію подполковника Агте по своему усмотрѣнію, — въ слѣдствіе чего она въ весною 1850 года и начала свои дѣйствія отъ Горбицы вдоль Становаго хребта къ Удскому краю.

При проѣздѣ генераль-губернатора чрезъ Якутскъ, онъ тамъ вторично встрѣтился съ капитаномъ Невельскимъ, слѣдовавшимъ съ офицерами транспорта «Байкалъ» изъ Охотска. Здѣсь капитанъ Невельской представилъ генераль-губернатору, что для наблюденія за вскрытіемъ отъ льда устья Амура и состояніемъ въ это время залива Счастія, какъ ближайшаго на сѣверѣ къ лиману Амура закрытаго мѣста, весьма полезно бы было командировать изъ Аяна зимнимъ путемъ прапорщика Орлова. Представленіе это было найдено генераль-губернаторомъ уважительнымъ и по его приказанію начальникъ Аянскаго порта немедленно отпразднилъ для этой цѣли прапорщика Орлова весновать къ Гилякамъ, предупредивъ, что весною за нимъ будетъ прислано туда судно.

Исслѣдованія и открытія капитана Невельскаго побудили правительство не откладывая далѣе исполненіе предположенныхъ имъ видовъ на южное побережье Охотскаго моря. Для этого по представленію генераль-губернатора восточной Сибири была утверждена особая Амурская экспедиція, имѣвшая главною цѣлію, подъ видомъ торговаго предпріятія Россійско-Американской компаніи, основать на берегахъ Охотскаго моря близъ лимана Амура зимовье. Поэтому было предложено Россійско-Американской компаніи раскрыть расторжку съ Гиляками и содержать Амурскую экспедицію съ тѣмъ, что если она по истеченіи 3-хъ лѣтъ понесетъ отъ этого убытокъ, то правительство уплатитъ ей недостающую по счетамъ сумму. При этомъ капитанъ Невельской назначенъ былъ состоять по особымъ порученіямъ при генераль-губернаторѣ восточной Сибири, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сдѣланъ начальникомъ Амурской экспедиціи. Вмѣстѣ съ этими предначертаніями представленіе генераль-губернатора о перенесеніи Охотскаго порта и объ устройствѣ аянскаго тракта

было утверждено, и ему было поручено привести все это въ исполненіе.

Капитанъ Невельской при отъѣздѣ изъ С.-Петербурга получилъ повелѣніе на основаніе зимовья близъ лимана Амурса, на установленіе сношеній и торговли съ Гляками и на развѣдываніе края, не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амурса. Капитанъ Невельской, возвратясь въ началѣ 1850 года въ Иркутскъ¹, немедленно отправился въ Аянь, а оттуда вмѣстѣ съ командою, назначенною для занятія новаго пункта, на транспортѣ «Байкаль» прибылъ въ заливъ Счастья. Здѣсь онъ нашелъ прибывшаго еще зимнимъ путемъ прапорщика Орлова, и вмѣстѣ съ нимъ на узкой и низменной песчаной кошкѣ *) далеко вытянувшейся въ море, близъ гляцкой деревни Исканъ, 29-го іюня 1850 года, заложилъ зимовье, названное *Петровскимъ* и послужившее основнымъ опорнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ низовьяхъ Амурса. Заброшенная на этотъ пустынный и дикій берегъ Амурская экспедиція состояла въ это время только изъ 40 человекъ матросовъ и якутскихъ казаковъ. Имѣя намѣреніе занять пунктъ на самомъ берегу Амурса, какъ для ознакомленія съ жителями, такъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія самой рѣки, капитанъ Невельской послѣ основанія Петропавловскаго зимовья отправился на вельботѣ къ устью Амурса, причемъ промѣрилъ открытый весной того-же года г. Орловымъ сѣверный фарватеръ, представлявшій ближнее сообщеніе рѣки Амурса съ Охотскимъ моремъ. Войдя въ рѣку и поднявшись по ней вверхъ около 100 верстъ, именно до Тыра (утесъ съ китайскими памятниками и гляцкая деревня на правомъ берегу рѣки Амурса, напротивъ устья рѣки Амгуинъ), капитанъ Невельской изслѣдовалъ при этомъ протоку Маю (Пальво) и другія сосѣднія, съ цѣлю отыскать близъ устья рѣки удобное мѣсто для зимовки судовъ. Подойдя къ Тыру, онъ встрѣтилъ на берегу маньчжурскаго купца съ большою толпою Гляковъ, какъ было видно озадаченныхъ появленіемъ невиданныхъ до сего времени людей и лодки. Съ капитаномъ Невельскимъ было всего 6 человекъ греб-

*) Низменный песчаный мысъ, вытянувшійся отъ берега въ море.

цовъ, подъ банками у нихъ были подвязаны ружья, а самъ же онъ подъ видомъ купца въ сопровожденіи одного только Гиляка Позвейна изъ деревни Коль (близъ Петровскаго) вышелъ на берегъ. Маньчжурскій купецъ, желая показать свое значеніе предъ Русскими и свое вліяніе надъ Гиляками, важно спросилъ г. Невельскаго: зачѣмъ онъ здѣсь? Геннадій Ивановичъ въ свою очередь спросилъ Маньчжура: а зачѣмъ онъ здѣсь? Тотъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ право торговать здѣсь; на что г. Невельской точно также возразилъ ему, что и онъ имѣетъ точно такое же право торговать здѣсь. Маньчжуръ надменно отвѣчалъ, что онъ не допуститъ его производить здѣсь торговлю, что ихъ здѣсь много, показывая на окружающую его толпу, а что у Невельскаго только 6 человѣкъ. При этихъ угрозахъ Геннадій Ивановичъ, выхвативъ изъ кармана пистолетъ и подскочивъ къ Маньчжуру, поднесъ дуло прямо къ его носу и объявилъ ему, что «я одинъ, но у меня есть вотъ какой товарищъ, при которомъ если кто-нибудь здѣсь пошевелится, то тебѣ будетъ плохо». При видѣ пистолета вся окружавшая толпа мгновенно отхлынула, маньчжурскій купецъ струсиль и тотчасъ-же вступилъ въ дружескіе разговоры съ г. Невельскимъ. При этомъ онъ сообщилъ Геннадію Ивановичу, что устье Амура никогда Маньчжурами не считалось своимъ, что туда имъ даже запрещено и спускаться, а что если маньчжурскіе купцы или чиновники иногда и приплываютъ къ Гилякамъ, то это или для недозволеннаго торга или по самовольному распоряженію мелкихъ начальниковъ, для обираянія инородцевъ соболями подъ видомъ ясака въ свою пользу, и т. п. Переводчикъ Позвейнъ во все время угрозъ Маньчжура держался за свой ножъ.

Получивъ эти свѣдѣнія капитанъ Невельской пустился въ обратный путь и, не доходя до устья рѣки, остановился въ заливѣ Личь-ду, на окопечности низменнаго мыса *Кузды*. Здѣсь 6 августа 1850 года (въ день Преображенія Господня) капитанъ Невельской впервые поднялъ на свободныхъ берегахъ Амура русскій военный флагъ, — при крикахъ «ура» бывшихъ съ нимъ матросовъ и объявилъ притомъ Гилякамъ сосѣдней деревни *Кузды*, что отнынѣ они поступаютъ подъ русскую защиту и покровительство. Такъ соверши-

лось первое занятіе Русскими устья Амура. Поставивъ здѣсь постъ изъ 5 человекъ своихъ гребцовъ, капитанъ Невельской назвалъ его *Николаевскимъ*, и на оленяхъ отправился сухопутьемъ въ Петровское, чтобы имѣть случай лично осмотрѣть этотъ перевалъ отъ залива Счастія къ берегамъ Амура, о которомъ онъ имѣлъ только отрывочныя свѣдѣнія по однимъ рассказамъ Тунгусовъ и Гиляковъ деревни Искай. По наступленіи осени оставленные на Куэгдѣ 5 человекъ гребцовъ, составлявшіе Николаевскій постъ, спустивъ флагъ поднятый на мысѣ, возвратились на вельботѣ обратно въ Петровское.

Положивъ основаніе первому русскому пункту въ низовьяхъ Амура, избравъ мѣсто для другого и ознакомившись нѣсколько съ характеромъ приморскаго края, капитанъ Невельской осенью того же года на транспортѣ «Охотскъ» возвратился въ Аянъ, чтобы оттуда сухопутьемъ слѣдовать въ Иркутскъ. Транспортъ «Охотскъ» прибылъ въ это время въ Петровское зимовье съ продовольствіемъ и на немъ капитанъ Невельской привезъ вмѣстѣ съ собой въ Аянъ Гиляковъ Позвейна и Падхина, которые засвидѣтельствовали начальнику Аянскаго порта и находившемуся въ то время здѣсь архіепискому Камчатскому свою просьбу, чтобы Русскіе не уходили съ Амура, потому что иностранныя корабли все чаще и чаще начинаютъ показываться въ Татарскомъ проливѣ. Въ слѣдствіе этого капитанъ Невельской, избѣгая въ своихъ донесеніяхъ слова «Амуръ», изложилъ это обстоятельство такимъ образомъ, что онъ, съ согласія и по просьбѣ мѣстныхъ жителей, поставилъ *Николаевскій постъ* при двухъ рѣкахъ *Камати* и *Личи*, какъ оно въ дѣйствительности и было. Николаевскій постъ былъ заложень тамъ, — гдѣ онъ и теперь находится, — именно на берегу залива р. Амура *Личь-ду*, въ который впадаютъ рѣки *Камать* и *Личь*. Изъ Аяна капитанъ Невельской отправилъ транспортъ «Охотскъ» обратно въ Петровское, предписавъ командиру онаго мичману Гаврилову остаться тамъ подъ разными предлогами на зимовку. На этомъ транспортѣ прибыло въ Петровское семейство г. Орлова и вернулись бывшіе въ Аянѣ Гиляки Позвейнъ и Падхинъ.

Капитанъ Корсаковъ въ этомъ же году былъ командированъ генераль-губернаторомъ въ Охотскъ для приведенія въ исполненіе высочайше утвержденнаго перенесенія Охотскаго порта въ Петропавловскъ. Поэтому, прибывъ весною того же года въ Охотскъ, капитанъ Корсаковъ на транспортѣ «Байкалъ» вмѣстѣ съ казеннымъ имуществомъ прибылъ въ Петропавловскій портъ; тою же навигаціею возвратился въ Охотскъ, и отсюда въ Иркутскъ, гдѣ съѣхался съ капитаномъ Невельскимъ. Генераль-губернаторъ еще ранѣе того выѣхалъ изъ Иркутска въ С. Петербургъ, почему гг. Корсаковъ и Невельской отправилсъ туда же курьерами съ своими донесеніями.

Капитанъ Невельской по приѣздѣ въ С. Петербургъ представилъ генераль-губернатору подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и въ немъ между прочимъ упомянулъ, что онъ поставилъ на Амурѣ *флагъ* и *пушку*. Генераль-губернаторъ, разсмотрѣвъ дѣйствія и предположенія г. Невельскаго, исходатайствовалъ себѣ по этому случаю докладъ у Императора въ Царскомъ Селѣ. Государь, изволивъ со вниманіемъ выслушать словесныя изложенія генераль-губернатора о дѣйствіяхъ Невельскаго на Амурѣ, о столкновеніи его съ Маньчжуромъ у Тыра, о свѣдѣніяхъ собранныхъ имъ о независимости устья Амура и обитающихъ тамъ Гиляковъ, объ основаніи Николаевскаго поста на устьѣ Амура и проч., остался всѣмъ этимъ доволенъ, назвалъ капитана Невельскаго молодцомъ, соизволилъ пожаловать ему орденъ св. Владиміра 4 степени, и приказалъ представить ему о всѣхъ предположеніяхъ на Амурѣ особую записку. Она чрезъ нѣсколько дней была генераль-губернаторомъ представлена и по высочайшему повѣленію была препровождена на разсмотрѣніе особаго комитета.

Комитетъ, выслушавъ доводы и изложенія генераль-губернатора, не призналъ необходимымъ занимать устье Амура, а потому положилъ поставленный на устьѣ Амура Николаевскій постъ снять. Государь Императоръ, разсмотрѣвъ составленный по этому случаю журналъ особаго комитета, изволилъ положить резолюцію: «комитету собраться вновь въ присутствіи Наслѣдника-Цесаревича.» Въ слѣдствіе этого ге-

нераль-губернаторъ имѣлъ счастье представляться Государю Наслѣднику, нынѣ благополучно царствующему Императору Александру Николаевичу, и докладывать ему о начинающихся дѣйствіяхъ и своихъ предположеніяхъ въ Приамурскомъ краѣ. Такимъ образомъ красующійся и развивающійся нынѣ на устьѣ Амура портовый и областной городъ Николаевскъ, при самомъ зарожденіи своемъ, былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ уничтоженія высокому покровительству нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра Николаевича.

Особый комитетъ во вторичномъ засѣданіи, подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ Наслѣдника-Цесаревича, положилъ Николаевскій постъ на Амурѣ оставить въ видѣ лавки Россійско-Американской компаніи, но дальнѣйшихъ распространеній не предпринимать, — каковое мнѣніе удостоилось высочайшаго утвержденія.

Для предупрежденія же китайскаго правительства о нашемъ наблюденіи за устьемъ Амура, въ пекинскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній былъ посланъ отъ нашего Сената листъ, отъ 5 февраля 1851 года.

Въ началѣ 1851 года капитанъ Невельской снова возвратился въ Охотскъ и отсюда на транспортѣ «Байкаль» въ сопровожденія баркаса Россійско-Американской компаніи «Шелеховъ» прибылъ въ Петровское зимовье. Въ этомъ путешествіи Геннадія Ивановича сопровождала его молодая 19 лѣтняя супруга *), рѣшившаяся переносить съ нимъ всѣ трудности и лишенія пустынной жизни въ дикомъ и негостеприимномъ краѣ, отброшенномъ за *десять-тысячъ верстъ* отъ образованнаго міра. Перенеся съ геройскимъ самоотверженіемъ и безъ малѣйшаго ропота всѣ ужасы и лишенія верховой ѣзды по топкимъ болотамъ и дикимъ гористымъ тайгамъ Охотскаго тракта, сдѣлавъ этотъ переѣздъ верхомъ 1200 верстъ въ 20 дней, молодая супруга Геннадія Ивановича въ первыя минуты своего прибытія въ Петровское показала необыкновенное присутствіе духа и стоическое хладнокровіе. Баркасъ «Шелеховъ», подойдя къ берегамъ залива

---

*) Екатерина Ивановна Невельская.

Счастія, сталъ тунуть по случаю мгновенно открывшейся течи. Г-жу Невельскую стали уговаривать первой съѣхать на берегъ «командиры и офицеры съѣзжаютъ послѣдними» говорила она «и я съѣду съ баркаса тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на суднѣ.» Такъ она и поступила; между тѣмъ баркасъ уже лежалъ на боку *). По прибытіи въ Петровское г-жа Невельская нашла уже тамъ супругу прапорщика Орлова **), которая была первая русская дама, поселившаяся въ Петровскомъ зимовьѣ. Оставшійся за отъѣздомъ капитана Невельскаго комендантомъ Петровскаго г. Орловъ, хотя успѣлъ выстроить къ этому времени 3 дома, однако на первое время семейству Геннадія Ивановича пришлось раздѣлить флигель въ 3 комнаты вмѣстѣ съ семействомъ Г. Орлова.

Согласно съ данными капитаномъ Невельскимъ приказаніями, прапорщикъ Орловъ весною 1851 года до расхода льда, съ командой изъ 7 человекъ отправился по пройденной прошлаго года г. Невельскимъ тропинкѣ на Амуръ, чрезъ сухопутный переваль и лощины рѣчекъ Иски и Камать. Выйдя на лѣвый берегъ Амуре, по выше деревни Куэгды, на то мѣсто, гдѣ находился поставленный прошлаго года Николаевскій постъ, онъ началъ рубить лѣсъ для постройки зимовья около брошенной гиляцкой юрты Чорбахъ, на берегу залива Личь-ду. Гиляки сосѣдней деревни Куэгды встревожились таковымъ близкимъ сосѣдствомъ Русскихъ и, видя ихъ малочисленность, начали открыто объявлять, что какъ только вскрыется рѣка, то они соберутъ жителей окрестныхъ деревень и перерѣжутъ всѣхъ Русскихъ. Прапорщикъ Орловъ во избѣжаніе всякихъ непріязненныхъ столкновений, могущихъ замедлить успѣхъ нашихъ дѣйствій на Амурѣ, счелъ за лучшее прекратить рубку лѣса и вернуться въ Петровское.

Капитанъ Невельской по прибытіи изъ Охотска въ Петровское употребилъ сначала всю команду изъ 50 человекъ вмѣстѣ съ командою подошедшаго тогда изъ Камчатки кор-

---

*) М. Сб., т. XXXIX.

**) Харитина Михайловна Орлова.

вета «Оливуца» *) на разгрузку затонувшаго баркаса. Управившись съ этимъ дѣломъ, онъ 5-го августа въ вельботѣ въ сопровожденіи байдары, съ лейтенантомъ Бошнякомъ и 25 человекъми его команды, отправился изъ Петровскаго въ устье Амура. Подойдя къ мысу Куэгда капитанъ Невельской 9-го августа 1851 года занялъ окончательно тотъ же пунктъ на берегу залива Личь-ду, близъ брошенной гиляцкой юрты Чорбахъ, и тѣмъ положилъ начало существующему нынѣ городу Николаевску, для занятія котораго былъ оставленъ лейтенантъ Богинякъ съ компанейскимъ прикащикомъ Березинымъ, горнымъ—Штейгеромъ и съ 25-ю человекъми команды, замѣченной еще въ Охотскѣ въ неоднократныхъ попыткахъ къ побѣгу. Капитанъ Невельской въ тотъ же день отправился на вельботѣ обратно въ Петровское **). Лейтенантъ Бошнякъ вошелъ въ дружескія сношенія съ окрестными Гиляками, одарилъ ихъ товарами, и въ тоже время продолжалъ рубить лѣсъ и на берегу залива Личь-ду, на мѣстѣ существующаго до настоящаго времени дома конторы надъ портами Восточнаго океана, заложилъ юрту по якутскому образцу. По окончаніи постройки ее обложили со всѣхъ сторонъ и сверху дерномъ, а на верху поставили пушку. Таково начало Николаевского поста.

Послѣ этого положеніе наше на Амурѣ приняло совсѣмъ другой оборотъ. Окрестные Гиляки не только что не возобновляли своихъ угрозъ и притязаній, но, видя вооруженную команду и въ особенноти наводящую на нихъ страхъ пушку, стали смотрѣть на Русскихъ съ боязнію и уваженіемъ. Осенью впервые появились на берегу Амура лошади и рогатый скотъ, доставленные сухопутьемъ изъ Петровскаго, и едва при этомъ не завязшіе въ болотѣ. вмѣстѣ съ этимъ прибыли въ Николаевскій постъ на зимовку двѣ первыя русскія женщины, жены нижнихъ чиновъ. Къ октябрю были

---

*) Корветъ «Оливуца» прибылъ изъ Кронштадта съ остальною частію сформированнаго для камчатской флотиліи 47 экипажа, и назначался послѣ того въ крейсерство для наблюденія за иностранными китоловами въ русскихъ моряхъ Тихаго океана, но, присоединившись къ японской эскадрѣ, состоялъ одно время въ распоряженіи вице-адмирала Путятіна.

**) М. Сб., т. XXXVIII.

готовы двѣ юрты, наскоро срубленная баня и загородъ для скота обнесенная частоколомъ. Такимъ-образомъ первая зимовка Русскихъ на Амурѣ съ 1851 на 1852 годъ прошла благополучно, хотя не безъ лишеній и непріятностей, отъ мокроты пробравшейся сквозь крыши и отъ несмѣтнаго множества появившихся крысъ. Первые русскіе офицеры, проводившіе по очередно эту зиму въ Николаевскомъ посту, были лейтенантъ Бошнякъ и мичманъ Чпхачевъ.

Дальнѣйшія дѣйствія Амурской экспедиціи и постепенное распространеніе и утвержденіе въ этихъ дикихъ и недоступныхъ пустыняхъ русскаго вліянія, выказываютъ такое высокое самоотверженіе, геройскую рѣшимость и бодрость духа всѣхъ неутомимыхъ труженниковъ, бывшихъ въ составѣ оной, и составляютъ такой важный своимъ послѣдствіями эпизодъ въ исторіи присоединенія Амура, что заставляютъ по всей справедливости изложить ихъ здѣсь въ возможной подробности.

Убѣдившись опытомъ, что льды, туманы и вообще климатическое состояніе Охотскаго моря не представляютъ возможности къ основанію на берегахъ его удобнаго и надежнаго порта, капитанъ Невельской обратился съ этою цѣлію къ изслѣдованію береговъ Татарскаго пролива, — къ чему кромѣ того его побуждало самое удобство входа въ рѣку съ юга изъ Японскаго моря. Зная изъ прежнихъ картъ о существованіи на этихъ берегахъ открытаго Лаперузомъ залива *де-Кастри*, капитанъ Невельской, собирая о немъ свѣдѣнія отъ Гиляковъ, изъ рассказовъ ихъ узналъ, что заливъ этотъ замерзаетъ гораздо позже, а вскрывается гораздо раньше устья Амура, что рѣка Амуръ должна проходить недалеко отъ этого залива и что къ югу отъ него есть другія лучшія бухты. вмѣстѣ-съ-этимъ изъ рассказовъ же онъ собралъ свѣдѣнія, что рѣки *Амгунь* и *Горынъ*, и другія лѣвые притоки нижней части Амура, вытекаютъ изъ того же самаго хребта, изъ котораго берутъ начало рѣки *Зея* и *Бурей*, что вершины первыхъ двухъ рѣкъ близко подходят къ вершинамъ послѣдней (Бурей), на которой есть русская часовня, что рѣки эти текутъ отъ запада-юго-запада на востокъ-сѣверо-востокъ и что находящійся въ вершинахъ

ихъ хребетъ есть продолженіе того же Яблоноваго или Стаповаго хребта, заворачивающагося къ югу и пересѣкающаго р. Амуръ въ средней его части. По всѣмъ этимъ даннымъ капитанъ Невельской предположилъ изслѣдовать рѣки *Амгунь* и *Горынь*, собрать свѣдѣнія о находящемся въ вершинахъ ихъ хребтѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ основными пунктами своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій береговъ Татарскаго пролива сдѣлать заливъ де-Кастри и ближайшее къ нему селеніе на р. Амурѣ. Поэтому для изслѣдованія этой послѣдней мѣстности онъ приказалъ зимою съ 1851 на 1852 годъ компанейскому прикащику Березину съ топографомъ Поповымъ пробраться съ р. Амуръ въ заливъ де-Кастри, и по возвращеніи оттуда въ ближайшее къ заливу селеніе на р. Амурѣ, дожидаться тамъ мичмана Чихачева. — Офицеру этому было приказано сначала отправиться на р. Амгунь, а оттуда на р. Горынь, осмотрѣть и изслѣдовать направленія ихъ теченія и собрать свѣдѣнія о хребтѣ находящемся въ ихъ верховьяхъ, а по окончаніи этого слѣдовать въ ближайшее къ заливу де-Кастри селеніе на Амурѣ, гдѣ соединившись съ Березинымъ и Поповымъ слѣдовать въ заливъ, — остаться тамъ весновать, наблюдать за дѣйствіемъ льдовъ при вскрытіи залива, осмотрѣть въ подробности берега его, собрать отъ жителей всевозможныя свѣдѣнія о берегахъ Татарскаго пролива, а затѣмъ по открытіи навигаціи возвратиться на туземной лодкѣ чрезъ лиманъ въ Петровское. Мичманъ Чихачевъ, окончивъ свою экспедицію на рѣки Амгунь и Горынь, прибылъ въ деревню Кызи и здѣсь нащелъ компанейскаго прикащика Березина отправлявшагося въ Петровское. — Пославъ съ нимъ къ капитану Невельскому свои донесенія и собранныя свѣдѣнія, вполне подтвердившія рассказы Гляковъ объ этой странѣ, вмѣстѣ съ донесеніемъ топографа Попова о видѣнномъ имъ въ морѣ изъ залива де-Кастри двухмачтовомъ суднѣ, Мичманъ Чихачевъ приступилъ ко второй части своего труднаго порученія, которое и исполнилъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Не упоминая уже о тѣхъ лишеніяхъ, которыми этотъ достойный офицеръ подвергался вмѣстѣ съ топографомъ Поповымъ, во время страшнаго веснованія въ дикомъ, безиріютномъ краѣ, — трудно принскать препятствій

болѣе того, сколько выпало на его долю, во время исполненія имъ долга службы. Какъ рѣдкій примѣръ ихъ присутствія духа и любви къ полезному труду, нельзя не привести здѣсь слѣдующій случай. Пробираясь къ лиману изъ залива де-Кастри на простой гиляцкой лодкѣ, они внезапно были окружены льдами, которыми раздавило ихъ лодку. Съ немощными трудностями, подвергаясь опасности погибнуть каждую минуту, — эти труженики успѣли выбраться на пустынный скалистый матерой берегъ, по которому шли въ продолженіи 10 дней, питаясь одною выбрасываемою моремъ гнилою нерпюю (тюленемъ). Мичманъ Чпхачевъ, возвратясь 7-го іюня 1852 года въ Петровское, подтвердилъ своими донесеніями справедливость рассказовъ Гиляковъ, и привезъ свѣдѣніе, что жители деревни *Нятмаръ*, въ заливѣ де-Кастри, ежегодно ходятъ на своихъ лодкахъ для торговли въ большую бухту *Хаджу*, лежащую на Татарскомъ берегу на 10 дней пути, на югъ отъ залива де-Кастри.

Капитанъ Невельской, получивъ съ прикащикомъ Березиннымъ донесеніе мичмана Чпхачева и топографа Попова изъ Кызи, представилъ ихъ въ іюнѣ 1852 года подлинниками генералъ-губернатору и при этомъ донесилъ, что, основываясь на данныхъ и свѣдѣніяхъ собранныхъ мичманомъ Чпхачевымъ, все пространство отъ хребта, пересѣкающаго р. Амуръ въ средней его части, изъ котораго текутъ рѣки Амгунь и Горынь до моря, по существующимъ трактатамъ должно принадлежать Россіи. Доводы свои капитанъ Невельской подтверждалъ собранными г. Чпхачевымъ свѣдѣніями, что Яблонувый, или Становой хребетъ не продолжается на востокъ до моря, — какъ полагалъ до сего времени, а отъ верховья р. Уды поворачиваетъ къ югу и пересѣкаетъ р. Амуръ.

Въ началѣ этого же 1852 года капитанъ Невельской свѣдалъ отъ Гиляковъ о нахожденіи по берегамъ острова Сахалина угля, который горитъ, причемъ одинъ Гилякъ Заковонъ принесъ маленькій кусочекъ угля и пуговицу сдѣланную изъ него. — Для развѣдки этого, онъ отправилъ туда изъ Петровскаго 20 февраля на собакахъ лейтенанта Бошняка. Офицеръ этотъ обслѣдовалъ западный берегъ Сахалина

къ югу отъ узкаго пролива отдѣляющаго его отъ материка, перевалилъ на восточный берегъ острова, гдѣ открылъ заливъ *Ный*, и вездѣ встрѣчалъ признаки и обнаженія каменнаго угля. На обратномъ пути припайки льда отъ береговъ были уже оторваны, и г. Бошнякъ, будучи не въ состояніи ходить отъ образовавшихся на погѣ нарывовъ, весь ободранный и голодный, долженъ былъ пробираться по острымъ утесамъ. Наконецъ только 3 апрѣля онъ успѣлъ благополучно прибыть въ Николаевской постъ, земляныя юрты котораго, по словамъ его, показались ему тогда дворцами, «а баня, свѣжій хлѣбъ и русскій обѣдъ освѣжили его; бѣлье, котораго онъ не смѣнялъ 40 дней, ибо не взялъ съ собою перемѣшъ изъ опасенія лишней тяжести,—онъ не скинулъ, а оно развалилось!» *)

Черезъ двѣ недѣли послѣ этой экспедиціи именно 19 апрѣля того же 1852 года, лейтенантъ Бошнякъ по распоряженію капитана Невельскаго снова отправился на собакахъ вверхъ по Амуру въ селеніе Ухтръ (на лѣвомъ берегу Амура въ 200 верстахъ выше Николаевскаго поста) для изслѣдованія впадающей здѣсь въ Амуръ рѣки или протоки Уй, и озера Удыль (Удгиль), изъ котораго она вытекаетъ. Лейтенантъ Бошнякъ прибылъ въ Ухтръ дождался здѣсь вскрытія рѣки и въ лодкѣ поднялся по протоку Уй въ озеро Удгиль, осмотрѣлъ его, сдѣлалъ промѣръ и пришелъ къ тому заключенію, что мѣстность эта неудобна для расположенія порта и адмиралтейства. Выйдя на Амуръ г. Бошнякъ продолжалъ изслѣдованіе его лѣваго берега до селенія Кызи и мыса Джай и 17 іюня возвратился обратно въ Николаевскій постъ, а 20 въ Петровское, гдѣ встрѣтился съ мичманомъ Чихачевымъ, только за недѣлю до него возвратившимся изъ своего 4 мѣсячнаго путешествія къ заливу де-Кастри и лиману Амура **).

Возвратившись изъ Петровскаго въ свое мѣстопребываніе Николаевскій постъ, лейтенантъ Бошнякъ занялся постройкою первыхъ жилыхъ зданій на устьѣ Амура, заложен-

*) Экспедиція на Сахалинъ лейтенанта Бошняка. М. Сб., т. XXXVIII.

***) Экспедиціи въ Приамурскомъ краѣ. М. Сб., т. XXXIX.

ныхъ весною этого года на возвышенномъ лѣсистомъ берегу залива Личь-ду, вблизи устроенныхъ уже русскихъ юртъ. Эти первые строенія Николаевского поста сохранились до настоящаго времени и въ то время были: флигель для офицеровъ (нынѣшній домъ, гдѣ квартируютъ чиновники Шумовъ и Ивашевскій), казарма для нижнихъ чиновъ (нынѣшняя школа юнговъ) и лазаретный флигель (нынѣшній домъ бывшей аптеки). Къ осени дома эти успѣли кое-какъ окончить и въ нихъ размѣстились на вторую зиму первые обитатели нынѣшняго Николаевска. Какъ только Амуръ покрылся льдомъ комендантъ Николаевского поста лейтенантъ Бошнякъ 12-го ноября опять отправился на собакахъ въ новую экспедицію на р. Амгунь. Поднявшись по ней вверхъ до озера Чукчагпра, имѣющаго до 40 верстъ въ окружности, онъ развѣдалъ о существующемъ отсюда зимнемъ перевалѣ на протоки р. Горынь и, окончивъ свои распросы и изслѣдованія этого края, тѣмъ же путемъ возвратился 22 декабря въ Никольскій постъ *).

Капитанъ Невельской, донося генераль-губернатору объ изслѣдованіяхъ гг. Бошняка и Чихачева, представлялъ, что для ближайшаго наблюденія надъ судамп подходящими съ юга и для изслѣдованія Татарскаго (Маньчжурскаго) берега, необходимо занять заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ нимъ на Амурѣ селеніе Кызы. Но дабы не упустить благоприятнаго времени въ ожиданіи разрѣшенія, капитанъ Невельской, въ противность данныхъ ему приказаній, счелъ необходимымъ съ лѣта же 1852 года имѣть въ с. Кызы постоянно прикащика Россійско-Американской компаніи съ небольшимъ числомъ запасовъ и товаровъ, а въ заливѣ де-Кастри устроить зимовье. Исполненіе послѣдняго дѣла возложено было на лейтенанта Бошняка.

Г. Бошнякъ, согласно съ данными ему приказаніями, поставилъ въ заливѣ де-Кастри зимовье и прозимовалъ въ немъ; 2 мая 1853 года отправился на гонимой лодкѣ съ 3 чело-вѣками, вдоль матераго берега на югъ, производя опись. 23 мая онъ достигъ бухты *Хаджи*, лежащей по его наблю-

---

*) Экспедиціи въ Приамурскомъ краѣ. М. Сб., т. XXXIX.

деиантъ въ широтѣ 49°, и назвалъ ее заливомъ *Императора Николая I*, а внутреннія ея развѣтвленія заливами *Кресто-овль*, *Марин*, *Олги*, *Александры* и бухтами *Александровскою*, *Константиновскою*, *Владимірскою*, *Алексеевскою* и *Михайловскою*. Недостатокъ провіанта не дозволилъ лейтенанту Бошняку продолжать свой путь далѣе къ югу, и потому онъ, собравъ свѣдѣнія отъ жителей бухты Хаджи, что южнѣе ихъ, на 12 дней пути въ лодкѣ, впадаетъ въ море большая рѣка *Самалыга*, при устьѣ которой есть закрытая бухта, а далѣе къ югу другой заливъ, что по берегамъ этой рѣки растетъ дубовый лѣсъ, и что вершины ея близко подходятъ къ рѣкѣ *Усури*, — возвратился обратно въ заливъ де-Кастри.

Изъ рассказовъ жителей залива Императора Николая I онъ узналъ также, что жители береговъ Амура прѣзжаютъ къ нимъ зимою по р. Тумчинъ (Тумжи), впадающей въ море нѣсколько сѣвернѣе этого залива.

12-го іюля того же 1853 года прибылъ изъ Аяна въ Петровское транспортъ «Байкаль» и передалъ капитану Невельскому, при предписаніи генераль-губернатора, высочайшее повелѣніе занять островъ Сахалинъ, заливъ де-Кастри и селеніе Кызи. Занятіе острова Сахалина было предложено министромъ иностранныхъ дѣлъ, чрезъ посредство Россійско-Американской компаніи, которой на этотъ предметъ было выдано 50,000 руб., за что она обязалась содержать тамъ безсрочно не менѣе 100 человекъ. По этому поводу капитанъ Невельской на томъ же транспортѣ «Байкаль» отправился къ острову Сахалину, для обзора его береговъ и выбора на нихъ удобнаго для занятія пункта, прошелъ съ сѣвера вдоль восточнаго берега Сахалина и, обогнувъ южную его оконечность, чрезъ проливъ Лаперуза, на обратномъ пути къ сѣверу подошелъ къ самой узкой части, именно къ устьѣ р. Кусунай. Находя этотъ пунктъ удобнымъ для наблюденія за дѣйствіями ожидаемой американской эскадры, капитанъ Невельской 21 іюля поставилъ здѣсь постъ *Ильинскій* и оставилъ въ немъ 6 человекъ съ гилляцкой лодкой. Отправившись отсюда въ Императорскую гавань и находя, что она представляетъ весьма важный пунктъ въ Татар-

Отд. I. 9

скомъ проливѣ, капитанъ Невельской счелъ необходимымъ немедленно занять этотъ заливъ. Такимъ образомъ, 1-го августа 1853 года, въ самой большой изъ внутреннихъ гаваней, именно Константиновскій, онъ поднялъ военный флагъ и поставилъ постъ, названный имъ въ честь генераль-адмирала *Константиновскимъ*. Слѣдуя далѣе къ сѣверу, капитанъ Невельской зашелъ въ заливъ де-Кастри и на берегу его, 5-го августа, поднялъ флагъ и поставилъ постъ, названный имъ *Александровскимъ*. Перейдя послѣ того на озеро Кызи, онъ 7-го августа у деревни *Котовъ*, при выходѣ изъ озера, поднялъ флагъ и поставленный здѣсь постъ назвалъ *Маринскимъ*. Такимъ образомъ, построенный капитаномъ Невельскимъ въ Гельсингфорсѣ и приведенный въ 1849 году изъ Кронштадта, транспортъ «Байкаль» положилъ въ 1853 году первое начало плаванію русскихъ судовъ по Татарскому проливу.

На обратномъ пути изъ залива де-Кастри транспортъ «Байкаль», подойдя къ Ильинскому посту, высадилъ здѣсь подпоручика Орлова съ 8-ю человѣками, и чрезъ проливъ Лаперуза, прибылъ кругомъ острова Сахалина въ Петровское. Прибывшій сюда изъ залива де-Кастри, чрезъ Кызи, капитанъ Невельской, получивъ отъ генераль-губернатора увѣдомленіе, что весною слѣдующаго 1854 года придутъ въ составъ Амурской экспедиціи еще 250 человѣкъ, счелъ нужнымъ озаботиться заготовленіемъ для нихъ продовольствія, а потому предписалъ транспорту «Байкаль» идти въ Аянъ, а оттуда въ Петропавловскій портъ, тамъ зимовать и раннею весною, нагрузившись провіантомъ, прибыть въ заливъ де-Кастри. Такимъ образомъ транспортъ «Байкаль», прибывъ въ Аянъ, взялъ тамъ грузъ, заготовленный для Камчатки, и отправился на зимовку въ Петропавловскій портъ. Транспортъ «Иртышъ», взявъ въ Аянѣ грузъ для Сахалинской экспедиціи, направился, согласно предписанію капитана Невельскаго, въ заливъ Аниву, на островѣ Сахалинѣ.

Между-тѣмъ, состоящій для особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, маіоръ Буссе, прибывъ на кораблѣ Россійско-Американской компаніи «Николай» изъ Аяна въ Петро-

павловскѣ, взялъ тамъ команду, назначавшуюся въ Сахалинъ, и на томъ же суднѣ прибылъ въ Петровское 26-го августа. Здѣсь капитанъ Невельской, найдя, что взятое маіоромъ Буссе въ Петропавловскомъ портѣ продовольствіе для сахалинской команды весьма недостаточно, отправился вмѣстѣ съ нимъ на корабль «Николай», сначала въ Аянъ для пополненія запасовъ, а послѣ того къ южной оконечности острова Сахалина, въ заливъ Аниву. Здѣсь, у селенія *Томара-Анива*, были свезены 80 человекъ сахалинской команды, продовольствіе и другіе предметы. Маіоръ Буссе и лейтенантъ Рудановскій, оставшіеся здѣсь съ своею командою на зимовку, построили близъ этого селенія деревянный острожекъ съ башнями, названный *Муравьевскимъ* постомъ. По позднему времени года корабль «Николай» нашелся вынужденнымъ зайти въ Императорскую гавань и тамъ зимовать въ Константиновской бухтѣ.

Оставленный въ Ильинскомъ посту, подпоручикъ Орловъ по инструкціи капитана Невельскаго долженъ былъ отсюда идти въ лодкѣ вдоль западнаго сахалинскаго берега на югъ къ мысу Крильонъ, въ проливѣ Лаперуза, и здѣсь ожидать нашего судна, которое должно было идти изъ Анивы и здѣсь его взять. Но подпоручикъ Орловъ, проведя въ Ильинскомъ посту около мѣсяца, занимаясь изслѣдованіями окрестной мѣстности и жителей, рассчиталъ, что по позднему времени онъ не можетъ застать нашего судна у мыса Крильонъ, и свѣдавъ кромѣ того отъ жителей объ иностранномъ суднѣ, крейсирующемъ около южныхъ береговъ Сахалина, перешелъ черезъ узкую часть этого острова—отъ устья Кусуная на восточный берегъ, купилъ тамъ у жителей лодку и въ ней направился въ заливъ Аниву. Не доходя мыса Анива, онъ изъ залива Мордвинова перетащилъ свою лодку черезъ материкъ въ заливъ Буссе, и самъ съ частію команды пѣшкомъ пришелъ въ Муравьевскій постъ 30 сентября. — 1 октября сюда пришелъ транспортъ «Иртышъ» слѣдовавшій изъ Аяна въ Камчатку, принявъ къ себѣ подпоручика Орлова и выйдя изъ Анивы за позднимъ осеннимъ временемъ и сильными противными вѣтрами, не могъ попасть въ Петропавловскій портъ,—почему и спустился на зимовку въ Императорскую гавань.

Отсюда подпоручикъ Орловъ на собакахъ отправился зимою по рѣкамъ: Тумджинъ, Хаянь и Яй (Ай) на озера Кызи и прибылъ благополучно въ Маринскій постъ.

Таковы были первые дѣйствія первыхъ сподвижниковъ Амурской экспедиціи, положившія прочное начало русскому влиянію въ низовья Амура и сопредѣльныхъ ему берегахъ Татарскаго пролива. Горсть людей, выброшенная въ 1850 году въ дикую пустыню на Петровской кошкѣ вмѣсто предназначеннаго ей основанія простаго зимовья для расторжки съ Гиляками, успѣла, не смотря на всевозможныя лишенія и нужды, въ теченіи двухъ лѣтъ обследовать пустынную мѣстность низовья Амура, утвердиться на главныхъ пунктахъ, распространить русское влияніе на все окрестное народонаселеніе. Твердость духа и отчаянная рѣшимость начальника экспедиціи повели къ тому, что по истеченіи только двухъ лѣтъ Русскіе стали твердою ногою въ устья Амура на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется Николаевскъ, открыли, что рѣка въ 300 верстахъ выше устья весьма близко подходитъ къ единственному близъ лимана заливу де-Кастри, почему и заняли селеніе Кызи, и составляющій какъ бы второе устье Амура заливъ де-Кастри, сдѣлавшійся въ настоящее время непремѣнною станціею для судовъ идущихъ съ юга въ устье Амура. Вмѣстѣ съ этимъ открыты были мѣсторожденія каменнаго угля на Сахалинѣ и одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ — заливъ Императора Николая I. Собраны были положительныя данныя о независимости жителей матераго берега и острова Сахалина, доставлены свѣдѣнія о р. Усури и ея важности въ отношеніи близкаго сосѣдства ея съ незамерзающими портами Маньчжурскаго берега, и получены были основательныя доказательства того, что край, отъ меридіана верховьевъ рѣки Уды къ востоку до моря, составляетъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Вотъ, что сдѣлала въ Приамурскомъ краѣ ничтожный экипажъ транспорта «Байкаль» въ 1849 году и горсть людей, брошенная въ 1850 году, на дикое побережье среди непроходимыхъ пустынь за 10,000 верстъ отъ образованнаго міра. Претерпѣвая невыразимыя лишенія, зимою холодъ, часто и голодъ, отъ неприсылки судовъ изъ Камчатки, подвергаясь опасности быть потоплен-

ными наводненіемъ *), эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга, не унывали среди окружавшихъ ихъ опасностей, не падали духомъ подъ бременемъ выпавшихъ на ихъ долю тяжкихъ трудовъ и испытаній, но во всѣхъ случаяхъ бодро шли впередъ, подкрѣпляемые увованіемъ на волю и милосердіе Всевышняго и сознаніемъ высокихъ, общественныхъ цѣлей, предназначенныхъ имъ осуществить на пользу отечества. Руководимая своимъ достойнымъ начальникомъ, дѣйствующимъ часто внѣ повелѣній подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, при малѣйшей неудачѣ, подвернуться строгой отвѣтственности, эта горсть людей, не страшаясь ни голодной смерти, ни пожа дикаря, скромно въ безмолвной тишинѣ пустынь собирала камни, изъ которыхъ начальникъ ея создавалъ твердый фундаментъ для событій, совершившихся въ послѣдствіи на отдаленномъ востокѣ нашего отечества.

Съ-тѣхъ-поръ прошло уже 8 лѣтъ, но еще до-сихъ-поръ всѣ эти подвиги самоотверженія и самопожертвованія остаются неизвѣстными, равно какъ и имена первыхъ русскихъ сподвижниковъ на Амурѣ. Еслибы подобныя дѣйствія были совершены гдѣ-либо иностранцами, то мы давно бы затвердили имена ихъ наизусть, боясь показаться варварами предъ образованной Европой. Тогда весь міръ удивлялся бы имъ и провозглашалъ бы подвиги ихъ, подобно подвигамъ Росса, Парри, Франклина и др. — Но мы до-сихъ-поръ не знаемъ тѣхъ русскихъ именъ, которымъ отечество обязано водвореніемъ русскаго вліянія на пустынныхъ и негостепримныхъ прибрежьяхъ Амура и Восточнаго океана. Перечислимъ же здѣсь съ признательностію эти историческія имена, по времени ихъ поступленія въ составъ Амурской экспедиціи:

---

*) Низменная песчаная кошка, на которой стояло Петровское зимовье, неоднократно подвергалась наводненіямъ. Разъ зимою вода подступила почти подъ самыя стропилы, и затопила единственный колодезь съ пресною водою, такъ, что нѣсколько дней всѣ живущіе въ Петровскомъ пользовались снѣгомъ для варенія пищи, для питья и даже для чая. Послѣ оставленія Петровскаго зимовья и по переселеніи всѣхъ его жителей въ Николаевскій постъ, зимою вода поднялась до такой высоты, что затопила всю к ошку вышла въ пустые дома и замерзла тамъ толстымъ слоемъ поверхъ половецъ. Конечно, подобное наводненіе могло бы случиться и во время жительства въ Петровскомъ зимовьѣ чиновъ и семействъ Амурской экспедиціи.

Въ 1850 и 1851 годахъ. Капитанъ 1 ранга Невельской, начальникъ экспедиціи, подпоручикъ Орловъ *), лейтенантъ Бошнякъ, мичманъ Чихачевъ, докторъ Орловъ, подпоручикъ Воронинъ, подпоручикъ Семеновъ, прикащикъ Р. А. ком. Березинъ. Нижнихъ чиновъ 50 человекъ.

Въ 1852 году: кромѣ Семенова и Чихачева всѣ остальные и кромѣ того: мичманъ Петровъ, мичманъ Разградскій, прикащикъ Р. А. комп. Бауровъ. Нижнихъ чиновъ 65 человекъ.

Въ 1853 году: кромѣ помянутыхъ: священникъ Гавриилъ, капитанъ-лейтенантъ Бачмановъ, лейтенантъ Рудановскій. Нижнихъ чиновъ 75 человекъ.

При этомъ перечисленіи нельзя не вспомнить и не отдать должной справедливости тѣмъ женщинамъ, которыя добровольно и бодро раздѣляли труды несвойственныя своему полу, воспитанному совершенно не такъ, какъ пришлось имъ здѣсь жить. Имена г-жи Невельской и г-жи Орловой по всей справедливости должны занять почетное мѣсто въ исторіи Амурской экспедиціи. Поэтому здѣсь пристойнѣе всего будетъ привести слова одного изъ первыхъ участниковъ этой экспедиціи г. Бошняка, о первыхъ на Амурѣ русскихъ дамахъ, г-жахъ Орловой и Невельской **).

«Послѣ роскошныхъ залъ и гостиныхъ, недавней воспитаницѣ Смольнаго монастыря (г-жѣ Невельской), со средствами и возможностью жить иначе, пришлось пріютиться «въ 3-хъ-комнатномъ флигелѣ, раздѣливши его съ семействомъ г. Орлова. Толпы грязныхъ Гиляковъ, Тунгусовъ, «и рядъ встрѣченныхъ непріятностей, — не утрашила ее. «Мы откровенно сознаемся, что многимъ обязаны ея внимательной любезности ко всѣмъ и прямо скажемъ, что ея «примѣръ благотѣльно дѣйствовалъ на тѣхъ,—можно ска-

*) Дмитрій Ивановичъ Орловъ, продолжающій до настоящаго времени свою службу въ Приамурскомъ краѣ, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ капитана Невельскаго. Изъ числа совершенныхъ имъ подвиговъ, сопряженныхъ съ невообразимыми трудами и лишениями, достаточно упомянуть о томъ, что онъ прошелъ моремъ *на шлюпкѣ и байдарѣ* отъ 59-го до 47-го градуса сѣв. широты, т. е. 12 градусомъ по меридіану, или болѣе 1200 верстъ между Охотскомъ и южной частью острова Сахалина.

**) Экспедиціи въ Приамурскомъ краѣ. М. Сб., т. XXXIX.

«затѣ несчастливца, — изъ женъ нижнихъ чиновъ, которыя судьба забросила вмѣстѣ съ своими мужьями на горькую долю. Часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, мы никогда не слышали отъ нея ни одной жалобы или упрека «напротивъ, мы всегда замѣчали въ ней спокойное и гордое «сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое «предназначило ей Провидѣніе. Занятія по устройству новаго «хозяйства и книги прогоняли отъ нея скуку. Во всемъ обнаруживалась твердость ея характера, привычка къ занятіямъ, «и способность обходиться безъ баловъ и вечеровъ, — способность, столь рѣдко встрѣчаемая въ наше время!

«Наконецъ поспѣлъ и губернаторскій домъ, — 5 саж. «длины и 3 саж. ширины, въ 5 конурокъ; наступила зима и «съ нею вмѣстѣ и тѣ страшныя вьюги, въ продолженіи которыхъ погубило нѣсколько человѣкъ. Вездѣ холодъ страшный, все замело глыбами снѣга, такъ что для прохода «вынуждены были разгрѣбать снѣжные корридоры, а въ казармахъ иногда выходъ былъ черезъ чердакъ.

«И г-жа Невельская проводила зиму одна (всѣ мы были въ командировкахъ), въ комнатахъ съ 5 градусами тепла, «и дрожа отъ холода продолжала оставаться съ тою же стоическою твердостью убѣжденій. Наконецъ наступилъ 1852 «годъ. Неприсялка изъ Камчатки судовъ ставило насъ въ «положеніе болѣе чѣмъ отчаянное. Для грудныхъ дѣтей не «было молока, больнымъ не было свѣжей пищи, и нѣсколько «человѣкъ легло въ могилу отъ цынги *).

«И тутъ этотъ чудный женскій инстинктъ нашелся, чтобы «подать руку помощи страданіямъ низшихъ и слабыхъ. Единственная корова изъ хозяйства г. Невельскаго, завезенная «въ 1851 году, снабжала молокомъ несчастныхъ дѣтей, а солонина явилась за столомъ начальника экспедиціи. Все, что «было свѣжаго, дѣлилось пропорціонально частями, и опять «ни одной жалобы, ни одного упрека. Въ такихъ дѣйствіяхъ,

*) Этотъ ударъ не миновалъ и семейства самого г. Невельскаго. Страданія г-жи Невельской, происшедшія въ слѣдствіе претерпѣваемыхъ ею лишеній, имѣли пагубное вліяніе на здоровье ея малолѣтней дочери, и до-сихъ-поръ на Петровской кошкѣ замѣтна могла младенца, отлѣгшаго, какъ жертва искушенія, въ лучшій міръ.

«по моему мнѣнію, заключаются главные заслуги Амурской «экспедиціи; они поддерживали духъ покорности и терпѣнія, «безъ чего она должна была рушиться. Спросимъ теперь, по- «слѣ этого очерка, многіе ли бы мужчины согласились на «подобную жизнь? Конечно немногіе. А это женщина 19 лѣтъ. «Скажутъ, можетъ быть, что много было такихъ примѣровъ. «Да, но всё-таки въ мѣстахъ болѣе многолюдныхъ и гдѣ не «было такихъ лишеній, которыя предстояли для женщины въ «Амурскомъ краѣ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ г-жа Не- «вельская вышла побѣдительницею, не смотря на то, что ко- «нечно нажила многихъ враговъ, — какъ это обыкновенно «бываетъ въ нашихъ захоустьяхъ и закоулкахъ».

Д. Романовъ.

ГЕДЕОНЪ.

(Изъ книги Судей Израилевыхъ.)

I.

Семь лѣтъ подъ гнетомъ Мадіана
Израиль въ рабствѣ изнывалъ:
Въ стѣнахъ поруганнаго храма
Замокъ отверженный кимвалъ —
И скрылся въ дебри горъ Ливана
Народъ безъ судій, безъ главы —
И падалъ ницъ предъ истукана,
Поправъ завѣтъ Іеговы.

Бывало, нивы-ли дозрѣютъ —
Какъ туча жадной саранчи,
Враги съ-налету ихъ усѣютъ —
И только по полю бѣгутъ,
Какъ крылья птицъ, ихъ эманчи.
Но вотъ, мигнулъ огонь зарницы —
Притупленъ серпъ, въ зубахъ мечи —
И гнутся ѣмкія конницы
Подъ гнетомъ прѣса и пшеницы —
А къ утру дань принесъ Еврей:
Вино, фиѣшки и елеи —
И сборъ поклочень... и до срока
Уходитъ медленно къ востоку,
Въ лилово-розовый туманъ,
Ихъ безконечный караванъ...

II.

Все — смерть.... безлюдье.... Какъ руина,
 Спала въ обломкахъ Палестина;
 А зной удушливый мертвилъ
 Всю землю.... Сохъ по русламъ илъ;
 И лишь змѣя, шипя отъ злости,
 Скользила межъ кремнистыхъ грудъ,
 Да чахъ неугнанный верблюдь,
 А по степи бѣгли кости
 И черепъ сорванный голодалъ
 Голодный пёсъ или шакаль....
 И только ночью тихолунной,
 Одинъ непризнанный пророкъ,
 Съ укоромъ глядя на Востокъ,
 Бряцалъ на лирѣ семиструнной;
 Да звукамъ тѣмъ, порой, въ отвѣтъ,
 Сквозь плющъ разрушеннаго зданья,
 Какъ откликъ скорби тяжкихъ лѣтъ,
 Дрожало робкое рыданье....

III.

Но чаша выпита до дна....
 Воскресъ угасшій духъ народа —
 И вновь, какъ Божія весна,
 Нисходитъ къ страждущимъ свобода.
 Разбить дряхлѣющій кумиръ —
 И въ покаянномъ хорѣ снова,
 Въ волнахъ лаванны, въ стонѣ лирѣ,
 Псаломъ внимаешь Іегова.
 Народъ съ молитвой и постомъ
 Скорбитъ и ждётъ —

Во время оно

Отхлѣтилъ Богъ своимъ перстомъ
 На бой свободы — Гедедна.

IV.

Въ зловѣщихъ тучахъ Гагаадъ
 На даль наброшена завѣса —

И мутно катитъ изъ-за гѣса
 Волну свинцовую Арадъ.
 А триста воиновъ въ засадѣ,
 Въ глуши пещеръ, на Галаадѣ,
 Сурово ждутъ, пока съ вершинъ
 Слетаетъ мгла во глубь долинъ.

Сливается ночь и долгъ, и кручи
 Въ одну безжизненную тѣнь —
 И въ горы прячется олень,
 Почуявъ гнѣтъ нависшей тучи.

А за вершиной Аморé,
 И подъ горой, и на горѣ,
 И вдоль полей — нахмурилась дико,
 Заснули стражи Амалика,
 А тамъ, за ними, по холмамъ
 Шатры раскинулъ Мадіамъ;
 И звякъ, и молвь, и конскій топотъ
 Слились въ одинъ невнятный ропотъ. —
 Но сонъ слетаетъ на шатры —
 И гаснутъ яркіе костры.

V.

Раздался громъ глухимъ ударомъ....
 Звукъ мѣдныхъ трубъ разсѣкъ поля —
 Вздогнула сонная земля
 И озарилась пожаромъ....
 Грозой пронесся мощный крикъ:
 «Мечъ Богу Силъ и Гедеону!» —
 И всталъ средь ужасу и стону
 И Мадіамъ, и Амаликъ....
 Смятенье.... шумъ.... Несутся кòни....
 Визжатъ мечи, тупясь о брòни....
 Туманитъ скорбь врагамъ глаза —
 И ошалѣлый въ ночь отъ страха,
 Братъ брата бьетъ мечемъ съ размаху....
 Еще ударъ.... еще гроза —
 И дрòгнулъ врагъ, и до разсвѣта
 Бѣжалъ къ пустынямъ Виноасетта....

А утромъ, солнце лишь взошло —
 Багрянымъ свѣтомъ облило:
 Запасовъ брѣшныя груды:
 Оружье, ткани да сосуды,
 И подъ конемъ прозенный трупъ,
 Межъ киннамо́нами степными,
 И рядъ застывшихъ, мертвыхъ группъ,
 И стаю ко́ршуновъ надъ ними...

VI.

Ликуетъ радостно народъ,
 Съ возвратомъ древняго закона,
 И громко славить Гедеона,
 И ужъ царемъ своимъ зоветъ,
 И въ даръ несетъ кошицы да́ни —
 Но вождь, отбросивъ гордый мечъ,
 Простеръ къ народу въ страхъ длани —
 Народъ замолкъ — и льётся рѣчь:

«О, нѣтъ!... Да узрять-же потѣмъ
 Родной страны одни обломки,
 Когда возсядетъ хоть одинъ
 Надъ нами дерзкій властелинъ!...
 Не ты ль, народъ, изъ рода-въ-роды
 Предъ Богомъ былъ — Народъ Свободы?...
 Изъ вѣка-въ-вѣкъ — среди тревогъ,
 И въ мирный день, и предъ врагами —
 Надъ нами царь — единый Богъ —
 И Богъ да царствуетъ надъ нами!»...

Исавладъ Крестовскій.

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРМАНСКИЕ ТЕНЕТЫ.

Статья первая.

Общая характеристика писателей этого направления. — Фихте (младший). — Вейссе. — Бронисъ. — К. Ф. Фишеръ. — Католическіе философы: Трокслертъ, Зенглеръ, Штауденмайеръ. — Гермесъ и Гюнтеръ. — Дробишъ. — Лоце. — Дроссбахъ. — Фюллеборнъ. — Ромбергъ. — Цейзингъ.

«Есть же вѣра, уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ» сказано въ посланіи къ Евреямъ 11,1 и когда разумъ человѣка хотѣлъ замѣнить эту вѣру, когда онъ хотѣлъ своими средствами и своими путями придти къ «обличенію невидимаго» онъ всегда падалъ въ безсиліи, потому что всѣ его орудія, все его могущество, существуетъ лишь для предметовъ, подлежащихъ его изслѣдованію, *видимыхъ* для внѣшнихъ чувствъ или для сознанія. Поэтому наука, основанная на фактахъ, росла вѣчно, накапливая факты и группируя ихъ въ болѣе или менѣе стройное цѣлое, а метафизическія системы смѣнялись, оставляя слѣды не въ наукѣ, а въ жизни, завѣщая человѣчеству не новыя истины, но только новое возбуждательное начало къ научной, эстетической и общественной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія эти системы составляли великія явленія въ исторіи развитія человѣчества, и тотъ, кто пренебрегаетъ философскими созданіями исторіи, тотъ, кто считаетъ бесполезною тратою общественныхъ силъ

метафизическія разысканія, — тотъ не понялъ исторіи чело-
вѣчества. Результатъ челоѳческаго развитія есть научная
истина, художественное произведеніе, личная доблесть, граж-
данское устройство, но безъ философскихъ созерцаній (по-
жалуй, грѣзь) не было бы ни науки, ни искусства, ни доблести,
ни закона. Все это есть историческое осуществленіе въ практи-
кѣ стремленій, которыхъ цѣль лежала далеко за возможностью
осуществленія. Эта вѣчно недостижимая призрачная цѣль была
истиннымъ двигателемъ исторіи, истинною сущностью фак-
товъ развитія челоѳчества.

Тѣмъ не менѣе, когда въ каждую отдѣльную эпоху раз-
смотримъ результатъ метафизическихъ изслѣдованій, внѣ его
движущаго, развивающаго значенія, когда этотъ результатъ
подчинимъ критериуму науки, то онъ покажется жалокъ и ни-
чтоженъ; самое стремленіе рѣшать размышленіемъ вопросы
недоступные ни внѣшнимъ чувствомъ, ни сознанію получаетъ
болѣзненный характеръ, и сердце сжимается, читая фантасти-
ческія созданія уважаемаго ученаго, какъ оно сжимается у по-
стели больнаго, вамъ милаго, когда вы замѣчаете, что его
слова навѣяны ему горячечнымъ бредомъ. «Какъ это почтен-
ный профессоръ не замѣчаетъ», думаетъ читатель, «что объ
этихъ вопросахъ нельзя разсуждать, что они недоступны раз-
сужденію? Объ нихъ можно сказать только: я *вѣрую* тому-
то и *тому-то*.»

И между-тѣмъ эти вопросы влекутъ къ себѣ неотразимо
умы, часто самые свѣтлые, и страницы, главы, цѣлыя томы
сочиненій относимыхъ къ ученой литературѣ, наполняются
изслѣдованіями о предметахъ, которые по сущности своей
внѣ науки, потому что составляютъ неотъемлемую собствен-
ность религіи.

Одинъ изъ подобныхъ вопросовъ, недоступныхъ наукѣ и
рѣшаемыхъ только съ помощью вѣры, составляетъ вопросъ
о сущности, существованіи и свойствахъ Бога. Большой час-
ти философвъ, даже каждому мыслящему челоѳку, это ве-
ликое слово являлось съ неотразимою силою, требуя объяс-
ненія. Немногіе способны были отвернуться отъ него, огра-
ничиваясь лишь областью челоѳческаго разума. Большая

часть рѣшала вопросъ такъ или иначе, положительно или отрицательно. Всѣ рѣшали его не иначе, какъ на основаніи вѣры; но одни сознательно вѣрили преданію, откровенію, слову церкви; другіе воображали, что рѣшаютъ вопросъ путемъ науки, орудіемъ размышленія, но бессознательно вѣрили въ созданія собственной фантазіи, или въ преданіе дѣтства, которое возникло невольно предъ ихъ воображеніемъ, какъ-будто оно было результатомъ ихъ собственнаго, назависимаго мышленія. Къ сожалѣнію должно сказать, что въ этомъ случаѣ сознательная дѣятельность вѣры принадлежала массѣ, на которую съ презрѣніемъ смотрѣли князья науки: а бессознательное, болѣзненное состояніе духа оказывалось именно въ корифеяхъ знанія. Они называли себя разумно-вѣрующими, деистами, тенстами, пантеистами, атеистами, старались придать своимъ вѣрованіямъ научную форму и художественную стройность, смѣялись надъ противурѣчивыми, неосновательными (по ихъ мнѣнію) вѣрованіями массы, но весьма часто ихъ построенія не превосходили народныя вѣрованія ни въ стройности, ни въ правдоподобіи, а скорѣе уступали послѣднимъ. Что касается до живости, до общедоступности подобныхъ построеній, то въ большей части случаевъ они могли жить только въ ученыхъ кабинетахъ, въ которыхъ родились. Отвлеченности и хитросплетенія логическихъ догматовъ отзывались придуманнымъ, дѣланымъ, а массѣ нужна жизнь и простота. Исторія выработала для массы представленія, которыя жили въ обществѣ, независимо отъ книжныхъ сплюгизмовъ. Объясненія и толкованія, имена и эпитеты, мѣнялись въ официальныхъ фольянтахъ, на каедрахъ профессоровъ и проповѣдниковъ, на фронтонахъ храмовъ, въ мнѣніи меньшинства, но въ массѣ жили тѣ же желанія и воплощались въ тѣ же представленія подъ новыми словами и формами.

Конечно, въ нѣкоторыхъ ученіяхъ было болѣе стройности и простоты, менѣе дико-фантастическихъ созданій, въ другихъ болѣе, но можно замѣтить, что въ этомъ отношеніи ученіе имѣло тѣмъ менѣе недостатковъ, чѣмъ менѣе оно рѣшалось изслѣдовать подробности вопроса, недоступнаго человѣческому пониманію, чѣмъ болѣе держалось въ области на-

блюдаемыхъ явленій и ограничивалось изслѣдованіемъ чловѣка. Это составляло силу и привлекательность вѣхъ отрицательныхъ системъ, потому что отрицаніе, хотя бездоказательное, проще утвержденія, требующаго дальнѣйшаго развитія. Немудрено поэтому, что ученіе Демокрита, Диагора, Гоббеса, Гольбаха, Фогта, Фейербаха имѣло значительный кругъ дѣйствія и нельзя согласиться съ авторомъ философскаго лексикона ¹⁾, что «только пустотѣ и легкомыслію свойственно увлекаться лжеученіемъ атеизма.» — Эта же чловѣческая сторона ученія, хотя въ меньшей мѣрѣ, составляла изящество Гегелизма, принимавшаго, что безусловное лишь въ чловѣкѣ дѣлается сознательнымъ и сознаеть себя какъ безусловнаго духа въ чловѣческомъ духѣ. — Но чѣмъ тщательнѣе метафизическая теорія хочетъ отдѣлиться отъ всего чловѣческаго, чѣмъ подробнѣе она очерчиваетъ свое созданіе, чѣмъ убѣдительнѣе она призываетъ на помощь силлогизмъ и аналогію, нравственное чувство и свидѣтельство исторіи, тѣмъ страннѣе выходило ее созданіе, тѣмъ яснѣе на него ложится печать болѣзненнаго настроенія духа, тѣмъ ближе оно подходитъ къ видѣніямъ Сведенборга, Якова Бѣма и ихъ единовѣрцевъ.

Подобное явленіе представляетъ школа современныхъ германскихъ теистовъ. Многіе изъ нихъ обладаютъ глубокою ученостью; большею частью это люди, въ чистотѣ побужденій которыхъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться; нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны по своему личному характеру, какъ по своей ученой и общественной дѣятельности. Ихъ стремленія прекрасны, ихъ книги краснорѣчивы и заключаютъ множество полезныхъ и прекрасныхъ фактовъ, и между-тѣмъ неволью сочиненія большей части изъ нихъ получаютъ какой-то странный, схоластическій несовременный характеръ, имѣютъ весьма мало значенія внѣ тѣснаго кружка специалистовъ, потому что большая часть изъ нихъ смѣло беретъ за рѣшеніе основныхъ вопросовъ теологіи путемъ разума, когда рѣшеніе этихъ вопросовъ по самой сущности требуетъ только вѣры. Оттого въ обще-

1) Томъ I, стр. 220. Кіевъ 1857.

ществѣ преобладаютъ ихъ соперники: съ одной стороны супранатуралисты, смѣло опирающіе свое сredo на свидѣтельство, съ другой стороны матеріалисты, доводящіе свою метафизику до самой малой величины. Конечно, и въ этой школѣ существуетъ постепенность, отгѣнки. Одни смѣло бросаются въ область метафизическихъ построений «невидимаго», другіе держутся возможно ближе науки. Сочиненія Фихте-младшаго и Бунзена имѣютъ совершенно различное значеніе для науки, но всѣ они имѣютъ нѣчто общее: это мечту соединенія въ одно науки и большей или меньшей части религіознаго преданія. Супранатуралисты стоятъ исключительно на точкѣ зрѣнія послѣдняго, матеріалисты отреклись отъ него совсѣмъ; теисты употребляютъ всѣ усилія, чтобы сплавить эти два начала. Въ послѣдующемъ мы по возможности воздержимся отъ критики и большею частью ограничимся изложеніемъ ученія различныхъ представителей этой школы; изложеніе будетъ болѣе или менѣе подробно, смотря потому, придаемъ-ли мы сочиненію большее или меньшее значеніе въ развитіи разсматриваемаго вопроса. Читатель самъ увидитъ, на сколько мы правы, говоря, что для большей части изъ этихъ авторовъ системы ими созданныя не превосходятъ стройностью и уступаютъ въ жизненности вѣрованію массы, которая очень хорошо сознаетъ, что не мыслить а вѣруеть.

Начало школъ, о которыхъ мы будемъ говорить, восходитъ къ тридцатымъ годамъ, когда въ Германіи господствовала проповѣдь безусловнаго разума, когда Гегелизмъ царилъ надъ раздробленными остатками другихъ школъ, возвѣщая, что безусловное существо сознаетъ себя, воплощаясь въ человѣческомъ разумѣ. Гегель, Гэшель, Моргейнеке полагали, что они достигли примиренія науки и вѣры; лютеранскіе догматы вытекали изъ логическихъ категорій какъ необходимыя слѣдствія; старанія схоластиковъ, Лейбница—казались выполненными въ новомъ ученіи. Но для вѣрующихъ была дерзка подобная игра догматами и они не узнавали своей святыни послѣ того, какъ она прошла чрезъ горнило діалектики; пріобрѣтая разумность, она теряла свою мистическую, успокоивающую привлекательность для массы. Строгіе теологи видѣли пантеизъ и атеизмъ въ ученіи, которое

доказывало дѣйствительность существованія Бога, выходя изъ начала, что единственная дѣйствительность есть дѣйствительность идеѣ, понятія. Въ самыхъ рядахъ учениковъ господствующей школы явились отступники, которые не могли довольствоваться метафизическимъ верховнымъ существомъ дѣйствительнымъ лишь въ идеѣ, сознательнымъ только въ человеческомъ разумѣ, и захотѣли удержать внѣ-міроваго владыку міра, но надѣялись построить его изъ началъ мышленія какъ Гегельянцы строили свое мистическое безусловное. Замѣчательнѣйшими двигателями въ этомъ отношеніи были Фихте (младшій) и Вейссе. Еще съ 1829 г., при жизни Гегеля, они выступили противниками знаменитаго философа, первый въ своихъ «статяхъ для характеристики новой философіи»¹⁾; второй въ сочиненіи «о современной точкѣ зрѣнія философской науки особенно въ отношеніи къ системѣ Гегеля». Первому отвѣчалъ Мишлэ²⁾; второму собирался отвѣчать самъ Гегель, но отложилъ или не успѣлъ до своей смерти (1831)

---

1) Beiträge zur Charakteristik der neuern Philosophie. — Эмануилъ Германнъ Фихте род. въ 1797 г. Въ 1820—1821 г. онъ былъ приватъ-доцентомъ въ Берлинѣ и придерживался кантіонизма. До 1836 г. преподавалъ въ училищахъ Саарбрюкенскомъ и Дюссельдорфскомъ. Въ 1837 г. началъ издавать журналъ, о которомъ сказано въ текстѣ и который дошелъ теперь до 34-го тома. Это изданіе называлось прежде «Журналомъ для философіи и умозрительнаго богословія». Въ 1839 г. Фихте былъ приглашенъ профессоромъ философіи въ Боннъ; въ 1842 году перешелъ въ Тюбингенъ. Изъ прочихъ сочиненій его замѣтимъ:

Sätze der Vorschule zur Theologie. 1826.

Religion und Philosophie in ihren gegenseitigen Verhältnissen. 1834.

Ueber die Bedingungen eines speculativen Theismus. 1835.

Ueber Gegensatz, Wendepunkt und Ziel heutiger Philosophie. I. Kritischer Theil. 1832. II. Grundzüge zum System der Philosophie: 1. Das Erkenntniß als Selbsterkenntniß. 1833. 2. Ontologie. 1836. Die speculative Theologie. 1846—1847.

System der Ethik. I. Die philosophischen Lehren von Recht, Staat und Sitte. 1850. II. 1. Die allgemeinen ethischen Begriffe. 1851. 2. Die Lehre von der rechtssittlichen und religiösen Gemeinschaft. 1853.

Die Religion und Kirche als wiederherstellende Macht der Gegenwart. Zeitschrift für Philosophie etc. 1852.

Antropologie. 1856.

Zur Seelenfrage. 1859.

2)В ъJahrbücher für wissenschaftliche Kritik. 1830. Mai.

и Розенкранцъ сдѣлалъ это уже позже ¹⁾. Ихъ называли псевдо-Гегельянцами, школа Гегеля видѣла въ нихъ безсильныхъ борцовъ: «Это полнѣйшее самоистязаніе умственного эгоизма, который хочетъ быть оригинальнымъ»,—говоритъ Розенкранцъ о Вейссе. «Они только давились пищею феноменологін, но не могли ее проглотить»,—говоритъ Мишле о всѣхъ участникахъ этого направленія ²⁾. Но между-тѣмъ, какъ внутри Гегелизма начинались раздоры въ слѣдствіе появленія сочиненій Штраусса, Бруно-Бауэра, Фейербаха, испуганные умы охотно прымыкали къ примирительной успокоивающей школѣ. Съ 1837 г. Фихте началъ издавать свой «Журналъ для философіи и умозрительнаго богословія», выходящій нынѣ подъ заглавіемъ «Журналъ для философіи и философской критики.» Этотъ журналъ образовалъ центръ умѣренной школы философіи, которую ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать философскою системою, потому что связь ея заключалась не въ методѣ и не въ общемъ направленіи, не въ особенномъ способѣ понимать истину или передавать ее, а въ догматѣ умозрительнаго теизма. Всякій, принимавшій внѣ-міровое верховное существо, но не отвергавшій умозрительнаго построенія истины, принадлежалъ по праву къ новой школѣ, происходилъ-ли онъ по мысли отъ Гербарта какъ Дробишъ, отъ Шеллинга какъ Стеффенсъ, или отъ Гегеля какъ Вейссе. Девизъ школы заключается въ догматѣ, не имѣвшемъ значенія для чистой философіи. Вопросъ былъ не въ построеніи а въ примиреніи, въ удержаніи одного верховаго начала заимствованнаго изъ историческихъ вѣрованій, которое бы прикрывало собою свободныя формы умозрительныхъ теорій въ ихъ разнообразіи. Какъ іюльская монархія во Франціи стремилась примирить роялистовъ и республиканцевъ въ королѣ, царствующемъ но не управляющемъ, такъ теисты Германіи и Франціи стремились примирить свободу разума и уваженіе къ религіознымъ привычкамъ въ умозрительномъ теизмѣ. Первые не удовлетворили ни послѣдовательныхъ легитимистовъ съ Генрихомъ V и бѣлыми лиліями, ни послѣдова-

1) Тамъ же, 1836. Juni.

2) Geschichte der letzten Systeme der Philosophie. 2. Th. 1838. S. 631.

тельныхъ республиканцевъ съ требованіями свободы, равенства и братства; но большинство буржуази, поклонники порядка и спокойствія, охотно приняли короля-буржуа и трехцвѣтное знамя, не какъ принципъ (у нихъ не было принциповъ), но какъ символъ успокоенія и примиренія, при которомъ можно было не разрывать связи ни съ привычками двора ни съ формами свободы. Въ подобномъ же положеніи была школа Фихте между строгими консерваторами преданія и демагогами Гегелизма втораго періода, перешедшаго въ фейербахово поклоненіе челоуѣку ¹⁾. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ партія свободной критики выступала смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ отрицаніяхъ, а новый матеріализмъ подавалъ ей руку; съ тѣмъ вмѣстѣ какъ партія строгихъ лютеранъ шла ближе къ католическому понятію о церкви, съ тѣмъ вмѣстѣ яснѣе выдѣлялась группа теистовъ-идеалистовъ, державшихся за умозрѣніе и за догматъ внѣ-міроваго верховнаго существа, какъ партіи умѣренныхъ либераловъ за конституціоннаго короля. Около Фихте и его журнала группировались болѣе или менѣе тѣсно Вейссе, Ульричи, Виртъ ²⁾, Карлъ Филиппъ Фишеръ, Каррьеръ, Апельтъ, Дробишъ, Гельферихъ, и многіе другіе. Съ одной стороны эта школа примыкаетъ къ послѣдователямъ Шеллингизма въ его послѣдней формѣ, съ другой къ католическимъ писателямъ-мыслителямъ, наконецъ къ личностямъ подобнымъ Бунзену, Мейеру, Ромеру, Цейсигу, которые ищутъ истины въ болѣе тѣсной связи съ современною наукою.

Фихте еще въ 1829 г. отвергъ для челоуѣческаго разума возможность познанія безусловной истины. Вѣчность, говоритъ онъ, недостижима во времени. Всѣ созерцаютъ истину въ видѣ искаженномъ личностью каждаго. Философія Гегеля не примирила высшихъ противоположностей, именно требованій настроенія духа (*Gemüth*) и выводовъ разума. Сред-

1) Французскіе эклектики, особенно молодое поколѣніе ихъ, чувствуютъ естественное сочувствіе къ школѣ Фихте. Таланде недавно еще его высказалъ въ *Révue des deux mondes* 15 oct. 1858, въ статьѣ: *La philosophie et l'histoire en Allemagne*.

2) Послѣдніе два писатели участвуютъ въ послѣдніе годы въ редакціи журнала.

ство для этого примиренія заключается только въ слѣдующемъ: тамъ, гдѣ нить умозрѣнія прервана, отвлеченное понятіе должно принять въ себя другое начало знанія, именно философія должна перейти въ жизнь и сдѣлаться самою живою опытною наукою ¹⁾. Въ Онтологіи (1833) Фихте пробовалъ употребить методъ Гегеля для построенія метафизической системы, служащей дополненіемъ «отрицательной диалектикѣ Гегеля», но для всей науки чистаго разума (à priori) онъ принялъ какъ существенное дополненіе положительное христіанское откровеніе. Цѣль основаннаго имъ въ 1837 г. журнала, какъ и всѣхъ его теологическихъ сочиненій, заключалась въ разработкѣ этой опытной философіи, съ помощью которой откровеніе должно было быть воспринято и подтверждено отдѣльнымъ лицомъ. Вся философія Фихте, по собственному его выраженію, заключается въ томъ, что духъ сознаетъ первоначально въ него вложенную истину ²⁾. Фихте полагалъ, что своимъ умозрительно-опытнымъ методомъ, совпадающимъ въ результатахъ съ божественнымъ откровеніемъ, онъ оставилъ за собою и своего великаго отца и Гегеля.

Фихте раздѣляетъ философію на метафизику, антропологию и практическую философію. *Метафизика* разсматриваетъ міръ, какъ послѣдовательный рядъ средствъ и цѣлей, которыя человѣкъ сознаетъ какъ виѣшнія для него (objectiv geworden) и которыя заключаются одною окончательною цѣлью. Въ системѣ существъ, находящихся во взаимныхъ отношеніяхъ, помощью этихъ отношеній поддерживается какъ связь цѣлаго міра, такъ каждое существо въ его отдѣльности, являющееся такимъ образомъ одновременно средствомъ и цѣлью. Но въ тоже время всѣ посредствующія цѣли (Mittelzwecke) стремятся къ одной высшей цѣли, къ совершеннѣйшему существу, составляющему конечную цѣль всѣхъ прочихъ существъ;

1) Beiträge etc. S. 17—19, 371, 407, 413. — Jahrb. für wissenschaftl. Kritik. Mai, 1830: S. 707—728.

2) Eine Selbstorientirung des Geistes über den ursprünglichen, in ihm niedergelegten Besitz der Wahrheit.

имъ завершается все сущее ¹⁾. Для точки зрѣнія наблюдателя человѣка, высшее земное существо и цѣль всѣхъ низшихъ процессовъ природы есть человѣкъ, какъ человѣчество, и высшая цѣль земнаго бытія осуществляется въ исторіи. Человѣкъ данъ непосредственно, какъ порода, какъ животное; онъ развивается въ человѣчество. Онъ является истиннымъ человѣкомъ не въ отдѣльности отъ другихъ людей, но въ отношеніи своемъ къ другимъ людямъ, дополняя ихъ и дополняясь ими. Въ явленіи, человѣчество есть сумма единицъ, по сущности оно есть замкнутая единица одной духовной породы, въ которой выражается высшая единица — духовное существо Божіе. Въ Богѣ находятъ свое единство всѣ міровыя существа. Въ Божіемъ духѣ находятъ свое единство всѣ конечные духи ²⁾. Единство всѣхъ людей въ Богѣ и выходящее отсюда общество всѣхъ людей, дополняющихъ одинъ другого, отражается невольно въ сознаніи и въ волѣ отдѣльныхъ людей. Здѣсь лежитъ начало нравственности. Самый нравственный процессъ съ метафизической точки зрѣнія есть сознательное выработываніе общества взаимнаго дополненія (*ergänzende Gemeinschaft*), которое само въ себѣ существуетъ, какъ единство всѣхъ духовъ въ Богѣ, но должно осуществиться въ сознаніи человѣчества и въ исторической дѣйствительности. Такимъ образомъ, по теоріи Фихте, человѣкъ является орудіемъ и участникомъ воли Божіей для всего земнаго. Отсюда Фихте получаетъ тождественность понятій единства человѣка съ Богомъ, и единства человѣческаго рода ³⁾.

Антропология, по мнѣнію Фихте, должна доказать, что въ понятіи человѣческаго духа примиряется понятіе человѣка какъ животной породы и человѣка какъ человѣчества. Въ

---

1) Это и слѣдующее изложено въ *Onthologie*, § 256—265. — *Speculative Theologie*, § 31—64, § 189—204, § 216—227, *Ethik*, II, § 5.

2) Фихте говорить и о единствѣ человѣческаго рода, принадлежащаго не только землѣ, но и вселенной. Здѣсь онъ примыкаетъ къ фантазіямъ Краузе на этомъ поприщѣ, хотя и ограничиваетъ ихъ, отказываясь отъ существованія взаимодѣйствія міроваго человѣчества. Краузе, *Lebenslehre und Philosophie der Geschichte*, S. 156 ff.

3) *Speculative Theologie*, § 226, 227. § 260—263.

геніи человѣка находятъ Фихте его особенную духовную личность, не зависящую отъ случайностей пола, расы, народности, жизненныхъ привычекъ. Геній человѣка есть особенное, принадлежащее каждой личности, выраженіе сущности Божественнаго духа, идей. Но человѣкъ можетъ удовлетворить этой сущности только развивая въ себѣ ея сознаніе, слѣдовательно собственной свободною дѣятельностью; только приближаясь къ цѣли этой дѣятельности, человѣкъ вполне вырабатываетъ въ себѣ свой геній, также какъ способность и потребность взаимнаго дополненія съ другими людьми. Антропология составляетъ одинъ изъ послѣднихъ трудовъ Фихте (1856), но въ ней слишкомъ отражается жизненный вопросъ современной философіи, вопросъ матерьялизма. Быстрое возрастаніе матерьялистической литературы, ея огромное вліяніе на германскую молодежь, вызвали всѣхъ современныхъ идеалистовъ на битву со страшнымъ врагомъ. Фихте не побоялся сойти на самое поприще противниковъ и въ своей антропологии подвергнуть критикѣ вопросы спеціальныя для естество-знанія. Ловкая діалектика, ясная (для нѣмецкаго философа) рѣчь и не слишкомъ плодovitое изложеніе сдѣлали его сочиненіе однимъ изъ существеннейшихъ въ литературѣ направленной противу матерьялизма. Писатели его лагеря и даже многіе супранатуралисты аплодировали его критикѣ матерьялизма, но разборъ Ноака ¹⁾ доказалъ, что эти возраженія не ударяютъ въ самое сердце противниковъ, что идеалисты безсильны предъ метафизикой Малешотта и Фогта, и что Фихте есть не болѣе какъ «романтикъ въ психологіи». Пылъ борьбы съ опаснымъ врагомъ проникаетъ всю книгу, начиная съ посвященія сыну, котораго отецъ призываетъ къ битвѣ за единство науки и вѣры, «за истинную науку противу науки лживой» до фантастическихъ мечтаній о существованіи душъ безъ тѣла, о ихъ до-земной и послѣ-земной жизни, о томъ, что души въ больномъ тѣлѣ искупаютъ прежніе проступки и т. п.

Практическая философія, по теоріи Фихте, должна изучать выраженіе идей (божественнаго духа) и генія (личнаго

1) Psyche, 1858, № 5.

духа) въ явленіи. По внутренней природѣ идей она раздѣляется на четыре науки. Знаніе стремится къ цѣльному организму науки, создаваемому умозрительнымъ *ученіемъ о наукѣ* (Wissenschaftlehre). Оно заключается въ слитіи (einswerden) личной познавательной дѣятельности съ предметомъ, съ тѣмъ, что само-по-себѣ существуетъ, въ переходѣ отъ единичнаго и случайнаго къ вѣчному и общему, отъ человѣческаго мышленія къ начальной системѣ вещей въ Божественномъ мышленіи. Знаніе осуществляетъ идею истины. — Чувство, одушевленное свободной творящей фантазіей, воплощается въ художественное произведеніе, осуществляя идею красоты. Это область *умозрительной эстетики*. Третья часть практической философіи есть умозрительная *этика*, которая изучаетъ идею добра въ начальной волѣ (Grundwille) человѣка, т. е. въ волѣ очищенной отъ случайныхъ себялюбивыхъ цѣлей, въ волѣ такъ, какъ она въ сущности присутствуетъ и должна присутствовать въ каждомъ человѣкѣ. Въ идеяхъ истины, красоты и добра совершается въ частности откровеніе Божественнаго духа въ человѣческомъ гениі. Соединяющее сознаніе этихъ идей есть сознаніе безусловнаго, какъ всеобщаго начала, пребывающаго въ глубинѣ духа, — это религіозное чувство. Только это чувство вноситъ единство въ разрозненныя и ограниченныя стремленія человѣка. Умозрительное *ученіе о религіи* (Religionslehre) должно прослѣдить развитіе религіознаго чувства, начиная съ низшей до высшей его формы, и его воплощеніе въ различныя ему соотвѣтствующія общественныя единицы (церкви), долженствующія слиться въ одну общую церковь человѣчества ¹⁾. Предыдущая систематика наукъ, принятая Фихте, уже обрисовываетъ его точку зрѣнія. Для уясненія послѣдней, остановимся на этикѣ, именно на тѣхъ частяхъ ея, которыя наиболѣе относятся къ предмету нашей статьи.

Мы видѣли, что отдѣльный человѣкъ есть не природная особь и не отвлеченный духъ, общій во всякомъ человѣкѣ, но *гениі*, обособленное выраженіе идей, составляющихъ пол-

---

1) Ethik, II, § 8.

воту Божественнаго духа. Этотъ геній находится въ взаимодѣйствіи съ прочими геніями и всѣ они другъ друга дополняютъ въ одно цѣлое. Геній пребываетъ въ человѣкѣ, какъ способность, скрытая для самого себя и для другихъ. Нравственная дѣятельность и цѣль земнаго существованія заключается въ томъ, чтобы человѣкъ созналъ свой геній самъ и внесъ его въ общее сознаніе. Каждый человѣкъ имѣетъ равное право на полное развитіе своей особенной личности, своихъ общечеловѣческихъ и частныхъ способностей, помощью общества и внутри его. Эта особенность есть вѣчная сущность каждаго человѣка, и она открываетъ присутствіе Божіе въ исторіи ¹⁾. Выраженіе, въ обществѣ и для общества, этого духовнаго содержанія, вложеннаго Богомъ въ человѣка, составляетъ безусловную цѣль бытія, и это лишь имѣетъ цѣнность; все остальное есть не болѣе, какъ средство и условіе для этой цѣли. Понятіе общества, выходящее изъ этого начала, даетъ систему нравственныхъ идей. Равное право личностей на развитіе въ общественной средѣ есть источникъ *права*. Взаимное дополненіе особенныхъ геніевъ, находящихъ единство лишь вмѣстѣ съ прочими, и вырабатывающихъ въ себѣ это высшее единство, выражается въ взаимномъ благоволеніи (*Wohllollen*) и въ стремленіи къ совершенствованію. Отсюда идея *дополнительнаго общества* (*ergänzende Gemeinschaft*). Единство человѣчества въ Богѣ, проникающее въ сознаніе человѣка, выражается въ чувствѣ присутствія Божія въ человѣкѣ (*Gottinnigkeit*), въ желаніи подчиниться волѣ Божіей, въ смиреніи и въ стремленіи соединиться съ Богомъ. Лишь въ этой идеѣ присутствія Божія, человѣкъ и человѣчество находятъ оправданіе началъ своей общественности ²⁾. Идея права или справедливости есть представленіе условій современнаго существованія единицъ въ обществѣ; идея дополнительнаго общества есть выраженіе условій совершеннаго существованія самаго общества; идея присутствія Божія есть представленіе основ-

1) Die Eigenthümlichkeit des Genius ist das eigentliche Ewige in Jedem und das einzig Gottoffenbarende in der Geschichte.

2) § 9.

наго условія, ручающагося за прочность и за непрерывное возрастаніе этихъ обоюдныхъ совершенствъ (Vollkommenheiten) ¹⁾.

Мы не остановимся на идеѣ права и замѣтимъ только, что, по предвѣдущему, самое понятіе справедливости заключаетъ требованіе высшаго общества, чѣмъ общества, основаннаго на одной законности; поэтому право и государство, какъ юридическое учрежденіе, не могутъ быть ни вообще ни въ частности конечною цѣлью, они должны подчиняться требованіямъ высшаго общественнаго понятія ²⁾.

Идея дополнительнаго общества является въ формѣ стремленія дополнять другія личности, какъ любовь, благоволеніе; или въ формѣ потребности быть дополненнымъ другими личностями. Въ первомъ видѣ она увлекаетъ волю въ ея начальномъ видѣ (Ursprünglichkeit), уничтожаетъ въ ней все себялюбивое, возвышаетъ ее до безкорыстныхъ побужденій, проникаетъ челоѣка истинною, вдохновляетъ его и удовлетворяетъ его геній, доставляя чувство совершеннаго наслажденія. Это могущество чувства благоволенія заключается въ томъ, что послѣднее пробуждаетъ въ челоѣкѣ любовь, соединяющую все челоѣчество въ его первоначальномъ источникѣ, любовь, которую Богъ любитъ самого себя въ душѣ челоѣка. Взятая въ своей отдѣльности эта начальная воля, источникъ всякаго самоотверженія, всякой нравственности, независима ни отъ какихъ убѣжденій, отражается сама на себѣ, и есть поэтому самостоятельное царство нравственности. Въ потребности дополненія другими лежитъ начало общественности, ассоціаціи, взаимнаго усовершенствованія. Въ обоихъ этихъ началахъ заключается процессъ выработки челоѣчества изъ челоѣческой породы. Поэтому всякое дѣятельное соединеніе людей, въ мгновенномъ-ли чувствѣ жалости или уваженія или въ разрастающихся общественныхъ формахъ семейства, общественности (Geselligkeit), государ-

---

1) § 10, S. 38.

2) § 10, 11, 12.

ства, церкви, есть въ частности или въ цѣломъ начало и попытка осуществить идею человечества ¹⁾.

Но единство человечества неосуществимо въ дѣйствительности для каждаго человѣка; такимъ образомъ идея человечества, осуществляемая въ частности въ каждой удавшейся попыткѣ взаимнаго дополненія людей, есть съ другой стороны идеаль, не осуществимый въ своей цѣлости. Отсюда требованіе человечности дѣлается для человѣка ограниченіемъ, страданіемъ, независимо отъ его воли. Онъ видитъ несчастія, несправедливости и не можетъ имъ помочь; онъ самъ нуждается въ помощи, и не можетъ ее получить. Для устранения этого ограниченія, этого страданія человѣкъ долженъ возвыситься до высшей идеи, поглощающей въ себя идею дополнительнаго общества; то—идея присутствія Божія (*Gottinnigkeit*). Съ ея помощью понятіе единства человечества является осуществленнымъ въ своемъ идеаль; человечество дѣйствительно соединяется въ настроеніи духа и въ мысли каждаго человѣка; всѣ недостатки и пробѣлы человѣческихъ отношеній разрѣшаются въ чувствѣ религіознаго смиренія. Въ слѣдствіе этого идея присутствія Божія является нравственнымъ началомъ (т. е. такимъ, которое должно имѣть мѣсто въ системѣ этики). Изъ этой идеи вытекаетъ единство человечества и равенство всѣхъ людей предъ Богомъ. Изъ нея вытекаетъ *любовь* къ человечеству. Только въ любви къ Богу можно любить человечество, потому-что только въ немъ мы можемъ его постигнуть какъ единое цѣлое. Но любовь къ Богу можетъ выразаться лишь дѣлами любви къ человечеству. Первая проявляется лишь тогда, когда вторая переходитъ въ дѣло, и лишь первая ручается въ дѣйствительности второй. Точно также идея присутствія Божія, какъ идея Провидѣнія, которому мы довѣряемъ, необходима для утвержденія нравственной воли, нравственной дѣятельности, при сознаніи человѣка, что онъ не можетъ помочь всякому, и не можетъ найти всегда въ людяхъ помощи ему необходимой. Такимъ образомъ вторая форма идеи присутствія Божія есть *вера* въ Бога и въ единство человечества, охра-

1) § 13, 14, 15, 16.

няемаго Провидѣнiемъ. Наконецъ третья форма этой идеи есть *надежда*, увѣренность, что недостатки человѣческаго существованiя постепенно разрѣшаются и что окончательно добро восторжествуетъ надъ зломъ ¹⁾.

Названныя три нравственные идеи составляютъ сущность нравственнаго существа человѣка вообще. Изъ нихъ вытекаетъ *основная воля* человѣка, то, что онъ дѣйствительно хочетъ и что долженъ хотѣть, но частныя, случайныя, себялюбивыя стремленiя закрываютъ эту основную волю, которую приходится человѣку и обществу воспитывать въ себѣ. Этика есть именно наука основной воли человѣка, или система практическихъ идей въ ихъ теорiи и въ ихъ осуществленiи ²⁾. Какъ общiя всѣмъ людямъ, какъ составляющiя сущность человѣческой воли, эти идеи врождены человѣку; какъ болѣе или менѣе сознательныя, онѣ доступны развитiю, совершенствованiю; и человѣкъ обязанъ развивать ихъ въ себѣ и въ другихъ. Онѣ выражаются въ отдѣльномъ духѣ какъ внѣшнее явленiе (объективно) въ видѣ нравственности (*Sittlichkeit*) совершенства воли; какъ внутреннее явленiе (субъективно) въ видѣ сознанiя своего совершенства, въ видѣ блаженства; въ волѣ общества ими соединеннаго, въ видѣ прибрѣтеннаго нравственнаго блага. Такимъ-образомъ сущность этики Фихте, на которую онъ самъ обращаетъ вниманiе читателя, заключается въ признанiи двойственности воли въ человѣкѣ. Онъ находитъ, внѣ личныхъ, себялюбивыхъ, мгновенныхъ побужденiй человѣческой личности, въ послѣдней всегда присущую, но не всегда сознанную, основную волю, въ которой заключено нравственное начало. Въ этой основной волѣ Фихте признаетъ сверхъ-человѣческiй источникъ, присутствiе вѣчнаго, соединяющаго, человѣчнаго начала. Безъ него не было бы нравственности. Когда оно наполняетъ человѣка, то *дѣлаетъ* послѣдняго нравственнымъ, но самъ человѣкъ не можетъ сдѣлать себя нравственнымъ. Эта воля, освящающая человѣка, есть присутствiе въ насъ и подтвержденiе Божественнаго духа и Божественной воли,

---

1) § 17, 18.

2) § 1.

такъ-какъ тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ въ себѣ вѣчное и первоначальное, тамъ мы находимся на священной почвѣ, подъ высшимъ вліяніемъ. Отсюда слѣдуетъ (докторъ Фихте), что нравственность въ ея совершенствѣ не мыслима безъ религіи, безъ яснаго сознанія своего источника въ Богѣ, и вся этика не мыслима безъ основанія ея въ умозрительномъ ученіи о Богѣ ¹⁾.

Для опредѣленія системы нравственности, Фихте разбираетъ процессъ, помощью котораго изъ человѣка, какъ животнаго, вырабатывается нравственное существо. Онъ отвергаетъ свободу воли какъ произволь, но видитъ въ дѣйствіяхъ необходимое выраженіе нравственнаго развитія человѣка, и потому допускаетъ отвѣтственность человѣка за низшую или высшую степень нравственности, которую онъ въ себѣ выработалъ ²⁾. — Въ волѣ человѣка Фихте рассматриваетъ двѣ ступени: естественныя наклонности (*das Naturell*) и характеръ. Естественными наклонностями называетъ онъ врожденную способность каждой личности быть возбужденною извѣстными чувствами и побужденіями (*Trieb*) имъ соответствующими, причемъ эта способность различнымъ образомъ обособлена въ каждой личности. Это геній человѣка въ полусознательномъ и естественномъ состояніи. На этой ступени человѣкъ на столько-же добръ, на сколько золъ, но объ немъ можно сказать, что онъ способенъ нравственно совершенствоваться (*er ist ethisirbar*). Всѣ общества, точно также какъ отдѣльныя лица, начинаютъ съ этой ступени. Нравственное развитіе человѣка заключается въ переходѣ отъ ступени естественныхъ наклонностей къ свободной и сознательной формѣ воли — къ характеру; нравственный процессъ всемірной исторіи заключается въ подобномъ-же переходѣ, совершающемся въ цѣломъ человечествѣ, во всѣхъ общественныхъ формахъ. Каждое побужденіе ограничено, частно; тѣмъ не менѣе всѣ они выходятъ изъ человѣческой природы. Удовлетвореніе побужденія есть наслажденіе, но оно бываетъ двухъ родовъ. Наслажденія, вытекающія изъ

---

1) § 2, 8.

2) § 19—21.

удовлетворенной потребности, пополненного недостатка, со-
отвѣтствуютъ насыщенію побужденія, и потому такія на-
слажденія мгновенны. Наслажденіе, вытекающее изъ потреб-
ности дѣйствовать, удовлетвореніе самою дѣятельностью
растетъ, возвышается вмѣстѣ съ дѣятельностью, переходитъ
съ нею на высшую и свободнѣйшую ступень, и дѣлается
продолжительнѣе, сознательнѣе; такія только наслажденія
могутъ быть удержаны на ступени характера. Высшая сте-
пень подобнаго наслажденія дѣятельностью, удовлетворяющею
геній человѣка, нераздѣльна съ дѣятельнымъ совершенствомъ
человѣка (*thätige Vollkommenheit*) и добродѣтелью; чѣмъ
подобное наслажденіе продолжительнѣе и сильнѣе, тѣмъ
ближе оно подходитъ къ блаженству ¹⁾.

Блага, къ которымъ стремится человѣкъ, недостижимы
на степени естественныхъ наклонностей; проникая ихъ со-
знаніемъ, человѣкъ дѣлаетъ ихъ благами для себя и на сту-
пени характера; они дѣлаются наконецъ нравственными бла-
гами, когда съ ними сливается сознательная нравственная
цѣль. — Характеръ есть духъ мыслящій, желающій и дѣйствующій
на основаніи причинъ. На этой лишь ступени воля сво-
бодна, т. е. обуславливается изнутри человѣка, потому-что
лишь на этой ступени она проникается мыслию. На этой лишь
ступени можно говорить объ отвѣтственности и нравствен-
ности, потому-что блага получаютъ тѣмъ высшее значеніе
для характера, чѣмъ болѣе они проникнуты мыслию; является
различіе должнаго и недолжнаго, добра и зла, и наука лич-
ной нравственности (личная этика) можетъ быть названа
наукою объ истинномъ характерѣ, сообразномъ своему по-
нятію, и о развитіи такого характера. — Здѣсь является по-
нятіе высшаго блага. Психологически, высшее благо пред-
ставляетъ полную дѣятельность нравственныхъ идей въ ха-
рактерѣ отдѣльнаго человѣка и всѣхъ людей вмѣстѣ. Въ
нравственномъ отношеніи, высшее благо cadaго заключается
въ освобожденіи вѣчнаго начала личной воли. Какъ совер-
шенное состояніе воли, проникнутой мыслию и ее проникаю-
щей, — это добродѣтель. Какъ художественно-нравственная

---

1) § 22, 23.

дѣятельность, это — долгъ. Здѣсь высшее благо доставляетъ духу высшее блаженство (Glückseligkeit). Но внутреннее блаженство, чтобы быть блаженствомъ дѣйствительнымъ, требуетъ два внѣшнихъ условія: соотвѣтственную ему сферу дѣятельности и отсутствіе стѣсненія. Это лежитъ внѣ чело-вѣка, въ обществѣ, и потому формы общества должны со-отвѣтствовать нравственнымъ идеямъ личности. Чѣмъ сво-боднѣе въ обществѣ можетъ истинный характеръ достигнуть блаженства, и чѣмъ лучше въ немъ люди могутъ содѣйство-вать взаимному усовершенствованію и воплощенію въ цѣломъ нравственныхъ идей, тѣмъ лучше общество. Итакъ, для личности, высшее благо заключается въ удачномъ развитіи генія, ему присущаго, изъ Бога истекающаго; для массы людей подобное общество есть самое многостороннее и со-вершеннѣйшее. Для всего человѣческаго рода, это единство человѣчества — царство Божіе въ духѣ чело-вѣка ¹⁾.

Между чело-вѣкомъ, движимымъ естественными склонно-стями и вполне нравственнымъ характеромъ, находятся сту-пени. Сначала сознательныя цѣли чело-вѣческой дѣятельности направлены на личность, потомъ на особенную форму нрав-ственной идеи и только на высшей ступени чело-вѣкъ стре-мится къ высшему благу, проникается сознательной нрав-ственностью. Последняя ступень имѣетъ еще нѣсколько под-раздѣленій. Сперва чело-вѣкъ сознательно борется со своими частными себялюбивыми побужденіями, развивая въ себѣ нравственность. Этой ступени можетъ достигнуть чело-вѣкъ собственными силами, искренностью мысли и доброю волею. Но чтобы идти далѣе, его свобода должна быть одушевлена его геніемъ, т. е. собственно Божественными, вѣчными си-лами; онѣ продолжаютъ начатый нравственный процессъ; онѣ составляютъ внутреннее откровеніе, которому долженъ покориться чело-вѣкъ. Увлеченный этою точкою зрѣнія, чело-вѣкъ отрицаетъ законность побужденія, чувства, всего лич-наго, и преклоняется предъ неумолимымъ, неизмѣннымъ за-кономъ. Это точка зрѣнія ригористовъ, нетерпимости. Но личность въ минуты энтузіазма сознаетъ, что ея высшія

---

1) § 30—34.

побужденія, чистѣйшія чувства едины съ нравственнымъ закономъ, что этотъ законъ вложенъ въ нее присутствіемъ божественнаго генія. Тогда она становится на высшую нравственную точку. Борьба и подчиненіе закону переходятъ въ отсутствіе себялюбія; всякое принужденіе исчезло, всякій долгъ сдѣлался побужденіемъ любви. Геній человѣка дѣйствуетъ свободно; его воля едина съ вѣчною волею; присутствіе въ человѣкѣ высшей, вѣчной воли, покоряющей міръ и самого человѣка, служитъ доказательствомъ бытія безконечнаго, святаго духа, волѣ котораго мы служимъ орудіемъ. Нравственность сдѣлалась религіей. Высшая нравственность не допускаетъ колебанія, потому-что она есть соединеніе съ Богомъ въ свободномъ воодушевленіи воли, и сознаніе этого соединенія. Здѣсь пріобрѣтается убѣжденіе въ возможности будущаго блаженства человѣчества, и силы для его совершенствованія. Всякое дѣйствительно нравственное общество должно стать на эту высшую точку: оно не должно поддерживаться лишь закономъ, оно должно воспитывать членовъ своихъ къ свободному признанію своихъ началъ. Добро можетъ быть увѣрено въ своемъ внутреннемъ совершенствованіи лишь тогда, когда оно сдѣлалось художественно, и когда дѣйствуетъ педагогически. Отъ послушанія человѣкъ долженъ перейти къ свободной любви, отъ вѣры въ авторитетъ къ свободному знанію. Но въ этомъ и лежитъ источникъ совершенствованія человѣчества: добро не нуждается ни въ чемъ внѣ себя, чтобы побѣдить и быть любимымъ, какъ присущее каждому человѣку. Законъ всякого совершенствованія заключается въ воспитаніи любовью для любви. Нравственный процессъ заключается дѣятельною любовью: любовью къ Богу, т. е. всегдашнимъ чувствомъ нашего съ Нимъ единства; любовью къ человѣчеству, т. е. дѣятельнымъ чувствомъ единства всѣхъ людей въ Богѣ. Оба эти чувства вмѣстѣ составляютъ любовь къ добру; какъ идея дополнительнаго общества, вмѣстѣ съ идеею присутствія Божія, есть идея добра. — Самъ человѣкъ можетъ лишь постепенно освобождать себя отъ себялюбивыхъ побужденій; его развиваетъ вѣчная воля Добра; совершить свое единство съ Добромъ онъ можетъ лишь, сознавая это единство на

степени религіи. Но истинное благочестіе нераздѣльно отъ человѣчности (Humanität); они составляютъ одно цѣлое.— Вся нравственность завершается чувствомъ и сознаниемъ человѣка, что его нравственность есть не иное что, какъ любовь Божія, дѣйствующая въ человѣкѣ, и нравственность человѣка является доказательствомъ бытія Божія, развивающаго нравственность въ человѣкѣ. «Но это, говоритъ Фихте, педагогическое доказательство, состоящее въ ряду нагроможденныхъ силлогизмовъ. Оно основано на внутреннемъ опытѣ жизни, оно есть указаніе (Erweisung). Пусть каждый пойметъ начальное явленіе нравственной любви, во всемъ глубокомъ значеніи этой любви, и онъ имѣетъ это доказательство, потому-что оно не-трансцендентно и не-гипотетично. Если-же кому-нибудь это человѣчное чувство вполне чуждо, тотъ не имѣетъ права судить въ нравственныхъ вещахъ, какъ духъ совершенно уродливый и выродившійся» 1).

Послѣ этого Фихте приступаетъ къ особенной части этики къ ученію о добродѣтели, о долгѣ, и о нравственныхъ благахъ. — Добродѣтель, по его опредѣленію, есть непреходящая способность личности подчинять свою волю идеѣ Добра, или доброй воли. Она отличается отъ долга неопредѣленностью своей цѣли, отъ нравственныхъ благъ тѣмъ, что пожится въ сознаніи. Добродѣтель недѣлима; она не врождена, а пріобрѣтается; она есть художественная способность нравственнаго искусства жизни. Ей можно учить и учиться, но только при условіи ея перехода въ дѣйствіе, и добрыя дѣла дѣйствительно таковы лишь тогда, когда они опираются на ученіе и саморазвитіе. Добродѣтель есть Божій даръ, но всѣ одинаково призваны къ добродѣтели, а различное развитіе ея въ людяхъ есть результатъ различной самостоятельности личностей, способныхъ свободно разрабатывать этотъ даръ. Съ научной точки зрѣнія ученіе о добродѣтели есть изложеніе процесса преобразованія личности, какъ органически-духовнаго недѣлимаго, подъ влияніемъ нравственной идеи и своего призванія, сообразнаго частнымъ обстоятельствамъ жизни. При этомъ стремленіе къ добродѣтели есть уже до-

1) § 30—50. Также Speculative Theologie, § 227, 255—257, 261—264.

бродѣтель. — Безъ нѣкотораго воодушевленія (любви), безъ нѣкоторой твердости характера, безъ нѣкоторой мудрости, и нѣкотораго благоразумія, добродѣтель — невозможна. Но при полнѣйшей добродѣтели воодушевленіе прѣникаетъ одинаково всѣ частныя дѣйствія и относитъ ихъ органически къ центру нравственной идеи. Полезнѣйшая добродѣтель есть та, при которой всякое дѣло совершается съ одинаковой твердостью, исполненіе каждаго долга одинаково важно. Дѣло тѣмъ болѣе нравственно, чѣмъ съ большею мудростью относится каждое дѣйствіе къ высшей единицѣ нравственной идеи, чѣмъ болѣе въ немъ присутствуетъ стремленіе къ художественному совершенству, и чѣмъ благоразумнѣе выбраны средства для его исполненія ¹⁾).

Добродѣтель дѣлается производительною только на ступени долга. Онъ есть выраженіе во внѣшнемъ дѣйствіи добродѣтельной воли человѣка. Сознаніе долга есть сознаніе двойственности человѣческой личности: человѣка въ сущности (*homo paupenon*), обязывающаго исполнить долгъ, и человѣка въ явленіи (*homo phenomenon*), обязываемаго исполнить его; отсюда могущество совѣсти. — Долгъ, на разныхъ ступеняхъ характера, проявляется иначе. Онъ сначала внѣшняя заповѣдь, обязательный законъ, которому человѣкъ подчиняется со внутреннею борьбою. Потомъ онъ нравственно оправданъ, но все-таки составилъ нѣчто внѣшнее, неоднородное человѣку. Наконецъ воля примиряется съ содержаніемъ долга и послѣдній обращается въ самую природу воли. Тогда содержаніе долга есть добро какъ внѣшній предметъ (*objektiv Gute*), и выражается въ дѣйствіи непрерывно и гармонически. Долгъ имѣетъ общеобязательное значеніе. Каждое частное исполненіе долга должно быть выраженіемъ общаго начала. Въ частности онъ есть нравственное дѣйствіе, необходимое для удовлетворенія опредѣленной нравственной потребности ²⁾).

Для добродѣтели высшее благо заключалось въ неопредѣленномъ, трудно достижимомъ идеалѣ, во внутреннемъ со-

---

1) § 51—59.

2) § 60—62.

вершенствѣ; но самый источникъ всякаго добраго дѣла, воодушевленіе, не можетъ существовать, не имѣя опредѣленной цѣли; можно воодушевляться лишь опредѣленнымъ благомъ (Gut). Это относится въ нѣкоторой степени и къ долгу, потому что и тутъ самое важное заключается въ томъ, чтобы дѣятельность была сообразна долгу, но самое содержаніе долга еще не опредѣлено. Только въ ученіи о нравственныхъ благахъ, идеалъ получаетъ опредѣленность и лишь это ученіе завершаетъ этику. Въ ней примпряются внутреннія требованія человѣка со внѣшними данными; счастье и совершенство возможны въ каждомъ положеніи, когда мы прониклись его нравственнымъ значеніемъ и поняли присутствіе въ немъ высшаго блага. Этимъ путемъ этика обращается въ настоящую теодицею, проникающую всю дѣйствительность жизни, ею объясняемую, и потому вполне убѣдительную. — Разсматривая различныя общественныя формы, мы видимъ, что онѣ частью воплощаютъ нравственныя идеи, частью извращаютъ ихъ. Всякое нравственное благо представляется намъ какъ уже существующее, но въ тоже время допускающее совершенствованіе. Нравственныя идеи являются какъ постоянно дѣйствующія въ обществѣ, но въ различной степени, и своимъ содѣйствіемъ опредѣляющія общественность. Право, благоволеніе, стремленіе къ совершенствованію и религіозность развиваются одновременно, параллельно въ сознаніи человѣка и человѣчества, но какъ метафизически (по мнѣнію Фихте) религіозная идея завершаетъ прочія, такъ мы видимъ въ исторіи, что она преобладаетъ надъ ними и ихъ обуславливаетъ ¹⁾).

Согласно предмету нашей статьи, мы не остановимся на первыхъ двухъ отдѣлахъ ученія о благахъ. Предметъ перваго есть право, причемъ права личности, собственности, права истекающія изъ общественныхъ отношеній и нарушеніе права, разсматриваются въ особыхъ главахъ. Предметъ втораго отдѣла есть дополнительное общество въ видѣ семейства, государства, и общества въ его общечеловѣческомъ значеніи (humane Gemeinschaft). Каждое изъ этихъ подраз-

---

1) § 77—80.

дѣлений заключаетъ въ себѣ главы, въ которыхъ разобраны подробно всѣ вопросы сюда относящіяся.

Теистическое направленіе Фихте всего яснѣе выражается въ послѣднемъ отдѣлѣ ученія о благахъ, въ воплощеніи идеи присутствія Божія въ общественную единицу. Это единица, обнимающая все человѣчество, и дѣлающая его понятіе дѣйствительностью, есть церковь; въ религіозномъ чувствѣ совершается это соединеніе. «На религію, говоритъ Фихте, не должно смотрѣть какъ на особенную область нравственнаго существованія; она должна проникать всѣ юридическія и общественныя отношенія. Она не заключается въ какомъ либо дѣйствиіи или запрещеніи, она есть освящающій духъ всякаго дѣйствія. Всѣ выраженія любви къ Богу осуществляются въ дѣйствіяхъ, относящихся къ людямъ. Самое простое выраженіе жизненной мудрости: *молись и работай!* не заключаетъ въ себѣ двойственности, потому что молитва лишь призываетъ силы на жизненную работу и настоящая работа невозможна безъ внутренней молитвы. Истинная повѣрка религіознаго настроенія заключается въ преобразованіи мысли въ освященіи ея любовью (къ Богу и къ людямъ)». Фихте признаетъ Христіанство единственною истинною религіею и единственною возможною въ будущемъ, потому что оно есть единственная религія, въ которой любовь выступаетъ безъ всякаго ограниченія, но, какъ практическое начало, какъ приложеніе къ жизни, Фихте находитъ, что оно еще только начинаетъ рѣшать свою задачу, и весьма далеко отъ ея окончательнаго рѣшенія ¹⁾.

Въ общечеловѣческомъ обществѣ, гдѣ всѣ силы человѣка развиваются свободно, человѣкъ чувствуетъ свою ограниченность своею безсиліе. Онъ останавливается лишь на томъ, что принимаетъ вещи какъ онѣ есть, потому что не можетъ ихъ сдѣлать иными ²⁾. Но это признакъ нездороваго состоянія, а неразрѣшеннаго противурѣчія. Ему нехорошо на этой точкѣ, гдѣ далѣе его нѣтъ ничего. Добродѣтель и блажен-

1) § 18, 174, 175. Die Religion und Kirche etc.

2) Auf dem Standpunkte der Resignation.

ство, это идеалъ и желаніе, недостижимые для человѣческихъ силъ. Въ собственной волѣ человѣкъ сознаетъ зло. Между тѣмъ ему нечего больше дѣлать, какъ покориться, потому что самъ, своими силами, онъ можетъ дойти только до отрицанія зла, до стремленія къ добродѣтели. Дополненіе нравственнаго процесса, дополненіе необходимое для человѣка, даетъ ему только религія. Она даетъ добродѣтели опредѣленную, достижимую форму, вноситъ блаженство въ душу человѣка, смываетъ съ него зло, какъ грѣхъ, и освящаетъ его волю. Для своего осуществленія, религія недостаточно проникнуть въ душу каждаго человѣка: это доставитъ ему только внутреннее блаженство. Для внѣшняго блаженства необходима форма общества, соотвѣтствующая требованіямъ религіи: эту форму называетъ Фихте церковью. Ея основаніе и связь находится не въ какой-либо человѣческой способности, но въ силѣ Божественнаго духа, который обнимаетъ духъ человѣка, преобразуетъ и освящаетъ его мысль. Церковь невозможна безъ вдохновеннаго пророка, собирающаго около себя вѣрующую общину. Повѣрка истинной церкви есть обращеніе и освященіе воли, спасительная сила въ ней заключающаяся: каждая церковь должна привести доказательство духа и силы, что освящающая сила Божія въ ней пребываетъ и чрезъ нее дѣйствуетъ. Она не можетъ заключаться лишь въ религіозномъ настроеніи единицъ. Ей нужно внѣшнее, историческое проявленіе силы Божіей въ человѣкѣ, чтобы получить единство и завершеніе. Поэтому церковь образуется лишь съ появленіемъ Бого-человѣка. Соединенная вѣрою въ Него, церковь составляетъ особенное общество, отличное отъ всѣхъ прочихъ, но допускающее существованіе каждаго изъ нихъ. Какъ государство доставляетъ обществу защиту и гармонію, такъ церковь вноситъ въ него нравственность. Она есть самая широкая общественная форма; въ ней всѣ люди равны, но въ нее входитъ человѣкъ во всей цѣлости своихъ способностей и свойствъ. Ея сила убѣжденія должна быть выше всякой личности, всякаго духовнаго сопротивленія и сомнѣнія, безъ этой силы она не есть церковь. Она должна опираться не на свидѣтельство, но на убѣжденіе свободнаго духа въ томъ, что онъ

внутренно пережилъ. Только пережитое такимъ образомъ составляетъ сущность вѣры; она не можетъ противурѣчить знанію; она не должна съ нимъ слиться; она должна лишь искать въ немъ подтвержденія. Поэтому церковь должна не только мирить съ общимъ развитіемъ; она должна идти впередъ этого развитія, въ твердомъ убѣжденіи, что свободный анализъ можетъ только подтвердить ея начала. Никакая церковь и никакая вѣра несовмѣстимы съ началами двойственности вѣры и знанія, недоступности догматовъ пониманію и съ требованіемъ подчиненія разума. Церковь есть учрежденіе для спасенія (Heilanstalt), опирающееся на положительное (объективное) понятіе Божественнаго искупленія, съ цѣлью чтобы процессъ искупленія все сильнѣе совершался въ отдѣльныхъ членахъ общины, и чтобы онъ все болѣе распространялся въ человѣчествѣ. Ея соединяющія начала составляютъ ея символъ, безъ котораго церковь невозможна; но символъ церкви есть тогда лишь дѣйствительно начало соединяющее, когда онъ свободно воспринять вѣрою каждаго члена общины. Поэтому онъ долженъ быть таковъ, чтобы всѣ его подробности могли быть увѣрованы сознательно, и долженъ измѣняться съ умственнымъ развитіемъ общины. Что въ вѣрѣ неизмѣнно и вѣчно, тому люди вѣрятъ и будутъ вѣрить по необходимости, это самое служить ему доказательствомъ. Все, безъ чего можетъ обойтись истинно вѣрующій, этимъ самымъ доказываетъ свое временное бытіе. Самое понятіе церкви, какъ воспитательницы общества къ высшей нравственности помощію вѣры, предполагаетъ классъ лицъ воспитывающихъ, сильнѣе вѣрующихъ, — духовныхъ, и классъ лицъ воспитываемыхъ, слабѣе вѣрующихъ, — свѣтскихъ. Это раздѣленіе тѣмъ рѣшительнѣе, и неподвижнѣе чѣмъ менѣе полна и свободна форма церкви, и на оборотъ, но оно никогда не можетъ исчезнуть ¹⁾.

Въ церкви должно существовать общество ученыхъ богослововъ-ислѣдователей, доказывающее, передающее и развивающее начало вѣры. Ихъ изслѣдованія должны быть вполне свободны. Ихъ цѣль не должна заключаться въ све-

---

1) § 176—178.

деніи религіознаго ученія на философско-разумныя истины, или на правила нравственности, но они должны выходить изъ историческаго факта Божественнаго искупленія, чтобы на немъ построить свою философію исторіи, независимую отъ научной философіи исторіи, но совпадающую съ послѣдней. Духовное лицо есть учитель религіозной истины, руководитель общественнаго Богослуженія, духовный попечитель общины. Составленіе общины вѣрующихъ есть цѣль духовнаго процесса и повѣрка его силы. Она соединяется общественнымъ Богослуженіемъ, и духовнымъ попеченіемъ (Seelsorge). Убѣжденіе въ личномъ безсмертіи человѣка и въ царствѣ Божіемъ, считаетъ Фихте соединяющимъ и вдохновляющимъ догматомъ нашего времени. Будущность религіи онъ находитъ въ обращеніи всего міра явленій и случайности, въ бытіе вѣчныхъ непроходящихъ сущностей, помощью ясной и сознательной мистики (?). Духовное попеченіе обращается къ липу, развивается въ семействѣ, расширяется помощью духовныхъ миссій. Въ свободномъ покаяніи и во взаимномъ нравственномъ наблюденіи заключается духовное попеченіе о лицѣ. Семейство, соединенное чувствомъ вѣрности и нравственно-религіознаго согласія, есть самое высшее, но и самое индивидуальное проявленіе полнаго человѣческаго бытія. Во внутренней и вѣшной миссії проявляется жизненность церкви, ея стремленіе къ общечеловѣческому значенію, и это стремленіе оправдывается успѣхомъ миссій. Но эти миссії не должны ограничиваться формальнымъ введеніемъ обряда догмата: онѣ должны обращать, возвышать всего человѣка. Онѣ получаютъ всемірно-историческое значеніе въ томъ смыслѣ, что въ нихъ просвѣщенная (erleuchtete) часть человѣчества является воспитательницей другой части, находящейся во тьмѣ, пока во всѣхъ водарится одинъ духъ—духъ Божій. Духовная миссія должна стараться внести во всѣ общественныя учрежденія сильнѣе и сильнѣе духъ религіи, связать общество союзомъ дружества; она должна быть всемірной пропагандой развитія и просвѣщенія. Всѣ церкви должны слиться въ одну высшую церковь, и въ самой исторіи лежить свидѣтельство развитія человѣчества, ручающееся намъ за это соединеніе въ будущемъ и свидѣтельствующее при-

существованіе Божіе. Общечеловѣческія идеи суть первое ручательство будущаго единства. Второе свидѣтельство Божественнаго воспитанія человѣческаго рода заключается во всегдашнемъ возбужденіи въ немъ геніевъ именно тогда, когда ихъ появленіе необходимо. Наконецъ религія и настоящая вѣра есть высшее свидѣтельство. Религія и церковь есть практическая теодицея, непрерывно доказывающая своею дѣятельностью бытіе Божіе. Отдѣльный человѣкъ не есть истина; она осуществляется лишь въ человечествѣ; ее осуществляетъ исторія. Но человѣкъ не можетъ дойти до нея собственными силами; онъ достигаетъ ее лишь съ помощью Божіею и постояннымъ Его содѣйствіемъ. Это содѣйствіе, совершающееся ежеминутно предъ нашими глазами, есть истинное, осязательное чудо, открытое таинство присутствія Божія въ человечествѣ. Окончательное торжество вѣры заключается въ побѣдѣ надъ послѣднимъ врагомъ человѣческаго блаженства, надъ врагомъ, который гложетъ сердце человѣка, не смотря на новую любовь къ человечеству—это страхъ смерти. Истинная вѣра должна вмѣстѣ съ будущей наукою доказать личное безсмертіе человѣка ¹⁾.

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «по поводу вопроса о душѣ», сочиненіи вызванномъ возраженіями Лоце, въ «полемическихъ статьяхъ» Фихте еще опредѣлительнѣе ставитъ свой теистическій взглядъ. Въ отвѣтъ на замѣчанія Вейссе ²⁾, онъ говоритъ, что вопросъ о Созданіи считаетъ неразрѣшимымъ наукою и потому обходилъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Наука должна опираться на существующій міръ наблюденія и черпать основанія умоглядной теологіи, не изъ наблюденія внѣшняго міра, который ведетъ къ фантастическимъ постройкамъ, а изъ внутренняго сознанія своего нравственнаго развитія. Здѣсь идея мірозданія преобразуется въ идею Провидѣнія, Промысла. Этотъ Промыслъ, присутствующій въ цѣлой природѣ для породъ, обращается на личность человѣка, потому что каждый отдѣльный человѣкъ, въ своей

---

1) § 180—187.

2) Der Kampf des Glaubens gegen den Materialismus, dritter Artikel (Protest. Kirchenzeitung, 1857, N° 23, 24).

личности, равнозначителенъ цѣлымъ породамъ міра, внѣ его находящагося. Въ геніи, направляющемъ человѣка къ лучшему, проявляется уже этотъ Промыслъ. Въ идеѣ Богочеловѣка заключается его историческое доказательство и замѣна прежнихъ космологическихъ теорій, несомнѣстныхъ съ современною положительною наукою. Поэтому идея Богочеловѣка должна быть введена философіею какъ необходимая основа, и Христологія есть необходимое завершеніе умозрительнаго ученія. Задачею теизма Фихте считаетъ указаніе самого процесса этого Промысла и допускаетъ посредство невидимыхъ духовъ охраняющихъ и направляющихъ дѣятельность человѣка, такъ что весь духовный міръ, отъ низшаго его проявленія, до высшаго существа, находится въ постоянномъ взаимодѣйствіи, и единство человѣчества осуществляется не только въ живущемъ человѣчествѣ, но и въ духахъ человѣчества всѣхъ временъ.

Мы передали въ предъидущемъ главныя черты теоріи Фихте. Безспорно въ его сочиненіяхъ встрѣчаются превосходныя частности. Его главная сила заключается въ пониманіи историческаго значенія ученій предшественниковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Гегелизмъ утвердилъ въ умахъ мыслителей сознаніе, что каждый фазисъ исторіи имѣетъ въ себѣ свое оправданіе, что безправный предъ потомками, всякій мыслитель выражаетъ свою болѣе или менѣе значительную сторону истины; съ тѣхъ поръ историческое изученіе всякаго предмета розысканій получило преобладающее значеніе въ философскихъ наукахъ. На произведеніе великаго писателя прежняго времени перестали смотрѣть съ обожаніемъ какъ на всю истину, или съ презрѣніемъ какъ на неудачную попытку, которую надо начать съизнова. Изъ древнихъ писателей старались высосать истину, чтобы внести ее въ новое органическое построеніе. Фихте глубоко усвоилъ себѣ этотъ методъ: всякое большое сочиненіе онъ начинаетъ историческимъ разборомъ существовавшихъ мнѣній и эти историческія введенія большею частью заслуживаютъ полнаго вниманія. Такъ своимъ основаніямъ системы философіи Фихте предпослалъ критическую часть; этикъ — разборъ всѣхъ нравственно-юридическихъ системъ, начиная съ середины XVIII

вѣка; антропологін — исторію психологическихъ теорій. Какъ осторожный наблюдатель, онъ внимательно изучалъ достоинства и недостатки предшественниковъ, собиралъ то, что казалось ему достоинствомъ и вмѣстѣ съ убѣжденіями, внешне-сенными изъ жизни или современныхъ обстоятельствъ, сближалъ все это и строилъ изъ этого одну цѣльную систему. Конечно, этимъ путемъ онъ избѣжалъ тѣхъ рѣзкихъ выходовъ, которыя поднимали бурю возгласовъ противъ его отца, противъ первыхъ сочиненій Шеллинга, противъ Гегеля, Фейербаха. Его система гладко обдѣлана, обчищена; всѣ части, ласкающія убѣжденія и предразсудки большинства въ наше время, выставлены очень выпукло. Кстати приводится свидѣтельство того или другого знаменитаго мыслителя, сказавшаго почти тоже, что авторъ, но всегда обойденнаго авторомъ, который умѣетъ показать, что его мысль несравненно полнѣе и точнѣе предшественника. Слогъ Фихте чистъ и гладокъ, читается довольно удобно; ученіе весьма утѣшительно: на немъ могли бы, при желаніи, сойтись и теологи и мыслители-раціоналисты; съ весьма многими положеніями въ отдѣльности трудно не согласиться. Но при всемъ томъ отъ этого ученія вѣетъ холодомъ, оно отдаетъ потомъ и кабинетнымъ трудомъ. Оно сдѣлано. Оно не построилось органически въ мысли автора изъ переработанной пищи доставленной исторіей науки: мысль автора лишь клеила, сглаживала шероховатости, пополняла пустоты, спаявала разнородныя матеріалы, строила автомата а не организмъ. Этотъ автоматъ имѣетъ лишь форму живаго существа.

Оттого его система не вдохновляетъ, не увлекаетъ какъ поэтическія построенія безусловнаго идеализма, какъ могущественная критика Канта и Фейербаха. Подъ шероховатостями и эксцентричностями великихъ мыслителей прошедшихъ школъ, подъ неумолимымъ стремленіемъ къ разрушенію новыхъ атеистовъ, читатель и слушатель чувствуетъ живое человеческое сердце; его чаруетъ художественная фантазія одного, дерзкая сила другого, и онъ не хочетъ знать ихъ непоследовательности. Если онъ вѣритъ ихъ ученію, то потому, что вѣритъ людямъ, потому что видитъ въ нихъ не эрудистовъ-собираателей, но поэтовъ науки, проникающихъ

ея факты жизнью, переработывающих ихъ въ свою мысль, въ свое воззрѣніе. Они были въ большей или меньшей мѣрѣ проповѣдники новыхъ религій, и около нихъ на время собиравалась вѣрующая община учениковъ. Они обладали пророческимъ энтузіазмомъ, потому что сами вѣрили, и вѣрили сильно, самоотверженно въ свое ученіе, не боялись результатовъ его, и не назначали себѣ сознательно цѣли, къ которой должны были придти. Этой силы, этой смѣлости, этой поэтической самоувѣренности въ Фихте нѣтъ и тѣни. Онъ поставилъ на своемъ пути вѣхи, назначилъ себѣ, что должно быть доказано, выписалъ изъ разныхъ авторовъ (преимущественно Капта, Шлейермахера, Гербарта) цитаты и пригоняетъ свои размышленія къ назначенной дорогѣ, боязливо оглядываясь по сторонамъ, не слишкомъ-ли далеко онъ отошелъ отъ лютеранскаго богословія, не слишкомъ-ли много уступилъ ему, не даетъ-ли потачки страшнымъ врагамъ — матерьялистамъ, не отступаетъ-ли отъ данныхъ точной науки? слышишь, какъ онъ перелистываетъ цѣлую бібліотеку; видишь, какъ онъ прислушивается къ общественному мнѣнію, боясь насмѣшки ученыхъ, боясь неудовольствія богослововъ.

Но для живой молодежи, желающей видѣть въ профессорѣ силу и смѣлость, этого не достаточно. Можетъ-ли ее увлечь учитель вѣчно оглядывающійся? можетъ-ли ее удовлетворить эта двойственность, проникающая всю теорію Фихте и миренная лишь на словахъ? Что за искусственное существо духъ и особенный отъ тѣла и съ нимъ нераздѣльный? Что за несчастный *genii*, заключенный вмѣстѣ съ непокорными побужденіями чловѣка, и въ большей части случаевъ остающійся безъ сознанія? Что за неопредѣленная свободная воля, обусловленная необходимостью и между тѣмъ метафизически (не только субъективно) отвѣтственная? что за доказательства, основанныя на желаніи и на потребности исполненія желаній? Тотъ, кто можетъ подчинить разумъ желанію успокоенія, тотъ успокоится всего лучше въ таинствахъ вѣры, въ «обличеніи вещей невидимыхъ», которое открыто на каждомъ алтарѣ. Тотъ, кто наслѣдовалъ отъ современной науки безотвязную критику, тотъ остановится на скептицизмѣ науки, или подчинится простой метафизикѣ Фейербаха и Молшотта.

Тотъ же, кому нужно поэтически-идеальное построение всего сущаго, кто не можетъ отказаться отъ наслѣдства идеализма, отъ призраковъ любимыхъ съ колыбели, но вѣрить въ разумъ, тотъ станетъ искать другого исхода, другого построения, сходнаго съ его личностью. Въ самомъ дѣлѣ изъ теоріи Фихте весьма легко перейти къ какой угодно школѣ, стоитъ только понажать на одинъ изъ пунктовъ системы, передвинуть фразы и мы вышли, а все остальное осталось неизмѣннымъ. Напримѣръ припомнимъ, что при стремленіи къ единству человѣчества, человѣкъ остается на желаніи, потребности, неудовлетворимой дѣйствительностью: ей удовлетворяетъ религиозное чувство; оно есть завершение нравственности и по мнѣнію Фихте представляетъ внѣшнее (объективное) дополненіе желанію человѣка. Остановитесь на внутреннемъ (субъективномъ) дополненіи желанія человѣка; перенесите въ поэтическую фантазію человѣка то, что Фихте смутно видитъ какъ внѣшнюю сущность: вы на два шага отъ теогоніи Фейербаха ¹⁾. Эта возможность легко перейти къ совершенно другому ученію, измѣняя весьма немного въ данной теоріи, есть одно изъ доказательствъ малой органической связи между частями системы.

Мы остановились съ большею подробностью на Фихте, потому-что онъ составляетъ ихъ официальный центръ и потому-что наиболѣе характеризуетъ собою это направленіе. Скажемъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ ближайшихъ его сотрудникахъ.

Вейссе ²⁾; котораго мы уже назвали, возсталъ противу

---

1) *Theogonie nach den Quellen des classischen, hebräischen und christlichen Alterthums*, 1857 (Sämmtliche Werke, B. IX).

2) Христианъ Германъ Вейссе род. въ Лейпцигѣ 1801 г. Онъ былъ назначенъ тамъ же адъюнктомъ философіи въ 1828 г. Съ 1837 до 1845 г. онъ не занимался преподаваніемъ и былъ съ самаго начала журнала Фихте однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ этого изданія. Его имени нѣтъ въ кievскомъ философскомъ Лексиконѣ 1857 г. Не указывая эстетическихъ и археологическихъ его сочиненій, замѣтимъ слѣдующія, относящаяся къ предмету нашей статьи:

Ueber den gegenwärtigen Standpunkt der philosophischen Wissenschaft mit besonderer Beziehung auf das Hegelsche System. 1829.

Die Idee Gottes. 1833.

Гегелизма, какъ ученія міровой необходимости, противопоставляя ему начало свободы, точнѣ произвола. Онъ признавалъ методъ Гегеля безсмертною заслугою ¹⁾, но отрицалъ его ученіе о Богѣ: «Самое бытіе Божіе,—говоритъ онъ,—должно понимать какъ Его *дѣло*, а не какъ безусловную необходимость. Отъ Божества бы зависѣло не быть имъ, если бы оно не хотѣло быть; но отъ него не зависѣло бы измѣнить или уничтожить логическія законы и формы понятія о бытіи» ²⁾. «Предъ созданиемъ міра содержаніе Божества должно было быть таково, что оно побудило его дать созданію извѣстный составъ въ противоположность другимъ составамъ» ³⁾. Вейссе отвергаетъ отрицательную сторону философіи Гегеля, улетучивающую все въ понятіе. Онъ видитъ въ этомъ нигилизмъ. Въ своей метафизикѣ ⁴⁾ онъ приходитъ лишь къ отрицательному безусловному, и потому ищетъ положительныхъ началъ внѣ умозрѣнія. Въ «основаніяхъ метафизики», составляющихъ, по его собственнымъ словамъ, «основаніе и ключъ» его философіи, онъ говоритъ: «Діалектическая философія должна еще сдѣлать возможнымъ истинное опытное ученіе (*eine wahrhafte Empirie*), опытное ученіе въ высшемъ смыслѣ. Заключеніе всего составляетъ понятіе, въ которомъ умозрѣніе и опытъ вполнѣ совпадаютъ: т. е. въ которомъ умозрѣніе само себя уничтожаетъ со всею полнотою своего содержанія, и на свое мѣсто ставитъ общій и всемірный предметъ опыта» (Бога). Онъ называетъ метафизикою науку, которая разсматриваетъ лишь отрицательныя свойства высшаго существа, отрицательныя условія его существованія, не будучи въ состояніи проникнуть до положительныхъ ⁵⁾. Далѣе: «Понятіе о Богѣ, получаемое изъ этой

Grundzüge der Metaphysik. 1835.

Das philosophische Problem der Gegenwart. 1842.

Philosophische Dogmatik. 1855.

1) Die Idee der Gottheit. Vorwort. S. III.

2) System der Aesthetik. 1830. Th. I, S. 19, 20, примѣчаніе. Мышле замѣчаетъ, что послѣднее было бы необходимымъ слѣдствіемъ перваго. Geschichte der letzten Systeme etc. B. 2, S. 634.

3) Die Idee der Gottheit, S. 302.

4) Grundzüge der Metaphysik.

5) S. III, IV, 88, 89. Мышле, Geschichte etc. B. 2, S. 635.

науки, еще лишено содержания и отвлеченно. Она не отрицает возможности свойствъ, даже непримиримыхъ и противурѣчивыхъ со свойствами истиннаго Бога, того Бога, который можетъ быть узнавъ лишь опытомъ, именно опытомъ христіанской вѣры» ¹⁾). Такимъ образомъ Вейссе рѣшительнѣ повернулъ въ сторону догматизма и авторитета. Мишле въ 1838 году признавался, что изъ Гегельянцевъ никто не шелъ далѣе въ этомъ направленіи.

Къ предъидущимъ двумъ писателямъ близокъ по мысли Брониссъ ²⁾ ученикъ Шлейермахера, но проникнутый методъ Гегеля. Онъ началъ съ критики своего учителя ³⁾ и потомъ возсталъ противъ Гегеля, обѣщая дать самостоятельную философію. Обширныя знанія и ловкое употребленіе различныхъ формъ языка доставляли Брониссу значительное вліяніе на университетскихъ слушателей, но онъ не избѣгъ дуализма, которымъ страждетъ все направленіе, къ которому онъ принадлежитъ. Во главу своей системы онъ ставитъ теологію, которая должна описать начальное дѣйствіе безусловнаго (actus purus), этимъ самымъ должно наполнить внѣ-міровое бытіе, которое Гегель оставилъ безъ содержанія, и должна представить Бога, какъ внѣ-міровое существо. Безусловное дѣйствіе (Thun) есть для Бронисса выраженіе идеи и начало системы; такимъ-образомъ онъ хочетъ начать съ понятія весьма-важнаго, но которое заключаетъ въ себѣ какъ предположеніе цѣлую метафизическую теорію. Теологія Бронисса заключаетъ въ себѣ понятія: безусловнаго дѣйствія, безусловнаго бытія, безусловнаго сознанія. Безусловный духъ получается какъ тожество этихъ трехъ началъ. Рядомъ съ теологіей стоитъ космологія, отдѣльная отъ нея по точкѣ

1) S. 562, 563. Розенкранцъ, Jahrbücher für wissensch. Kritik, Juni, 1836. Мишле.

2) Христіанъ Юлій Брониссъ род. въ Бреславлѣ 1792 г. Онъ профессоръ въ Бреславлѣ съ 1825 г. Онъ не указанъ въ кievскомъ Лексиконѣ. Изъ сочиненій его замѣтимъ, какъ относящіяся къ предмету этой статьи:

Grundriss der Logik 1830.

System der Metaphysik. 1834.

Die wissenschaftliche Aufgabe der Gegenwart. 1841.

3) Ueber Schleiermachers Glaubenslehre. 1824.

исхода, какъ міръ внѣ Бога. Непосредственное знаніе Бога есть въ этой системѣ жизненное начало философіи. Метафизика приходитъ въ дилемму: или міръ непосредственно завершается въ своемъ твореніи, и тогда онъ есть слѣдствіе собственныхъ силъ, или его совершенство заключается въ его спасеніи, и тогда онъ есть Божіе созданіе. Брониссъ, конечно, приходитъ къ послѣднему рѣшенію. Космологія его заключаетъ ученіе о сущности вещей (онтологію) и ученіе о нравственности (этикологію), которое, къ удивленію, разсматриваетъ послѣдовательно вещество, жизнь и духъ. Брониссъ, какъ и Вейссе, сильно склоняется къ поклоненію авторитету.

Весьма-много томный писатель, также бывшій Гегельянецъ, это Карлъ Филиппъ Фишеръ ¹⁾, еще пропитанный методой и вопросами тридцатыхъ годовъ. Какъ въ его метафизикѣ 1834 г., такъ и въ послѣднемъ томѣ своей энциклопедіи философскихъ наукъ, вышедшемъ въ 1855 г., Фишеръ видитъ въ Гегелѣ и въ его ученіи главный философскій вопросъ нашего времени. Его метафизика начинается съ природы въ космологіи, и переходитъ чрезъ психологію, пневматологію къ Богу въ теологіи. Онъ вездѣ противопоставляетъ свой дѣйствительный (конкретный) теизмъ пантеизму Гегеля. «Поверхностная философія, — говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи — удаляетъ отъ религіи, болѣе-глубокая ведетъ къ ней; это начало есть сводъ всѣхъ розысканій Кеплера и Ньютона, Бэкона и Лейбница. Въ Германіи довольно такъ-называемыхъ мыслителей, полагающихъ, что независимость философіи заключается въ безусловномъ отрицаніи религіи. Мы имѣемъ право сказать, что они не подозрѣваютъ даже, что такое философія и религія. Странные психологи, для которыхъ религіозное чувство есть обольщеніе ума или болѣзнь сердца! Что касается до насъ, то,

---

1) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Куно Фишеромъ, изящнымъ историкомъ философіи, тоже бывшимъ Гегельянцемъ. Карлъ Филиппъ Фишеръ профессоръ въ Эрлангенѣ. Изъ его сочиненій замѣтимъ:

Die Wissenschaft der Metaphysik im Grundrisse. 1834.

Die Idee der Gottheit. 1839.

Grundzüge des Systems der speculativen Theologie. 1855.

зная изъ исторіи и изъ собственнаго опыта, что религиозное чувство есть законное слѣдствіе здороваго и сильнаго сознанія, мы безъ страха вопрошаемъ философію религій, и если бы, при концѣ нашихъ розысканій, мы сошлись съ положительнымъ Христіанствомъ, мы не перестанемъ быть философами, потому-что мы методически и свободно отыскиваемъ истину.» Разобравъ идею Бога и необходимость живаго и свободнаго Божества, Фишеръ ищетъ всѣ черты этого Божества въ исторіи человѣчества. Онъ въ ней отыскиваетъ царство Отца, царство Сына и царство Духа Святаго, три великіе періода развитія человѣческаго духа, которые для Фишера суть слѣды, оставленные Творцомъ на Его твореніи, и отраженіе неба на землѣ. Здѣсь очевидно сближеніе съ Шеллингомъ и съ средневѣковыми мистиками.

Сюда-же относится Ульрици ¹⁾, замѣчательный своими прежними произведеніями о древней поэзіи и Шекспирѣ ²⁾, но не совсѣмъ удачно поднявшій знамя противъ Гегеля, возобновляя нападенія Бахмана, давно опровергнутыя Розенкранцомъ и Фейербахомъ. Въ прошедшемъ году появилось его сочиненіе противъ матеріализма, ограничивающееся изученіемъ человѣка, въ-особенности духовной стороны его. Въ этомъ сочиненіи, какъ и въ предъидущихъ, Ульрици является рѣшительнымъ теистомъ. Въ послѣднее время онъ участвуетъ въ редакціи журнала Фихте.

Предъидущіе писатели примыкаютъ къ группѣ католическихъ философовъ, которые, по самому своему исповѣданію, связаны несравненно-болѣе своихъ протестантскихъ товарищей. Это Трокслеръ, Зенглеръ, Штауденмайеръ ³⁾, въ-особен-

---

1) Германъ Ульрици род. въ Пюедтенѣ 1806 г. Онъ профессоръ въ Берлигѣ съ 1833 г., въ Галле съ 1834 г. Изъ его сочиненій, сюда относящихся, замѣтимъ :

Ueber Princip und Methode der Hegelschen Philosophie. 1841.

Das Grundprincip der Philosophie. 1845—1846.

System der Logik. 1852.

Glauben und Wissen. 1858.

2) Geschichte der griechischen Dichtkunst. 1835.

Ueber Schakspeares dramatische Kunst. 1839.

3) Изъ сочиненій названныхъ авторовъ замѣтимъ :

ности Гюнтеръ. Можно-бы, пожалуй, назвать еще Штэкла¹⁾ и другихъ, но уже это философы XIX вѣка лишь по имени и могли-бы смѣло жить въ среднія вѣка. Ихъ точка отправленія — отрицаніе умозрѣнія, какъ самостоятельнаго орудія. Въ этомъ отношеніи они несравненно послѣдовательнѣе всѣхъ остальныхъ лицъ нами названныхъ, но.... ихъ точка зрѣнія лежитъ совершенно внѣ нашего предмета. Въ Трокслерѣ еще видны остатки Шеллингизма и даже слѣды ученія Гегеля, но онъ предпочелъ имъ мистику преданія. Въ своей философской теоріи онъ порицаетъ Якоби, который допустилъ непрерывное внутреннее откровеніе въ духѣ чловѣка: Трокслеръ допускаетъ лишь внѣшнее откровеніе въ постановленіяхъ церкви, и въ совпаденіи вѣры съ этими постановленіями видитъ единственный истинный авторитетъ. Рядомъ съ этимъ положительнымъ источникомъ знанія, Трокслеръ принимаетъ формальную логику въ ея полномъ развитіи. Зенглеръ и Штауденмайеръ, редакторы фрейбургскаго католическаго «Журнала для философіи», подчиняютъ всѣ существующія системы строгой критикѣ, защищаютъ скептицизмъ на столько, чтобы поколебать довѣріе въ безусловную силу разума, и потомъ построить на поклоненіи авторитету формальный союзъ между разумомъ и догматомъ. Но самое замѣчательное явленіе, какъ по своему діалектическому искусству, такъ и по вліянію, представляетъ Антонъ Гюнтеръ. Странная, съ перваго взгляда, судьба этого чловѣка и его ученія, есть повтореніе другаго событія, относящагося къ тридцатымъ годамъ этого вѣка, и теперь полузабытаго, но въ свое время волновавшаго умы въ Европѣ. Мы говоримъ здѣсь о Гермесѣ и его ученіи. Хотя

Logik von Troxler. 1829—1830.

Geist des Christenthums von Standenmeyer. 1835.

Его же: Geist der göttlichen Offenbarung. 1837.

Philosophie des Christenthums. 1840.

Die Idee Gottes, von Sengler. 1845—1847.

Ueber das Wesen und die Bedeutung der speculativen Theologie. 1834.

Его же.

Erkenntnisslehre, 1 B. 1858. Его же.

1) Die speculative Lehre vom Menschen. B. 1, 2. 1858.

по времени эта попытка уже не может быть названа современною для нашего поколѣнія, живущаго такъ быстро, но, по связи этихъ фактовъ съ нашимъ предметомъ, читатели позволяютъ небольшое отступленіе.

Въ то время, когда Гегелизмъ основывалъ въ Берлинѣ свой престолъ безусловнаго разума ¹⁾, когда всѣ школы идеалистовъ умолкали предъ діалектикой системы, объявившей себя наслѣдницею и завершеніемъ всѣхъ системъ, въ католической части прусскихъ владѣній основанъ былъ, согласно обѣщанію прусскаго короля, католическій университетъ въ Боннѣ и, какъ главная опора новаго храма науки, былъ приглашенъ изъ Мюнстера богословъ уже знаменитый, окружившій себя школою учениковъ, Георгъ Гермесъ ²⁾. Онъ еще студентомъ богословія въ 1794 г., не могъ устранить вопросы, которые вносила критика Канта во всѣ основы человѣческаго духа. Принявшись за преподаваніе, онъ не могъ принять начало слѣпой вѣры, и не хотѣлъ остановиться на скептицизмѣ. Онъ задалъ себѣ слѣдующую задачу: начать съ безусловной критики Канта, съ научнаго сомнѣнія не только въ ученіи католичества, не только въ догматѣ теизма, но даже въ дѣйствительности нашего познанія внѣшняго міра; послѣ того доказать истину основаній католической теоріи: истину новозавѣтныхъ книгъ, католическаго преданія и словеснаго ученія; и тогда уже приобрести неоспоримое убѣжденіе въ этихъ основахъ, построить на нихъ зданіе католическаго богословія. Его преподаваніе отличалось ясностью, основательностью и послѣдовательностью. Онъ былъ правдивъ и добродушенъ въ частной жизни; вѣчно боролся съ весьма-неблагоприятными экономическими обстоятельствами,

---

1) См. Гегелизмъ (Библ. для Чтенія, 1858, май, сентябрь). Практическая философія Гегеля (тамъ же, 1859, апрѣль, май).

2) Г. Гермесъ род. въ 1775 г. и былъ сынъ крестьянина. Начавъ съ деревенской школы, онъ въ 1798 г. былъ преподавателемъ въ Мюнстерской гимназіи. Въ 1819 г. онъ перешелъ профессоромъ въ Боннъ. Изъ его сочиненій главное есть: *Einleitung in die christlich-katholische Theologie*, 1819, но его напечатано только первое отдѣленіе. Алерфельдъ издалъ послѣ его смерти: *Christ-Catholische Dogmatik*. Браунъ и Эльвенихъ защищали дѣло Гермезіанизма въ родѣ латвискихъ и нѣмецкихъ брошюръ.

не дозволяя имъ никогда имѣть вліяніе на его оффиціальное положеніе. Немудрено, что онъ приобрѣлъ горячихъ приверженцевъ, учениковъ, вѣрныхъ ему даже послѣ смерти. Онъ былъ убѣжденъ, что доказательства для его ученія существуютъ; и онъ желалъ найти ихъ: немудрено, что для него они были убѣдительны. Онъ полагалъ, что исполнилъ требованіе, имъ самимъ поставленное. «Для-того, чтобы идти съ увѣренностью впередъ, богословъ долженъ прежде-всего увѣриться въ твердости философскихъ основаній своего построенія и по-крайней-мѣрѣ здѣсь долженъ слѣдовать только принужденію разума.» Анализируя католическую систему какъ данную, Гермесъ восходитъ къ основанію нашего знанія. Онъ убѣждается, что отъ нашего знанія нельзя еще заключить о дѣйствительности познаваемыхъ предметовъ, но принимаетъ за основаніе психологическій фактъ, по которому въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ мыслию и съ знаніемъ, происходитъ явленіе духа, въ слѣдствіе котораго онъ признаетъ дѣйствительнымъ сознаваемое. Это явленіе невыдѣлимаго признанія дѣйствительности сознаваемого онъ считаетъ теоретическимъ основаніемъ своей начальной философій, началомъ разумной вѣры.

Отсюда, на основаніи извѣстнаго начала достаточной причины, Гермесъ восходитъ отъ бытія міра къ бытію Божію. Далѣе подобнымъ же путемъ доказываетъ истину откровенія вообще и католическаго откровенія въ особенности. Во второй части вышедшаго отдѣла своего введенія Гермесъ доказываетъ истину новозавѣтныхъ книгъ ¹⁾; въ слѣдующихъ отдѣлахъ должно было заключаться доказательство истины католическаго преданія и словеснаго ученія.—Когда его пригласили профессоромъ въ Боннъ, Гермесъ считался однимъ изъ столбовъ католическаго ученія, но онъ при этомъ обладалъ нетерпимостью въ отношеніи къ лицамъ другого мнѣнія, нетерпимостью, которая есть довольно обыкновенное, хотя и болѣзненное, слѣдствіе сильнаго религіознаго убѣжденія.

1) Такъ какъ это сочиненіе вышло раньше 1835 г., знаменитаго въ развитіи этихъ розысканій, то оно теперь имѣетъ мало значенія, не смотря на ученость автора.

Гермесъ съ своими учениками и послѣдователями находился въ Боннѣ между двумя крайними партіями. Ученіе свободныхъ мыслителей представляли Грацъ и Зеберъ, ученіе католическихъ мистиковъ Виндишманъ. Первые были удалены вслѣдствіе дружественныхъ отношеній между Гермесомъ и кельскимъ архіепископомъ графомъ Шпигелемъ. Вскорѣ большая часть кафедръ университета, и преподаваніе въ гимназіяхъ и семинаріяхъ, перешло въ руки Гермезіанцевъ. Когда Гермесъ умеръ въ 1831 г., въ одинъ годъ съ великимъ берлинскимъ философомъ, его ученіе преобладало, Виндишманъ и его приверженцы преподавали предъ пустыми аудиторіями.

Но зависть въ партіи пренебреженныхъ теологовъ всегда умѣетъ прикрыться личиною защиты святыни. Въ Римъ стали являться доносы на Гермеса и его преверженцевъ. Они признавали авторитетъ Рима *только* потому, что разумъ ихъ подтверждалъ его; значить они подчиняли догматъ разуму, значить они отступали отъ истиннаго ученія.—Этимъ доносамъ помогли политическія обстоятельства. Гермесъ и Шпигель поддерживали прусскую партію, государственное начало, но въ рейнскихъ провинціяхъ, обманутыхъ невыполненными обѣщаніями центральнаго правительства относительно народнаго представительства, устройства суда присяжныхъ и т. п. начиналось глухое броженіе. Этимъ воспользовались истые католики. Они представляли Гермезіанцевъ на Рейфѣ, какъ партію поддерживаемую изъ Берлина, Риму какъ людей, жертвующихъ интересами церкви интересу государства. Пока Шпигель былъ живъ, его берегли въ Римѣ, но онъ умеръ 2 авг. 1835 г. и 28 сентября того же года обрушилось на Гермезіанцевъ папское посланіе. *Dum aurbissimas*, въ которой порицалось вообще и въ частности ученіе Гермеса. Съ вступленіемъ въ должность новаго архіепископа барона Дроста Фишерингъ, крайняя католическая партія вступила въ управленіе; Гермезіанцы подверглись формальному гоненію; самый боннскій университетъ и семинарія должны были вынести инквизиціонное наблюденіе архіепископа; преподаваніе было поколеблено въ своихъ основаніяхъ ¹⁾. Напрасно Гермезіан-

1) Дѣло о смѣшанныхъ бракахъ повело чрезъ нѣсколько лѣтъ Дроста-

цы отписывались, напрасно профессоръ Біуде уничтожилъ возраженіе іезуита Перроме; напрасно они отправили въ Римъ депутацію изъ Брауна и Эльвениха. Совершенный случай во Франціи доставилъ имъ правда хорошій аргументъ. Страсбургскій профессоръ Ротенъ, въ то время сильный противникъ разума, былъ осужденъ своимъ архіепископомъ за то, что онъ не признавалъ правъ разума, между тѣмъ какъ Гермеса обвиняли за уваженіе къ разуму. Но какъ будто папѣ римскому надо быть послѣдовательнымъ, чтобы оставаться непогрѣшимымъ. Въ Римѣ приняли просителей весьма ласково и — посмѣялись надъ добродушными Нѣмцами. «Ошибаются и тѣ, которые приписываютъ все вѣрѣ, не оставляя ничего разуму, и тѣ, которые отдають все разуму, такъ что вѣрѣ ничего не остается» сказалъ Эльвениху Григорій XVI. Гермезіанизмъ какъ школа изчезъ и остался только какъ личное убѣжденіе нѣсколькихъ богослововъ.

Подобная исторія повторилась въ послѣдніе годы съ австрійскимъ богословомъ Антономъ Гюнтеромъ.

Ему теперь 76 лѣтъ, онъ прошелъ чрезъ философское ученіе въ первое дѣсятилѣтіе нашего вѣка, но изъ этого ученія вынесъ рѣшимость отказаться отъ духовнаго званія, къ которому назначалъ себя. Потомъ жизнь его повернула въ другую сторону, и онъ сдѣлался священникомъ, потомъ къ іезуитамъ, оставилъ ихъ и сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ католическихъ мыслителей нашего времени. Сначала онъ писалъ рецензіи въ «Вѣнскихъ лѣтописяхъ», потомъ въ 1828 издано его первое теологическое сочиненіе ¹⁾).

Фишерингъ къ явному возстанію противъ прусскаго правительства. Онъ былъ насильственно схваченъ, отвезенъ въ Минденъ, и остался въ ссылкѣ до конца царствованія Фридриха Вильгельма III. Возвратясь въ Кельнъ онъ тамъ умеръ.

1) *Vorschule zur speculativen Theologie.*

Изъ прочихъ его сочиненій замѣтимъ:

Peregrins Gastmahl. 1830.

Süd- und Nordlichter am Horizonte speculativer Theologie. 1832.

Jannsköpfe etc. 1834 (вмѣстѣ съ Пабстомъ).

Thomas a scrupulis. 1835, и т. д.

Его ученіе изложено у Мертена: *Grundriss der Metaphysik*, 1848, и краткѣ въ: *Unsere Zeit*, 1857, S. 609 ff.

Быстро послѣдовали за этимъ сочиненіемъ другія. Съ 1849 по 1854 онъ издавалъ журналъ «Лидію». Съ неумолимой критикой, съ рѣзкой насмѣшкой, разсѣкалъ Гюнтеръ всѣ системы философовъ прежняго времени, всѣ попытки ихъ современныхъ послѣдователей; ни за одинъ вопросъ метафизики онъ не принимался иначе, какъ разобравъ и по возможности ушчтоживъ всѣ рѣшенія противниковъ. И тогда, очистивъ мѣсто, онъ принимался строить свое зданіе, котораго завершение должно было заключаться въ полномъ оправданіи католичества въ его основаніяхъ и его выводахъ. — Гюнтеръ начинаетъ свою философію съ анализа самосознанія. Онъ доказываетъ невозможность единства сознающаго я и сознаваемого я, слѣдовательно доказываетъ, что человѣкъ въ сущности двойственъ. Сознаваемое я не можетъ быть сознано непосредственно, но сознаются лишь состоянія (Zustände) перваго, которыя въ своемъ разнообразіи состоятъ изъ воспріятія дѣйствія и изъ воздѣйствія. Но воспріимчивость человѣка отлична отъ его чувства, потому-что его развиваетъ не природа, не вѣднній міръ, а люди существующимъ въ нихъ самосознаніемъ, и его самосознаніе заключается въ свободной дѣятельности, слѣдующей за воспріимчивостью или въ сознательной воспріимчивости впечатлѣнія. Различая въ себѣ эти два состоянія воспріимчивости и дѣятельности (Spontaneität), и сознавая ихъ единство въ себѣ человѣкъ сознаетъ свое бытіе, которое есть ничто иное, какъ единство этихъ силъ.

Но сознание имѣетъ начало; оно пзчезаетъ и возвращается, а человѣческое я продолжаетъ существовать, и въ первое мгновеніе сознанія открываетъ, что оно уже имѣло прошедшее: значитъ, въ человѣкѣ сознание есть не сущность сего я, но человѣкъ только способенъ быть сознательнымъ. По этому состоянію двойственности сила предшествуетъ состоянію, при которомъ эта двойственность только возможна (potenziel). Итакъ человѣческое я есть первоначально бытіе, которое имѣетъ назначеніе сдѣлаться самосознательнымъ, но не имѣетъ силы развить въ себѣ самосознаніе, а для этого требуетъ содѣйствія и помощи другихъ самосознательныхъ существъ. Принимая впечатлѣніе и противудѣйствуя ему, духъ сознаетъ себя

какъ единство того и другого, и сознаетъ свое я. При этомъ я представляется не какъ отвлеченное *понятіе*, заключающее общія черты разныхъ дѣйствительныхъ явленій, но какъ живая *идея* того, что не измѣняется въ человѣкѣ, что пребываетъ дѣйствительнымъ и постояннымъ во всѣхъ впечатлѣніяхъ имъ принимаемыхъ и во всѣхъ его воздѣйствіяхъ. Все, что человѣкъ узнаетъ какъ дѣйствительное, должно такимъ же образомъ носить на себѣ характеръ не понятія, но идеи. Поэтому знаніе внѣшняго міра выходитъ для человѣка изъ самосознанія.

Изъ предъидущаго видно, что для Гюнтера духъ есть не только мыслящая личность (*субъектъ*) но и мыслимый предметъ (*объектъ*). Онъ составляетъ особое цѣлое. Природа, отдѣльная отъ него, должна тоже заключать въ себѣ эти двѣ стороны существованія. Природа не можетъ быть представлена безъ вещества и безъ силъ, но сущность ея должна заключать эти два различныхъ начала какъ нераздѣльные и въ этомъ должна заключаться истинная философія природы. Какъ духъ, такъ и природа знаетъ о себѣ, но различно. Знаніе духа есть *идея духа*, т. е. знаніе, что духъ дѣйствителенъ и единъ въ разнообразіи явленій. Знаніе природы есть *понятіе природы* какъ общаго внѣшняго отвлеченнаго начала, обнимающаго разнообразіе явленій. При построеніи природы человѣкъ идетъ отъ представленій путемъ отвлеченія къ простѣйшимъ представленіямъ, понятіямъ, и шагъ за шагомъ восходитъ къ понятію отвлеченнаго бытія вообще. Здѣсь дѣйствительная раздѣльность находитъ формальное единство. При построеніи своего я, своего духа, человѣкъ поступаетъ прямо противоположнымъ образомъ, какъ уже видѣли. Въ формальномъ раздѣленіи проявленій воспріятія и воздѣйствія человѣкъ находитъ дѣйствительное единство. Отсюда Гюнтеръ заключаетъ, что сущность этихъ двухъ существъ, столь различнымъ способомъ построенныхъ, вполне различна и что человѣкъ въ своемъ знаніи долженъ остановиться на двойственности природы и духа.

Въ человѣкѣ соприсутствуютъ оба эти начала, и человѣкъ является какъ ключъ свода вселенной, ключъ, въ которомъ сходятся два міра существенно противоположные. По си-

стемъ Гюнтера природа сознательна, одушевлена, и соединеніе двухъ началъ въ человѣкѣ есть не подчиненіе безсознательнаго тѣла сознательному духу, между которыми не можетъ быть ничего общаго, но подчиненіе понимающей природной души разумному, созидающему духу.—Изъ предъидущаго видно, что Гюнтеру легко признать тройственность существъ: природу одаренную душою, царство чистыхъ духовъ, человѣка одареннаго душою и духомъ.

Человѣкъ сознаетъ дѣйствительность своего бытія, но въ то же время свою ограниченность, невозможность собственными силами выработать самосознаніе, свою зависимость отъ окружающаго. Отсюда, по мнѣнію Гюнтера, онъ необходимо восходитъ въ бытію сознательному и независимому, къ безусловному существу, къ Богу. Это безусловное существо является ему обусловливающимъ природу въ ограниченности ея частей, создающимъ ее.—Итакъ, по Гюнтеру, идея Бога точно также необходимо является въ человѣкѣ, какъ его самосознаніе и есть слѣдствіе послѣдняго. Изъ воспріятія и воздѣйствія родилась идея я. Изъ сознанія своей дѣйствительности и отрицанія своей безусловности родится идея безусловнаго бытія. Чтобъ построить всѣ свойства безусловнаго существа Гюнтеръ употребляетъ подобный же ходъ. Онъ въ свойствахъ человѣческаго духа отрицаетъ неполноту и восходитъ такимъ образомъ къ свойствамъ Божіимъ.

Въ переходѣ человѣка изъ отсутствія самосознанія къ самосознанію открываетъ Гюнтеръ и начало этики. Пока существо дѣйствуетъ подъ побужденіемъ другихъ, оно сознаетъ но еще не имѣетъ ни самосознанія, ни совѣсти; дѣйствія ему назначаются извнѣ; оно несвободно и неотвѣтственно. Съ возбужденіемъ самосознанія въ человѣкѣ просыпается и стремленіе опредѣлять свои дѣйствія по собственному побужденію — свобода воли; пробуждается сознаніе, что эти дѣйствія суть его свободныя дѣйствія — совѣсть, и человѣкъ дѣлается отвѣтственнымъ за свои свободныя дѣйствія. Дѣйствуй, какъ свободное существо, сознавая себя свободнымъ! покоряйся совѣсти изъ уваженія къ ней!—вотъ первое правило этики. Такъ какъ человѣкъ есть соединеніе природы

и духа, но достоинство его лежитъ въ послѣднемъ; то для него получаютъ правила: проявляй въ своихъ дѣйствіяхъ, что въ тебѣ соединены природа и духъ! веди по возможности природу въ себѣ и виѣ себя къ ея совершенству! не позволяй духу уступать природѣ свое первенство! Тѣмъ не менѣе, хотя духъ непосредственно сознаетъ себя, какъ свободный источникъ нравственнаго закона, но посредствомъ сознанія безусловнаго существа, какъ источника всѣхъ законовъ, онъ и относитъ дѣйствительное начало нравственности къ Богу, видитъ въ требованіяхъ своего духа волю св. Духа и заключаетъ этику требованіямъ: не поддавайся искушенію считать себя за существо, не подлежащее никакому виѣшнему авторитету.

Гюнтеръ не оставилъ безъ вниманія вопросы права и эстетики, но съ особенною любовью обращался къ вопросамъ богословскимъ. Живѣйшее его желаніе заключалось въ пробужденіи умозрительнаго направленія въ богословіи и въ содѣйствіи этимъ путемъ католической церкви. Онъ старался опредѣлить отношеніе вѣры къ знанію такимъ образомъ, чтобъ утвердить непогрѣшимый авторитетъ церкви и въ то же время охранить авторитетъ разума, хотя подверженнаго ошибкамъ, но не выдѣлимаго. Для Гюнтера философія не должна быть только привозницею богословія, но и послѣднее не должно питаться лишь крохами философій. Всѣ догматы католичества онъ вывелъ изъ своей философіи, рѣшительно опиравшейся на двойственность внутри и виѣ чловѣка.

Судьба этого замѣчательнаго мыслителя и ревностнаго католика, который тому два вѣка былъ бы поставленъ на ряду съ Боссюэтомъ, была подобна судьбѣ Гермеса, съ тою разницею, что Гюнтеръ испыталъ благодарность римской курии при жизни, и что въ столицѣ австрійской имперіи, давно изуродованной въ умственномъ отношеніи, не нашлось группы смѣлыхъ защитниковъ ученія, заслужившаго порицаніе. 8 января 1857 г. всѣ сочиненія Гюнтера внесены въ римскій Index librorum prohibitorum. 15 іюня того же года Пій IX подтвердилъ осужденіе Гюнтера въ посланіи къ кардиналу Гейсело; это посланіе обнародовано 1 сентября того же года.

Гдѣ причина этого явленія, по видимому страннаго, что католичество отталкиваетъ и осуждаетъ лучшихъ своихъ защитниковъ. Ослѣпленіе? интрига другихъ католическихъ профессоровъ? случайность? — Для нѣкоторыхъ личностей, дѣйствовавшихъ при этомъ всѣ эти причины могли имѣть мѣсто, но истинная причина лежитъ глубже. Можетъ быть нѣкоторые писатели правы, говоря, что вѣчно дѣятельный орденъ іезуитовъ былъ главнымъ двигателемъ въ обоихъ этихъ осужденіяхъ, какъ въ осужденіи Расмини въ Италіи, Гиршера въ Фрейбургѣ, Бреннера въ Баваріи ¹⁾, но въ этомъ случаѣ интересъ іезуитовъ былъ соединенъ съ невыдѣлимымъ требованіемъ, съ жизненною необходимостью католическаго вѣроученія. Цѣль католичества заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы богословъ доказалъ вполне всѣ догматы его ученія на основаніи разума; но главное, чтобъ ученый смирился предъ авторитетомъ папы, чтобы призналъ недостаточность своего орудія. Ничего, если онъ немножко отступилъ отъ догмата, лишь бы сказалъ: впрочемъ, если ошибаюсь, то покоряюсь вполне словамъ главы церкви: ему позволено тогда сказать и напечатать весьма многое. Но тотъ, кто опирается на разумъ и считаетъ его неизблемою опорою, этимъ самымъ есть противникъ Рима, хотя бы поддерживалъ всѣ его положенія въ частности. Что разумомъ построено, то можетъ быть имъ же и опровергнуто. Изъ началъ разума вышли Абельаръ и Лютеръ, Спиноза и Фейербахъ. Разумъ долженъ смириться предъ изреченіемъ папы, долженъ служить католическому догмату, постоянно помнить, что онъ слуга, что онъ долженъ сейчасъ выйти вонъ, когда вздумается его господину остаться одному. Разумъ можетъ видѣть, но сквозь очки преданія; онъ можетъ летать, но на привязи римской куріи ²⁾, и когда она произнесла свое рѣшеніе, онъ долженъ смиренно выслушать слова Августина,

1) *Unsere Zeit*, 1857, S. 631.

2) Мишле (французскій) довольно ловко очертилъ это состояніе ума, говоря о средневѣковыхъ схоластикахъ во введеніи перваго тома своей *Исторіи Франціи въ XVI вѣкѣ: Renaissance. La formation du peuple des sots*; хотя, конечно, онъ, съ своей точки зрѣнія, не могъ допустить, что это для католичества вполне послѣдовательно.

который кардиналъ Ламбускини привелъ на память Эльвениху: «Roma locuta, causa finita ¹⁾).

Съ другой же точки зрѣнія Гюнтеръ, при всей силѣ своей критики, при энергій своей мысли, не удовлетворить критическому требованію современности. Въ заключеніи отъ отрицанія безусловности своего я, къ положенію дѣйствительнаго осуществленія безусловной идеи, скачокъ дѣлаетъ не мысль автора, а его желаніе, этотъ теогоническій дѣятель создающій всѣ миры. Отъ различія въ образованіи идеи духа и понятія о природѣ заключить о существенномъ ихъ различіи также слишкомъ рѣшительно. Вообще дуализмъ Гюнтера есть весьма искусное построеніе, которое бы весьма высоко было оцѣнено современными мыслителями, если бы онъ не связалъ его съ дряхлюю практическою идеею папства ²⁾, но это ни болѣе, ни менѣе какъ еще теорія, между прочими, подтверждающая еще разъ невозможность выйти изъ міра явленій иначе, какъ по пути созидающей поэзіи, или смиренной вѣры.

Несравненно проще въ этомъ отношеніи поняли свое положеніе нѣсколько мыслителей, о которыхъ мы теперь скажемъ нѣсколько словъ, не останавливаясь на нихъ особенно, потому что они лишь въ малой мѣрѣ принадлежатъ къ создателямъ богословскихъ истинъ помощью разума.

Первый изъ нихъ, Дробишъ ³⁾ вышелъ изъ школы Гербарта, самой научной изъ школъ начала нынѣшняго вѣка. Но именно потому эта школа имѣла мало вліянія. Общество увлекается не истинною, но стройностію, не точностію отдѣльныхъ свѣдѣній, а цѣлостію всей системы. Когда Шеллингъ въ поэтическомъ восторгѣ обѣщалъ міру построеніе

1) Римъ изрекъ; дѣло кончено.

2) О возможности соединенія одной и той же теоретической философіи съ весьма разнообразными практическими ученіями, см. Практическая Философія Гегеля, статья первая, Библи. для Читенія, 1859, апрѣль.

3) Морицъ Вильгельмъ Дробишъ род. въ Лейпцигѣ 1802 г., сдѣлался въ 1827 г. профессоромъ математики въ Лейпцигѣ, а въ 1842 г. профессоромъ философіи. Изъ его сочиненій замѣтимъ:

Grundlehre der Religions-Philosophie. 1840.

Онъ также доставилъ много статей въ журналъ Фихте.

цѣльной всеобъясняющей теоріи, когда Гегель создалъ свое гигантское зданіе энциклопедіи однимъ діалектическимъ процессомъ, кому охота была слушать Гербарта съ его нѣсколькими несоединимыми началами знанія, съ его нерѣшительностью въ самыхъ душевныхъ вопросахъ человѣчества, съ его монадами. Между тѣмъ въ его ученіи скрывалось много точныхъ психологическихъ розысканій, много глубокихъ замѣтокъ относительно практической философіи. Почти всѣ мыслители нашего времени отдали ему справедливость въ этомъ отношеніи и многіе заимствовали у него или основныя начала или совсѣмъ готовые результаты. Конечно и его ученіе проникнуто метафизическимъ направленіемъ, присутствующимъ во всѣхъ его современникахъ и которому подчинился самъ Кантъ въ «Критикѣ практическаго разума», но говоря выше, что теорія Гербарта научнѣе Шеллингизма и Гегелизма, мы хотѣли только выразить относительное, а не безусловное ея значеніе для науки. Онъ смѣло отдѣлалъ вѣру отъ знанія, отказался отъ возможности построить на основаніи разума рѣшеніе вопросовъ, касающихся до безусловнаго существа, и самъ остановился на точкѣ зрѣнія скептицизма въ этомъ отношеніи. Но его ученики не хотѣли или не могли этимъ удовольствоваться. Тауте бросился въ рационализмъ, Дробишъ — въ супранатурализмъ. Но главная дѣятельность Дробиша относится къ области психологіи, въ которую онъ старался внести характеръ положительныхъ наукъ, и даже опереться на математику.

Лоце ¹⁾ объявилъ себя печатно нисколько не связаннымъ со школой Гербарта ²⁾, но тѣмъ неменѣе слѣды этого направленія видны въ его ученіи и самая полемика

---

1) Рудольфъ Германъ Лоце род. въ 1801 г. въ Бауценѣ и преподавалъ философію въ Лейпцигѣ и въ Геттингенѣ. Изъ его сочиненій замѣтимъ:

Metaphysik. 1841.

Pathologie. 1842.

Allgemeine Physiologie. 1851.

Medicinische Psychologie. 1852.

Streitschriften. 1856.

Microkosmos, B. 1. 1856.

2) Streitschriften, S. 8.

его противъ частностей теоріи Гербарта, безпрестанно возобновляемая, показываетъ, что онъ чувствуетъ здѣсь что-то близкое себѣ, относительно чего положеніе его, Лодце, должно быть ясно опредѣлено. Не говоримъ о его психологическихъ и вообще антропологическихъ трудахъ, гдѣ онъ является точнымъ наблюдателемъ, ловкимъ, спокойнымъ диалектикомъ и довольно осторожнымъ идеалистомъ. Въ своей «Патологій» онъ вооружался противъ жизненной силы, въ своихъ «Полемиическихъ статьяхъ» противъ Фихте, въ своей «Медицинской Психологій» и въ «Микрокосмѣ» противу материалистовъ. Онъ доказываетъ, что механическая теорія должна господствовать при изученіи средствъ явленій, но что она должна быть служебною при оцѣнкѣ ихъ значенія, иброю котораго служатъ лишь цѣли. Онъ полагаетъ начало метафизики въ этикѣ, и высказываетъ убѣжденіе, что изучая то, что должно быть по нравственнымъ началамъ, мы получаемъ указаніе на то, что дѣйствительно есть. Онъ назначаетъ цѣлью философіи, преслѣдующей зависимость всего существующаго отъ единства высшаго начала, открытіе безконечной сущности, творящей, образующей и связывающей все конечное. Это высшее начало должно имѣть въѣшнимъ содержаніемъ всѣ нравственныя идеи, внутреннимъ содержаніемъ блаженство и святость, и форма ему соответствующая есть форма личнаго высшаго существа. Впрочемъ Лодце приэтомъ отрицаетъ всякую мифологію преданія, и высказываетъ свое мнѣніе осторожно, какъ личное вѣрованіе, а не какъ результатъ разумнаго построенія. Личное вѣрованіе есть фактъ, не подлежащій разбирательству, и святыня каждаго человѣка, до которой нѣтъ дѣла критикѣ.

Подобную же точку зрѣнія, весьма осторожно обставленную разными ограниченіями человѣческаго знанія занимаетъ Апельтъ ¹⁾ въ своей метафизикѣ (1857). Онъ объявляетъ себя продолжателемъ Канта и Фриза. Безпрестанно опира-

1) Эрнстъ Фридрихъ Апельтъ профессоръ въ Іенѣ. Изъ его сочиненій, известствовавшихъ метафизикѣ, замѣчательны:

Theorie der Induction.

Die Epochen der Weltgeschichte.

ясь на великаго критика, развивая и дополняя его методъ, приводя примѣры изъ положительныхъ наукъ, Апелътъ шагъ за шагомъ приходитъ къ области раздѣленія человѣческихъ мнѣній. Изъ нравственнаго начала человѣка онъ получаетъ необходимость для послѣднаго перенести нравственное понятіе достоинства и цѣли внѣ себя и допустить міровое господство нравственныхъ идей. Отсюда религіозное ученіе. Изъ начала личнаго достоинства вырастаетъ начало безсмертія души. Изъ начала отвѣтственности выходитъ безусловное значеніе добра и зла, грѣха и осужденія. Изъ начала лучшаго міра получается представленіе Божественнаго управленія міромъ. Но тутъ же Апелътъ признаетъ, что назначеніе человѣка, причина зла въ мысли человѣка и въ мірѣ, не доступны мысли человѣка по самой сущности послѣдней. Въ вышеприведенныхъ религіозныхъ идеяхъ авторъ видитъ религіозныя таинства. Ограниченіе нашей мысли уничтожается лишь вѣрою. Но вступая въ эту область человѣкъ поневолѣ становится на эстетическую точку зрѣнія и на вопросы религіи отвѣчаетъ представленіями прекраснаго и возвышеннаго. Высшее благо составляетъ цѣль религіознаго стремленія, но для метафизики высшее благо, цѣль міра, лежитъ лишь въ вѣчной красотѣ. Отсюда художественное воззрѣніе на природу, религіозная символика и религіозная поэзія или мифологія. Апелътъ кончаетъ свою метафизику изложеніемъ своего вѣрованія, которое онъ находитъ наиболѣе согласнымъ съ современною наукою и съ нравственными стремленіями человѣка. Оно заключается въ вѣрѣ въ Бога, какъ Создателя міра и Отца людей; въ вѣрѣ въ міръ духовъ, управляемый Божественною любовью и къ участию въ которомъ призваны всѣ люди; въ упованіи на вѣчное очищеніе и освященіе нашей воли; наконецъ въ надеждѣ на вѣчное блаженство, получаемое помощью самостоятельности духа и чистоты сердца. По самымъ началамъ метафизики Апелъта, это не научная истина, даже не нравственно-необходимое убѣжденіе, но эстетическое воззрѣніе. Въ слѣдствіе этого самаго оно не можетъ удовлетворить всѣхъ. Для большей части читателей это эстетическое воззрѣніе весьма недостаточно, они найдутъ его мертвымъ и

неполнымъ. Имъ нужны большія подробности, большая отдѣлка картины и они легко найдутъ въ преданіи источники для всего, что имъ нужно. Меньшинство можетъ найти, что Апелътъ слишкомъ боязливо оглядывается, какъ-бы не оскорбить современнаго человѣка въ томъ, что послѣдній принимаетъ за душевную потребность. Но весьма вѣроятно, что Апелътъ найдетъ и единомышленниковъ.

Съ главнымъ предметомъ нашей статьи конечно связана борьба, поднятая въ Германіи противъ распространяющейся пропаганды матерьялизма. Большая часть писателей упомянутыхъ выше, посвятили этой борьбѣ отдѣльныя сочиненія или значительныя части сочиненій большаго объема. Мы имѣли случай подробнѣе говорить объ этомъ вопросѣ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Но теперь упомянемъ объ одномъ новомъ сочиненіи, относящемся къ этому вопросу, потому-что въ немъ высказался крайній теистическій идеализмъ нашего времени, и оно служитъ какъ-бы основаніемъ чистаго вѣміроваго теизма. Мы говоримъ здѣсь о сочиненіи Дроссбахъ: «Согласіе результатовъ изслѣдованія природы съ требованіями человѣческаго духа или личное безсмертіе, какъ слѣдствіе атомистическаго устройства природы» ²⁾. Авторъ признаетъ огромное вліяніе новѣйшихъ успѣховъ естественныхъ наукъ на развитіе человѣчества, но сожалеетъ, что эти науки нисколько видимо не содѣйствовали облагороженію нравовъ и удовлетворенію потребностей духа (Gemüth) ³⁾. Дроссбахъ полагаетъ, что вина этого лежитъ въ матерьялистическомъ возрѣпшіи и хочетъ доказать, что оно не только не есть необходимое слѣдствіе изученія природы, но что послѣднее ведетъ къ прямо противоположному міросозер-

1) Отеч. Записки, 1859, № 4. Механическая теорія міра.

2) Die Harmonie der Ergebnisse der Naturforschung mit den Forderungen des menschlichen Gemüths, oder die persönliche Unsterblichkeit als Folge der atomistischen Verfassung der Natur, von Maximilian Drossbach, 1858.

3) Подобныя же сожалѣнія, и подобный же взглядъ на основныя условія естествознанія мы встрѣтили въ статьѣ г. Пѣвницкаго (изъ Кіева: Недостатокъ и потребность современнаго естествознанія (Русская Бесѣда, 1859, № 2). Этой статьѣ мѣсто не въ Русской Бесѣдѣ, а развѣ въ какой-либо другой, имѣющей свой специальный кругъ читателей. И редакція еще гашла возможность въ одномъ пунктѣ сойтись съ мнѣніемъ автора!

цанію. «Вещество, говоритъ Бюхнеръ, есть мать всего сущаго, и начало (Urgund) всякаго бытія; вещество есть единственное неуничтожающееся во всемъ существующемъ; безъ него немислимо и невозможно ни бытіе ни жизнь. Все, что есть, происходитъ и мыслить, изъ него рождается и въ него возвращается. Оно не увеличивается и не уменьшается, и такъ какъ оно произвело изъ себя всякое отдѣльное существованіе, такъ оно снова принимаетъ въ себя все до послѣдней пылинки» ¹⁾. Дроссбахъ возражаетъ на это, что при основательномъ изслѣдованіи дѣла можно напротивъ отрицать «всякое вещество, всякое вещественное начало или сущность, которая бы вмѣстѣ съ силами производила тѣла». Тѣла по его мнѣнію суть явленія, выдаваемые дѣйствіемъ силъ безъ всякаго другого начала. Дроссбахъ основываетъ этотъ результатъ на положеніи, что начало всего сущаго должно имѣть возможность существовать отдѣльно и самостоятельно, но самп материалисты сознаютъ, что нѣтъ вещества безъ силъ, и безъ нихъ оно немислимо. Въ самомъ дѣлѣ, если изъ даннаго вещества мысленно удалить всѣ силы, то ничего не останется. Но, могутъ возразить, и сила не мыслима безъ чего-нибудь, съ чѣмъ она соединена. Правда, отвѣчаетъ Дроссбахъ, но то, съ чѣмъ соединена сила, есть другая сила. Отдѣльныхъ силъ нѣтъ; но всякая сила соединена со множествомъ другихъ силъ во единое нераздѣльное цѣлое; начальныя частицы вещей, то, что обыкновенно называютъ атомами, суть именно такія единицы группъ силъ, какъ существа состоящія изъ силъ (Kraftwesen). Силы могутъ вступать въ отношенія только съ силами, дѣйствовать только на силы, и вмѣстѣ могутъ образовывать лишь силы, но ничего страдательнаго, недѣятельнаго, никакого вещества. Принимать существованіе вещества совершенно излишне; конечно всякое существо въ тоже время дѣйствуетъ и принимаетъ дѣйствіе, но эти два свойства нераздѣльны. Не вещество приводится силою въ движеніе, но сама сила движется. Начало самодвижимости присуща каждой вещи. Но, спрашиваетъ самъ авторъ, какъ же изъ не-

1) Критику этого воззрѣнія см. въ вышеприведенной статьѣ.

вещественной, чистой силы, можетъ произойти нѣчто ощутительное, то, что мы называемъ вещественнымъ? Онъ отвѣчаетъ, что нѣтъ ничего въ самомъ дѣлѣ вещественнаго, но только есть предметы доступные и недоступные чувствамъ. Что послѣдніе могутъ дѣлаться доступны чувствамъ и наоборотъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ ежедневный опытъ при переходѣ тѣлъ изъ газообразнаго состоянія въ капельно-жидкое и твердое, и по всей вѣроятности вселенная была первоначально въ газообразномъ состояніи, т. е. недоступна чувствамъ, и потомъ сдѣлалась доступна имъ. Все, что мы называемъ веществомъ, есть только слѣдствіе взаимодѣйствія силъ въ большемъ числѣ и на меньшемъ разстояніи, въ данномъ пространствѣ. Конечно, на основаніи подобныхъ воззрѣній, можно вывести все, что угодно, и отвергнуть все, что угодно. Дроссбахъ желалъ связать съ этой фантастической теоріей міра представленіе личнаго безсмертія души и конечно достигаетъ своей цѣли. Но остается вопросъ, на сколько подобное отсутствіе критики въ основномъ понятіи автора, въ понятіи о силѣ, можетъ служить возраженіемъ матерьялистамъ?

Несравненно ближе къ нашему предмету сочиненіе Фюллеборна: «Какая цѣль нашего такъ-называемаго земнаго существованія?»¹⁾ Его цѣль заключается въ доказательствѣ согласія существенныхъ догматовъ Христіанства съ истинами науки, соотвѣтствующими дѣйствительному міру и при этомъ авторъ старается не нарушить права ни того ни другого. Мы разсмотримъ лишь начала его, которыя могутъ дать понятіе объ общемъ характерѣ сочиненія. Фюллеборнъ считаетъ дѣйствительнымъ лишь то, что воспринято (*wahrgenommen*) въ сознаніе, и что сознается какъ воспринятое извнѣ. Все, что создаетъ сознаніе изъ самого себя, принимаетъ авторъ за призракъ. Истинное знаніе предполагаетъ нѣчто существующее внѣ сознающей личности, нѣчто доставляющее сознанію содержаніе, отъ послѣдняго независящее.

1) Was ist der Zweck unseres sogenannten irdischen Daseyns? von Dr. F. L. Falleborn, 1857.

Такимъ образомъ дѣйствительность для Фюллеборна обусловлена двояко: дѣйствительно лишь то, что существуетъ внѣ сознанія, и что сознается. Сначала человѣкъ сознаетъ отдѣльные предметы какъ дѣйствительные; потомъ восходитъ къ дѣйствительности ихъ взаимной зависимости и ихъ группировки, къ дѣйствительности органическихъ цѣлыхъ единицъ, состоящихъ изъ частей. Потомъ восходитъ къ сознанію дѣйствительности своего сознанія и своего стремленія къ единству представленій. Видя въ своемъ существѣ начало этихъ понятій, соединяющихъ и группирующихъ предметы, оно не можетъ отрицать дѣйствительности своего существа. Точно также въ дѣйствительномъ мірѣ онъ возвышается до идеи существа, служащаго началомъ дѣйствительности, слѣдовательно наиболѣе дѣйствительнаго, и убѣждается въ дѣйствительности бытія Божія. Притомъ авторъ видитъ въ этомъ высшемъ существѣ начало и причину связи и единства міра и выводитъ познаніе этого единства, изъ наблюденія, какъ непрерывный процессъ осуществленія (*Verwirklichungshergang*), открывающій дѣйствіе вѣчнаго двигателя въ непрерывномъ движеніи. Для изслѣдованія дѣйствительности нужно ее разсматривать въ ея цѣлости, не допуская себя устранять одну часть ея. Такъ въ дѣйствительности человѣка какъ цѣлаго должно разсматривать одинаково его тѣлесныя свойства, какъ его духовную дѣятельность. Изъ предъидущаго видно, что Фюллеборнъ понялъ вполне задачу современнаго мышленія, но, задавъ себѣ точку, къ которой онъ долженъ былъ придти, онъ тѣмъ самымъ невольно долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкамъ и къ неточностямъ. Заключивъ, вмѣстѣ съ большинствомъ мыслителей, что человѣкъ необходимо приходитъ къ сознанію дѣйствительности своего бытія изъ самаго факта сознанія, онъ приложилъ этотъ-же процессъ къ цѣлому міру, и выводъ получился слишкомъ смѣлъ, потому-что міръ для человѣка составляетъ нѣчто внѣшнее, и причину дѣйствительности міра человѣкъ не можетъ уже сознать, а можетъ только ее предполагать, создавая ее въ собственномъ сознаніи; но для Фюллеборна послѣдній процессъ есть отрицаніе дѣйствительности, слѣдовательно онъ впадаетъ въ противурѣчіе съ самимъ собою.

Вообще сочиненіе его слишкомъ коротко и недовольно развито въ подробностяхъ.

Замѣчательнѣе обоихъ предъидущихъ авторовъ Фридрихъ Ромбергъ, который недавно умеръ и сочиненія котораго ¹⁾ появлялись при жизни безъ имени автора, но заключали въ себѣ много самостоятельности и смѣлыхъ воззрѣній, хотя онъ не избѣжалъ увлеченія и частной непослѣдовательности. Въ сочиненіяхъ, послѣ него оставшихся, Ромбергъ старается рѣшить особеннымъ способомъ вопросы метафизики, философіи природы и религіи.

Въ своей «Критикѣ современныхъ понятій о верховномъ существѣ» авторъ разбираетъ только недостаточность существующихъ теогоническихъ теорій, полагая, что этотъ результатъ, хотя исключительно отрицательный, важенъ, потому-что служить къ уясненію нашего духовнаго положенія. Онъ впрочемъ отрицаетъ заключеніе, что въ этомъ случаѣ недостижимая цѣль есть цѣль недостижимая. Ромбергъ вѣритъ въ способность и назначеніе человѣческаго духа разрѣшить эту загадку и полагаетъ, что она «составляетъ основной общественный вопросъ, узелъ европейскихъ дѣлъ, и важнѣйшую современную практическую задачу». — «Кто размышляетъ, говоритъ Ромбергъ, тотъ ищетъ общую причину (Grund) для различныхъ существованій, имъ воспринятыхъ, ищетъ связь, ихъ соединяющую. Эту общую причину и связь люди всѣхъ временъ называли Богомъ или Божественнымъ началомъ (das Göttliche)». Приступая къ разбору существующихъ мнѣній онъ допускаетъ лишь двѣ партіи: пантеистовъ и теистовъ. Первые принимаютъ міръ за безконечное и вѣчное существо, внѣ котораго нѣтъ ничего. Это существо имѣетъ свою причину и свои условія въ самомъ себя. Всѣ части міра суть только проявленія жизни этого существа; самый міръ, существующій непрерывно въ измѣненіи явленій, есть верховное существо. Теизмъ допускаетъ внѣ-міровое

1) Kritik des Gottesbegriffs in den gegenwärtigen Weltansichten. 3-te Auflage. 1858.

Godt und seine Schöpfung. 1857.

Der natürliche Weg des Menschen zu Gott. 1858.

высшее существо, независимое отъ міра, создавшее и поддерживающее послѣдній своимъ всемогуществомъ и свободно волею. Ромбергъ отрицаетъ крайній матерьялизмъ, какъ умозрительную теорію, говоря: если человѣкъ хочетъ себя представить все сущее, какъ случайную встрѣчу и смѣсь безчисленнаго множества вещественныхъ сущностей, то ему нельзя этого запретить, но онъ еще не мыслить (*speculirt nicht*), потому что мышленіе заключается въ отысканіи внутренней связи. Онъ отрицаетъ и крайній идеализмъ, говоря: точно также, если человѣкъ полагаетъ, что весь внѣшній міръ, включая туда его собственное тѣло, все видимое и осязаемое, есть только личный (субъективный) призракъ его мысли и не имѣетъ никакой дѣйствительности, то и этого нельзя ему запретить, но и онъ не мыслить, потому что мышленіе есть пониманіе дѣйствительности, лежащей внѣ человѣка. Ромбергъ не говоритъ ни слова о теоріяхъ современныхъ теистовъ, которыя составляютъ предметъ нашей статьи, потому-ли, что видѣлъ въ нихъ склонность слиться съ той или другой партіей, имъ признанной за главныя, потому-ли, что считалъ ихъ неполными, нерѣшительными попытками, не дающими опредѣленнаго результата, или потому, что ихъ значеніе въ обществѣ ничтожно, а онъ имѣлъ въ виду только партіи дѣйствительно оказывающія вліяніе на общественную мысль.

Приготовивъ себя такимъ образомъ противниковъ въ опредѣленной формѣ, Ромбергъ начинаетъ доказывать недостаточность обихъ взглядовъ какъ въ логическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Первая изъ названныхъ теорій никогда не удовлетворяла, по его мнѣнію, человѣческаго сердца, послѣдняя — человѣческаго разума; первая въ особенности недостаточна въ научномъ, вторая въ нравственномъ отношеніи. Если пантеистъ видитъ Божественное начало въ дѣлности міра, то единицы обращаются въ призраки, если онъ переноситъ это начало въ самыя единицы, то цѣлое дѣлается лишь собраніемъ единицъ, отвлеченностью лишенною всякой дѣйствительности. Въ первомъ случаѣ вещество принесено въ жертву духу, во второмъ духъ — веществу. Въ первомъ случаѣ личность — ничто, во второмъ — все. Первый способъ воззрѣнія приводитъ необходимо, какъ у Буддистовъ, къ

безусловному самоумерщвлению, второй, какъ у европейскихъ пантеистовъ, къ самообожанію. Буддисты приходятъ къ логической невозможности, къ окончательному разрѣшенію конечнаго въ безконечномъ; европейскіе пантеисты, въ своей матерьялистической партіи, не отвѣчаютъ на вопросъ о причинѣ всего, — въ идеалистической, не уясняютъ противоположности органическихъ и неорганическихъ существъ. Слѣдовательно, для пантеизма, во всѣхъ его формахъ, міръ необъяснимъ.

Вторая теорія такъ-же неудовлетворительна. Ни онтологическое, ни космологическое, ни физико-теологическое доказательство ¹⁾ не рѣшаетъ вопроса въ пользу теизма или пантеизма, не говоря уже о безусловной недостаточности этихъ доказательствъ. Кромѣ того рассматриваемая теорія допускаетъ видѣ безграничности и безконечности пространства и времени, еще безграничность и безконечность, что не мыслимо, потому что сказанныя предположенія взаимно исключаютъ другъ друга. Въ этой теоріи допускается справедливо безконечное сознаніе, но это сознаніе дѣлается въ тоже время невозможнымъ, потому что существо, которому оно приписывается, не имѣетъ въ себѣ ничего, что могло бы служить основаніемъ мышленію, а слѣдовательно сознанію. Безконечное существо не можетъ ничего имѣть *въ себя*, но всякое сознательное существо должно *въ себя* имѣть ту двойственность, которая въ конечныхъ организмахъ называется различіемъ духа отъ тѣла. Въ этой теоріи появленіе неорганическаго вещества не мыслимо. Послѣднее не можетъ быть рассматриваемо какъ отрицаніе высшаго существа (его *не я*), потому что его отрицаніе есть ничто. Но это ничто не могло быть переведено въ дѣйствительность началомъ бытія, не уничтожая самое бытіе. Вся дѣятельность послѣдняго можетъ быть представлена только какъ приданіе особенной жизни нѣкоторымъ частямъ въ него входящимъ. Точно также необъяснима въ этой теоріи цѣль происхожденія существъ. Точно также необъяснимо и движеніе вещества. Духъ можетъ дѣйствовать лишь на духъ, и потому приходится

---

1) См. Weigelt: Ueber die sogenannten Beweise etc. Predigten.

принять съ Платономъ міровую душу, въ слѣдствіе которой міръ самодѣятеленъ. Но тогда начало существъ безконечно удалено отъ человѣка, и человѣкъ дѣлается рабомъ подобнаго себѣ созданія, его гнетущаго. Вообще личность безъ жизни, безъ движенія, безъ измѣненія, безъ душевныхъ впечатлѣній, есть не личность, а пустой призракъ. Раздробленіе единого существа на лица не придаетъ первому дѣйствительности и приводитъ къ новымъ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Подобнымъ-же образомъ авторъ доказываетъ нравственную недостаточность этого воззрѣнія въ объясненіи зла, въ отношеніи между необходимостью и свободою, между высшимъ всевѣдѣніемъ и личнаго инициативою человѣка, между высшею справедливостью и человѣческою отвѣтственностью, и т. д.

Выказавъ неудовлетворительность обѣихъ господствующихъ взглядовъ и ихъ взаимное противорѣчіе авторъ рисуетъ картину вліянія этого противорѣчія на современное общество. «Единство человѣческаго бытія, говоритъ онъ, согласіе сердца и разума въ продолженіе послѣднихъ столѣтъ разрушено такъ, какъ не могли себѣ даже вообразить люди прежняго времени. Лучшіе люди, какъ Лессингъ, разлагаютъ разумомъ бытіе Бога, Которому поклоняются въ глубинѣ сердца, или, какъ Фридрихъ Великій, распространяютъ въ исторіи невѣріе, о практическихъ слѣдствіяхъ котораго сами сожалеютъ. Прежде люди чувства (Gemüths-menschen) и люди разсудка могли понимать другъ друга, потому-что стояли на одной почвѣ вѣры въ Бога; теперь они смотрятъ другъ на друга, какъ враги по природѣ. Скептикъ смотритъ съ презрѣніемъ на вѣрующаго, вѣрующій со страхомъ на скептика. Содѣйствіе различныхъ силъ сдѣлалось невозможнымъ; общество не имѣетъ общей цѣли, общаго лозунга. Въ слѣдствіе этого въ наше время особеннымъ образомъ отравлено естественное и полезное противоположеніе общественныхъ партій... Паптеизмъ, какъ защитникъ человѣческаго стремленія къ свободному изслѣдованію, слился съ прогрессомъ; теизмъ, какъ представитель преданія въ религіи и въ нравственности, сросся съ привязанностью къ существующему. Это слитіе борьбы европей-

скихъ партій съ противоположною вѣрованій дѣлаетъ эту борьбу ожесточенною и опасною. Партія прогресса признаетъ автономію міра и человѣчества, т. е. принимаетъ что послѣднее въ себѣ должно искать своихъ законовъ. Партія существующаго порядка вещей принимаетъ, что міръ и человѣчество управляются извнѣ данными правилами, которыя должны служить послѣднему единственною нормою». — Въ европейскихъ исповѣданіяхъ католицизмъ связанъ съ теизмомъ, протестанство представляетъ преимущественно начало свободнаго изслѣдованія. Въ гражданскомъ мірѣ теизмъ, прилагая свои начала не только къ нравственности каждаго лица, но и къ государству, становится поперегъ всего современнаго общества. Пантеизмъ, признавая государство, какъ міръ, самостоятельнымъ, признаетъ авторитетомъ лишь свободное рѣшеніе личностей составляющихъ государство, закономъ — лишь волю большинства, правомъ — лишь человѣческое право. Въ теизмѣ личность имѣетъ лишь обязанность, а не право предъ поставленною властью, какъ твореніе предъ высшимъ своимъ началомъ, но кромѣ того источникъ закона лежитъ внѣ человѣка, во внѣ-міровомъ источникѣ всего бытія. Это, подчиняетъ государство одному сословію и ведетъ къ теократіи. Современное государство не можетъ принять этого вывода, но въ другихъ большею частію сходится съ теистами, и потому въ немъ самомъ является дѣйствительность. Оно соединяется съ защитниками авторитета, защищая свой авторитетъ противъ частныхъ лицъ, подданныхъ. Оно провозглашаетъ начало автономіи въ защиту своей автономіи, на которую нападаютъ приверженцы теократіи. Послѣдніе все еще смотрятъ на государство какъ на тѣло, на церковь какъ на душу. Государство можетъ удержать ихъ стремленіе физическою силою, но, чтобы стать во главу современной жизни, оно должно убѣдить личности въ своемъ правѣ, и для этого рѣшить вопросъ о высшемъ существѣ. Устранить этотъ вопросъ оно не можетъ, потому что онъ неотразимо входитъ въ основаніе собственности, семейства, присяги, а принимать данное рѣшеніе безъ убѣжденія изъ политической необходимости, прямо противно религіи. — «Итакъ, говоритъ Ромбергъ, современное состоя-

віе дѣль представляетъ кучу политическихъ и нравственныхъ задачъ, разрѣшенныхъ болѣе или менѣе только послѣ рѣшенія основнаго вопроса, именно послѣ научнаго устраненія борьбы пантеистическаго и теистическаго воззрѣній. Если этотъ основной вопросъ не будетъ рѣшенъ, то будущее весьма мрачно. Если побѣдитъ пантеистическій радикализмъ, то связь съ прожитою исторіею разорвана, человечество предано нравственному разрушенію и общественной анархіи, изъ которой въ самомъ выгодномъ случаѣ можетъ быть спасено лишь человѣческимъ деспотизмомъ. Если побѣдитъ теистическій абсолютизмъ, то уничтожены всѣ стремленія къ свободѣ и зрѣлости, къ общественному и политическому освобожденію, и вся ихъ исторія отброшена назадъ. Если же борьба продолжится какъ рядъ безконечныхъ и бесполезныхъ судорогъ обѣихъ крайностей, то это самое колебаніе должно погубить насъ». Спасеніе заключается въ мирительномъ рѣшеніи задачи.

Авторъ предложилъ опытъ подобнаго рѣшенія въ своихъ сочиненіяхъ «Богъ и его твореніе» и «Естественный путь человѣка къ Богу». Посмотримъ, въ чемъ онъ полагалъ найти это рѣшеніе. Когда человѣкъ ищетъ основаніе какого-нибудь предмета, то онъ принимаетъ, что этотъ предметъ еще не перешелъ въ дѣйствительность, т. е. онъ мысленно его отбрасываетъ. Если человѣкъ ищетъ основаніе для всего сущаго, то онъ мысленно отбрасываетъ все сущес. Этимъ путемъ, исключенія изъ мысли всего что можетъ быть мыслимо, человѣкъ приходитъ къ неограниченному существу, которому даетъ разныя названія, смотря по пути имъ избранному. Одинъ получаетъ въ результатъ *ничто*, другой пустое *пространство*, третій *покой*, четвертый *мракъ*, пятый *безразличіе*, шестой *основу* (Unterlage) *бытія*. Это все различныя названія для одного и того же вѣчнаго начала (Grund) всего сущаго. Полученная такимъ образомъ основа бытія есть еще не бытіе, не дѣйствительное вещество, и не дѣйствительная сила, но безразличіе вещества и силы. Это еще не живое Божественное существо, но мыслимая основа Божества (Unterlage Gottes). — Отсюда выводитъ Ромбергъ, что бытіе не можетъ быть мыслимо, какъ простое существо, но какъ

соединение противоположностей. Каждое бытие двойственно: въ немъ къ первому, мыслимому, не существующему началу (Grund), присоединяется слѣдствие этого начала и только въ этомъ соединеніи заключается переходъ къ дѣйствительности¹⁾. Такимъ образомъ бытие есть «безконечное развитіе неограниченнаго начала (Anlage)». Последнее для Ромберга тождественно съ совершенствомъ, первое съ вѣчнымъ совершенствованіемъ. Совершенство есть основа бытія, совершенствованіе его свойство. Въ первомъ покоится вѣчная сила, основа духа, которая является во времени, въ различіи, какъ *идея*, какъ движущій духъ. Когда свойство присоединилось къ основѣ, безразличіе перешло въ различіе, идея выказала свое начало, тогда вѣчное бытие сдѣлалось самосознательнымъ. Поэтому безконечная жизнь вѣчнаго бытія есть непрерывно развивающееся самосознаніе. Идея времени (измѣненія), соединенная съ началомъ неопредѣленнаго протяженія, приводитъ къ идеѣ *качества*; пространство, опредѣляемое въ своихъ частяхъ качествами послѣднихъ, даетъ начало идеѣ *количества*. Такимъ образомъ происходятъ *тѣла*, какъ дѣйствіе духа на безграничное начало бытія. Поэтому вещество какъ бездушная основа бытія лишь мыслимо, а не дѣйствительно, но вещество дѣйствительно какъ наполненное пространство, изъ котораго не выдѣлимъ духъ, невыдѣлима идея. Нѣтъ самостоятельныхъ (неорганическихъ) составныхъ частей вещества, по всѣмъ онѣ суть части одного тѣла, безконечнаго бытія, и часть дѣйствительна лишь въ цѣломъ. Это единое бытие безконечно развивается, и потому есть организмъ. Внутри этого единаго органическаго существа существуетъ множество малыхъ организмовъ, которые нельзя разсматривать ни какъ недѣйствительныя части, ни какъ самостоятельныя существа. Остается ихъ принять, въ отношеніи къ первоначальному бытію, за

1) Ромбергъ приводитъ цѣлый рядъ категорій бытія: бытие есть соединеніе основы и свойства, ничего и происхожденія (Werden), пространства и времени, мрака и свѣта, безразличія и различія, причины (Grund) и слѣдствія, сущности и дѣйствія, протяженія и концентрации, начала (Anlage) и развитія. Далѣе: способности и исполненія, души и духа, вещества и духа, необходимости и свободы, возможности и осуществленія, страдательнаго и дѣятельнаго, равенства и измѣненія, сущности и формы.

производных существа, творения. Такимъ образомъ бытіе представляеть два рода существованій различныхъ между собою: начальное, безграничное, безконечное существо, макрокосмъ, есть Богъ. Множество производныхъ, ограниченныхъ существъ, микрокосмовъ, Божіихъ твореній. Макрокосмъ природы есть не дѣло, но «необходимое саморазвитіе». Созданіе микрокосмовъ есть дѣйствіе свободнаго духа. Первый развился; вторые сотворены. Первый безконеченъ; послѣдніе конечны. Первый единъ; послѣднихъ много.

Итакъ по теоріи Ромберга высшее существо едино и дѣйствительно: міръ въ своей цѣлости его тѣла, недѣйствителенъ безъ духа его оживляющаго, какъ и духъ безъ этого тѣла. Бытіе этого существа двойственно. Это необходимое, согласное съ его сущностью, развитіе въ цѣломъ; это свободная передача своей дѣятельности отдѣльными частямъ своего тѣла, которыя такимъ образомъ изъ недѣйствительныхъ частей дѣлаются дѣйствительными организмами, получаютъ самостоятельность и свободу какъ цѣльные организмы, но ограничены, и сознають эту ограниченность, потому что онѣ суть лишь оживленныя части одного великаго организма: онѣ суть творенія Божіи.

Нельзя отвергать, что въ этомъ міросозерцаніи есть много изящнаго и оригинальнаго въ частностяхъ, но тѣмъ неменѣе и это воззрѣніе не имѣеть особеннаго преимущества предъ отрицаемыми имъ воззрѣніями. Что недѣйствительно и невыдѣльно, того и передать нельзя, поэтому въ чемъ состоитъ особенное оживленіе маленькихъ микрокосмовъ въ великомъ макрокосмѣ? почему эта часть сдѣлалась въ эту минуту микрокосмомъ, а другая нѣтъ? отчего не все оживлено? и какъ понять свободу микрокосма необходимо развивающагося въ своемъ цѣломъ? Вѣрованіе автора есть одна изъ теорій, которыя можно предложить; она не хуже да и не лучше другихъ и, какъ всѣ онѣ, лѣжитъ внѣ разума, въ области фантазіи.— Но авторъ напрасно полагалъ, что рѣшеніе имъ отыскиваемое имѣеть такое огромное общественное значеніе. Это кажется тоже призракъ. Нынче существующія метафизическія теоріи заключили союзъ съ такими-то партіями, завтра общественные вопросы измѣнятся, и тѣже

Фантастическіе девизы явятся на знаменахъ людей, одушевленныхъ другими практическими стремленіями. А можетъ быть создадутся новыя міросозерцанія, которыя сдѣлаются въ будущемъ удобны для защитниковъ идей, нынче современныхъ, тогда устарѣлыхъ. Зависимость между вѣрованіями и желаніями, между міросозерцаніями и практическими идеями не такъ близки, какъ полагаетъ Ромбергъ. Конечно тѣ и другія связаны между собою, но непрямо; ихъ связь заключается въ общей ихъ зависимости отъ развитія человѣческаго духа въ его цѣлости. Онъ въ своей потребности пониманія и удовлетворенія своихъ желаній создаетъ тѣ и другія; потомъ ихъ бросаетъ чтобъ создать новыя; въ данное мгновеніе степень его развитія обуславливаетъ стройность и простоту его метафизики, красоту его миѳовъ, точно также какъ и общественныя формы жизни. Но каждое изъ этихъ явленій духа можетъ развиваться дряхлѣть и умирать раньше или позже другихъ, и время жизни каждаго изъ нихъ можетъ быть весьма различно отъ прочихъ. Ожесточенная борьба идетъ всегда за практическія идеи, за блага; а метафизическія міросозерцанія суть лишь знамена, правда священныя, за которыми идутъ толпы воиновъ. Лишь знаменосцы могутъ биться и умирать только за свое знамя.

Мы заключимъ эту статью мыслями по этому предмету одного изъ новѣйшихъ мыслителей Германіи, мало занимавшагося чистою философіею, но трудившагося на поприщѣ эстетики и пришедшаго этимъ путемъ къ построенію своей метафизической теоріи и своей теодицеи. Мы говоримъ о Цейзингѣ ¹⁾. Онъ самъ не претендуетъ на совершенную новизну своей системы, но въ самомъ стремленіи къ примиренію существующихъ взглядовъ есть у него нѣчто свое, дающее ему право стать на ряду съ другими теистами нашего времени, къ числу которыхъ онъ самъ себя причисляетъ. Въ своей «Критикѣ высшихъ понятій» онъ излагаетъ довольно опредѣлительно свою систему.

Высшимъ понятіемъ называетъ Цейзингъ такое, которое

1) Aesthetische Forschungen.

Kritik der höchsten Begriffe (Kritische Monatshefte, 1858, 1 B., 4, 5 Heft).

заключаетъ въ себѣ всѣ понятіи, и конечно такое понятіе можетъ быть только одно, но принято называть высшими понятіями тѣ, которыя ближе подходятъ къ самому высшему, и наука объ этихъ высшихъ понятіяхъ есть метафизика. Часто полагаютъ, что эти понятіи лежатъ внѣ обыкновеннаго мышленія, но напротивъ: именно понятія, входящія въ метафизику, суть самыя обыкновенныя, самыя ежедневныя понятія, безъ которыхъ нельзя сдѣлать ни шагу. Всѣ ихъ употребляютъ, какъ вполне доступныя, но къ сожалѣнію, большою частью, не отдавая себѣ отчета въ истинномъ ихъ значеніи, и это справедливо не только для массы, но для большинства образованныхъ людей, даже для многихъ специалистовъ.

Дѣло метафизики заключается именно въ уясненіи истиннаго значенія словъ, относящихся къ этимъ понятіямъ. — Всякое понятіе выходитъ изъ группировки представленій, слѣдовательно уясненіе представленій необходимо для усненія понятія. Вообще наука начинается составленіемъ понятій изъ представленій, и понятія составляютъ ея существенный элементъ. Группируя понятія въ новыя понятія, объемлющія большее и большее число представленій, мы возвышаемся въ ряду понятій, и наконецъ доходимъ до того, что называемъ высшимъ понятіемъ, т. е. далѣе котораго идти не можемъ. Если различными путями мы придемъ къ двумъ различнымъ высшимъ понятіямъ, заключающимъ въ себѣ всѣ остальные, то изъ самой сущности ихъ слѣдуетъ, что они должны быть тождественны. Такія высшія понятія, по мнѣнію Цейзинга, это *бытіе* и *Богъ*. Авторъ подвергаетъ анализу сначала первое, потомъ второе.

Результатъ критики перваго понятія, на которомъ мы не остановимся, получается слѣдующій: Бытіе не должно разсматривать какъ неизмѣнное, мертвое существованіе, но какъ самодвиженіе (*Selbstbewegung*; вѣриѣ-бы сказать самоизмѣненіе) живое и никогда не прекращающееся. Оно представляется въ трехъ формахъ: какъ *чистое бытіе* (*Sein*), какъ *сущее* (*Seiendes*), и какъ *то, что есть* (*als Ist*). Разсматривая бытіе какъ чистое бытіе (*Sein*), мы обращаемъ вниманіе на его общее, безразличное качество, на то, что

остаётся тождественнымъ въ измѣненіи, на единство мыслящей личности съ мыслимымъ предметомъ въ самосознаніи, на бытіе каждаго предмета для себя. Разсматривая бытіе какъ сущее (Seiendes), мы видимъ въ немъ сущность, разлагающуюся на безчисленное множество отдѣльныхъ частей, соединеніе движущаго и движимаго, вмѣщающаго и вмѣстимаго, различіе мыслимаго отъ мыслящаго, бытіе всякаго предмета отъ другаго, бытіе въ явленіи. Разсматривая бытіе, какъ то, что есть (als Ist), мы обращаемъ вниманіе на дѣйствительность бытія, проявляющуюся въ мѣстѣ, занимаемомъ отдѣльнымъ предметомъ въ цѣломъ, на различіе частей въ безразличіи всего; сущность предмета опредѣляется въ этомъ случаѣ качествомъ; противоположности движущаго и движимаго, вмѣщающаго и вмѣстимаго безпрестанно сглаживаются; мыслимое и мыслящее соединяются въ процессъ мышленія; это бытіе для цѣлаго, развитіе, происхожденіе (Werden), совершеніе (Geschehen).

Замѣтимъ въ особенности, что, въ первой формѣ бытія, мы не обращаемъ вниманія на различіе, заключающееся въ понятіи бытія, во второмъ обращаемъ на это различіе исключительное вниманіе, съ третьимъ безпрестанно уничтожаемъ это различіе, переходя отъ частныхъ случаевъ къ общему, заключающему всѣ ихъ въ себѣ.

Прилагая эти три формы бытія къ понятію о верховномъ существѣ Цейзингъ говоритъ, что оно должно быть по необходимости мыслимо въ этихъ трехъ формахъ и, чтобы не быть одностороннимъ, должно его мыслить во всѣхъ трехъ означенныхъ формахъ.—Дѣйствительно, божество было мыслимо въ каждой изъ показанныхъ формъ бытія, и односторонность теологическихъ теорій произошла именно отъ того, что каждая изъ нихъ остановилась лишь на одной формѣ бытія.

Денсты ¹⁾ разсматриваютъ высшее существо, какъ всеобъемлющее совершенное бытіе, но такъ, что не могутъ со-

1) Должно замѣтить, что Цейзингъ называетъ денстами тѣхъ, кого Ромбергъ называлъ тенстами. Последнее названіе онъ удерживаетъ для школы Фихте, Вейссе и вообще тѣхъ писателей, которые составляютъ предметъ нашей статьи.

гласить съ нимъ отдѣльное, несовершенное бытіе. Они дѣлаютъ односторонній выводъ: что всеобъемлюще, то не можетъ быть отдѣльною частью, и что совершенно, не можетъ быть несовершеннымъ; между тѣмъ дѣйствительный выводъ таковъ: что всеобъемлюще, то можетъ обнять только самого себя; вмѣстимое должно быть въ этомъ случаѣ тождественно со вмѣщающимъ; поэтому все несовершенное вмѣстѣ взятое должно совпасть съ совершеннымъ, и совершенное должно быть не мертвымъ, безусловно готовымъ совершенствомъ, но живымъ вѣчно развивающимся совершенствованіемъ. Указанная теорія ошибается, полагая одно внѣ другого то, что должно лежать одно внутри другого; точно также она ошибается, противопоставляя цѣлое суммѣ частей: первое со вторымъ тождественно; но, говоря о цѣломъ, мы обращаемъ вниманіе на единство всего, говоря о суммѣ частей, — на то, изъ чего состоитъ это все.

Для пантеиста Божество тоже есть совершенное, всеобъемлющее бытіе, но разсматриваемое какъ все *сущее*, какъ сумма частей, и пантеистъ забываетъ, что собраніе частей есть только то, что должно быть соединено, но еще не то что ихъ соединяетъ. Первая теорія дѣлала логическую разницу между цѣлымъ и суммою частей существеннымъ безусловнымъ различіемъ; вторая теорія не хочетъ видѣть этой разницы, которая хотя заключается лишь въ логической формѣ, но тѣмъ не менѣе существуетъ. Въ первой теоріи понятія верховнаго существа и міра раздвоены, и образуется неразрѣшимый дуализмъ. Во второй они смѣшаны, и происходитъ безпрестанная запутанность. Обѣ теоріи впадаютъ необходимо въ противурѣчіе, не только между собою но и съ собственными понятіями. Въ первой Божество есть все бытіе и для міра ничего не остается. Но міръ данъ, и требуетъ себѣ признанія. Если денстъ признаетъ его, то признаетъ твореніемъ. Но твореніе должно исходить изъ творца, заключать часть его сущности, слѣдовательно не воплѣтъ противуположно ему, и теорія нарушена, или мыслитель впадаетъ въ нескончаемыя противурѣчія и запутанности. Если же онъ, стремясь къ послѣдовательности, не признаетъ ви́шній міръ за дѣйствительное бытіе, то впадаетъ въ невозможность со-

гласить совершенство верховнаго бытія съ міромъ живыхъ призраковъ, окружающихъ человѣка. Точно также пантеистъ, выходя изъ идеи міра, какъ высшаго существа, впадаетъ въ противурѣчіе съ самимъ собою, изслѣдуя идею божества, которая исторически дана и требуетъ особенной обработки, ей принадлежащей. Если онъ даетъ ей дѣйствительное значеніе, то мало-по-малу она поглощаетъ всю дѣйствительность міра, и онъ переходитъ къ противоположной теоріи, впадая во всѣ ея противурѣчія. Если онъ примѣтъ ее за призракъ, то переходитъ къ атеизму, и самая идея верховнаго существа дѣлается необъяснимымъ явленіемъ въ исторіи человечества.

Это взаимное несогласіе и внутреннее противурѣчіе двухъ основныхъ теорій давно уже бросалась въ глаза мыслителямъ. Древній міръ, христіанскіе проповѣдники, и философы новаго времени, искали исхода изъ этихъ затрудненій, примиренія этихъ противурѣчій. Въ особенности въ теистической школѣ ¹⁾ проявилось это стремленіе, и многіе мыслители полагали найти рѣшеніе задачи, принимая для верховнаго существа третью форму бытія, форму того, что есть (als Ist), форму измѣненія и развитія, форму жизни, допускающей къ себѣ и вещество и силу. Въ этой системѣ Божество является живою связью всего сущаго, процессамъ міровой жизни.

Но какъ бытіе во всѣхъ трехъ формахъ своихъ есть одно и тоже бытіе, и для полноты изслѣдованія должно быть мыслимо во всѣхъ этихъ формахъ, такъ и верховное существо получаетъ для человѣка истинное значеніе, когда онъ, не останавливаясь ни на одной изъ формъ его бытія, исключительно придаетъ ему мысленно всѣ нхъ. Поэтому одностороннія системы деизма, пантеизма и неполнаго теизма совокупаются въ одну всестороннюю, а въ слѣдствіе этого единственно истинную систему полнаго теизма. Верховное существо должно быть мыслимо одновременно: какъ безразличное бытіе (деизмъ), какъ собраніе всего сущаго (пантеизмъ) и какъ процессъ жизни всего, что есть (теизмъ).

1) См. предъидущее примѣчаніе.

Это достигается, мысля безконечное самонзмѣненіе личности, сознающей себя во всѣхъ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ (Selbstentäußerung).

Въ первой формѣ можетъ проявиться сознание верховнаго существа тогда, когда человѣкъ забываетъ себя и все отдѣльно существующее, когда въ порывѣ благоговѣйнаго настроенія духа, онъ погружается въ потокъ единого бытія. Это точка зрѣнія религіознаго чувства, и въ науку она можетъ войти только, какъ воспоминаніе о мгновениі религіознаго настроенія. Если наука приметъ это воззрѣніе за единственно истинное, то впадетъ въ мпожество противорѣчій и должна отрицать дѣйствительность міра. Тѣмъ не мене это воззрѣніе доставляетъ наукѣ великую идею единства цѣлаго въ разнообразіи явленій. Понятіе чистаго бытія и Божества деиство въ высшій результатъ способности обобщенія, строящей изъ особей виды и роды; въ немъ эта способность успокоивается, выражая однимъ словомъ единство всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ воспріятій. Это единство рисуется внѣзапно въ нашемъ воображеніи каждый разъ, когда мы произносимъ слова *бытіе* и *Богъ*, все равно вѣруемъ-ли мы или не вѣруемъ. Эта идея присутствуетъ въ нашемъ духѣ, когда въ научномъ изслѣдованіи мы ищемъ неизмѣнный единый законъ въ разнообразіи случайныхъ явленій. Поэтому безъ нея нѣтъ ни философіи, ни науки. Правда, эта идея имѣетъ лишь личную (субъективную) дѣйствительность; она осуществляется лишь въ сознаниі мыслящаго человѣка. Но внутреннія явленія сознания всеменѣ дѣйствительны, говоритъ Цейзингъ, какъ внѣшнія воспріятія чувствъ. А единство, согласіе всего сущаго, есть истина не только личная, но и внѣшняя (объективная), по мнѣнію самихъ матерьялистовъ. Конечно нельзя изъ этого заключить еще (по физико-теологическому доказательству) о внѣшней дѣйствительности разсматриваемой идеи, и здѣсь мы имѣемъ указаніе недостаточности перваго воззрѣнія для науки.

Вторая форма мышленія верховнаго существа встрѣчается тогда, когда мы не различаемъ цѣлаго отъ суммы частей; когда части для насъ составляетъ существенное, а цѣлое есть лишь собраніе ихъ. Это воззрѣніе опирается на

чувственную истину, на опытъ, но съ помощью фантазіи видитъ въ каждомъ отдѣльномъ явленіи нѣчто самостоятельное, безусловное. Это религіозный элементъ пантеизма, но вмѣшательство фантазіи есть слѣдствіе безсознательнаго вліянія теистическаго начала на пантеистическое построение. Чѣмъ менѣе фантазія вмѣшивается въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе человѣкъ подходитъ къ научному, естественноисторическому взгляду на міръ, и міръ является ему какъ явленіе. Тогда человѣкъ или признаётъ Божественное начало лишь въ самомъ себѣ, или его совершенно отрицаетъ. Это точка зрѣнія чистой науки, но, при всемъ своемъ стремленіи къ отдѣльному изученію фактовъ, наука не можетъ выдѣлать изъ себя деистическаго (какъ видѣли выше) стремленія къ группировкѣ, къ единству воззрѣній, точно также какъ философія, при всевозможномъ стремленіи къ построенію единаго цѣлаго, по необходимости беретъ въ соображеніе (пантеистически) самостоятельное, особенное значеніе явленій входящихъ въ цѣлое. Этотъ невольный переходъ отъ одного воззрѣнія къ другому показываетъ, что человѣкъ не можетъ остановиться ни на томъ, ни на другомъ, но что истина заключается въ ихъ примиреніи.

Въ слѣдствіе этой потребности является теистическое воззрѣніе на высшее существо. Здѣсь мы беремъ въ соображеніе и единство цѣлаго и значеніе частей, но на первое мѣсто ставимъ примирительный процессъ, въ которомъ части безпрестанно соглашаются въ единое цѣлое. Здѣсь мы отдѣльнымъ явленіямъ придаемъ дѣйствительное значеніе, заключая, что безъ нихъ и самое бытіе вообще сдѣлалось бы пустымъ, отвлеченнымъ понятіемъ. Но въ безпрестанномъ измѣненіи явленій, мы признаемъ нѣчто единое, пребывающее, придающее этимъ измѣненіямъ связь и сущность. При разработкѣ деистическаго и пантеистическаго воззрѣнія мыслитель невольно вноситъ въ нихъ начало теизма, примиряющее и сглаживающее рѣзкія противоположности первыхъ воззрѣній; по этому цѣльную и послѣдовательную систему можно выработать только на этой точкѣ зрѣнія. Но большая часть мыслителей, становясь на нее, видятъ въ ней одну необходимость примиренія, соглашенія, и, совершенно пре-

небрегая первыми двумя теоріями, придаютъ своимъ построениямъ односторонній утѣшительный характеръ. Но борьба и столкновение есть столь-же существенное условіе всего что есть, какъ и примиреніе. Наука не можетъ быть оптимизмомъ, теоріею блаженнаго бытія; она не должна останавливаться только на гармоническихъ явленіяхъ міровой жизни, но должна брать въ соображеніе и встрѣчающіеся диссонансы.

Наука должна, къ этому, принять въ себя всѣ три воззрѣнія, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ исключительно. Отсюда слѣдуетъ, что всякое приобрѣтеніе въ наукѣ, относится ли оно къ цѣлому, или къ одной изъ частей его, содѣйствуетъ развитію въ человѣкѣ идеи высшаго существа, но что рѣшенію задачи наиболѣе содѣйствуютъ тѣ части знанія, которыя полнѣе обнимаютъ всѣ стороны развитія и признаютъ значеніе всѣхъ приобрѣтеній науки.

Это воззрѣніе неново; напротивъ, оно лежитъ въ сознаніи человѣчества, въ языкахъ его, весьма-давно. Во всѣ времена человѣкъ видѣлъ въ мірѣ *проявленіе* Божіе, въ исторіи *промыслъ* Божій, въ самомъ верховномъ существѣ чистое, неизмѣнное *бытіе* Божіе. Итакъ эти три формы бытія всегда связывались съ представленіемъ верховнаго существа, но въ разныя времена то одна, то другая получала преобладающее, исключительное значеніе. Преимущественно мыслители послѣдняго времени останавливались на первой изъ формъ, изложенныхъ выше, считая, что совершенство не можетъ допускать развитія. Но это справедливо лишь въ такомъ случаѣ, когда развитіе, совершенствованіе истекаетъ изъ началъ, приобрѣтенныхъ извнѣ. Если-же существо развивается изъ самого себя, то это не только не отнимаетъ у него совершенства, а напротивъ, безъ развитія мы имѣли бы мертвое, неподвижное существо, которое не мыслимо какъ совершенное, и самое-понятіе котораго несогласно съ данными, получаемыми изъ опыта. Между-тѣмъ измѣненіе не отрицаетъ неизмѣнности, потому-что, во всякомъ движеніи, измѣненіи, есть нѣчто постоянное, пребывающее, неизмѣнное; это законъ движенія, законъ измѣненія, который и составляетъ сущность всякаго явленія, его чистое бытіе.

Въ этой теоріи каждый отдѣльный предметъ имѣетъ въ себѣ нѣчто Божественное, въ слѣдствіе этого онъ есть необходимое условіе, ограничивающее какъ другіе отдѣльные предметы, такъ и все бытіе. Въ этомъ смыслѣ каждый предметъ свободенъ. Но съ другой стороны тотъ-же предметъ обусловленъ всѣми остальными и единствомъ цѣлаго; въ этомъ отношеніи онъ подчиненъ необходимости. Цѣлое обуславливается каждою своею частью, но, такъ какъ это *части* его, то оно обуславливается лишь самимъ-собою, и потому — оно свободно. Отдѣльный человекъ свободенъ, когда его желанія согласны съ его дѣйствительнымъ, Божественнымъ значеніемъ въ цѣломъ, потому-что тогда его желанія согласны съ условіями цѣлаго и ничѣмъ неограничены. Человекъ не свободенъ, когда его желанія несогласны съ мѣстомъ, имъ занимаемымъ въ цѣломъ бытіи, слѣдовательно, когда онъ что-либо желаетъ несогласное съ собственнымъ бытіемъ. Его жизнь заключается въ борьбѣ этихъ двухъ родовъ стремленій. Сознывая себя частью цѣлаго, онъ тѣмъ самымъ стремится быть дополненнымъ прочими частями, направляетъ на нихъ свою дѣятельность и дѣлается отвѣтственнымъ предъ своею совѣстью и предъ обществомъ за свою дѣятельность. Въ соглашеніи отдѣльныхъ, личныхъ, часто противурѣчивыхъ стремленій проявляется историческій промыслъ Божій, какъ въ самостоятельной дѣятельности лица проявляется отдѣльное бытіе всего сушаго. Но въ дѣйствительности то и другое тождественно и «всемирная исторія есть всемирный судъ».

Но дѣйствительно-ли существуетъ нѣчто, соотвѣтствующее этому тройному понятію въ его единствѣ? такъ могли бы спросить, говорить Цейзингъ и отвѣчаетъ: — это все-равно что спросить: есть-ли бытіе? Въ бытіи заключается лишь ничто, а, по предыдущему, верховное существо тождественно съ бытіемъ. Вопросъ о бытіи Божию рѣшается, говорить онъ, тѣмъ, что Богъ есть самое бытіе.

Читатели могли замѣтить совпаденіе мысли Цейзинга въ нѣкоторыхъ частностяхъ съ мыслию теистовъ, о которыхъ мы говорили выше, напримѣръ, въ послѣдней теоріи свободы и отвѣтственности человека легко найти отголосокъ Фихте. Но въ цѣломъ нельзя отнять у Цейзинга права занять мѣсто

на ряду съ другими строителями теорій верховнаго существа. Тѣмъ неменѣе и эта система страдаетъ недостаткомъ удовлетворительности для большинства. Сознательность цѣлаго, свобода личности, самая дѣйствительность цѣлаго, не только какъ логической, но какъ отдѣльной, самосознательной единицы, едва-ли доказаны такъ, чтобъ чувство человѣка было удовлетворено. Умъ останавливается предъ фразою: бытіе есть, потому-что оно бытіе; но для цѣльнаго человѣка этого недостаточно: онъ не знаетъ, находится-ли въ мірѣ формуль или въ мірѣ живыхъ существъ. Оттого большинство остается холоднымъ и слушатели профессора не дѣлаются вѣрующими членами общины. Не съ помощью діалектики понятій восторжествуютъ теисты; они побѣдятъ, когда заставятъ вѣрить.

И. А. Лавровъ.

К Р И Т И К А.

О значеніи романа нравовъ въ наше время, по поводу
новаго романа г. Гончарова «Обломовъ».

(Посвящено Аполлону Александровичу Григорьеву.)

Въ нашъ вѣкъ, общепризнанный практически, когда поминутно возникаютъ, поминутно разбираются новые вопросы, — вопросы затрогивающіе всѣ частные интересы — появленіе романа, какъ произведенія чисто-художественнаго, кажется многимъ несовременнымъ явленіемъ.

Многіе смотрятъ на литературу съ извѣстнымъ пренебреженіемъ, видятъ въ ней только средство развлеченія, и не признаютъ за ней того несомнѣннаго вліянія, которое она всегда и во всѣ времена имѣла на развитіе общества, на развитіе, распространеніе и, въ особенности, уясненіе тѣхъ именно жизненныхъ вопросовъ, которые теперь занимаютъ всѣхъ.

Между тѣмъ, всякое художественное литературное произведеніе, несомнѣнно имѣетъ прямою цѣлью, разбирая частную жизнь избраннаго героя, открыть, уяснить или обличить тѣ незамѣченныя доселѣ свойства этой частной жизни, которыя, заявленныя романомъ въ частномъ лицѣ, уже примѣняются впоследствии къ цѣлому сословію, а иногда ко всему народу.

Главнымъ образомъ, за романомъ нравовъ мы должны признать эту заслугу. Вотъ, почему необходимо въ этомъ родѣ романовъ, чтобъ герой или *типъ* выбранный авторомъ

✓ былъ прежде всего современенъ. Типъ давнишній, уже знакомый читателю, или можетъ быть даже исчезнувшій изъ современнаго общества, не можетъ возбудить сильнаго сочувствія, потому что свойства его уже не применимы къ современнымъ нравамъ, и чрезъ то этотъ типъ теряетъ свою цѣнность, утрачивая свою полезность.

Основываясь на приведенномъ нами главномъ качествѣ романа нравовъ — изученіи частной жизни человѣка въ извѣстномъ обществѣ, и сознавая, что въ каждой средѣ, которая постоянно и безостановочно развивается, также точно безостановочно проявляются новыя соотношенія, новыя свойства, качества и недостатки этого же развитія, мы смѣло скажемъ, что романъ нравовъ никогда не можетъ быть несовременнымъ явленіемъ (мы говоримъ о настоящемъ романѣ нравовъ). Напротивъ того, появленіе его есть лучшее доказательство большаго и успѣшнѣйшаго общественнаго развитія, развитія и проявленія новыхъ жизненныхъ вопросовъ имъ вызванныхъ.

Всѣ главныя преобразования были, можно сказать, указаны, возбуждены нашею литературою. Многое измѣнилось въ нашемъ обществѣ послѣ появленія гениальныхъ произведеній Гоголя. Въ 20 лѣтъ измѣнились самые крупные недостатки нашей соціальной жизни, которые были замѣчены имъ; тѣ, которые не могли еще быть преобразованы, измѣнены, по крайней мѣрѣ обратили на себя всеобщее вниманіе. Можетъ быть еще черезъ 20 лѣтъ возбудятся новые вопросы, о которыхъ мы теперь и не думаемъ, а нынѣшніе вопросы, занимающіе всѣхъ и cadaго, будутъ навѣрно рѣшены людьми спеціально занявшимися имп. Таковъ обычный ходъ просвѣщенія.

Изъ этого мы заключаемъ, что романъ, появляющійся въ наше время и ожидающій для себя славы классическаго произведенія, долженъ, рассматривая *statu quo* нашей соціальной жизни и изслѣдуя во всѣхъ подробностяхъ всѣ выгодныя и вредныя ея свойства, открывать новые еще нетронутые можетъ быть вопросы, которые въ свое время поступятъ какъ и прежніе на судъ и разборательство спеціалистовъ дѣла.

Открытие этихъ вопросовъ не есть конечно прямая цѣль искусства, и не можетъ быть почти таковою. Эти открытия, какъ почти всѣ открытія, дѣлаются авторомъ безсознательно. Писатель долженъ только рассмотреть и разъяснить предъ читателемъ выбранный имъ *типъ*, выбранное общество, въ этомъ изслѣдованіи всѣхъ свойствъ своего типа, всегда держаться строго истины, т. е. показать намъ его такимъ, какими онъ его встрѣтилъ въ обществѣ со всѣми его качествами или недостатками, — и тогда это описаніе, мы убѣждены, возбудитъ новые вопросы о возможномъ развитіи показанныхъ намъ качествъ, объ уничтоженіи заявленныхъ недостатковъ.

Мы хотѣли этимъ высказать то, чего, по нашему мнѣнію, прежде всего слѣдуетъ требовать отъ романа нравовъ, истиннаго и современнаго описанія частной жизни въ обществѣ. Мы далеко не желали выразить этимъ, что мы требуемъ дагерротипнаго снимка съ природы, какъ этого желали поклонники, уже впрочемъ отжившей школы, такъ-называемой натуральной.

Не отступая отъ пзясненной нами главной задачи писателя не отклоняться никогда отъ истины, отъ природы — остается за авторомъ еще быть художникомъ. Также точно какъ живописецъ не списываетъ природы, а пишетъ ее на полотнѣ, возсоздаетъ ее, также точно и романистъ долженъ не списывать выбранный типъ, а возсоздать его, развить даже его, не забывая однако того, что новое развитіе этого типа должно быть естественно, должно быть не только возможно, но и правдоподобно.

Свойства и качества, необходимыя для художника, слишкомъ извѣстны каждому, чтобъ о нихъ распространяться — это, во-первыхъ, способность творить образы, которые бы живо вставали передъ глазами читателя, затѣмъ умѣнье владѣть языкомъ, чтобъ придать художественность своему описанію, и еще главное — *сердце*, готовое сочувствовать тому, что рисуешь, что описываешь. Никогда безъ этого собственнаго сочувствія и горячей любви къ своему же описанію, авторъ не сумѣетъ возбудить сочувствія въ постороннемъ лицѣ.

Мы обозначили теперь главные требованія отъ каждаго романа нравовъ для того, чтобы разсмотрѣть на этихъ основаніяхъ вновь вышедшій романъ г. Гончарова «Обломовъ». Мы постараемся, разбирая этотъ романъ, опредѣлить, насколько онъ оправдалъ наши требованія касательно идеальнаго романа нравовъ. Постараемся уяснить, *первое* — современенъ ли выбранный г. Гончаровымъ типъ Обломова и всѣхъ лицъ окружающихъ его и составляющихъ его общество, возможенъ ли этотъ типъ и прочія дѣйствующія лица романа въ наше время, т. е. естественны ли они? *Второе*, — художественно ли выработано произведеніе почтеннаго автора, какъ въ отношеніи слога, такъ и въ отношеніи чувствъ, въ различныхъ положеніяхъ возникающихъ между дѣйствующими лицами.

Давно уже слухи носились о замѣчательномъ романѣ, надъ которымъ г. Гончаровъ (все по тѣмъ же слухамъ) работаетъ уже 10 лѣтъ. Появлялись нѣкоторые отрывки этого романа, въ альманахѣ 1846 года «Вчера и сегодня», въ Атеней 1858, и всѣ съ любопытствомъ прочитывали ихъ и старались возсоздать по нимъ идею о цѣломъ романѣ. Словомъ, романъ «Обломовъ» занялъ почти всю читающую публику до появленія своего въ печати. Всѣ ожидали его съ нетерпѣніемъ.

Ожиданіе, любопытство всѣхъ къ обѣщанному новому произведенію автора «Обыкновенной исторіи», нисколько насъ не удивляетъ. Мы сами раздѣляли это чувство и, съ чисто-сердечнымъ нетерпѣніемъ скорѣе познакомиться съ этимъ произведеніемъ, раскрыли первую книжку «Отечественныхъ записокъ» нынѣшняго года.

Но слава, предупредившая самое изданіе романа, участіе нашей образованной публики къ новому произведенію, обязываетъ насъ еще глубже, еще строже разсмотрѣть этотъ романъ.

Типъ Обломова, выбранный г. Гончаровымъ, долженъ быть подробно разобранъ критикою, тѣмъ болѣе, что почтенный авторъ, какъ намъ кажется, желаетъ вывести въ немъ вполне современный типъ, не только отдѣльнаго числа

лицъ, но цѣлаго поколѣнія. Задача чрезвычайно важная, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ весьма трудная.

Самыя слова: *Обломовщина*, *Обломовы*, показываютъ, что г. Гончаровъ желаетъ доказать намъ, что выбранный имъ *типъ*, не есть одно только частное лице, но что въ немъ сосредоточены свойства всѣхъ насъ, цѣлаго поколѣнія, что мы всѣ страдаемъ болѣе или менѣе этою *Обломовщиною*.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ настоящему разбору всего романа, да позволено намъ будетъ замѣтить еще, вскользь, что насъ истинно удивило это безпрестанное и, можно сказать, упорное усиліе автора повторять при всякомъ возможномъ случаѣ слова: *Обломовы*, *Обломовщина*. Намъ кажется, что такое чрезмѣрное стараніе автора дать этимъ словамъ генерическое значеніе, доставить имъ, такъ сказать, право гражданства, — не могло достигнуть желаемой авторомъ цѣли.

Гоголь не упоминалъ ни о Чичиковыхъ, ни о Чичиковщицѣ, ни о Плюшкиныхъ, ни о Тентетниковыхъ, а между тѣмъ эти типы остались живыми для всѣхъ, кто только ихъ изучилъ въ твореніяхъ нашего гениальнаго писателя. Чичиковы, Плюшкины существуютъ, вы ихъ встрѣчаете до-сихъ-поръ, вы сами невольно придаете имъ названіе типа Гоголя, который они вамъ напомнили.

Но не станемъ распространяться объ этомъ. Возьмемся лучше прямо за представленный г. Гончаровымъ *типъ*. Замѣченное нами излишнее и можно сказать усиленное стараніе автора обратить вниманіе читателя на общность *типа*, не можетъ повредить самому типу; это — только недостаточно художественный приѣмъ.

Съ первой страницы романа, мы знакомимся съ Ильей Ильичемъ Обломовымъ: «человѣкомъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отъ роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица....»

«Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а такъ безразличный, или казался такимъ можетъ быть потому, что Обломовъ

какъ-то обрызгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка ли движенія или воздуха, а можетъ быть того и другого.»

Таковъ нашъ новый знакомый. Онъ лежитъ въ своемъ кабинетѣ, просыпается, опять засыпаетъ, и никакъ не можетъ собраться встать. Наканунѣ онъ получилъ письмо отъ своего старосты изъ деревни, и это письмо его очень озаботило. Онъ все мечтаетъ, какъ и какимъ образомъ принять мѣры, чтобъ остановить безпрестанные беспорядки въ имѣннѣ.—Онъ кликнулъ Захара, своего камердинера. Захаръ одно изъ лучшихъ лицъ всего романа; видно ясно, что почтенный авторъ имѣлъ случай изучить этотъ типъ. Обломовъ спрашиваетъ у Захара, куда положилъ онъ письмо отъ старосты.—Какое письмо? спрашиваетъ Захаръ—я никакого письма не видалъ.— Ты же отъ почтальона принялъ его грязное такое, говоритъ ему баринъ.—Куда жъ его положили, почему мнѣ знать, — отвѣчаетъ Захаръ.

Нѣсколько разъ Захаръ возвращается на свою лежанку, нѣсколько разъ Обломовъ его зоветъ къ себѣ и все спрашиваетъ о судьбѣ письма старосты, и наконецъ это письмо отыскивается въ складкахъ одѣяла самого Обломова.

Когда пробило 11 часовъ, Обломовъ рѣшается уже непременно встать со своего ложа, но слышенъ звонокъ и входитъ нѣкто Волковъ.

Не принимая на себя труда передать вамъ полный перечень всего содержанія романа и желая только высказать наше личное мнѣнiе о достоинствахъ этого произведенія, мы не станемъ обрисовывать каждое изъ тѣхъ лицъ, которыя навѣщаютъ Обломова; мы даже удивляемся, съ какою цѣлю почтенный авторъ привелъ эти три или четыре разнородныя лица? Развѣ Тарантьевъ былъ нуженъ для хода романа? Онъ представляетъ въ противоположность Штольцу, доброму гению Обломова, начало зла, которому подчиняется какъ бы невольно Обломовъ, нѣчто въ родѣ древней судьбы (фатума) появлявшейся въ концѣ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида, чтобы покорить все таки своему влiянiю человѣка, силившагося во все время освободиться отъ этого ярма.

Мысль какъ видите неновая, но надо отдать ей справедливость, мысль глубокая и къ сожалѣнiю вѣрная.

Какъ ни силится человѣкъ измѣнить свою природу, переродиться, онъ все же большею частiю остается подъ гнѣтомъ своей судьбы.

Похваставъ вдоволь своимъ новымъ рейтъ-фракомъ, своими брелоками, своими перчатками, Волковъ прощается съ Обломовымъ и отправляется къ какому-то князю Тюменеву; ни о немъ, ни о Тюменевѣ далѣе въ романѣ ни поль-слова, стало бытъ это лице лишено для насъ всякаго интереса.

Только что онъ вышелъ, входитъ новый гость Судьбинскiй, чиновникъ, недавно назначенный начальникомъ отдѣленiя, и очень доволенъ, даже гордъ этимъ повышенiемъ. Послѣ нѣкоторыхъ мало интересныхъ разказовъ о службѣ — онъ уходитъ. Является тотчасъ же третiй, заросшiй весь бакенбардами, усамъ и эспаньолкой, это какой-то литераторъ *Ленкинъ*. Разговоръ конечно обращается тотчасъ же къ литературѣ. Обломовъ проповѣдуетъ, что надо болѣе сердца для писателя, что нынѣшняя литература забываетъ совершенно *человѣка*, и занимается только ростовщиками и мошенниками — «гдѣ же человѣчность-то? прошипѣлъ онъ, — гдѣ же искусство, гдѣ же поэзiя?»

И этотъ оставляетъ Обломова и отправляется на Екатерингофское гулянье какъ и прежнiе, потому-что сегодня 1 мая. Обломовъ недолго остается одинъ, къ нему входитъ самый страшный изъ его знакомыхъ, Алексѣевъ, нѣкто весьма неопредѣленной наружности, характера, лѣтъ; даже впоследствии вы узнаете, что и фамилiя его весьма неопредѣлительна для многихъ, и что ее путаютъ безбожно на всѣ лады.

Всѣ эти лица, посѣщающiя Обломова въ одинъ и тотъ же день изъ чистой дружбы къ нему, приглашающiя его погулять въ Екатерингофъ вмѣстѣ, болѣе не являются къ своему другу во всю его жизнь, и самъ Обломовъ о нихъ даже и не вспомнитъ.

Для чего, съ какою цѣлью они всѣ столпились 1-го мая отъ 11-ти до 3-хъ часовъ пополудни у Обломова? — вотъ задача, заслуживающая внимательнаго разсмотрѣнiя, но ни-

какъ не рѣшаемая простымъ читателемъ романа. Типы эти ни довольно новы, ни довольно занимательны, чтобъ одинъ намекъ о нихъ, какой существуетъ въ выше описанныхъ сценахъ, былъ удовлетворителенъ. Они, стало быть, сами по себѣ не имѣютъ настоящаго значенія. Можетъ-быть, они обрисовываютъ, уясняютъ собою главный типъ, типъ Обломова, но и послѣднй все время валяется на своей постели, просить каждаго изъ нихъ не подходитъ къ нему, потому-что они съ холоду, отказывается постоянно поѣхать съ ними въ Екатеринбургъ, что только выказываетъ его лѣнливый характеръ; развѣ только этимъ способомъ (т. е. этою панорамною разнородныхъ лицъ) почтенный авторъ хотѣлъ заявить, на сколько мучить Обломова полученное имъ отъ старосты письмо. Да, и этого можно было достигнуть несравненно легчайшимъ способомъ, хотя, конечно, въ меньшемъ количествѣ печатныхъ листовъ.

Кстати о письмѣ старосты. Мы позволимъ выписать его здѣсь:

«Доношу твоей барской милости, что у тебя въ вотчинѣ, кормилецъ нашъ, все благополучно. Пятую недѣлю нѣтъ дождей: знать, прогнѣвали Господа Бога, что нѣтъ дождей. Эдакой засухи старики не запомнятъ: яровое такъ и палить, словно полынемъ. Осимъ, ино мѣсто червь сгубилъ, ино мѣсто раннѣе морозцы сгубили: перепахали-было на яровое, да не знамо, уродится ли что? Авось милосердый Господь помилуетъ твою барскую милость; а о себѣ не заботимся: пусть издохнемъ. А подъ Ивановъ-день еще три мужика ушли: Лаптевъ, Балочовъ, да особо ушолъ Васька, кузнецовъ сынъ. Я бабъ погналъ по мужей: бабы тѣ не воротились, а проживаютъ, слышно, въ Челкахъ, а въ Челки поѣхалъ кумъ мой изъ Верхлева: управляющй послалъ его туда: соху, слышь, заморскую привезли, а управляющй послалъ кума въ Челки оную соху посмотреть. Я наказывалъ куму о бѣглыхъ мужикахъ; исправнику кланялся, сказалъ онъ: «подай бумагу, и тогда всякое средство будетъ исполнено, водворить крестьянъ ко дворамъ на мѣсто жительства,» и oprичъ того, ничего не сказалъ, а я палъ въ ноги ему и слезно умолялъ; а онъ закричалъ благимъ матомъ:

«пошло, пошло! тебѣ сказано, что будетъ исполнено — подай бумагу!» А бумаги я не подавалъ. А нанять здѣсь некого: всё на Волгу, на работу, на барки ушли — такой нынче глупый народъ сталъ здѣсь, кормилецъ нашъ, батюшка Илья Ильичъ! Холста нашего сей годъ на ярмонкѣ не будетъ: сушильню и бѣлильню я заперъ на замокъ и Сычуга приставилъ денно и ночью смотрѣть: онъ тверезый мужикъ; да чтобы не стянулъ чего господскаго, я смотрю за нимъ денно и ночью. Другіе больно пьютъ и просятся на оброкъ. Въ недоимкахъ недоборъ: нынѣшній годъ изъ вотчины пошлемъ доходцу; будетъ, батюшка ты нашъ благодѣтель, тысящи яко двѣ поменѣ противъ того года, что прошелъ, только-бы засуха не разорила въ конецъ, а то вышлемъ, о чемъ твоей милости и предлагаемъ.»

«Затѣмъ слѣдовали изъявленія преданности и подпись: староста твой, всенижайшій рабъ Прокофій Вытягушкинъ собственной рукой руку приложилъ. За неумѣніемъ грамотѣ поставленъ былъ крестъ. А писалъ со словъ онаго старосты шуринъ его, Демка Кривой.»

Въ этомъ письмѣ насъ нѣсколько удивила жалоба старосты, которая вовсе не вѣроятна: во первыхъ, *платую недѣлю дождей нѣтъ — эдакой засухи старики не запомнятъ.* Обломовъ получилъ письмо это за нѣсколько дней до 1-го мая — полагая, что на почтѣ оно осталось по-крайней-мѣрѣ одну или полторы недѣли. За пять недѣль до отсылки письма изъ имѣнья еще было начало марта мѣсяца, въ это время, какъ кажется, дождей нельзя ждать, только-бы морозы кончились, да рѣки всё прошли, и то ладно. Потомъ староста толкуетъ о побѣгѣ въ Ивановъ день, т. е. 24-го іюня, нѣкоторыхъ крестьянъ и пишетъ объ этомъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Стало-быть, онъ предугадываетъ побѣгъ? онъ не только мошенникъ, но даже колдунъ!

Но мы не станемъ останавливаться долго на этихъ, хотя странныхъ, но мелкихъ промахахъ почтеннаго автора, которыхъ, между прочимъ, найдется довольно много въ четырехъ частяхъ романа. Возвратимся къ разбору главнаго типа, къ нашему любезному Обломову.

Обломовъ, проводивъ, какъ выше уже сказано, всёхъ

своихъ незванныхъ гостей на гулянье, и пожаловавшись имъ въ то-же время на безпорядки въ его имѣнїи, донесенные ему старостою, проводивъ даже послѣ всѣхъ ихъ Тарантьева, одного изъ ближайшихъ его знакомыхъ, который всегда имѣлъ большое вліяніе на его жизнь, на его дѣйствія, и котораго мы уже назвали олицетвореніемъ несносной судьбы, всегда тяготѣющей надъ человѣкомъ, хотѣлъ-было рѣшительно встать и одѣться, но почтенному автору необходимо было еще разъ его бросить въ объятія Морфея, и послушный, безхарактерный герой нашъ приказываетъ *закрѣпить ставни* (?), спустить занавѣси — и ложится отдохнуть опять на свою постель, съ которой онъ не вставалъ съ прошлаго вечера. И все это онъ дѣлаетъ для того, чтобъ доставить г-ну Гончарову возможность помѣстить тотъ «Сонъ Обломова» (отрывокъ изъ этого романа), который былъ напечатанъ и который вызвалъ въ свое время столько заслуженныхъ похвалъ.

Этотъ отрывокъ, всѣмъ кажется извѣстенъ. Въ немъ г. Гончаровъ уже давно намъ доказалъ весь свой талантъ, все свое умѣнье владѣть русскимъ языкомъ. Нѣкоторыя картины деревенской жизни, такъ и врѣзываются въ память; того онъ вѣрны и изящно обрисованы.

Одно только замѣчаніе мы могли бы сдѣлать. Намъ кажется, что этотъ сонъ немного длиненъ. Нѣтъ никакой возможности человѣку увидѣть всю свою жизнь въ такой подробности и въ такой *последовательности* во снѣ. Этотъ недостатокъ въ особенности замѣчается теперь, когда для этого сна, почтенный авторъ, усыпилъ насильно Обломова послѣ 12-ти часоваго непрерывнаго сна, еще покрайней-мѣрѣ на 3 часа самаго упорнаго тяжелаго сна. Такой необыкновенно громадный сонъ, какъ намъ кажется, неправдоподобенъ. И мы истинно жалѣемъ о томъ, что г. Гончаровъ не обратилъ должнаго вниманія на это обстоятельство, потому что часто мелкія подробности совершенно измѣняютъ характеръ всего романа, придаютъ ему какой-то тяжелый видъ, который не можетъ нравиться массѣ читателей. А для кого же мы пишемъ, если не для читателей?

Еще намъ кажется, что свойства Обломова, какъ маль-

чка живаго, рѣзваго, который постоянно нарываетъ, какъ-бы пробѣжать по разрушающейсѣ галереѣ, куда его не пускаютъ, или убѣжать въ оврагъ, о которомъ такъ много чудснаго и страшнаго онъ слышалъ отъ своей няни, вовсе не соотвѣтствуютъ характеру нынѣшняго Обломова, который спитъ безъ просыпки 15 часовъ въ сутки и нѣсколько часовъ спустя, опять готовъ заснуть. Эти живыя черты, положимъ, могли на время заглухнуть, но когда-нибудь, по общему психологическому закону, должны были въ жизни Обломова проявиться, чего мы не видимъ въ романѣ, гдѣ Обломовъ является какъ лице отвлеченное.

Въ началѣ второй части разбираемаго нами романа — мы знакомимся съ новымъ лицомъ, *Андреемъ Ивановичемъ Штольцомъ*. Это другъ Ильи Ильича, другъ дѣтства его и единственный мудрый его совѣтникъ.

Штольцъ — сынъ ученаго агронома, который занимался управленіемъ имѣнія не подалеку отъ имѣнія Обломовыхъ. Тутъ-то въ деревнѣ оба мальчика, почти однихъ лѣтъ, познакомились, подружились, учились, играли вмѣстѣ, — и вскорѣ Обломовъ сталъ считать Штольца единственнымъ своимъ другомъ.

Молодость и образованіе Штольца, — хотя они чрезвычайно занимательно описаны въ самомъ романѣ, не могутъ насъ остановить. Намъ хотѣлось бы только обозначить, хотя бы нѣкоторыми выраженіями самаго автора, характеръ этого замѣчательнаго человѣка, но и это чрезвычайно трудно.

Почтенный авторъ не можетъ никакъ, говоря о своемъ любимцѣ по учености, Штольцѣ, не завлечься самъ въ обороты единственно свойственные нѣмецкой философіи, и мы отказываемся рѣшительно передать вамъ объясненіе этихъ темныхъ но по всѣмъ вѣроятностямъ премудрыхъ изреченій. Посудите сами.

«Онъ весь составленъ изъ костей, мускуловъ и нервовъ, какъ кровная англійская лошадь. Онъ худощавъ; щекъ у него почти вовсе нѣтъ, т. е. есть кость да мускулъ, но ни признака жирной округлости; цвѣтъ лица ровный, смугловатый и никакого румянца; глаза хотя немного зеленые, но выразительные. Движеній лишнихъ у него не было. Если

онъ сидѣлъ, то сидѣлъ покойно, если же дѣйствовалъ, то употреблялъ столько мимики, сколько было нужно. Какъ въ организмѣ нѣтъ у него ничего лишняго, такъ и въ нравственныхъ отправленіяхъ своей жизни онъ искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа. Двѣ стороны шли *параллельно, перекрещиваясь* (?) и перебиваясь на пути, но никогда не запутываясь въ тяжелые, неразрѣшаемые узлы. Онъ шелъ твердо, бодро; жилъ по бюджету, стараясь тратить каждый день, какъ каждый рубль, съ ежеминутнымъ никогда недремлющимъ контролемъ издержаннаго времени, труда, силъ души и сердца. Кажется, и печалью и радостями онъ управлялъ какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ, или какъ обращался съ дурной и хорошей погодой. Онъ распускалъ зонтикъ, пока шелъ дождь, т. е. страдалъ, пока длилась скорбь, да и страдалъ безъ робкой покорности, а больше съ досадой, съ гордостью, и переносилъ терпѣливо только потому, что причину всякаго страданія приписывалъ самому себѣ, а не вѣшалъ, какъ кафтанъ, на чужой гвоздь. И радостію наслаждался, какъ сорваннымъ по дорогѣ цвѣткомъ, пока онъ не увялъ въ рукахъ, не допивая чаши никогда до той капельки горечи, которая лежитъ въ концѣ всякаго наслажденія. Простой, т. е. прямой, настоящій взглядъ на жизнь — вотъ что было его постоянною задачею, и, добираясь постепенно до ея рѣшенія, онъ понималъ всю трудность ея и былъ внутренно гордъ и счастливъ всякій разъ, когда ему случалось замѣтить кривизну на своемъ пути и сдѣлать прямой шагъ. «Мудрено и трудно жить просто!» говорилъ онъ часто себѣ и торопливыми взглядами смотрѣлъ, гдѣ криво, гдѣ косо, гдѣ нить шурка жизни начинаетъ завертываться въ неправильный, сложный узелъ. Больше всего онъ боялся воображенія, этого двуличневаго спутника, съ дружескимъ на одной и вражескимъ на другой сторонѣ лицомъ, друга — чѣмъ меньше вѣришь ему, и врага — когда уснешь довѣрчиво подъ его сладкій шопоть. Онъ боялся всякой мечты, или, если входилъ, какъ входятъ въ гротъ, съ надписью: *ma solitude, mon hermitage, mon heros*, зная часъ и минуту, когда выйдешь оттуда. Мечтѣ, загадочному, таинственному, не было

мѣста въ его душѣ. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было въ глазахъ его оптическій обманъ, то или другое отраженіе лучей и красокъ на сѣткѣ органа зрѣнія, или же, наконецъ фактъ, до котораго еще не дошла очередь опыта. У него не было и того дилетантизма, который любитъ порыскать въ области чудеснаго, или подонкихотствовать въ полѣ догадокъ и открытій за тысячу лѣтъ впередъ. Онъ упрямо останавливался у порога тайны, не обнаруживая ни вѣры ребенка, ни сомнѣнія фата, а ожидалъ появленія закона, а съ нимъ и ключа къ ней.

«Такъ же тонко и осторожно, какъ за воображеніемъ, слѣдилъ онъ за сердцемъ. Здѣсь, часто оступаясь, онъ долженъ былъ сознаваться, что сфера сердечныхъ отправленій была еще terra incognita. Онъ горячо благодарилъ судьбу, если въ этой невѣдомой области удавалось ему заблаговременно различить нарумяненную ложь отъ блѣдной истины; уже не сѣтовалъ, когда отъ искусно прикрытаго цвѣтами обмана онъ оступался, а не падалъ, если только лихорадочно и усиленно билось сердце, и радъ-радѣхонекъ былъ, если не обливалоь оно кровью, если не выступалъ холодный потъ на лбу и потомъ не ложилась надолго длинная тѣнь на его жизнь. Онъ считалъ себя счастливымъ ужъ и тѣмъ, что могъ держаться на одной высотѣ и, скача на конькѣ чувства, не проскакать тонкой черты, отдѣляющей міръ чувства отъ міра лжи и сентиментальности, міръ истины отъ міра смѣшнаго, или, скача обратно, не заскакать на песчаную, сухую почву жесткости, умничанья, недовѣрія, мелочи, оскотленія сердца.»

Мы съ своей стороны должны смиренно признать слабость, безсиліе нашего разума, — мы и половины этого описанія не могли понять и только постоянно пересказывали отъ удивленія къ новому удивленію, при появленіи, напримѣръ, грота съ надписью: *ma solitude, mon hermitage*, или при описаніи о томъ, какъ оный г. Штольцъ, скача на конькѣ чувства, не проскакалъ тонкой черты, отдѣляющей міръ чувства отъ міра лжи, сентиментальности, міръ истины отъ міра смѣшнаго, или скача обратно не заскакалъ на песчаную сухую почву жесткости, умничанія, недовѣрія, мелочи, оскотленія сердца.

Поистинѣ, мы никакъ не можемъ понять, что это за конекъ чувства, что это за скачка, что это за тонкая черта, — и наконецъ, что это за *осколение сердца*?

Мы рѣшительно удивляемся, какимъ образомъ тотъ же авторъ могъ написать такія роскошныя картины природы, такія упительныя описанія частной жизни, и тутъ же въ этомъ же романѣ, такъ темно, такъ неизящно обрисовать характеръ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ!

Г. Гончаровъ, какъ кажется, слишкомъ упорно старается возможно — явственно передать выбранную имъ для своего романа, основную мысль; и эти-то старанія затемняютъ, холодятъ и его описанія, и самый его романъ. Онъ все старается олицетворить свою мысль. Онъ опутываетъ ее въ какую-нибудь оболочку, и такимъ образомъ полагасть, что онъ создалъ характеръ. Еслибы напротивъ, почтенный авторъ изучилъ въ настоящей жизни занимающій его характеръ, нашелъ наконецъ послѣ долгихъ трудовъ, настоящій живой типъ — тогда бы только онъ развилъ это живое существо. Мы убѣждены, что всѣ лица, представленныя въ этомъ романѣ, были бы несравненно естественнѣе, а потому возбудили бы гораздо болѣе интереса.

А въ романѣ г. Гончарова, почти всѣ дѣйствующія лица, какія-то оживленныя философскія умозаключенія, и вовсе не люди. Они не говорятъ, а всегда читаютъ философскіе трактаты, словно по тетрадамъ.

Обломовъ—олицетвореніе доброй, нерѣшительной, лѣнивой натуры, которая много задумываетъ, много желаетъ сдѣлать добраго, умнаго, но отчасти отъ безхарактерности, отчасти отъ лѣни — не можетъ рѣшиться даже приняться за задуманное дѣло. Этотъ типъ, по мнѣнію почтеннаго автора, типъ почти общій нашему современному обществу. Мы не отвергаемъ вполнѣ этого убѣжденія, въ особенности, что касается до безхарактерности, нерѣшительности большинства изъ насъ. Но мы истинно жалѣемъ, что эти явные недостатки развиты въ описанномъ типѣ недовольно естественно, что Обломовъ не представленъ намъ какъ живой человѣкъ взятый изъ среды насъ самихъ, а является только какимъ-то умозаключеніемъ придуманной для него авторомъ философской теоріи. Онъ

спитъ такъ, какъ люди никогда не могутъ спать — болѣе 18 часовъ въ сутки. Онъ говоритъ такъ, какъ тоже никто не говоритъ, развѣ съ кафедръ, когда проповѣдуютъ свою философскую теорію. Онъ влюбляется, и въ этой любви только старается развить свою же философію.

Штольцъ тоже не живой человѣкъ. Это противоположная теорія Обломова съ нѣкоторыми качествами, съ нѣкоторыми недостатками, теорія очень подробно разсмотрѣнная авторомъ и даже, можно сказать, чрезвычайно поучительная, какъ доказывающая пользу истиннаго разумнаго труда — необходимость этого рычага; — но къ сожалѣнію это тоже не человѣкъ. Вы навѣрно никогда не встрѣчали Штольца; вы замѣчали въ нѣкоторыхъ ниня его качества, ниня его недостатки, но никогда не видали этого воплощеннаго практическаго разума, одѣтаго съ ногъ до головы въ философскія изреченія. Такого человѣка не только нѣтъ на землѣ, но даже, какъ кажется, не можетъ быть.

Послушайте, напримѣръ, на выдержку отрывокъ изъ разговора Обломова со Штольцемъ.

«— Все, вѣчная бѣготня въ запуски, вѣчная игра дрянныхъ страстишекъ, особенно жадности, перебиванья другъ у друга дороги, сплетни, пересуды, щелчки другъ другу, это оглядыванье съ ногъ до головы; слушаешь, о чемъ говорятъ, такъ голова закружится, одурѣешь. Кажется, люди на взглядъ такіе умные, съ такимъ достоинствомъ на лицѣ, только и слышишь: «этому дали то, тотъ получилъ аренду.» «Помилуйте за что?» кричитъ кто-нибудь. «Этотъ проигрался вчера въ клубѣ; тотъ беретъ триста тысячъ!» Скука, скука, скука!... Гдѣ же тутъ человѣкъ? Гдѣ его цѣлость? Куда онъ скрылся, какъ размѣнялся на всякую мелочь?»

«— Что-нибудь да должно же занимать свѣтъ и общество, сказалъ Штольцъ: — у всякаго свои интересы. На то жизнь...»

«— Свѣтъ, общество! Ты вѣрно нарочно, Андрей, посылаешь меня въ этотъ свѣтъ, въ это общество, чтобъ отбить больше охоту быть тамъ. Жизнь: хороша жизнь! Чего тамъ искать? интересовъ, ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это: нѣтъ его, нѣтъ

ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества! Что водить ихъ въ жизни? Вотъ они не лежатъ, а спуютъ каждый день, какъ мухи, взадъ и впередъ, а что толку? Войдешь въ залу и не налюбуйешься, какъ симметрически рассажены гости, какъ смирно и глубокомыслено сидятъ — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! отличный примѣръ для ищущаго движенія ума! Развѣ это не мертвецъ? Развѣ не спятъ они всю жизнь сидя? Чѣмъ я виноватѣе ихъ, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?»

«— Это все старое, объ этомъ тысячу разъ говорили, замѣтилъ Штольцъ. — Нѣтъ-ли чего поновѣе?»

«— А наша лучшая молодежь, что она дѣлаетъ? развѣ не спитъ, ходя, развѣзжая по Невскому, танцуя? Ежедневная, пустая перетасовка дней! А посмотри, съ какою гордостью и невѣдомымъ достоинствомъ, отталкивающимъ взглядомъ смотреть, кто не такъ одѣтъ, какъ они, не носятъ ихъ имени и званія. И воображаютъ, несчастные, что еще они выше толпы: «мы-де служимъ, гдѣ кромѣ насъ никто не служить; мы въ первомъ ряду кресель, мы на балѣ у князя N., куда только насъ пускаютъ...» А сойдутся между собой, перепьются и передерутся, точно дикіе! Развѣ это живые, не спящіе люди? Да не одна молодежь: посмотри на взрослыхъ. Собираются, кормятъ другъ друга: ни радушія, ни доброты, ни взаимнаго влеченія! Собираются на обѣдъ, на вечеръ, какъ въ должность, безъ веселія, холодно, чтобъ похвастать поваромъ, салономъ, и потомъ подъ рукой осмѣять, подставить ногу одинъ другому. Третьяго дня за обѣдомъ, я не зналъ куда смотрѣть, хоть подъ столъ залѣзть, когда началось терзаніе репутацій отсутствующихъ: «этотъ глупъ, этотъ низокъ, другой воръ, третій смѣшонъ» — настоящая травля! Говоря это, глядятъ другъ на друга такими же глазами «вотъ уйди только за дверь, и тебѣ то-же будетъ...» Зачѣмъ же они сходятся, если они таковы? Зачѣмъ такъ крѣпко жмутъ другъ другу руки? Ни искренняго смѣха, ни проблеска симпатіи! Стараются залучить громкій чинтъ, имя. «У меня былъ такой-то, а я былъ у такого-то», хва-

стають потомъ... Чтожъ это за жизнь? Я не хочу ея. Чему я тамъ научусь, что извлеку?»

«— Знаешь что, Илья? сказалъ Штольцъ: — ты рассуждаешь точно древній: въ старыхъ книгахъ вотъ такъ все писали. А впрочемъ и то хорошо: по-крайней-мѣрѣ рассуждаешь, не спишь. Ну, что еще? продолжай.»

Самъ авторъ нѣсколько изумленный мудреностію оборотовъ выбранныхъ его героемъ заставляетъ Штольца замѣтить, что Обломовъ рассуждаетъ точно древній — въ старыхъ книгахъ вотъ такъ все писали. И подлинно, такъ писали въ старыхъ книгахъ, но такъ даже и въ старину, мы убѣждены, никогда не разговаривали въ дружескихъ бѣсѣдахъ.

Далѣе въ этомъ же разговорѣ, Обломовъ передаетъ Штольцу предположенный имъ планъ жизни въ деревнѣ, и хотя мы снова должны замѣтить, что это описаніе жизни деревенской скорѣе могло быть написано въ дружескомъ письмѣ, чѣмъ передано такъ на словахъ, но не можемъ не выписать хотя нѣсколько строкъ изъ этого описанія, чтобы еще разъ восхититься истинно поэтическимъ описаніемъ вечера въ деревнѣ, напримѣръ.

«Потомъ, какъ свалитъ жара, отправили бы телѣгу съ самоваромъ, съ десертомъ, въ березовую рощу, а не то такъ въ поле, на скошенную траву, разостлали бы между стогами ковры, и такъ блаженствовали бы вплоть до окрошки и бифтекса. Мужики идутъ съ поля съ косами на плечахъ; тамъ возъ съ сѣномъ проползетъ, закрывъ всю телѣгу и лошадь; вверху изъ кучи торчатъ шапка мужика съ цвѣтами да дѣтская головка; тамъ толпа босоногихъ бабъ, съ серпами, голосятъ.... Вдругъ завидѣли господъ, притихли, низко кланяются.... Одна изъ нихъ, съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива.... тс!..., жена чтобъ не увидѣла, Боже сохрани!»

Какая граціозная, какая вѣрная картинка! Намъ кажется, что каждый художникъ невольно взялся бы за кисть, чтобъ передать на полотно всю эту картину: и эту березовую ро-

щину, и самоваръ, все семейство, сидящее на коврахъ между стогами свѣжей скошенной травы, и этихъ мужиковъ, и эту загорѣлую молодицу съ серпомъ.

Эти картинки деревенской тихой жизни кажутся Обломову идеаломъ счастья въ жизни. Штольцъ, напротивъ, видитъ въ этой тихой спокойной жизни только новую лѣнь, новое бездѣйствіе. Онъ начинаетъ изяснять Обломову свои убѣжденія о цѣль жизни и впадаетъ невольно въ недостатокъ, замѣченный имъ за нѣсколько только времени, онъ тоже начинаетъ разсуждать точно древній, — вотъ такъ точно, какъ писали въ старыхъ книгахъ.

Онъ желаетъ оживить Обломова, обратить его къ болѣе разумному, по его убѣженію, образу жизни. Для этого кромѣ философскихъ изреченій, онъ знакомитъ Обломова съ молодою дѣвушкою *Ольгою Ильинскою*, въ которую онъ старается влюбить Обломова, и, что всего удивительнѣе, тотчасъ же покидаетъ своего друга, и уѣзжаетъ за границу.

Еслибы Штольцъ былъ живой человекъ, а не воплощеніе философской теоріи, онъ можетъ быть былъ бы другомъ Обломова, и тогда для счастья своего друга, онъ отложилъ бы свою поѣздку, постарался петнино возбудить какую-нибудь энергію въ своемъ другѣ, и, можетъ быть, успѣлъ бы въ этомъ. Обломовъ женился бы на Ольгѣ и былъ бы вполне счастливъ. Но Штольцу нужно не счастье Обломова, нужно только опровергнуть философскую теорію Обломова, нужно заставить послѣдняго принять безусловно его теорію; — притомъ съ бракомъ Обломова и Ольги, кончился бы естественно и весь романъ, — а обѣ философскія теоріи Штольца и Обломова еще недовольно разъяснены, развиты. Стало быть Штольцъ не можетъ на это рѣшиться, и онъ покидаетъ своего друга и уѣзжаетъ по своимъ частнымъ дѣламъ за границу.

Съ этого времени Ольга отчасти заступаетъ мѣсто Штольца; она переняла отъ него главныя основы его философской теоріи и теперь начинаетъ развивать ихъ на практикѣ съ новымъ ся знакомымъ Обломовымъ.

Невольно, читая романъ г. Гончарова, какъ-то отрадно останавливаешься при первомъ знакомствѣ съ Ольгой. Послѣ

холоднаго анализа теоретическихъ героевъ этого романа, каждый желаетъ отдохнуть немного на описаніи милого, граціознаго созданія, ожидаетъ найдти въ немъ источникъ живаго чувства, который бы оживилъ собою всѣ эти философскія умозаключенія. Невольно поэтому чувствуешь въ себѣ что-то симпатическое къ этому новому лицу, къ этой миловидной, граціозной дѣвушкѣ. И если почтенный авторъ, намѣренно продолжилъ до половины второй части этотъ холодный анализъ философскаго значенія жизни, чтобы усилить впечатлѣніе читателя при первомъ появленіи Ольги, то мы должны признаться, что онъ мастерски достигъ своей цѣли. Не смотря на всю неопредѣленность положенія и характера Ольги, не смотря на странныя ея отношенія отчасти къ Штольцу, отчасти къ Обломову, отчасти тоже къ своей теткѣ, — отношенія, которыя и составляютъ настоящую завязку романа, не смотря на то, что часто негодуешь на ея образъ мыслей, на ея обхождение съ Обломовымъ, которое губитъ окончательно послѣдняго, не смотря на все это, — личность Ольги содержитъ въ себѣ что-то привлекательное, что-то отрадное, и по окончаніи всего романа, эта личность все еще пріятно остается въ памяти читателя, не какъ настоящій типъ, а какъ какое-то видѣніе, доставившее вамъ нѣсколько отрадныхъ минутъ.

Странно одно: чего-то недостаетъ въ этомъ миломъ граціозномъ образѣ. Вы только что обрисовали въ вашемъ воображеніи ея личность и характеръ, — вы убѣдились напрямѣрь, что Ольга не только влюблена въ Обломова, но даже искренно любитъ его, она даже говоритъ ему между прочимъ въ саду, во время своего свиданія съ нимъ: «умрете вы, я буду носить вѣчный трауръ по васъ и никогда болѣе не улыбнусь въ жизни.» И послѣ всѣхъ доказательствъ неподдѣльнаго чувства своего къ Обломову, та же Ольга трунить надъ нимъ, смѣется надъ нѣкоторою его неловкостію. Наконецъ послѣ окончательнаго признанія въ любви Обломова, послѣ ея согласія считать себя его невѣстою, которое она какъ бы подтверждаетъ страстнымъ поцѣлуемъ — послѣ всего этого она противится желанію Обломова идти прямо къ теткѣ и официально проситъ ея руки. Она говоритъ ему, что прежде надо заняться дѣломъ, надо прежде идти въ па-

лату, чтобъ приготовить довѣренность, потомъ заняться квартирой, еще съѣздить въ деревню: тамъ устроить всѣ дѣла, выстроить домъ, завести школу, словомъ—все то сдѣлать, что совѣтовалъ Штольцъ. Такъ что Обломовъ самъ становится въ тупикъ и невольно говоритъ: «какая странная эта Ольга?»

И подлинно странная женщина, а все тому причина философская теорія Штольца, которой она должна подчиниться, которой она должна слѣдовать.

Ольга забылась немного, была нѣкоторое время женщиной, и романъ уже поканчивался и Обломовщина исчезала и теорія Штольца, погибала еще неразъясненной; Ольга знаетъ хорошо нерѣшительный слабый характеръ Обломова, она могла бы теперь помочь ему сама во всѣхъ его дѣлахъ, устроить все, попросить кого-нибудь изъ ея знакомыхъ пособить Обломову, котораго бы она называла женихомъ. Если бы она любила его, она бы поняла, что этимъ она упрочиваетъ его счастье, что для такого нерѣшительнаго лѣниваго характера нѣтъ ничего вреднѣе, какъ нехорошо обозначенное, даже фальшивое, положеніе. Она знаетъ все это, но для дальнѣйшаго развитія романа вовсе не нужно счастье Обломова, потому что Обломовъ не человѣкъ, какъ мы уже сказали, Обломовъ олицетвореніе философской идеи, теоріи, а потому и Ольга не должна быть женщиной, она тоже не должна забывать, что во все время отсутствія Штольца, она обязана замѣнить, олицетворить его теорію.

Требованія Ольги совершенно разстроили Обломова, къ довершенію всего горя, является еще послѣ долгаго отсутствія Тарантьевъ. Это — зловѣщій наставникъ Обломова, который постоянно противудѣйствуетъ добрымъ видамъ Штольца, грабитъ бѣднаго Обломова, и Обломовъ изъ слабости характера и изъ доброты сердечной, понимая хорошо самъ, сколь вредно ему знакомство съ этимъ человѣкомъ, все-таки подчиняется ему и не смѣетъ гласно ему противиться.

Тарантьевъ перевезъ уже все имущество Обломова въ какой-то деревянный домъ на Выборгской сторонѣ къ своей кумѣ, какъ онъ ее называетъ. Эта квартира, по описанію, прежде очень правилась Обломову, онъ наслаждался мысленно уже тою невозмутимую тишиной, которая будетъ постоянно

его окружать въ этой новой квартирѣ и дозволить ему довести свое умѣнье спать, можетъ быть уже за 20 часовъ въ сутки. Правилась она особенно самому Тарантьеву, который уже здѣсь вполне былъ увѣренъ въ своей добычѣ.

Теперь Обломовъ измѣнился, ему болѣе не хочется ѣхать въ эту глушь; ему не то теперь нужно. Нужно хорошенькую, мило убранную квартиру для милой Ольги, думаетъ онъ. Но какъ сказать это все Тарантьеву, — землякъ (такъ онъ его называетъ) ни за что не откажется отъ своего плана. Онъ заключилъ, по порученію Обломова, контрактъ, и этотъ контрактъ подписанъ самимъ Обломовымъ. Деньги уже частію выданы: что дѣлать? приходится Обломову ѣхать на Выборгскую сторону, самому переговорить съ хозяиномъ дома и постараться уничтожить совершенный на три года контрактъ.

Описаніе этого маленькаго домика въ какомъ-то закоулкѣ Выборгской стороны, очень вѣрно. Тутъ вы тотчасъ же узнаете песомѣнный талантъ г. Гончарова.

Агаоля Матвѣвна Пшеницына, хозяйка этого дома, чрезвычайно искусно описана; она живо представляется вамъ съ своимъ свѣжимъ и полнымъ сложеніемъ, съ своимъ пухлымъ и бѣлымъ лицомъ, съ голой шеей и локтями, которые въ особенноти обратили вниманіе Обломова и произвели на него сильное впечатлѣніе.

Пшеницына, добрая, какъ кажется, женщина; она занята исключительно своимъ хозяйствомъ, не имѣетъ никакого образованія, и сознаетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, она совершенно подчиняется своему брату, мелкому чиновнику, господину въ родѣ ходатая по дѣламъ, хитрому, развратному, грязному человѣку, готовому всегда на всякую мерзость, если онъ видитъ въ ней явную выгоду себѣ.

Жизнь семейства Пшеницыныхъ чрезвычайно вѣрно описана; много жизненной правды, а между тѣмъ есть и художественность въ описаніи.

Уничтожить совершенный Тарантьевымъ контрактъ не удалось Обломову, притомъ онъ самъ, мало-по-малу отделяется отъ семейства Ильинскихъ, и если не забываетъ совершенно Ольгу, то по-крайней-мѣрѣ находитъ въ ней много сухаго, много страннаго въ характерѣ, мало слыш-

комъ сердца во всемъ, т. е. сердца не заученнаго, не развитаго философическими теоріями, а простаго, естественнаго, чувства истинно человѣческаго, и мы не смѣемъ упрекнуть въ этомъ Обломова, удивляемся даже, что онъ такъ человѣчно понялъ все это и отдалился отъ этой сухой теоріи жизни.

Но не даромъ Илья Ильичъ переѣхалъ на Выборгскую сторону, не даромъ его такъ плѣнили бѣлыя, пухлыя локти съ ямочками. Все это было устроено для того, чтобы Обломовъ могъ окончателно разъяснить исходъ своей философской теоріи. Онъ забываетъ мало-по-малу прежнюю свою страсть — Ольгу, плѣняется уже совершенно другимъ образомъ хозяйкой своей квартиры, увлекается окончателно этими пухлыми локтями съ ямочкой и пирогомъ съ цыплятами или съ грибами, который готовится по воскресеніямъ и праздни-камъ, и наконецъ рѣшается жениться на вдовѣ Пшеницыной!

Впрочемъ, все это случилось не разомъ, а весьма исподволь. Въ началѣ Обломовъ все еще мечталъ съѣздить въ деревню и тамъ все устроить по совѣту Штольца и Ольги, а потомъ прійти официально сдѣлать свое предложеніе. Нѣкоторыя свиданія съ Ольгою поддерживали еще его страсть. Ольга какъ кажется сама поняла, что несовсѣмъ благоразумно поступила съ Ильей Ильичемъ, что она могла его отдалить отъ себя. Ей хочется поправить дѣло, она кокетничаетъ съ нимъ, назначаетъ ему свиданіе въ лѣтнемъ саду, которое совершенно растроиваетъ Обломова; онъ не знаетъ рѣшительно какъ и чѣмъ объяснить такое странное свиданіе, но рѣшается отправиться въ назначенный часъ въ лѣтній садъ. Тамъ первое удивленіе: онъ по-крайней-мѣрѣ думалъ, что Ольга будетъ съ теткою своею, а она одна пришла къ нему въ три часа, убѣжала изъ дому. Онъ все старается разъяснить себѣ: какимъ образомъ благовоспитанная дѣвушка могла рѣшиться на такой поступокъ. Но Ольга не слушаетъ его, она тащитъ его за собою изъ саду, и проситъ прокатиться съ ней въ лодкѣ. Обломовъ нѣхотя соглашается. Холодъ и вѣтеръ, при томъ боязнь о томъ, что вся эта выходка Ольги будетъ на другой день всѣмъ извѣстна, все это неслыханно тревожитъ Обломова, и онъ спѣшитъ, какъ только можетъ скорѣе, по-

кончить эту прогулку по Невѣ и довести Ольгу на противоположный конецъ лѣтняго сада, гдѣ уже поджидаетъ ее ливрейный лакей. Ольга обижается этою поспѣшностію Обломова. Она замѣчаетъ съ неудовольствіемъ, что холодный вѣтеръ на Невѣ окончательно охолодилъ сердце Ильи Ильича.

Но холодность Обломова только разжигаетъ страсть Ольги. Она не хочетъ вѣрить своему предчувствію, она все еще думаетъ, что Илья Ильичъ страстно влюбленъ, она невольно какъ бы съ радостью объясняетъ его рѣдкія посѣщенія, то болѣзнію его, то тѣмъ что развели мосты.

Ольга уже много измѣнилась во все это время; философскія ея убѣжденія о долгѣ, о цѣли жизни во многомъ стали не прежнія. Она уже не хочетъ требовать отъ Обломова ни поѣздки въ деревню, никакихъ особыхъ приготовленій, она просто ждетъ его къ себѣ въ это воскресенье, чтобъ сказать ему, что теперь болѣе нѣтъ никакихъ препятствій, что ему уже можно прямо объясниться съ теткой, что сегодня же можно будетъ назначить день свадьбы. Она мечтаетъ о томъ, какъ обрадуется Обломовъ при этой вѣсти. И, о ужасъ! Обломовъ не пріѣхалъ. Долго она мучилась, стараясь объяснить себѣ причину, наконецъ заключила, что онъ болѣнъ — и уже спокойнѣе съ рѣшимостію встала утромъ.

Въ тотъ же день она таинственно вышла изъ своего дома съ одной горничной и отправилась къ Обломову.

Илья Ильичъ, совершенно растерялся, — что ему дѣлать, какъ быть? Онъ уже въ это время успѣлъ почти совершенно охладиться къ Ольгѣ. Лѣтняя, первобытная его природа уже стала снова развиваться въ немъ и достигала даже небывалаго апогея. Философія Штольца не могла побѣдить философію Обломова.

Всѣ эти многообразныя фазисы любви, Обломова и Ольги, доставилъ почтенному автору случай выказать нѣсколько разъ свой неподдѣльный талантъ.

Конечно, конецъ второй части и вся третья, есть лучшій отдѣлъ всего романа. Въ глубокомъ анализѣ этой любви Обломова и Ольги, очень много мастерски подмѣченныхъ сторонъ, которыя всегда будутъ живы, потому что онѣ вѣрны. Нѣкоторые разговоры Обломова со своимъ человѣкомъ Заха-

ромъ, котораго онъ хочетъ обмануть, предъ которымъ онъ хочетъ скрыть свою страсть къ Ольгѣ, очень мѣтко ведены.

Хитрая, и вмѣстѣ съ тѣмъ наивная, даже пошлая, улыбка стараго камердинера, слушающаго съ извѣстнымъ почтеніемъ сзоего барина, не лишена настоящаго юмора. Но къ сожалѣнію мы должны и тутъ еще замѣтить, что многое и въ этомъ развитіи страсти Обломова, страсти Ольги въ ея эксцентрическихъ выходкахъ, въ ея пренебреженіи всякихъ общепринятыхъ условій, многое, говоримъ мы, несовершенно естественно, несовершенно правдоподобно, и всему источникъ самая основная мысль романа — желаніе олицетворить созданную авторомъ теорію жизни, а не подмѣтить въ нашей обычной жизни эту теорію.

Почему французскіе классики, весьма не классическаго времени, Расинъ, Корнель, Вольтеръ и многіе ихъ послѣдователи, совершенно утратили ту славу, которою они прежде пользовались? Почему Шекспиръ, напротивъ не понятый, не оцѣненный въ свое время, теперь служитъ всѣмъ народамъ какъ бы идеаломъ?

Расинъ, Корнель и пр., въ подражаніяхъ своихъ греческимъ трагедіямъ, хотѣли тоже олицетворить однѣ страсти. Они не обращали никакого вниманія на человѣка, они только пользовались оболочкою его, чтобъ сдѣлать понятнѣе выставляемую ими страсть. И чтожъ? лица представленныя ими не живутъ, они двигаются, декламируютъ очень громкіе, хорошо построенные стихи, но вмѣстѣ съ тѣмъ они на насъ не имѣютъ никакого вліянія, потому что мы въ нихъ себя не узнаемъ.

Шекспиръ, напротивъ, постоянно разсматриваетъ человѣка, отыскиваетъ въ немъ страсти, развиваетъ ихъ, заставляетъ жить этого человѣка движимаго этою страстью, — и мы невольно раздѣляемъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ его страхъ при видѣ тѣней, мы сочувствуемъ дикой ревности Отелло, мы презираемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимаемъ жадность къ деньгамъ, страсть къ металлу Шейлока. Почему? потому что все это люди, живущіе какъ и мы, хотя въ другомъ вѣкѣ, съ другимъ образованіемъ, съ другими нравами, но все же люди, а не простые философскіе этюды.

Четвертая часть романа несравненно менѣе интересна предъидущихъ. По содержанію своему, это только неизбежный эпилогъ, въ которомъ авторъ устроиваетъ судьбу каждаго изъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ и пародируетъ, какъ обыкновенно это дѣлается провидѣшіе, воздавая каждому по его заслугамъ.

Съ другой стороны, это только исходъ уже обозначенныхъ и развитыхъ философическихъ теорій, выраженныхъ въ лицѣ *Обломова*, *Штольца* и *Ольги*.

Стало быть, эта часть мало можетъ занять читателя.

Для полноты нашего бѣглаго просмотра содержанія романа, скажемъ, что Обломовъ сперва заболѣваетъ отъ всѣхъ многообразныхъ фазисовъ его любви къ Ольгѣ, которая вполнѣ расшатала его нервы. Агаоѣя Матвѣевна Пшеницына постоянно ходила за больнымъ, и еслибы не ея заботы, то можетъ быть Обломовъ бы и не выздоровѣлъ. Все это Илья Ильичъ узналъ послѣ.

Уже съ перваго дня его переѣзда на эту квартиру, локти Агаоѣи Матвѣевны на него имѣли огромное вліяніе; теперь же эта слабость къ локтямъ вдовы Пшеницыной усиливается все болѣе и болѣе. Сама Агаоѣя Матвѣевна, мало по малу и не отдавая даже себѣ отчета, влюбляется въ Илью Ильича.

Постепенность развитія этой страсти простой женщины, болѣе всего занятой своимъ хозяйствомъ, чрезвычайно ловко подмѣчена, неумовѣрно искусно передана. Мы не можемъ лишиться себя удовольствія выписать въ этомъ мѣстѣ хотя страницу или даже двѣ. По нашему мнѣнію, это одно изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ всего романа, потому именно, что тутъ застигнута и понята природа. Здѣсь не вымыселъ, а истина, притомъ очерченная художникомъ.

«Постепенная осадка дна морскаго, осыпанье горъ, наносный илъ, съ прибавкой легкихъ вулканическихъ взрывовъ, все это совершилось всего болѣе въ судьбѣ Агаѣи Матвѣевны, и никто, всего менѣе она сама, не замѣчалъ это. Это стало замѣтно только по обильнымъ, неожиданнымъ и безконечнымъ послѣдствіямъ.»

«Отчего она съ нѣкоторыхъ поръ стала, сама не своя? Отчего прежде, если поджоритъ жаркое, переварится рыба

въ ухѣ, не положится зелени въ супъ, она строго, но съ спокойствіемъ и достоинствомъ сдѣлаетъ замѣчаніе Акулинѣ и забудетъ, а теперь, если случится что-нибудь подобное, она выскочитъ изъ-за стола, побѣжитъ на кухню, осыплетъ всею горечью упрековъ Акулину и даже надуется на Анисью, а на другой день присмотритъ сама, положена ли зелень, не переварилась ли рыба. Скажутъ, можетъ быть, что она совѣстится показаться неисправною въ глазахъ посторонняго чело-вѣка въ такомъ предметѣ, какъ хозяйство, на которомъ сосредото-чивалась ея самолюбіе и вся ея дѣятельность? Хорошо. А по-чему прежде, бывало съ восьми часовъ вечера, у ней спаюются глаза, а въ девять, уложивъ дѣтей и осмотрѣвъ, потушены ли огни на кухнѣ, закрыты ли трубы, прибрано ли все, она ложится — и уже никакая пушка не разбудитъ ее до шести часовъ? Теперь же, если Обломовъ поѣдетъ въ театръ или засидится у Ивана Гарасимовича и долго не ѣдетъ, ей не спится, она ворочается съ боку на бокъ, крестится, взды-хаетъ, закрываетъ глаза — нѣтъ сна, да и только. Чуть за-стучать на улицѣ, она поднимаетъ голову, иногда вскочитъ съ постели, отворитъ форточку и слушаетъ, не онъ ли. Если застучать въ ворота, она накинетъ юбку и бѣжитъ въ кух-ню, расталкиваетъ Захара, Анисью и посылаетъ отворить ворота. Скажутъ, можетъ быть, что въ этомъ выказывается добросовѣстная домохозяйка, которой не хочется, чтобъ у ней въ домѣ былъ беспорядокъ, чтобъ жилецъ ждалъ ночью на улицѣ, пока пьяный дворникъ услышитъ и отопретъ, что, наконецъ, продолжительный стукъ можетъ перебудить дѣ-тей.... Хорошо. А отчего, когда Обломовъ сдѣлался болѣнъ, она никого не впускала къ нему въ комнату, устлала ее вой-локами и коврами, завѣсила окна и приходила въ ярость, она такая добрая и кроткая, если Ваня или Маша чуть вскрик-нуть или громко засмѣются? Отчего по начамъ, не надѣясь на Захара и Анисью, просиживала у его постели, не спу-ская съ него глазъ, до ранней обѣдни, а потомъ, накинувъ салопъ и написавъ крупными буквами на бумажкѣ «Илья», бѣ-жала въ церковь, подавала бумажку въ алтарь помянуть за здравіе, потомъ отходила въ уголь, бросалась на колѣни и долго лежала, припавъ головой къ полу, потомъ послѣшно

шла въ рынокъ и съ боязнію возвращалась домой, взглядывала въ дверь и шопотомъ спрашивала у Анисьи «что?» Скажутъ, что это ничего больше, какъ жалость, состраданіе, господствующіе элементы въ существѣ женщины. Хорошо. Отчего же, когда Обломовъ, выздоравливая, всю зиму былъ мраченъ, едва говорилъ съ ней, не заглядывалъ къ ней въ комнату, не интересовался, что она дѣлаетъ, не шутилъ, не смѣялся съ ней — она похудѣла, па нее вдругъ палъ такой холодъ, такая нехоть ко всему: мелеть она кофе — и не помнитъ, что дѣлаетъ, или наладетъ такую пропасть цикорія, что пить нельзя — и не чувствуетъ, точно языка нѣтъ. Не доваритъ Акулина рыбу, разворчатся братецъ, уйдутъ изъ-за стола: она, точно каменная, будто и не слышитъ. Прежде, бывало, ея никто не видалъ задумчивой, да это и не къ лицу ей: все она ходитъ да движется, не все смотритъ зорко и все видитъ, а тутъ вдругъ, со ступкой на колѣпяхъ, точно заснетъ и не двигается, потомъ вдругъ такъ начнетъ колотить пестикомъ, что даже собака залаетъ, думая, что стучатся въ ворота. Но только Обломовъ ожилъ, только появилась у него добрая улыбка, только онъ началъ смотрѣть на нее, по прежнему, ласково, заглядывать къ ней въ дверь и шить — она опять пополнѣла, опять хозяйство ея пошло живо, бодро, весело, съ маленькимъ оригинальнымъ отгѣнкомъ: бывало, она движется цѣлый день, какъ хорошо устроенная машина, стройно, правильно, ходитъ плавно, говоритъ ни тихо, ни громко, намелеть кофе, наколетъ сахару, просѣетъ что-нибудь, сядетъ за шитье, игла у ней ходитъ мѣрно, какъ часовая стрѣлка; потомъ она встанетъ не суетясь; тамъ остановится на полдорогѣ въ кухню, отворитъ шкафъ, вынетъ что-нибудь, отнесетъ — все какъ машина. А теперь, когда Илья Ильичъ сдѣлался членомъ ея семейства, она и толчетъ и сѣетъ иначе. Свои кружева почти забыла. Начнетъ шить, усядется покойно, вдругъ Обломовъ кричитъ Захару, чтобъ кофе подавалъ — она, въ три прыжка, является въ кухню и смотритъ во всѣ глаза такъ, какъ будто прицѣпляется во что-нибудь, схватить ложечку перельетъ на свѣту ложечки три, чтобъ узнать, уварился-ли, отстоялся-ли кофе, не подали бы съ гущей, посмотритъ, есть-ли пѣнки

въ сливкахъ. Готовится-ли его любимое блюдо, она смотритъ на кастрюлю, поднимаетъ крышку, понюхаетъ, отвѣдаетъ, потомъ схватитъ кастрюлю сама и держитъ на огнѣ. Третью ли миндаль, или толчетъ что-нибудь для него, такъ третъ и толчетъ съ такимъ огнемъ, съ такой силой, что ее броситъ въ потъ. Все ея хозяйство, толченье, глаженье, просѣванье и т. п. — все это получило новый, живой смыслъ: покой и удобство Ильи Ильича. Прежде она видѣла въ этомъ обязанность, теперь это стало ея наслажденіемъ. Она стала жить по своему, полно и разнообразно. Но она не знала, что съ ней дѣлается, никогда не спрашивала себя, а перешла подъ это сладостное иго безусловно, безъ сопротивленій и увлеченій, безъ трепета, безъ страсти, безъ смутныхъ, неясныхъ намековъ, предчувствій, томленій, безъ игры и музыки нервъ. Она какъ-будто бы вдругъ перешла въ другую вѣру и стала исповѣдывать ее, не рассуждая, что это за вѣра, какіе догматы въ ней, а слѣпо повинаясь ея законамъ. Это какъ-то легло на нее само собой, и она подошла точно подъ тучу, не пятясь назадъ и не забѣгая впередъ, а подлюбила Обломова просто, какъ будто простудилась и схватила неизлечимую лихорадку. Она сама и не подозрѣвала ничего: еслибъ это ей сказать, то это было бы для нея новостію — она бы усмѣхнулась и застыдилась. Она молча приняла обязанности въ отношеніи къ Обломову, выучила физиономію каждой его рубашки, сосчитала протертые пятки на чулкахъ, знала, какой ногой онъ встаетъ съ постели, замѣчала когда хочетъ сѣсть ячмень на глазу, какого блюда и по сколько сѣдаетъ онъ, веселъ онъ или скученъ, много спалъ или нѣтъ, какъ будто дѣлала это всю жизнь, не спрашивая себя, зачѣмъ, что такое ей Обломовъ, отчего она такъ суетится. Еслибъ ее спросили, любить ли она его, она бы опять усмѣхнулась и отвѣчала утвердительно, но она отвѣчала бы такъ и тогда, когда Обломовъ жилъ у нея всего съ недѣлю.»

Склонность Обломова къ вдовѣ Пшеницыной, и полногрудой вдовы къ Обломову — скоро замѣчены братомъ Агаѳей Матвѣевны, о которомъ мы уже упомянули какъ о величайшемъ мошенникѣ. Онъ придумываетъ извлечь изъ этого случая себѣ выгоду, пугаетъ Обломова тѣмъ, что слухи уже

носятся вездѣ о его страсти къ сестрѣ, что эти слухи даже много вредятъ его сестрѣ, что уже сватался какой-то богатый купецъ и потомъ отказался, узнавъ о близкихъ сношеніяхъ Обломова со вдовою Пшеницыной. Обломовъ очень хорошо знаетъ, что всѣ эти слухи невѣрны, но онъ — чрезвычайно скромнаго трусливаго характера, онъ не знаетъ какъ и чѣмъ поправить дѣло. Братъ вдовы подсовываетъ ему въ это время бумагу, прося его подписать заемное письмо въ 10 т. р., и обѣщаетъ теперь все устроить, просить даже болѣе не беспокоиться.

Дѣло обдѣлано весьма ловко, но мы никакъ не понимаемъ какъ Обломовъ могъ попасться на эту ловушку? Еще нѣкоторое время — и Тарантьевъ со своимъ другомъ, Иваномъ Матвѣевымъ, братомъ вдовы, совершенно бы раззорилъ бѣднаго Обломова. Илья Ильичъ опять уже впалъ въ свою первобытную апатію и сонно подчиняется всякому вліянію, лишь бы оно не заставляло его сбросить старый изодранный халатъ и измѣнить тихій, сонный образъ жизни.

Тутъ возвращается Штольцъ изъ-за границы, онъ узнаетъ всѣ дѣла Обломова, тотчасъ же старается устроить ихъ по возможности, беретъ имѣніе Обломова въ аренду на нѣсколько лѣтъ, объясняетъ ему, что его обманывали, выгоняетъ и Мухоярова, брата вдовы, и Тарантьева, хочетъ увезти и самого Обломова изъ его квартиры, но на это послѣдній никакъ не соглашается.

Штольцъ уже въ это время женатъ и женатъ на Ольгѣ. Обломовъ слышитъ эту вѣсть нѣсколько смущенный, но онъ радъ и за Ольгу, и за Штольца, онъ чувствуетъ, что она была не по немъ.

Штольцъ, устроивъ такимъ образомъ дѣла Обломова, освободивъ его отъ его грабителей, самъ уѣзжаетъ съ женою своею на южный берегъ Крыма.

На пять лѣтъ такимъ образомъ разстались снова оба друга. Штольцъ со своею женою на берегу моря, на своей маленькой дачѣ, разросшейся плющемъ и виноградомъ, они пользуются счастіемъ жизни на точныхъ основаніяхъ своей философіи.

Обломовъ все на Выборгской сторонѣ, лѣниво спитъ,

ѣсть, слѣдить за движеніемъ локтей Агаонъ Матвѣевны, и наконецъ даже рѣшается жениться на ней.

Черезъ пять лѣтъ прїѣзжаетъ Штольцъ въ Петербургъ, отыскиваетъ Обломова, и послѣдній сначала даже *не смѣетъ признаться въ томъ, что онъ женатъ, что у него есть уже даже сынъ (?)* Конечно, въ концѣ разговора, онъ открываетъ всю истину своему другу Штольцу, и Штольцъ, измѣнившись въ лицѣ при этой вѣсти, можетъ только *прошептать* «погибъ.» Возвращается Штольцъ къ Ольгѣ, она спрашиваетъ у него вѣстей объ Обломовѣ, хочетъ ѣхать сама навѣститъ его, но Штольцъ отвѣчаетъ *«нельзя!»*

— Чтожь тамъ дѣлается? съ испугомъ спрашивала Ольга: — развѣ *«бездна открылась?»* Скажешь ли ты мнѣ?

Онъ молчалъ.

— Да что такое тамъ происходитъ?

— Обломовщина! мрачно отвѣчалъ Андрей и на дальнѣйшіе распросы Ольги хранилъ до самаго дома угрюмое молчаніе.

Обломовъ, отъ усленнаго сна и постоянной лѣни, нажилъ себѣ припадки паралича. Отъ перваго у него отнялась лѣвая нога, отъ втораго — онъ умеръ.

Разъ какъ-то Штольцъ, идя съ прїятеlemъ своимъ, *литераторомъ*, по Выборгской сторонѣ, замѣтилъ въ числѣ нищихъ, стоящихъ на помосткахъ у церкви, одного старика. Это былъ Захаръ. Одряхлѣвъ отъ годовъ и лишившись всякой возможности получить себѣ мѣсто при комъ-либо, онъ сталъ жить подаеніемъ. Горькая участь: Штольцъ предлагаетъ взять его къ себѣ и увезти въ деревню, но Захаръ предпочитаетъ бродяжничать, пить и просить подаеніе, но не отходить отъ могилы Ильи Ильича, его барина.

Литераторъ, удивленный этою любовью стараго слуги къ своему господину, спрашиваетъ Штольца про Обломова и про его судьбу.

— Погибъ, пропалъ ни за что. А былъ не глупѣе другихъ, душа чиста и ясна какъ стекло. Благороденъ, вѣрепъ, — а погибъ!

— Отчего же? какаѣ причина?

— Причина... какая причина! *Обломовщина!* сказалъ Штольцъ.

— Но что это такое Обломовщина? спрашиваетъ въ недоумѣніи литераторъ.

Мы считаемъ своимъ долгомъ здѣсь искренно признаться, что, дочитывая послѣднюю страницу романа Обломова, мы совершенно раздѣляли недоумѣніе этого литератора, касательно настоящаго значенія слова *Обломовщина*. Наше любопытство заставило даже долго обдумывать смыслъ этого слова, и отыскивать для него какого-нибудь болѣе точнаго опредѣленія. Но мы до-сихъ-поръ видимъ только въ этомъ словѣ названіе какой-то философской теоріи, по которой жилъ и дѣйствовалъ Илья Ильичъ Обломовъ. Теорія, имѣющая, какъ и всѣ такія теоріи, очень много правильныхъ, вѣрныхъ основъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ много ложныхъ или преувеличенныхъ положеній, отъ развитія которыхъ естественно зависѣлъ не всегда разумный образъ мысли и дѣйствія Илья Ильича Обломова. Но въ такомъ случаѣ, почему же, почтенный авторъ не называетъ систему Штольца, во всемъ противоположную системѣ Обломова, и которая, какъ намъ кажется, несравненно окончательнѣе имъ была развита,— почему онъ не называетъ ее тоже *Штольцовщиной*? Названіе это, конечно, въ музыкальности уступить во многомъ названію *Обломовщина*, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, намъ кажется, что система Штольца скорѣе заслуживала такое генерическое названіе, какъ болѣе сродная человѣчеству. Эта самоувѣренность Штольца, во всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, этотъ холодный взглядъ на всю жизнь и на все человѣчество, какъ на какую-то громадную паровую машину, которая постоянно въ движеніи своемъ должна достигать своей матеріальной цѣли, — всѣ эти качества несравненно болѣе распространены, несравненно болѣе общи всѣмъ намъ.

Сколько такихъ людей какъ Штольцъ стараются всегда дѣйствовать подъ руководствомъ одного своего разума? Сколько въ особенности такихъ, которые воображаютъ о себѣ это и картинно рисуются своимъ разумно-практическимъ направлениемъ. Это скорѣе порокъ нашего общества, чѣмъ

лѣнивая безпечная теорія Обломова, которая исчезаетъ все болѣе и болѣе и скоро сама по себѣ уже скроется. Мы растратили уже давно нашу наивность, наше простодушіе, безъ чего эта теорія не можетъ жить.

Да не подумаютъ однако, что мы бы желали поставить на пьедесталь убѣжденія, образъ жизни Илья Ильича, и возвести Обломова до идеала счастливаго и полезнаго для общества человѣка, мы очень хорошо знаемъ всѣ недостатки этой безпечной, лѣнивой жизни, но не можемъ не сказать при этомъ, что теорія Штольца намъ еще менѣе по сердцу. Этотъ холодный расчетъ во всемъ, даже въ ощущеніяхъ сердечныхъ, какъ-то странно неприятно отзывается. Въ человѣкѣ не одно только тѣло—есть и душа; въ правильномъ соотношеніи постояннаго удовлетворенія, какъ матеріальныхъ такъ и душевныхъ потребностей человѣка, и состоитъ его настоящее счастье. Такъ же точно, какъ трудно себѣ представить счастье на землѣ, безъ удовлетворенія настоящихъ матеріальныхъ потребностей, также точно невозможно настоящее счастье, когда душа будетъ вполне подчинена одному благу тѣла.

Почтенный авторъ самъ сознается, какъ кажется, въ этой истинѣ. Онъ нѣсколько разъ, въ своемъ романѣ, старался обозначить, и у Штольца и у Ольги, душевныя, сердечныя побужденія, которыхъ удовлетвореніе могло бы доставить имъ истинное счастье. Но въ то же время, сколько разъ ему пришлось уничтожить однимъ взмахомъ пера эти душевныя качества, для того, чтобъ довести свой романъ до предназначенной цѣли.

Еслибъ Штолецъ былъ истинный другъ Обломова и человѣкъ чувствующій, что такое истинная дружба, — онъ бы не покидалъ такъ часто своего друга въ самыя критическія минуты. Онъ не довольствовался бы наводнять его пышными, можетъ быть весьма глубокомысленными, философическими изреченіями, а скорѣе постарался бы ему на дѣлѣ доказать свою дружбу, направивъ его на путь истины. Онъ бы не довольствовался просто растолкать соннаго Обломова и поставить его на время на поги. Онъ бы остался при немъ во все время, пока его присутствіе было необходимо для его друга;

онъ бы пожертвовалъ своими матеріальными выгодами, своими дѣлами, старался бы приучить Обломова къ этой новой жизни, чтобъ отдалить его отъ его прежней сонной жизни, которую онъ называетъ Обломовщиной, чтобъ тотъ и не подумалъ вернуться къ ней. И тогда, когда уже онъ убѣдился бы, что Обломовъ крѣпко стоитъ на своихъ ногахъ, тогда онъ могъ бы его оставить и приняться за свои дѣла.

Но тогда Штольцъ былъ бы человѣкомъ живымъ, чувствующимъ, но не былъ бы уже олицетвореніемъ простой философской теоріи.

Ольга съ своей стороны, еслибы истинно любила сердце Обломова, никогда не *придумала бы* послѣ этого чуднаго свиданья въ рошѣ, когда она дала Обломову вѣтку сирени, когда неволью вырвалось у обоихъ признаніе въ обоюдной любви — потребовать отъ Обломова устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, поѣздки въ деревню, постройки дома и т. п., прежде чѣмъ сдѣлать офіціальное предложеніе, прежде чѣмъ сказать объ этомъ ея теткѣ. Она бы хорошо поняла, что Обломовъ слишкомъ безпеченъ по характеру, слишкомъ лѣнивъ, слишкомъ сонливъ по природѣ, чтобъ все это устроить скоро и безъ постоянного понуканія, она бы пожелала сама, чтобъ именно въ этихъ занятіяхъ, и постоянно подъ ея надзоромъ, Обломовъ, будучи уже ея мужемъ, переродился, нашелъ бы удовольствіе, отраду въ этой полезной дѣятельности. Но опять, Ольга была бы тогда живая женщина, — женщина съ сердцемъ, женщина, взятая изъ нашей обыденной жизни, хотя рѣдкая конечно по своимъ качествамъ, но все же существующая между нами. Почтенный же авторъ, желалъ, какъ кажется намъ, представить совершенно другое. Ему хотѣлось показать намъ такую женщину, которая никогда не существовала, которая все дѣйствуетъ на основаніи принятыхъ ею философскихъ основаній.

Теперь, разобравъ, такимъ образомъ, все содержаніе новаго романа *г. Гончарова*, мы позволимъ себѣ отвѣтить на предложенныя нами, въ самомъ началѣ этой статьи, нѣкоторыя требованія для осуществленія идеальнаго, по нашему же понятію, романа нравовъ. Прежде всего, намъ нужно вы-

сказать наше мнѣніе о томъ, возможны ли выставленные типы этого романа и современны ли они?

На этотъ вопросъ, мы, кажется, уже достаточно отвѣтили во всей нашей статьѣ: объяснивъ довольно подробно, что типы Обломова, Штольца, Ольги — вообще неправдоподобны. Нѣкоторыя качества, нѣкоторые недостатки каждаго лица — существуютъ непремѣнно въ человѣчествѣ, но существованіе чертъ въ такомъ совокупленіи и въ такомъ развитіи, намъ кажется — не совсѣмъ естественнымъ. Еще Обломовъ можетъ быть признанъ за типъ степнаго помѣщика стараго времени, но въ то-же время жизнь его въ Петербургѣ поэтому дѣлается страннымъ, или весьма-рѣдкимъ исключеніемъ, которое лишаетъ его всякого права на типичность.

Штолецъ тоже, сынъ управителя, нажившаго своими торговыми оборотами (какими?) — довольно-значительное состояніе, со своимъ практическимъ взглядомъ на жизнь, разбѣзжающій по чужимъ краямъ, отчасти чтобъ учиться, отчасти чтобъ погулять, а отчасти чтобъ увеличить свое состояніе; потомъ отправляющійся на южный берегъ Крыма съ молодою женою, покупающій тамъ дачу и живущій въ этомъ благословенномъ климатѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не изъ чисто-меркантильныхъ видовъ, цѣлыхъ пять лѣтъ, потомъ еще разъ переселяющійся въ Петербургъ, вѣчно занятый своими дѣлами и вѣчно философствующій со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Все это, конечно, не типъ, а только исключеніе, и исключеніе до того рѣдкое, что оно во многихъ случаяхъ можетъ быть неправдоподобно.

Теперь— Ольга, дѣвушка молодая, довольно умная, довольно начитанная, съ горячимъ пылкимъ сердцемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ холоднымъ разумомъ, начиненнымъ разнородными философскими умствованіями, которыя подчиняютъ вполне это пылкое сердце своимъ положеніямъ. При этомъ, дѣвушка рѣшающаяся покинуть свой домъ, отправиться прежде на свиданіе въ лѣтній садъ, потомъ и въ самую квартиру Обломова. Она живетъ у своей тетки, но кто эта тетка?— пожилая, добрая женщина, говорятъ намъ. Но этого недоста-

точно. Откуда она,—почему она живетъ лѣтомъ на дачѣ, почему она имѣетъ довольно большое состояніе, почему этотъ Штольцъ, другъ дома и такъ близокъ, даже безцеремоненъ въ этомъ домѣ? Почему, почти съ перваго разу, при первомъ знакомствѣ съ Обломовымъ, такъ ухаживаютъ всѣ за нимъ, словно уже прочать его въ женихи? Почему и на какомъ основаніи, Ольга съ перваго же дня готѣва остаться наединѣ съ едва знакомымъ ей человѣкомъ, пойти съ нимъ гулять словомъ, кто эта Ольга? дочь ли помѣщика, чиновника, купца? У насъ, до сихъ поръ, въ Россіи всѣ сословія отдѣляются довольно рѣзкими чертами. Этихъ чертъ никакъ не должно опускать изъ виду искусство. Всѣ эти промахи или недостатки, не уничтожая многого, что граціозно, что чрезвычайно мило, привлекательно въ личности Ольги, лишаютъ ее вполне возможности быть типомъ.

Мы впрочемъ убѣждены, что г. Гончаровъ даже не былъ намѣренъ обрисовать рядъ живыхъ типовъ; онъ предпочтительно желалъ передать въ живой формѣ романа нѣкоторыя свои философскія убѣжденія, олицетворить ихъ и въ этомъ онъ вполне достигъ своей цѣли. Но романъ нравовъ необходимо нуждается въ этихъ современныхъ, въ этихъ естественныхъ типахъ, почерпнутыхъ изъ настоящей обыденной жизни, а потому въ самомъ романѣ этотъ недостатокъ долженъ непремѣнно чувствоваться. Мы потому еще болѣе считаемъ за собою право предположить, что почтенный авторъ, навѣрно не позаботился о естественности этихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, что мы въ тоже время искренно восхищались върностію и яркостію правдивыхъ причинъ въ очертаніяхъ и обрисовкахъ прочихъ, болѣе второстепенныхъ, типовъ этого же романа. Такъ напримѣръ, личность Захара прямо врѣзывается въ вашей памяти своимъ оригинальнымъ юморомъ, своею самобытностію. Также точно, личность Агафьи Матвѣевны, образъ жизни ея, образъ мыслей, все это необыкновенно вѣрно подмѣчено, все это описано рукою истиннаго художника. Даже братъ этой вдовы, хотя очерченный только пѣсколькими строками, ярко рисуется предъ вами. Одинъ Тарантьевъ немного преувеличенъ, какъ намъ кажется, и это мы объясняемъ тою ролюю, которую

онъ долженъ играть въ самой драмѣ, вслѣдствіе чего и онъ долженъ на время потерять свою естественность.

На второй нашъ вопросъ, художественно ли выработано все произведеніе, намъ кажется даже не умѣстнымъ отвѣчать. Талантъ г. Гончарова, какъ писателя, истинный, не поддѣльный и самобытный, давно уже извѣстенъ всѣмъ и каждому. Мѣсто его въ ряду нашихъ первокласныхъ писателей давно уже ему назначено общимъ голосомъ всей Россіи.

Нѣсколько словъ, отъ насъ, въ похвалу этимъ качествамъ истиннаго художника — могли бы показаться какъ бы извиненіемъ, предлагаемымъ только нами за высказанныя нѣкоторыя убѣжденія, а мы желаемъ избѣгнуть этого подозрѣнія. Мы хотѣли высказать искренне, правдиво наше мнѣніе, и полагаемъ, что этимъ только исполнили свой долгъ. Многіе можетъ быть не согласятся съ нами въ нѣкоторыхъ нашихъ положеніяхъ. Конечно, всякому суждено ошибаться, но потому-то и необходимо всегда высказывать искреннюю правду, и эта правда — мы убѣждены — всегда отличится отъ злословія.

М. В.

Кораллово. 5 іюня 1859 г.

HISTOIRE DES RÉVOLUTIONS D'ITALIE OU GUELFES ET GIBELINS,
par J. Ferrari. 4 vol. Paris. 1858.

Древняя Греція передала часть своей цивилизаціи желѣзному Риму. Трудно принялась она на этой почвѣ, назначенной питать могучее дерево всемірной монархіи. Квириты, воспитанные на суровыхъ началахъ первыхъ временъ республики, преданные вполнѣ завоевательной системѣ, не понимали ни прелести греческаго генія, ни красоты античныхъ формъ, ни жизненности государственныхъ началъ Аттіки.

Въ послѣдствіи времени, когда безпрестанныя побѣды собрали несмѣтные богатства въ стѣны вѣчнаго города, когда республика издыхала въ рукахъ талантливыхъ честолюбцевъ — граждане познакомились со всей роскошью Востока, со всей изящной внѣшностью Греціи, они приняли языкъ ея за языкъ высшаго общества, они изучали греческую философію, восхищались греческими поэтами, но не могли достигнуть гармоническаго, всесторонняго развитія жителей древней Эллады.

Суровый духъ основателей Рима, казалось, все еще таился въ сердцахъ ихъ развращенныхъ потомковъ. Невѣжественная чернь съ жадностью стремилась въ амфитеатры смотрѣть на невинныхъ жертвъ, раздираемыхъ звѣрями, наслаждаться боемъ гладіаторовъ.

Римъ палъ отъ роскоши, говорили многіе историки, — можно прибавить: отъ роскоши нѣкоторыхъ и отъ бѣдности всѣхъ остальныхъ! Съ Августа начинается рядъ императоровъ, которые постепенно убили демократическій элементъ древней республики, систематически развратили гражданъ и для поддержки себя собрали буйныя толпы преторіанцевъ.

Никакого сильнаго нравственнаго начала не было въ сердцахъ Римлянъ время Имперіи. Мужество ихъ упало; интрига, лесть, подкупы сдѣлались единственными средствами для достиженія высшихъ мѣстъ; мятежное войско располагало престоломъ. Съ тупымъ равнодушіемъ принимали граждане императоровъ, которыхъ имъ давали войска, и лили за нихъ кровь свою, не помышляя ни о приобрѣтеніи новыхъ правъ, ни объ утвержденіи старыхъ.

Языческая философія внушала имъ только презрѣніе къ смерти, и лучшіе люди римской имперіи хладнокровно убивали себя. Никто не думалъ о тѣхъ правилахъ паганства, которыя требовали постоянной борьбы за истину и возводили защитниковъ ея на степень полубоговъ.

Но въ то время, когда языческая философія оказалась несостоятельною, явилось новое ученіе, ученіе любви и братства, оно говорило сердцу, а не разуму; оно было понятно массамъ, и равняло ихъ съ знатнѣйшимъ патриціатомъ вселенной; оно рождало непобѣдимую энергію и вскорѣ легіоны мучениковъ запечатлѣли своей кровью истину индивидуальнаго начала. Такимъ образомъ еще въ нѣдрахъ имперіи зародился тотъ дуализмъ, на основаніи котораго предстояло развиться Италіи.

Власть императоровъ, соединившихъ въ себѣ высшее значеніе свѣтское и духовное, непремѣнно должна была столкнуться съ новой религіей, которая торжество духа ставила на первомъ мѣстѣ, освобождала совѣсть изъ-подъ опеки свѣтской власти и потрясала старое общество въ важнѣйшихъ его основахъ.

Время появленія новой религіи было самое удобное для пропаганды: умъ человѣческій, обуреваемый языческимъ скептицизмомъ, блуждалъ безъ опоры; современное положеніе вещей было слишкомъ тяжело, чтобъ сострадательное сердце не чувствовало бѣдствій ближняго; вся прелесть классическаго паганства пропала, и на мѣсто его явились туманныя толкованія неоплатонизма, непонятныя для массы. Какъ всегда, послѣ сильнаго сомнѣнія наступила реакція; всѣ бросились въ мистицизмъ, а христіанство какъ нельзя болѣе

удовлетворяло этой потребности. Вме́стѣ съ тѣмъ оно было ученіе прогрессивное, выражающее идеи, которыя до тѣхъ поръ смутно ощущало общество.

Итакъ въ первые вѣка христіанства являются два начала: одно отживающее, языческое, поддерживаемое императорами; другое новое, христіанское, твердое истинною.

Мечъ императоровъ переломился предъ живымъ словомъ, пассивное мужество жертвъ утомило палачей; Константинъ понялъ жизненность началъ христіанства, и оно сдѣлалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ имперіи.

Въ рукахъ императора соединилась высшая власть свѣтская и духовная, потому что ему были подчинены главы церкви.

Идея имперіи тождественна съ идеей единства, древній Римъ такъ и понималъ ее, стремясь ко всемірной монархіи. Но, съ другой стороны, законами природы опредѣлено низшимъ разрядамъ стремиться къ уравниенію съ высшими, къ развитію національности и личности.

Повинуясь этому неотразимому опредѣленію, разныя націи римской имперіи при всякомъ удобномъ случаѣ заявляли свою національность.

Римъ сознавалъ законность этихъ требованій, давая право гражданства покореннымъ народамъ; но по мѣрѣ того, какъ провинціи становились драгоцѣннѣе для императоровъ, составляя настоящій источникъ ихъ силы, значеніе Рима упадало; онъ сдѣлался городомъ преданія, центромъ, живущимъ на счетъ подвластныхъ ему земель.

Чувствуя всю чудовищность такой централизаціи, римскіе императоры рѣшились ослабить ея дѣйствіе раздѣленіемъ имперіи. Потребность въ этомъ была такъ сильна, что самый Константинъ, соединивъ подъ власть свою всю имперію, черезъ короткое время принужденъ былъ раздѣлить ее.

Итакъ въ лицѣ императора выражались два противоположныя направленія единства и разъединенія, преданія и прогресса. Естественно, что, сочувствуя одному, онъ отрицалъ другое; представитель обоихъ — онъ не могъ въ одно и

тоже время развивать их; иногда онъ склонялся на сторону преданія, иногда на сторону прогресса — отсюда непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ императоровъ: одни приносили все въ жертву Риму, другіе Римомъ жертвовали провинціямъ; всякій дѣйствовалъ сообразно личному своему характеру; этимъ объясняются и варварства кесарей, и покушеніе правителей отдѣльныхъ областей на престолъ. Намъ кажется, г. Феррари ошибается, предполагая, что Калигула, Неронъ и Коммодъ были демократы, нововводители. Всѣ выходки ихъ происходили отъ разнузданной фантазіи, отъ самопоклоненія, а не отъ какой-нибудь опредѣленной политической цѣли. Если выходки ихъ нравились народу, то потому, что давали ему *«хлѣбъ и зрѣлища»* и пріучали къ праздности.

Со введеніемъ христіанства свѣтская власть императоровъ должна была пошатнуться, но ее подкрѣпило духовенство: однако въ скоромъ времени ереси начали подкапываться и подъ власть духовную. Императорамъ надо было поддержать ее, и они вполне предалися богословскимъ спорамъ. Въ это время Римъ началъ возвращать отчасти свое прежнее значеніе, потерянное со времени перенесенія столицы въ Византію.

Римскій первосвященникъ возвысился при защитѣ Рима отъ нападений варваровъ, постоянно стремившихся въ Италію, но тѣмъ не менѣе тогдашнее положеніе вещей возвысило Миланъ и Равенну, два центра враждебные Риму. Наконецъ возникаетъ королевство Одоакра, потомъ Теодорика. Но оба они были поборниками прошедшаго до такой степени, что требовали утвержденія своихъ завоеваній отъ византійскаго двора. Это ставило ихъ въ ложное положеніе: ариане по вѣрѣ, они принуждены были подчиняться эдиктамъ папъ и соборнымъ опредѣленіямъ, которыя осуждали арианство. Хотя гоненіе на него во владѣніяхъ готскихъ королей никогда не доходило до положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе оно существовало въ теоріи (*de jure*).

За королевствомъ Готскимъ слѣдуетъ Лонгобардское, и въ нѣдрахъ Италіи оказываются новые признаки разложенія. «Королевство возвышается единствомъ, монархіей, военной

аристократіей — напротивъ того Римъ развивается свободой и идеями. Это республика общественная (*sociale*) и религиозная» (Ferrari t. 1 p. 41).

Естественнымъ образомъ между ними должна была возникнуть борьба. Она кончилась паденіемъ королевства, торжествомъ римской федераціи и договорами Пепина и Карла Великаго.

Но уничтоженіе королевства Лонгобардовъ не уничтожило противоположныхъ началъ. Нашествіе варваровъ образовало военные центры, Павію, Туринъ и другіе постоянно враждебные римскимъ городамъ; Византія имѣла Равенну, Неаполь и Капую. Венеція развивалась самостоятельно, хотя византійскій элементъ былъ въ ней преобладающимъ. Г. Феррари полагаетъ всю Италію въ папствѣ и имперіи; союзъ ихъ составляетъ счастье полуострова; все, что выходитъ изъ папства и имперіи, — оппозиція, переходное состояніе, несчастіе. Основываясь на этомъ, онъ видитъ краеугольный камень итальянскаго благоденствія въ договорѣ Карла Великаго съ папою. «Папа и императоръ, говоритъ онъ, оба — созданія итальянскихъ революцій. Италія — престолъ, залогъ, жизнь папы и императора; въ этомъ ея слава и преимущество предъ другими націями; онѣ повинуются военнымъ королямъ — она же имѣетъ двухъ властителей: одного безоружнаго, другого отсутствующаго, и остается землей непрерывныхъ революцій» (Ferrari t. 1 p. 128).

На всѣ эти революціи авторъ смотритъ съ точки зрѣнія фаталиста. Можетъ быть, онъ и правъ, но мы предпочитаемъ точку зрѣнія исторической философіи.

Римскій архіепископъ, вслѣдствіе перенесенія столицы на востокъ и иконоборской ереси, увеличилъ свое значеніе. Поставленный обстоятельствами въ необходимость защищать интересы Италіи, онъ приобрѣлъ огромное вліяніе на народъ и сдѣлался представителемъ единства духовнаго, какъ императоръ былъ представителемъ единства политическаго.

Возможенъ-ли былъ союзъ ихъ, когда папа становился владѣтельнымъ княземъ, а императоръ захватывалъ себѣ духовныя права? Разумѣется, нѣтъ! Между ними должны

были безпрестанно случаться столкновения. Когда же объ власти соединялись въ одномъ лицѣ, прогрессъ былъ возможенъ, но всегда въ ущербъ какому-нибудь изъ этихъ началъ.

Намъ кажется, этотъ договоръ императора съ папою послужилъ источникомъ бѣдствій Италіи. Едва начинала она развиваться, какъ приходила въ столкновение съ интересами котораго-нибудь изъ единствъ и возбуждала реакцію. Папы помѣшали итальянской народности сформироваться (*Quinet les révol d'Italie. p. 20*). Императоры постоянно противились ея государственному устройству. Напрасно г. Феррари думаетъ, что папы были безоружны; на дѣлѣ мы видимъ, что они часто являются въ главѣ арміи и нисколько не затрудняются казнить противниковъ. Напрасно онъ думаетъ, что императоръ отсутствовалъ — онъ былъ постоянно въ Италіи въ лицѣ своихъ графовъ.

Время доказало несбыточность утопій всемірной монархіи и всемірнаго католицизма...

Имперія, основанная Карломъ Великимъ, распалась по его смерти, вслѣдствіе стремленія разныхъ народностей къ самостоятельности. Папство напротивъ того усилилось. Отдѣленіе западной церкви отъ восточной, новыя земли, подаренныя императорами, простодушіе вѣрующихъ доставили римской церкви значительную матеріальную силу; право суда, данное Константиномъ и распространенное Карломъ, еще болѣе увеличило ее. Но за то папы были почти бессильны въ Римѣ; геній древней республики парилъ надъ ними и держалъ ихъ въ безпрестанномъ страхѣ.

Такимъ образомъ договоръ Карла Великаго нисколько не уничтожилъ причинъ къ раздору. Развитие Италіи должно было выйти изъ борьбы. Она была неизбежна, во-первыхъ потому, что въ Италіи существовали центры византійскіе, военные и римскіе. Всякая политическая перемѣна, всякое движеніе прогресса, переносили ихъ, обогащали однихъ, раззоряли другихъ и заставляли биться до конца за первенство прогресса или отсталости. Во-вторыхъ, не менѣе важная причина къ войнѣ состояла въ значеніи тогдашняго католицизма: онъ стоялъ выше политическихъ учрежденій имперіи, про-

грессъ совершался съ помощью его, слѣдовательно во имя духовнаго единства надо было вооружиться противъ единства политическаго, которое въ формѣ королевства папы ненавидѣли постоянно. Оно стѣсняло ихъ, ставило на второй планъ, уменьшало вліяніе. Никогда въ затруднительныхъ обстоятельствахъ папы не обращались за помощью къ королямъ, но всегда искали ее за Альпами у императоровъ. Эти же причины заставляли ихъ постоянно помогать мятежнымъ маркизамъ, стремившимся къ самостоятельности. Наконецъ, казалось, несогласія прекратились договоромъ Оттона I. Но вышло иначе.

Этотъ императоръ дотогу увеличилъ богатство духовенства, что почти въ каждомъ городѣ архіепископъ превосходилъ могуществомъ графа, представителя императора. Военное управленіе графовъ тяготило города, и они возстали. Всякій хотѣлъ имѣть властителемъ архіепископа, котораго судъ милостивѣе и подати умѣреннѣе. Графы изгнаны. Архіепископы, покровительствуя революціи, покровительствовали прогрессу.

Первымъ слѣдствіемъ побѣды архіепископа было завладѣніе королевскимъ судопроизводствомъ, уничтоженіе военнаго суда графа и замѣна его *ордалиями*, вторымъ — истребленіе рабства и образованіе *перваго народа* (*primo popolo*). Это слово имѣло въ то время другое значеніе въ сравненіи съ нынѣшнимъ. Первый народъ состоялъ изъ соединенія знатнѣйшихъ фамилій графства и архіепископства, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась вся власть; масса-же считалась собраніемъ одушевленныхъ вещей; она управлялась консулами, которые, хотя и занимались всей внутренней администраціей коммуны, однако не играли никакой политической роли. По изгнаніи графа, никто не думаетъ требовать равенства — этого даже не подозрѣваютъ. Желанія массы весьма-умѣренны, и она достигаетъ ихъ осуществленія, благодаря архіепископской революціи.

Теократія является въ формѣ маленькаго королевства. Силы его состоятъ изъ архіепископа, народа, массы и консуловъ. (Ferrari, t. 1, p. 281.)

Изгнанные графы обращаются къ императору. Начинается реакція, но вскорѣ изнемогаетъ предъ вѣчно-живой силой идеи. Тѣмъ не менѣе она успѣла поставить архіепископовъ въ зависимость отъ императора, предоставивъ назначеніе ихъ его произволу. Руководимый аристократіей, онъ давалъ инвеституру людямъ, приверженнымъ къ прежнему порядку вещей — и этимъ самымъ возбудилъ новую революцію.

Архіепископства съ помощью народа стали противъ архіепископовъ, выбранныхъ безъ согласія капитула. Итакъ снова прогрессъ столкнулся съ единствомъ. Папа и императоръ вооружились. Оба мечтали о всемірномъ владычествѣ, о безпредѣльномъ абсолютизмѣ. Города отгадали угрожающую имъ опасность и, становясь попеременно то на сторону папы, то на сторону императора, умѣли добиться свободнаго избранія архіепископовъ.

Итакъ революція торжествовала, и вслѣдствіе торжества ея являются въ каждомъ городѣ два лица, архіепископъ и народъ; два существа съ самыми противоположными тенденціями. Торговля и промышленность возбуждаютъ духъ независимости, развиваютъ индивидуальность, заставляютъ искать новыхъ правъ, тогда какъ архіепископы стремятся подчинить себѣ интересы коммуны, заставить ее отречься отъ благъ міра сего въ ихъ пользу. Но самое это стремленіе носитъ въ себѣ противорѣчіе. Духовенство требуетъ податей, слѣдовательно граждане должны быть богаты; а если они богаты, они не могутъ подчиниться этимъ требованіямъ, потому что богатство есть слѣдствіе прогресса, точно также, какъ прогрессъ есть слѣдствіе богатства. Италия представляла олицетвореніе этой истины. Консулы торжествуютъ вездѣ, не смотря на раздѣленіе полуострова на двѣ партіи. Одна, испытавшая злоупотребленія папской власти, сдѣлалась императорскою; другая, тѣсняемая императорами, постоянно стремилась къ союзу съ папами. Въ первой является побѣдителемъ папа, во второй — императоръ. Единство побѣждаетъ тамъ, гдѣ становится на сторону прогресса.

Графы, это звѣно, связывавшее Италію съ имперіей, были сокрушены. Настала очередь архіепископовъ, связы-

вавшихъ ее съ папою. Италія постоянно стремилась къ освобожденію себя отъ договора Карла Великаго.

Интересы папы и императора были затронуты. Наступила реакція, но она кончилась утвержденіемъ консуловъ.

Вслѣдъ за тѣмъ возникла война между городами.

Консулы еще болѣе, чѣмъ архіепископы, отодвинули назадъ военные города, которые, желая возвратить прежнее свое значеніе, вступили въ бой съ торговыми и промышленными городами. Прибавьте къ этому стремленіе подчиненныхъ коммунъ пріобрѣсти самостоятельность, столкновеніе коммерческихъ выгодъ, споры за границы — и вы безъ труда поймете причину безконечности муниципальныхъ войнъ.

Мы уже сказали, что было время, когда единство папское стало выше единства императорскаго и совершило революцію въ пользу прогресса. Теперь революція стала выше обонхъ единствъ. Императоръ и папа не поняли, что мнимый беспорядокъ въ ихъ итальянскихъ владѣніяхъ былъ только временнымъ выраженіемъ прогрессивной идеи; не поняли, что идею можно побѣдить только идеями. Папа, призваншій императора противъ Арнольда Бресціанскаго, принужденъ былъ потомъ сражаться противъ своего защитника, съ которымъ соединились города военные, въ надеждѣ торжества надъ городами римскими.

Такимъ-образомъ война, начатая во имя архіепископовъ, велась противъ главы католической церкви; съ другой стороны, папа противодействовалъ движенію юга; слѣдовательно оба единства противорѣчили сами себѣ....

Усилія Фредерика Барбаруссы сокрушились передъ ломбардской лигой. Военные города, разрушивъ Миланъ, убѣдились, что реакція направлена противъ самостоятельности Италіи и возстали въ защиту ея. Разрушенныя города возникли снова; констанцскій миръ призналъ ломбардскую лигу, слѣдовательно, всѣ предшествовавшія революціи и прогрессъ.

Этотъ миръ ясно показалъ папѣ всю слабость его въ Италіи. Самъ-по-себѣ онъ не могъ сдѣлать ничего. Значеніе его падало съ каждымъ днемъ отъ поднявшихся со всѣхъ

сторонъ обличеній. Попытка Арнольда не осталась безъ послѣдователей. Папа рѣшился подкрѣпить падающій католицизмъ учрежденіемъ новыхъ монашескихъ орденовъ. Доминиканцы и Францисканцы увлекаютъ толпу своимъ фанатизмомъ, нищенствомъ и невѣжествомъ. Масса радуется, что исповѣдники ея стоятъ на одной съ ней степени просвѣщенія, и заставляють преклоняться предъ собой надменныхъ бароновъ....

Но успѣхъ консульской революціи былъ непроченъ, пока города были окружены замками. Торговля страдала; граждане были не безопасны за городомъ; кастеляны всегда представляли точку опоры для императорской реакціи.

Города возстають, и замки падаютъ одинъ за другимъ. Коммуны обѣщаютъ рабамъ свободу, конституцію, самоуправленіе — и владѣтели гибнуть въ безпрестанныхъ возмущеніяхъ. Не зная, что дѣлать, они рѣшаются быть либеральнѣе городовъ и предлагаютъ рабамъ конституцію въ болѣе-широкихъ размѣрахъ, предоставляя имъ возможность отдѣльнаго существованія, безъ поглощенія городской общиной.

Война эта кончилась освобожденіемъ рабовъ и переселеніемъ кастеляновъ въ города, не смотря на реакцію папы и императора.

Но едва это совершилось, какъ война приняла другой характеръ. Переселившіеся кастеляны не хотѣли отстать отъ своихъ феодальныхъ привычекъ, выстроили въ городахъ укрѣпленные замки и безпрестанно враждовали съ гражданами.

Власть консуловъ оказалась слабою въ этихъ распряхъ; кастеляны не хотѣли признать суда людей, которые заставили ихъ выселиться въ города.

Сознавая справедливость этого требованія, граждане рѣшились поставить сановника, который былъ-бы довольно-силенъ, чтобъ обуздывать обѣ партіи, довольно-знатенъ и справедливъ, чтобъ граждане и кастеляны могли охотно подчиняться его опредѣленіямъ.

Этотъ сановникъ, называемый подестой, соединялъ въ своихъ рукахъ всю судебную и политическую власть консу-

ловъ, которые были низведены на степень его совѣтниковъ, подъ именемъ пріоровъ, ректоровъ, старшинъ и т. п.

Подеста обыкновенно выбирался дружественнымъ городомъ или самими гражданами — новое доказательство связи между городами во имя идеи.

При всей неограниченности своей власти, подеста не могъ овладѣть республикой. Онъ выбирался не болѣе какъ на годъ; свита его была опредѣлена заранее; онъ не могъ привезти въ городъ свое семейство, не смѣлъ ни ѣсть, ни пить ни съ кѣмъ изъ гражданъ; народъ сохранялъ оружіе и, по окончаніи срока управленія подесты, требовалъ отъ него отчета.

Папа и императоръ борются и съ этимъ учрежденіемъ, потому-что подесты выражаютъ узаконеніе войны противъ замковъ.

Не смотря на то, что представители обихъ единствъ замѣшаны въ этой войнѣ, они поставлены снова другъ противъ друга — такъ оба эти начала противны прогрессу; императоръ представляетъ въ себѣ подесту южной Италіи, папа — сѣверной.

Революція торжествуетъ. Она проникла даже въ партію кастеляновъ и раздѣлила ихъ (Fauriel. Dante, t. 1. Leç. IV—V), но за то внесла идею единства въ обѣ республиканскія партіи. Одна изъ нихъ хотѣла преобладать, пользуясь католицизмомъ, представляя папу главой всемірной демократіи; другая видѣла въ императорѣ покровителя аристократическихъ республикъ, гдѣ все предоставлено кастелянамъ и ничего народу. Одна изъ этихъ партій — Гибеллины, стоявшая, по образованію своему, выше Гвельфовъ, защищала начала ретроградныя; другая, стоявшая по началамъ выше Гибеллиновъ, отличалась невѣжествомъ и фанатизмомъ.

Эта вражда еще болѣе усилила вражду городовъ. Вся Италія раздѣлилась на Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Обнаружилось стремленіе къ единству, противное прогрессу, хотя обѣ партіи признавали его могущество. Торговля и промышленность развились до высокой степени, не смотря на непрерывную войну; онѣ служили источникомъ доходовъ, и ненависть неумолимо пользовалась ими.

Ненависть партій приготовила тирановъ. Папа, безсильный противъ движенія, ищетъ союзниковъ вѣ Италиі. Выборъ его падаетъ на Карла Анжуйскаго. Съ помощью его онъ надѣется побѣдить непріятелей и царствовать надъ всей Италіею въ видѣ подесты. Но ожиданія его не сбылись. Карлъ становится во главѣ Гвельфовъ, какъ человѣкъ, дающій имъ возможность побѣдить. Обманутый первосвященникъ строитъ козни противъ призваннаго союзника, который изображаетъ собой королевство, постоянно ненавистное папамъ....

Но всѣ эти войны нисколько не уменьшили прогресса. Повсюду возникали великолѣпныя зданія; науки и искусства начали быстро развиваться, и національная поэзія сбросила наконецъ узы трубадуровъ и заговорила живымъ, страстнымъ языкомъ въ «комедіи» Данте. Национальность, развившаяся подъ вліяніемъ ненависти, дорогою цѣною заплатила за свое развитіе. Вражда партій была такъ сильна, что онѣ позволяли все людямъ, посредствомъ которыхъ достигали торжества, съ однимъ только условіемъ преслѣдовать побѣжденную партію до конца. Эти люди сдѣлались тиранами для одной партіи и неограниченными государями для другой. Они представляли искаженіе благороднаго образа подесты.

Въ скоромъ времени типъ тирана перешелъ въ синьора. Послѣдній понималъ, что пора дикой силы миновалась, что надо господствовать хитростью, совершать злодѣйства только необходимыхъ, не противиться папѣ и императору, но обманывать ихъ.

Эпоха тирановъ, централизируя силы городовъ, доставляла имъ болѣе средствъ къ защитѣ, но за то подрывала главный принципъ итальянскаго прогресса — свободу.

Эпоха синьоровъ была еще вреднѣе: она окончательно убила демократическій элементъ, она развила еще болѣе презрѣніе къ нравственнымъ законамъ; она породила кондотьеровъ.

Италія расплачивалась за уклоненія отъ началъ разума при стремленіи къ индивидуализму; за то, что не хотѣла отрѣшиться отъ преданій на пути прогресса; за то что ста-

вила его подъ защиту призраковъ.... Гдѣ слабѣетъ личность (Personnalität), тамъ является единство.

Синьоры начинаютъ войну для завоеваній; они стараются превратить полуостровъ въ одно королевство; но силы ихъ слишкомъ слабы для этого гигантскаго предпріятія; папа и императоръ постоянно противодѣйствуютъ то имъ, то другъ другу, война длится безъ конца, тѣмъ болѣе, что ее ведутъ кондотьеры. Синьоры, похитившіе народную свободу, не рѣшаются довѣрить свою защиту народу; имъ нужны люди, не имѣющіе никакихъ убѣжденій, какъ кондотьеры.

Жадность войскъ скоро истощила казну, и кондотьеры вели войну отъ своего имени и сами дѣлались синьорами.

Въ Англіи отсутствіе большихъ національных армій способствовало свободѣ страны; въ Италіи — порабощенію. Причина тому — та, что въ Англіи сильно чувство патріотизма, тогда какъ въ Италіи синьоры, папа и императоръ всѣми силами старались убить его. Въ Англіи это учрежденіе вытекло изъ національности, въ Италіи изъ расположенія къ преждевременному космополитизму, возникшему изъ ранняго развитія и художественнаго чувства итальянцевъ.

Между тѣмъ католическому единству повсюду грозила опасность. Виклефъ и Гуссъ потрясли его въ самыхъ основахъ. Авиньонскій папа представлялъ поразительное раздвоеніе католицизма; классическая древность мало-по-малу подкапывалась подъ папскій тронъ, а на стогнахъ древняго Рима Ріенци громилъ первосвященниковъ во имя Великой Республики.

Политическое единство имперіи было нестрашно. Занятая внутренними борьбами, она не могла принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ полуострова. Императоры являлись за тѣмъ только, чтобъ собрать какъ можно болѣе денегъ, показать свое безсиліе и удалиться со стыдомъ.

Казалось, все предвѣщало синьорамъ мирное владѣніе захваченными областями; казалось, они могли спокойно наслаждаться жизнію — но вышло иначе.

Блестящая одежда покрывала раны Италіи; наружная красота скрывала жестокою болѣзнь.

Наружное благосостояніе не могло вознаградить недостатка нравственныхъ началъ. Геніальнаго Данте смѣнили сухіе схоластики; юмористическаго Боккаччіо — латинскіе новеллисты; послѣдніе энергическіе звуки итальянская муза извлекла изъ лиры Петрарки. За нимъ слѣдуютъ Пульчи Полиціано, Аріосто; но ихъ льстивыя пѣсни звучать въ честь синьоровъ. Въ волшебныхъ вымыслахъ они ищутъ забвенія настоящихъ золь, въ подвигахъ паладиновъ — нравственныхъ началъ и торжества справедливости, чего не было тогда въ Италіи. Печальной эпитафіей звучитъ энергическое слово Маккіавелли. Одинъ онъ видитъ свою родину въ настоящемъ свѣтѣ. Она отвергла многое въ своемъ скептицизмѣ, но не дошла до полного отреченія, съ помощью котораго она могла возродиться. Ей предстояло отвергнуть преданіе римское и германское, папу и императора; но она не рѣшилась на это. Она надѣялась противопоставить единство папское единству императорскому, — и вотъ Цезарь Борджіа, подкрѣпляемый папою, хочетъ соединить Италію въ одно цѣлое, въ королевство, учрежденію котораго папы постоянно противились, а теперь только въ этомъ видѣли свое спасеніе.... Разсчеты ихъ были ошибочны. Для Европы снова наступила пора утопій всемірной монархіи, завоевательная система развилась въ громаднхъ размѣрахъ; силы Франція и Испаніи превосходили силы папы, и единство его оказалось ничтожно предъ единствомъ Франціи; федерація Италіи безсильна предъ федеративною монархіей Карла V. Католицизмъ папъ безъ значенія предъ католицизмомъ Лойолы. Всѣ попытки воскресить Италію посредствомъ католицизма были тщетны. Напрасно Саванарола пытался возбудить католическій энтузіазмъ и любовь къ родинѣ въ сердцахъ флорентинскихъ гражданъ; напрасно онъ доводилъ возрѣнія свои до фанатическаго пуританизма — эти начала не могли приняты на итальянской почвѣ: Саванарола встрѣтилъ въ Александрѣ VI не помощника, но синьора и палъ жертвой своихъ благородныхъ, но несвоевременныхъ усилій. Напрасно Юлій II думалъ освободить Италію отъ ига варваровъ, предводительствуя самъ войскомъ; время Крестовыхъ походовъ прошло, и воинственный старикъ только увеличивалъ

бѣдствія своей родины. Напрасно Левъ X почти протестовалъ противъ католицизма во имя искусства — надо было протестовать во имя Лютера, что, разумѣется, папа не могъ сдѣлать.... Для Италіи настали новыя времена. Монополія ея образованности исчезла со введеніемъ книгопечатанія; монополія ея торговли уничтожилась съ открытіемъ пути въ Америку и въ Остъ-Индію; коммунальныя права, добытыя во имя римскаго права, стерлись предъ политическими требованіями реформаціи; великолѣпныя зданія были разрушены, жатвы вытоптаны, каналы засыпаны, и къ довершенію всего на долю Италіи выпалъ испанскій протекторатъ, геній истребитель свободы совѣсти, индивидуальности и мысли!...

Другія націи должны были вести человечество путемъ прогресса. Поставленная подъ покровительство Испаніи, Италія должна была бороться съ прогрессомъ, представшимъ предъ ней въ формѣ Реформаціи. Выработываніе правъ было тѣсно связано съ протестантствомъ: идеи религіозныя и политическія были почти тождественны. (Edinb. Review. 1857. N° 1). Но Реформація не могла привиться къ Итальянцамъ: въ началахъ ея было мало художественности, она разрушала эстетическое чувство и говорила больше уму, чѣмъ сердцу.

Процессъ отрицанія совершался въ Италія путемъ языческаго классицизма, стоявшаго по развитію гораздо выше Реформаціи.

Такимъ образомъ Италія по неволѣ должна была погрузиться въ летаргію. Дальнѣйшій прогрессъ ея былъ возможенъ только извнѣ; но подозрительная тиранія папы и императора постоянно мѣшала ему; тѣмъ не менѣе развитіе, хотя медленно, но продолжалось. Никакія полицейскія мѣры, никакія казни не могли убить идеи. Правительство погружало массу въ невѣжество, но всегда являлись люди, которые пытались вырвать ее изъ этого положенія. Ни католицизмъ, окрѣпшій съ помощью Лойолы, ни Австрія, этотъ воплощенный іезуитизмъ, не могли остановить ихъ....

Изъ цѣлаго полуострова одна Венеція сохранила свою самостоятельность. Византійское начало слишкомъ глубоко

запало въ грудь ея, чтобъ она могла подчиниться папѣ; географическое положеніе отдаляло ее отъ материка, духъ коммерціи и аристократіи былъ слишкомъ развитъ, чтобъ она могла повиноваться императору. Она развилась въ формѣ олигархической республики—это и погубило ее. Народъ, постоянно удаляемый отъ управленія, избираемый правительствомъ, которое всегда устрашало его и старалось развратить, оказался безсиленъ въ минуту политическаго кризиса....

Таково, по нашему мнѣнію, было развитіе Італіи до испанскаго протектората включительно.

Смѣемъ надѣяться, что читатели убѣдились, что все совершилось по законамъ разума, а не фатализма, какъ полагасть г. Феррари. Вездѣ одни старались сохранить несправедливо пріобрѣтенныя права; вездѣ другіе стремились освободиться отъ угнетеній и сравняться въ правахъ съ высшими. Дѣйствія, казавшіяся часто безсознательными, теперь признаны разумными; народъ, дѣйствуя по инстинкту, очень часто поступалъ также рационально, какъ-бы дѣйствовалъ по сознанию. Врожденное человѣку желаніе улучшить свое положеніе служить источникомъ дѣйствій его въ различныхъ сферахъ. Это желаніе—разумно, слѣдовательно и проявленія его разумны и неизбѣжны, какъ слѣдствія первой причины, хотя иногда неразумны какъ нарушенія счастья другихъ.

Намъ кажется, г. Феррари, признавая фатализмъ, становится слишкомъ жаркимъ поклонникомъ Гизо, у котораго это воззрѣніе составляетъ слабую сторону его системы. (Guizot. Civil. en Europe. Lec. XI.)

Весьма вѣроятно, что г. Феррари принялъ исторію, какъ разсказъ о *развитии абсолютной идеи въ формѣ человеческихъ обществъ*. Основываясь на этомъ, онъ опредѣлилъ неизмѣнныя формулы для жизни каждаго народа: для Германцевъ—сеймъ; для Англичанъ—парламентъ; для Французовъ—абсолютизмъ; для Італьянцевъ—постоянную борьбу папъ съ императорами. Мы думаемъ, что всякая нація жизнію своею выражаетъ всестороннее развитіе общечеловѣческаго прогресса. Бываютъ обстоятельства, которыя выставляютъ иногда одну сторону рельефнѣе, чѣмъ другую, тѣмъ не менѣе

онѣ не умираютъ и въ свое время являются преобладающими. Всѣ учрежденія, названныя г. Феррари, — созданія, образовавшіяся въ послѣдствіи; между-тѣмъ и до нихъ націи развивались самостоятельно. Всякій народъ состоитъ изъ личностей, а всякой личности свойственно стремленіе къ улучшенію своего быта, къ заявленію своихъ индивидуальныхъ правъ. Это стремленіе иногда быстро подвигается впередъ, иногда-же сдерживается реакціей — и, такимъ образомъ, исторія всякой націи всегда представляетъ борьбу прогресса съ обскурантизмомъ. Въ этомъ случаѣ г. Феррари правъ, сопоставляя исторію другихъ государствъ съ исторіей Италіи, но онъ часто ошибается въ формахъ проявленія этой борьбы, особенно когда говорить о Россіи.

Другой недостатокъ г. Феррари состоитъ въ ложномъ взглядѣ на итальянскихъ историковъ и на многія замѣчательныя личности.

Вотъ, что говоритъ онъ объ исторіи: «...criarde et indiscrete, la presse pénètre dans tous les recoins, elle sollicite tous les oisifs, elle tente toutes les médiocrités, elle leur offre des collections de phrases classiques, d'élégances stéréotypées, de lieux communs à l'usage de toutes les joies, de toutes les douleurs, et nous ne rencontrons plus que de lettrés dont l'intarissable bavardage menace de rendre l'histoire impossible. La touche naive, l'inimitable vétusté, la barbarie solennelle, les passions accentuées et l'intelligente sobriété de ces vieux chroniqueurs, qui ne prenaient leur plume éraillée que lorsque la violation des lois souveraines faisait crier tout un peuple, ces notations que le moyen âge seul avait pu faire pour compter les heures dans l'éternité chretienne, ne sont compensées ni par le nombre des nouveaux écrits, ni même par les chefs-d'oeuvres politiques dus a Machiavel ou a Costanzo. Ces nombreux écrits, ces chefs-d'oeuvres n'offrent plus le caractère mystérieux de l'unicité qui faisait d'un pauvre moine ou d'un solitaire oublié le representant unique de sa patrie, en présence de la posterité tout entière (t. IV, p. 297). Les médiocrités triomphent, les hommes de génie ont tort... » (t. IV, p. 299). Это пристрастіе г. Феррари къ темнымъ хроникарамъ вовлекло его въ ложныя сужденія о нѣкоторыхъ

бодно и стремиться къ развитію индивидуализма; только тогда прорытіе Суэзскаго перешейка принесетъ свою пользу, и итальянскіе флоты покроютъ моря, только тогда Италия возвратитъ свое прежнее значеніе и внесетъ свою долю въ общее развитіе человѣчества!...

Изложеніе г. Феррари отличается излишнимъ фразерствомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ темно, что съ трудомъ можно понять, что хотѣлъ сказать авторъ; тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ недостатки, книга его составляетъ замѣчательное явленіе въ литературномъ мірѣ по обилію фактовъ и по многимъ удачнымъ соображеніямъ. Нѣкоторыя главы обработаны мастерски, особенно исчисленіе революцій; эта глава, сколько намъ извѣстно, встрѣчается у него, у перваго.

В. Поповъ.

С М Ъ С Ь.

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ-ГУМБОЛЬДТЪ.

«Mein Leben sucht in meinen Schriften!»
(Мою жизнь ищите въ моихъ сочиненіяхъ.)

СЛОВА АЛЕКС. ГУМБОЛЬДА.

Баронъ Александръ Георгъ фонъ-Гумбольдтъ родился въ 1720 году и служилъ долгое время въ Финкенштейнскомъ драгунскомъ полку. По окончаніи семилѣтней войны (1765 г.) Фридрихъ Великій сдѣлалъ майора Гумбольдта своимъ камергеромъ и камергеромъ принцессы прусской Елизаветы, только-что вступившей тогда въ бракъ; послѣднее званіе принудило Гумбольдта жить въ Потсдамѣ. Когда принцесса Елизавета развелась съ своимъ супругомъ и была отвезена въ Штетинъ, то и ея бывшему камергеру пришлось переѣхать въ Берлинъ. Съ этихъ поръ онъ жилъ то въ Берлинѣ, то въ своемъ родовомъ замкѣ Тегель, и продолжалъ пользоваться расположеніемъ принца, въ послѣдствіи короля, Фридриха Вильгельма II. Майоръ фонъ-Гумбольдтъ женился на вдовѣ барона фонъ-Гольведе, урожденной фонъ-Коломбъ (двоюродной сестрѣ князя фонъ-Блюхера и племянницѣ престарѣлаго президента въ Аурихѣ фонъ-Коломба). Отъ перваго брака, у нея былъ сынъ, который служилъ въ жандармахъ. Отъ брака съ майоромъ фонъ-Гумбольдтомъ, у нея было два сына: Карлъ Вильгельмъ, родившійся 22-го іюня 1767 года въ Потсдамѣ, въ послѣдствіи министръ короля прусскаго, и Фридрихъ Генрихъ Александръ, родившійся 14-го сентября 1769 года въ Берлинѣ. Надо замѣтить, что въ этомъ-же году родились Наполеонъ I и Кювье.

Старый замокъ Тегель, съ превосходнѣйшимъ садомъ, окруженный лѣсами, стоялъ у озера и славился своими великолѣп-

ными окрестностями. Какъ каждый замокъ того времени, и Тегель, рсзумѣется, имѣлъ свое таинственное, романическое преданіе, которымъ Гете воспользовался въ Фаустѣ; но сказка не пугала сосѣдей, радушныя ворота замка были широко раскрыты гостямъ и гостей собиралось въ немъ многое множество. Самъ принцъ неразъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ почтеннаго камергера; между гостями можно было встрѣтить и толпу блестящихъ офицеровъ, и мирныхъ гражданъ, и ученыхъ. Гете былъ у майора фонъ-Гумбольдта. Лаская двухъ рѣзвыхъ мальчиковъ, думалъ-ли, князь поэтовъ, что дѣти эти будутъ со временемъ его достойными друзьями? Въ такой обстановкѣ провели братья Гумбольдтъ большую часть своего дѣтства; нѣтъ сомнѣнія, что она имѣла вліяніе и на ихъ умъ, и на воображеніе.

Первое воспитаніе дѣтей Гумбольдта относится къ тому времени, когда педагогика и изученіе археологій и древнихъ языковъ было всеобщимъ, насущнымъ вопросомъ. Педагогическая система Руссо увлекла все тогдашнее лучшее общество, она была въ модѣ; каждый изъ родителей старался или отдать своихъ дѣтей въ училище, устроенное по этой системѣ, каково было, напримѣръ, училище Базедова въ Деллау, или взять къ себѣ - на домъ наставника той же школы. Знаменитѣйшими послѣдователями педагогической системы Руссо были въ то время: Роховъ, Гедике и Іоакимъ Генрихъ Кампе. На послѣдняго палъ выборъ майора фонъ-Гумбольдта и онъ пригласилъ его въ 1775 году въ наставники къ своимъ дѣтямъ. Хотя Александру Гумбольду было въ это время только шесть лѣтъ, но и на немъ отразилось въ послѣдствіи впечатлѣніе первыхъ уроковъ знаменитаго наставника. Кампе не довольствовался общепринятою тогда въ Германіи методою развивать только память дѣтей; но старался, сверхъ того, подѣйствовать и на ихъ умъ и на впечатлительность. Это ясно видно изъ его столь извѣстныхъ сочиненій: *Робинзонъ Крузе* и друг. Они-то, эти сочиненія, и положили, можетъ-быть, въ душѣ гениальнаго творца космоса, зародышъ будущей любознательности и страсти къ путешествіямъ. Кампе, впрочемъ, оставался у Гумбольдта недолго; онъ былъ приглашенъ въ директоры училища Базедова; откуда черезъ годъ уѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ основалъ собственный, частный институтъ.

Надо было искать новаго учителя. Майоръ фонъ-Гумбольдтъ пригласилъ къ себѣ, въ 1777 году, молодого человѣка двадцати лѣтъ — Христіана Кунта. Выборъ былъ какъ нельзя болѣе уда-

ченъ; Христіанъ Кунтъ сѣумѣлъ сдѣлаться истиннымъ другомъ своихъ воспитанниковъ, внушить неограниченную къ себѣ довѣренность и любовь и не упускалъ изъ виду ничего, что могло бы развить его юныхъ друзей. Оба брата Гумбольдты привязались искренно къ своему наставнику и сохранили это чувство до самой его смерти (1829 г.); оба они, конечно, очень много обязаны этой благородной и умной личности.

Въ 1779 году семейство Гумбольдтъ было поражено страшнымъ ударомъ, — старикъ умеръ и братья остались сиротами. Съ этого-то времени и начинается, собственно, главная роль достойнаго Христіана Кунта. Мать поручила ему своихъ дѣтей, какъ отцу, и онъ употребилъ въ дѣло всѣ свои силы и способности, чтобы оправдать такую безграничную родительскую довѣренность. Стараніе Кунта увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, онъ исполнялъ дѣло свое добросовѣстно и прекрасно, но одиннадцатилѣтній Александръ приводилъ въ отчаяніе и мать, и своего наставника; онъ былъ постоянно болѣнъ, развивался медленно, по-крайней-мѣрѣ, сравнительно съ быстрыми успѣхами старшаго брата, и, по-видимому, не подавалъ никакихъ надеждъ.

Въ 1783 году оба брата, вмѣстѣ съ наставникомъ, были отправлены въ Берлинъ, для расширенія, какъ говорится обыкновенно, круга своихъ познаній. Они не посѣщали здѣсь общественныхъ учебныхъ заведеній, а занимались дома, подъ руководствомъ учителей, выбранныхъ все тѣмъ же Куптомъ. Старшій Гумбольдтъ шёлъ такъ быстро, что на слабого и сильно отстающаго Александра почти не обращали никакого вниманія. Но, вдругъ, отроческій умъ его просвѣтился и онъ сталъ заниматься съ невѣроятными усиліями и успѣхами, чтобы догнать брата. Въ послѣдствіи говорили, что самое нездоровье Александра Гумбольдта должно приписать слишкомъ раннему развитію глубокаго и серьезнаго ума. Въ старшемъ Гумбольдтѣ развивалась любовь къ языкознанію; въ младшемъ — къ естественнымъ наукамъ и путешествіямъ.

«Я въ своей молодости, — говоритъ самъ Александръ Гумбольдтъ, — имѣлъ всегда пламеннѣйшее желаніе ѣхать въ отдаленнѣйшія страны, неизвѣстныя еще Европейцамъ. Это желаніе характеризуетъ тотъ счастливый періодъ нашей жизни, когда она кажется намъ безпредѣльнымъ горизонтомъ, когда все имѣетъ для насъ особую прелесть, когда нѣтъ ничего лучше сильныхъ ощущеній души и картины физическихъ опасностей. Взросшій въ странѣ, не имѣющей никакихъ сношеній съ коло-

ніями обѣихъ Индій, а за тѣмъ обитатель горъ, отдаленныхъ отъ береговъ и замѣчательныхъ только горнымъ производствомъ, я чувствовалъ въ себѣ живѣйшее влеченіе къ морю, къ продолжительнымъ морскимъ путешествіямъ, и влеченіе это постоянно развивалось во мнѣ. Живыя описанія путешественниковъ представляютъ для насъ особенную прелесть; все неясное и неопредѣленное пріятно дѣйствуетъ на наше воображеніе. Наслажденія, которыхъ мы лишены, для насъ гораздо выше тѣхъ, которыя встрѣчаются намъ въ узкомъ кругу нашей обыденной жизни. Любовь къ ботаническимъ экскурсіямъ, изученіе геологіи и небольшія поѣздки въ Англію, Голландію и Францію съ знаменитымъ Георгомъ Форстеромъ, который имѣлъ счастье сопутствовать капитану Куку, въ его второмъ кругосвѣтномъ путешествіи — все это дало вѣрное и точное направленіе моимъ планамъ путешествій».

По собственному желанію Александра Гумбольдта, извѣстный молодой ученый Вильденовъ училъ его ботаникѣ; наука эта особенно нравилась младшему Гумбольдту. Сверхъ того, вмѣстѣ съ братомъ и графомъ Арнимомъ, онъ слушалъ лекціи политическихъ наукъ публициста Дома. Проводя, такимъ образомъ, часть времени въ Берлинѣ, братья Гумбольдты бывали иногда и въ Тегелѣ у матери. Различное направленіе братьевъ обозначилось теперь еще явственнѣе.

Въ 1787 году они рѣшили поступить въ какой-нибудь изъ университетовъ и отправились во Франкфуртъ-на-Одерѣ, такъ какъ это было недалеко отъ матери. Александръ оставался здѣсь до Святой 1788 года, зиму и лѣто, за тѣмъ, провелъ въ Берлинѣ, чтобы изучить фабричную технику, заняться съ Вильденовымъ ботаникой и, какъ онъ говорилъ самъ, заняться серьезно греческимъ языкомъ.

Весной 1789 года онъ переселился въ Геттингенъ, потому что здѣсь процвѣтала его любимая наука, здѣсь жилъ и училъ знаменитый естествоиспытатель Блюменбахъ, здѣсь жили: Бекманнъ, Лихтенберхъ, Линкъ, Гейне и Эйхгорнъ. Здѣсь подружился онъ съ Георгомъ Форстеромъ, который, какъ извѣстно, имѣлъ на него очень хорошее вліяніе. Однакожъ, и здѣсь Александръ Гумбольдтъ оставался недолго.

Въ 1790 году онъ, съ Георгомъ Форстеромъ, отправился, черезъ Голландію, на нижній Рейнъ. Послѣ этого путешествія онъ издалъ первое свое сочиненіе: «Mineralogische Beobachtungen über einige Basalte am Rhein». За тѣмъ, онъ отправился въ

Гамбургъ, чтобы слушать лекціи въ Торговой Академіи, процвѣтавшей въ то время, подъ управленіемъ знаменитаго Буша. Въ Гамбургѣ онъ прожилъ недолго; слава Вагнера, преподававшего тогда въ Горной Академіи въ Фрейбергѣ, манила Гумбольдта. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Тегель и Берлинѣ, въ обществѣ матери, брата, Кунта и Вильденова, съ которыми сдѣлалъ нѣсколько ботаническихъ экскурсій, онъ въ іюніѣ 1791 года отправился въ Фрейбергъ. Въ это время написано имъ нѣсколько статей въ журналъ, издаваемый Устеріемъ.

Здѣсь, кстати привести нѣсколько словъ о Гумбольдтѣ его школьнаго товарища Фрейслебена, словъ, которыя были, конечно, отголоскомъ общаго миѣнія.

«Главные черты милого характера Александра Гумбольдта,— говоритъ Фрейслебенъ: — безмѣрная доброта, простосердечіе, пріятливость и безкорыстная готовность оказать услугу; теплое чувство къ друзьямъ и природѣ, непринужденность, простота и откровенность; даръ постоянно-оживленнаго и занимательнаго изложенія, веселое, юмористическое и подчасъ даже насмѣшливое настроеніе духа. Эти-то черты и дали ему въ послѣдствіи ту неотразимую силу обаянія, которую онъ выказывалъ неразъ даже надъ дикарями и которою, въ обществѣ образованныхъ людей, возбуждалъ постоянно удивленіе и симпатію; эти-то черты и привлекли ему любовь и преданность школьныхъ товарищей въ Фрейбергѣ. Озлоблялся онъ только противъ грубости, несправедливости и жестокости; сентиментальность и аффектація — огорчали его; вялость и педантство — онъ не прощалъ».

Въ 1792 году Александръ фонъ-Гумбольдтъ былъ сдѣланъ, по распоряженію прусскаго правительства, ассессоромъ горнаго департамента въ Берлинѣ; а въ 1793 году оберъ-бергмейстеромъ и генералъ-директоромъ рудниковъ въ Бэйрутѣ и Анспахѣ. Въ Стевелѣ онъ учредилъ горную школу. Къ этому же времени должно отнести и первые его опыты гальванизма.

Въ 1795 году онъ уже отказался отъ своего мѣста, чтобы нѣтъ возможность удовлетворить жаждѣ путешествій и собственными опытами расширить кругъ своихъ знаній. Въ этомъ же году онъ предпринималъ нѣсколько путешествій; онъ объѣхалъ часть Швейцаріи. Въ 1796 году Гумбольдтъ потерялъ свою мать. Затѣмъ онъ хотѣлъ съ Хавтеномъ отправиться въ верхнюю Италію, съ тѣмъ, чтобы изучить свойства вулканической почвы; но предпріятіе это не удалось. Такимъ образомъ,

желаніе изслѣдовать огнедышящія горы не было удовлетворено, и потому онъ, въ ноябрѣ 1797 года, съ Л. Бухомъ, предпринялъ вторично путешествіе въ Неаполь; но и въ этотъ разъ ему помѣшали открывшіяся тогда военныя дѣйствія. Александръ Гумбольдтъ и Л. Бухъ ограничились собираніемъ растений въ Вѣнѣ и небольшими поѣздками по горамъ Зальцбурга и Штейермарка, которыя принесли имъ значительную пользу, какъ занятія приуготовительныя.

Еще прежде этого Александру Гумбольдту предлагали сдѣлать путешествіе въ верхній Египетъ, въ обществѣ челоуѣка, уже нѣсколько разъ посѣтившаго берега Иллиріи и Греціи и страстно любившаго изящныя искусства. Путешествіе это должно было продлиться не болѣе восьми мѣсяцевъ; главнѣйшею цѣлью его предполагалось изученія памятниковъ по теченію Нила. Гумбольдтъ былъ въ восхищеніи и, нисколько не колеблясь, принялъ предложеніе, съ условіемъ однакожь, что на возвратномъ пути изъ Александріи, онъ уже одинъ предприметъ путешествіе въ Палестину и Сирію.... Но политическіе перевороты того времени разрушили и этотъ планъ.

Одушевляемый все тѣмъ же величіемъ изученія природы Александръ фонъ-Гумбольдтъ, съ братомъ своимъ, министромъ короля прусскаго, въ 1798 году, приѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ удостоился чести быть приглашеннымъ парижской Медицинской Школой принять участіе въ предположенномъ уже кругосвѣтномъ путешествіи съ капитаномъ Баудиномъ. При этомъ онъ познакомился съ тогдашнимъ воспитанникомъ Медицинской Школы и Ботаническаго Сада — Александромъ Эме Гужу Бонпланомъ, превосходнѣйшимъ молодымъ челоуѣкомъ, преодолевшимъ съ удивительнымъ самопожертвованіемъ всевозможныя опасности ученыхъ путешествій, которыя онъ совершилъ и которыми обогатилъ науку. Судьбѣ угодно было опять помѣшать Гумбольдту; въ то самое время, какъ онъ уже долженъ былъ, съ своимъ новымъ другомъ Бонпланомъ, отправиться въ Гавръ, вспыхнула снова война между Франціею и Австріею и недостатокъ въ деньгахъ, за военными издержками, принудили французское правительство отложить предполагаемое путешествіе капитана Баудина до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.

Затѣмъ Гумбольдтъ три раза собирался отправиться въ Египетъ, а оттуда въ Индостанъ; но судьба словно преслѣдовала великаго челоуѣка — каждый разъ война являлась препятствіемъ къ осуществленію завѣтнаго желанія. Много надо было имѣть

силы воли и твердаго желанія, чтобы столько неудачъ ни мало не охладили жара и благородной страсти.

Счастливое стеченіе обстоятельствъ вознаградило наконецъ терпѣніе Александра Гумбольдта, искупило всѣ перенесенныя имъ неудачи и дало ему возможность исполнить столько лѣтъ желанное намѣреніе отправиться въ Америку и, главное, въ тропическія страны, чтобы обогатить физическія науки. Странно, что двое великихъ людей, какъ Колумбъ и Гумбольдтъ, которые сдѣлали болѣе всѣхъ въ дѣлѣ открытія Америки въ географическомъ и ученоемъ отношеніяхъ, оба обязаны Испаніи.

Вторичное предпріятіе Гумбольдта *объѣздить* сѣверную Америку было снова разрушено, по случаю войны, въ то самое время, какъ онъ съ Бонпланомъ ожидалъ въ Марсели прибытія корабля, на которомъ они должны были плыть. Тогда путешественники наши отправились въ Испанію и тамъ, при ходатайствѣ саксонскаго посланника, барона Фореля, въ маѣ 1799 года, получили позволеніе *объѣздить* испанскую Америку, съ правомъ дѣлать различныя изслѣдованія. 4-го іюня уѣхали они изъ Коруси и 19-го того же остановились въ гавани Санта-Круцъ, на Тенерифѣ. Путешественники взобрались на вершину и, въ нѣсколько дней своего пребыванія на столь мало еще извѣстномъ въ то время островѣ, успѣли сдѣлать много новыхъ изслѣдованій. Безъ особыхъ приключеній перерѣзали они потомъ океанъ и 16 іюля были уже на почвѣ Америки, въ Корусѣ. Восемнадцать мѣсяцевъ употребили они на поѣздку по провинціямъ нынѣшней республики Венесуэлы; а въ февралѣ 1800 отправились въ Каракасъ.

Въ Пуэрто-Кабелло они покинули берегъ, чтобы осмотрѣть замѣчательныя южныя степи Колобоцо, рѣку Апуръ и по ней отправиться въ Ореноко.

На Апурѣ туземцы рассказывали Гумбольдту о безчисленномъ множествѣ несчастныхъ жертвъ кровожадности крокодиловъ. — Не проходитъ года, говорили они, чтобы здѣсь не погибло двухъ, трехъ человекъ; чаще всего крокодилы пожираютъ женщинъ, которыя приходятъ за водой. Одна молодая дѣвушка изъ Уритуку показала, однакожъ, необыкновенное присутствіе духа и тѣмъ спаслась отъ ужасной смерти. Въ ту страшную минуту, когда голова ея уже была въ пасти крокодила, она схватила его за глаза и такъ сильно сжала ихъ, что крокодилъ выпустилъ свою жертву. По словамъ туземцевъ, это единственное средство спасенія. Смѣлая дѣвушка, поплатившись только одной рукой, благополучно доплыла до берега.

Отъ Индѣйскихъ пороговъ, путешественники наши поплыли къ южнымъ границамъ Испаніи, воротились по Кашкаоэру въ Ореноко, поѣхали по Ангостуру и достигли, наконецъ, Куманы, которая бѣжитъ, на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ миль, по безлюднымъ мѣстамъ.

«Здѣсь 27 октября—разсказываетъ Гумбольдтъ—мы, по обыкновенію, гуляли съ Бонпланомъ по берегу залива. Было восемь часовъ вечера, морской вѣтеръ еще не давалъ себя чувствовать; небо заволокло тучами и, при совершенно спокойномъ воздухѣ, жаръ стоялъ нестерпимый. Вдругъ слышу я, что кто-то идетъ за нами; оглядываюсь и вижу человѣка огромнаго роста, до пояса нагаго, цвѣта Цамбо. Онъ уже взмахнулъ надъ моею головою огромною палкой; но я успѣлъ увернуться отъ удара. Бонпланъ же, шедшій справа подлѣ меня былъ, менѣе счастливъ; онъ позже меня замѣтилъ Цамбо и тотъ ударомъ въ високъ свалилъ его съ ногъ. Мы были одни, безоружны, въ позмили отъ жилья. Цамбо, вмѣсто того чтобы напасть снова на меня отправился прехладнокровно подымать шляпу Бонплана, которая отчасти ослабила ударъ и лежала теперь въ нѣкоторомъ отдаленіи. Ошеломленный паденіемъ моего путника, который нѣсколько минутъ оставался безъ чувствъ, я исключительно былъ занятъ имъ. Боль и чувство гнѣва подняли его на ноги. Мы кинулись на Цамбо, который, или по свойственной его кастѣ трусости, или потому что увидѣлъ на берегу нѣсколько человѣкъ, кинулся въ кустарникъ. Во время бѣгства онъ упалъ, Бонпланъ, пользуясь этимъ, наскочилъ на него и едва не подвергся еще большей опасности. Цамбо выхвативъ изъ своего нижняго платья *большуцкій* ножъ и мы, конечно, сильно потерпѣли бы въ этомъ неравномъ бою, если-бы бискайскіе купцы, гулявшіе на берегу, не кинулись къ намъ на помощь. Какъ только Цамбо увидѣлъ себя окруженнымъ, то не сталъ болѣе защищаться. Онъ попытался-было дать тягу, но тщетно; его поймали и посадили въ тюрьму».

Бонпланъ былъ всю ночь въ лихорадкѣ. Ударъ по головѣ грозилъ опасностью и въ будущемъ; но она, по счастью, миновалась. Жители Куманы выказали нашимъ путешественникамъ трогательное участіе. Цамбо въ тюрьмѣ торжественно объявилъ на допросѣ, что онъ не могъ устоять противъ желанія нанести вредъ людямъ, говорившимъ по-французски. Судъ и въ новомъ свѣтѣ, какъ и въ старомъ, тянется не безъ проволочекъ; осужденному приходится нерѣдко ждать рѣшенія лѣтъ

семь, восемь, виновный или сгнѣтъ въ тюрьмѣ до приговора, или убѣжить.... Неизвѣстно, что случилось съ ненавистникомъ французскаго языка.

За-тѣмъ путешественники наши отправились въ Гаванну, прожили тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и торопились добраться до гавани Южнаго океана. Въ это время до нихъ дошелъ слухъ, что капитанъ Баудинъ, съ которымъ они обѣщали соединиться, прибудетъ на восточный берегъ южной Америки. Изъ Батибано, что на южномъ берегу Кубы, они, въ 1801 году, поплыли моремъ въ Карагеанъ, чтобы оттуда отправиться въ Панаму. Но такъ какъ неблагоприятное время года не дозволило исполнить этотъ планъ, то они поднялись вверхъ по р. св. Магдалины до Хонда и избрали своимъ мѣстопребываніемъ Боготу, съ тѣмъ, чтобы отсюда дѣлать свои ученыя экскурсіи по всѣмъ замѣчательнымъ мѣстностямъ страны.

Съ сентября 1801 года, не смотря на наступившее дождливое время, они продолжали свое путешествіе на югъ. Перерѣзали Кордильеры де-Киндью, прошли долину Коука и съ немпоѣрными усиліями при Кали, черезъ Альмагеръ и Пасто, 6-го января 1802 года, достигли Кито.

Восемь мѣсяцевъ прошло въ изслѣдованіи этой прелестнѣйшей долины и цѣпи, окружающихъ ее, грозныхъ вулкановъ. Путешественникамъ нашимъ удалось взобраться на нѣкоторые изъ вулкановъ до высоты, какой до-сихъ-поръ не достигалъ еще никто. На Чимборазо поднялись они, 23-го іюня 1842 года, на высоту 19,300 футовъ, слѣдовательно 3485 футовъ выше Кондомина (1745 г.). Такимъ образомъ, какъ уже сказано, они были на величайшей высотѣ, какой возможно достичь человѣку, и только пропасть помѣшала имъ добраться до высочайшей точки, которая была отъ нихъ въ 2,140 футахъ. Карлосъ Монтуфаръ, сынъ маркиза Сельвалегръ, молодой человѣкъ, жившій только для науки и въ послѣдствіи павшій, какъ и многіе изъ его лучшихъ соотечественниковъ, жертвой революціи, присоединился въ Кито къ нашимъ путешественникамъ и сопутствовалъ имъ до конца ихъ продолжительнаго путешествія по Перу и Мексикѣ. Черезъ Локсу, Жанъ де-Бракоморусъ, Каксомарку и цѣпь Андовъ (12,000 ф. в.), они достигли, у Трукисилы, берега Великаго океана и пошли по маловодной песчаной пустыни нижняго Перу до Лимы.

Чтобы попасть въ Мексику, они въ январѣ 1802 года отправились изъ Калао въ Гуаквилъ и, послѣ утомительнаго путеше-

ствія, высадились въ Акапулко. Черезъ Таско и Куэрнарику, они достигли въ апрѣлѣ столицы Мексики, гдѣ и пробыли нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ, направились на югъ; посѣтили Гуанаксуато и Валадалиде, объѣздили провинцію Мехоаканъ; опять приблизились, у Юруо, къ берегу Великаго океана и, черезъ Толуко, возвратились въ Мексику.

Вторичное пребываніе въ этомъ городѣ, богатомъ образованностью высшаго круга своихъ жителей, они употребили на приведеніе въ порядокъ всѣхъ матеріаловъ и многостороннихъ наблюденій.

Въ январѣ 1804 года путешественники наши отправились принятымъ путемъ въ Вера-Круцъ; счастливо избѣгли свирѣпствовавшей здѣсь желтой лихорадки и поплыли въ Гаванну, гдѣ снова остались два мѣсяца, а оттуда въ Филадельфію, гдѣ провели также два мѣсяца въ сравнительныхъ наблюденіяхъ.

Въ августѣ 1804 года Александръ фонъ-Гумбольдтъ и его спутникъ Бонпланъ, высадились въ Гаврѣ, гдѣ, болѣе чѣмъ какой-либо другой путешественникъ, обогатились новыми наблюденіями въ обширной области естественныхъ наукъ, географіи, статистики и этнографіи. Кромѣ богатыхъ собраній растительнаго царства и минералогіи; удивительныя результаты принесли ихъ наблюденія въ зоологическомъ, астрономическомъ и атмосферическомъ отношеніяхъ.

Теперь настало для Гумбольдта время отдыха, который онъ употребилъ на приведеніе въ порядокъ всѣхъ своихъ свѣдѣній и наблюденій. Гумбольдтъ избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Парижъ; потому-что ни одно мѣсто континента не представляло такого богатства ученыхъ вспомогательныхъ средствъ и нигдѣ не было такого множества ученыхъ изслѣдователей.

Плодомъ трудовъ его, въ 1808 году вышло первое изданіе его прекраснѣйшаго сочиненія: «*Ansichten der Natur*»; въ 1826 году, въ Тюбингенѣ, вышло второе, исправленное изданіе того же сочиненія; въ 1850 году — третье, совершенно передѣланное.

Къ этому же времени (1811 г.) должно отнести предложеніе, сдѣланное Гумбольдту русскимъ правительствомъ, черезъ государственнаго канцлера графа Румянцова, принять участіе въ экспедиціи, черезъ Кашкаръ въ Тибетъ, предначертанной покойнымъ императоромъ Александромъ I. Гумбольдтъ готовъ былъ принять это предложеніе, тѣмъ охотнѣе, что видѣлъ возможность посѣтить знаменитыя горы Индіи и сравнить ихъ съ Кордильерами

новаго свѣта. Вотъ, что писалъ онъ, между прочимъ, по этому поводу барону Рененкампу въ Петербургъ :

«Я не могу достаточно выразить, какъ лестна для меня-память человѣка, познанія и высокая степень образованія котораго давно уже интересовали меня. Осмѣливаюсь отвѣчать вамъ на французскомъ языкѣ потому, что вы, вѣроятно, захотите сообщить это письмо тѣмъ лицамъ, которымъ менѣе доступенъ языкъ нѣмецкій. Кромѣ изданія моихъ сочиненій объ Америкѣ, я въ настоящее время приготавливаю къ экспедиціи. Я имѣлъ это намѣреніе еще до возвращенія моего въ Европу и увѣренъ, что приведу его въ исполненіе; но раньше не уѣду изъ Парижа пока, не кончу все мое изданіе, $\frac{3}{4}$ котораго уже окончены совершенно. Я уже издалъ «*Aequinoctialpflanzen*,» 2 тома, in F°; «*Melastomen*,» 1 т., in F°; *Beobachtungen über Zoologie und vergleichende Anatomie*, 1 т., in 4°; *Abhandlung über die Pflanzen-Geographie*, 1 т.; *Monumente der amerikanischen Geborenen mit denen des asiatischen Orients verglichen*, 1 т., in F°; *Politische Abhandlung über Mexiko*, 2 т. in 4°, съ атласомъ и 20 картами; *Astronomische Beobachtungen, Barometermessungen auf den Cordilleren*, 2 т., in 4°; — въ настоящее время печатаются: *Species der Pflanzen*, гдѣ помѣщено 1800 новыхъ родовъ, которые мы привезли съ собой; одинъ томъ *Beobachtungen über die Abweichung der Magnetnadel und die Stärke des Magnetismus* и 4 тома *Historischer Bericht* — также въ печати. Цѣль моего азіятскаго путешествія — изученіе большой цѣпи горъ отъ источниковъ Индуса до источниковъ Ганга. Мнѣ хочется увидѣть Тибетъ; но страна эта не главный предметъ моихъ изслѣдованій; я, по всей вѣроятности, отправлюсь также на мысъ Доброй Надежды. Мысль заняться уклоненіями (вертикальной отлогости отъ экватора) южныхъ созвѣздіи — прельщала меня давно. Я остался бы въ Бенаресѣ или Тибетѣ и тогда имѣлъ бы возможность посѣтить Индѣйскій полуостровъ, Малакскія берега, островъ Цейлонъ, Яву или Филиппинскіе острова.

Предпочитаю Индію потому, что тамъ, я увѣренъ, мнѣ предстоитъ путешествіе, богатое открытіями. Политическое положеніе Европы таково, что я поѣхалъ бы немедленно, еслибъ могъ ѣхать черезъ Константинополь, Бассору и Бомбей. Но такъ какъ главная цѣль — Индія и горы центральной Азіи, лежація подъ 35—38 град. широты, то я довольно равнодушно гляжу на предстоящую мнѣ дорогу. Вотъ взгляды и планы, дорогой другъ, которыми я теперь занятъ. До-сихъ-поръ у меня еще достаточно

средствъ для исполненія моихъ намѣреній. Радуюсь весьма участію, какое оказываетъ мнѣ Петербургъ. Имена Сперанскаго и Уварова не безъизвѣстны тѣмъ, кто слѣдитъ за успѣхами наукъ на сѣверѣ. Графъ Румянцевъ, министръ торговли, во время пребыванія своего въ Парижѣ, удостоилъ меня предложеніемъ; я отвѣчалъ не уклончиво; а, напротивъ, выразилъ искреннее желаніе содѣйствовать той великой и благородной цѣли, которая одушевляла императора Александра. Я приму охотно предложеніе которое сдѣлаетъ мнѣ русское правительство официальнымъ образомъ, если будутъ расположены прислать мнѣ географическія данныя тѣхъ странъ, какія я захочу изслѣдовать. Мнѣ тяжело будетъ отказаться отъ надежды увидѣть берега Ганга съ ихъ бананами и пальмами; мнѣ теперь 42 года, а экспедиція, которую я желаю предпринять, продолжится отъ 7—8 лѣтъ; но, чтобы пожертвовать тропическими странами Азіи, надобно дабы планъ, предначертанный мнѣ, былъ шпрокъ. Кавказъ не такъ меня тянетъ, какъ Байкальское озеро и вулканы полуострова Камчатки. Можно ли пробраться въ Самаркандъ, Кабуль и Кашемиръ? Развѣ нѣтъ надежды измѣрить Мустагъ и плоскую возвышенность Шамо? Есть ли хоть одинъ человекъ въ російской имперіи, который будучи въ Ласса и Тибетѣ не прошелъ по обыкновеннымъ дорогамъ Тегерана, Камана, Герата и Калькутты? Россія начала войну со всѣми народами на южной границѣ; можно ли будетъ сдѣлать что-нибудь для науки посреди шума оружія?

Геогнозія, наука трактующая о слояхъ горъ и однообразіи ихъ образованія, батаническая географія, метеорологія, наблюденія надъ пенделемъ, теорія магнетизма — вотъ предметы нашихъ изслѣдованій. Изученіе людей, породъ, языковъ; надежда открыть на югъ торговыя дороги и тысячи другихъ предметовъ, представляются нашимъ изслѣдованіямъ. Чтобы тотчасъ получить общій вѣрный взглядъ на наше предпріятіе, я бы желалъ позволенія сначала *изгѣздить* всю Азію отъ 58 до 60 град. широты, черезъ Екатеринбургъ, Тобольскъ, Енисейскъ, Якутскъ до вулкановъ Камчатки и на берегъ Южнаго океана. Земля эта возвышена на сѣверѣ, и здѣсь можно было бы замѣтить всѣ новѣйшія образованія горъ; или же можно было бы повернуть съ востока на западъ подъ 48 град. широты, къ Байкальскому озеру, чтобы сдѣлать здѣсь изслѣдованія, которыя начались бы на югѣ этого параллельнаго круга и продолжались бы отъ 4—5 лѣтъ. Эти поѣздки воевъ недороги, хотя и необходимы инструменты, по конструкціи легкіе и удобоперевозимые и притомъ, все таки,

вѣрные. Я бы желалъ, чтобы мнѣ сопутствовали *русскіе* ученые, они не такъ скоро падаютъ духомъ, переносятъ съ большимъ терпѣніемъ трудности и не такъ скоро захотятъ возвращенія домой. Я не понимаю ни слова по-русски, но сдѣлаюсь Русскимъ, какъ сдѣлался Испанцемъ, потому что предпринимаемое мною исполняю съ рвеніемъ.

Нѣсколько важныхъ цѣлей могли бы быть достигнуты вдругъ: во 1-хъ, успѣхи въ точныхъ наукахъ: общей физикѣ, геологій и ботаникѣ и по всѣмъ другимъ частямъ естественной исторіи; въ ученіи о магнитной стрѣлкѣ, метеорологій; во 2-хъ, исправленіе картъ, при посредствѣ астрономическихъ наблюденій, безъ пособія обременительной тригонометрій; барометрическія измѣренія; начертаніе разрѣза возвышеній земной поверхности, какъ сдѣлано это въ моемъ мексиканскомъ атласѣ; въ 3-хъ, собраніе точныхъ свѣдѣній объ экономическихъ, политическихъ и торговыхъ отношеніяхъ въ странахъ, малоизвѣстныхъ правительству; въ 4-хъ, историческія изслѣдованія о народахъ и языкахъ, какъ матеріалы для всеобщаго, сравнительнаго словаря; въ 5-хъ, обогащеніе русскихъ коллекцій естественной исторіи, въ систематическомъ порядкѣ породъ камней, распределенномъ по провинціямъ, на пространствахъ 1500 миль.

Какъ ни прекрасны, какъ ни полезны труды Гмелина, Палласа, Крашенинникова и Германна, они могли бы быть развиты и расширены при современномъ взглядѣ на природу. Если только подумаешь о всемъ, что можно было бы сдѣлать при совокупномъ усиліи ученыхъ лицъ, одушевленныхъ добрымъ желаніемъ, снабженныхъ точными инструментами, подъ руководствомъ и покровительствомъ щедраго, твердаго въ своихъ планахъ и довѣрливаго правительства—легко убѣдиться, что кругосвѣтныя путешествія болѣе всего способствуютъ развитію науки. Я весьма тщательно разсмотрѣлъ описаніе путешествія Крузенштерна. Въ предисловіи къ первому тому моихъ астрономическихъ изслѣдованій, я отдалъ честь этому ученому и опытному мореплавателю. Онъ служитъ лучшимъ украшеніемъ царствованія императора Александра, который при самомъ вступленіи на престолъ показалъ, двумя большими, учеными экспедиціями, благородное сочувствіе къ успѣхамъ просвѣщенія въ своемъ обширномъ государствѣ.

Итакъ вы видите, милостивый государь, что я былъ бы очень радъ принять предложеніе, которымъ меня почтили, еслибъ планъ былъ начертанъ въ большихъ размѣрахъ, достойныхъ, по

моему мнѣнію, монарха, управляющею самою большою частью стараго материка. Опасенія на счетъ войны на сѣверѣ отдалять, можетъ быть, исполненіе большихъ плановъ; но я твердо надѣюсь, что эта часть Европы еще долго будетъ наслаждаться миромъ. Если же надежда моя не оправдается, то должно предполагать, что послѣ войны правительства, съ умѣренными денежными пожертвованіями, сдѣлаютъ все, чтобы поддержать внутреннее благосостояніе. Я не могу быть въ Петербургѣ раньше зимы 1814 года; но это промедленіе не помѣшаетъ дѣлу, потому что надо болѣе года для изготовленія физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, которые можно заказать у Фортена, Брегета или Лемуара въ Парижѣ, у Тровтона, Рудже, Рамздена сына въ Лондонѣ или у Рейхенбаха въ Мюнхенѣ; нужно также время, чтобы собрать ученыхъ и художниковъ и болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, можно ли пробраться на югъ Европы.

Ослабленіе правой руки, которое я получилъ въ Оренко, отъ сырости, дѣлаетъ мой почеркъ неяснымъ, и потому смѣю ли просить васъ, чтобы вы, когда вздумаете сообщить письмо мое кому нибудь изъ вашихъ друзей, приказывали переписывать его.

Я говорю съ вами съ тою-же откровенностью, съ какою говорилъ въ 1799 году, при Дворѣ въ Арангуэцо. Я желалъ-бы болѣе подробныхъ объясненій по этому дѣлу; не требую ничего положительнаго; но пусть это будетъ хоть что-нибудь приблизительное. Я понимаю, что, при теперешнемъ политическомъ положеніи, правительству не до того; но зная впередъ, что монархъ желаетъ, чтобы я началъ путешествіе съ азіатской Россіи, я-бы избѣжалъ лишнихъ издержекъ. Соглашаюсь на всѣ условія, лишь-бы служить столь полезной цѣли и готовъ отправиться изъ Тобольска до мыса Коморина, если-бы зналъ даже, что изъ девяти лицъ хоть одно возвратится оттуда съ успѣхомъ. Умѣренный въ своихъ потребностяхъ, вооруженный нравственною независимостью, поддерживаемый силою воли, я иду своимъ путемъ твердо и спокойно. Я измѣнилъ бы своему характеру, если-бъ, вмѣсто-того, чтобы отвѣчать на предложенія, сталъ ихъ дѣлать самъ.

Можете-ли вы сказать точно, подъ какимъ градусомъ широты лежитъ въ Сибири самое сѣверное селеніе, обитаемое зимой; подъ селеніемъ я разумѣю хотя два, три домика? Было бы очень интересно узнать ежечасное измѣненіе магнитной стрѣлки и силу магнетизма при сѣверномъ сіяніи, длинною ночью.»

Письмо это, какъ согласится, вѣроятно, каждый, весьма-много характеризуетъ Александра фонъ-Гумбольдта; онъ почти весь самъ высказывается здѣсь. Какъ много говорятъ, напримѣръ, эти простыя, но полныя глубокаго значенія слова: *«Умирный въ своихъ потребностяхъ, вооруженный нравственною независимостью, поддерживаемый силою воли, я иду своимъ путемъ твердо и спокойно»*. Сколько величія въ образѣ этого всемірнаго апостола науки, сколько благороднаго смиренія въ другихъ его словахъ: *«соглашаюсь на все условія, лишь-бы служить столь полезной цѣли!»*

Вспыхнувшая война между Россіею и Франціею помѣшала на мѣренію Гумбольдта ѣхать въ Россію. Не отказываясь, однакожь, совершенно отъ этой мысли, онъ изъ Вѣны отправился въ Парижъ, чтобы заняться тамъ изданіемъ своихъ сочиненій объ Америкѣ и обдумать обстоятельно планъ путешествія по Азіи.

Въ 1817 году Гумбольдтъ, въ соединеніи съ Ге-Люссакомъ, уяснилъ вопросъ о положеніи магнитнаго экватора и представилъ парижской Академіи Наукъ свою карту о своеобразномъ теченіи Ореноко. Посѣтивъ, въ 1818 году, въ сообществѣ Ге-Люссака, Италію и Лондонъ, Гумбольдтъ, въ 1826 году, поселился въ Берлинѣ и находился постоянно при покойномъ королѣ, который не могъ обойтись безъ его общества. Въ это время его произвели въ дѣйствительные тайные совѣтники. Съ чисто-возвышенною цѣлью, Гумбольдтъ достигъ сильнаго вліянія. На него возлагали нѣсколько политическихъ миссій, которыя были такого рода, что, по общему мнѣнію, только личное посредство такого ученаго и высокопочитаемаго мужа, какъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ, могло оказать существенную пользу, какой не достигли бы другіе посредники-дипломаты.

Между-тѣмъ завѣтное, давно желѣемое имъ желаніе *объѣздить* Индію, чтобы сравнить возвышеннѣйшія горы — Анды и Гималаи, не исполнялось, не смотря на то, что сначала французское правительство обѣщало вспомошествованіе, а потомъ, въ ноябрѣ 1818 г., въ Ахенѣ, король прусскій обѣщаль Гумбольдту выдавать ежегодно 12,000 талеровъ и составить ученую экспедицію.

Въ декабрѣ 1826 года Гумбольдтъ, по дорогѣ изъ Берлина въ Парижъ, посѣтилъ въ Веймарѣ Гёте и просидѣлъ у него нѣсколько часовъ. Въ тотъ-же день къ Гёте зашелъ Экерманнъ и засталъ его чрезвычайно-взволнованнымъ.

— Что съ вами? спросилъ Экерманнъ съ дружескимъ участіемъ.

Гёте отвѣчалъ ему:

— Сегодня утромъ пробылъ у меня нѣсколько часовъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ. Что это за человѣкъ! Я знаю его давно, но пораженъ имъ снова. Можно сказать: нѣтъ ему подобнаго въ научныхъ познаніяхъ и въ знаніи жизни; это такая многосторонность, какой я до-сихъ-поръ не встрѣчалъ еще нигдѣ. Чего ни коснись, онъ вездѣ дома и осыпаетъ васъ богатствомъ идей. Онъ похожъ на колодезь со многими водопроводными трубами; стоитъ только подставить сосудъ и въ него польется освѣжительная и неисчерпаемая струя. Онъ остается здѣсь на нѣсколько дней, и я чувствую, что мнѣ покажется, будто я прожилъ нѣсколько лѣтъ.

Зимой 1827 года Гумбольдтъ показалъ собою прекрасный примѣръ. Онъ показалъ торжественно, что не считаетъ нисколько унизительнымъ для званій барона, камергера и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, явиться публично учителемъ и толкователемъ своей любимой науки. Въ самой большой аудиторіи берлинскаго Университета онъ читалъ лекціи физической географіи и собраніе слушателей изъ высшаго сословія было до того многочисленно, что Гумбольдтъ принужденъ былъ повторить эти лекціи въ залѣ Академіи пѣнія (Singakademie). Какъ истинный, честный жрецъ науки, доблестный мужъ этотъ считалъ свое призваніе выше почестей, титула, происхожденія и связей; служить наукѣ и открывать ея тайны тысячамъ — считалъ онъ духовной потребностью и своею священною обязанностью. Превосходныя лекціи Гумбольдта о предметахъ возвышенныхъ, изложенныя съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, навсегда останутся неизгладимыми въ памяти его слушателей. Всѣ эти лекціи вошли, позднѣе, въ составъ «Космоса».

Причиною замедленія изданія этихъ лекцій было путешествіе, предпринятое Гумбольдтомъ, въ 1829 году, по предложенію и подъ покровительствомъ покойнаго императора Николая Павловича. Въ 1828 году Александру фонъ-Гумбольдту было сдѣлано, черезъ бывшаго тогда министра финансовъ, графа Канкринна, предложеніе совершить, на казенный счетъ, путешествіе по Россіи: по Уралу и Алтаю, по китайской Джунгаріи и Каспійскому морю. Въ предложеніи этомъ высказывалась, между прочимъ, та мысль, что польза, какую могло-бы извлечь русское правительство изъ путешествія Гумбольдта, въ матерьяльномъ отношеніи, по части горнозаводства и промышленности, должна оставаться на второмъ планѣ; главнѣйшею-же цѣлью должен-

ствовала быть польза науки. Гумбольдтъ читалъ въ это время публичныя лекціи и потому, не отказываясь совершенно отъ лестнаго и нѣкоторымъ образомъ желаннаго предложенія, не могъ да и не хотѣлъ воспользоваться имъ тотчасъ-же, а отложилъ до будущаго года. Весь-же текущій годъ онъ посвятилъ наукѣ и приготовленіямъ къ путешествію.

Годъ этотъ былъ тяжелымъ годомъ для Александра Гумбольдта; судьба нанесла страшный ударъ его благородному и нѣжному сердцу. Въ этомъ году онъ потерялъ свою невѣстку, Каролину Гумбольдтъ, жену старшаго брата. То была единственная женщина, которую, послѣ матери своей, любилъ Гумбольдтъ горячо и нѣжно. Легко представить себѣ его горестъ и отчаяніе....

12 апрѣля 1829 года, простившись съ братомъ, Александръ Гумбольдтъ выѣхалъ изъ Берлина, въ сопровожденіи гг. Эренберга и Густава Розе. Черезъ Кенигсбергъ, Мемель, Ригу и Дерптъ, гдѣ Гумбольдтъ познакомился съ нашимъ знаменитымъ астрономомъ В. Струве, путешественники прибыли, 1-го мая, въ Петербургъ, гдѣ въ теченіе 20 дней осматривали все достопримѣчательное и были приняты нашимъ обществомъ необыкновенно радушно и гостепрѣмно. Изъ Петербурга Гумбольдтъ съ своими спутниками отправился въ Москву; здѣсь они были встрѣчены и принимаемы съ тѣмъ-же радушіемъ, какъ и въ Петербургѣ, и оставались только нѣсколько дней. Отсюда, черезъ Владиміръ, они поѣхали въ Нижній-Новгородъ, гдѣ къ нимъ присоединился графъ Полье. Изъ Нижняго-Новгорода они отправились по Волгѣ, съ намѣреніемъ осмотрѣть Казань и татарскіе древности въ Болгарахъ, потомъ черезъ Пермь въ Екатеринбургъ, по азіатской отлогости Урала. Затѣмъ они посѣтили центральную и сѣверную части Урала, столь богатаго золотомъ и платиною, малахитныя копи, большую магнитную Блогодатскую гору и знаменитое мѣсторожденіе топаза и берила въ Мурзинскѣ. Въ Нижне-Тагильскѣ найденъ имъ самородокъ платины въ 16-ть фунтовъ. Изъ Екатеринбурга отправились они черезъ Тюмень къ Тобольску, а оттуда въ Барабинскую степь, Барнаулъ, къ живописному Колыванскому озеру, Змѣиной горѣ и Зырянску, югозападной отлогости Алтая, черезъ Бухтарминскъ, до китайской границы; потомъ, назадъ, черезъ Усть-Каменогорскъ, гдѣ на берегахъ Иртыша Гумбольдтъ увидѣлъ страшную массу скалъ, на пространствѣ болѣе 16000 футовъ, изъ гранита, положеннаго горизонтальными слоями; явленіе это было весьма полезно Гумбольдту въ его ученіи объ образованіи гранита. Затѣмъ путе-

пешенники отправились черезъ Семипалатинскъ, Омскъ, вдоль Ишима и Тобола; достигли южнаго Урала, Оренбурга, Черкасса, Саратова, Сарепты, и, черезъ Астрахань, землю Донскихъ казаковъ, Воронежъ, Тулу и Москву, 13 ноября 1829 года, прибыли въ Петербургъ.

Здѣсь императорская Академія Наукъ составила изъ своихъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго президентомъ Академіи графа Уварова, чрезвычайное собраніе въ честь барона Александра фонъ-Гумбольдта, засѣданіе это было почтено присутствіемъ ихъ имп. высочествъ вел. княг. Елены Павловны и принца Александра Виртембергскаго, министровъ, членовъ государственнаго совѣта, ученыхъ, литераторовъ и множества лицъ изъ высшаго петербургскаго общества, обоюга пола. Засѣданіе открылось рѣчью президента, приличною случаю; затѣмъ нѣкоторые изъ академиковъ (Гессъ, Купферъ и Остроградскій) читали свои записки, и наконецъ самъ Гумбольдтъ прочиталъ записку о своемъ послѣднемъ путешествіи. Въ заключеніе, Гумбольдту была вручена золотая медаль, а его спутникамъ гг. Эренбергу и Густаву Розе дипломы на званіе членовъ-корреспондентовъ Академіи.

Разсказываютъ, что Гумбольдтъ, отправляясь изъ Петербурга на Уралъ, сказалъ шутя императрицѣ:

«Я не явлюсь передъ ваше импер. величество безъ русскаго брилліанта».

Предположеніе его касательно существованія у насъ брилліантовъ оправдалось. Графъ Полье дѣйствительно нашелъ брилліантъ и подарилъ его Гумбольдту, а ученый камергеръ въ свою очередь, въ бытность императрицы въ Берлинѣ, поднесъ ей этотъ *первый* русскій брилліантъ.

Отблагодаривъ дворъ и правительство и отдавъ отчетъ въ своей экспедиціи, Гумбольдтъ уѣхалъ въ Берлинъ, куда и прибылъ 22 декабря 1829 года. Въ девять мѣсяцевъ своего путешествія Гумбольдтъ проѣхалъ двѣ съ половиною тысячи географическихъ миль; считая это пространство по прямой линіи, выйдетъ почти половина окружности земнаго шара. Путешествіе это принесло такую-же пользу физико-математическимъ наукамъ, какъ и путешествіе въ Америку. Результаты его такъ обширны, что трудно да почти и невозможно представить полную ихъ картину въ тѣсныхъ рамкахъ нашей небольшой статьи.

Описаніе этого путешествія должно было явиться въ трехъ отдѣленіяхъ. Гумбольдтъ взялъ на себя изображеніе сѣверо-за-

падной Азіи, въ географическомъ и физическомъ отношеніяхъ, наблюденія надъ земнымъ магнетизмомъ и результаты астрономической географіи. Густавъ Розе долженъ былъ обработать результаты химическаго анализа минералогіи и путевыя замѣтки. Эренбергу предоставлялось зоологическая и ботаническая части. Отъ такого триумвирата наука имѣла право ожидать всего лучшаго и полезнѣйшаго. Прежде всего, въ 1831 году, явились въ свѣтъ: «*Fragmens de Geologie et de Climatologie Asiatique, 2 vol. 8. Paris*», Гумбольдта и составили какъ бы начало позднѣйшаго, обширнаго сочиненія. Они раздѣлялись на три главные отдѣла:

Первый заключаетъ въ себѣ описаніе цѣпи горъ и вулкановъ центральной Азіи, съ дополнительными примѣчаніями о горячихъ ключахъ Алагута; о газовыхъ — грязныхъ и огненныхъ изверженіяхъ въ разныхъ мѣстахъ внутренней Азіи и Америки.

Второй — разсужденія о температурѣ и гигрометрическомъ состояніи воздуха въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Азіи.

Третій отдѣлъ составили изслѣдованія причинъ отклоненія изотермовъ. Все это сочиненіе обработано Левенбергомъ и вышло на нѣмецкомъ языкѣ.

Путешествіе Гумбольдта по Азіи имѣетъ большое значеніе и въ томъ отношеніи, что, кромѣ его собственныхъ изслѣдованій и наблюденій, онъ умѣлъ возбудить дѣятельность и въ другихъ, указывая имъ мѣста и предметы, заслуживающіе вниманіе науки. Такъ въ проѣздъ свой по Сибири онъ раздавалъ барометры и термометры разнымъ лицамъ, преимущественно горнымъ чиновникамъ, приглашая ихъ дѣлать наблюденія. Затѣмъ предложилъ петербургской императорской Академіи Наукъ устройство обсерваторій въ разныхъ мѣстахъ имперіи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ центральной физической обсерваторіи, которая находится нынѣ подъ дирекцію знаменитаго физика А. И. Купфера, для провѣрки метеорологическихъ и магнетическихъ наблюденій. Мысль эта была принята и приведена въ исполненіе.

Двѣнадцать лѣтъ прошло за тѣмъ, въ теченіи которыхъ Гумбольдтъ, оставаясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ петербургскою физическою обсерваторіею, имѣлъ случай собрать много новыхъ матеріаловъ и издалъ въ 1843 году, въ Парижѣ, новое сочиненіе: «*Asie centrale, Recherches sur les chaines des montagnes et la climatologie comparée, въ трехъ томахъ.*»

Результаты путешествія по Азіи, изложенные Гумбольдтомъ въ этомъ сочиненіи, весьма разнообразны; но всѣ имѣютъ связь

и приводятъ къ одному и тому же выводу. Къ самымъ главнымъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ этомъ сочиненіи принадлежать отдѣлы о средней высотѣ большаго материка; далѣе, о плоской возвышенности центральной Азіи, о системѣ горъ Куэнлуна; о низменности Каспійскаго моря и его прибрежій противъ уровня океана; затѣмъ, историческо-географическое изслѣдованіе о тогдашнемъ теченіи Оксы; равно какъ и свѣдѣніе о сѣвѣжной линіи. Къ сочиненію этому приложены таблицы, показывающія среднюю температуру болѣе 300 различныхъ мѣстностей. Кромѣ весьма богатыхъ географическихъ свѣдѣній объ Уралѣ, волканахъ; о мѣсторожденіи золота, равно какъ и о добываніи золота промывкою на Уралѣ и въ Сибири, и объ алмазахъ въ горахъ; сочиненіе это пополнено пояснительными статьями Станислава Жюльена, относительно китайскихъ историческихъ источниковъ; прибавленіями Клапрота о волканахъ; примѣчаніями Валансьена о тленіяхъ Каспійскаго моря и проч. Сочиненіе вообще весьма богато изслѣдованіями по исторіи и лингвистикѣ и снабжено картою центральной Азіи, начертанной самимъ Гумбольдтомъ и основанной на новѣйшихъ астрономическихъ наблюденіяхъ и измѣреніяхъ возвышенностей. Исчисленіе астрономическихъ наблюденій въ Сибири, вошедшихъ въ это сочиненіе, было послѣдней работою сотрудника Гумбольдта Ольтмана, который, по окончаніи этого труда, умеръ.

Изданіе этого сочиненія требовало присутствія Гумбольдта въ Парижѣ, гдѣ жили его друзья и ученые, въ содѣйствіи которыхъ онъ нуждался; но все таки любовь къ родинѣ манила его и въ Берлинъ и съ конца 1829 года Гумбольдтъ жилъ то въ Парижѣ, то въ Берлинѣ.

Въ 1830 году Европа была потрясена духомъ французской революціи; всѣ народы желали политическихъ перемѣнъ. Пруссія, какъ и вся Германія, была въ весьма затруднительномъ положеніи. Александръ фонъ-Гумбольдтъ въ строгомъ смыслѣ никогда не мѣшался въ политику; но, пользуясь довѣренностью короли Фридриха Вильгельма III и принадлежа въ ученой сферѣ двумъ націямъ — Германіи и Франціи, былъ одинъ способенъ явиться, въ эти критическія минуты, посредникомъ между двумя націями, равно имъ гордившимися и считавшими его своимъ. Вотъ, почему король Фридрихъ Вильгельмъ III и послалъ его, въ сентябрѣ 1830 года, въ Парижъ, привѣтствовать Луи-Филиппа и новую династію.

Исполнивъ это порученіе, Гумбольдтъ въ 1831 году вернулся

въ Берлинѣ, гдѣ встрѣтились съ братомъ, который былъ въ это время въ немилости. Весьма правдоподобно предположить, что Александръ Гумбольдтъ воспользовался королевскимъ расположеніемъ къ нему и своимъ влияніемъ возвратилъ милость короля брату, которому былъ пожалованъ даже орденъ чернаго орла.

Въ этомъ же году Александръ Гумбольдтъ былъ, вѣроятно, въ Веймарѣ у Гёте; такъ можно, по крайней мѣрѣ, заключать изъ письма Гёте къ Вильгельму Гумбольдту, отъ 1 декабря 1831 года.

«Вашему брату, пишетъ между прочимъ Гёте, котораго незнаю уже какъ и величать, я обязанъ наслажденіемъ, которое онъ доставилъ мнѣ своею дружескою и въ высшей степени занимательною бесѣдою. Хотя его взглядъ на способъ изображенія геологическихъ предметовъ не сходится со моею церебральною системою: но, все таки я убѣдился съ душевнымъ удовольствіемъ и удивленіемъ, какъ даже и то, съ чѣмъ я несогласенъ, все связано у него логически и составляетъ цѣлое въ громадной массѣ его познаній, скрѣпленныхъ его рѣдкою даровитостью.»

Братья Гумбольдты жили въ нѣжнѣйшей дружбѣ, такъ что въ Берлинѣ называли ихъ *нѣмецкими діоскурами*; друзья Вильгельма, какъ напримѣръ: Гёте, Вольфъ, г-жа Варнгагенъ, Корейфъ, Котта, Генцъ, и друг. были друзьями и Александра. Послѣднему суждено было пережить большую часть изъ нихъ; такъ: Нибуръ и Штейнъ умерли въ 1831 году, Гёте и Генцъ — въ 1832 году, за ними Гегель и Шлейермахеръ и, наконецъ, 8 апрѣля 1835 года, на рукахъ его умеръ лучший другъ и братъ Вильгельмъ. Еще во время предсмертной агоніи своего брата Александръ Гумбольдтъ писалъ Варнгагену. Въ письмѣ этомъ видна вся сила нѣжной братской любви и отчаяніе скорби; вотъ оно:

«Вы, мой дорогой Варнгагенъ, вы, который не испугаетесь скорби; а разсудительно загляните въ глубину этого чувства, вы, въ это печальное время, должны принять слова любви, которую приносятъ вамъ въ дань оба брата. Страданія его еще не кончились. Я оставилъ его вчера въ 11 часовъ вечера и спѣшу опять туда. Вчерашній день былъ менѣе потрясающъ. Состояніе полудремоты; постоянный, но не безпокойный сонъ и при пробужденіи слова любви и утѣшенія; все таже ясность великаго ума, всеобъемлющаго и сознающаго свое положеніе. Голосъ его былъ очень слабъ, силенъ и дѣтски высокъ; ему поставили на горло пивки. Совершенное сознаніе! — «Вспоминайте обо мнѣ часто, — сказалъ онъ третьяго дня — но радостно. Я былъ очень

счастливъ и нынѣшній день для меня прекрасенъ, потому что любовь выше всего. Скоро я буду у матери и познаю десницу, правящую міромъ.» — Нѣтъ и тѣни надежды; я не думалъ, чтобы мои старые глаза могли пролить столько слезъ. Это продолжается уже восемь дней.»

По смерти брата Александръ Гумбольдтъ, 10 апрѣля, писалъ къ Араго, въ Парижъ: И въ этомъ письмѣ высказывается неменѣе, какъ много потеряло пережившее братское сердце:

«Je suis dans le plus profond abattement. Dans les plus grandes douleurs on pense à ceux, qui nous sont les plus chers; je me sens un peu soulagé en vous écrivant..... Je reste bien isolé.— J'espère, que j'aurai enfin le bonheur, de vous embrasser cette année.....»

Цѣлый годъ послѣ смерти брата, Александръ Гумбольдтъ занимался изданіемъ его обширныхъ изслѣдованій объ языкѣ-Кави. Въ тоже время однимъ изъ главныхъ предметовъ его занятій были, какъ уже сказано, описаніе его путешествія по Азій, которое требовало дѣятельной переписки съ друзьями въ Россіи и въ Парижѣ. Сверхъ того, онъ былъ занятъ продолженіемъ своихъ давно-начатыхъ «Критическихъ изслѣдованій.»

Въ 1838 году Гумбольдтъ напечаталъ въ журналѣ Котта «Vierteljahrsschrift» политико-экономическую статью «Объ измѣненіи добыванія золота» — примѣненіе къ изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ имъ на Уралѣ.

Въ 1839 и 1840 годахъ онъ нарисовалъ новую гипсометрическую карту цѣпей горъ и вулкановъ въ центральной Азій, замѣчательную по удивительной точности черченія и состава, которая и приложена къ совершенно передѣланному изданію его изслѣдованій объ Азій. Появленіе въ свѣтъ этого изданія замедлили отчасти поѣздки Гумбольдта то въ Парижъ, то въ другіе главные европейскіе города; отчасти же, сильно тронувшая его, смерть любимаго и уважаемаго имъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма III.

Впрочемъ, отношеніе его ко двору нисколько не измѣнилось и при возшествіи на престолъ Фридриха Вильгельма IV. Новый король, еще будучи кронъ-принцемъ, привыкъ къ сообществу Гумбольдта и потому, тотчасъ же, приблизилъ къ себѣ уважаемаго имъ ученаго, сдѣлавъ его своимъ довѣреннымъ лицомъ и постояннымъ собесѣдникомъ. Не смотря на преклонныя лѣта и множество занятій, Гумбольдтъ принужденъ былъ сопутствовать королю по всюду; въ Санъ-суси, въ Потсдамѣ, вездѣ, куда уѣз-

жалъ король, Гумбольдтъ былъ съ нимъ неразлучно, хотя это и отнимало у него немало драгоцѣннаго времени.

Гумбольдта постоянно занимала астрономическо-математическая географія, которая никогда еще не дѣлала такихъ блистательныхъ успѣховъ какъ въ это время. Своими открытіями Гумбольдтъ проложилъ этой наукѣ совершенно новый путь и неутомимою дѣятельностью воодушевлялъ достойныхъ сподвижниковъ. Это сроднило его съ географіею Америки и съ исторіею навигаціонной астрономіи XV и XVI столѣтій. Онъ является жаркимъ и ученымъ защитникомъ Колумба, котораго не оцѣнили ни современники, ни потомство и, въ своихъ «Критическихъ изслѣдованіяхъ», доказываетъ, что только гениальному уму и призванію Колумба міръ обязанъ открытіемъ Новаго Свѣта.

Приготовивъ, въ 1840 году, къ печати свои диссертациі «О восхожденіи на Чимборазо» и «О средней высотѣ материка», а равно и критическія изслѣдованія о главнѣйшихъ мѣстностяхъ Гвианы, Гумбольдтъ принялся за прерванный въ 1828 году трудъ по «Космосу» и передѣлалъ его совершенно. Въ то же время онъ не прекращалъ занятій по издапію посмертныхъ сочиненій своего брата и, какъ членъ Академической Комиссіи, принималъ дѣятельное участіе въ изданіи сочиненій Фридриха Великаго.

Король Фридрихъ Вильгельмъ IV, въ 1842 году, пригласилъ Александра фонъ-Гумбольдта, въ видѣ особенной чести и отдыха отъ занятій, сопутствовать ему въ поѣздкѣ въ Лондонъ, по случаю имѣющихъ тамъ быть крестинъ принца Вазійскаго. Почтенный особенною милостію короля Гумбольдтъ, въ свою очередь, составилъ лучшее украшеніе его свиты; дворъ лондонскій и вся образованная нація отдавала почетъ и оказывала уваженіе знаменитому ученому.

Въ маѣ 1842 года, король Фридрихъ Вильгельмъ IV почтилъ Александра фонъ-Гумбольдта новымъ отличіемъ. Королевскимъ повелѣніемъ была установлена новая степень (Friedens-classe) ордена «Pour le merite», основаннаго Фридрихомъ Великимъ исключительно въ награду отличившимся на войнѣ. Орденъ новой степени назначался ученымъ и художникамъ, и канцлеромъ его былъ сдѣланъ баронъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ.

Замѣчательный человекъ этотъ пользовался не только расположеніемъ своего короля, но и расположеніемъ многихъ высочайшихъ особъ; онъ былъ осыпаемъ отличіями; но звѣзда его гениальности и славы блесгла ярче всѣхъ орденскихъ звѣздъ,

она ихъ затѣвала. Всѣ возможныя Академіи и различныя ученныя корпораціи считали за честь назвать своимъ членомъ Александра фонъ-Гумбольдта; каждое ученое предпріятіе, каждое дѣло во имя науки не могло обойтись безъ благословенія и одобренія этого пастыря ученой паствы.

Послѣднее время онъ жилъ постоянно въ Берлинѣ, не разлучаясь съ своимъ коронованнымъ другомъ, которому посвящалъ большую часть своего времени. Всѣ жители Берлина и его окрестностей знали Александра фонъ-Гумбольдта также хорошо, какъ и короля, и отдавали ему почти такія же почести. Гумбольдтъ ходилъ твердыми и мѣрными шагами, съ наклоненной головой, полной мысли; лицо его, добродушное, было полно выраженія достоинства и кротости. Онъ или шелъ опутивъ глаза въ землю или смотрѣлъ на всѣхъ кротно и привѣтливо, безъ всякихъ притязаній гордости, и вѣжливымъ поклономъ огвѣчалъ на всякое привѣтствіе. Въ простомъ, неизысканномъ нарядѣ, иногда съ брошюровкой въ заложенныхъ за спину рукахъ, гулялъ онъ вездѣ, одинъ, скромно и безпритязательно; но вездѣ, гдѣ ни показывался, встрѣчалъ знаки уваженія и почетъ; нерѣдко встрѣчныя сворачивали съ дороги, чтобы не помѣшать мысли великаго человѣка. Даже простолюдинъ смотрѣлъ на Гумбольдта съ благоговѣніемъ и, указывая на него, говорилъ товарищамъ:

— Вотъ идетъ Гумбольдтъ!

Кто хоть однажды говорилъ съ нимъ, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія его легкой, ясной, естественной и простой рѣчи. Во всемъ, что говорилъ онъ, просвѣчивали: глубина, основательность, ясность и положительное знаніе. Нигдѣ не является онъ *нѣмецкимъ*, надутымъ ученымъ и надменнымъ педантомъ. Гумбольдтъ воспитался въ большомъ свѣтѣ; обращеніе его было благородное, открытое, французское, свободное и гибкое; находясь въ сношеніи со всѣми націями, онъ сумѣлъ усвоить только благородныя формы общежитія и гармонически соединить ихъ въ себѣ.

Даже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ Гумбольдтъ охотно посѣщалъ школьныя скамьи, чтобы здѣсь, какъ говаривалъ онъ самъ студентамъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, наверстать то, что онъ упустилъ въ молодости. Зимой 1834 — 1835 г. каждое утро, въ 9 часовъ, можно было найти его въ аудиторіи N VIII; тамъ Глѣкъ читалъ лекціи исторіи греческой литературы и древностей. Гумбольдтъ садился на четвертой или пятой скамьѣ, вынималъ изъ простенькой папки бумагу и

прилежно записывалъ лекцію. Однажды здѣсь случилось съ нимъ довольно забавное происшествіе. Опоздавшіе студенты не узнали Гумбольдта и вытѣснили его со скамьи. Точно также посѣщалъ онъ и лекціи Карла Риттера объ общемъ землевѣдѣніи; даже дурная погода не измѣняла его обыкновенія. Неразъ случалось, что Риттеръ при геогностико-физическихъ вопросахъ цитировалъ Гумбольдта или упоминалъ о немъ; тогда всѣ студенты улыбались сѣдому слушателю, и его присутствіе какъ бы сближало съ нимъ всю аудиторію.

При имени Гумбольдта каждому образованному человѣку открывается цѣлый міръ. Невольно видишь ученаго старца на высотѣ Кордильеровъ и Алтая, заглядывающимъ, подобно проку, въ неизмѣримую даль неба и въ глубину морскую. Своей дѣятельностью онъ уподобляется ученому солнцу, которое льетъ свои лучи на всю землю, и все соприкосновенное наукѣ затрогиваетъ, согрѣваетъ и оживляетъ. Со всѣми министерствами и учеными академіями онъ былъ въ дѣятельной и постоянной перепискѣ. Этому, конечно, способствовало и его счастливое происхождение; какъ сынъ знатной и богатой фамилии, занимающій почетное мѣсто при дворѣ умнаго государя, онъ пользовался услужливостью почти всѣхъ правительствъ; такіе успѣхи и возможны только знатному и гениальному человѣку. Потому-то только Гумбольдтъ могъ своимъ настояніемъ окружить земной шаръ поясомъ магнитныхъ обсерваторій. Исполненіе его дальнѣйшихъ требованій о наблюденіи надъ измѣненіями магнитной стрѣлки, дѣлаетъ честь правительствамъ. Его ходатайства достаточно было, чтобъ, черезъ весь средній поясъ стараго материка, отъ Пекина до Лондона, устроить рядъ обсерваторій, который увеличился съ 1840 года и былъ проведенъ черезъ каждое полушаріе земли до границъ южнаго полярнаго круга.

Поврбуемъ теперь еще разъ взглянуть на этотъ грандіозный образъ, въ общихъ его очертаніяхъ. Во многія отрасли науки онъ, первый, внесъ ясность и пониманіе. Вообще про него можно сказать, что онъ, первый, привелъ въ порядокъ хаосъ разьединенныхъ изслѣдованій, какъ предковъ нашихъ, такъ и современниковъ, и поставилъ все на свое мѣсто, чтобы составить одно стройное, цѣлое и общее. Что не имѣло закона сдѣлалось подъ его критическимъ взглядомъ положительнымъ; уединенное нашло свои родственныя группы и, такимъ образомъ, общая, соединенная жизнь природы подчинилась пытливому уму человѣка. Гумбольдтъ былъ основателемъ сравнительнаго землеопи-

санія, основателемъ новаго ученія объ образованіи земли; онъ съ другомъ своимъ Леопольдомъ Бухомъ, указалъ на постоянную вулканическую дѣятельность, которая имѣла самое большое вліяніе на образованіе земли; отринувъ ученіе своего наставника Вернера (Neptunismus), такъ какъ оно не согласовалось съ его изслѣдованіями. Онъ былъ основателемъ ботанической географіи, совершенно новаго ученія о законахъ умноженія растений; онъ открылъ новый свѣтъ, съ новыми формами явленій, съ новой жизнью, новыми нравами, языкомъ и говорящими остатками неизвѣстныхъ древностей. За тѣмъ онъ былъ реформаторъ и учитель новой картографіи въ точнѣйшемъ и обширнѣйшемъ представленіи величайшихъ земель; онъ былъ представителемъ совершенно новой, имъ созданной, а теперь уже развитой, естественной науки. Онъ былъ основателемъ новой школы, которая соединяетъ исторію человѣка съ физическими науками. Наконецъ, ему обязана математическая, точная метода изслѣдованій. Если мы взглянемъ на его способъ изложенія въ описаніяхъ и на художественную ихъ сторону, и здѣсь признаемъ справедливость извѣстнаго изреченія: «le style, c'est l'homme.» Всѣ его сочиненія отличаются прекраснымъ увлекательнымъ слогомъ, хотя часто въ нихъ трактуется о предметахъ, по сущности своей, довольно сухихъ и серьезныхъ. Слогъ Гумбольдта всегда и вездѣ простъ, неизысканъ, легокъ, плавенъ, ясенъ и изященъ. Всѣ ученія его сочиненія внушаютъ невольное довѣріе; его изображенія природы, безъ лишнихъ словъ, представляютъ вѣрныя картины мѣстности. Нигдѣ впечатлѣнія не преувеличены. Посреди повѣствованія часто встрѣчаются: остроты, игривость, доходящая до юмора; вездѣ юный, свѣжій взглядъ на предметъ, возводящій простыя сцены природы и жизни до поэзіи. Только Гумбольдтъ умѣетъ представить возвышенныя сцены, безъ всякихъ риторическихъ фигуръ, однимъ вѣрнымъ изображеніемъ природы; все равно, — идетъ ли рѣчь о бурномъ океанѣ, о саваннахъ въ средней Америкѣ, тропическихъ, дремучихъ лѣсахъ; о пустыняхъ или пропастяхъ въ перуанскихъ или мексиканскихъ цѣпяхъ горъ; о совершенно голыхъ, снѣжныхъ вершинахъ или, наконецъ, о высокихъ и страшныхъ водканахъ.

Гумбольдтъ такъ увлекателенъ въ изображеніяхъ тропическихъ странъ, что читатель забываетъ, самъ-ли онъ видѣлъ всѣ эти картины природы, или знаетъ ихъ только по живому описанію. Гумбольдтъ не любилъ выставляться; онъ всегда откровенно и ясно показывалъ и плоды собственныхъ наблюденій,

и то, что онъ заимствовалъ изъ чужихъ источниковъ или взялъ какъ вспомогательное своему объясненію. Такой характеръ сочиненій совершенно согласуется съ личною откровенностью Гумбольдта и его ученою добросовѣстностью. Въ счастливой памяти этого великаго ученаго хранилось такое множество знаній, что онъ, садясь за сочиненіе, едва справлялся съ этимъ богатствомъ, вѣчно неистощимымъ источникомъ. Почти всё свои сочиненія Гумбольдтъ писалъ на французскомъ языкѣ, какъ болѣе принятомъ въ образованномъ мірѣ; такимъ образомъ они сдѣлались извѣстны всѣмъ народамъ и съ удивительною быстротою проникли въ отдаленнѣйшія страны. Сочиненія Гумбольдта переведены и переводятся почти на всѣ европейскіе языки; такъ: Виммеръ и Левенбергъ перевели ихъ на нѣмецкій языкъ; Вильямсъ и Макгильорей на англійскій; нѣкоторыя изъ сочиненій Гумбольдта были переведены на нѣмецкій языкъ, подъ его собственнымъ руководствомъ.

Трудно, да едва ли и возможно, отдать полный и точный отчетъ о долговременныхъ, часто прерывавшихся и измѣнявшихся трудахъ Александра Гумбольдта. Онъ справедливо считается вторымъ Колумбомъ и весьма вѣроятно, что, безъ его путешествій, эманципация испанскихъ колоній отдалась бы на нѣсколько вѣковъ. Плоды шестилѣтняго путешествія Гумбольдта по тропическимъ странамъ вышли подъ разными названіями и учеными подраздѣленіями, съ присовокупленіемъ картъ и гравюръ. Вотъ ихъ перечень:

«Essai sur la Geographie des Plantes», 1 т. in 4°; подробнѣе:

«Prolegomena de distributione geographica plantarum secundum coeli temperiem et altitudinem montium», 1817, 1 Vol. 8°.

Tableau des plantes équinoxiales depuis le niveau de l'Océan jusqu'à 400 mètres de hauteur. 1809. 2 m. in f°.

Monographie des Rhexia et des Melasthones, 2 m. in f°.

Famille des Mimosacées et autres plantes légumineuses 1 m. in f°.

Graminées rares de l'Amérique équinoxiale. 2 m. in f°.

Nova Genera et Species plantarum. 7 m. in f°.

Géographie des plantes, redigée d'après la comparaison des phénomènes que présente la végétation dans les deux continens.

Observation de Zoologie et d'Anatomie comparée 2 m. in 4.

Observation Astronomique. 2 m. in 4.

Essai sur le gisement des roches dans les deux hémisphères. 1 m. in 8°.

Tableau physique des régions équinoxiales. 1 m. in 4.

Atlas pittoresque или Vues des Cordillères et des monuments des peuples indigènes de l'Amérique. 1 m. in f°.

Essai politique sur le royaume de la nouvelle Espagne, 1811, 2 m. in 4°.

Atlas géographique et physique. 19 тетрадей.

Examen critique de l'histoire de la géographie du Nouveau Continent et des progrès de l'Astronomie nautique dans le XV et XVI siècles. Paris. 1836 — 1838. 5 m. in 8°.

Essai politique sur l'île de Cuba, avec une carte et un supplément, qui renferme des considérations sur la population, la richesse territoriale et le commerce de l'Archipel des Antilles et de Colombie. 1827, 2 m. in 8°.

Tableau statistique de l'île de Cuba, pour l'années 1825 — 1829, 1 m. in 8°.

Relation historique du voyage aux régions équinoxiales du nouveau Continent 3 m. in f°.

Въ дополненіе къ этому перечню должно прибавить, наконецъ, нѣсколько словъ о вѣнцѣ творчества Александра фонъ-Гумбольдта, о произведеніи, которое было плодомъ его шестидесятилѣтней дѣятельности и которое завѣщалъ онъ, какъ вѣчный памятникъ по себѣ, всей германской націи. Каждый пойметъ, что дѣло идетъ о «Космосъ». Началомъ этого безсмертнаго сочиненія послужили лекціи Александра Гумбольдта. Онъ читалъ ихъ, какъ извѣстно, безъ записокъ и только по неотступнымъ просьбамъ всѣхъ слушателей рѣшился написать ихъ и издать. Онъ принялся за дѣло еще въ 1827 году, но по разнымъ обстоятельствамъ долгое время намѣреніе это не удавалось ему и только съ 1844 года стало, наконецъ, выходить огромное сочиненіе, которое едва кончилось за годъ до кончины гениальнаго автора.

Космосъ — очеркъ физическаго описанія вселенной. Сочиненіе это, отличаясь общепонятнымъ языкомъ и глубокими учеными изслѣдованіями, представляетъ въ одномъ цѣломъ всѣ труды Гумбольдта и стоитъ на такой высотѣ, что нѣтъ произведенія ему равнаго. При составленіи его, Гумбольдтъ взялъ въ образецъ «Exposition du système du monde» Лапласа, какъ упоминаетъ онъ самъ.

«Наши сосѣди по ту сторону Рейна, говоритъ онъ, имѣютъ безсмертное сочиненіе Лапласа о системѣ міра, въ которомъ онъ приводитъ результаты глубокомысленнѣйшихъ математико-астрономическихкихъ изслѣдованій прошедшихъ столѣтій; не смотря на

нѣкоторые доказательства, строеніе неба представляется ему простымъ рѣшеніемъ большой проблемы механики.

Хотя и правда, что сочиненіе Лапласа безсмертно и прекрасно, всякій безпристрастный судья, сравнивая образецъ съ подражаніемъ, сознаетъ, однакожь, что «Космосъ» Гумбольдта далеко выше сочиненія Лапласа.

Сочиненіе Лапласа, во 1-хъ, не такъ удобопонятно, не такъ доступно дилетанту въ естественныхъ наукахъ, а болѣе писано для специалиста; во 2-хъ, оно отстало отъ изслѣдованій на цѣлые полвѣка, въ теченіи котораго естественныя науки расширились, усовершенствовались и обогатились многими открытіями въ химіи; въ 3-хъ, Лапласъ собиралъ свои свѣдѣнія въ кабинетѣ; въ 4-хъ, наконецъ, у Лапласа всѣ отрасли естественныхъ наукъ, всѣ его изслѣдованія и открытія минувшихъ столѣтій поставлены въ тѣсную зависимость отъ астрономіи и математики.

Напротивъ, весь «Космосъ» Гумбольдта почерпнуть изъ животрепещущей жизни; онъ показываетъ намъ и самую астрономію во всей ея цѣлости, но только какъ часть природы и говорить о землѣ и дѣйствительной жизни, какъ о предметахъ возвышенныхъ. Гумбольдтъ не идетъ ни отъ точки трансцендентальной, ни отъ точки спекулятивной, стало быть ни отъ точки пристрастной; но придерживается дѣйствительности и изслѣдованій, изъ сравненія которыхъ извлекаетъ общіе законы, и, такимъ образомъ, составляетъ систематическій порядокъ и цѣлое. Онъ самъ говоритъ объ этомъ такъ:

«Содержаніе всѣхъ опытныхъ знаній и философія природы, которая закончена во всѣхъ своихъ частяхъ (если такая законченность возможна) не могутъ противорѣчить другъ другу, если философія природы, по своему назначенію, есть разумное пониманіе дѣйствительныхъ явленій во вселенной. Гдѣ же оказывается противорѣчіе, вина падаетъ на пустоту спекуляцій или на самонадѣянность экспериментаторовъ, которые придаютъ опытамъ значенія болѣе, чѣмъ они заслуживаютъ. Но злоупотребленія и ложное направленіе умственного труда не должны вести насъ къ взгляду, оскорбительному для разума, представляющему міръ мысли областью фантастическихъ вымысловъ и допускающему, что философія можетъ грозить сокровищницѣ изслѣдованій, основанныхъ на опытѣ и собранныхъ въ теченіи многихъ столѣтій. Духу нашего времени не подобаетъ отвергать популяриность мысли и опыта, основаннаго на индукціи и аналогіи, какъ безосновательную гипотезу. Не подобаетъ осуждать ни разума,

доискивающегося связи между отдѣльными проявленіями природы, ни живости воображенія, необходимой во всѣхъ открытіяхъ и во всякомъ творчествѣ».

Въ заключеніе заставимъ опять самого Гумбольдта высказать его опредѣленіе природы и взглядъ на задачу возможности и трудности изслѣдованій и пониманія природы; никто, конечно, не выскажетъ это лучше безсмертнаго автора «Космоса».

«Для мыслителя природа есть единство въ многосложности, соединеніе разнообразнѣйшаго по формѣ и составу, совокупность силъ и предметовъ, какъ живое и цѣлое. По этому важнѣйшій результатъ всякаго разумнаго физическаго изслѣдованія знаковъ: признавать въ многосложности—единство, не упускать изъ виду частныхъ, переданныхъ намъ изслѣдованій послѣднихъ столѣтій, оцѣнивать ихъ и распредѣлять, сохраняя власть подъ массою матеріаловъ и сознавая высшее назначеніе человѣка, отыскивать смыслъ природы, затаенный въ ея явленіяхъ. Стремленіе этимъ путемъ переносить насъ за предѣлы тѣснаго круга чувственности и, понявъ природу, мы можемъ подчинить нашей мысли эти неразработанные матеріалы опытной наглядности».

Не дерзая принять на себя критическаго разбора великихъ произведеній великаго человѣка, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько словъ, сказанныхъ, въ память его, ординарнымъ академикомъ Бэротъ.

«Не только современники признавали его корифеемъ: то же сдѣлаетъ и отдаленнѣйшее потомство. Если спросимъ, въ самомъ дѣлѣ, какіе люди заслуживаютъ наименованіе *великихъ*? то, конечно тѣ, которые оставили по себѣ глубокой и продолжительный слѣдъ: отвѣтъ едва ли можетъ быть инаковъ. Тѣхъ государей искони называли великими, дѣятельность которыхъ надолго оставалась плодотворной: это мѣрило одинаково примѣнимо и въ другихъ кругахъ дѣятельности. А по этому мѣрилу величіе Гумбольдта, съ теченіемъ времени, все ярче будетъ выступать предъ глазами потомства, потому что истинное величіе, въ умственномъ мірѣ, какъ и въ физической природѣ, не теряетъ отъ разстоянія, а только выигрываетъ. Каждая тропинка, по которой проходилъ онъ, скоро становилась широкою дорогою научнаго изслѣдованія, потому что каждую онъ направлялъ туда, откуда должно было ожидать свѣта.

«Его разсужденіе объ изотермахъ, заброшенное въ журналъ, до-тѣхъ-поръ мало извѣстный, сдѣлалось зародышемъ всѣхъ новѣйшихъ, обширныхъ и основательныхъ изысканій о метеоро-

логии. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія точныя метеорологическія наблюденія обыкновенно считались, даже истинно учеными людьми, за невинное, но вмѣстѣ и бесполезное занятіе; теперь весь шаръ земной опоясанъ сѣтью метеорологическихъ станцій. Эта сѣть есть твореніе *Гумбольдта*, и можетъ-быть недалеко то время, когда способность странъ производить полезныя растенія будутъ опредѣлять термометромъ и гигрометромъ, ибо произрастеніе есть процессъ химико-физическій.

«Почти стольже обильны были послѣдствіями въ-теченіе полустолѣтія *Гумбольдтова* «Идеи о географіи растеній».

«Точно также есть цѣлые потоки ученаго изслѣдованія, которыми продолжается вліяніе покойнаго, и многіе слѣдуютъ потоку, не вспоминая о томъ, кто первый открылъ шлюзы. Нынѣ самыя недалъновидныя умы понимаютъ, что исторію народа составляютъ не именныя списки его влстителей, не число выигранныхъ или проигранныхъ сраженій, а духъ народовъ въ связи съ окружающею ихъ природою; но и теперь, быть-можетъ, лишь немногіе сознаютъ, что живое изображеніе вліянія вѣшной природы на жизнь народовъ, изложенное въ «Картинахъ Природы», много содѣйствовало тому, что изъ сухихъ лѣтописныхъ сказаній возникла исторія развитія человѣческихъ обществъ.

«Послѣ того, какъ *Гумбольдтъ* въ цвѣтѣ лѣтъ, съ свѣжими силами молодости, съ богатымъ запасомъ познаній и еще съ большимъ даромъ проникательности, изъ конца въ конецъ прошелъ по обширнымъ испанскимъ владѣніямъ Америки, которыя считались до-тѣхъ-поръ умышленно-замкнутыми для иностранцевъ, послѣ того, какъ онъ со всѣхъ сторонъ изобразилъ эти страны въ отношеніи къ природѣ и человѣку въ своихъ сочиненіяхъ, снискавшихъ уваженіе даже въ высшихъ слояхъ общества, ни одно изъ европейскихъ правительствъ не держится болѣе той мысли, что ученое изслѣдованіе страны противно интересамъ государственнымъ. Съ-тѣхъ-поръ этотъ взглядъ предоставленъ лишь татарскимъ и китайскимъ государствамъ Азіи.

«Въ исторіи ученыхъ путешествій, вслѣдствіе странствованій *Гумбольдта*, явилось два стремленія: во-первыхъ, рядъ многостороннихъ наблюденій, иногда даже выходившихъ за предѣлы ихъ назначенія, и во-вторыхъ, сильное стремленіе путешественниковъ въ Америку, тагда-какъ до тѣхъ поръ они были направлены, по преимуществу, на новѣйшую часть свѣта. Въ Америку влекло путешественниковъ частію величественное изображеніе грандіозной природы у *Гумбольдта* и желаніе испытать ея впечатлѣнія на

себѣ самомъ, а частію желаніе изслѣдовать на югѣ и сѣверѣ страны, не посѣщенныя знаменитымъ путешественникомъ. Теперь Америка, послѣ Европы, наиболѣе извѣстная часть свѣта и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже извѣстнѣе Европы.

«Если мы нынѣ гораздо-опредѣлительнѣе представляемъ себѣ Азію, по-крайней мѣрѣ ея западную половину, не Гумбольдту ли особенно мы тѣмъ обязаны? И кромѣ большихъ путешествій, совершенныхъ имъ самимъ, сколько другихъ, по всѣмъ частямъ свѣта, состоялось только благодаря еѳо участію? Всѣ помнятъ великія экспедиціи въ область Нила и въ центральную Азію; но исчислить всѣ путешествія, осуществленныя при содѣйствіи Гумбольдта, не легко даже будущему его биографу.

«Разширимъ-ли мы взглядъ еще больше, и тамъ увидимъ, что Гумбольдтъ поспрягалъ всякое ученое стремленіе, какъ едва-ли кто другой. Онъ былъ отцомъ всѣхъ посвящавшихъ себя наукѣ, и въ нашемъ кругу, конечно есть люди, которые чувствуютъ себя ему обязанными. Высоко ставилъ Гумбольдтъ всякое серьезное стремленіе въ пользу науки. Какъ-бы ни казалось оно по мнѣнію другихъ мелочнымъ и одностороннимъ, ему, привыкшему обозрѣвать совокупность вещей въ обширѣйшихъ размѣрахъ, было ясно, что всякое изслѣдованіе ведетъ къ истинѣ. Исканіе истины признавалъ онъ за самое высшее *преимущество* человѣка и вмѣстѣ за высшую его *задачу*. Какъ высоко цѣнилъ онъ науку, такъ онъ чувствовалъ потребность высоко ставить и назначеніе человѣка. Это, можетъ быть, не столько результатъ изслѣдованія, сколько внушеніе высокаго прозрѣнія, которое можно назвать *опытомъ*. Если-бы отъ насъ потребовали изображенія его въ краткихъ чертахъ, мы сказали-бы, что онъ многостороненъ и точенъ, какъ наблюдатель, глубокъ и дальновиденъ, какъ мыслитель, и возвышенъ въ своихъ прозрѣніяхъ.

«Все ученое его поприще, дѣйствительно, представляется стремленіемъ къ великому и высокому. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ началъ свою жизнь для науки изслѣдованіемъ базальта и перешелъ къ первымъ слабымъ слѣдамъ органической растительности въ темныхъ фрейцбургскихъ шахтахъ; въ зрѣломъ мужествѣ онъ обогатилъ содержаніемъ и часто новымъ направленіемъ физику, химию, географію, ботанику, зоологію, физиологію и исторію человѣчества; 90 лѣтнимъ старцемъ, онъ закончилъ свое поприще изображеніемъ мірозданія съ его небесными свѣтилами.

«Такъ невѣдомая сила, называемая нами судьбою, поставила его въ благопріятное общественное положеніе, съ средоточіе

нѣмецкой науки, надѣлила обильнѣйшими дарами ума и сердца, и для употребленія ихъ даровала ему долголѣтнюю жизнь. Прекраснѣйшее развитіе всѣхъ этихъ даровъ въ теченіе долгой жизни — вотъ *его* заслуга!

«Но всѣ плоды, какіе только принесли эти дарованія и его труды, онъ всегда считалъ достояніемъ всего человѣчества, а не свою личную собственность: потому-то изъ всѣхъ родовъ литературной дѣятельности полемика была такимъ поприщемъ, на которое ему противно было выступать.

«Чистъ, безъ малѣйшаго пятна, переходитъ въ потомство его образъ. Дѣло потомства понять и воспроизвести этотъ образъ во всехъ его величіи.»

Еще въ началѣ нынѣшняго года Александръ Гумбольдтъ почувствовалъ себя нездоровымъ; это встревожило и заняло всю образованную Европу; съ волненіемъ справлялись почитатели великаго человѣка (а кто изъ просвѣщенныхъ людей не былъ его почитателемъ) о состояніи его здоровья; то оживала, то слабѣла надежда... Съ конца апрѣля (н. с.) Гумбольдтъ впалъ въ состояніе полудремоты и черезъ двѣ недѣли, 6-го мая, уснулъ сномъ непробуднымъ на 90 году своей необыкновенно-дѣятельной и полезной жизни...

10 мая въ берлинскомъ кафедральномъ соборѣ отпѣли Александра Гумбольдта, съ величайшими почестями, какія только государь и народъ могли оказать великому человѣку, составляющему гордость націи. Рассказываютъ, что здѣсь чья-то святотатственная рука похитила съ груди покойника алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго.

11-го мая бранные останки его перевезены на наследственное кладбище, въ Тегель. На церковномъ торжествѣ присутствовали или участвовали въ погребальномъ шествіи принцъ-регентъ, всѣ проживающіе здѣсь члены королевской фамиліи, министры, высшіе сановники, генералы, академія, университетъ, гимназіи и городскія начальства.

Въ этомъ доблестномъ мужѣ Пруссія потеряла свою гордость и славу въ ученомъ мірѣ, которыя оспаривала у нея Франція; въ этомъ знаменитомъ старцѣ Европа потеряла высокаго представителя своей учености; въ этомъ великомъ человѣкѣ наука потеряла солнце, которымъ озарялась она болѣе полувѣка!...

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ (ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ) ОБУЧЕНІИ, КАКЪ ИСХОДНОМЪ МОМЕНТЪ ОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Посвящается матерямъ и отцамъ семействъ.)

Статья первая.

Каждому изъ насъ случалось слышать отъ умныхъ и свѣтски-образованныхъ людей сѣтованія на поверхностность полученнаго ими образованія, на недостатокъ въ немъ глубины и основательности.

Мы всѣ учились по-немпогу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

сказалъ Пушкинъ, который, во всякомъ случаѣ, воспользовался не сравненно лучшимъ образованіемъ, нежели каково образованіе, выпадающее на долю большинства изъ его соотечественниковъ.

Нерѣдко вчужѣ поражаетъ насъ неосновательность образованія даже въ людяхъ съ глубокими спеціальными познаніями, съ нѣкоторымъ именемъ въ наукѣ или на гражданскомъ поприщѣ. Такъ и мечется въ глаза случайность, отрывочность, разладъ ихъ познаній съ жизнью. Такъ и сквозятъ швы этой искусственной оболочки, въ которую зашитъ нравственный міръ ихъ, независимо и часто вопреки дѣйствительнымъ потребностямъ ихъ духа, по одному стеченію случайныхъ обстоятельствъ или по предразсудку, по капризу родителей или родственниковъ.

Иногда встрѣчаются намъ образованные люди, которые не умѣютъ устроить своей виѣшней жизни и ведутъ свои дѣла ничѣмъ не лучше безпомощныхъ пдіотовъ или совершенныхъ невѣждъ. Образованіе ихъ, каждый разъ, когда должно быть приложено къ жизни, оказывается бесплоднымъ, непримѣннымъ, негоднымъ. Но имъ и въ голову, большею частію, не приходитъ обвинять образованіе: по ихъ мнѣнію, виновата во всемъ жизнь!.. Особенно часты примѣры такого недостатка практическаго смысла между, такъ-называемыми, учеными, т. е. людьми, которыхъ масса познаній, въ сравненіи съ количествомъ познаній каждаго изъ ихъ согражданъ, громадна, и изъ которыхъ многіе, съ вашего позволенія, не умѣютъ порядкомъ носа высморкать. Вслѣдствіе частаго повторенія примѣровъ такого ученаго юродства, въ толпѣ людей неученыхъ и даже необразованныхъ утвердилось понятіе, что наука не только не приноситъ пользы, напротивъ, раздвужая съ практическою жизнью, вредитъ матеріаль-

ному благосостоянію и дѣлаетъ чудакомъ. Чувствуете? здѣсь слово «чудакъ» есть родъ комплимента.

Также почти каждый день случается намъ видѣть людей, окончившихъ курсъ образованія, даже имѣющихъ ученые степени, но въ которыхъ не замѣтно гуманное вліяніе науки на нравы. Особенно часты такіе примѣры тамъ, гдѣ домашнее воспитаніе не могло приготовить къ принятію очеловѣчивающаго вліянія науки. Здѣсь аттестатъ не мѣшаетъ ни взяточничеству, ни казнокрадству, ни самому отвратительному цинизму въ отношеніяхъ съ другими людьми, ни пристрастію къ сивухѣ и т. д. Тутъ наука, въ сыромъ не переваренномъ состояніи, уживается рядомъ съ самыми дикими понятіями, воззрѣніями и поступками.

Наконецъ, на каждомъ шагу мы видимъ и слышимъ въ обществѣ отрицаніе того, чтобы наука была обязательна для жизни. Всякій изъ насъ слышалъ, а многіе и сами повторяли выраженія въ родѣ слѣдующихъ:

— Да, вѣдь, это только говорится! Нельзя же жить какъ по нотамъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ: философія не дастъ мнѣ куска хлѣба. То, что вы называете недостатками, болѣе ничего, какъ уступки требованіямъ вѣка, условіямъ нашего гражданского быта... и проч. и проч.

Лучше всего мы убѣдимся въ разладѣ современнаго образованія съ жизнью, если примемся за добросовѣстную повѣрку самихъ себя, за разборъ того, чѣмъ мы обязаны цивилизаціи своего времени. Разсмотримъ ли мы массу своихъ познаній, свое умственное достояніе, добытое мозольнымъ трудомъ дѣтства и юности, безпрестанно встрѣтимся съ пробѣлами, недостатками, безсвязностію, безпричинностію и неясностію своихъ понятій о предметахъ, преподанныхъ намъ. Между нашими познаніями очень часто встрѣчаются такія, которыхъ мы, добровольно, по внутреннимъ побужденіямъ, нѣкогда не приобрѣли бы, потому что они ни къ чему ровно не пригодны намъ. А между тѣмъ, приобретеніе этихъ ненужныхъ познаній отняло у насъ много драгоценнаго времени, которое пригодилось бы на приобретеніе существенно необходимыхъ свѣдѣній, которыхъ намъ не достать. Безпрестанно попадаютъ намъ, въ нашей памяти познанія, которыя не согласны съ нынѣшнимъ состояніемъ науки, устарѣлы, отстали, приняты на слово, на вѣру, потому что сообщены намъ въ дѣтствѣ, когда отъ насъ требовали слѣпago довѣрія авторитету учителя, и потомъ удержались по свойственной намъ лѣни и равнодушію къ наукѣ. Сужденія наши о пред-

метахъ, большею частью, не окритикованы, множество словъ, выражений употребляются нами на угадъ, безъ яснаго сознанія принадлежащаго имъ вѣса. Часто намъ кажется, что мы знаемъ какой-нибудь предметъ, а начнемъ говорить о немъ, и выходитъ какой-то хаосъ словъ, терминовъ, громкихъ фразъ. Отсюда вытекаетъ для насъ невозможность опредѣлить: на чемъ мы остановились въ наукѣ, съ чего намъ начать, чтобы пополнить свое образованіе въ извѣстномъ отношеніи, что, изъ существеннаго, забылось и должно быть реставрировано въ памяти, что, какъ не существенное, можетъ остаться въ забвеніи. Ибо, во всей нашей наукѣ, существеннымъ всегда жертвовали блестящему или случайно-нужному.

Точно то-же увидимъ мы, если захотимъ повѣрить благотворное вліяніе науки на наше нравственное бытіе. У одного изъ насъ ученіе развило умъ въ ущербъ сердцу и воображенію; на воображеніе другаго оно дѣйствовало на подобіе того, какъ дѣйствуетъ наглухо замазанная крышка на чанъ, въ которомъ кипятятъ воду: когда паровъ сопрется подъ крышкою достаточное количество, пары срываютъ крышку, или даже разрываютъ весь чанъ.

Всякій изъ насъ чувствуетъ, что могъ лучше, полнѣе, совершеннѣе развиться, что домашняя и школьная наука многое подавила, помяла въ немъ, на многое не обратила вниманія, многому хорошему даже намѣренно не дала ходу. Во многихъ изъ насъ она родила несоразмѣрное, щекотливое самолюбіе, въ другихъ совершенно подавила самоувѣренность нужную для практической дѣятельности.

— Я былъ геніальнымъ ребенкомъ! твердитъ господинъ N, меня не умѣли повести свойственною мнѣ дорогою.

— Я былъ бы министромъ, если бы мнѣ дали надлежащее образованіе! говаривалъ одинъ знакомый моего отца, и эта мысль заставила его впоследствии запыться до смерти.

— Чтò я! при всякомъ случаѣ твердитъ мнѣ человѣкъ одаренный отъ природы огромными способностями, но лѣнивый по темпераменту и вслѣдствіе воспитанія. Помилуйте, такіе-ли у насъ есть люди, да все-таки ничего не успѣваютъ сдѣлать. А я человѣкъ съ самыми джужинными способностями. Вѣдь я самъ лучше знаю, чего стою. Конечно, тутъ въ провинціи, на безлюдья, еще кое-какъ слынешь человѣкомъ, а пустись-ко туда, въ Петербургъ... забросаютъ шапками.

И этотъ господинъ, который вездѣ занялъ бы замѣтное мѣсто, сидитъ въ своемъ уѣздномъ городишкѣ, довольствуясь тѣмъ, что его выбрали въ исправники.

Случалось ли вамъ, читатель, въ рѣшительныя минуты жизни, когда вамъ предстояло избрать новую или перемѣнить прежнюю карьеру, обращаться къ самому себѣ съ вопросомъ: — Къ чему я пригоденъ вслѣдствіе своего образованія, которымъ такъ горжусь!

И если, сдѣлавъ этотъ вопросъ, вы всматривались въ самого себя, то случалось ли вамъ быть пораженнымъ картиною хаоса въ вашихъ познаніяхъ, вкусахъ, наклонностяхъ и потребностяхъ, порожденныхъ образованіемъ, доставшимся на вашу долю. Не были ли вы поставлены, въ эту минуту, въ положеніе пловца, у котораго нѣтъ ни карты, ни компаса. Не убѣдились ли вы, вслѣдствіе этого, что наука, прибрѣтенная вами, какъ то странно раздвоена съ жизнью, въ разладѣ съ нею и не приложима къ ней. Но если такъ, то къ чему же служить наше образованіе? Неужели мы учились только для того, чтобы слыть образованными людьми и кичиться этимъ передъ такъ-называемымъ необразованнымъ народомъ! Неужели наше образованіе имѣетъ единственной цѣлью придать намъ наружный лоскъ, а до внутренняго человѣка ему дѣла нѣтъ? Что въ этой наукѣ, которая не приложима къ жизни, бесплодна для пракческаго быта? Что въ этой наукѣ, когда въ такія минуты, о которыхъ мы выше сказали, мы принуждены бываемъ отдаваться на волю случая и общественной рутины, въ надеждѣ, что они донесутъ насъ до какого-нибудь результата. Донесутъ — но какъ? Чтò, въ теченіи этого бессознательнаго пути, станется съ нашимъ внутреннимъ человѣкомъ! Рутинна, которой мы безпрекословно ввѣряемся, поглотитъ насъ, лишивъ и послѣдней тѣни самоопредѣленія, сгладивъ самобытныя черты нашей нравственной физиономіи, убивъ благородныя стремленія, возвышенныя побужденія нашихъ поступковъ, сдѣлавъ изъ насъ одну изъ тѣхъ безличныхъ личностей, одно изъ тѣхъ существъ безразлично, почти бессознательно, во всякомъ случаѣ, безъ малѣйшаго призванія, помогающихъ вертѣться колесамъ общественной машины. Изъ человѣка, мечтающаго объ улучшеніяхъ въ общественномъ быту, стремящагося къ добру, къ истинѣ, сострадающаго язвамъ, недостаткамъ общества, озабоченнаго своею ролью въ немъ, рутина сдѣлаетъ эгоиста-чиновника, бережливаго помѣщика, завистливаго ученаго, или, такъ-называемаго, свѣтскаго человѣка, проводящаго дни и

ночи въ обществѣ хорошаго тона и утрачивающаго въ самомъ себѣ всякій тонъ, всякую самобытность. Впрочемъ чего же болѣе шаго и ожидать отъ рутинны?

Но почему же мы принуждены вѣряться ей? Потому-что избраніе самостоятельнаго пути предполагаетъ подготовленность, ясный взглядъ на наше призваніе, безпристрастную оцѣнку всѣхъ многообразныхъ общественныхъ профессій, и прежде всего, предполагаетъ твердую точку отправленія, однимъ словомъ, предполагаетъ въ насъ основательное образованіе.

Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что мы понимаемъ подъ основательнымъ образованіемъ.

Основательное образованіе, по нашему мнѣнію, отличается отъ блестящаго тѣмъ, что не бросается въ глаза своимъ метеорическимъ блескомъ, — отъ много-сторонняго тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ ничего незаключеннаго, несведеннаго (*floatant*); — отъ спеціальнаго тѣмъ, что даетъ намъ ключъ ко всѣмъ жизненнымъ профессіямъ, — отъ современнаго тѣмъ, что имѣетъ корень и цѣль въ жизни, въ человѣческой природѣ вообще, а не въ извѣстномъ условномъ порядкѣ вещей, и не въ соглашеніи нѣсколькихъ ученыхъ или даже ученыхъ корпорацій. Основательное образованіе не двоится съ жизнью, а напротивъ входитъ въ нее, какъ необходимый элементъ, какъ сознаніе самой жизни. Конечная цѣль его — всестороннее развитіе человѣка и приведеніе для него въ сознаніе его собственной жизни и отношеній его къ остальному міру.

Къ этой цѣли основательное образованіе идетъ такъ прямо и вѣрно, что, на всѣхъ точкахъ своего пути, заключаетъ въ самомъ себѣ, въ своемъ планѣ, масштабъ пройденнаго и остающагося непройденнымъ пути и указаніе направленія, которому должно слѣдовать для достиженія цѣли. Изъ этого слѣдуетъ, что основательное образованіе, когда бы ни было прервано случайными обстоятельствами, не можетъ стать ни полуобразованіемъ, ни поверхностнымъ образованіемъ, ибо ученикъ, на всякой точкѣ своего стремленія къ нему, имѣетъ полный, завершенный въ себѣ кругъ основательныхъ познаній, съ которыми безпрепятственно можетъ самъ продолжать свое образованіе. Потому основательно образованнымъ можетъ быть человѣкъ, и не окончившій своего образованія. Мало того, основательное образованіе, какъ только въ человѣка вложены первыя сѣмена его, становится силою въ нравственномъ мірѣ, силою, въ самой себѣ имѣющею

свои побужденія и неустанно стремящаяся къ расширенію горизонта нашего знанія, къ развитію нашего духа.

Основательное образованіе не гонится за много-сторонностью, потому что ходъ его строго опредѣленъ цѣлью; не смотря на то, оно, во всѣхъ точкахъ своихъ, представляетъ замкнутое цѣлое самыхъ разнородныхъ познаній. Основательное образованіе должно привести большинство людей къ совершенной специальности, потому что, съ одной стороны, обнаруживаетъ пробѣлы, недомолвки и несовершенства, оставшіяся въ наукахъ, искусствахъ и промышленности, съ другой, пробуждаетъ въ насъ голосъ внутренняго призванія и потребность слѣдовать ему. Наконецъ, основательное образованіе современно, но только въ томъ смыслѣ, что оно результатъ всего дознаннаго и прожитаго прежними поколѣніями, и точка отправленія для будущихъ.

Будучи приготовленіемъ къ специальному образованію, оно, въ то же время, дѣлаетъ насъ способными не только къ одному опредѣленному поприщу, не только къ тому, чтобы мы стали хорошими воиномъ, ученымъ, чиновникомъ, ремесленникомъ или купцомъ, а къ тому, чтобы, на всякомъ изъ этихъ поприщъ, которое мы, согласно своему призванію, ни избрали бы, были добросовѣстнымъ и полезнымъ членомъ человѣческаго общества. Основательное образованіе пригодно человѣку ко всему и во всѣхъ положеніяхъ, потому что оно солнце жизни. Оно не только освѣщаетъ жизненный путь, но и согрѣваетъ весь нравственный составъ нашъ, пробуждал и утверждая въ насъ міръ прирожденныхъ понятій, идеалъ нравственной высоты, этотъ краеугольный камень нравственнаго совершенствованія нашего.

Образованіе отличается отъ воспитанія вообще тѣмъ, что преимущественно занимается развитіемъ познавательной способности, между тѣмъ какъ воспитаніе вообще обнимаетъ развитіе всѣхъ сторонъ личности питомца. Съ другой стороны, основательное образованіе различается съ собственно, такъ называемымъ, обученіемъ тѣмъ, что не отрѣшаетъ познавательную способность отъ прочихъ сторонъ нравственнаго міра, напротивъ признаетъ всецѣлость этого міра и взаимодѣйствіе всѣхъ способностей.

Основательное образованіе беретъ ребенка въ ту пору жизни, когда умъ его, запасшись фактами въ окружающей средѣ, впервые ощущаетъ потребность восхожденія отъ фактовъ къ причинамъ, и даже нѣсколько ранѣ этого времени, ибо къ его же сферѣ относится и пробужденіе сказанной потребности. Слѣдо-

вательно, весь предшествующій періодъ дѣтства исключительно принадлежитъ къ области собственно воспитанія. Зато, основательное образованіе продолжается далѣе воспитанія, въ тѣсномъ смыслѣ, ибо обнимаетъ весь курсъ, такъ называемаго, высшаго, университетскаго обученія, въ теченіе котораго молодой человѣкъ уже предоставленъ самовоспитанію.

Главная существенная черта, отличающая основательное образованіе отъ нынѣшняго, не только нашего, но и того, которое дается въ самыхъ образованныхъ государствахъ, состоитъ въ томъ, что первое стремится къ осуществленію умственнаго идеала человѣка вообще, независимо отъ условій и потребностей общества, въ которомъ питомецъ будетъ жить, въ томъ предположеніи, что общественный бытъ создается людьми, и не долженъ быть почитаемъ за нѣчто извнѣ данное, имѣющее безпрекословную законность. Напротивъ, нынѣшнее образованіе во всемъ сообразуется съ требованіями поставляемыми образованію современнымъ обществомъ, слѣдовательно имѣетъ цѣлью осуществленіе современнаго идеала образованности. Поэтому основательное образованіе можетъ быть только одно для всѣхъ сословій и всѣхъ званій. Вся разница въ немъ относительно лицъ будетъ заключаться только въ томъ, что для однихъ оно будетъ оканчиваться ранѣе, нежели для другихъ. Но такъ какъ по вышесказанному, раннее прерваніе обученія не можетъ быть помѣхою полнотѣ основательнаго образованія, такъ какъ всякій, получившій только первоначальное основательное образованіе, въ силу этого самаго уже непременно долженъ продолжать стремиться къ расширенію своихъ познаній, то всѣ люди, получившіе основательное образованіе, къ какому бы званію ни принадлежали, и когда бы ни было прервано ихъ обученіе, въ существенной части своего умственнаго преуспѣянія, будутъ находиться почти на одной и той же степени. — Съ другой стороны основательное образованіе и тогда, когда приведетъ отдѣльнаго человѣка къ избранію спеціальности, не дастъ ему впасть въ односторонность, ибо будетъ возбуждать и поддерживать въ немъ и общіе интересы, отъ которыхъ люди спеціальные очень легко отчуждаются своимъ *фаломъ*. Норма, масштабъ основательнаго образованія — въ личномъ идеалѣ познающаго и сознающаго человѣка. Поэтому, какъ въ нормальномъ отношеніи, оно имѣетъ въ виду личное всестороннее умственное развитіе человѣка, независимо отъ временныхъ и преходящихъ интересовъ общества, такъ въ ма-

теріальномъ отношеніи оно ставитъ себѣ задачею, преимущественно знакомитъ съ тѣмъ, что въ преходящемъ есть вѣчнаго, неизмѣннаго съ законами природы и духа.

На эту сторону основательнаго образованія я желалъ бы главнымъ образомъ обратить вниманіе читателя. Постараюсь сдѣлать это посредствомъ критическаго взгляда на нынѣшнее обученіе.

Какъ я уже сказалъ: задача основательнаго образованія начинается съ той поры жизни, когда умъ ребенка, запасшись, въ окружающей сферѣ, фактами, ощущаетъ потребность восхожденія отъ фактовъ къ причинамъ, и даже нѣсколько ранѣе этого времени, ибо къ его же сферѣ относится и пробужденіе сказанной потребности. Посмотримъ сперва, какъ нынѣшніе образователи и образовательницы юности поступаютъ съ цѣлью пробужденія любознательности своихъ питомцевъ; потомъ подвергнемъ критикѣ все нынѣшнее первоначальное обученіе, и наконецъ установимъ начала первоначальнаго обученія, какъ исходнаго момента основательнаго образованія. Въ изслѣдованіи нынѣшняго первоначальнаго обученія мы, не полагаясь на собственный опытъ, обратились къ сочиненію, въ которомъ рутина его такъ сказать увѣковѣчена, окристаллизирована. Книга Эта (читатель, вѣроятно, уже догадался) называется: *Education maternelle. Simples leçons d'une mère à ses enfants, par madame Amable Tastu. Paris, etc.* Написанная женщиною умною, съ добросовѣстнымъ желаніемъ принести пользу матерямъ семействъ, занимающимся первоначальнымъ обученіемъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, эта книга заключаетъ въ себѣ сколокъ, болѣе того: типъ, идеалъ современной рутины въ этомъ отношеніи. Заслуга г-жи Тастю заключается въ томъ, что въ ея книгѣ всѣ недостатки рутины ярко бросаются въ глаза и не могутъ быть скрыты, не смотря на отчетливость и добросовѣстность въ обработкѣ подробностей.

Уже неразъ было высказано педагогами сомнѣніе въ томъ, что практическое воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ, только въ такомъ случаѣ можетъ безошибочно достигать своей цѣли, если въ основаніе его положены результаты современной науки. Но до-сихъ-поръ это убѣжденіе свойственно только однимъ ученымъ педагогамъ, между-тѣмъ какъ масса практическихъ воспитателей и въ особенности воспитательницъ, — какъ по причинѣ недостатка ознакомленія съ педагогическою наукою, такъ и по свойственному имъ безразличію къ дѣлу и по привычкѣ къ

рутинѣ — не только не хочетъ согласиться съ первыми, но еще и тономъ самодовольнаго невѣжества осмѣиваетъ теорію. Какъ будто для того, чтобы вполне остаться вѣрною своему идеалу рутинѣ, г-жа Тастю, въ посвященіи своей книги матерямъ семейства, очень наивно высказываетъ эту мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я сообразовалась въ этомъ сочиненіи съ собственнымъ опытомъ и съ опытомъ знакомыхъ мнѣ матерей семейства. Я воспользовалась мнѣніемъ людей, пользующихся авторитетомъ въ практическомъ обученіи, принявъ къ свѣдѣнію и труды моихъ предшественниковъ по этой части, и искала не самой ученой или остроумной, а самой ясной и удобопримѣнимой методы».

Такимъ образомъ, въ основаніи плана и методы лежатъ у г-жи Тастю опытѣ. Тоже самое найдемъ мы и у всѣхъ практическихъ воспитателей и воспитательницъ съ немногими исключеніями. Но опытѣ идетъ ощупью, на угадъ, и въ результатахъ своихъ совершенно зависить отъ случая. Слѣдовательно планъ, основанный на опытѣ, совершенно случаенъ и можетъ быть опровергнутъ другимъ планомъ, также основаннымъ и подтвердившимся на опытѣ. Метода, дознанная однимъ опытомъ, не имѣетъ еще никакой разумной гарантіи за себя. Розги и подарки долго играли важную роль въ воспитаніи, и опытѣ до-сихъ-поръ доказываетъ ихъ полезность въ одномъ отношеніи, а между-тѣмъ они изгнаны изъ раціональнаго воспитанія, какъ абсолютно-вредное средство для достиженія односторонно-полезной цѣли.

Если извѣстная метода и достигаетъ той цѣли, которой добивается учитель, то остается еще рѣшить 1) какова, вполне раціональна-ли эта цѣль? и 2) какъ самая метода дѣйствуетъ на цѣлый нравственный составъ ученика? Если подъ словами: «метода, дознанная опытомъ», «планъ подтвердившійся на опытѣ», понимать такую методу и такой планъ, которые, *coûte que coûte*, научаютъ ребенка тому, чему хотятъ научить его, то и мы, пожалуй, согласимся съ этимъ; но въ тоже время не можемъ не сдѣлать оговорки, что не одна эта метода, и не одинъ этотъ планъ способны привести къ такому результату, а что, можетъ быть, еще и много плановъ и методовъ, которые такъ же легко научаютъ ребенка тому, чему, въ данномъ случаѣ, хотятъ научить его. Но приэтомъ въ умѣ cadaго мыслящаго воспитателя необходимо долженъ родиться вопросъ: «Да, полно! непремѣнно-ли нужно, чтобы ребенокъ научился всему этому? и для

чего это нужно? Для развитія-ли его способностей и какихъ именно? или потому, что безъ этихъ знаній нельзя прожить на свѣтѣ? Другими словами: нужны-ли ребенку эти познанія въ формальномъ или въ матерьяльномъ отношеніи!... При всей легкости методы и при всей основательности плана, по которому мы научимъ ребенка даннымъ предметамъ, не будетъ-ли это ученье бесполезною тратой времени или не нанесетъ-ли даже вреда общему нравственному составу дитяти? *Какъ* данный предметъ долженъ подѣйствовать на извѣстныя способности его и *какъ* на всецѣлый духовный организмъ? Будетъ-ли развитіе, которое достигнется по этому плану, гармонично, какъ требуетъ того разумъ, или, достигая въ одномъ отношеніи до невѣроятныхъ результатовъ, оно совершенно оставитъ неразвитыми нѣкоторыя способности дитяти? А въ послѣднемъ случаѣ, не будетъ-ли и самый планъ и пресловутая метода штуркмейстерствомъ, фокусъ-покусомъ для удовлетворенія самолюбія воспитателей, родителей и самого питомца? Можетъ-ли кто-нибудь взяться за гармоническое развитіе духовнаго міра другого человѣка, не имѣя яснаго воззрѣнія на весь духовный міръ и на отдѣльныя способности духа въ ихъ взаимодѣйствіи и по относительной важности каждой изъ нихъ?»

Правильно развивать каждую способность въ особенности, можетъ только тотъ, кто знаетъ законы ея. А вы, господа-практики, хотите обойтись безъ науки, безъ тысячелѣтнихъ изслѣдованій, и положиться на опытъ одного, двухъ или хотя десяти современныхъ вамъ практическихъ фокусниковъ въ обученіи.

Принимаясь за воспитаніе какого-нибудь ребенка — воспитатель или воспитательница (въ данномъ случаѣ ею будетъ, чаще всего, мать) не можетъ въ полной мѣрѣ знать его способностей. Но и для самаго первоначальнаго, и для позднѣйшаго воспитанія необходимо, чтобы передъ внутреннимъ взоромъ воспитывающаго носился фізіологическій типъ дитяти, такъ точно какъ практическій врачъ непремѣнно всегда долженъ хранить въ памяти анатомическій типъ человѣка. Чтò скажали бы вы о врачѣ, который не знаетъ анатоміи? Или какъ назвали бы вы человѣка, который, отбросивъ въ сторону всѣ книги, захотѣлъ бы сдѣлаться врачомъ, только опираясь на одинъ свой опытъ? Перваго вы, вѣроятно, назвали бы шарлатаномъ, втораго безумцемъ. Но развѣ это не тоже самое, чтò начинать учить ребенка, не зная дѣтской природы въ общихъ чер-

тахъ, или изучивъ её въ теченіе двухъ, трехъ лѣтъ обращенія съ извѣстнымъ ребенкомъ?

Этого мало? А законы развитія способностей какъ узнать по собственному опыту, когда изслѣдованія самыхъ умныхъ людей въ теченіи тысячелѣтій привели еще только къ удовлетворительнымъ, но никакъ не къ совершеннымъ, результатамъ въ этомъ отношеніи.

Впрочемъ объ этомъ предметѣ уже столько говорено, что мы можемъ и освободить себя отъ дальнѣйшаго разъясненія его *); а между тѣмъ о немъ можно еще столько говорить, что мы не кончили бы, если бы захотѣли исчерпать его. Посмотримъ лучше какъ практическіе воспитатели, основываясь на своемъ пресловутомъ опытѣ, поступаютъ при развитіи въ дѣтяхъ потребности ученія, при элементарномъ обученіи ихъ. Обращаемся къ книгѣ г-жи Тастю, какъ дагерротипу практической рутины.

Мысль дать матерямъ руководство, могущее замѣнить для нихъ многотомную библіотеку дидактическихъ сочиненій, въ которой онѣ, безъ руководителя, растерялись бы, — эта мысль сама по себѣ прекрасна. Она отвѣчаетъ насущной потребности многихъ тысячъ молодыхъ, неопытныхъ и увы! несвѣдущихъ матерей семействъ. Выполненіе этой мысли г-жою Тастю — дѣло другого рода. Въ этомъ отношеніи книга ея заслуживаетъ вниманія не положительною, а отрицательною стороною своею, а именно: тѣмъ, что обнаруживаетъ, дагерротипируетъ и увѣковѣчиваетъ всѣ недостатки нынѣшняго практическаго обученія, начиная отъ общепринятаго плана до методы примѣненія этого плана. Эти недостатки въ книгѣ тѣмъ рѣзче и тѣмъ яснѣе, что не скрадываются непосредственною, мгновенностью устнаго преподаванія, а вездѣ обнаруживаютъ нѣкоторую обдуманность, стремленіе къ систематизированію, къ оправданію опыта разумомъ.

Обученіе начинается молитвою въ стихахъ, въ которой дитя проситъ у Бога благословенія на предстоящій путь. Потомъ приступаютъ къ азбукѣ... или нѣтъ виноватъ! прежде нежели приступаютъ къ азбукѣ, г-жа Тастю дѣлаетъ намекъ на то, какъ мать должна стараться возбудить въ дитяти потребность къ ученію. Въ чемъ же состоитъ этотъ намекъ? какъ вы думаете, читатель? матери совѣтуютъ общать малюткѣ, что если

---

*) Вопросъ этотъ довольно ясно и хорошо обсужденъ въ «Журналѣ для воспитанія» изд. Чумаковымъ, въ статьѣ: Что такое воспитаніе?.

онъ будетъ хорошо учиться, то ему подарятъ красивую книжку, съ чудесными исторіями и премиленькими картинками. Слышите! дѣтя отрываютъ отъ игрушекъ для занятій, къ которымъ оно не чувствуетъ ни малѣйшаго собственнаго влеченія и чтобы заохотить его къ этому скучному дѣлу, обѣщаютъ ему вещь, которой цѣны онъ пока еще не можетъ понимать, ибо не умѣетъ читать, или которую онъ желаетъ имѣть только потому, что ему нравятся въ ней картинки. Здѣсь цѣль ученія, съ самаго перваго шага, полагается внѣ самой науки, въ картинкахъ, не имѣющихъ никакого или имѣющихъ очень отдаленное отношеніе къ самой азбукѣ. Чтоже касается до исторіекъ, о которыхъ упоминаетъ мать, то и онѣ въ данномъ случаѣ играютъ роль такую же, какъ и картинки, т. е. своею привлекательностію для воображенія ребенка, должны подкупить его любознательность въ пользу изученія азбуки. Такимъ образомъ ребенокъ дѣлаетъ первый шагъ на пути долга и науки съ своекорыстною цѣлью, съ цѣлью наслажденія предметомъ, обѣщаннымъ ему въ награду за такой подвигъ. Хорошо понятіе, которое послѣ этого получить дѣтя о своихъ обязанностяхъ, о томъ, что всякій человѣкъ долженъ заниматься дѣломъ, если оно даже и непріятно, чтобы имѣть право пользоваться плодами трудовъ своихъ согражданъ и всего человѣчества, создавшаго настоящій моментъ нашей цивилизаціи. Хорошо понятіе о наукѣ, къ которой нельзя приступить иначе, какъ имѣя въ виду награду, такъ точно, какъ приступаютъ къ горькому лекарству, имѣя въ виду не пользу отъ леченія, а *карамелью*, которую маменька держитъ въ рукѣ, чтобы положить на языкъ больнаго дѣтяти, когда оно приметъ лекарство.

Но вѣдь это подкупъ, ведущій къ тому, чтобы, съ одной стороны, совершенно подавить сознаніе святости долга, а съ другой—отодвинуть науку въ сферу противныхъ, горькихъ сладобій, отъ которыхъ никакъ нельзя отдѣлаться.

А между тѣмъ посмотрите, какъ изобрѣтательны матушки на такого рода подкупы. Не всегда для этого употребляются книги съ картинками и исторіями; гораздо чаще: игрушки, лошадки, прогулки, отдохновеніе послѣ ученія, наконецъ страхъ наказанія тѣлеснаго, унижительнаго наказанія, страхъ—остаться безъ обѣда, безъ чаю, становится побужденіемъ къ ученію, къ исполненію долга. Какъ удивляться тому, что такъ немногіе люди исполняютъ свои обязанности изъ одного побужденія удовлетворить нравственный законъ, который внутри ихъ; послѣ

того, какъ чувство долга съ нѣжнаго дѣтства замѣнено въ нихъ своекорыстіемъ въ самыхъ многоразличныхъ видахъ! Какъ не убѣдиться въ томъ, что наша метода виновна въ томъ, что такъ мало дѣйствительно любознательныхъ людей, что наука, въ большой части случаевъ, только средство для достиженія существенныхъ житейскихъ выгодъ: вѣдь съ самаго перваго шага, она пріобрѣтается только въ видахъ награды или избѣжанія наказанія.

А между тѣмъ, каждый воспитатель обладаетъ двумя могучими рычагами для преодоленія трудностей первоначальнаго обученія. Эти рычаги въ самой натурѣ ребенка, эти рычаги — я уже назвалъ ихъ: чувство долга и любознательность. Пусть воспитательница всюду, и въ природѣ, и въ человѣческомъ обществѣ, будетъ указывать своему питомцу на коллизію между животнымъ инстинктомъ къ покою и наслажденію съ закономъ, вымогающимъ дѣятельность. Пусть она, при случаѣ, укажетъ ему эту коллизію на муравьѣ, который чрезъ силу тащитъ соломинку длиною въ одинъ дюймъ; на лошади, которая пыхтя везетъ тяжелый возъ; на птичкѣ, которая хлопотливо ищетъ корму для своихъ птенцовъ; на блѣднолицомъ сосѣдѣ, который, покашливая, бредетъ въ свою должность, гдѣ просидитъ все утро, не смотря на грудную боль и боль въ поясницѣ, не смотря на то, что ему хочется и поѣсть, и отдохнуть; на бѣдной служанкѣ, которая рано подымается съ теплой постели своей возлѣ печи, чтобы въ холодъ и вьюгу сбѣгать въ булочную и на рынокъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, указывайте дитяти на самого себя, объясняйте ему: почему, въ то время, когда вамъ хотѣлось бы ѣхать въ гости, вы остаетесь дома, чтобы окончить возложенный на васъ обязанностью трудъ. Наконецъ, въ ниную минуту, когда дитя пользуется предметами, доставляющими ему удобство, напоминайте ему: какого труда стоило изобрѣтеніе и производство этихъ предметовъ. Для большей наглядности, вы можете даже иногда свести ребенка къ столяру, чтобы показать, съ какимъ мозольнымъ трудомъ сопряжено сдѣланіе стула или кровати, на которыхъ такъ сладко отдыхается, и въ послѣдствіи сказать дитяти:

«Ты пользуешься всѣми этими предметами, доставшимися съ такимъ трудомъ.... Не чувствуешь ли ты, что только тотъ вполне заслуживаетъ этихъ удобствъ, кто и самъ дѣлаетъ что-нибудь? Стыдно же заставлять другихъ трудиться для себя, а самому ничѣмъ не отплативъ имъ за эти одолже-

нія... Конечно не всякій непременно долженъ быть столяромъ, чтобы имѣть право пользоваться издѣліями столярнаго ремесла. Но всякій долженъ дѣлать что-нибудь полезное, въ замѣнъ тѣхъ благъ, которыми чужой трудъ надѣляетъ его. Чтобы пріобрѣсть этотъ стулъ, я долженъ былъ заплатить столяру за трудъ его деньгами, а чтобы имѣть, чѣмъ заплатить ему, я долженъ былъ самъ заработать деньги, потому что никто даромъ не даетъ ихъ. Слѣдовательно я за сдѣланіе стула долженъ былъ работать. Поэтому я имѣю право на стулъ: онъ мой, моя собственность, и можетъ служить для отдохновенія моего, когда я утомленъ работою. Такимъ образомъ всякое удобство только тогда по праву достается намъ, если мы заплатили за него своимъ трудомъ.»

Послѣ такого разговора, если ребенокъ, по впечатлительности и удобовозбудительности дѣтской природы, тотчасъ захочетъ взять на себя какой-нибудь трудъ, то заставьте его дѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное. Вообще съ ранней поры приучайте и самого ребенка къ исполненію, сначала легкихъ, потомъ постепенно все труднѣйшихъ, обязанностей, и вы до такой степени пробудите въ немъ чувство долга, что одного этого чувства будетъ достаточно, чтобы побудить его, безъ сопротивленія, приняться за ученіе.

А съ другой стороны педагогическое начало: не давать ребенку того, чего не требуетъ его натура, а въ нравственномъ отношеніи — не удовлетворять потребностей, которыя еще не пробуждены въ немъ, или другими словами: сперва пробуждать потребности, а потомъ уже удовлетворять ихъ, это начало, которое вытекаетъ изъ закона нравственной природы, въ тоже время, будучи приложено къ практикѣ, подтверждается самыми блестящими результатами. Дѣти, въ которыхъ умѣли пробудить охоту къ знанію, желаніе читать, знакомиться изъ книгъ съ предметами, занимающими ихъ умъ и воображеніе, такія дѣти не нуждаются въ книгахъ съ картинками, въ игрушкахъ или розгахъ, чтобы начать учиться. Напротивъ они сами приходятъ къ маменькѣ съ азбукою, и просятъ показать имъ, какъ это читаютъ, научить ихъ буквамъ. Предположивъ даже, что слабая дѣтская воля, на первыхъ порахъ, испугается трудностей этого дѣла. Но если мать сумѣетъ все болѣе подстрекать любознательность дитяти, то оно вскорѣ одолѣетъ первыя трудности. Въ такомъ случаѣ оно научится читать, съ цѣлью получать

изъ книгъ отвѣтъ на вопросы, безпрестанно возникающіе въ головѣ его.

Во всемъ обученіи нѣтъ ничего скучнѣе механизма заучиванья буквъ. Поэтому невольно согласился съ писателемъ, который сказалъ: что умѣющій читать уже прошелъ болѣе половины пути, раздѣляющаго невѣжду отъ образованнаго человека. Но поэтому-же самому, если мать не сумѣетъ пробудить въ ребенкѣ потребности къ этому дѣлу, а захочетъ принуждать его къ скучному и мозольному труду, то уроки чтенія на долго, если не на всегда останутся въ памяти его препятствіемъ къ сближенію съ книгою.

А между-тѣмъ книга, въ наше время, стала почти такимъ-же сильнымъ дѣятелемъ, какъ и самое живое слово. Еслибы мы могли сосчитать всѣ часы и дни, которыя придется нашему ребенку провести за книгою, то убѣдились бы въ необходимости — сколько можно заохотить его къ ней. Только средство для заохочиванья должно лежать не внѣ самой книги, не во внѣшней оболочкѣ, не въ картинкахъ и исторійкахъ, не имѣющихъ для ребенка никакого другаго интереса, кромѣ новизны, а въ той увѣренности, что книга отвѣтитъ ему на насущные вопросы объ окружающемъ мірѣ и о немъ самомъ.

Здѣсь читатель въ правѣ сдѣлать мнѣ вопросъ: чѣмъ, какимъ способомъ пробудить въ дитяти такую степень любознательности, которая необходима для того, чтобы книга стала для него потребностью?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ — я намѣренъ дать тамъ, гдѣ буду развивать начала основательнаго элементарнаго обученія.

Здѣсь скажу только, что, желающая облегчить себѣ трудъ обученія дитяти чтенію, мать или воспитательница имѣетъ тысячи случаевъ, съ самаго ранняго дѣтства, обращать вниманіе ребенка на явленія въ окружающей его природѣ и въ немъ самомъ. Если она, при этомъ, каждый разъ будетъ имѣть въ виду свою цѣль заохочиванья къ книгѣ, то не будетъ устно разрѣшать вопросовъ дитяти, а будетъ обращаться за рѣшеніемъ ихъ къ дѣтской энциклопедіи или къ дѣтскому руководству, въ которомъ говорится объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые вопросы она даже будетъ оставлять вовсе неразрѣшенными, говоря дитяти:

— Когда ты будешь умѣть читать, то самъ прочтешь объ этомъ. А мнѣ некогда читать для тебя.

Такіе и подобные приемы заставляютъ ребенка сначала смутно желать научиться чтенію, а потомъ и принятыя за азбуку. Не-

чего бояться, что книга оторветъ отъ жизни, что чтеніе превратится въ страсть.... Во-первыхъ, это случится только съ рѣдкими дѣтьми, а во-вторыхъ, если и случится съ вашимъ ребенкомъ, то не въ слѣдствіе одного вашего заохочиванья, а въ слѣдствіе призванія его къ книжной дѣятельности. Если этого призванія нѣтъ, то книга скоро займетъ въ жизни приличное ей мѣсто, и практическая дѣятельность вступитъ въ свои права.

Высказавъ наше мнѣніе о нынѣшнемъ способѣ заохочиванья дѣтей къ ученію и указавъ болѣе-раціональный способъ для достиженія той-же цѣли, прежде нежели приступимъ къ критикѣ отдѣльныхъ частей курса первоначальнаго обученія, бросимъ общій взглядъ на планъ г-жи Тастю, который, какъ мы сказали, есть ничто иное, какъ рабскій сколокъ съ господствующей въ наше время рутины.

Первое, что въ этомъ планѣ непріятно поражаетъ насъ, это — недостатокъ необходимости, связи, органической причинности между составными частями его. Г-жа Тастю, какъ и большая часть родителей и наставниковъ, по видимому, не считаетъ такой связи чѣмъ-нибудь существеннымъ: она нигдѣ и не ищетъ связующаго звѣна, всюду удовлетворяясь однимъ разсужденіемъ, что такъ всегда дѣбалось. Всегда, послѣ упражненій памяти, слѣдовала, въ практическомъ преподаваніи, арифметика, потомъ грамматика, за нею географія, и наконецъ священная исторія. Всегда, для упражненія памяти, заучивались стихи и басни, стихи, большею частію непонятные дѣтямъ, басни, большею частію проповѣдующія весьма условную мораль, всегда въ арифметикѣ считались милліоны и миллиарды; всегда грамматика *учила* говорить и писать правильно, а между-тѣмъ не научала никого ни тому, ни другому; всегда, не зная ничего объ окружающей мѣстности, ребенокъ узнавалъ о міріадахъ свѣтилъ, о величинѣ солнца, о млечномъ пути, о тропикахъ и полюсахъ, объ экваторѣ и меридіанахъ, о парижской обсерваторіи и вандомской колоннѣ, о числѣ жителей въ Нью-іоркѣ и теченіи рѣки Амазонки; всегда, не имѣя ни малѣйшаго понятія о чистомъ ученіи Христа и о святой его жизни, дитя знакоилось съ братоубійствомъ Каина и уловкою Іакова для стяжанія первородства.

Какъ-же отступать отъ того, что всегда дѣбалось? Да еще какъ дѣбалось и дѣлается? Очень-часто, какъ только дитя научится читать и писать, вмѣсто одной отечественной грамматикѣ, начинаютъ учить его двумъ, тремъ, да, въ то же время, даютъ ему механически рѣшать математическія задачи, въ которыхъ

милліоны такъ и сыплются, какъ изъ рукава, да, не дожидаясь долго, заставляютъ его учить наизусть политическую географію и греческую мифологію; и мало-ли что еще творять съ нимъ.

Предположивъ прекрасныя способности въ ученикѣ и хорошую методу въ изложеніи всѣхъ этихъ предметовъ, къ какому результату придетъ ребенокъ? на какіе вопросы, возникшіе въ немъ, найдетъ онъ отвѣтъ въ преподанныхъ ему наукахъ? какой связный циклъ понятій создастся въ его головѣ и на сколько гармонически разовьется его нравственный міръ вслѣдствіе этихъ набытыхъ понятій?

Взгляните на пройденный путь: малютка узналъ законы языка (одного или нѣсколькихъ), самаго высшаго изъ всѣхъ, ибо духовнаго организма, прежде нежели даже заподозрилъ, что языкъ можетъ имѣть законы, прежде нежели получилъ понятіе о самомъ простомъ организмѣ, о снѣжинкѣ, о цвѣткѣ, о деревѣ.

Вспомните наше начало, по которому сперва должна родиться потребность, а потомъ уже должно удовлетворять ее, и согласитесь, что вы не въ состояніи въ пятилѣтнемъ или даже семилѣтнемъ дитяти возбудить потребность къ грамматикѣ. Пять, шесть лѣтъ уже говоритъ вашъ малютка, и вдругъ вы хотите увѣрить его, что ему необходимо учиться говорить правильно. И потомъ, вмѣсто того, чтобы прямо, практически указывать ему на его ошибки и поправлять ихъ, ведете его въ скучный лабиринтъ грамматической терминологіи; потомъ влечете по безконечнымъ склоненіямъ, спряженіямъ, степенямъ сравненія и, только черезъ два-три года, начинаете излагать словосочиненіе. И все это вы облакаете для него какою-то таинственною важностью новизны; какъ-будто до-тѣхъ-поръ, пока онъ не началъ учиться грамматикѣ, онъ никогда не произносилъ именъ существительныхъ, никогда не склонялъ и не спрягалъ, никогда не возводилъ въ степени прилагательныхъ именъ. Какъ примыкаетъ ваша наука къ первымъ проблескамъ родившейся у дитяти любознательности? Задаетъ-ли себѣ дитя вопросъ: что за слово птица? какъ склоняется: конь? какая степень сравненія: прекраснѣйшій? какой видъ: разыгрывать? Тревожитъ-ли его мысль: къ какому склоненію принадлежитъ существительное: лѣсъ? или къ какому различію относится глаголъ: бѣгать? А если нѣтъ, то какъ-же вы хотите, чтобы онъ полюбилъ вашу гнилую науку, никакою стороною не примыкающую къ его цвѣтущей, дѣтской жизни?

А далѣе: вы учите его ворочать на аспидной доскѣ без-

предметными мнѣніями.... А между-тѣмъ убѣдились-ли вы, что онъ въ состояніи вообразить себѣ отвлеченное число, даже отвлеченную единицу. Вы заставляете его учить наизусть имена множества странъ, государствъ, рѣкъ, горъ прежде нежели онъ познакомился съ роднымъ городомъ, съ сосѣднею деревнею; онъ узнаеть о Финистерре прежде нежели ему растолковали, что выдававшаяся на ближнемъ озерѣ часть земли называется мысомъ. Онъ слышитъ о памятникахъ, музеумахъ, находящихся въ Парижѣ и Лондонѣ, а не знаетъ достопримѣчательностей роднаго города. Неужели потребность — знать всѣ эти вещи, была въ вашемъ ребенкѣ?

Но для того, чтобы показать всю произвольность и безоглядность этого плана, необходимо разсмотрѣть его въ подробности. Вотъ составныя части его: «Чтеніе и письмо, какъ средства ученія; заучиванье стиховъ и басень, для упражненія словесной памяти; ариѳметика для усвоенія точности мышленію; грамматика для... для... ну, хоть для развитія отвлеченнаго мышленія; письмо подѣ диктовку для упражненія въ правописаніи; математическая, физическая и политическая географія для развитія воспроизводительнаго воображенія и мѣстной памяти; священная исторія ветхозавѣтная для развитія фактической памяти, и кромѣ того, для образованія сердца и наполненія воображенія образцами, достойными подражанія.

Что за сбивчивость понятій? Что за порядокъ, могущій быть замѣненъ совершенно противнымъ порядкомъ? Почему упражненіе памяти, способности, которая и безъ того много упражняется въ дѣтствѣ, поставлено во главѣ угла собственно ученія? Не потому-ли, что самолюбіе воспитательницы бываетъ польщено тѣмъ, что малютка повторяетъ наизусть затверженное стихотвореніе или басеньку, причемъ возбуждаетъ въ слушателяхъ смѣхъ своею интонаціею, жестаи и декламаціею? Слушатели смѣются, вскрикиваютъ: «charmant! délicieux! восхитительно!» Я назвалъ бы эти упражненія поощреніями самолюбія, для развитія тщеславія въ дѣтяхъ; ибо никакъ не вижу необходимости упражнять память дитяти заучиваньемъ стиховъ и басень, которые предназначены къ тому, чтобы быть забытыми въ весьма непродолжительномъ времени. Притомъ, въ самомъ-ли дѣлѣ, стихи и басни развиваютъ память предпочтительно предъ другими предметами ученія? Противъ этого возразимъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ всѣми самыми знающими педагогами: что чѣмъ болѣе наполнять память вещами не пер-

вой важности и неизбежно часто повторяющимися, тѣмъ болѣе память слабѣетъ. Люди, много начитавшіеся, въ своей юности, романовъ, чувствуютъ ослабленіе памяти. Есть предѣлъ наполненію памяти и упражненію ея. Излишнее напряженіе и переполненность вредятъ ей, какъ вредитъ желудку слишкомъ пряная и обильная пища. Дѣтская память — чистый листокъ, на которомъ многое должно быть написано, и потому надо обходиться съ нею бережно: писать только то, что необходимо, что должно остаться въ ней и стать матеріаломъ для упражненія другихъ способностей духа. Стиховъ же дитя, большею частію, не понимаетъ, а басенъ — хорошо сдѣлаетъ, если не пойметъ; черезъ годъ оно забываетъ и тѣ и другія, потому-что, при позднѣйшихъ занятіяхъ, нѣкогда становится повторять заученное. Еслибы, по-крайней-мѣрѣ, содержаніе этихъ стиховъ годилось для облегченія позднѣйшей науки. Напримѣръ, если бы стихи были историческаго содержанія, въ родѣ пѣсни о вѣщемъ Олегѣ, Пушкина; тогда фактъ оставался бы въ памяти, хотя форма и утрачивалась бы. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы были поборниками средневѣковыхъ переложеній наукъ въ стихи. Такія антипоэтическія произведенія еще вреднѣе, ибо, оставаясь безплодными въ отношеніи изученія предмета, въ то же время притупляютъ въ дитятѣ поэтическое чувство. Но можно бы составить цѣлый сборникъ стихотвореній, въ которыхъ гениальные поэты вдохновлялись особенно рельефными фактами исторіи своего и чуждыхъ народовъ, чертами нравовъ и обычаевъ, или красотами извѣстныхъ мѣстностей. Конечно, эти стихотворенія были бы гораздо полезнѣе для развитія памяти, которая, кромѣ того, повторяю, вовсе не нуждается въ особыхъ, исключительно для нея, предпринятыхъ упражненіяхъ, потому-что она упражняется на каждомъ шагу и всѣмъ, что преподается дитяти.

Притомъ, нельзя смотрѣть на развитіе одной способности совершенно отрѣшенно отъ другихъ. Способности не отдѣлены одна отъ другой перегородками; это различныя проявленія одной и той же нравственной силы, такъ точно, какъ свѣтъ и теплота различныя проявленія силы огня. Всецѣло развивается человекъ въ каждую мнуту жизни, и, какъ нельзя, на время размысленія, остановить кровообращеніе и пищевареніе, такъ нельзя воспрепятствовать, чтобы пища, предлагаемая уму или памяти, не сообщалась и сердцу, чтобы урокъ чтенія не сталъ урокомъ и морали. Поэтому надо удивляться выбору, сдѣланному

г-жею Тастю, нѣкоторыхъ пьесокъ, какъ въ книгѣ для чтенія, такъ и въ упражненіяхъ памяти. Напримѣръ, какая необходимость рассказывать (въ книгѣ для чтенія) дитяти о томъ, какъ нѣкоторая дѣвочка, со злости, оторвала своей куклѣ руку, или подавать ему мысль — ловить бабочекъ, или, указывая на мышку, тономъ шутки напоминать ему о томъ, что кошка скупила ее къ ужину. Всѣ такіе недосмотры проистекаютъ изъ того, что практическія воспитательницы, желая научить ребенка чтенію, имѣютъ въ виду одну только эту цѣль, и теряютъ изъ виду общую природу дитяти, ансамбль его нравственного состава. По нашему мнѣнію, лучше было бы, еслибы злость оставалась для ребенка непосредственнымъ движеніемъ, о которомъ онъ даже стыдится говорить, и тѣмъ менѣе долженъ бы читать съ удовольствіемъ. Бабочка, какъ живое существо, должна бы быть для него неприкосновенною и отнюдь не должна рождать желанія воспользоваться для забавы ея слабостью. Жестокій, хотя очень естественный, поступокъ кошки съ мышью долженъ бы вызвать сожалѣніе, а не насмѣшку.

Глубоки впечатлѣнія дѣтства, какъ краеугольные камни, на которыхъ позже создается зданіе нравственного міра, и ничѣмъ нельзя поправить зла, причиненнаго ребенку, не кстати сказаннымъ, въ иную минуту, словомъ. Лучше пусть дитя вырастетъ, не умѣя читать, нежели чтобы урокъ чтенія повредилъ чистотѣ его непосредственнаго чувства. Много зла человѣкъ увидитъ въ жизни; но если сердце его въ дѣтствѣ развито въ добрую сторону, то онъ приметъ встрѣченное зло, какъ грустный фактъ, и постарается поправить его, или, по-крайней-мѣрѣ, пожалѣетъ о немъ. Но горе человѣку, котораго слухъ съ дѣтства привыкъ внимать рассказамъ о дѣйствіяхъ насилія и злобы, котораго сердце привычкою приобрѣло способность эгоистическаго равнодушія и насмѣшливаго злорадованія страданіямъ. Онъ на шагъ отъ того, чтобы отъ злорадованія перейти къ причиненію зла. И не помогутъ ему, въ этомъ случаѣ, ни примѣры доблестныхъ и человѣколюбивыхъ подвиговъ, совершенныхъ историческими или вымышленными лицами, ни нравственныя сентенціи, ни цѣлая нравственная философія и догматическая религія.

Сердце дитяти должно развиваться всѣмъ строемъ его жизни, практически, при случаѣ, а не примѣрами, не проповѣдями, не разсужденіемъ. Ежедневный опытъ доказываетъ, что примѣры и разсужденія безсильны противъ привычекъ сердца. Чувство

легко оскорбить, замарать неосторожнымъ словомъ; но развить его можно только упражненіемъ въ дѣйствительной жизни.

Чувство есть самая субъективная изъ способностей человѣческой природы, и потому должно быть вызываемо фактомъ, а не показываемо въ проявленіяхъ своихъ на примѣрахъ. Научиться — быть добрымъ изъ книгъ, такъ же невозможно, какъ и научиться пѣть по нотамъ, когда не имѣешь ни слуха, ни голоса. Случай — сдѣлать доброе дѣло, облегчить тяжелую долю ближняго, или хотъ пролить слезу надъ его бѣдствіемъ, такой случай болѣе разовьетъ чувство добра въ дитяти, нежели десятки нравственныхъ повѣстей и цѣлые томы сентенцій. Любовь къ ближнимъ, прилежаніе, порядочность, всѣ субъективныя добродѣтели внушаются, а не преподаются; но насмѣшки надъ этими добродѣтелями, тонъ пренебреженія въ отзывахъ о нихъ, легко могутъ родить въ сердцѣ привычку къ противоположному, къ соотвѣтственнымъ порокамъ, или, по-крайней-мѣрѣ, къ индифференцизму въ дѣлѣ добра.

Въ томъ-то и заключается важная ошибка воспитателей, которые думаютъ, что такъ-же легко поправить моральное зло, какъ и нанести его. Особенно бесплодны и даже часто положительно вредны, въ этомъ отношеніи, нравственныя сентенціи и басни, которыми наполнена у г-жи Тастю книга для упражненія памяти, и которыя обыкновенно имѣютъ назначеніе — замѣнять практическое воспитаніе сердца, требующее отъ воспитателя слишкомъ большихъ усилій надъ самимъ собою. Чтò касается, во-первыхъ, нравственныхъ сентенцій, то онѣ, по нашему мнѣнію, развиваютъ въ дитяти страсть къ резонерству о нравственныхъ качествахъ, которыхъ оно, можетъ-быть, и не имѣетъ вовсе, но которыя, по его мнѣнію, не худо бы имѣть. Резонеръ въ морали никогда не будетъ глубоко нравственнымъ человекомъ, хотя можетъ и не быть ни безнравственнымъ, ни тартюфомъ. Въ большей части случаевъ, резонеры бываютъ дилетантати нравственности. Кой-когда они дѣлаютъ и добро, но только-когда сдѣлать его нетрудно. Въ противномъ случаѣ, они стараются отдѣлаться отъ суроваго нравственнаго долга словами, которыя достаются дешевле, и между-тѣмъ, въ нѣкоторой степени, удовлетворяютъ нравственное чувство.

Но прямой вредъ нравственному чувству дитяти наносятъ басни и стихи, непримѣненныя къ дѣтскому возрасту, и, по своему содержанію, могущія быть превратно истолкованными ребенкомъ. Если изъ числа, обыкновенно заучиваемыхъ дѣтьми,

стихотвореній и басенъ исключить тѣ, которыя вовсе непонятны дитяти, и слѣдовательно приучаютъ его повторять звуки, лишеныя смысла, и тѣ, которыя оно можетъ превратно уразумѣть, слѣдовательно обоюдоострые или двусмысленные, то остальныхъ, безвредныхъ, весьма немного.

Во-первыхъ, басня, какъ поэзія разсудка, какъ выраженіе житейскаго ума, практической мудрости, очень часто діаметрально расходящейся съ абсолютною, безусловною мудростью, вовсе не должна, по настоящему, появляться въ дѣтской бібліотекѣ. Мы инстинктивно любимъ въ ребенкѣ наивность, восхищаемся свободою его отъ узъ тяготящаго насъ условнаго общественнаго быта, потому-что слышимъ въ этомъ голосъ непосредственной природы, голосъ безотносительной, объективной нравственности. Мы чувствуемъ, что наша житейская мораль, плодъ опыта и эгоистическихъ столкновеній со свѣтомъ, многимъ ниже этихъ первоначальныхъ необдуманнхъ движеній юнаго сердца. И что-же? вмѣсто того, чтобы, сколько можно, продлить для нашего питомца пору этихъ прекрасныхъ непосредственныхъ движеній, мы даемъ ему басни, въ которыхъ проповѣдуются, какъ признаки благоразумія: — безжалостность къ несчастному собрату, впавшему въ бѣду вслѣдствіе своего легкомыслія (басня: Стрекоза и Муравей), хитрость (басня: Ворона и Лисица), гасконская находчивость (басня: Лисица и виноградъ), своекорыстное злоупотребленіе силы (басня: Левъ въ сообществѣ съ Лошадью, Козою и Овцою), мстительность относительно безсильныхъ враговъ (басня: Левъ въ старости), насмѣшливое смиреніе (басня: Два Осла), неблагодарность (басня: Волкъ и Журавль), недоверчивость къ друзьямъ и дружбѣ (Parole de Socrate). А кромѣ такихъ, относительно нравственныхъ, басенъ, обучающихъ дѣтей — быть маленькими эгоистами и практическими людьми, сколько есть басенъ, которыхъ направленіе совершенно безнравственно. Приведемъ, для примѣра, только три изъ нихъ. Кто не знаетъ басни «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ». Не проповѣдуются ли въ ней, косвеннымъ образомъ, немилосердая жестокость къ безвреднымъ хвастунамъ? А изъ басни: «Сверчокъ», не прямо ли можно вывести оправданія для безжалостности къ животнымъ? Кто поручится, что басня: Дитя и Школьный учитель (l'Enfant et le Maître d'École) не родитъ въ ребенкѣ сомнѣнія въ авторитетѣ старшихъ и не сдѣлаетъ его насмѣшливымъ?

Вы рассчитываете на то, что дитя только выучитъ на па-

мать эти басни, что онѣ только послужать къ упражненію этой способности. Но почему-же, въ такомъ случаѣ, въ видахъ нравственной пользы, вы запрещаете говорить при дѣтяхъ о безнравственныхъ вещахъ. Почему вы четырнадцати-лѣтней дочери вашей, для упражненія во французскомъ языкѣ, не даете читать романовъ Жоржъ-Занда, Поль-де-Кока или даже *Rucelle d'Orléans* Вольтера? или потому, можетъ-быть, что вы боитесь болѣе тѣлеснаго, нсжели нравственнаго, растлѣнія вашихъ дѣтей?... Или потому, что басни дитя учить въ раннѣйшемъ возрастѣ? Да, вѣдь, если оно основательно заучить ихъ, то эти басни останутся у него въ памяти, по-крайней-мѣрѣ по содержанію, и въ позднѣйшемъ возрастѣ. А если дитя, не смотря на свой возрастъ, пойметъ и усвоитъ изъ нихъ именно ту мораль, на которую мы указали и которая косвеннымъ образомъ заключается въ нихъ, то не получитъ ли его сердце неминуемой склонности къ жесткости, безчеловѣчію и глумленію надъ всѣмъ, что непосредственно, безъискусственно нравственно.

Сказаннаго достаточно, чтобы доказать то, что мы имѣли въ виду; а именно: что заучиванье такого рода сочиненій, какъ помѣщенныя г-жою Тастю въ отдѣлѣ упражненія памяти — 1) несвоевременно, въ томъ возрастѣ, для котораго составлена ея книга, (отъ 4 до 9 лѣтъ), потому-что не отвѣчаетъ потребностямъ дитяти; 2) не необходимо, потому-что память дитяти упражняется всѣмъ, что преподается ему, и кромѣ того должна быть упражняема на предметахъ, имѣющихъ абсолютную важность въ обученіи; 3) вредно общей экономіи нравственнаго состава дитяти.

Послѣ втораго урока письма и восьмага урока чтенія, г-жа Тастю, въ часы отдохновенія, играючи, учить дѣтей цыфрамъ, счисленію до ста и объясняетъ — какъ смотрѣть на часы. Въ этомъ уже сказывается нѣкоторый проблескъ пониманія того, что наука должна быть приведеніемъ въ сознаніе жизни. Жаль только, что г-жа Тастю, какъ и большая часть практическихъ воспитательницъ, не понимаетъ, что именно наука, такимъ образомъ, при случаѣ, преподаваемая, наиболѣе развиваетъ дѣтскій умъ и рождаетъ въ немъ истинную любознательность, не удовлетворяющуюся одними занимательными для воображенія фактами, а требующую раскрытія сущности ихъ. Впрочемъ мы не хотимъ сказать этимъ, что случай долженъ быть всегда выжданъ: воспитатель вправѣ создавать его, только нужно, чтобы, на первыхъ порахъ, наука была тѣсно связана съ жизнію, что-

бы въ ребенкѣ утвердилось убѣжденіе, что учебные предметы имѣютъ цѣлью раскрыть для него то, что прежде являлось ему непонятнымъ, безсвязнымъ и безпричиннымъ въ окружающемъ мірѣ и въ немъ самомъ.

Ариѳметика слѣдуетъ у г-жи Тастю непосредственно за упражненіями словесной памяти, которыя мы уже оцѣнили по достоинству. Въ изложеніи ариѳметики г-жа Тастю придерживалась передѣлки песталоцціевой ариѳметики Бонифасомъ; оттого у нея эта часть обработана почти удовлетворительно. По песталоцціеву методу, занятія дѣтей вычисленіями могутъ начаться очень рано: исходною точкою къ нимъ обыкновенно будетъ случай, который встрѣтится на каждомъ шагу. Дѣти очень скоро и почти безъ труда выучиваются простымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ. Нужно только, чтобы, передъ тѣмъ, какъ приступить къ показыванію ихъ, въ дитяти естественно родилась, или искусственнымъ образомъ была порождена потребность въ этомъ знаніи. Но и здѣсь мы желали бы поменьше поспѣшности, поболѣе послѣдовательности и сообразности съ дѣтскими понятіями въ преподаваніи. А именно: намъ кажется, что г-жа Тастю ошибается, думая, что, уже въ самомъ началѣ обученія ариѳметикѣ, можно отвлекать число отъ конкретирующаго его названія. Переходъ отъ конкретнаго числа къ абстрактному вовсе не такъ легокъ и удобопонятенъ для дѣтей, какъ это кажется практическимъ воспитательницамъ, которыя нисколько не затрудняются, даже безъ магійшаго приготовленія, прямо начинать дѣйствія съ абстрактными числами. Правда, дитя довольно скоро научается ариѳметическимъ дѣйствіямъ съ отвлеченными числами, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно поняло, что такое отвлеченное число.

Конкретность дѣтскихъ представленій есть фвізіологическій фактъ, основанный на законѣ развитія нашего нравственнаго міра. Абстрактное, только мало по малу, по мѣрѣ развитія, становится доступнымъ сознанію; а есть такія абстрактныя понятія, которыя требуютъ весьма продолжительнаго подготовленія, чтобы сдѣлаться понятными.

Въ данномъ отношеніи рутина, опытъ увлекательнѣе и обманчивѣе, нежели въ какомъ-либо другомъ. Вышепоказаннымъ способомъ, какъ мы сказали, дѣти дѣйствительно выучиваются ариѳметическимъ дѣйствіямъ съ отвлеченными числами, даже пріобрѣтаютъ нѣкоторую степень ловкости, быстроты въ комбинированіи ихъ, и, по видимому, совершенно понимаютъ, что дѣ-

лаютъ. Чтобы открыть намъ глаза на нашу ошибку, надо, чтобы встрѣтился какой-нибудь простой случай, гдѣ дитятѣ пришлось бы на дѣлѣ доказать свое пониманіе сущности дѣла. Но и тогда, рѣдкая воспитательница останавливается въ механическомъ преподаваніи ариметики. Большая часть утѣшаютъ себя тѣмъ, что чего дитя не понимаетъ теперь, то пойметъ позже.

И дитя привыкаетъ къ этому механизму комбинацій, въ которыхъ числа являются ему чѣмъ-то, въ родѣ уродливыхъ призраковъ. Призраки появляются на аспидной доскѣ, отплясываютъ танецъ, который называется сложениемъ, вычитаніемъ, умноженіемъ или дѣленіемъ, потомъ исчезаютъ и замѣняются новыми призраками.

Ужъ если необходимо отступить отъ метода Песталоцци относительно времени перехода отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ числамъ, то я предложилъ бы сначала обучать дитя всѣмъ арифметическимъ дѣйствіямъ по купеческимъ счетамъ. Здѣсь мысль ребенка опиралась бы, по крайней мѣрѣ, на конкретную единицу, которою была бы косточка счетовъ, до тѣхъ поръ, пока голова ученика не созрѣла бы до того, чтобы представить себѣ отвлеченное число. Косточка счетовъ сначала будетъ для дитяти конкретомъ, единичнымъ предметомъ, потомъ замѣною, представительницею того или другаго предмета, наконецъ представительницею всякаго предмета и совокупностей предметовъ, мѣръ и вѣсовъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, хотя преподаваніе ариметики и можетъ быть умѣстнымъ въ томъ возрастѣ, для котораго назначается книга г-жи Тастю (отъ 4 до 9), потому что потребность въ ней можетъ родиться въ умѣ дитяти, однако рутинна, и въ этомъ отношеніи, заставляетъ желать важныхъ переменъ.

Но вотъ, мы дошли до преподаванія грамматики дѣтямъ, имѣющимъ отъ 4 до 9 лѣтъ отъ роду. Грамматики? Не ужели это не покажется несообразностью, даже нецѣпостью? Нисколько. Рутинна освятила эту нецѣпость, которая держится, какъ обычай, отъ поколѣнія до поколѣнія, уже нѣсколько сотъ лѣтъ.

Я вспоминаю одинъ случай, доказывающій силу привычки. У меня есть знакомый, уже болѣе 20 лѣтъ, зиму и лѣто, проживающій въ деревнѣ. Построивъ домъ, этотъ господинъ имѣлъ странную мысль сдѣлать на всѣхъ дверяхъ надписи, согласно назначенію комнатъ, въ которыя двери ведутъ. Будучи холостымъ, мой знакомый любилъ читать; въ послѣдствіи, вступивъ въ сады Гименея, онъ утратилъ охоту къ чтенію; за то сталъ

очень регулярно, съ утра до вечера, пить различныя настойки и наливки. Такъ какъ домъ строился еще въ пору его пристрастія къ чтенію, то одна изъ комнатъ, въ которой на полкахъ разставлена была небольшая библіотека, получила названіе храма наукъ. Это названіе, написанное масляною краскою на дверяхъ комнаты, сохранилось до сего дня, хотя комната съ тѣхъ поръ получила совершенно иное назначеніе, а именно: въ ней помѣщается камердинеръ изъ дворовыхъ, не умѣющій ни читать, ни писать, такъ же какъ и баринъ очень пристрастный къ крѣпкимъ напиткамъ и имѣющій совершенную антипатію къ чистоплотности. Такимъ образомъ, прежняя библіотека, изъ которой книги вынесены куда-то на чердакъ и большею частью съѣдены мышами, превратилась въ грязную конурку съ отвратительнымъ запахомъ жилья, въ которой, съ утра до утра, раздается храпъ и сопѣніе барскаго камердинера, никогда не устающаго спать. Но что во всемъ этомъ самаго смѣшнаго, комната Антипа продолжаетъ называться, по надписи на дверяхъ, храмомъ наукъ.

Но что же вы находите несообразнаго, нелѣпаго въ преподаваніи грамматики дѣтямъ, имѣющимъ отъ 4 до 9 лѣтъ отъ роду? спрашиваетъ послѣдователь или послѣдовательница рутины, съ улыбкою торжества опираясь рукою о плечо одного изъ своихъ учениковъ, который превосходно знаетъ грамматику вдоль и поперекъ. А вотъ что!

Грамматика, какъ и всѣ науки, порождена потребностью мыслящаго ума отдавать себѣ отчетъ въ сущности и законахъ явленій, какъ физическаго, такъ и нравственнаго порядка. Она основана на томъ, что наше слово, такъ же какъ и мысль, которой оно служитъ выраженіемъ, есть организмъ, подчиненный извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, которые мы можемъ привести въ свое сознаніе. Поэтому грамматика есть наука о законахъ слова, такъ же, какъ логика — наука о законахъ мышленія. Опредѣленіе грамматики, какъ руководства къ правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ, справедливо только относительно иностранныхъ языковъ, которыхъ мы не можемъ изучать практически. Польза отечественной грамматики менѣе непосредственна: эта польза, заключается въ томъ, что отечественная грамматика убѣждаетъ насъ, что употребленіе, которое мы дѣлаемъ изъ словъ въ разговорѣ и письмѣ, основано не на произволѣ, а на законахъ, источникъ которыхъ заключается въ логикѣ человѣческаго мышленія и въ духѣ извѣстнаго языка

Сама г-жа Тастю, въ предисловіи къ книгѣ правописанія, заключающей въ себѣ рядъ статей, назначенныхъ для диктованья, говоритъ, что научиться правописанію можно только съ помощью продолжительнаго письма подъ диктовку. А въ томъ, что правильное употребленіе словъ въ разговорѣ зависитъ отъ привычки, приобретенной человѣкомъ въ дѣтствѣ, безъ содѣйствія грамматики, въ слѣдствіе одного того, что первые наставники исправляли его ошибки и сами правильно говорили, въ этомъ всякій, вѣроятно, убѣжденъ столько же, сколько и г-жа Тастю. Спрашивается: для чего же служить грамматика въ томъ возрастѣ, въ которомъ умъ еще не можетъ имѣть потребности отдавать себѣ отчетъ въ законахъ языка.

Синтетическое мышленіе, идущее отъ частнаго, конкретнаго къ общему, абстрактному, развивается у дѣтей гораздо ранѣе аналитическаго мышленія, которое слѣдуетъ противоположному пути, т. е. отыскиваетъ въ общемъ составныя его части, конкретны.

Слово есть выраженіе общаго понятія о предметѣ, свойствѣ, дѣйствіи или отношеніи. Образовать слово можетъ только тотъ, у кого представленіе о предметѣ, свойствѣ, дѣйствіи или отношеніи, отрѣшившись отъ всѣхъ своихъ конкретныхъ признаковъ, стало въ сознаніи общимъ понятіемъ. Какъ медленъ процессъ этого образованія словъ, видно изъ того, что онъ продолжается еще и тогда, когда уже люди давно выражаются на извѣстномъ нарѣчій. По мѣрѣ того, какъ народъ умственно преуспѣваетъ, понятія, выражаемыя словами, становятся все общѣе, и многообъятнѣе; слѣдовательно количество словъ становится меньше. Такъ въ языкахъ народовъ дикихъ и необразованныхъ слова выражаютъ еще довольно-конкретныя представленія, которыя со временемъ все болѣе обобщаются. Когда, такимъ образомъ, изъ нѣсколькихъ общихъ представленій, составилось у народа одно общее понятіе, тогда слѣдовательно нѣкоторыя слова становятся лишними и забываются или сохраняются въ однихъ мѣстныхъ идиомахъ. Такъ въ языкахъ дикарей Тихаго океана встрѣчаются по нѣскольку десятковъ словъ для выраженія инаго самаго будничнаго понятія, потому-что это понятіе еще не успѣло въ ихъ мышленіи отрѣшиться отъ конкретизирующихъ его признаковъ.

Ребенокъ не создаетъ словъ, а получаетъ ихъ готовыми, поэтому, для него, органическая связь между понятіемъ и словомъ, связь, состоящая въ томъ, что второе есть продуктъ сознанія

общности перваго, нарушена. Дитя долго приписываетъ слово конкретному представленію, потому что, большею частью, получаетъ его ранѣе, нежели составило себѣ соотвѣтствующее общее понятіе, а между тѣмъ не въ состояніи еще анализировать его. Поэтому, и объяснить ему общее понятіе невозможно иначе, какъ замѣнивъ его сначала конкретнымъ представленіемъ. Только мало-по-малу, съ лѣтами, умъ ребенка усваиваетъ себѣ процессъ создаванія общихъ понятій, а еще позже процессъ анализированія ихъ.

Очевидно, что, до этого времени, дитя учитъ грамматику наизусть и хотя достигаетъ механической ловкости въ угадываніи частей рѣчи, въ измѣненіяхъ ихъ и пр., однако, съ другой стороны представленія его получаютъ самую странную сбивчивость. Большею частію, рѣчь дитяти бываетъ комбинаціею частныхъ представленій. Слово и конкретный предметъ, къ которому дитя относитъ его, составляютъ для него одно и то же. Въ грамматикѣ слово разсматривается само-по-себѣ, какъ выраженіе абстракта, понятія, какъ объектъ духовнаго порядка. Подъ словомъ: «столъ» дитя понимаетъ выражаемый имъ предметъ и именно тотъ столъ, который передъ нимъ. А въ грамматикѣ самое слово: «столъ» есть предметъ, который подвергается разсмотрѣнію и изслѣдованію. Здѣсь вы самое слово, выражающее общее понятіе, которое, какъ я сказалъ, для ребенка пока еще есть только конкретное представленіе, обобщаете на основаніи однихъ законовъ мысли и языка; т. е. совершенно субъективно, безъ прямого отношенія къ свойствамъ самого понятія, выраженного словомъ, къ объективной сущности его. Посмотрите, какой скачокъ вы дѣлаете: ребенокъ еще не можетъ услѣдить за вами въ составленіи общаго понятія о предметѣ, и принужденъ, до поры, замѣнить его частнымъ представленіемъ, которое и соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, слову, а вы хотите, чтобы онъ, изъ этого плохо понятаго слова, независимо, или почти независимо отъ объективной сущности выражаемаго имъ понятія, сдѣлалъ предметъ разсмотрѣнія. Въ грамматикѣ «чистота и грязь» суть имена существительныя нарицательныя, женскаго рода, единственнаго числа. А для ребенка чистота есть качество, которое придается предмету чищеньемъ, мытьемъ, скобленьемъ; а грязь есть та жидкая масса, которая происходитъ изъ смѣшенія земли съ водою. Какая сбивчивость должна произойти въ его головѣ отъ сближенія такихъ противоположныхъ представленій. Грамматика говоритъ, что «красный» есть имя прилагательное а «красота»

есть имя существительное а «красно» есть нарѣчіе, что «ложь» есть имя существительное, а «лгать» есть глаголь; и сама же отказывается объяснить ребенку — почему все это такъ, а заставляетъ принимать свои изрѣченія на слово. Какъ объяснить ребенку субъективное основаніе грамматическаго дѣленія словъ на части рѣчи, не говоря о вещахъ еще недоступнѣйшихъ дѣтскому уму?

Но если-бы это и было возможно, то не смѣшно-ли начинать съ субъективнаго значенія словъ, тогда какъ объективное значеніе ихъ еще не вполне понятно дитяти. Повторяю: ребенокъ принимаетъ слово за выраженіе частнаго представленія о предметѣ. Но и въ конкретномъ предметѣ онъ знаетъ одну только наружную сторону, а не сущность, которая, какъ извѣстно всякому, познается только чрезъ сравненіе и противоположеніе. И вотъ, вмѣсто-того, чтобы помочь ему въ этомъ трудѣ познания сущности предметовъ посредствомъ сравненія и противоположенія ихъ другъ-другу, чѣмъ вы много способствовали бы образованію правильныхъ понятій, вы начинаете съ того, что принимаете слова въ субъективномъ значеніи ихъ. А такъ-какъ слова для ребенка суть выраженія представленій о тѣхъ-же предметахъ, даже въ большей части случаевъ, суть, просто, тѣ-же предметы, то онъ въ этомъ хаосѣ и не разберетъ ничего. Конкретныя представленія, добываемыя самимъ дитятею, вслѣдствіе ознакомленія съ окружающимъ міромъ — въ явномъ разладѣ съ грамматическою классификаціею выражающихъ эти представленія словъ. Какъ согласить такія противурѣчія, истекающія изъ того, что грамматику преподаютъ дѣтямъ не въ свое время. Дѣло рѣшаютъ, повидимому, очень-просто. Такъ-какъ непосредственный дѣтскій умъ еще неспособенъ къ субъективнымъ воззрѣніямъ, то и стараются относить то къ объективной сущности понятій, что, на самомъ дѣлѣ, относится къ субъективной сущности выраженій. Вообразите себѣ теперь хаосъ, который держится въ дѣтской головѣ до-тѣхъ-поръ, пока мысль достигнетъ въ ней той степени упругости, которая необходима для анализа самой себя и своего продукта — слова... Вообразите себѣ странное мировоззрѣніе, которое вы сообщаете малюткѣ, вмѣсто объясненій предметовъ по ихъ внутренней объективной сущности, давая ему классификацію ихъ на основаніи субъективной сущности словъ.

Въ познании окружающаго міра, мысль развивается органически: отъ познания особей она переходитъ къ познанию вида,

отъ познанія вида къ познанію рода и т. д. Чѣмъ органичнѣе, т. е. существенно необходимѣе, объективно истиннѣе этотъ процессъ обобщенія въ мысли, тѣмъ и самое развитіе мышленія, основанное на повтореніи этого процесса, строже и органичнѣе.

Логика природы совершенно тождественна съ логикою человѣческой мысли, потому-что первая есть объективное проявленіе закона, который во второй подтверждается субъективно. Если начать съ того, что познакомить ребенка съ объективною логикою природы, идущей отъ частнаго къ общему и совершенно-сходной съ логикой непосредственнаго дѣтскаго ума, если показывать дитяти — какъ особь въ природѣ, въ объектѣ, становится видомъ, видъ родомъ, семействомъ и классомъ, на основаніи существенныхъ признаковъ, отличающихъ одни особи отъ другихъ, одинъ видъ отъ другаго, одинъ родъ, одно семейство и классъ отъ другихъ, тогда общія понятія о предметахъ, видахъ, родахъ и пр. создадутся въ головѣ дитяти необходимо, органически, такъ-какъ они позже создались бы, при счастливыхъ обстоятельствахъ, изъ самомышленія.

Насильственное перенесеніе умственной точки зрѣнія изъ міра фактовъ и явленій одиночныхъ въ міръ абстрактной мысли есть такой скачокъ, въ слѣдствіе котораго умъ дитяти однажды навсегда утрачиваетъ свою непосредственность и естественность, и навсегда лишается объективнаго критериума въ своихъ сужденіяхъ о вещахъ. Преждевременность понятій, сообщаемыхъ ребенку грамматикою и которыя онъ принужденъ принимать на слово, безъ повѣрки, усваиваетъ ему привычку руководиться чужою мыслью и не только не развиваетъ, но еще облѣбниваетъ его умъ. Сближеніе общихъ понятій, которыхъ дитя само еще не въ состояніи органически создать, съ конкретными представленіями, по мнѣнію дитяти, лежащими въ основаніи словъ, производитъ въ дѣтской головѣ странный хаосъ, въ которомъ іероглифическія грамматическія формулы перемѣшаны съ представленіями о предметахъ окружающаго міра.

Теперь оглянемся на пройденный дитятею досегѣ путь и постараемся воспроизвести кругъ познаній, сложенныхъ въ головѣ его. Положимъ, ребенокъ выучилъ наизусть всѣ басни и стихи, содержащіяся въ книгѣ г-жи Тастю, онъ знаетъ четыре ариѳметическія дѣйствія и грамматику.

Что существеннаго узналъ онъ изъ окружающаго міра? На какіе вопросы пробудившейся любознательности отвѣтила ему

наша наука? Можетъ-ли онъ ощутить чувство удовлетворенной потребности и полюбить за это книгу?

Онъ узналъ, какъ говорили-бы звѣри, еслибы умѣли говорить; узналъ, пожалуй, изъ этого, какъ поступаютъ люди съ различными индивидуальными характерами и свойствами, заучилъ возвышенныя мысли поэтовъ о Богѣ, о природѣ, о вѣчной истинѣ въ противоположеніи съ временною ложью, узналъ самыя простыя численныя отношенія, въ которыя могли быть поставлены предметы, или, лучше сказать, абстрактныя единицы, между собою. Во всемъ этомъ еще не заключается ни одного положительнаго знанія о сущности предметовъ самихъ въ себѣ.

Объ этой сущности онъ узналъ только то, что дошло до него случайно.

Но можетъ быть грамматика знакомить съ этою сущностью, съ объективною истиною? Мы доказали противное. Она и не касается области объективной истины въ природѣ. Ея дѣло раскрыть законы слова: она рассматриваетъ внѣшній міръ въ его отраженіи въ мысли, въ субъектѣ.

Розовому ребенку, погруженному въ ознакомленіе съ окружающимъ міромъ, имѣющему настоятельную потребность воспріять связь между разнородными явленіями со всѣхъ сторонъ напирющей на него дѣйствительности, грамматика толкуетъ о связи между словами, о классификаціи словъ, объ измѣненіи словъ и пр. и пр. и пр. Какова логика обученія, основаннаго на опытѣ и пренебрегающаго научнымъ основаніемъ?

Прежде, нежели ребенокъ узнаетъ, что этотъ камень есть кремень, а этотъ — гранитъ, а этотъ — песчаникъ, что это растеніе есть дерево, а это — кустарникъ, а это — былинка, а это — злакъ, что это животное — млекопитающее, а это — пресмыкающееся, а это — птица, грамматика учитъ его, что всѣ эти названія, принадлежація предметамъ, суть имена существительныя. Прежде нежели ребенокъ убѣдится, что въ предметахъ природы есть признаки существенныя и случайныя, грамматика скажетъ ему, что названія всѣхъ признаковъ суть имена прилагательныя, и что эти прилагательныя бываютъ: качественныя, числительныя, притяжательныя и обстоятельственныя, и что числительныя бываютъ количественныя и порядочныя и т. д. Потомъ грамматика еще будетъ увѣрять его, что между названіемъ признака, приписываемаго предмету, и названіемъ признака, взятаго отвлеченно, въ томъ видѣ, какъ онъ только можетъ быть представленъ въ нашемъ мышленіи, но не суще-

ствуешь въ природѣ, есть существенное различіе, что первое есть имя прилагательное, а второе имя существительное. И многое подобное узнаешь онъ изъ грамматики о названіяхъ предметовъ, и ничего не узнаешь о самихъ предметахъ, съ которыми ему такъ хотѣлось-бы познакомиться. Ему хотѣлось-бы знать, какъ это летаетъ птица, и почему не летаетъ лошадь? А грамматика глубокомысленно твердитъ ему, что птица въ творительномъ падежѣ единственнаго числа имѣетъ окончаніе *ю*, что летать есть глаголъ средній перваго спряженія и различія, неокончательнаго неопредѣленнаго вида, неокончательнаго наклоненія; что этотъ глаголъ, въ изъявительномъ наклоненіи наст. врем., имѣетъ летаю и т. д.

Дитя хотѣло-бы знать — какъ живетъ этотъ цвѣтокъ, который такъ радуешь его взоръ роскошною чашечкою, а его заставляютъ склонять слово «цвѣтокъ».

Неужели вы думаете, что ребенка не поразитъ это несогласіе между его потребностями и тѣмъ, что даетъ ему наука; что онъ будетъ охотно слѣдовать за преподавателями по этому морю словъ, предложеній и періодовъ, тогда какъ онъ предчувствуетъ, что есть другая наука, которая прямо вводитъ въ прекрасный Божій міръ и показываетъ сокровенныя чудеса его.

Но необходима-ли грамматика, по-крайней-мѣрѣ, какъ дополненіе къ обученію и письму! Научаетъ-ли она ребенка правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ, и совершенно-ли неизбѣжна она въ этомъ отношеніи? Наконецъ: есть-ли въ томъ возрастѣ, въ которомъ нашъ питомецъ, надобность — говорить и писать грамматически вѣрно!

Мы уже выше сказали, что практика въ этомъ возрастѣ можетъ довести дитя до безошибочнаго употребленія словъ въ разговорѣ и письмѣ. Кромѣ-того, ребенокъ еще долго послѣ того, какъ выучитъ грамматику наизусть, а можетъ-быть и никогда не привыкнетъ прилагать эту грудку грамматическихъ правилъ къ живому слову и письму. Но еслибы грамматика дѣйствительно была въ состояніи непосредственно научать правильному употребленію словъ въ разговорѣ и письмѣ, то стоитъ-ли эта цѣль такихъ успій и напряженій, какія грамматика заставляетъ дѣлать дѣтскій умъ! Неужели такъ важно, чтобы нашъ питомецъ никогда не ошибался, никогда не ставилъ *e*. вмѣсто *ь* или *ъ* вмѣсто *з*? Неужели стоитъ тратить драгоценныя годы первой науки, когда еще ребенокъ не имѣетъ матерьяла для разговора и письма, на то, чтобы онъ, въ своей болтовнѣ, или въ чужихъ

словахъ, изреченіяхъ, періодахъ, которые пишетъ подъ диктовку, не дѣлалъ грамматическихъ ошибокъ?

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что преподаваніе грамматики въ возрастѣ, продолжающемся отъ 4-хъ до 9-ти лѣтъ, совершенно неумѣстно, потому что 1) вовсе не соответствуетъ первымъ проблемамъ рождающейся любознательности; 2) не развиваетъ, а мѣшаетъ правильному развитію мышленія; 3) не сообщаетъ никакого положительнаго знанія ребенку, ибо то знаніе, которое грамматика сообщаетъ, не имѣетъ еще для него положительнаго значенія; 4) бесполезно отнимаетъ время, которое могло-бы быть употреблено на ознакомленіе съ объективною сущностью предметовъ; наконецъ 5) вредно для общей нравственной экономіи дитяти.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ вліяніи преподаванія грамматики въ раннемъ дѣтствѣ.

Грамматика можетъ быть названа анатоміею языка. Для того, чтобы опредѣлить законы языка, необходимо признать извѣстный моментъ развитія его за неизмѣнный и на немъ основать свои изслѣдованія. Для того-же, чтобы разсмотрѣть извѣстныя формы языка, надо вырвать эти формы изъ живой фразы, или, лучше сказать, разбить, убить фразу, и потомъ уже разсматривать ея составныя части.

Способъ обученія грамматикѣ, чѣмъ онъ практичнѣе, тѣмъ болѣе напоминаетъ такую работу надъ трупомъ. Разбираемая фраза должна утратить всю свою жизненность, чтобы подвергнуться грамматическому разсмотрѣнію. Ученикъ не долженъ интересоваться содержаніемъ ея, для того, чтобы не развлекаться отъ формы, которой законы учитель толкуетъ ему. Онъ долженъ смотрѣть на эту форму, какъ на отвлеченную, бессодержательную, или, по-крайней-мѣрѣ, не интересную по содержанію. Сколько сухости, отвлеченной формальности въ такой работѣ! И какъ должна она противурѣчить потребностямъ воображенія, этой жизненной способности, воздѣйствующей на весь ходъ нравственнаго развитія дитяти! Въ этомъ отношеніи грамматика приноситъ столько-же вреда, сколько пользы могли-бы принести первому возрасту естественныя науки.

Естественныя науки приучаютъ дитя обуздывать фантазію фактами дѣйствительности, доступной дѣтскому уму, не отвлеченной, и способной, въ то же время, доставлять здоровую пищу фантазіи. Жизнь растенія или животнаго, рассказанная живо и увлекательно, оставляетъ фантазіи широкое поле дѣятельности,

а вмѣстѣ съ тѣмъ, уточняетъ представленія ея о природѣ, даетъ имъ почву, основаніе низводитъ ихъ изъ сферы дѣтской мечты, въ которой они вращались вслѣдствіе невѣдѣнія. Напротивъ составъ мертвой фразы пригнетаетъ воображеніе дитяти въ видахъ развитія ума. Если мы хотимъ, чтобы предметы перваго обученія заохотили дитя къ наукѣ, то надо, чтобы они благотворно дѣйствовали на воображеніе. Благотворнымъ можетъ быть названъ только такой образъ дѣйствія на фантазію, который, уточняя ее, въ то-же время, будетъ питать ее здоровою пищею. Искривленіе же наукою непосредственной дѣтской природы чрезъ подавленіе одной способности другою, смотря по тому — сильна или слаба нравственная организація дитяти, поведетъ или къ тому, что дитя будетъ смотрѣть на науку, какъ на своего врага и убѣгать отъ нея, какъ отъ чумы, или къ тому, что оно сдѣлается сухимъ, пошлымъ педантомъ, любящимъ самый процессъ науки, независимо отъ содержанія ея. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда наука не успѣваетъ подавить фантазіи — эта послѣдняя, втихомолку произвольно развиваясь въ видѣ реакціи налагаемому извнѣ деспотизму ума, получитъ неестественное, искривленное направленіе, перейдетъ въ мечтательность, въ болѣзненные сны на яву, и можетъ даже получить вредный перевѣсъ надъ другими способностями. Такимъ образомъ именно то, что должно было развитъ умъ, послужитъ къ ослабленію его. Хорошо еще, если развитіе нравственнаго чувства не даетъ фантазіи принять дурнаго направленія: въ противномъ же случаѣ — бездна открывается подъ ногами вашего питомца; ибо кто опредѣлитъ мѣру безпорядочности, до которой можетъ дойти въ своихъ картинахъ фантазія, необуздываемая благотворнымъ вліяніемъ даваемой ей пищи, и потому извлекающая себѣ пищу изъ всего, что встрѣчается.

Едва-ли еще не хуже послѣдствія несвоевременнаго преподаванія такихъ предметовъ, какъ грамматика, на ребенка съ слабю фантазіею, на натуру мелкую, будничную. Здѣсь обученіе грамматикѣ проходитъ по душѣ какъ самумъ или сирокко по степи, сжигая и искореняя весь доставшійся на ея долю цвѣтъ, и разомъ надолго лишая ее послѣдней надежды на оплодотвореніе. Подъ вліяніемъ этой разрушительной науки, дитя вскорѣ дѣлается старцемъ, песноснымъ резонёромъ, бездарнымъ, холодно-расчетливымъ, разсудочно-гордымъ анатомомъ жизни. Чувство его, неразширяемое, неохраемое воображеніемъ, заглохнетъ, умъ слузится, и воля, не встрѣчая сопротивленія ни въ чемъ,

съ державною гордостью воспарить надъ кладбищемъ нравственнаго міра.

Посмотрите вокругъ: къ чему приводитъ современное первоначальное обученіе? Что видимъ мы въ молодомъ поколѣніи, вскормленномъ наукою, оторванномъ отъ жизни и чуждающемся ея? Это поколѣніе состоитъ изъ мечтателей и сухихъ богатырей воли, между которыми, только очень рѣдко, мелькнетъ человѣкъ съ гармонически развитымъ нравственнымъ міромъ, мелькнетъ, какъ странный метеоръ и скорѣ исчезнетъ, ибо не найдетъ въ окружающей толпѣ отвѣтнаго себѣ существа.

Но неужели, спросятъ меня, вовсе не должно учить грамматикѣ? Напротивъ! Я только намѣренъ доказать, что всякая вещь полезна на своемъ мѣстѣ; что всякая наука должна быть преподаваема тогда, когда отвѣчаетъ нравственной потребности учащагося и сообразна съ его силами. Я думаю, что потребность въ общей грамматикѣ можетъ явиться только вслѣдствіе потребности въ частной. Изъ частныхъ же грамматикъ отечественная, менѣе всякой другой, можетъ стать потребностью въ дѣтскомъ возрастѣ. Теоретическое-же обученіе иностраннымъ и древнимъ языкамъ мы желали бы отодвинуть сколько можно далѣе отъ возраста дѣтства, въ возрастъ отрочества или даже юности, что не могло-бы быть помѣхою практическому обученію имъ. Тогда уже, когда первоначальная наука познакомила юношу съ объективною истинною природою, съ сущностью вещей и явленій, развила умъ до той степени, которая нужна для наблюденія надъ явленіями субъективнаго міра, когда потребность изученія иностранныхъ или древнихъ языковъ родится вслѣдствіе особенно развитой лингвистической способности, или какъ средство для полнѣйшаго уразумѣнія исторіи народовъ, изученіе грамматикъ будетъ умѣстно, своевременно, и потому полезно. Но и тогда она должна преподаваться иначе, нежели у насъ, а именно: изложивъ на отечественномъ языкѣ общую грамматику, преподаватель долженъ приступить къ грамматикѣ иностраннаго языка въ сравненіи съ отечественною. Такой сравнительный методъ много сократитъ время, нужное для ознакомленія съ грамматикою, дастъ яснѣйшее, нагляднѣйшее понятіе о свойствахъ языковъ, выставя наружу точки, въ которыхъ сходятся и расходятся языки, и родитъ воззрѣніе на языкъ, какъ на органическое цѣлое, которое, при общихъ свойствахъ, имѣетъ еще и индивидуальныя черты, зависящія отъ нравственной физіономіи народа, говорящаго на немъ.

Въ видѣ отступленія, скажу, что въ настоящее время, когда отечественная литература все болѣе обогащается сочиненіями и переводами по всѣмъ отраслямъ наукъ, когда и классики уже могутъ частью быть прочтены въ русскомъ переводѣ, пора бы быть по-менѣе пристрастными къ языкамъ и пошире проходить науки, обогащающія умъ матерьялами, ибо *ars longa, vita brevis*.

По моему мнѣнію, въ наше время можно быть основательно образованнымъ человѣкомъ, зная одинъ свой отечественный языкъ. Подтвержденія этому встрѣчаются между Англичанами, которые даже древніе языки не считаютъ обязательными для полнаго образованія.

Ф. Толм.

Прѣжніе и будущіе пути сообщенія Кавказа.

Уже дробить камень молотъ!...

А. С. ПУШКИНЪ.

Съ самого начала русскаго владычества на Кавказѣ, путевыя сообщенія этой страны составляли главную заботу нашего правительства. Связуя Грузію съ Россіей, хорошо-устроенныя дороги служатъ однимъ изъ существенныхъ средствъ къ утверженію нашего значенія на Кавказѣ, къ облегченію его защиты и къ будущему развитію какъ тамошняго народнаго богатства такъ и государственныхъ доходовъ. Съ давнихъ поръ всѣ главноначальствовавшіе Грузіей употребляли для этого всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, но въ особенности, чтобы осуществить вѣковую мысль и превратить надежду въ дѣйствительность, приняты рѣшительныя средства въ настоящее время. Первымъ проявленіемъ этого намѣренія было развитіе пароходства по морьямъ Каспійскому и Черному, а равно и по немногимъ судоходнымъ горнымъ рѣкамъ какъ то: Курѣ, Кубани и Ріону, по которому пароходы ходятъ уже до Кутаиса. Мысль эта впрочемъ не нова; она занимала уже умъ Великаго Петра и входила въ его политическія соображенія, когда онъ бросалъ свой всеобъемлющій взглядъ на дѣла Персіи, посредствомъ которой стремился осуществить еще болѣе великій планъ — «торговлю съ Индіей.» Но исполненіе этого плана казалось ему еще не совсѣмъ полнымъ; онъ сознавалъ непостоянство и недостаточность исключительно одного морскаго пути и замышлялъ бо-

лѣе прочное сообщеніе— сухопутное. И точно, всѣ водяныя сообщенія, какъ бы ни были они усовершенствованы, не могутъ устранить необходимости удобнаго и надежнаго пути чрезъ Кавказскій хребетъ, потому во-первыхъ, что въ извѣстное время года навигація по обоимъ морямъ очень затруднительна, а иногда и вовсе прекращается; во-вторыхъ потому, что въ случаѣ войны Черное море для насъ закрыто, и наконецъ потому, что сообщеніе кавказской линіи съ Грузіей не иначе можетъ производиться какъ черезъ главный хребетъ, помимо котораго нѣтъ пнаго сообщенія для передачи военныхъ извѣстій изъ Тифлиса на правое и лѣвое крыло. Итакъ, проложеніе горнаго пути всегда почиталось главною необходимостію, и всегда двѣ мѣстныя физическія преграды представляли множество затрудненій правительству; то — Кабардинская плоскость и первозданныя горы, возвышающіяся мѣстами до 7,728 футъ надъ уровнемъ моря.

Площадь Кабарды, великолѣпная равнина, занимающая уголъ между Тереконъ, Малкою и сѣверными отлогостямъ Черныхъ горъ, перерѣзана множествомъ рѣчекъ, впадающихъ въ Мару, Хасаутъ, Малку, Терекъ, Сунжу и Камбилейку. При таяніи снѣговъ мелководныя рѣчки эти выступаютъ изъ береговъ, съ шумомъ и ревомъ прорѣзываютъ себѣ ходъ въ нѣдрахъ горъ и, разрушая все, что только слабо противится ихъ стремительному напору, образуютъ глубокіе овраги и ущелья, въ глубинѣ которыхъ, иногда не доступной для глаза, катятся ихъ мутныя волны. Почитаю при этомъ уже не нужнымъ распространяться о разлитіи самого Терека. Поэтъ выразился какъ нельзя вѣрнѣе, сказавъ, что «онъ воеетъ между утесистыхъ громадъ своихъ».

Кавказскій хребетъ, поднимающійся отъ устья Кубани до Апшеронскаго полуострова и представляющій единственный путь въ Грузію, чрезъ узкое ущелье, извѣстное изъ древности подъ названіемъ Алаунскихъ воротъ,—представляетъ до-сихъ-поръ еще болѣе физическихъ препятствій. Снѣговые и земляные завалы, засыпающіе иногда цѣлыя ущелья, громадныя лавины, періодически падающія съ горы Казбекъ, и еще другое страшное явленіе, называемое туземцами *селью* или *слѣдью*, противустояли до настоящаго времени всѣмъ усиліямъ науки и трудовъ человѣческихъ. Они всегда были роковою грозой жителей, разрушали ихъ жилища и зачастую самую жизнь.

Лавины и снѣговые и земляные завалы болѣе или менѣе понятны каждому, и потому распространюсь нѣсколько о *сели* —

засоренія сухихъ и глубокихъ овраговъ, имѣющихъ свое начало близъ хребтовыхъ вершинъ.

Трудно себѣ представить, какія ежегодныя опустошенія производитъ эта *сель*, когда, скопившіяся въ котловинахъ, послѣ дождя, массы воды и грязи, встрѣчая преграды своему стремленію, переполняютъ овраги и разрушивъ натуральный оплотъ, образовавшійся отъ обвалившейся земли, деревьевъ и камней, падаютъ потомъ внизъ съ огромной высоты.

Мѣстный феноменъ этотъ въ особенности поразителенъ, близъ Степань-Цминда, на выпадающей въ Терекъ рѣчкѣ Куро. Въ періодъ таянія снѣговъ изъ истока Куро, начинающагося въ высочайшихъ мелкослопстыхъ шиферныхъ горахъ, стремится—обыкновенно въ маѣ и юнѣ мѣсяцѣ — разжиженная глиняная лава (п это сравненіе не будетъ преувеличеннымъ), обрывая на пути своемъ огромнѣйшіе камни, которыми заваливается дорога. Къ счастью подобныя изверженія продолжаются весьма короткое время—почти всегда не болѣе трехъ часовъ, но все-таки онѣ задерживаютъ сообщеніе и требуютъ долгихъ и усиленныхъ работъ.

Горный путь, проторенный еще въ древности Александромъ Македонскимъ на походѣ его къ Каспійскому морю и нашимъ тугатараканскимъ княземъ Мстиславомъ Удалымъ, былъ уже извѣстенъ русскимъ войскамъ съ 1769 года, когда они въ первый разъ, въ числѣ 400 человекъ при четырехъ орудіяхъ, сѣвшили въ Имеретію, подъ команду генераль-маіора графа Тотлебена *). Этотъ-то малый отрядъ и долженъ почитаться первымъ основателемъ нынѣшней военно-грузинской дороги, занимающей 288 1/2 верстное пространство отъ Екатеринодара до Тифлиса, раздѣляющей, по мѣстному характеру, на двѣ совершенно противоположныя части, именно — отъ Екатеринодара, лежащаго на лѣвомъ

---

*) Графъ Тотлебенъ родился въ Германіи и первоначально служилъ въ нидерландскихъ войскахъ, изъ которыхъ императрицу Елизаветой Петровной принятъ въ русскую службу съ чиномъ генераль-маіора. Онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, находился въ 1759 году въ сраженіи при Франкфуртѣ, а въ слѣдующемъ году привудилъ генерала Рохова сдать Берлинъ, на который наложилъ контрибуцію. Въ царствованіе императрицы Екатерины II, Тотлебенъ былъ преданъ въ 1763 году, по политическимъ причинамъ, суду и приговоренъ къ лишенію чиновъ и знаковъ отличій (по инымъ — сосланъ даже въ Сибирь). Въ 1768 году онъ былъ уже, впрочемъ, на Кавказѣ и за оказанную храбрость удостоенъ прощенія. Годъ его смерти неизвѣстенъ. *Прим. редакціи.*

берегу Малки въ пяти верстахъ отъ слиянія ея съ Терекомъ, до Владикавказа, находящагося при самомъ Терекѣ (на разстояніи 107³/₄ верстъ) по Кабардинской плоскости, и отъ Владикавказа до Тифлиса (на разстояніи 180¹/₄ верстъ) чрезъ Кавказскій хребетъ.

Вступивъ въ горы въ позднюю октябрьскую пору, смѣльчаки пролагали себѣ дорогу по отвѣснымъ скаламъ, чрезъ пропасти и стремительныя горныя ручьи, встрѣчая по всюду неблагоприятную мѣстность, пересѣкаемую только тропинками, проложенными туземцами, для взаимнаго сообщенія, или вьючными караванами армянскихъ и грузинскихъ купцовъ, съ которыхъ Осетины или брали большую пошлину или просто грабили. Ничто не остановило солдатъ Тотлебена—ни лабиринтъ разсѣлинъ, угрожавшій смертію отъ малѣйшаго невѣрнаго шага на скользкомъ пути, ни нечаянныя вьюги «на Чертовомъ полѣ», ни неожиданныя снѣговья и гранитныя лавины, падающія съ высотъ Казбека. Сопутствуемые ненадежными вожаками (проводниками) они строили кое-гдѣ фашинныя плотины; на пройденныхъ рѣкахъ, чтобы дать водамъ должное направленіе въ этомъ единственно и состояло все улучшение пройденнаго ими пространства.

Съ неменьшими трудностями перешли чрезъ горный хребетъ въ 1784 году два баталіона при четырехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Бурнашева *), посланнаго графомъ Зубовымъ на помощь грузинскому царю Ираклію Таймуразовичу противъ нашествія Омаръ-Хана аварскаго, опустошившаго Сомхетію и ахалцыхскаго паши Сулеймана, угрожавшаго Тифлису.

Въ 1795 году переправились чрезъ Кавказскій хребетъ также два баталіона, подъ командою полковника Сиржѣева, посланные на помощь Тифлису, окруженному отрядомъ Ага-Махмедъ-Хана, но межъ тѣмъ опоздавшіе предупредить раззореніе этого города по причинѣ путевыхъ преградъ. Въ 1798 году, по тому же пути и при такихъ же невыгодныхъ условіяхъ, прошелъ чрезъ Кавказскій хребетъ, подъ командою генераль-маіора Лазарева, 17-й

---

*) Степанъ Даниловичъ Бурнашевъ, въ послѣдствіи курскій губернаторъ, сенаторъ и тайный совѣтникъ, долго жилъ въ Грузіи и своимъ вліяніемъ немало содѣйствовалъ къ признанію царемъ Иракліемъ русскаго подданства. Обративъ особенное вниманіе на тамошнюю страну въ географическомъ, статистическомъ и политическомъ ея отношеніи, онъ оставилъ послѣ себя много записокъ и кромѣ этого издалъ замѣчательную книгу, которую теперь нельзя найти въ книжной торговлѣ подъ заглавіемъ: «Описаніе областей Азербиджанскихъ въ Персіи и ихъ политическое состояніе». Книга эта издана была имъ въ Курскѣ.

Прим. редакціи.

Егерскій полкъ (нынѣ Лейбъ-Гренадерскій Его Величества Ериванскій) при 4 орудіяхъ, послѣдовавшій въ Грузію по просьбѣ послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII. Наконецъ въ 1800 году въ сентябрѣ, перешелъ чрезъ горный перевалъ Кабардинскій полкъ подѣ начальствомъ генералъ-маіора Гулякова, приведшаго въ русское подданство, въ главнокомандованіе Грузіей князя Цицилова, Джиро-бѣлоканскихъ Лезгинъ.

Всѣмъ этимъ отрядамъ кажется удалось избѣжать, при своемъ слѣдованіи, самой важной и гибельной случайности—паденія тѣхъ громадныхъ обваловъ, которые періодически, чрезъ нѣсколько лѣтъ, спадаютъ съ вершинъ Казбека, наводя ужасъ на все окрестное народонаселеніе Горцевъ, и въ особенности—ближайшаго аула Гулетъ, не смотря на то, что они давно уже привыкли, по измѣненію цвѣта воды въ горныхъ ручьяхъ и потокахъ предугадывать предстоящую имъ опасность и вѣрно угадывать время низверженія снѣговыхъ массъ, отзывающихся громовымъ гуломъ на десятки верстъ въ окружности. Нужда и опасность всегда почти вызываютъ на отважные подвиги. Истина эта подтверждается жителями Гулета. Не дождавшись вызова многіе смѣльчачки добровольно поднимаются на высь Казбека и, пользуясь ночными заморозками, осматриваютъ вблизи нависшую лавину, опредѣляютъ ея положеніе и тотчасъ потомъ даютъ знать въ аулъ для принятія мѣръ къ безопасности домашняго скота и самихъ жителей, которые немедленно перебираются въ благонадежныя мѣста, иногда верстъ за шесть и дагѣе.

Со времени русскаго владычества на Кавказѣ, кромѣ ежегодныхъ незначительныхъ обваловъ съ вершины Казбека упали только три громадные завала. Это случилось въ 1808, 1817 и 1832 годахъ. Въ особенности губителенъ былъ завалъ тридцать втораго года. Онъ засыпалъ на протяженіи до трехъ верстъ все ущелье льдомъ, снѣгомъ, камнями, осколками сѣраго гранита и зеленой яшмы и на восемь часовъ приостановилъ стремительное теченіе Терека, образовавъ близъ станціи Казбекъ, находящейся въ ложбинѣ, между отлогостями горъ довольно большое озеро. Завалъ, скопившійся въ 1842 году и отремительно разогнавшій окрестныхъ жителей, остановился на одной изъ площадокъ Казбека и мало-по-малу раздробился и растаялъ. Завалъ, обрушившійся въ 1854 году между Пассанауромъ, находящимся въ узкомъ ущельи на правомъ берегу Арагвы, и Буслачирскимъ постомъ, застигъ драгунскій Его Высочества Николая Николаевича полкъ, при слѣдованіи его на турецкую границу, и прикрылъ 45

человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ штабъ- и трехъ оберъ-офицеровъ и 60 лошадей, такъ-что, не смотря на быструю помощь военно-рабочихъ командъ, расположенныхъ по тракту слѣдованія войскъ, 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ и 15 лошадей погибли. Этотъ несчастный случай не произвелъ впрочемъ особеннаго впечатлѣнія на туземцевъ. Грузины, Гудомакарцы и Хевсурь, живущіе въ окрестности, съ дѣтства привыкли къ такимъ случайностямъ и не разъ бывали свидѣтелями какъ маловажные завалы, падающіе ежегодно и иногда по нѣскольку разъ, занесли цѣлыя караваны верблюдовъ вмѣстѣ съ *черводарами*—погонщиками; засоренія же снѣгомъ дороги, прекращающія сообщеніе на десятки дней, не смотря на усиленные работы инженерныхъ командъ и до тысячи человѣкъ вольно-наемныхъ Осетинъ—такъ обычны, что не составляютъ даже на Кавказѣ особенно важнаго предмета для разговоровъ. Послѣдній завалъ, ожидаемый въ 1855 году, хотя и былъ приостановленъ огромнымъ выступомъ скалы, но все-таки до 1858 года не переставалъ угрожать опасностію Военно-Грузинской дорогѣ.

Съ появленіемъ перваго русскаго отряда на высотахъ кавказскихъ прошло девяносто лѣтъ, и въ теченіе этого времени, путь пройденный имъ успѣлъ сдѣлаться почтовымъ и коммерческимъ. Не простыя предпріятія частныхъ лицъ, а обширныя промышленныя, торговые и военные виды требовали учрежденія горнаго пути сообщенія. Первое правильное сухопутное сообщеніе съ Грузіей, основаніе которому положилъ командиръ Кавказской линіи генералъ-поручикъ Потемкинъ *), обстановлено было въ 1784 году многими укрѣпленными постами; но это сообщеніе чрезъ два года было опять оставлено и только въ 1800 году, русское правительство снова приступило къ учрежденію военнаго пути между Моздокомъ и Тифлисомъ, на который императоръ Александръ I приказалъ отпустить сумму до 100,000 рублей серебромъ. Въ 1803 году было приступлено уже къ работамъ, подъ наблюденіемъ офицеровъ разныхъ полковъ, служившихъ въ войскахъ расположенныхъ на Кавказѣ. Такая разработка

---

*) Павелъ Петровичъ, въ послѣдствіи графъ и генералъ-аншефъ, двоюродный братъ князя Потемкина-Таврическаго, замѣчательнъ, кромѣ своихъ военныхъ подвиговъ и высшей гражданской служебности, сочиненіемъ нѣсколькихъ поэмъ «на побѣды Россіянъ», «Исторіей Пугачева» и «Описаніемъ кавказскихъ народовъ». Все это до-сихъ-поръ осталось неизданнымъ. Графъ П. П., какъ и князь таврической, воспитывался въ московскомъ университетѣ. Онъ скончался въ Москвѣ, скоропостижно, въ 1796 году.

дороги продолжалась до 1811 года. Проводимая не-специалистами, мало знакомыми съ инженернымъ дѣломъ, дорога исправлялась безъ всякой системы, въ особенности же мѣста представлявшія наиболѣе трудностей. Только въ этомъ году, по распоряженію главнокомандующаго кавказскими войсками, князя Цицианова, Военно-Грузинская дорога перешла изъ военнаго вѣдомства подъ распоряженіе инженеръ-генераль-маіора Кенсона, приступившаго тотчасъ же къ общему обзору и совершенной перетрассировкѣ всей линіи пути и даже къ измѣненію его направленія. Полковникъ Апухтинъ, смѣнившій Кенсона, занялся изслѣдованіемъ мѣстности по Гудумакарскому и Гудумаурскому ущельямъ, чрезъ Квидамскій переваль, съ намѣреніемъ проложить кратчайшій путь между станціями Пассанауромъ и Казбекомъ.

Планъ этой новой объѣзжей дороги представлялъ важныя преимущества: съ исполненіемъ его избѣгалось семидесяти-верстное пространство, на которомъ путнику встрѣчалось все—и Казбекскіе завалы, и горные потоки и водопады со всѣми ихъ разрушительными явленіями, и мятелъ и вьюги Крестовой горы—Апухтинъ увѣдомилъ о своемъ предпріятіи главное управленіе путей сообщенія, и оно немедленно командировало подполковника (впослѣдствіи извѣстнаго своимъ замѣчательными проэками и постройками инженеръ-генерала) Дестрема, для составленія проэкта дороги, по направленію предположенному Апухтинымъ. Незнакомленный хорошо съ природою Кавказа, требующей внимательнаго изученія, не сдѣлавъ подробныхъ изысканій, Дестремъ почти-что наглядно повелъ линію новопроектированнаго пути отъ Пассанаура, по старому руслу рѣчки Черной-Арагвы, довелъ ее до Квидамской горы и, поднявшись зигзагами, трассированными подъ завалами, на вершину, спустился такимъ же образомъ по сѣверному склону до рѣчки Цю, назначивъ полотно по старому руслу этой рѣчки до станціи Казбекъ, отъ которой тѣснины, пробитыя Терекомъ начинаютъ постепенно раздвигаться. Дестремъ упустилъ при этомъ изъ виду, что горныя, обыкновенно мало-водныя рѣчки, какъ уже было сказано, отъ проливныхъ дождей, такъ-часто выпадающихъ въ горахъ нерѣдко поднимаются отъ своей нормальной, двух-футовой глубины до семи и даже до десяти футовъ, несутъ воды съ необыкновенною быстротою, размываютъ берега и прокладываютъ новое русло, межъ тѣмъ какъ прежнее заносится иломъ и пескомъ и скоро покрывается богатою растительностію травъ и кустарниковъ, которая хотя и бываетъ очень заманчива, по легкости работъ и изобилію подъ ру-

кой матеріаловъ, и все таки межъ тѣмъ безпрерывно можетъ подвергаться разрушенію. При этомъ нужно добавить, что извѣсны дороги, какъ на подъемѣ такъ и на спускѣ назначены были Дестремомъ подѣ снѣговыми и каменными завалами, паденія которыхъ на проектированной мѣстности избѣжать было не возможно.

Проектъ подполковника Дестрема оставался безъ исполненія двадцать лѣтъ, но протяженіе Военно-Грузинской дороги все таки подвигалось впередъ и въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ главнокомандованіе Грузіей генерала-отъ-артиллеріи Ермолова исполинскій трудъ былъ довершенъ вполнѣ. Штыкъ и кирка пробили сердцевику Кавказа и на всемъ протяженіи горнаго пути возникли многочисленныя укрѣпленія, способствующія безопасности проѣзда отъ нападенія горцевъ.

Начинаясь у Екатеринодара, Военно-Грузинская дорога пролегаетъ чрезъ быстро-широкую Малку, по равнинѣ малой Кабарды, и продолжается по ней до самаго Владикавказа, почти постоянно гранича слѣва Терекѣмъ и пересѣкаясь на протяженіи рѣкою Урукомъ и рѣчками — Лезгинкой, Арданомъ и Черной. Посты—Пришибъ, при Терекѣ, Урухъ, замыкающій Урухское ущелье, способствующее нечаяннымъ набѣгамъ Горцевъ, Арданъ (при рѣкѣ этого же имени) и Архонскъ, при рѣкѣ Черной, служатъ для помѣщенія отрядовъ конвоирующихъ проѣзжающихъ и постоянно наблюдающихъ за непріязненными движеніями горныхъ хищниковъ. За этими постами возвышается Владикавказская крѣпость и новый редутъ, въ недалекомъ разстояніи отъ котораго, при вѣздѣ въ Тагаурское ущелье, виднѣются развалины башни Фухтысъ, куда выѣзжали довѣренные тагаурскихъ старшинъ для наблюденія за проѣздомъ купцовъ, изъ которыхъ каждый, провозившій товаръ, по обыкновенію введенному бывшимъ главноначальствующимъ Грузіей, графомъ Гудовичемъ, долженъ былъ платить имъ по десяти рублей. Отъ этого мѣста до селенія Балты дорога змѣится по крутизнамъ скалъ, устроенная на лѣсахъ или висячихъ плотинахъ изъ булыжнаго камня и хворосту. Отсюда берега Терека начинаютъ сближаться, стѣсная ущелье. Отвѣсныя крутизны, по которымъ высѣчена дорога вдоль береговыхъ скалъ, образуютъ висячій сводъ. Въ такомъ видѣ дорога идетъ до Ларскаго укрѣпленія, проходя, по тѣснотѣ ущелья мѣстами въ руслѣ Терека, на каменныхъ плотинахъ, мѣстами же въ скалахъ взорванныхъ порохомъ, извиваясь какъ лабиринтъ до самаго Дарьяла, по причинѣ крутыхъ изгибовъ Терека.

Дарьяльскій постъ, составляющій рубежъ Грузинъ и Кавказа, построенъ межъ голыхъ, высочайшихъ скалъ, обезпечивая въ прежнее время переходъ каравановъ и проѣзжихъ отъ нападенія Кистинцевъ, выходившихъ нерѣдко на грабежъ изъ смѣжнаго Кистинскаго ущелья. За Дарьяломъ дорога переходитъ на другую сторону Терека чрезъ мостъ, одинъ устой котораго высѣченъ въ гранитной скалѣ, и тянется до станціи Казбекъ по изсѣченнымъ каменнымъ косогорамъ и насыпнымъ каменнымъ дамбамъ, мимо натуральной арки извѣстной съ незапамятнаго времени подъ названіемъ Тронцкихъ воротъ. Подъ этой аркой, поддерживающей огромный утесъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія проходила еще дорога, а потомъ пробѣжала Терекъ, также мѣняющій часто свое русло. За Казбекомъ и слѣдующей за нимъ станціей Коби, мимо селенія Степань-Цминда, до рѣчки Бѣлой, путь идетъ по расчищенной отъ камней равнинѣ и только за мостомъ, перекинутымъ чрезъ Бѣлую, опять входитъ въ тѣсное ущелье, то извиваясь въ просѣченныхъ скалахъ, то поднимаясь по изсѣченнымъ косогорамъ, до вершины Крестовой горы, отъ которой, по такъ-называемому Чортову полю, спускается къ подошвѣ Гудъ-горы, возвышающейся надъ морскимъ уровнемъ на 1238 туазовъ.

Гудъ-гора, начинающаяся отлогою покатостію отъ Садзельскаго хребта, круто спускается къ почтовой дорогѣ и къ рѣкѣ Арагвѣ. Ея завалы или сдвигъ снѣга имѣютъ свое начало только съ того пункта, гдѣ покатость принимаетъ значительную крутизну. Уклоны покатостей этой горы, обращенныхъ къ дорогѣ и Чортову полю, хотя почти и равны, но однако заваловъ съ нихъ не падаетъ. Эта особенность и подала мысль размыслить, какъ причины произхожденія заваловъ, такъ и средства къ ихъ уничтоженію. Нужно замѣтить при этомъ, что на этой же мѣстности, надъ селеніемъ Арагветы, находится красивая роца, называемая жителями Священной; она также защищаетъ это селеніе отъ заваловъ и потому, ни подъ какимъ предлогомъ, гдѣсь въ ней рубить не дозволяется.

Отъ Гудъ-горы дорожная линія опять подымается болѣе нежели на 400 сажень и потомъ, понижаясь мало-по-малу, идетъ на протяженіи двухъ верстъ, шириною отъ шести до девяти аршинъ, по краю глубокой и обрывистой бездны, огороженной деревянными перилами. Иногда пространство это заносится снѣгомъ на нѣсколько сажень выше перилъ, такъ что надъ бездною видѣется только одна узенькая тропинка. Спускаясь все посте-

пенно до Кашаурскаго укрѣпленія, по насыпнымъ стремнинамъ полуобрушенныхъ горъ къ рѣкѣ Арагвѣ, дорога переходитъ на другой берегъ и идетъ вдоль гористыхъ береговъ до самаго Пассанаура, расположеннаго въ узкомъ ущельи. Отъ Пассанаура путь пролегаетъ по правому берегу Арагвы, пересѣкая множество горныхъ ручьевъ и рѣчекъ и дѣлаясь часто непроѣзжаемымъ отъ глинистаго свойства нѣкоторыхъ окружающихъ горъ, которыхъ размоченная дождями поверхность высоко заливаешь грязью проложенное полотно. Отдаляясь отъ береговъ Арагвы за Анануромъ, дорога поворачиваетъ вправо, противъ теченія рѣчки Арналы, и тянется большою частію по высокимъ горамъ до самаго Душета, обращеннаго изъ деревни въ уѣздный городъ, вмѣсто упраздненнаго Анаура. Предъ глазами путешественника въ первый разъ тогда, въ продолженіе всего проѣханнаго пути, начинаютъ растпаться поля и зеленѣть рощи и виноградники, перерѣзанные селеніями и небольшими крѣпостями, построенными еще во времена Ермолова для защиты жителей отъ тогдашнихъ набѣговъ Осетинъ и Лезгинцовъ. Вы уже предчувствуете Грузію, на васъ вѣетъ ея воздухомъ, душа спокойнѣе, всѣ опасности остались уже позади васъ. Изогнувшись около незначительнаго Шишабурскаго поста, дорога опять приближается къ берегамъ Арагвы до Гарпискара, расположеннаго на плодоноснѣйшей равнинѣ Мухранскаго поля, отъ котораго, частію косогорами, частію ровными мѣстами, доходить до Мухета, бывшей столицы Грузіи, и перебѣгая близъ древняго женскаго монастыря, чрезъ неменѣе древній мостъ, построенный близъ слиянія Куры и Арагвы, довольно ровною, широкою полосою доходить до Тифлиса.

Таково было протяженіе Военно-Грузинской дороги до 1836 года, въ которомъ главнокомандующему Грузіей, барону Розену, припомнился давно позабытый проэктъ Дестрема, пользовавшагося тогда уже справедливою извѣстностію. И точно, пора было подумать объ удобствѣ и безопасности пути, по которому, помимо морскаго сообщенія, провозились товаровъ изъ Азіи въ Европу и обратно, ежегодно въ сложности до трехъ милліоновъ рублей. По распоряженію барона Розена, тогдашній директоръ военныхъ сообщеній Кавказа инженеръ-генераль-маіоръ Гозіушъ получилъ средства для разработки проэктированной дороги. Работы начались и подвигались, но чрезъ четыре года приказано было, поступившему на мѣсто Гозіуша полковнику Эспехо, новымъ главнокомандующимъ Грузіей генералъ-какъ Головиннымъ, прекратить дальнѣйшее производство работъ въ Тѣсавитъ новый проэктъ проч-

ной дороги, которая бы не была подвержена никакимъ несчастнымъ случайностямъ. Приказаніе незамедленно исполненіемъ и не прошло году, какъ требуемый проектъ былъ уже готовъ и представленъ на разсмотрѣніе. Особенно новаго въ этомъ проектѣ было только то, что преимущественно и по возможности избѣгались старыя русла рѣки Черной Арагвы. Туземцы, до которыхъ дошелъ слухъ о предполагаемой объѣздной дорогѣ, недовѣрчиво качали головами, почитая подобную мысль несбыточною, по причинѣ значительной высоты и главное крутизны горнаго хребта, чрезъ который долженъ былъ проходить новый путь; но работы были все-таки начаты, и когда въ началѣ 1847 года, одинъ отчаянный армянскій купецъ проѣхалъ въ объѣздъ съ караваномъ вьючныхъ лошадей, надежда на возможность сообщенія по новой дорогѣ перестала казаться невозможною и самимъ Горцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, при преемникѣ Эспехо, инженеръ-генералъ-маіорѣ Зеге-фонѣ-Лауренбергѣ, часть дороги отъ Пассанаура до Георгіевскаго укрѣпленія была довольно отчетливо устроена; черезъ переваль до Казбека расчищена и вчернѣ разработана, а въ октябрѣ 1847 года открытъ былъ и первый зимній поѣздъ. Этимъ однакожь все и покончилось. Князь М. С. Воронцовъ приказалъ приостановить все дальнѣйшее производство и поддерживать только открытый проѣздъ, перенося линію дороги изъ старыхъ руселъ на косогоры, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полотно проходило возлѣ высокихъ скалистыхъ обрывовъ и гдѣ требовалось или взрывать утесы порохомъ или поднимать линію дорожнаго полотна, и наконецъ — дѣлать стѣнки изъ каменной кладки или изъ фашинь съ камнемъ для укрѣпленія отдѣльныхъ участковъ, болѣе подверженныхъ дѣйствию подмыва и прекращенію постоянного сообщенія.

Очень понятно, что подобная дорога, при часто переменяемыхъ исполнителяхъ, имѣвшихъ каждый свой собственный взглядъ на дѣло и дѣйствовавшихъ съ малыми средствами, не могла содержаться въ удобо-проѣзжемъ видѣ. Дорога отъ Тифлиса до перевала Крестовой горы, подымаясь на протяженіи 115¹/₂ верстъ, на 6,607 футъ надъ уровнемъ моря, и спускаясь къ Владикавказу, на протяженіи 65¹/₂ верстъ, на 5,724 фута, при самомъ неправильномъ распредѣленіи уклоновъ, не могла не имѣть крутыхъ подъемовъ и крутыхъ спусковъ, какъ напримѣръ подъемъ Квишетскій, разработанный въ скалѣ, еще при самомъ началѣ и имѣющій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутизну въ одну треть цѣлаго протяженія горы. При такихъ условіяхъ, не говоря уже

о неудобствѣ пути, содержать дорогу въ исправности было невозможно. Послѣ перваго дождя скала обнажалась, верхняя одежда дорожнаго пологта уносилась водою, образуя уступы и ямы, а въ хрящеватомъ грунтѣ рѣшительно размывалось все.

Для расчищенія снѣжныхъ заваловъ, ложившихся на косогору, въ особенности въ зимнее время ущелья Гудомакарское и Гудомаурское представляли болѣе удобствъ предъ узкимъ Байдарскимъ ущельемъ, которое слѣгъ застиляетъ на значительную высоту. Подъемы на этой мѣстности не такъ круты, какъ на старой дорогѣ, и потому и въ лѣтнее время путь былъ удобнѣе, хотя послѣ всякаго выпавшаго дождя она становилась непроходимой. Часть дороги, отъ Пассаваура до Георгіевскаго укрѣпленія, разработанная въ 1847 году, вся почти разрушилась, потому что по необходимости ведема была въ руслѣ рѣки на стѣнкахъ изъ сухой каменной кладки. Разрушенію этому еще болѣе способствовала быстрая разлагаемость шифернаго камня отъ дѣйствія атмосферическихъ перемѣнъ.

Проложеніе прочной и удобной дороги чрезъ Квинамтскій перевалъ оказывалось невозможнымъ даже и съ огромными издержками. Еслибы даже для проложенія ея въ косогорѣ взорваны были самыя высокія скалы, то и тогда оставалось бы пройти прочными крытыми галереями семнадцать заваловъ, падающихъ между десятой верстой отъ Пассаваура къ Буслачирскому посту. Для защиты Квинамтнаго перевала отъ заваловъ, потребовалось бы пробить тунель на весьма значительную длину. Въ Гудомаурскомъ ущельи не было также никакой возможности вести дорогу иначе какъ по старому руслу рѣки Цно. Крутыя же скалы Гудомакарскаго ущелья не давали возможности развернуться дорогѣ зигзагами, внѣ заваловъ, для приданія уклона, который могъ бы соотвѣтствовать навѣгоднѣйшей тягѣ живаго двигателя.

Однимъ словомъ, путь черезъ Кавказскій перевалъ былъ до настоящаго времени до того труденъ, что сухопутная доставка клади изъ Россіи въ Грузію, по дороговизнѣ, медленности и даже опасностямъ, устранила не только купцовъ но и простыхъ проѣзжихъ, по самой необходимой надобности. Не было ни удобныхъ станцій, ни достаточной провизіи, и, при случаѣ даже маловажныхъ заваловъ, путешественникамъ приходилось оставаться по недѣлямъ, потому что иногда—даже пѣшкомъ идти, не было никакой возможности. Почта, курьеры и даже фельдъегеря подвергались той же участи—кавказская природа являлась деспотомъ и не подчинялась никакимъ требованіямъ необходимости. Въ осо-

бенности мѣстных трудности представляла всегда станція отъ Коби до Кашаура, и даже до Квишета, гдѣ всегда нужно было перетаскивать самые легкіе экипажи, на девяти и болѣе парахъ воловъ. Отрадная особенность для людей недостаточныхъ, ѣдущихъ на Кавказъ, или въ Грузію, за неуловимую случайностію почестей или безкорыстной славы!..

Чтобы привести Военно-Грузинскую дорогу въ исправность и придать ей тѣ необходимыя условія, отъ которыхъ зависятъ благонадежность и быстрота сообщенія, необходимо было рѣшиться на выборъ одного изъ двухъ сказанныхъ направленій, или отыскать новый перевалъ для проложенія пути и перетрассировать всю линію дороги, по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, начиная отъ Тифлиса до Владикавказа. Съ этой цѣлью назначена была, въ 1855 году, особая комиссія, главною обязанностію которой было положено: осмотрѣть всѣ прилегающія ущелья и перевалы, и выбрать изъ нихъ наивыгоднѣйшіе. Осмотръ окончился, но чтобы убѣдиться вполне, что собранныя изысканія вѣрны, учреждена была вторая комиссія для повѣрки представленныхъ съемокъ и собранныхъ наблюденій. Какъ по первой такъ и по второй свѣркѣ, признано было полезнымъ произвести изысканія черезъ перевалъ Садзели, оба ската котораго, какъ южный, идущій ровною покатостію къ селенію Кумлициху и къ Кашаурской станціи, такъ и сѣверный, довольно круто спускающійся къ Байдаръ-Дону и Безыменной рѣчкѣ—оба имѣютъ направленіе къ существующей почтовой дорогѣ и не подвержены снѣговымъ заваламъ. Оставалось только найти возможность проложить дорогу чрезъ этотъ перевалъ, пройдя его небольшоими тунелями и тогда бы все его протяженіе было безопасно отъ заваловъ; но изысканія доказали, что дорога чрезъ Садзели потребуетъ тунеля болѣе чѣмъ въ пять верстъ длины, и потому снова приступлено было къ отысканію другаго направленія. Обязанность эта возложена была на инженеръ-капитана Статковскаго, при участіи штабсъ-капитана князя Ходжиминасова и поручика Погоскаго, подъ наблюденіемъ управляющаго VIII округомъ путей сообщенія полковника Альбранда, въ самой трудной части мѣстности, именно—чрезъ главный Кавказскій хребетъ между Квишетомъ и Коби.

Въ тоже время приступлено было къ изысканіямъ и на остальномъ протяженіи Военно-Грузинской дороги, между Коби и Владикавказомъ, гдѣ предстояло бороться какъ съ періодически падающими лавинами Казбека, такъ и съ ложбной Бѣшеной

Балки, часто прерывающей своимъ запруженіемъ надолго путевое сообщеніе. Для болѣе успѣшнаго хода работъ отряжено было два батальона. Всѣ расходы экспедиціи условлено было покрыть средствами обыкновенной ремонтной суммы.

Какъ солдаты такъ и офицеры этой новой экспедиціи, не говоря уже о встрѣчаемыхъ трудностяхъ, рисковали и самою жизнью. Требовалось большаго присутствія духа, хладнокровія и рѣшимости, чтобы спускаться, для произведенія нивелировки, на веревочной перевязи, въ глубокія бездны отвѣсныхъ скалъ, въ гранитѣ которыхъ солдаты, опускаемые предварительно на такихъ же перевязяхъ, ломомъ и киркою изсѣкали въ гранитѣ нѣсколько верхковыя уступы, служившіе точкой опоры для ноги ихъ начальниковъ. Поэтому новому изслѣдованію тоннели казались необходимы, а такъ какъ устройство ихъ и сопряженные съ ними работы новы въ Россіи, особенно въ значительныхъ размѣрахъ, да и необходимые машины и усовершенствованія въ нихъ извѣстны у насъ только по описаніямъ, то по распоряженію князя Барятинскаго капитанъ Статковскій съ штабсъ-капитаномъ Богусевичемъ посланы были за границу съ порученіемъ—подробно изучить все касающееся до тоннельныхъ работъ и опредѣлить, какой именно способъ можетъ быть примѣненъ съ большею пользою, при устройствѣ тоннелей, предполагаемыхъ на новомъ протяженіи Военно-Грузинской дороги.

Желая убѣдиться—нельзя-ли какъ-нибудь избѣжать построенія тоннелей, капитанъ Статковскій, до отправленія своего за границу, испросилъ дозволеніе прорѣзать въ видѣ опыта, на участкѣ дороги огибающемъ Гудъ-гору, по скату которой обыкновенно спускались завалы—горизонтальныя площадки, которыя представляя рядъ уступовъ не допускали бы снѣгъ скользять внизъ. Зима съ 1856 на 1857 годъ показала, что тамъ, гдѣ по скату Гудъ-горы прорѣзаны были такія площадки, снѣгъ остался на мѣстѣ. Въ 1857 году этой недорого стоющей работѣ данъ былъ уже надлежащій ходъ и зима съ 1857 на 1858 годъ еще болѣе убѣдила, что Гудъ-гора, на которой, по нѣсколько разъ каждой зимой и весной, завалы неоднократно прерывали сообщеніе и даже были причиной несчастныхъ случаевъ, съ построеніемъ площадокъ совершенно прекратилась. Къ нарубкѣ ихъ привело слѣдующее наблюденіе: всѣ покатоности горъ, какой бы крутизны онѣ ни были, но только поросшія кустарникомъ, или имѣющія довольно значительно выдающіеся камни, не допускаютъ заваловъ. Снѣгъ по снѣгу скользять не можетъ, и потому достаточно удер-

жать нижній слой, чтобы воспрепятствовать всей массѣ, какой бы толщины она ни была, двигаться внизъ. Эта система укрѣпленія скалъ признана невозможной только въ оврагахъ, имѣющихъ начало у горныхъ вершинъ, обнаженныхъ отъ земли и дерна, и въ скалахъ шиферной породы, которыя, отъ атмосферическихъ перемѣнъ, какъ бы тѣ ни были угловаты, превращаясь въ мелкіе осколки, скоро дѣлаютъ всю поверхность гладкою. Въ этихъ оврагахъ и скалахъ, предполагено было сдѣлать крытыя галереи.

По отбытіи Статковскаго и Богушевича за границу въ началѣ 1857 года, разрѣшено было полковнику Альбранду обратитъ часть ассигнуемой ежегодно ремонтной суммы на болѣе прочныя работы: на устройство новаго подъема на Кашаурскую гору отъ селенія Земолеты, въ замѣнъ существовавшаго страннаго Квишетскаго подъема, продолжать нарѣзки по Гудъ-горѣ и начать устройство шоссе чрезъ горы Душетскія, по проэку инженера-поручика Гавриленко.

Во время продолженія этихъ работъ Статковскій возвратился изъ-за границы. Изучивъ тщательно, въ теченіе болѣе года, способы сообщенія на всѣхъ горахъ Альпійскихъ — Вормсеръ-Иокъ (8,400 ф.), Бальдо (6,858 ф.), Сенисъ (6,465 ф.), Симплонъ (6,172 ф.), дорога на которомъ, оконченная въ 1807 году, служитъ образцомъ для всѣхъ прочихъ альпійскихъ дорогъ, Сплугенъ (5,962 ф.), дорога на которомъ проведена австрійцами въ 1820 году, и другія дороги, капитанъ Статковскій въ особенности обратилъ вниманіе на дорогу: Монсенскую, ведущую изъ Женевы въ Туринъ, Симплонскую, изъ Брюга въ Миланъ и Сплугенскую, идущую изъ Сплугена къ озеру Комо, замѣчательныя, по средствамъ придуманнымъ на нихъ для защиты пути отъ заваловъ.

На Монсенской, Симплонской и Сплугенской дорогахъ, въ мѣстахъ, гдѣ спускаются обыкновенно завалы, путь защищенъ отъ нихъ галереями, прикрытыми каменными сводами, подъ которыми производится ѣзда. На Стельвійской дорогѣ, изъ Ломбардіи въ Тироль, построены прочныя деревянныя крыши, по которымъ снѣгъ скользитъ не касаясь горы. Этотъ-то способъ защиты и предпринялъ привести въ дѣйствіе Стеловскій, противъ заваловъ Байдарскаго ущелья, еслибы даже крытыя галереи пришлось исполнить на всемъ протяженіи. Первоначальная мысль о построеніи тунеля была оставлена какъ неудобноисполнимая и убыточная; ибо тунель приходилось тянуть на протяженіи 930 саженъ и притомъ постоянно освѣщать его днемъ и

ночью, для колесной ѣзды, межъ тѣмъ какъ крытыя галлерей, кромѣ удобства исполненія и меньшаго времени, могутъ освѣщаться съ боку дневнымъ свѣтомъ, не имѣя надобности въ освѣщеніи искусственнымъ.

Къ осуществленію всѣхъ плановъ уже дѣятельно приступлено.

Проектированная въ настоящее время дорога отклоняется отъ существующей, въ верстѣ ниже Квпшетской гостинницы, и слѣдуя вверхъ, по правому берегу Арагвы доходитъ довольно ровной мѣстностію хрящеватаго грунта до селенія Зимомлеты, за которымъ предполагается перекинуть, чрезъ близкосходящіеся скалистые берега Арагвы, стрѣльчатый мостъ изъ тесаннаго камня. Направленіе по правому берегу этой рѣки, не подверженному на этомъ пространствѣ заваламъ, по легко разрабатываемому грунту, дало возможность подняться отъ Квпшета до Зимомлетъ на высоту 420 футъ. Отъ точки избранной для построенія моста предстояло проложить дорогу по шпфернымъ скаламъ высотой до 1200 футъ надъ мостовыми арками, и то зигзагами до Кашаурской долины, но исполненіе этого представляло чрезвычайныя затрудненія. Необходимо было вырубать въ скалахъ ступени и подыматься на возвышенную плоскость не иначе, какъ съ помощію людей привѣшенныхъ на канатахъ, какъ и при первомъ нивелированіи мѣстности; благодаря впрочемъ инженерному искусству всѣ трудности однакоже преодолены и новая линія проложена прочно и безопасно. Дорогѣ дано сначала направленіе внизъ, по теченію рѣки, а потомъ, на второмъ зигзагѣ, назадъ, вверхъ противъ теченія, чѣмъ—помощію перваго зигзага проведеннаго подъ уклономъ $\frac{1}{2}$, полотно дороги поднято надъ самыми обрывистыми скалами. Второй зигзагъ, длиною въ двѣ версты тринадцать сажень, подъ тѣмъ же уклономъ, доходитъ до скалистаго оврага, далѣе котораго вести дорогу было бы очень затруднительно; поэтому сдѣланъ поворотъ, составляющій третій зигзагъ, и идущій снова внизъ по теченію до мѣста удобнаго для новаго заворота. Подобными шестью зигзагами дорога поднята на Кашаурскую равнину; но такъ-какъ крутые повороты на горныхъ дорогахъ составляютъ непреодолимыя препятствія для движенія тяжелой артиллеріи, гдѣ всѣ шесть лошадей, запряженныя цугомъ, должны тянуть при подъѣмѣ орудія на гору, то для опредѣленія самаго крутаго поворота, который можетъ сдѣлать пушка, при переходѣ батарейной-батареи, произведенъ былъ опытъ окончившійся самыми выгодными результатами.

Не имѣя возможности обойти заваловъ Гудъ-Горы сдѣланы

были на ней, какъ было уже сказано выше, вмѣсто прежде предположеннаго тунеля въ 350 сажень, вырубленныя площадки, длиною до 20 сажень и шириною до $1\frac{1}{2}$, расположенныя въ шахматномъ порядкѣ. Для обхода заваловъ, падающихъ на Чортово поле, а равно завала Крестовой горы, линія дороги направлена вгѣво отъ существующей, подъ легкимъ уклономъ до Байдарской станціи, у которой построены будетъ мостъ чрезъ рѣку Байдарь-Донъ. Чрезъ 719 сажень отъ этого пункта опять никакъ невозможно миновать заваловъ, падающихъ на дорогу съ обоихъ сторонъ ущелья съ такимъ сильнымъ сотрясеніемъ воздуха, что низверженіе одного всегда вызываетъ и низверженіе другого; пространство это предположено пройти тунелемъ, длиною по прямому направленію въ 874 погонныхъ сажени, а по ломанной линіи въ 974 погонныхъ сажень. Послѣдній тунель выгоднѣе кратчайшаго потому, что при ломанной линіи, легко могутъ быть проведены къ тунелю горизонтальныя галереи со стороны Байдарскаго ущелья, не только полезныя для раздѣленія работъ, но и для стока массы воды, которая хотя и не должна быть, судя по плотной шиферной формациіи хребта, слишкомъ велика, но все-таки нельзя ручаться, чтобы при разработкѣ не открылось какихъ-нибудь хотя и незначительныхъ горныхъ ключей. На незначительность ключей на этой мѣстности можно рассчитывать тѣмъ вѣрнѣе, что изъ наблюдений замѣчено, что на Садзельскомъ кряжѣ снѣгъ не держится долѣе мая мѣсяца и при таяніи снѣговъ вода быстро скатывается внизъ по крутизнѣ; слѣдовательно въ этомъ кряжѣ большихъ водоемовъ не существуетъ.

Линія дороги за 719 сажень ниже Байдарской станціи будетъ входить по каменному мосту, длиною въ $52\frac{1}{2}$ сажени, о трехъ аркахъ, изъ которыхъ каждая по восьми сажень, проложена чрезъ р. Байдарь-Донъ въ тунель, который предположено пробить съ уклономъ въ $\frac{1}{100}$, въ правомъ скатѣ Садзельскихъ горъ, ограничивающемъ Байдарское ущелье. Выходъ изъ тунеля будетъ находиться на 1115 футъ надъ станціей Коби и спускаться семью зигзами съ уклономъ, не превышающимъ $\frac{1}{2}$, до каменнаго моста чрезъ ту же рѣку; а отсюда съ уклономъ $\frac{1}{100}$ до станціи Коби. Земляное полотно дороги предположено въ 34 фута ширины съ щебеночной насыпью въ 35 футъ. Такая толщина щебеночной насыпи допущена потому, что на Военно-Грузинской дорогѣ, кромѣ простыхъ поѣздовъ постоянно, двигается кавалерія и артиллерія.

Такъ какъ, кромѣ снѣжныхъ заваловъ, частыя снѣжныя мя-

тели составляют весьма важныя препятствія для сообщенія въ зимнее время, въ особенности на девятиверстномъ пространствѣ отъ Байдара до Гудъ-горы, то по всему этому участку предположено поставить по одной сторонѣ дороги 180 деревянныхъ столбовъ, вышиною каждый до трехъ сажень, на разстояніи 25 саж. одинъ отъ другаго, чтобы во время самой сильной мятели слѣдуя отъ одного столба къ другому, можно было безопасно совершать путь по заносимой мятею тропѣ. Кромѣ этого, на томъ же участкѣ предположено устроить пять казармъ, въ разстояніи 900 сажень одна отъ другой, для помѣщенія въ каждой двадцати человекъ нижнихъ чиновъ, обязанность которыхъ будетъ состоять, въ разчисткѣ лежащагося неправильными слоями снѣга, въ обиваніи снѣжныхъ сугробовъ, въ заравниваніи выбоекъ, въ расчищеніи канавъ для скорѣйшаго стока воды и въ подсыпкѣ щебня. Такихъ казармъ на всемъ протяженіи отъ Коби до Квишета предполагается пятнадцать, изъ которыхъ двѣ, при селеніи Кумлескихъ и при станціи Чертово-поле, опредѣлены для помѣщенія инженерныхъ офицеровъ, обязанностію которыхъ будетъ высшее наблюденіе за исправнымъ состояніемъ новопроектированной дороги.

По первоначальному, приблизительному исчисленію одинъ участокъ отъ Коби до Квишета долженъ обойдтись не менѣе миліона руб. сер. а вся новая объѣздная дорога, отъ Тифлиса до Екатеринодара, которую можно будетъ исполнить не ближе какъ черезъ пятнадцать лѣтъ, до трехъ, а можетъ быть и болѣе миліоновъ руб. сер. Сумму эту можно извлечь изъ мѣстныхъ доходовъ, не прибѣгая къ пособію государственнаго казначейства; дорога можетъ также окупаться самими же работами.

Первоначальный доходъ можетъ доставить существующій съ давняго времени денежный сборъ, отъ Екатеринодара до Дарьяла, на протяженіи 140 верстъ, который до настоящей поры не имѣлъ постоянного назначенія и взимался безъ надлежащей отчетности. Нынѣ, по приказанію главнокомандующаго Грузіей, составлено предположеніе объ учрежденіи правильнаго шоссейнаго сбора, по всей дорогѣ, отъ Екатеринодара до Тифлиса, сборъ этотъ имѣется въ виду немедленно передать въ вѣдѣніе VIII округа путей сообщенія. Есть данныя, по которымъ можно надѣяться, что даже не увеличивая таксы, шоссейный сборъ значительно возрастетъ чрезъ одно водвореніе порядка и правильной отчетности. Все предполагаемое колоссальное предпріятіе, по

всѣмъ примѣрнымъ расчетамъ окупится само-собою по истеченіи сорока восьми лѣтъ.

Для приведенія въ исполненіе работъ, по вновь проэктированному шоссе, на первоначальномъ участкѣ отъ Коби до Квишета, полагается:

Вынуть крѣпкой глинистой земли 39.420,7 кубическихъ сажень.

Разорвать порохомъ каменстаго грунта 33.234,46 кубическихъ сажень.

Утробовать и разравнять землю полученную отъ копки въ количествѣ 8024,36 кубическихъ сажень.

Выпланировать поверхность дороги подъ рейку 84.864,7 квадратныхъ сажень.

Вымостить боковыхъ канавъ 345,96 квард. сажень.

Разсыпать и разравнять песокъ на протяженіи 38 верстъ 163 саж. толщиною въ 4 дюйма и шириною въ 25 ф. всего 3259 кубическихъ сажень.

Разбить камня 4.655,7 куб. саж. въ щебень для устройства щебеночной насыпи толщиною въ 6 дюймовъ.

Собрать рваныя порохомъ камни въ количествѣ 1977,304 кубическихъ сажень.

Заготовить для добыванія извести 300,35 куб. сажень известковаго камня. Вырубить для обжиганія камня 300,35 куб. сажень дровъ. Собрать 17,29 куб. саж. булыжнаго камня и другія работы включая казармы и упомянутый тоннель на протяженіи 930 погонныхъ сажень.

На построеніе одного землянаго полотна и щебенчатой насыпи, на протяженіи 38 верстъ 163 погонныхъ сажень полагается болѣе 250,990 руб. сер. Стоимость тоннеля окончательно не исчислена, но приблизительно полагается до 700,000 рублей серебромъ.

Мосты, которые вообще предполагаются каменные изъ мѣстнаго камня съ тесанною облицовкой, соображаясь съ высотой поверхности дороги, частію съ полукруговыми арками, частію стрѣльчатая, а для нѣкоторыхъ коробковыя, должны приблизительно обойдтись:

Главный мостъ въ 52½ у входа въ тоннель, чрезъ Байдаръ-Донъ, безъ устройства щебенчатой насыпи до 129,552 р. Второй мостъ, чрезъ ту же рѣку въ 17½ верстахъ отъ станціи Коби обь одной аркѣ, въ шесть сажень длиною до 50,000 тысячъ. Мостъ у выхода изъ тоннеля до 70,400 руб. Мостъ чрезъ Байдаръ-Донъ въ 617 верстахъ отъ станціи Коби, до 14,000 руб. сер. Чрезъ ту же рѣку у Байдарской гостиницы до 5,000 руб. Мостъ чрезъ

рѣку Арагву до 11,000 руб. На всѣ мосты полагается приблизи-
тельно до 290,000 руб.

На исполненіе всѣхъ работъ потребно уже болѣе 1,247,771
рублей серебромъ.

ОПЕРА И ЕЯ НОВѢЙШЕЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Статья вторая.

«Опера прежде всего должна быть драмою».

А. В. Марксъ.

Die Oper ist vor Allem ein Drama.

А. В. Маркс. Musik des XIX Jahrhunderts. S. 165. 108. 184.

Результатомъ, сдѣланнаго въ предъидущей статьѣ, бѣлаго очерка разнородныхъ до вагнеровскихъ оперъ является вопросъ, уже обозначенный въ прошлой статьѣ:

«Тѣмъ-ли можетъ и должна быть опера, чѣмъ ее сдѣлали?» Положительный отвѣтъ на этотъ существенный вопросъ находимъ во мнѣніи берлинскаго профессора музыки, перваго изъ современныхъ намъ музыкальныхъ критиковъ, Маркса, — во мнѣніи, которое за тѣмъ и выставляемъ здѣсь эпиграфомъ и девизомъ,

«Опера должна быть прежде всего — драмой.»

«Но» — въ правѣ замѣтить читатели — «въ этой мысли нѣтъ ровно ничего новаго для насъ! Мы всѣ знаемъ, что опера есть музыкально-драматическое представленіе. Мы знаемъ также, что вся исторія оперы, отъ Пери и Каччини до вчерашняго дня, есть лѣтопись бѣльшаго и мѣньшаго сближенія музыки съ цѣлями драматическими.»

Кромѣ того сейчасъ являются возраженія въ слѣдующемъ родѣ:

«Опера должна быть драмой, — но чѣмъ доказать *необходимость* самой оперы въ такомъ смыслѣ? Для чего нужна драма съ музыкой или музыкальная драма, когда и драма, сама-по-себѣ, очень легко обходится безъ пособія музыки, — и музыка, сама-по-себѣ, въ своемъ высшемъ свободномъ проявленіи, въ симфоніи, обходится не только что безъ драмы, но даже вовсе безъ словъ?»

«Для чего — когда есть на свѣтѣ Шекспиръ, есть на свѣтѣ Бетховенъ — искать смѣшенія ихъ искусствъ? Для чего необходима эта *прикладная* музыка или *прикладная* драма?»

«Не есть-ли опера, — эта «будто-бы драма» изъ людей, которые, во всѣхъ случаяхъ жизни, не говорятъ, а поютъ — явленіе прихотливое, случайное въ области театральныхъ зрѣлищъ, столько-же въ своемъ ходѣ негѣпое и условное, какъ балетъ съ его *иллюми* дѣйствующими лицами? Идеаль сдѣянія во едино идеи и равновѣсія трехъ искусствъ (поэзіи, музыки и мимики) въ одною произведеніи — не есть-ли изобрѣтеніе кабинетное, а на практикѣ — несбыточная мечта?»

Всѣ эти вопросы, взятые до глубины корней своихъ, принадлежатъ къ труднѣйшимъ по части философіи искусства. Отвѣчать на нихъ слѣдуетъ, по настоящему, не журнальными статьями, а цѣлыми томами эстетическихъ изслѣдованій (что и сдѣлалъ геніальный Рихардъ Вагнеръ, какъ мы увидимъ).

Между тѣмъ, не затрогивая этихъ вопросовъ вовсе, не возможно пояснить существа совершенной Вагнеромъ реформы въ области оперы, невозможно оправдать мнѣнія Маркса, убѣжденія идеальнаго, но выработавшагося вслѣдствіе историческаго развитія оперы, включая туда и вагнеровы завоеванія.

Вотъ, почему задача наша требуетъ, чтобы мы присмотрѣлись поближе къ свойствамъ музыки вообще, со стороны ея *драматическаго* элемента, и изъ этихъ свойствъ сначала «а priori» вывели возможность и необходимость *музыкальной драмы*.

Исторія музыки въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ представляетъ любопытные примѣры борьбы, врождованія партій, руководимыхъ взаимно-противуположнымъ пониманіемъ сущности музыкальнаго искусства. Въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія посѣтители парижской оперы дѣлились на два лагеря и вели между собою значительную войну — устно и печатно. Одна партія, къ которой принадлежалъ король Лудовикъ XVI (Le coin du Roi) — ратовала за автора Дидоны, итальянскаго маэстро Пиччини, за сладкогласіе его мелодій, выгодныхъ для пѣвческой виртуозности; — другая партія, покровительствуемая королевою Марією Антуанетою, стояла за автора Ифигеніи и Альцесты, нѣмецкаго музыканта Глука, за его блистательныя завоеванія на полѣ *драматической правды*. Каждый журналистъ, публицистъ, словесникъ, литераторъ, ученый, каждый аббатъ, каждый придворный щеголь былъ непременно или Глукистъ или Пиччинистъ. (Хотя большая часть изъ этихъ господъ рѣшительно *ничего* не

понимали въ музыкѣ и, слѣдовательно, полемика велась жарко, но отнюдь неразумно, — кромѣ немногихъ исключеній, это были выстрѣлы по воробьямъ — или война Донъ-Кихота съ мельницами).

Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка почти такая-же вражда, но уже съ бѣльшимъ пониманіемъ дѣла, осуществилась въ журналахъ, особенно нѣмецкихъ — по случаю соперничества славы Вебера со славою Россини.

Приверженцы Танкреда не находили никакихъ достоинствъ въ Фрейшюцѣ и трунили надъ неловкостью веберовыхъ мелодій въ отношеніи пѣвческомъ. Энтузіасты къ чудесамъ веберовой музыки, полной правды и романтизма, жестоко подсмѣивались надъ контральными ругадами паладиновъ, надъ стереотипными каденцами и кабалеттами, надъ приторностью мелодій въ самыхъ патетическихъ моментахъ, надъ концертностью всего поворота пьесы и совершеннымъ отсутствіемъ правды выраженія къ очень многихъ сценахъ россиніевскихъ оперъ.

Однимъ словомъ, это была борьба школы *нѣмецкой* со школою *итальянской*. (Замѣтитъ надо, что Моцартъ, Керубини, Спонтини и Мегюль считались принадлежащими прямо къ нѣмецкой музыкѣ, наравнѣ съ Веберомъ, Шпоромъ, Вейглемъ и Винтеромъ; — о Глукѣ тогда мало вспоминали).

Партія Россинистовъ, партія итальянскаго сладкогласія и ушегодія, поддерживаемая такими могучими «союзниками» какъ Паста, Кодзари, Лаблашъ, — была до того сильна, что только чрезмѣрная нѣмецкая популярность музыки Фрейшюца могла на нѣсколько времени оставить побѣду на сторонѣ Веберистовъ.

Веберова-же зрѣлѣйшая опера, Эврианта, уже не могла имѣть успѣха въ Вѣнѣ, въ то время, когда самъ великій Титанъ, Бетховень, въ этомъ городѣ, который сдѣлался для него второю родиною, въ городѣ, гдѣ стяжалъ онъ столько лавровъ своими безсмертными сонатами, квартетами, симфоніями — былъ почти забытъ, оставленъ въ тѣни за лучезарнымъ сіяніемъ моднаго Россини.

Девятая симфонія и вторая месса Бетховена, эти чудеса искусства, исполненныя въ *одномъ* концертѣ, въ пользу автора, — не могли привлечь публики, которая бѣжала толпами на представленія Семирамиды и Итальянки въ Алжирѣ...

Прошло болѣе четверти вѣка. Пониманіе музыкальное значительно развилось въ нѣмецкихъ столицахъ. Послѣднія произведенія Бетховена перестали считаться исчадіями глухоты и безумія, а начинаютъ быть повсемѣстно признаваемы за высшее

выраженіе высшей геніальности. Вѣна, не оцѣнившая Эврианты въ 1825 г., восторгается теперь операми Вагнера, въ которыхъ тотъ-же строго драматическій стиль Эврианты развитъ послѣдовательнѣе, могущественнѣе, шире, и безъ малѣйшихъ уступокъ легкому вкусу большинства. На ряду съ Вагнеромъ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ даются Травиаты и Трубадуры; но критика знаетъ имъ цѣну, отводитъ имъ подобающее мѣсто и, конечно, въ наше время соперничество итальянскихъ оперъ не только съ Веберомъ, Вагнеромъ, но даже съ Мейерберомъ не можетъ быть принято съ серьезной стороны.

Однако борьба принциповъ музыкальныхъ и въ наше время существуетъ, и, можетъ быть, еще ожесточеннѣе, нежели война Глукистовъ и Пчинистовъ, Веберистовъ и Россинистовъ. Она только — сообразно прогрессу современному — приняла другой характеръ. Она выказывается въ видѣ злой, систематической оппозиціи большихъ европейскихъ журналовъ противъ новѣйшаго музыкальнаго направленія, котораго героями, вслѣдъ за Гекторомъ Берлиозомъ и Робертомъ Шуманомъ, блестятъ теперь на музыкальномъ горизонтѣ, Рихардъ Вагнеръ и Францъ Листъ. Нынѣшнюю борьбу можно назвать ожесточеннѣе прежнихъ, потому-что обѣ враждующія партіи обладаютъ несравненно большимъ запасомъ пониманія и свѣдѣній, теоретическихъ и практическихъ; сущность предмета — временемъ, опытностью, прогрессомъ критики весьма уяснилась. Теперь подходятъ къ предмету всегда съ разумной, философской стороны — и отстаиваютъ свои убѣжденія логически, послѣдовательно, со всеоружіемъ примѣровъ и доказательствъ. Въ прежнее время бывало много выстрѣловъ холостыми зарядами; теперь перестрѣливаются исправно-начиненными бомбами, гранатами и конгревовыми ракетами. Для примѣра — стоитъ сравнить музыкально-полемическія статьи Ж. Ж. Руссо въ его музыкальномъ словарѣ, весьма дѣльные для того времени, — жалкія нападенія Мармонтеля (!) и Лагарпа (!) на великаго Глука, насмѣшки умнаго, поэтического, но не философски-подготовленнаго К. М. Вебера надъ итальянскими операми *), разнокалиберныя статьи по этому предмету въ Лейпцигской музыкальной газетѣ 20-хъ годовъ и т. д. съ нынѣшними перестрѣлками въ родѣ горячей и мастерски-написанной брошюрки одного ученика Листа Ганса Бронсара, въ защиту новѣйшей

*) Въ особо-изданныхъ литературныхъ сочиненіяхъ Вебера. *Hinterlassene Schriften. Gesammelt und herausgegeben v. Theodor Hell.*

школы противъ нападеній Аугсбургской газеты (Allgemeine Zeitung) *) — или цѣлаго трактата даровитаго Ганслика «о музыкальной красотѣ» **), гдѣ ученый, остроумный и весьма свѣдущій по музыкѣ, авторъ силится доказать разными парадоксами, что для музыки смыслъ, поэтическая задача, драматическое выраженіе — будтобы вовсе не существуютъ, что все музыкальное изящество, вся прелесть, все очарованіе музыки состоитъ единственно въ искусномъ, красивомъ сочетаніи, сплетеніи красивыхъ звуковъ, въ музыкальныхъ, если такъ выразиться, узорахъ. Если всѣ эти разнохарактерныя враждованія окинуть однимъ общимъ взглядомъ, если выжать изъ нихъ самую сущность вопросовъ, можно всѣ эти полемики привести къ одному знаменателю. Дѣло идетъ объ *основныхъ* свойствахъ самой музыки, о *дуализмъ* неразлучномъ съ ея сущностью.

Музыка есть — игра звуками, игра ихъ кристаллическимъ сочетаніемъ, одновременными (акордъ) или чередующимися (мелодія, гармонія съ мелодіей), — при условіяхъ симметричности движенія (ритмъ).

Это — одна сторона, которая, конечно, дѣйствуетъ на душу, чрезъ впечатлѣнія слуха, — нѣжитъ насъ, ласкаетъ — улаживаетъ, волнуется до нѣкоторой степени.

Но это еще не — *вся* музыка; точно какъ узоръ, сочетаніе линий и красокъ, игра линиями и красками, свѣтомъ и тѣнью *интегрально* входитъ въ искусство живописи, но еще не есть — *вся живопись*.

Музыка, кромѣ игры звуками, *есть* — языкъ души, сердца, отчасти совпадающій со словесною рѣчью, отчасти съ нею несоизмѣримый, довыражающій, досказывающій душевныя волненія, тайны душевнаго міра, которыя слову, съ его разсудочнымъ символизмомъ, — недоступны.

Историческій ходъ развитія музыкальнаго искусства — отъ первыхъ начатковъ его у разныхъ народовъ до нынѣшней нашей музыки, дочери христіанской вѣры — показываетъ преобладаніе то одного, то другого изъ двухъ началъ.

При первыхъ зародышахъ музыкальнаго искусства (и теперь, въ народахъ и классахъ общества необразованныхъ) — музыка является въ видѣ пѣсни, большею частію вмѣстѣ и съ пляскою; неразлучно, слѣдовательно, со словами пѣсни (съ поэзією) и съ

*) Hans von Bronsart. Musikalische Pflichten. Leipzig. 1858.

**) Dr. Hanslick. Vom Musikalisch-Schönen.

тѣлодвиженіями (мимикою). Слѣдующимъ началомъ является — ритмъ, — элементъ общій поэзіи звуковъ — поэзіи словесной и поэзіи тѣлосложеній.

Эта естественная связь трехъ родственныхъ между собою искусствъ, вытекающая изъ ихъ свойствъ, лежала въ основѣ зрѣлищъ и богослужебныхъ празднествъ у самаго поэтического народа въ свѣтѣ, у древнихъ Грековъ.

Эта естественная связь музыки съ поэзіею и мимикою никогда, въ проявленіяхъ искусства, не можетъ быть *совершенно-затемнена*, утрачена.

«Море разлучаетъ и соединяетъ земли: такъ музыка разлучаетъ и, вмѣстѣ, соединяетъ двѣ противоположныя стороны человѣческаго искусства, — пляску и поэзію.

«Музыка — *сердце*; кровь, начиная отъ него бѣгъ свой, сообщаетъ внѣшности тѣла его теплую, живую краску, — нервамъ мозга, кнутри обращеннымъ, даетъ пищу и внутреннюю жизнь. Черезъ сердце разумъ становится родственнымъ всему тѣлу, — черезъ сердце чувственность человѣка связуется съ умственной дѣятельностью.

«Органъ сердца есть *звукъ*; художественно-сознательный языкъ сердца есть *музыка*. Она — полная дыханіемъ жизни, сердечная любовь, которая возвышаетъ, облагораживаетъ чувственные впечатлѣнія и придаетъ плоть и кровь отвлеченнымъ мыслямъ.

«Черезъ музыку, поэзія и пляска понимаютъ другъ друга: въ ней соприкасаются, взаимно собою проникаются органическіе законы каждаго изъ этихъ искусствъ; черезъ музыку — метръ поэзіи и тактъ пляски становятся однимъ и тѣмъ-же ритмомъ, необходимымъ какъ біеніе сердца».

Такъ выражается Рихардъ Вагнеръ *), глубоко философствуя въ поэтическихъ образахъ, и дѣлая вѣрнѣйшія эстетическія сближенія, которыя до него никому въ голову не приходили — хотя были у всѣхъ передъ глазами.

Проводя послѣдовательно аллегорическую параллель музыки съ моремъ, Вагнеръ продолжаетъ:

«Элинь, пускаясь на своемъ весельномъ кораблѣ въ открытое море, никогда не покидалъ изъ виду берега: для него море было надежнымъ сообщеніемъ отъ земли къ землѣ, онъ плылъ подъ мелодическій ритмъ своихъ вѣселъ, — то нѣжа зрѣніе пляскою

*) Das Kunstwerk der Zukunft. Leipzig. 1850. S. 68.

прибрежныхъ нимфъ, то прислушиваясь къ гимну, котораго строфы въ стройномъ хороводѣ приносились къ нему вѣтеркомъ изъ ближняго храма. На поверхности воды, окаймленные лазурью неба, отражались во всей вѣрности берега съ утесами, долинами, деревьями, цвѣтами, людьми: и въ этомъ колеблющемся зеркалѣ жизни Элинъ понималъ — гармонію».

«Отъ береговъ мірской жизни отдалился — Христіанинъ.

«Онъ уплывалъ дальше и дальше въ широкое море — остался наконецъ уединеннымъ между моремъ и небомъ въ безпредѣльномъ океанѣ. Слово, слово религіи, вѣры было для него компасомъ, обращая его постоянно — къ небу. Небо разстилось надъ нимъ вездѣ, вездѣ горизонтомъ полагая видимыя границы океану; но мореплаватель никогда не достигалъ этихъ границъ, отъ вѣка до вѣка онъ стремился къ вождѣнной и недостигаемой новой отчизнѣ»....

Говоря безъ метафоръ и аллегорій, которыя легко могутъ показаться читателемъ странными, такъ какъ несовѣмъ приходятся къ духу нашего языка, — скажемъ, что древній міръ не понималъ музыки иначе, какъ въ соединеніи со словами (пѣсней, гимномъ, декламаціею въ родѣ речитатива) или со словами и съ пляскою.

Отдѣленіе, высвобожденіе музыки до ея *самостоятельнаго* значенія, какъ особаго искусства, является только у христіанскихъ народовъ и преимущественно — на западѣ Европы.

Понятно, что при «эманципаціи» музыкальнаго искусства отъ поэзіи и мимики, собственно-музыкальное построеніе, кристалличность музыкальныхъ формъ, свободная *игра* изящнымъ сочетаніемъ музыкальныхъ звуковъ должна была развиться самостоятельно, сложиться въ свои особые организмы, вызвать эстетическіе элементы новые, небывалые ни въ поэзіи словесной, ни въ поэзіи тѣлодвиженій. Ясно, что такимъ образомъ *одно* изъ эстетическихъ началъ музыки — свободная игра звуками, архитектоника звуковъ въ тысячѣ случаевъ могла брать перевѣсъ надъ другимъ столькожъ существеннымъ для музыки началомъ — отраженіемъ психическаго міра въ звукахъ, т. е. надъ языкомъ души, сердца.

Но оба начала въ самомъ существѣ музыки слиты неразрывно и въ идеально-совершенныхъ созданіяхъ этого искусства *сегада* водворяется равновѣсіе между обоими его началами.

Въ простыхъ, безыскусственныхъ организмахъ музыки, — въ народныхъ пѣсняхъ — мелодіи, высказывается одно, данное на-

строение души, одинъ психическій моментъ, большею частію согласованный съ первою строкою, съ первымъ стихомъ текста пѣсни. — Далѣе, на повтореніе *той-же* мелодіи ложатся уже совсѣмъ другія слова, иногда—въ подробностяхъ вовсе не подходящія подѣ характеры мелодіи. Но *наперед* народное творчество объ этомъ нисколько не заботится, и именно въ господствѣ одного, единичнаго «лирическаго» настроенія души и заключается одна изъ главнѣйшихъ прелестей этого рода музыки.

Если музыкантъ - сочинитель беретъ данный народный напѣвъ (какъ это дѣлалъ чрезвычайно часто Гайднъ въ своихъ квартетахъ, симфоніяхъ, какъ дѣлалъ Глинка въ своей Камаринской) и развиваетъ его подѣ вдохновеніемъ собственной, инстинктивно-музыкальной фантазіи, т. е. избравъ этотъ напѣвъ темой, строитъ изъ нея *свои* музыкальныя зданія, — эта «игра звуками» — хотя-бы безъ малѣйшей, опредѣленной программы, безъ заранѣе условленной задачи поэтической — будетъ сама-по-себѣ вызывать въ душѣ длинную цѣпь разнообразныхъ настроеній, имѣющихъ только большую или меньшую родственность первообразному лирическому моменту темы.

Въ музыкѣ такъ - созданной является, почти безъ умысла автора, *смыслъ драматическій*; мелькаютъ такія и такія картины, такіе и такіе аффекты души; все это является, конечно, *неясно, неопредѣленно* — потому-что къ такой ясности, къ такой опредѣленности, какъ въ разсудочныхъ понятіяхъ, музыка и стремиться не должна, зная, что это вовсе не ея дѣло.

Словами разсудочнаго языка невозможно *пояснить* самыхъ элементарныхъ ощущеній въ музыкѣ: разницу, напримѣръ, въ впечатлѣніи акорда минорнаго и мажорнаго. Тѣмъ менѣе можно ожидать разсудочной опредѣленности отъ безконечно-разнообразныхъ сочетаній музыкальныхъ формъ.

Еслибъ всѣ движенія души, всю внутреннюю таинственную, психическую жизнь можно было передать «словомъ», музыка *во-все-бы* и не существовала.

Она несоизмѣрима со словесною рѣчью и въ этомъ — главное ея очарованье.

Вникая въ свойства музыки, не будемъ упускать изъ-виду, что въ чисто-инструментальной музыкѣ самъ-собою, невольно, иногда независимо отъ намѣреній автора, проявляется элементъ *драматическій*.

Сколько есть анданте, адажіо въ сонатахъ, квартетахъ и симфоніяхъ, съ характеромъ гимна, молитвы.

Сколько есть минуэтовъ, скерцо, въ которыхъ рѣзкій, опредѣленный, веселый ритмъ живо представляетъ пляску.

Сколько есть страстныхъ аллегро, въ которыхъ слышатся взрывы гнѣва, жалобы, мольбы, стоны, слезы — есть мелодическія фразы, какъ нельзя ближе напоминающія речитативъ, патетическую декламацию....

Все это вызываетъ поэтическій смыслъ, будто просится подъ *дѣйствіе*.... *подъ слова*....

Музыка, въ глубинѣ своей сущности, не перестаетъ быть въ соединеніи съ родственными ей искусствами: поэзіею и мимикою. По парадоксальной теоріи Ганслика поэтическое значеніе совершенно-лишнее, постороннее дѣло для инструментальной музыки. Онъ убѣжденъ, что на увертюру къ Коріолану можно было бы надписать «Эгмонтъ»; на увертюру къ Эгмонту «Коріоланъ»; на симфоніи героической надписать «пасторальная», надъ пасторальной надписать «героическая», — и впечатлѣніе будтобы нисколько не пострадаетъ! А мы скажемъ, что если героическая симфонія или пасторальная восхищаютъ насъ собственно-музыкальными своими прелестями — кристаллическою и органпческою красотою сочетанія звуковъ, то это очарованіе нисколько не утрачивается, а *безконечно разрастается*, когда мы ставили воображеніе наше въ *ту сферу*, въ ту область впечатлѣній, которая обозначена въ заглавіи — самимъ авторомъ.

Бетховенъ выразилъ свои ощущенія, навѣянные ему сельскою природою; съ дивнымъ искусствомъ изобразилъ эту природу, какъ она отразилась въ душѣ его и немногими «словами» заглавій за-вѣщалъ намъ свою мысль.

Такъ и въ героической симфоніи, такъ и въ Эгмонтѣ, такъ и въ Коріоланѣ, поэтическое содержаніе музыки въ главныхъ чертахъ опредѣлено. А насъ хотятъ увѣрить, что тутъ, въ этихъ нотахъ, будтобы нѣтъ никакого значенія, что это все просто «игра звуками» — т. е. пустые забавы слуха! Унизительно для музыки!

Величайшій изъ героевъ музыки инструментальной, величайшій въ свѣтѣ симфонистъ, Бетховенъ, овладѣвъ всѣми формами оркестровыхъ сочетаній до могущества волшебнаго, сталъ яснѣе и яснѣе сознавать *тяготы* инструментальной музыки къ поэтическому смыслу. Начиная съ героической (III), всѣ дальнѣйшія шесть его симфоній имѣютъ внутреннюю *программу* (все

равно, высказана-ли она въ заглавіи или не высказана), что можно доказать фактически; но, не довольствуясь такимъ *внутреннимъ*, идеальнымъ сближеніемъ свободнаго сочетанія звуковъ съ цѣлями музыкально-поэтическими, сближеніемъ, проявляющимся и кромѣ симфоній во многихъ сонатахъ его для одного фортепiano и въ послѣднихъ шести квартетахъ, Бетховенъ двумя своими твореніями уже «реально» соединилъ міръ *симфоніи* съ областью пѣнія, слова человѣческаго — именно: въ фантазіи для ф. п. съ оркестромъ и хоромъ (ор. 80) и въ послѣдней своей симфоніи (ор. 125), съ финаломъ на слова шиллеровой оды «*Къ радости*» (An die Freude).

Должно-ли считать девятую симфонію Бетховена крайнимъ, высшимъ предѣломъ симфонической музыки вообще, — послѣднимъ ея словомъ (какъ считаетъ Вагнеръ) или нѣтъ, — намъ необыкновенно-важно то явленіе, что величайшему симфонисту для воплощенія идей, его переполнявшихъ, — міръ инструментовъ, міръ *безсловесный*, оказался недостаточнымъ. Изъ внутреннихъ потребностей своего симфоническаго мира Бетховенъ возжаждалъ — *слова человеческого*.

Музыка, прихотливо, эгонистически отдѣлившаяся отъ словесной поэзии и самостоятельно разработавшая свои элементы, почувствовала, что пора ей опять возвратиться къ родной сестрѣ — и снова протянула ей руку.

Остановивъ такъ долго вниманіе читателей на предметѣ, имѣющемъ съ нашею темою связь непрямую, т. е. на музыкѣ инструментальной, симфонической, я не считаю однако этихъ разсужденій вводными, эпизодическими.

Цѣлью сказаннаго была та мысль, что музыкѣ, хотя-бы и безъ словъ, постоянно-присущъ элементъ *драматическій*, элементъ *языка душевнаго*, даже когда создающій музыку не задаетъ себѣ ни какого преднамѣреннаго поэтическаго содержанія; — тѣмъ болѣе, тѣмъ явственнѣе элементъ *выразительности драматической присущъ музыкѣ*, когда въ идеѣ автора поэтическое содержаніе *сливалось* съ музыкальнымъ, одно другимъ обуславливалось, наконецъ, что были въ искусствѣ факты удостоверяющіе, что музыка симфоническая *тяготеетъ* къ слову, въ немъ органически нуждается, имъ *разрѣшается*.

Взвѣсивъ съ этой стороны на музыку, можно сказать, съ Маркомъ, что сущность *всей* на свѣтѣ музыки, въ ея высшемъ развитіи, есть *драматизмъ*.

(Schon die Natur der Musik ist in ihrer höhern Entwicklung dramatisch *).

Если въ безднѣ случаевъ инструменты бетховенскаго оркестра (напримѣръ *любой* въ одной ферматѣ перваго аллегро симфоніи C-moll) совершенно превращаются въ индивидуальную личность, въ дѣйствующее лицо, съ его живымъ голосомъ, съ голосомъ, который говоритъ — безъ слова; если вообще законы мелодической формы, просодіи музыкальныхъ фразъ въ сущности *тѣже самыя*, что и законы просодіи *стиха*, то ясно, что музыка заключаетъ въ себѣ полнѣйшую способность сливаться съ поэзіею словесною, проникаться ею, нисколько не утрачивая своей свободы, а напротивъ привнося въ словесно-поэтическій міръ свои новые элементы, *дополняя* рѣчь разсудочно-символическую таинственную прелестью неопредѣлительнаго, но непосредственно-психическаго языка музыкальныхъ звуковъ.

Итакъ — «а priori» — музыка, не утрачивая своей прелести, а еще возвышая, усиливая ее, очень *можетъ* состоять въ тѣсномъ дружественномъ сліяніи съ поэтическимъ содержаніемъ, съ поэзіею словесною.

Разумѣется, что и *конкретно* — мы очень часто находимъ эту связь, если даже — до времени — еще вовсе не коснемся *сценическихъ* музыкальныхъ произведеній, какъ-будто ихъ нѣтъ на свѣтѣ.

Три главные типа музыки, проявляющіеся съ самыхъ первыхъ ея зачатковъ — *ими* религиозный, *пѣсня*, какъ лирико-драматическое изліяніе, и *плясовая пѣсня* (съ преобладаніемъ ритмики) могутъ быть прослѣжены, въ основныхъ чертахъ своихъ, сквозь *все* неимоверно-богатое развитіе музыки отъ первыхъ ея начинаній до нашей эпохи. Не коснемся пока и плясовыхъ напѣвовъ, этого сближенія музыки съ мимикою, замѣтимъ только, вскользь, что при эманципаціи музыки отъ «слова», танцы, мелодіи плясовые играли всегда чрезвычайно-значительную роль въ развитіи музыки инструментальной. Многія части сонатъ, квартетовъ, симфоній въ прямомъ, ближайшемъ родствѣ съ народными плясовыми напѣвами отъ пассакалій, сарабандъ, жигъ, до менуэтовъ, полонезовъ и мазурокъ.

Совершенно оторваться отъ родственныхъ ей искусствъ, отрѣзать всякую связь съ ними музыка никогда не могла.

---

*) Musik des XIX Jahrh. S. 190.

Въ исторіи церковной музыки мы найдемъ постепенный ходъ отъ строго-аскетическаго, однообразнаго лиризма въ неразрывномъ соединеніи съ условными, обрядными формами до большаго и большаго проникновенія музыки индивидуально-драматическимъ чувствомъ. Въ католической церкви явились обѣдни съ аріями, дуэтами, терцетами и всѣми виртуозными ухищреніями свѣтской музыки.

Въ протестантской церкви образовался особый родъ музыкальныхъ произведеній (Passions-Müsiken, Oratorien), гдѣ уже создавалось эпико-лирико-драматическое цѣлое изъ выбранныхъ библейскихъ текстовъ. Великій Себастьянъ Бахъ положилъ на музыку все повѣствованіе о страданіи Спасителя и совершилъ это двукратно: однажды по Евангелію Матѳея, въ другой разъ по Евангелію Іоанна. Рѣчи народа и лирическія строфы на прибавленный стихотворный текстъ изучены хоромъ; Евангелисты и самъ Иисусъ Христосъ вѣщаютъ речитативою. Музыка какъ нельзя ближе слѣдитъ за всѣми измѣнами текста.

Ораторія, низведенная съ настоящаго своего мѣста, — съ церковныхъ хоровъ, на эстраду концертной залы, — утратила свое первоначальное, благочестивое значеніе и стала болѣе и болѣе превращаться въ что-то ложное, не имѣющее цѣли.

Наивныя ораторіи Гайдна — Сотвореніе міра, Четыре времени года собственно-кантаты, въ широкихъ размѣрахъ, кромѣ общаго благоговѣйнаго настроенія въ нѣкоторыхъ гимнахъ, не имѣютъ уже въ себѣ нисколько церковныхъ элементовъ, и значительною частью своей славы одолжены музыкальному живописанію (Tonmalerei), которое встрѣчается въ нихъ на каждомъ шагѣ.

Мендельсонъ, стараясь въ своихъ ораторіяхъ возобновить музыкальныя формы Генделя и Баха, не взиралъ на то, что самый родъ такихъ произведеній вовсе не вызывался потребностями нашего времени; между-тѣмъ, независимо быть можетъ отъ собственныхъ намѣреній, во многихъ мѣстахъ ораторіи «Св. Павелъ» и еще больше въ ораторіи «Пророкъ Ілія», допустилъ полный драматизмъ, которому только недостаетъ — сцены.

Ко всѣмъ этимъ формамъ музыканты и публика привыкли, но если отрѣшиться отъ существующаго, принятаго, не странно-ли эти лица Ветхаго и Новаго Завѣта на концертныхъ подмосткахъ, эти ангелы, святые и пророки, олицетворенные пѣвицами и пѣвцами въ нынѣшнихъ бальныхъ костюмахъ? Потомъ, не странно-ли видѣть отдѣльныя лица и массу лицъ, поющихъ съ

большимъ одушевленіемъ иногда съ драматическою страстностію, при отсутствіи игры и жестовъ?

Или не надобно-ли постоянно держать свои глаза *закрытыми*, чтобъ ничто не нарушало прелести въ сущности похожихъ на «мистеріи» этихъ странныхъ музыкальныхъ представленій среднихъ вѣковъ?

Ораторіи или полу-ораторіи, содержанія несвященнаго, драматизированныя кантаты и легенды (напримѣръ «Рай и Пери» Шумана) свободнымъ смѣшеніемъ средствъ симфоническихъ и вокальных (въ хорахъ и соло, речитативахъ и сплошномъ пѣніи), совершенно сблизились съ тѣми свободными симфонико-вокальными произведеніями, которыя въ дѣятельности Бетховена были вызваны потребностями самой инструментальной музыки въ сляніи ея съ поэтическимъ смысломъ.

Союзъ музыки съ поэзію, съ словесно-поэтическими задачами, воплѣ оправданъ конкретнымъ своимъ проявленіемъ.

О народныхъ пѣсняхъ мы упоминали съ той точки, что въ нихъ музыка выражаетъ только общее, преобладающее лирическое настроеніе, не слѣдитъ за изгибами текста, не ищетъ выраженія подробностей; но и это отношеніе въ судьбахъ искусственаго развитія этого типа — *измѣнилось*.

Въ пѣсни, создаваемыя не народомъ уже, а отдѣльными, со знательными художниками, мало-по-малу вошли многіе чисто-драматическіе элементы, явились эпизоды речитативные, — наивная куплетность стала пзчезать за формами болѣе сложными, акомпаниментъ получилъ болѣе самостоятельности, разросся до симфоническихъ движеній.

Большинство *Lieder* Франца Шуберта, Роберта Шумана и другихъ новѣйшихъ германскихъ пѣснопѣвцевъ, пѣсня «Маргариты» изъ Фауста, какъ ее создалъ Глинка, вообще всѣ, такъ называемыя «*Durchcomponirte Lieder*» — уже нисколько не *пѣсни* собственно, а цѣлыя драматическія сцены, цѣлыя «монодрамы», исполненныя у фортепiano, которое во всѣхъ такихъ случаяхъ только «исправляетъ должность» оркестра.

И съ этой стороны, значить, музыка, незамѣтно для самой себя, какъ нельзя ближе подошла къ *драмѣ*.

Теперь — еслибъ мы совершенно не знали ни о существованіи оперныхъ театральныхъ представленій, ни объ исторіи оперы *изъ одного развитія разныхъ музыкальныхъ формъ*, мы могли бы

быть наведены на мысль: *перенести симфонію, кантату и драматическую пьесу — на театр.*

Мы разсуждали бы такъ: въ музыкѣ кромѣ игры кристаллическими и безконечно-разнообразными сочетаніями звуковъ несомнѣнно заключается другая сторона: языкъ души, душевнаго волненія, душевнаго настроенія — въ свою очередь нескончаемо-разнообразный какъ вся область міра психическаго.

Какое искусство лучше передать страшную, предсмертную борьбу въ душѣ Коріолана — когда мы *знаемъ*, что Бетховенъ именно эту борьбу изобразилъ?

Какое искусство въ состояніи такъ живописать ликованіе *любды освобожденія*, какъ это ликованіе выражено въ побѣдныхъ звукахъ *конца* увертюры къ Эгмонту и финала пятой симфоніи?

Въ музыкѣ, кромѣ того, есть много элементовъ, чудно-сближающихъ ее съ другимъ душевнымъ языкомъ, съ мимикою взгляда и тѣлодвиженій, съ оживленною пластикою.

Скерцо пасторальной симфоніи одними звуками рисуеъ движенія пляшущихъ нѣмецкихъ поселянъ, совершенно становитъ насъ посреди ихъ простодушной, дубоватой веселости. Мы различаемъ комическія, теньеровскія группы пляшущихъ, видимъ взмахи ихъ платьевъ и деревянныхъ башмаковъ.

Въ музыкѣ, наконецъ, кроются могучія силы — *черезъ отраженіе* внѣшней природы со всѣми ея явленіями въ душѣ человѣка живописать *и самую природу* — лучше живописи, потому-что въ живописи одинъ моментъ, а въ музыкѣ — рядъ, цѣль моментовъ, часть нашей жизни, погруженная въ любую поэтическую атмосферу, въ любую среду, по волшебному мановенію искусства.

Припомните опять «пасторальную симфонію» великаго заклинателя стихійныхъ силъ присущихъ музыкѣ. Припомните сцену у ручья, которая рисуеъ въ воображеніи вашемъ прелестный пейзажъ со всѣмъ дыханіемъ, со всѣмъ ароматомъ зелени, воды, чудеснаго знойнаго лѣтняго дня — когда слышатся неумолкающіе хоры птичекъ и кузнечиковъ, когда всякая травка поетъ и *мгѣть* въ восторгѣ... Припомните, какъ вдругъ, среди веселаго разгула крестьянъ, неожиданно подвинулись на лазурь темныя тучи, западали крупныя передовыя капли дождя — наступило тягостное молчаніе, не шелухнется, только дрожь пробѣжала по *листьямъ* деревьевъ — испуганные поселяне поспѣшили *спрятаться* по домамъ: и *вмигъ* — грянулъ громъ, зашумѣлъ ливень, засверкали частыя молніи, свирѣпо завылъ вѣтеръ, гроза воца-

рилась въ своемъ мрачномъ величїи.... но вотъ, катастрофа миновалась, грозная сила убываетъ, тучи быстрою вереницею несутся въ сторону, удаляются къ одному краю неба — съ другого опять засвѣтѣла лазурь.... буря прошла, сквозь послѣднія, ослабѣвшія струи дождя свѣтитъ радуга, — прекратился и дождь, все успокоилось, освѣжилось, на деревьяхъ блестятъ алмазныя слезки.... воздухъ душистъ и напоенъ влагою, съ дальнихъ холмовъ перекликаются пастушьи рога....

Живопись не можетъ дать этой *постепенности*, чередованье чудесныхъ картинъ, а тутъ въ такой постепенности — главное дѣло!...

Поэзія не обладаетъ на столько живыми красками и, собственно говоря, даетъ одно перечисленіе предметовъ, припоминаетъ ихъ «по именамъ» какъ въ «инвентарїи», между тѣмъ какъ музыка даетъ самую *жизнь* предметовъ, съ біеніемъ ея пульса, съ тысячами оттѣнковъ, недоступныхъ ни зрѣнію, ни слову съ *непосредственнымъ* дѣйствіемъ на душу....

Самыя лучшія въ свѣтѣ поэтическія «описанія» бури чтó онѣ, въ сравненїи съ бурей въ пасторальной симфонїи, гдѣ какъ-будто уже *нѣтъ музыки*, а мы лицомъ къ лицу съ самою природой?

Далѣе: съ разныхъ, съ самыхъ противоположныхъ сторонъ подходя къ музыкѣ, мы видимъ, что она, какъ *выразительнѣйшее* изъ искусствъ, какъ «апогеозъ *выраженія, высказыванія души*» тяготеетъ къ внутреннему поэтическому *содержанію*, и для такой цѣли стремится соединить, слить свои средства и силы съ силами и средствами словесно-поэтического языка, съ которыми несовершеннo-соизмѣрима, но поэтому именно чудно его дополняетъ. «Въ высшемъ своемъ развитїи вся музыка — *драматизмъ*»; но драматизмъ этотъ по неопредѣлительности музыки, безъ пособія словъ (или хоть программы), не находитъ полного своего примѣненія въ музыкѣ, какъ отдѣльномъ искусствѣ, не находитъ себѣ *точки опоры*.

Къ древнему, первоначальному, союзу своему съ поэзіею и мимикою музыка приходитъ и *нынѣ*, пройдя столько стадїй своего развитія сама-по-себѣ.

Мы видѣли однако, что и при пособїи словъ, ни пѣсня, ни симфонїя съ вокальными частями, ни одраматизированная кантата, не исчерпываютъ богатствъ музыки, со стороны ея *драматизма*, не даютъ *полныхъ* результатовъ.

При музыкальномъ воплощеніи драматическаго содержанія, хотя-бы и при полномъ идеальномъ раздольѣ поэзіи въ сляніи съ музыкою тотчасъ явится сильное *неравновѣсіе* въ художественномъ музыкально-драматическомъ произведеніи чрезъ отсутствіе въ немъ стороны *наглядности*; зрѣніе не должно быть обижено, не должно довольствоваться условнымъ «ничѣмъ» (какъ въ ораторіяхъ на концертной эстрадѣ); зрѣніе и отъ *музыкальнаго* драматизма требуетъ того-же, что уже находитъ въ сопредѣльномъ музыкѣ искусствѣ драматическомъ, т. е. требуетъ *сцены* съ ея мимикою и полнымъ, могущественнымъ очарованіемъ.

Такимъ образомъ — идеаль *сценическаго* музыкальнаго представленія вытекаетъ самъ-собою изъ органическихъ свойствъ музыки.

Еслибъ *оперы* и ея историческаго развитія не было на свѣтѣ, музыкальная драма очень легко могла бы возникнуть въ наше время изъ идеи воплощенія драматическихъ свойствъ музыки на театральной сценѣ, съ примѣненіемъ къ дѣлу всей необъятной силы впечатлѣнія и неисчерпаемо-богатыхъ средствъ, до которыхъ развилась современная музыка въ разныхъ ея отрасляхъ, съ примѣненіемъ къ дѣлу, съ другой стороны, мимической игры и всего изящества, всей разумной художественности нынѣшней сценической постановки.

Сцена — въ свою очередь.

«Die Bretter, die die Welt bedeuten» (подмостки, которыя представляютъ свѣтъ) требуетъ прежде всего — *жизни* въ произведеніи, которое на ней дается, *жизненнаго организма* — т. е. *драмы*.

Какъ только музыка переселяется *на сцену*, она должна осуществитъ въ себѣ сценическія условія.

Вотъ, отчего Марксъ совершенно-правъ, когда говоритъ, что музыкально-сценическое представленіе (опера) должно быть прежде всего — *истинной драмой*.

Драмой — но *какой* драмой? Каждая-ли драма (въ обширномъ общемъ смыслѣ сценическаго представленія) можетъ и должна вызывать соединеніе поэзіи и театра съ музыкою, превращаться въ *музыкально-сценическое* произведеніе, т. е. въ оперу.

По самому свойству музыкальнаго языка — ни сколько не *каждая* — какъ напримѣръ, вовсе не *каждые стихи* вызываютъ переложеніе ихъ на музыку, — вовсе не *каждая* музыка непременно требуетъ объяснительныхъ словъ программы или текста, — и, на-

конецъ, не каждое даже драматическое созданіе непременно требуетъ представленія на театрѣ.

Каково именно должно быть *содержаніе* оперы, вообще чтобъ она удовлетворила всѣмъ условіямъ идеала своего: *драмы музыкальной*; это опять одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ философіи искусства, отвѣчать на который надобно — трактатами, книгами, а не нѣсколькими страницами журнальной статьи.

Для необходимаго намъ поясненія, остановлюсь однако на идеѣ саянія искусствъ, которая насъ занимаетъ и попытаюсь изъ самой этой идеи вывести условія опернаго идеала.

Намъ нужна точка пересѣченія трехъ искусствъ (музыки, драматической поэзіи и театральной пластики) въ скульптурной группѣ трехъ грацій элементомъ, связующимъ три статуи, являются, конечно *руки*, которыми граціи сплетаются въ одно объятіе.

Такъ и въ нашей задачѣ надобно имѣть въ виду въ чемъ и гдѣ музыка подаетъ руку драматической поэзіи и мимикѣ, въ чѣмъ и гдѣ драматическая поэзія и сцена стремятся къ музыкѣ.

Въ драматической поэзіи, какъ въ искусствѣ дѣйствующемъ черезъ «словесныя понятія» — много элементовъ *разсудочныхъ*. Эти элементы — сатира, иронія, политика — почти или вовсе музыкѣ *недоступны*. Въ музыкальномъ языкѣ нѣтъ *органовъ* для передачи разсудочныхъ соображеній. Все гдѣ не участвуетъ сердце, душа, живымъ, непосредственнымъ, *страстнымъ* участіемъ — для музыки чуждо. Наше «Горе отъ ума» — *драма* въ общемъ и вѣрномъ смыслѣ этого слова — для музыки ни мало не годится, потому-что въ музыкѣ на девять десятыхъ спенъ своихъ — вовсе и не нуждается.

«Свадьба Фигаро» Бомарше злая сатира на современные ему нравы и на политическое положеніе Франціи, была превращена въ оперу для музыки Моцарта. Моцартъ, свое дѣло выполнилъ великолѣпно, но *тѣмъ самымъ* увелъ свое созданіе совершенно *въ сторону* отъ первоначальной его идеи. Остались только блѣдныя очерки нѣкоторыхъ индивидуальностей, осталось вѣшнее сплетеніе интриги и — при всемъ геніи Моцарта создавшемъ прелести драматически-музыкальныя, содержаніе пьесы въ ея цѣломъ осталось *не музыкальнымъ* и далекимъ отъ опернаго идеала. Трилогія Шиллера «Валленштейнъ», по преобладанію въ ней историко-политическаго характера, въ оперу-бы не годилась. Умножать примѣры нѣтъ надобности.

Въ музыкѣ, въ свою очередь, какъ и въ самой поэзіи, есть много областей или слишкомъ широкихъ или слишкомъ тѣсныхъ,

итинныхъ — для театральныхъ подмостковъ. Область симфонической музыки никакъ не вся совпадаетъ съ поэзіею словесной. — Въ музыкѣ есть элементъ уносящій слушателей въ даль необозримую, въ безпредѣльность — для которой кулисы театральной сцены были бы жалкимъ ограниченіемъ. Одинъ великій поэтъ такъ выражается о музыкѣ:

«Въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти — не житейскія страсти; музыка иногда только выражаетъ, или, лучше сказать — поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобъ, опершись на нихъ, устремиться брызжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей «въ другую сферу» *).

Эти горячія слова писаны, конечно, не-музыкантомъ и безъ особенно-глубокаго вниканія въ предметъ; но въ нихъ есть геніально-схваченная правда.

Музыка никогда не должна утрачивать своего стремленія къ міру идеальному.

«Она», — какъ говорить тотъ-же Гоголь **), — «вся *порывъ*; она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ земли «его и погружаетъ въ свой міръ.»

Заставлять музыку спускаться до низменныхъ областей быденной жизни, до прозаическихъ подробностей, которыя иногда отлично на мѣстѣ въ романѣ, въ драмѣ — значитъ не сознать ясно характера музыкальной поэзіи.

Насколько многіе изъ музыкантовъ, писавшихъ для театра, не вникали съ этой стороны въ условія своего искусства, по преимуществу *идеальному*, и безобразили свои произведенія подмѣскою элементовъ совсѣмъ не-музыкальныхъ; на столько, на оборотъ, многіе поэты, писатели литературные, любясь музыкою издали, сознали вполне ея главное свойство: *идеализировать* предметы, которые проходятъ чрезъ ея среду, *идеализировать жизнь*, ее въ высшей просвѣтленной сферѣ.

Мы видѣли мнѣніе Гоголя; вотъ еще вдохновенныя слова другого писателя, которыя, хотя вскользь сказанныя, obligаютъ глубокое инстинктивное пониманіе самой сущности музыкальнаго искусства. «Нѣкоторые позы на паренонскикъ барельефхъ можно назвать изысканными и именно потому, что ваятели

*) Гоголь. Петербургскія записки. 1836.

**) Арабески. Скульптура, живопись и музыка.

исключили все случайное и оставили вѣчныя спокойныя формы; жизнь, поднимаясь въ эту сферу, отрѣшается отъ всего возмущающаго красоту ея проявленія, принимаетъ *пластическій и музыкальный строй*; *тутъ движеніе должно быть граціей, слово — стихомъ, чувство — пльнюю.* Мѣтко очерчена этими словами область музыкальнаго міра въ сліяніи съ его конкретнымъ, нагляднымъ проявленіемъ.

«Всякое движеніе, всякая группа — картина, пластика; слово — стихъ; чувство — пѣніе.»

Не въ этомъ-ли чистѣйшій идеалъ музыкально-сценическаго представленія? Не въ этомъ-ли главныя условія оперы?

Драматическіе моменты, не вызывающіе такой высшей, идеальной сферы, отрѣшенной отъ случайностей — недостойны музыки, не должны быть содержаніемъ оперы.

Драматическіе моменты, истинно-музыкальные, должны быть такого свойства, чтобъ, не теряя своей конкретности и ею служа *точкой опоры* для тонкаго, безтѣлеснаго искусства звуковъ — могли бы давать полную свободу музыкѣ уноситься въ свои сферы, съ свой особый міръ, съ его безконечными перспективами, съ новыми, невѣдомыми для слова горизонтами...

«Опера должна быть драмою»; но драма эта, чтобъ быть «оперою», должна быть драмою *особыхъ* свойствъ, драмою *музыкальною*.

Драма вообще, какъ выраженіе характеровъ въ словахъ и дѣйствіи, имѣетъ стремленіе къ быстротѣ въ сценахъ, смѣняющихся другъ друга, къ законизму, результатной краткости, какъ проявленію *воли*.

Музыка, среди самаго разгара драматизма-требуетъ, напротивъ, частыхъ остановокъ дѣйствія, для пребыванія въ одномъ и томъ-же настроеніи, для исчерпыванія этого момента до глубины потому-что тогда только, въ недоступныхъ слову тайникахъ психическаго міра, музыка вступаетъ въ полныя права свои.

Это — крайности, стремленія, силы, другъ другу противоположныя.

Но развѣ мы не видимъ въ области физики и математики, что изъ двухъ стремленій несогласныхъ другъ съ другомъ, выходитъ третье — ихъ примиряющее?

Одна сила, напримѣръ, клонитъ къ центральной точкѣ, другая клонитъ въ сторону отъ центра, старается убѣжать отъ него, — изъ двухъ этихъ стремленій образуется движеніе *криволинейное*.

Развѣ поучительный оптический приборъ, стереоскопъ, не убѣждаетъ насъ фактомъ, что изъ двухъ изображеній предмета, *не совсѣмъ между собою совпадающихъ* — одно для праваго глаза, другое — для лѣваго, — для обоихъ глазъ вмѣстѣ является впечатлѣніе предмета новое, магически-выпуклое?

Развѣ таинства природы не свидѣтельствуютъ намъ, что изъ сліянія двухъ организмовъ однородныхъ, но часто очень различныхъ, почти противоположныхъ другъ другу индивидуальными качествами, рождается *новый* организмъ, соединяющій въ себѣ, конкретно-примирающій собою противоположности первообразныхъ натуръ, которымъ обязанъ жизнию?

И чѣмъ больше равновѣсія въ сліянніи элементовъ противоположныхъ, чѣмъ больше согласія, вытекающаго изъ разнорѣчія; тѣмъ совершеннѣе *новый* организмъ.

Почему-же не можетъ, не должно осуществиться подобное же явленіе въ мірѣ искусствъ?

Почему-бы не существовать сценическимъ художественнымъ произведеніямъ, рождающимся отъ *внутренняю* глубокаго сліянія музыки съ драмой, — драмы съ музыкой?

Какъ въ криволинейномъ движеніи любая точка его состоитъ въ *равной зависимости* отъ двухъ рождающихъ это движеніе силъ, — какъ въ стереоскопѣ новое магически-выпуклое впечатлѣніе предмета не позволяетъ уже различать, что именно въ немъ относится къ лѣвому изображенію, что къ правому, — точно такъ и въ идеалѣ музыкальной драмы, каждая мажѣйшая часть органическаго цѣлаго, каждый пунктъ такого произведенія, должны состоять въ полнѣйшей зависимости вмѣстѣ и *отъ музыки и отъ драмы, въ ихъ взаимномъ сліянніи*, и новый этотъ живой организмъ не позволитъ прослѣдить на-себѣ что именно рождено въ немъ музыкой, — что драмой, будетъ въ *равной* степени принадлежать тремъ искусствамъ музыкѣ, драматической поэзіи и пластическому проявленію ея на театрѣ.

Ясно, что такого рода внутренней союзъ музыки съ драмой не можетъ совершиться иначе, какъ воплощеніемъ въ сценическомъ произведеніи *одной* главной глубоко-художественной, драматически-музыкальной мысли, чтобы, какъ въ организмахъ природы, *есть* части, *есть* подробности организма *необходимо* условивались одною главною цѣлью: результатною мыслию, къ которой тяготѣть должно все произведеніе, — однимъ словомъ, чтобы

творчество въ этихъ случаяхъ не было «сочиненіемъ», — искусство, но всё-таки механическимъ, сопоставленіемъ красотъ музыкальныхъ съ красотами драматическаго положенія, а было бы истиннымъ творчествомъ изнутри психической данности, было бы высказываніемъ, осуществленіемъ внутренняго психическаго содержанія, переполняющаго душу художника.

Тогда только разнородные элементы музыкально-сценическаго произведенія получаютъ законную стройность и взаимно помогая другъ-другу, въ стремленіи къ одной цѣли, дадутъ въ результатъ впечатлѣнія очаровательныя, невѣдомыя на театрѣ, несравненно сильнѣе, властительнѣе охватывающія душу нежели драма не-музыкальная, или музыка не-драматическая.

Представьте себѣ драму, богатую пафосомъ внутренняго содержанія, богатую поэтическими положеніями, но очень простую въ основѣ, далекую отъ всѣхъ запутанностей и мелкихъ дразгъ, такъ-называемыхъ «интригъ», «исключающую все случайное жизни» — возведенную въ ту высшую сферу, гдѣ «движеніе — грація, слово — стихъ, чувство — пѣсня» — характеры дѣйствующихъ, обрисованныхъ сценическимъ дѣйствіемъ и поющимъ словомъ; душевные мотивы дѣйствующихъ, мотивы ихъ страстей и ощущеній, воплотясь въ индивидуально-очерченныхъ самостоятельныхъ мелодіяхъ, не переставая сталкиваться, взаимно пересѣкать себя въ дѣйствіи, вступать въ борьбу между собою, становятся главными пружинами цѣлаго музыкальнаго, разрабатываются, развиваются, сплетаются и расплетаются, какъ главныя темы съ симфоніи; — хоры участвуютъ въ сценическомъ дѣйствіи, когда оно вызываетъ участіе народныхъ массъ или отдѣльныхъ группъ; цементомъ всего зданія, связующимъ неисчерпаемо-богатымъ элементомъ, собирательнымъ дѣйствующимъ лицомъ, закрѣпляющимъ хоръ древне-греческой трагедіи — является оркестръ. Въ немъ при его безконечной гибкости, — при его все еще не довольно-извѣданныхъ силахъ къ выразительности и живописанію, съ удержаніемъ таинственной неопредѣлительности музыкальнаго языка, — въ немъ, какъ въ зеркалѣ драмы, отражаются постоянно и всѣ моменты сценическаго дѣйствія во всѣхъ его изгибахъ, и всѣ тѣлодвиженія дѣйствующихъ, и вся общая настроенность въ данный моментъ, вся атмосфера драмы, ея эпохи и мѣстности, ее окуливающей; — въ оркестрѣ происходитъ та подготовка главныхъ моментовъ драмы, когда они еще не дошли до степени опредѣленнаго дѣйствія, факта, когда еще блуждаютъ въ тайнахъ психическаго міра, какъ сердечныя предчувствія, и не позволяютъ

еще голосу человѣческому высказаться въ *мелодіи*, не допускаютъ музыку вступить въ полныя права свои. Тамъ-же, гдѣ мелодія *единичная* или общая многимъ — отъ общности главнаго настроенія — *высказалась*, тамъ оркестръ дорисовываетъ ее, украшаетъ великолѣпіемъ своихъ красокъ, усиливаетъ до крайнихъ предѣловъ.

Музыка въ каждомъ моментѣ сливается съ драмой, то — въ минуты переходныя, отступая съ собственно-музыкальными интересами на второй планъ, давая первенство изгибамъ слова и дѣйствію: то — въ моменты достаточно подготовленные предъидущимъ, въ моменты *лиризма*, исчерпывая свою сокровищницу многообразной кристаллической *иры* звукосочетаніями, пуская себя на всѣхъ парусахъ для того, чтобы, *опираясь* на данный драматическій моментъ, унести въ *свой* безпредѣльный міръ...

Поэтическая мысль, сложившаяся въ музыкальную драму, по таинственной родственной связи между искусствами, сама собою вызоветъ пластичность, картинность сценическаго дѣйствія и его обстановки, превратитъ каждую сцену, каждый моментъ драмы въ картину, и картина эта, общимъ впечатлѣніемъ чаруя зрѣніе, дѣйствуя на него то волненіемъ, то утожненіемъ, то блескомъ, то мрачностью, то нѣгой, то строгостью образовъ, въ свою очередь сольется въ одно цѣлое съ музыкою.

И нельзя будетъ отрывать музыкальных впечатлѣній отъ сценическихъ, сценическихъ — отъ музыкальных; нельзя будетъ ни наслаждаться этою музыкою, ни обсуживать ее *вне театра*; — нельзя будетъ разсматривать пьесу, какъ драму, не имѣя въ виду музыки. Каждая изъ этихъ сторонъ, отдѣльно взятая дастъ понятіе о содержаніи музыкальномъ, о содержаніи драматическомъ, но *полная* мысль созданія будетъ доступна *только* при разсматриваніи драмы *вмѣстѣ* съ ея музыкою, при воплощеніи музыкальной драмы на сценѣ.

А на сценѣ — весь организмъ собранія будетъ сильно тяготѣть къ своей *результатной* мысли, къ своему *осадку* въ душѣ слушателя-зрителя, — такъ что онъ часто забудетъ, что слушаетъ музыку, видитъ сцену; передъ нимъ лицомъ къ лицу будетъ міръ живыхъ людей съ ихъ душевными волненіями; слушатель будетъ жить съ ними, дышать *ихъ* жизнію, въ ихъ атмосферѣ, за нихъ радоваться, за нихъ страдать, пока не наступитъ разрѣшеніе, къ котороту татотѣла драма, и не охватитъ души своимъ успокоительнымъ, все-принирающимъ акордомъ.

Предъидущая статья, гдѣ въ бѣглому обзорѣ пройдены были всѣ существующія оперы по разнымъ ихъ типамъ, показала читателямъ, что *всѣ* оперы, въ историческомъ ихъ развитіи, болѣе или менѣе далеки отъ *идеала* музыкальной драмы. Разсмотрѣвъ теперь самый этотъ идеалъ въ его сущности, не трудно увидѣть, что осуществленіе его на оперной сценѣ и не могло иначе проявиться какъ *по клочкамъ*, въ видѣ частныхъ случайныхъ *исключеній*.

Въ идеальномъ строеніи музыкальной драмы, какъ мы видѣли, все должно органически сложиться *изнутри*, изъ одной все-одушевляющей музыкально-поэтической мысли. Въ большинствѣ существующихъ оперъ, напротивъ, такой общей мысли и въ поминѣ не было, вся опера слагалась по требованіямъ *извне*, всѣ части оперы *подлаживались* подъ неизмѣнныя условія исторически-образовавшихся типовъ, подъ вкусъ пѣвцовъ и публики, подъ господствующее въ данное время направленіе модной поэтической литературы, подъ условія балетной руины, пошлаго ушегодія, приторной сентиментальности, напыщенной реторики!

Не было почти ни одной оперы въ свѣтѣ (не исключая ни Глука, ни Моцарта), въ которой нельзя было бы указать капитальныхъ недостатковъ, существеннаго разнорѣчія съ идеаломъ, именно вслѣдствіе этихъ жалкихъ *уступокъ* требованіямъ *извне*, условіямъ *принятаго*, — условіямъ и требованіямъ противу-поэтическимъ, противу-художественнымъ, ложнымъ въ отношеніи къ идеѣ искусства!

Какъ давно миновалась въ литературѣ эпоха похвальныхъ одъ, напыщенныхъ эпическихъ поэмъ, похвальныхъ словъ, расположенныхъ по «хріямъ»! Намъ жалко-забавны теперь рецензы реторикъ и піитикъ. Намъ нестерпима на сценѣ *ходоульная неправда* псевдо-классическихъ трагедій съ тремя единствами, съ холоднымъ, размѣреннымъ разсказами, съ наперсниками и наперсницами.

Но на *оперной сценѣ* мы и теперь поминутно терпимъ точно такія-же негѣпости, освященныя рутинною, тупою неизмѣнностью обычая.

Насъ и донинѣ въ операхъ, какъ въ былыя времена пѣвцовъ-кастратовъ, угощаютъ аріями принцовъ и принцессъ, имѣющими только ту цѣль, чтобъ была арія съ фіоритурами для примадонны и перваго тенора; насъ, вмѣстѣ съ червонными коро-

лями на сценѣ, заставляють среди оперы любоваться нескончаемыми рутинными *дисертисментами*, имѣющими ту единую цѣль, что «такъ по штату оперы положено»; — насъ потчуютъ жалкими несообразностями кое-какъ слѣпленными въ чудовищную канву мелодрамы, подчуютъ цѣлымъ царствомъ неправдоподобія или глупостей возмутительныхъ (вспомните «Трубадура» Верди) только потому, что композитору угодно было этотъ вздоръ выбрать для своего музыкальнаго мастерства.

Зная въ музыкальномъ искусствѣ полные, строго-художественные и живые организмы, какъ напримѣръ, *сонаты, квартеты, симфоніи Бетховена*, — въ оперной области мы довольствуемся произведеніями, со стороны музыки и драмы, спитыми, склеенными какъ арлекинское платье изъ яркихъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и привыкли даже такъ смотрѣть на оперу, что въ ней смысла, результатной поэтической идеи, всецѣльнаго организма будтобъ смѣшно и требовать! Почему-же, зачѣмъ-же *такъ?* Неужели всегда такъ и должно оставаться!

Между тѣмъ всѣ *средства оперныя*, въ свсемъ естественномъ развитіи, подъ руками гениальныхъ и талантливыхъ художниковъ разработались, разрослись великолѣпно.

Можно-ли лучше, естественнѣе употреблять голоса человѣческія и болѣе кристалически сочетать ихъ между собою и съ оркестромъ, какъ въ операхъ Чимарозы, Моцарта, Россини?

Можно-ли вѣрнѣе и проще достигать психологической правды выраженія въ мелодіи и въ оркестровкѣ, какъ въ безднѣ спенъ Глука, Моцарта, Керубини, Мегюля, Вебера, Мейербера? Какія неисчерпаемыя сокровища органически-музыкальной *красоты* въ хорахъ и «*chorseaux d'ensemble*» оперъ Моцарта и Россини?

Какъ разнообразно и глубоко разработана характерность драматическая въ массахъ и отдѣльныхъ лицахъ Мейерберомъ, по слѣдамъ Спонтини и Вебера, и при обогащеніи оркестровки нововведеніями Берліоза!

Прибавьте къ этому успѣхи *разумности* въ новѣйшей постановкѣ пьесъ на сцену, въ изящности и исторической вѣрности декораций и костюмовъ до самыхъ мелочей — въ магии пластичности, колорита и освѣщенія; прибавьте къ этому успѣхи критики и поэтическаго пониманія, успѣхи драматическаго искусства вообще, которое на столько выросло, на столько воспитало себя на произведеніяхъ древнихъ и Шекспира, что по настоящему

никакъ не можетъ довольствоваться скудною риторикою французскихъ же-трагедій, служившихъ канвою для Глука, для Россини, для Беллини, или нескладнымъ, пустячнымъ сборомъ разныхъ сценъ, изъ которыхъ сотканы тексты лучшихъ оперъ въ свѣтъ, какъ скоро содержаніе ихъ не-трагическое, то-есть неходульное.

Богатѣйшій арсеналъ могущественнѣйшихъ орудій впечатлѣнія музыкально-сценическаго готовъ къ услугамъ того, кто въ наше время созналъ бы ясно, *къ чему* можетъ и должна быть музыкальная драма, создаваемая вдохновенно изъ одной всецѣльной, свободно-органической мысли, какъ стихотворенія Байрона, Пушкина, какъ симфоніи Бетховена, — безъ *малѣйшихъ уступокъ*, какимъ-бы то ни было требованіямъ *онъ* самого организма творческой мысли.

Отъ одной искры *такого* плодотворнаго сознанія загорѣлась бы реформа оперы, рухнули бы всѣ гнилыя подмостки музыкально-сценическихъ представленій, доселѣ существующихъ: *идеалъ* музыкальной драмы явился бы въ своемъ лучезарномъ воплощеніи....

Но — пора наконецъ бросить условную форму, и всѣ доводы «а priori» — пора сказать, что къ счастью нашему эти стремленія уже осуществились, что въ наше время явился уже гениальный художникъ, какъ нельзя яснѣе *созмавшій* идеалъ музыкальной драмы во всей его красотѣ и какъ нельзя счастливѣе воплотившій его въ своихъ созданіяхъ, — художникъ, съ тою же чистотою стремленій, какъ Глукъ, съ тою же глубиною драматически-музыкальнаго воображенія, какъ Моцартъ и Веберъ, съ смѣлымъ примѣненіемъ къ дѣлу всѣхъ новѣйшихъ завоеваній искусства и — что выше всего этого, важнѣе для настоящаго случая — съ глубокою и теплою вѣрою въ силу искусства, въ силу поэтической мысли, съ неисчерпаемымъ запасомъ восторженнаго сочувствія ко всему человѣческому, съ фанатическою *любовью* къ людямъ!

Онъ, какъ Бетховенъ, стремится *высказаться* въ своихъ созданіяхъ, потому-что ему *есть* что высказывать!

А. Сѣровъ.

Письмо изъ Берлина.

(Къ А. А. Г.)

11-го іюня.

Музеи, политика и всевозможныя прогулки теперь занимаютъ меня съ ранняго утра до поздней ночи, и совершенно не знаю, откуда взять времени, чтобъ удѣлить его тебѣ, любезный Ап..... Не суди строго за это первое письмо, въ которомъ, можетъ-быть, не все переварилось и усѣлось, какъ слѣдуетъ. Вотъ, приглашаютъ на «дамскіе вѣночки» (Damenkränzchen, особый родъ собраній), на лѣтніе ночные балки (Sommernachtsball), въ театры съ концертами и въ концерты съ танцами; а тутъ звучать подъ окнами трубы, мирный ремесленникъ обратился въ яраго воина и, надѣвъ новую аммуницію, не шутя грозитъ освободителю Италіи. Infandum regina jubes genevare dolum! къ чему это! — тутъ идетъ шумная бесѣда о всемірномъ призваніи Германіи, и медкенъ не успѣваетъ подавать куфли съ пивомъ для утоленія воинственнаго жару, а какая перестрѣлка въ газетахъ! а сколько повода къ остроумію! По замѣчанію одного Нѣмца, словъ: «подумаю, сдѣлаю, возьму» не существуетъ для Наполеона, а только: «взялъ, сдѣлалъ». Но вообще Германецъ мало поддается сочувствію къ повелителю Французовъ; не одинъ Прусакъ желалъ-бы видѣть въ принцѣ регентѣ втораго Блюхера, могучаго героя битвы.

Der Neffe soll erfahren,
Dass des Regenten Hand
Gar wohl versteht zu wahren
Das deutsche Vaterland.

«Пусть узнаетъ племянникъ, что рука регента умѣетъ защитить нѣмецкое отечество, какъ нѣкогда Блюхеръ сокрушилъ силу дяди.» — Такъ гласитъ стихотворная брошюрка, продаваемая за 1 зильбергрощъ. Но не только въ этой дешевой поэзіи высказываются воинственныя идеи: многія газеты, хотя нѣсколько умѣреннѣе, возвѣщаютъ то же самое. Кладерадачь изобразилъ Италію и Францію въ видѣ двухъ скованныхъ дѣвъ: *племянникъ* и тутъ, въ своей треугольной шляпѣ и съ маленькимъ брюшкою, сердито рветъ оковы съ женщины, стоящей влѣво а Кладерадачь, маленькій человѣчекъ съ уморительно-грустною миной, останавливаетъ его, указывая на плачущую въ цѣпяхъ.

Францію: «Полно тебѣ», говоритъ онъ словами Гете, «метаться туда и сюда.... посмотри: добро столь близко».

Willst du immer weiter schweifen,
Sieh: das Gute ist so nah.

Съ другой стороны раздаются голоса противъ деспотизма Австріи и читаешь насмѣшки надъ ея кліентами, Виртембергомъ, Баваріей, и надъ жалкимъ германскимъ союзомъ. Все это, не правда-ли, очень любопытно, и ты можешь вообразить себѣ, какое раздолье теперь представляетъ Берлинъ сколько-нибудь наблюдательному путешественнику; особенно, при настоящей свободѣ слова въ Пруссіи. Насъ, Русскихъ, нельзя укорить въ равнодушіи къ тому, что совершается за границею. Я видѣлъ, какъ многіе изъ нашихъ, еще на переѣздѣ къ Кронштадту, разомъ заговорили на трехъ языкахъ, упражняясь напередъ въ космополитизмъ. Русскихъ здѣсь принимаютъ очень-гостеприимно за золотыя штучки (Goldstücke), ими привозимыя. Въ этомъ признаются сами Нѣмцы, рассказывая между прочимъ слѣдующій анекдотъ. Съ пароходомъ «Владиміръ» прибыла цѣлая толпа нашихъ. «Русскіе! Русскіе!» раздаюсь отъ Штеттина до Берлина. Съ прибытіемъ въ Берлинъ поѣзда желѣзной дороги, не достало дружекъ, чтобъ развозить путешественниковъ. Одинъ изъ нашихъ денежныхъ аристократовъ (а можетъ, и безденежныхъ) нѣсколько опоздалъ взять извозчика; но не хотѣлъ ждать и послалъ, во что бы то ни стало, отыскивать. Лонлакей долго бѣгалъ по городу; наконецъ гдѣ-то, у погребка, нашелъ дружку, крѣпко-сияющаго подъ грузомъ вина и нива. Напрасны были всѣ усилія, чтобы разбудить гуляку: Нѣмецъ падалъ безъ чувствъ, сколько разъ его ни подымали. Наконецъ лонлакей, что есть мочи, крикнулъ ему въ ухо: «Русскіе!» Вмигъ, какъ по волшебному слову, вспрыгнувъ жпвой мертвецъ, заоралъ во все горло: hurrah! и со всѣхъ силъ ударилъ по лошадамъ возжами. Перейдемъ къ политикѣ. Еще недавно одинъ Пруссакъ сказалъ мнѣ рѣшительно: «Русскіе пойдутъ вмѣстѣ съ нами противъ Французовъ; мы всегда были въ дружбѣ съ Русскими». Это, видите, все воспоминанія 1813-го года. Мобилизація прусской арміи и призваніе подъ знамена милиціи (Landwehr), должны принять характеръ народнаго ополченія, прославившагося въ войнахъ съ Наполеономъ I. Офіціальная прусская газета, извѣщая о мобилизаціи, не могла не употребить въ дѣло своей сорокалѣтней памяти: она указала параллель между старымъ и новымъ временемъ, между дядюшкой и племянникомъ, и тѣмъ призвала боль-

шую тревогу, поступивъ, конечно, совѣмъ не политически. Хотятъ-ли угрожать Франціи по случаю приближенія ея арміи къ предѣламъ южныхъ владѣній германскаго союза? Но этотъ союзъ уже чуть-стоитъ на одной ногѣ, съ обломанной головой, по остроумному изображенію Кладерадача. Думаютъ-ли привлечь на свою сторону нѣмецкихъ владѣтельныхъ государей, чтобъ образовать новый прусско-германскій союзъ? По видимому, къ этому клонится дѣло. Во всякомъ случаѣ, Пруссія готова воевать. Вездѣ встрѣчаются толпы ополченцевъ: одинъ Берлинъ собралъ ихъ, если вѣрить рассказамъ здѣшнихъ военныхъ, до 15,000. Любопытно видѣть, какъ посреди разныхъ семейныхъ сценъ, гдѣ-нибудь, въ углу площади, обучаютъ этихъ новобранцевъ: тутъ слышна команда и тутъ-же раздають сапоги или хлѣбъ; между-тѣмъ дѣти, служанки, ремесленники разнообразными группами окружаютъ будущихъ воиновъ, оторванныхъ отъ своихъ занятій и семействъ на три года. Военный духъ уже успѣлъ высказаться: въ Штеттинѣ недавно произошла драка между пѣхотой и кавалеріей. Словомъ, Нѣмцы готовы идти на войну вмѣстѣ съ Русскими, въ случаѣ нужды съ Австрійцами, съ Англичанами, но противъ кого? вотъ задача. Пруссія все-таки крѣпко стоитъ за свой либерализмъ. Даже «Крестовая газета» соглашается въ томъ, что поддерживать австрійскую систему, значило-бы тоже самое, что возродить Италію, утвердивши напскую власть. Эта газета видитъ огромную выгоду для Австріи въ оставленіи Папской области, — выгоду, равную выигранному сраженію. Но все-таки Наполеонъ освободитель Италіи, и за это нельзя на него сердиться. Судя по сужденіямъ здѣшнихъ политиковъ, какъ-будто выходитъ, что въ то время, когда Наполеонъ освобождаетъ Италію, Германія призвана освободить Францію! Но между множествомъ странныхъ преувеличеній *чувствительной* политики (Gefühlspolitik), какъ называютъ ее сами Нѣмцы, нерѣдко слышится и разумный голосъ. Сообщу тебѣ послѣднія сужденія двухъ здѣшнихъ либеральныхъ газетъ: національной и народной (Nationalzeitung и Volkszeitung). Національная газета, подозревая Францію въ союзѣ съ Россією, говоритъ, что политика обѣихъ державъ клонится къ раздѣленію Австріи; поэтому, для сохраненія политическаго равновѣсія, Австрію необходимо поддерживать, подобно Турціи, и еслибы эта страна не находила *внутри самой себя* никакой силы (съ этимъ согласны въ Пруссіи всѣ безъ исключенія), то надо дать ей такую силу *извне*. Не будемъ разсуждать о томъ, какую мастерскую пружину хочетъ выдумать

эта политическая фабрика, чтобы заставить двигаться неуклюжую машину. Национальная газета дагѣ сама себѣ противорѣчитъ упрекая Наполеона въ его политикѣ, ведущей къ сохраненію *statu quo* Папской области, по словамъ ея, болота, котораго вредныя испаренія приносятъ Италіи болѣе зла, чѣмъ само вліяніе Австріи. Представляя, по случаю мобилизаціи, краткій историческій очеркъ прусской арміи, національная газета видимо жажѣтъ о долгомъ, сорокалѣтнемъ ея бездѣйствіи. Въ прошломъ столѣтіи эта армія имѣла не болѣе 40,000; притомъ была дурно организована, состоя большею частію изъ наемниковъ и находясь подъ гнетомъ дворянской, феодальной власти, и не смотря на это, она совершила много подвиговъ, участвовала въ самыхъ отдаленныхъ походахъ, словомъ, дѣйствовала подъ вліяніемъ *enpines* полптики. Съ 1807 года начинается для нея новая эпоха: каждый гражданинъ, не смотря на разность состояній, обязанъ служить отечеству; 1813 годъ возбудилъ всѣ народныя силы. вмѣстѣ съ образованіемъ національнаго войска, армія до того увеличилась, что нынѣ могла-бы выставить до полумилліона человекъ. Теперь, когда и либеральныя идеи проникли въ нашу жизнь, продолжаетъ національная газета, пришла пора показать, что мы такое, пришла пора начать дѣйствовать. «Счастлива Пруссія! завидна судьба ея!» восклицаетъ Крестовая газета. «Она призвана возродить Германію!» Объ инициативѣ разсуждаетъ и офиціальныи органъ слѣдующимъ образомъ: «Цѣль мобилизаціи — защита; но защита въ стратегическомъ смыслѣ не возможна безъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ вѣдшихъ: нужно идти впередъ, а не стоять на мѣстѣ.» Куда идти? противъ кого сражаться, когда никто не грозитъ? Управляющимъ желѣзными дорогами предписано быть наготовѣ на случай, если армія вздумаетъ куда-нибудь двинуться. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ толковали и о томъ, на какомъ основаніи принцъ-регентъ можетъ быть избранъ фельдмаршаломъ союзной арміи. Большая часть нѣмецкихъ владѣній дѣйствительно склоняется на сторону Пруссіи, особенно послѣ неудачи Баваріи, заемъ которой, въ 4,000,000 флоринновъ, доставилъ всего только 300,000 флоринновъ, между-тѣмъ, какъ прусскій заемъ совершилъ съ блистательнымъ успѣхомъ. И такъ славы, славы жаждетъ Пруссія, нѣтъ сомнѣнія, что слава эта вскружила голову многимъ въ Берлинѣ. Не совсѣмъ такъ думаетъ провинція: въ послѣднее время одинъ нумеръ «Штеттинской газеты» отобранъ полиціей за слишкомъ-рѣзкую статью противъ мобилизаціи. Семейства

бѣдныхъ ремесленниковъ вновь нуждаются въ покровительствѣ королевы. Многие патріоты видятъ съ горемъ, сколько рукъ потеряно для работъ, сколько пострадаетъ промышленность чрезъ отозваніе въ войско лучшихъ мастеровыхъ и земледѣльцевъ. Если среднюю заработную плату считать въ 10 сереб. грошей (30 к. с.), а число ополченныхъ въ 200,000 (какъ меня увѣрили), то вотъ уже около 70,000 талеровъ ежедневной потери, не считая того, что будетъ стоить содержаніе войска. Народная газета (Volkszeitung) съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ возстаетъ противъ воинственныхъ выходокъ другихъ политическихъ органовъ. «Подумали-ли дипломаты», говоритъ она, «къ чему приведетъ насъ германскій союзъ? Станемъ-ли мы орудіемъ франкфуртскаго сейма, который своей вялостью въ дѣлахъ всегда губилъ Германію? Или образовать на время другой сеймъ? Для чего-же существуетъ франкфуртскій, если въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ онъ не сумѣетъ помочь намъ? Тяжко думать, что нашъ либерализмъ наконецъ силою событій приведетъ насъ къ войнѣ за Австрію. Но со своею двойственною политикой мы становимся пмению на эту дорогу. Намъ нѣтъ никакой нужды слишкомъ вооружаться, чтобы проводить либеральныя идеи. Кто слышалъ когда-нибудь о либеральномъ войскѣ? Кто слышалъ, чтобы, поработивъ страну, можно было потомъ дать ей свободную конституцію? Тратить лучшія силы государства на несбыточное предпріятіе — вотъ величайшее несчастіе! Дѣло кончится тѣмъ, что съ нашимъ воинственнымъ азартомъ мы останемся одни посреди чуждой намъ Германіи, посреди чуждой намъ Европы: ни Англія, ни Россія не захотятъ участвовать въ войнѣ, не согласной съ прямыми ихъ выгодами. Будемъ-же лучше заботиться о своемъ внутреннемъ развитіи, если хотимъ вполнѣ оправдать названіе либеральнаго государства. Намъ не зачѣмъ вызывать на битву тѣхъ, кто насъ не трогаетъ, и принимать участіе въ дѣлахъ, ведущихъ только къ раззоренію отчизны.» Таково въ общихъ чертахъ направленіе этой газеты, исполненной неподдѣльнаго, чуждаго всякихъ себялюбивыхъ замысловъ, патріотизма. Что всего важнѣе, она яснѣе понимаетъ, въ чемъ состоитъ истинный прогрессъ, и лучше умѣетъ защищать его. Въ томъ же духѣ разумаго либеральнаго направленія разсуждаетъ о дѣлахъ политики Берлинская газета (Königlich privilegirte Berlinische Zeitung). Не отвергая необходимости для Пруссіи временныхъ вооруженій, она все-таки защищаетъ полный нейтралитетъ. Тѣмъ, которые возросли на

старомъ ученіи о политическомъ равновѣсіи, она очень дѣльно доказываетъ, что равновѣсіе это — пустая мечта, которая никогда не осуществлялась и не осуществится. Поддерживаемое военною сплюю, оно служитъ само себѣ противорѣчіемъ. Мы тогда только достигнемъ этого идеала, когда каждое государство будетъ развиваться на началахъ права, нравственности, свободы и чело- вѣчности. Въ соединеніи съ Австріею она видитъ для Пруссіи совершенное паденіе; но не отвергаетъ, что Германіи всегда нужно быть насторожѣ, чтобы поставить какую-нибудь пре- граду честолюбію Наполеона.

Вотъ бѣглый очеркъ партій и мнѣній, которыя теперь за- нимають Пруссію. Мы отъ души сочувствуемъ успѣхамъ этого государства, единственнаго въ Германіи, гдѣ въ настоящее время сколько-нибудь уважается свобода мысли и вмѣстѣ съ добрыми Пруссаками готовы трепетать, чтобы оно не увлеклось мечтами о воинской славѣ, болѣе опасными, чѣмъ всѣ пылкія теоріи демагоговъ, въ наше практическое время совершенно безвредныя по причинѣ ихъ непримѣнимости къ жизни.

В. Неодозовъ.

Московскія скачки 1859 года.

Вчера, 21 іюня, кончились московскія скачки, и я посылаю вамъ объ нихъ подробный отчетъ. Исполняя ваше желаніе, пишу не такъ, какъ бы писалъ къ спортсману, знающему дѣло; но какъ къ человѣку, который интересуется всѣмъ, что дѣлается у насъ полезнаго; а такъ какъ вы не довольствуетесь голымъ отчетомъ о выигравшихъ и проигравшихъ лошадяхъ, о значи- тельности призовъ, и пр. и требуете объясненій на разные во- просы, то не взыщите, если письмо будетъ длинно; предметъ довольно важенъ, любопытенъ и, главное, обширенъ; такъ, что я могу теперь отвѣчать только на нѣкоторые ваши вопросы, и то вкратцѣ.

Скачки начались здѣсь 7 іюня, въ воскресенье. День праз- дничный; послѣ сильнаго дожда, бывшаго среди дня, воздухъ освѣжился, пыль прибило, и народъ съ четвертаго часа послѣ обѣда толпами потянулся на Ходынское поле; къ шести часамъ зрители пестрѣли около скаковой бесѣдки, не смотря на грязь и лужи; вереницы экипажей стучали по шоссе за Тверскою заста-

вою. Для многихъ, даже для большой части, скачки — зрѣлище, какъ и всякое другое; для иныхъ — случай показать свои наряды и посмотреть на чужие; для заводчиковъ скачки имѣютъ важное значеніе, для нихъ онѣ — дѣло расчета и прибыли; притомъ въ нихъ много сильныхъ ощущений, какъ въ карточной игрѣ, и наконецъ удовлетвореніе честолюбія. Немногіе понимаютъ, что эти скачки, — забава для публики, — дѣло серьезное и важное, какъ испытаніе заводскихъ лошадей и стало быть какъ выставка одного изъ предметовъ государственнаго хозяйства.

Я прѣхалъ на скаковой кругъ рано, чтобы на досугѣ разсмотреть приведенныхъ на скачку лошадей, и отправился на *маленькій кругъ*, мѣсто, очень любопытное во многихъ отношеніяхъ. Онъ расположенъ за скаковою бесѣдкою, или лучше, сзади ея, за дорогою; около него выстроено двѣ конюшни, съ шестью или осмью денниками, въ которыхъ сѣдлаютъ, разсѣдываютъ, обмываютъ и осушаютъ скакуновъ; кругъ обнесенъ веревкою и при немъ находится постоянно нѣсколько блюстителей порядка и благочинія; но кругъ любопытенъ не этимъ; а тѣмъ, что туда сходятся владѣльцы скаковыхъ лошадей, тренеры *) , жокеи, Англичане, знатоки и любители; тамъ-то если не ареопагъ, то форумъ скаковыхъ дѣлъ! На этомъ кругѣ водятъ лошадей, приведенныхъ для скачки.

Арзасъ, караковъ жеребецъ кн. П. В. Голицына обратилъ вниманіе всѣхъ своею классическою красотою; я говорю классическою, потому что онъ представляетъ собою типъ англійской скаковой лошади, въ лучшемъ ея видѣ; правильность, красота и даже роскошь статей предсказывали ему побѣду; такія лошади рѣдко являются у насъ на скачкахъ. Но справкамъ оказалось, что точно, прошлаго года, бывши трехъ лѣтъ, онъ выигралъ два или три приза и не проигралъ ни разу. У него нѣсколько толста шея и, говорятъ, сѣдловата спина; заключаютъ, что онъ можетъ быть быстрою, но не сильною лошадыю.

Лошадей, приведенныхъ на скачку, было много, но двѣ и по три лошади у каждого владѣльца, а на большомъ кругу, гдѣ *выдерживаются* лошади, ихъ бываетъ каждый день по шестидесяти и семидесяти; между тѣмъ господъ коннозаводчиковъ, которые выводятъ этихъ лошадей, не больше шести или семи человѣкъ; это фактъ замѣчательный, на которомъ надобно оста-

*) Т. е. люди, приготовляющіе лошадей къ скачкѣ.

новиться; потому что въ рысистыхъ бѣгахъ мы видимъ совершенно противное: полна Москва, полна Россія рысаковъ; а на призы бѣжить ихъ очень мало.

Московскіе купцы, владѣтели безчисленнаго количества рысаковъ, своихъ заводовъ не имѣютъ (за малыми исключеніями) а покупаютъ лошадей, которая «должна бѣжать»,—по породѣ, по аттестату; съ деньгами всякій можетъ приобрести рысака, даже не имѣя никакого понятія о коннозаводствѣ и «набѣжать», т. е. приготовить къ бѣгу лошадь,—тоже небольшая наука, чтобы ни говорили противъ этого рысистые охотники. Оттого такъ много любителей, имѣющихъ рысаковъ; а рысаковъ, выигрывающихъ призы, очень мало. Кажется, надобно согласиться, что рысистой породы не существуетъ; что бѣжить лошадь, а не порода....

Предвижу возраженія и возстанія противъ этой мысли; но продолжаю. Бѣжить лошадь, а не порода, потому что изъ ста лошадей, Орловскихъ и не-Орловскихъ, приготовляются къ бѣгу развѣ десять; остальные не приготовляются по причинѣ слабой рыси; а получаетъ призъ, изъ этихъ ста, одна. — Скаковое дѣло изслѣдовано и доведено до совершенства Англичанами, первыми мастерами по этой части; у нихъ ничего не дѣлается на угадъ, на авось и кое-какъ; у нихъ есть наука произведенія, воспитанія и приготовленія къ скачкѣ лошадей; они знаютъ лошадь на основаніи разумной теоріи; у нихъ тысячу опытовъ и наблюденій; тогда какъ въ рысистыхъ заводахъ мы видимъ большею частію невѣжество, преданіе, рутину и слѣпоту....

Если вы не совершенно убѣждены въ этомъ, то поѣзжайте, или лучше, ѣздите почаще на скоковой кругъ во время выдержки лошадей; поговорите съ ихъ владѣльцами, тренерами и жокеями и вы поймете—почему одну лошадь надобно потянуть, рысью или галопомъ; одной скакать двѣ версты, другой — четыре, тихо или быстро; почему у этой въ попонѣ только шея, а та во все безъ попонъ, или же вся закутана въ двѣ и три попоны; тогда вы убѣдитесь, что произведеніе и приготовленіе скаковой лошади есть наука и очень обширная. Можно прибавить даже, что одной науки, одного знанія и опыта, мало для выдержки лошади; нужна способность, талантъ, чтобы безошибочно приготовить ее къ скачкѣ; нужно видѣть то, чего не покажутъ исполнѣ ни теорія, ни опытъ; видѣть наприм. степень, до которой дошла лошадь, чтобы не передержать ее, не отягчить, сбечь ноги, не затупить ее, не уронить ея мораль.... Все это во

все не фантазія, но строгая правда, въ чемъ можно сослаться на Англичанъ, какъ на авторитетъ въ этомъ дѣлѣ. Выдерживать скаковую лошадь — тоже, что точить бритву, — говорить одинъ изъ коннозаводчиковъ; стоитъ только лишній разъ провести ея по оселку и бритва, доведенная до послѣдней степени остроты, уже начинаетъ тупѣть. Но мы, профаны, ничего этого не знаемъ и потому не цѣнимъ.

Въ англійскихъ кровныхъ лошадяхъ *скачетъ порода*; доказать это легко всѣми штут-бухами, англійскими и французскими, и скаковыми календарями; отъ первоклассныхъ жеребца и кобылы всегда выходили и выходятъ если не всѣ первоклассными скакунами, то непременно хорошими, недюжинными.

Очень многихъ рысистыхъ лошадей можно обогнать рысью на простой лошади, даже на короткомъ разстояніи; но обскатать кровную англійскую лошадь не возможно ни на какой другой, ни на дальней, ни на короткой дистанціи, начиная съ версты и хотя до семидесяти верстъ и больше. На все это есть положительныя, даже оффиціальныя доказательства.

Ясно ли вамъ теперь, почему мало у насъ скаковыхъ коннозаводчиковъ и почему у нихъ лошадей такъ много, что они не знаютъ куда дѣвать ихъ?

Стоя въ центрѣ круга, по которому водили лошадей, я замѣтилъ казачьяго урядника, не сводившаго глазъ съ скакуновъ.

«Что, братъ», спросилъ я его — «эти лошади-то не ваши? чета, этихъ не догонишь?» — Что мудренаго, ваше благородіе, что эти лошади обскатутъ нашихъ? Эта куца-то, чего стоитъ, — не бойсь пятьсотъ, али тысячу рублей; ну, такъ она и скачетъ; а нашъ-то братъ, глядишь заплатилъ за свою пятьдесятъ рублей; а у другого и вовсе доморощенная; такъ гдѣжь ей противъ этой?! — Вотъ своя, особая логика! Я сказалъ ему на это, кажется очень убѣдительно, что за этихъ лошадей оттого и платятъ по 500 и по 1000 рублей, что онѣ скачутъ, что онѣ этого стоятъ, а не потому скачутъ, что за нихъ столько заплатили. «Если бы твоя также скакала, да была бы такая же большая и красивая, то вѣдь и за твою дали бы столько же». — Далъ-бы? Что говорить, конечно дали-бы; да гдѣжь!... — «То-то и есть, оттого-то эти и стоятъ дорого, что онѣ хороши. Вѣдь и все такъ: заплати сколько хочешь за дрянъ, все будетъ дрянъ, я наприм. дамъ тебѣ за твою лошадь тысячу рублей, чтожь она такъ же будетъ скакать? Отчего ты даешь напр. за это сукно два руб. сереб. за аршинъ, оттого

что оно хорошо, не такъ ли?» — Такъ, ваше благородіе, извѣстно, оттого и даю.

Не знаю однако, убѣдился ли казакъ моими доводами. Удивительно, какъ трудно измѣнить убѣжденія, укоренившіяся въ ками! Въ Россіи, гдѣ лошади не отличаются быстротою, думаютъ, что рѣзве казачьей, черкесской и всякой степной азіатской лошади, нигдѣ и быть не можетъ, и до-сихъ-поръ никого, за малыми исключеніями, нельзя увѣрить, что англійскія скаковыя лошади быстрѣе и сильнѣе всѣхъ существующихъ лошадей, и казачьихъ, и калмыцкихъ, и черкесскихъ, не исключая и арабскихъ, «обгоняющихъ вѣтръ пустыни». Между тѣмъ постоянные примѣры должны бы были убѣдить въ томъ всякого. У насъ прежде всѣ были увѣрены, что на верстѣ, на двухъ верстахъ, англійская лошадь, большая и съ длинными ногами, можетъ быть обскачетъ степную, казачью, черкесскую и проч. «но—говорили,—пусть попробуютъ гг. Англичане поскакать съ нашими степными лошадьми верстъ 20, 30, тогда мы посмотримъ, гдѣ останутся англійскія лошади!» И вотъ назначили въ Лебедяни скачку въ 30 верстъ; изъ цѣлаго табуна калмыккаго князя выбрали лучшихъ скакуновъ, тоже, вѣроятно, обгонявшихъ вѣтръ пустыни; англійскихъ лошадей явилось двѣ, вовсе незначительныхъ *), и степные скакуны стали на двадцатой верстѣ!... Обѣ англійскія лошади прискакали благополучно и были потомъ даже въ заводѣ. Послѣ было нѣсколько такихъ скачекъ, конечно, съ такими же послѣдствіями; и не только англійскія кровныя, но даже полукровныя, вездѣ обскакивали степныхъ; но народъ, особенно казаки и даже высшее наше сословіе, до-сихъ-поръ убѣждены въ превосходствѣ своихъ лошадей. Програвшій пари, казакъ, калмыкъ или нашъ коннозаводчикъ, во все не увѣренъ, что лошадь его проиграла оттого, что она тупѣе и слабѣе англійской, но думаетъ, что Англичане *умляютъ* скакать, знаютъ какой-нибудь фокусъ, или что наши лошади не привыкли скакать по кругу.... Если иной въ душѣ и убѣжденъ въ истинѣ, то конечно никому этого не скажетъ, и такимъ образомъ поддерживается мнѣніе о превосходствѣ своихъ доморожденных лошадей.

У насъ даже не понимаютъ: на что нужны англійскія лошади? Думаютъ, что ихъ разводятъ для выигрышей, для призовъ; другіе воображаютъ, что скачки установлены для потѣхи

*) Что легко видѣть по скаковому календарю.

зрителей; а скачуть ради моды, какъ держать Арабовъ, левретокъ и проч. что скаковые заводы — забава, охота, а не дѣло.

Выгодно или невыгодно у насъ разводить англійскихъ кровныхъ лошадей — это другой вопросъ; теперь рѣчь о томъ, на что онѣ нужны? Въ самомъ дѣлѣ, не для призовъ-ли только, не для забавы-ли? — Даже не зная дѣла, нельзя такъ думать, потому что Англичане, Французы и Нѣмцы, люди практическіе и расчетливые, стараются разводить кровныхъ лошадей и покупають ихъ не для призовъ и забавы, но для *улучшенія своихъ заводовъ*. Публика наша, можетъ быть, не слыхала объ этомъ; но мы имѣемъ свойство оуждать то, чего не знаемъ или не понимаемъ; мы не знаемъ, какъ употребить въ заводѣ англійскую лошадь, чтобы она принесла пользу, не знаемъ, что отъ нея выдетъ, — вотъ она и не годится и разводятъ ихъ другіе совершенно напрасно. Наши коннозаводчики убѣждены, что какъ для верховой ѣзды, такъ и для упряжи, для извоза, для сохи, для охоты, лошади эти неспособны: онѣ горячи, неукротимы и вмѣстѣ нѣжны, не вынесутъ ни климата нашего, ни содержания, ни трудовъ. Такъ думаютъ и всѣ, и все это совершенно несправедливо! Во время крымской компаніи лошади англійской кавалеріи выносили всевозможные труды, лишенія и непогоды; а у нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ онѣ вынесли все не хуже казачьихъ и несравненно лучше ремонтныхъ и всякихъ заводскихъ; это фактъ, — любопытный для всѣхъ.

Еслибы кровныя лошади нашихъ заводовъ были такъ воспитаны какъ казачьи, то онѣ вынесли бы еще больше, потому что организація ихъ совершеннѣе. Воспитать же ихъ такимъ образомъ, какъ показываютъ нѣкоторые примѣры, очень можно. Если англійская кровная матка, пущенная въ табунъ на круглый годъ, не выдержитъ зимы донскихъ земель, то дѣти ея, рожденныя въ табунѣ, выдержать все точно также, какъ и казачьи лошади. У казаковъ, въ табунахъ, на всегдашнемъ подножномъ корму, лошадей падаетъ множество и, разумѣется, жеребенокъ, который вынесетъ всѣ непогоды и безкормицу суровой и снѣжной зимы, будетъ потомъ не сокрушимъ.

Чтоже касается дотого, что кровную англійскую лошадь мы не умѣемъ выѣздить, усмирить и сдѣлать покорною и годною на всякую службу, то виноваты въ этомъ не лошади. Наши заводчики кровныхъ лошадей ѣздятъ на нихъ и верхомъ, и въ тройкахъ, и въ каретахъ, и если не употребляютъ въ извозъ и соху, то это потому, что полукровныя для этого лучше и упо-

требляются у нихъ вездѣ. Профессоры въ коннозаводствѣ, Англичане, изъ *кровныхъ лошадей* составили разныя породы для всякаго назначенія: изъ нихъ составлены лошади для дилижансовъ, для каретъ, красивыя и сильныя (Кочгорсъ), для охоты (Гунтеры), для извозовъ и пр. и даже знаменитые «Элефанты», ростомъ и сложеніемъ дѣйствительно похожіе на молодыхъ слоновъ, произведены отъ тѣхъ же *кровныхъ лошадей*. Изъ этого мы должны убѣдиться покр. мѣрѣ въ томъ, что еслибы даже *англійскихъ кровныхъ лошадей* и нельзя было употреблять всюду, то онѣ улучшаютъ всякую породу лошадей, что онѣ — чистое, червошное золото: если оно не годится на всякое употребленіе, то примѣсь его улучшаетъ каждый металлъ.

Идеаломъ красоты лошади признается, совершенно справедливо, хорошая арабская лошадь (есть и дурныя лошади арабскія); къ этому идеалу конечно ближе всѣхъ подходятъ лошади *кровныя англійскія*; у нихъ такая же прямая голова, т. е. прямой профиль лба и носа, тотъ же большой глазъ и широкія ноздри, тонкая кожа и короткая шерсть, сухость ногъ и всего тѣла, малыя и крѣпкія копыта, отдѣлъ хвоста, — все это составляетъ отличительныя свойства той и другой породы; разница въ томъ, что *англійскія лошади* гораздо выше ростомъ, лбы у нихъ не такъ широки и уши больше. Скажутъ, что у *арабскихъ лошадей* ноги короче, станъ длиннѣе и круглѣе, шея красивѣе; но и между *англійскими* можно найти много лошадей такихъ же коротконогихъ и круглыхъ и лошадей съ превосходными шеями. Короче сказать, изъ *кровой лошади* можно произвести какую угодно лошадь — лишь бы умѣть за это взяться.

Но что сдѣлано у насъ изъ *рысистыхъ*?... Мы перепортили или почти всѣ заводы и уничтожили прежнихъ, старинныхъ, хорошихъ лошадей; такъ что теперь остается одна надежда — улучшить наши заводы лошадьми *кровными*. *Рысистыя* наши лошади, при весьма рѣдкихъ исключеніяхъ, некрасивы собою, часто даже безобразны; въ нихъ какъ въ *моськахъ*, *бульдогахъ*, *шотландскихъ терьерахъ*, и т. п. красота условная, принятая, головы у нихъ или верблюжьи, или свиныя; глазъ маленькій, съ вялымъ взглядомъ, ноздри небольшія, при большихъ губахъ, шея мясистая и рѣдко крутая; бока пашистые, задъ свислый или короткій и жирный, съ хвостомъ, какъ-будто приклееннымъ; ноги сырыя, отчего на нихъ дѣлаются *накопѣнники*, *пипки*, *наросты*, *подсѣды*, *мокрецы* и пр., копыта рыхлыя и большія. Въ *рысистой лошади* только масса и мясо. Гдѣ же идеалъ, гдѣ

арабская лошадь?... Узнаемъ ли мы ее въ рысистой, — хотя по атестатамъ, всѣ онѣ происходятъ отъ знаменитаго «Смолланин» гр. Орлова?... Но изъ лучшей пшеничной муки баба бралась испечь хлѣбъ, который былъ бы хуже ржаного.

Изъ рысистыхъ лошадей бѣгутъ, дѣйствительно рѣзво, очень немногія; остальные — бѣгутъ какъ всѣ; но большихъ разстояній онѣ пробѣжать быстро не могутъ; и если нѣкоторые изъ нихъ бѣжали десять, двѣнадцать верстъ (что очень немного) на приѣзъ, то и эти лошади имѣли въ себѣ, какъ извѣстно, англійскую кровь. Итакъ, собою онѣ некрасивы, даже нелѣпы, въ сравненіи съ идеаломъ лошади; бѣжать много не могутъ, — куда же годятся онѣ, кому бы, кажется, нужны были такія лошади? Онѣ нужны купцамъ, проѣхать отъ дому до «города», до гостиннаго двора, и потомъ выѣхать на бѣгъ, въ тележкѣ или на бѣговыхъ дрожкахъ; самому править, показать, что и у насъ есть рысакъ, почему знать — можетъ быть — и «призовой», и мечтать о приѣзѣ. Положимъ, что рысистая лошадь удовлетворяетъ вкусу и требованіямъ купцовъ; у нихъ, какъ и въ Китаѣ, есть свой идеалъ красоты, — лошади, женщины и вообще во многомъ — свой особый вкусъ; но удивительно то, что за купцами и наши господа, тоже, начали ѣздить на рысистыхъ лошадяхъ! Если имъ необходимо перенявать, то почему бы и въ этомъ случаѣ не взять моду у Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ, — у которыхъ есть свои каретныя и одиночныя лошади, не нашей рысистой породы, но лошади сильныя, сносныя и красивыя?

Графъ Орловъ, принесъ пользу нашему коннозаводству выписываніемъ отличныхъ арабскихъ и англійскихъ лошадей *), сдѣлалъ виѣстѣ, неволью, и большой вредъ. Живя въ Москвѣ, онъ соблазнилъ здѣшнихъ купцовъ своими рысаками (дѣйствительно прекрасными); купцы стали наперерывъ покупать ихъ, за купцами послѣдовали господа и заводчики, видя отличный сбытъ этихъ лошадей, начали готовить рысаковъ; многіе изъ нихъ покупали и мѣшали ихъ безъ толку, безъ знанія и соображенія, и наконецъ перепортили ими почти всѣ наши заводы **).

Лошадей прежнихъ нашихъ заводовъ уже нѣтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, найти ихъ очень трудно; а между тѣмъ въ старые годы были у насъ, и въ каретахъ и въ гвардіи, лошади превосходныя; мы еще помнимъ ихъ; въ нихъ не было ни капли ры-

*) У него въ заводѣ были, между прочимъ, и дѣти Эклипса.

**) Исключенія есть, но очень мало.

систой крови, онѣ были красивы, сносны, и не уступали въ ростѣ нынѣшнимъ. Тогда тоже была мода, но мода на хорошихъ лошадей...

Вотъ раздался звонокъ; повели сѣдлатъ лошадей. Публика ждетъ съ нетерпѣніемъ представленія; у всѣхъ въ рукахъ афишки, со всѣхъ сторонъ слышатся сужденія о лошадяхъ, жокеяхъ, — какія-то ребяческія сужденія, отъ которыхъ знающій дѣло невольно вертится на своемъ стулѣ*). Но публика не виновата, ей негдѣ почерпнуть другихъ сужденій.

Первый день скачекъ, 7-го іюня.

Въ афишѣ напечатано:

1-я Императорскій призь для жер. и коб. 4-хъ л. 900 р. сер. и для второй лошади изъ суммъ коннозаводства 200 р. с. *Дистанція 3 верст.* съ нормальной скоростью 4 мин. 30 сек. Вѣсъ на жер. 3 п. 20 ф., на коб. 3 п. 15 ф.

Записаны въ скачку лошади:

1) Д. П. Салтыкова, карак. жер. *Витязь* отъ Генріада и Фероны. Камзолъ розовый, картузь черный: ѣздокъ *Фордъ*.

2) К. И. Карачарова гн. коб. *Армада* отъ Бряво и Аталанты. Камзолъ и картузь черные, рукава оранжевые, ѣзд. *Терешкинъ*.

3) Кн. П. В. Голицына кар. жер. *Арзасъ* отъ Галантуса и Альвы. Камзолъ синій, рукава бѣлые, картузь малиновой, ѣздокъ *Диксонъ*.

4) Н. П. Петровскаго сѣр. жер. *Вѣстунъ* отъ Сигнала и Вѣсти. Камзолъ желтый, картузь черный, ѣзд. *Оксвилъ*.

Начало въ 6 час. 30 мин. пополудни.

Жокеи выѣхали, нарядные, пестрые; долго тянулись разныя приготовленія, публика ждала съ нетерпѣніемъ; наконецъ тронулись, поскакали.

Вѣстунъ бросился впередъ во весь махъ; видно было, что онъ несетъ: такъ шелъ онъ около версты, покамѣстъ ѣздокъ успѣлъ умѣрить его огонь; но силы лошади должны были отъ этого ослабѣть. Арзасъ былъ сзади, довольно далеко и шелъ такъ до флажной бесѣдки; здѣсь онъ обогналъ всѣхъ, скоро и легко; за нимъ скакалъ Витязь, уже обошедшій Вѣстуну. ѣздокъ его, Фордъ, употребилъ и шпоры и поводья и хлысть; но Арзасъ безъ всякаго принужденія пришелъ на полъ-корпуса впереди.

*) Одна дама увѣряла своихъ пріятельницъ, что скачетъ только пять или шесть лошадей на всѣхъ скачкахъ; другая спрашивала сосѣда: — что это все рысые лошади скачутъ? Правда, что все это говорили дамы; но англійскія дамы не скажутъ ничего подобнаго.

Вѣстунъ остался сажень на десять за ними. Арзасъ и Витязь — соперники съ прошлаго года; они нѣсколько разъ скакали вмѣстѣ и хотя Витязь постоянно приходилъ вторымъ и почти рядомъ съ Арзасомъ, его однако нельзя считать лошадей равною съ первымъ; потому что Арзаса никогда не понуждали, а Витязя очень сильно.

Многіе охотники утверждали, что Вѣстуну надобно было вести еще быстрѣе, чтобы измучить Арзаса; но это только предположеніе и, кажется, очень невѣрное: такихъ лошадей, какъ Арзасъ, не легко обскакать. Скакали 3 мин. 56 сек.

2-я скачка.

Призъ изъ суммъ коннозаводскаго вѣдомства, для жер. и коб. 5-ти лѣтъ 900 р. сер., изъ конхъ 2-й лошади 200 р. сер. *Дистанція 4 верст. 100 саж.* съ норм. скор. 7 мин. 43 сек., вѣсъ на жер. 3 п. 20. ф., на коб. 3 п. 15 ф.

Записаны лошади:

1) Н. М. Пашкова гн. жер. *Бльково*, отъ Айтуріэля и Діаны. Камзолъ и картузъ красные, рукава синіе, ѣзд. *Гецъ*.

2) Кн. П. В. Голицына кар. коб. *Леди-Флай* отъ Флайнъ-Дочмана и Леди-Луизы. Камзолъ синій, рукава бѣлые, картузъ малиновый, ѣзд. *Диксонъ*.

3) Н. П. Петровскаго, сѣр. жер. *Влцій* отъ Сигнала и Вѣсти. Камзолъ желтый, картузъ черный, ѣзд. *Оксвилъ*.

4) А. Ѡ. Мосолова гн. жер. *Каламбуръ* отъ Генріада и Загадки. Камзолъ голубой, рукава бѣлые, картузъ черный, ѣздокъ *Я. Вудъ*.

5) П. П. Воейкова гн. коб. *Газета* отъ Вайнота и Гитары. Камзолъ зеленый, переполосье и картузъ желтые, ѣзд. *Робертъ*.

Скакали 5 мин. 37 сек.

Многіе держали пари за *Бльково*, другіе за *Леди-Флай*; первые основывались на прошлогодней скачкѣ лошади, вторые на происхожденіи отъ Флайнъ-Дочмана, перваго въ свое время скакуна въ Англій. Диксонъ, на Леди-Флай, пошелъ сзади всѣхъ, Каламбуръ — впереди; на третьей верстѣ Оксвилъ началъ прибавлять ходу, обошелъ многихъ, легко, и на половинѣ послѣдняго круга началъ спорить съ Каламбуромъ, то догоняя его, то отставая. У флажной бѣсѣдки, рядомъ съ ними явился незамѣтно Диксонъ на Леди-Флай, и Леди-Флай и Влцій, далеко оставивъ за собою другихъ, пришли почти рядомъ. Влцій былъ сзади меньше нежели на корпустъ.

3-я Скачка.

Призь Петровскій: И. П. Петровскаго 500 р., Н. М. Пашкова 500 р. и А. Ф. Ал. Столыпина 100 р. данный съ 1853 г. на 10 лѣтъ, для лошадей 3-хъ лѣтъ, рожденныхъ въ Россіи и за границую, всѣхъ породъ. Дистанція 2 верст. 133 саж. Вѣсъ на жер. 3 п. 15 ф., на коб. 3 п. 10 ф. Подписка отъ каждой лошади (коихъ число, принадлежащее одному владѣльцу не ограничивается) по 100 р. сер. Неустойки 25 р. сер., которая взносится при запискѣ. Срокъ закрытія подписки въ послѣдній день московскихъ скачекъ и проч. *).

Записаны лошади:

1) Г. Пашкова ворон. коб. *Дафне* отъ Юріэля и Десдемоны, ѣзд. *Гецъ*.

2) Салтыкова кор. коб. *Клара* отъ Чантиклира и матери *Кларисы*, ѣзд. *Эльвайнсъ*.

3) О. О. Мосолова гн. коб. *Бозіо* отъ Генріада и Жизель, ѣзд. *Доккери*.

4) П. В. Голицына гн. коб. *Минерва* отъ Галантуса и Мери, ѣзд. *Диксонъ*.

5) А. О. Мосолова гн. жер. *Каптенъ-Кандитъ* отъ Ратника и Раппры, ѣзд. *Я. Вудъ*.

Призы «Петровскій» и «Пашковскій» (въ Тугѣ) самые значительные и доходятъ по разнымъ расчетамъ до 2-хъ и болѣе тысячъ рублей сер. Сюда записываютъ скакать лошадей отъ лучшихъ жеребцовъ и матокъ (записанныхъ за 3 года, т. е. до рожденія жеребятъ) и лошадь, выигравшая этотъ призъ, считается одною изъ лучшихъ трехлѣтковъ; кровная порода обманывается рѣдко. Изъ множества лошадей, записанныхъ на этотъ призъ, явилось только пять. Всѣхъ повелъ за собою Эльвайнсъ на Кларѣ; за полверсты до выигрышнаго столба его началъ догонять Каптенъ-Кандитъ; поводья, шпоры и наконецъ хлысть употреблены были въ дѣло; но Клара выиграла легко, безъ малѣйшаго принужденія, оставивъ за собою Кандида на корпусъ. Скакали 2 мин. 55 сек. Такимъ образомъ теперь за Кларомъ утверждена репутація отличнаго, первокласснаго скакуна.

Послѣ скачки я пошелъ на маленькій кругъ, чтобы видѣть лошадей послѣ скачки; это очень любопытно для всякаго, не говоря о любителяхъ и художникахъ. Что за прелесть, какое совершенство красоты животнаго! Тонкая кожа, сквозь которую

*) Особыя условія этой скачки можно видѣть въ афишахъ.

видна сѣтъ жпгъ, блестящая, лоснящаяся шерсть, выпуклость, ясность и игра мускуловъ при движеніи, огонь въ глазахъ, широкія ноздри, раскрытыя отъ усиленнаго дыханія; легкость и грація движеній, ноги какъ-будто выточенные изъ металла, — все это вмѣстѣ составляетъ истинный идеалъ лошади и должно восхитить всякого, кому доступно чувство изящнаго. Но рысистые охотники равнодушно и даже съ насмѣшкою смотрятъ на «поджарыхъ» и «сухопарыхъ» лошадей; у нихъ другой идеалъ красоты; и у Китайцевъ тоже свои понятія о красотѣ, Аполлонъ бельведерскій и Венера Медичи имъ вѣроятно не понравятся.

Второй день скачекъ 10-го июня.

1-я) Призъ, учрежденный обществомъ въ память кн. Д. В. Голлицына, 1,000 р. с. изъ нихъ 2-й лошади 200 р. с. для жеребца и кобылы не моложе 4-хъ лѣтъ; дист. 6 верст. вѣсъ на жер. 4-хъ л. 3 п. 10 ф. 5-ти 3 п. 20 ф. 6-ти 3 п. 26 ф. 7-ми л. и старѣе 3 п. 30 ф. на коб. 4 ф. меньше. Лошади, рожденные въ Англии, допускаются.

Записаны лошади:

1) П. П. Воейкова рыж. ж. *Сатурнъ*, отъ Непира и Стразы, 7-ми л., вѣд. *Робертъ*.

2) И. П. Петровскаго рыж. ж. *Ларчикъ*, отъ Сигнала и Лоттерея, 8 л., вѣд. *О. Дей*.

3) Кн. Д. П. Салтыкова гн. к. *Баллада* отъ Непира и Бодрой, 6 л. вѣд. *Фордъ*.

4) А. О. Мосолова гн. к. *Фейеръ-Флай*, отъ Лондона и Легенды, вѣд. *Я. Вудъ*.

Сатурнъ, *Ларчикъ* и *Баллада*, пзвѣстные лошади, выигрывавшія по нѣскольку разъ; особенно *Сатурнъ*, который бывши у г. Ладыженскаго, не зналъ себѣ соперниковъ. Съ этою знаменитою лошадию поступлено было какъ съ курпцею, которая несла золотыя яйца; два года мучили его до послѣдней степени; на немъ скакали вездѣ, гдѣ онъ только могъ скакать по своимъ лѣтамъ; съ «перескачками» ему приходилось скакать по 10-ти и по 12-ти верстѣ. Онъ не разу не проигралъ *); но съ тѣхъ поръ уже не можетъ поправиться и скачетъ какъ дюжинная скаковая лошадь. За него уже никто не держалъ пари, всѣ только сожалѣли о падшей его славѣ. *Ларчикъ* тоже страдалъ ногами, какъ многія скаковыя лошади послѣ сильной работы; стало быть

*) Кромѣ одного раза, по оплошности вѣдока, который остановилъ его у выигрышнаго столба и далъ время второй лошади подойти и обойти его.

выиграть должна была Балладона, теперь одна изъ первых скаковыхъ лошадей въ Россіи. Она и выиграла очень легко. Ларчикъ отсталъ и захромалъ на обѣ переднія ноги; Фейеръ-Флай осталась за флагомъ; Сатурна же понуждали и шпорами и хлыстомъ, но Сатурнъ, непобѣдимый Сатурнъ, отсталъ на двѣ лошади! Sic transit gloria....

Ск. 8 минутъ — въ 1 м. 20 сек. версту.

2-я) Закладъ по 300 р. с. неустойки 100 р. с. накануне скачки. Скакать въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ въ 1859 году во время московскихъ скачекъ. *Дистанція* 2 вер. 100 саж. Вѣсъ 3 п. 16 ф.

Записаны лошади:

1) Кн. Д. П. Салтыкова гн. к. *Пакрета* отъ Антика и Невелики, ѣзд. *Фордъ*.

2) А. А. Сапожникова, ворон. коб. *Ночка* отъ Немира и Наслѣдницы, ѣзд. *Диксонъ*. Камз. и корт. бѣлые.

Ночка, очень хорошенькая собою лошадь, но небольшая ростомъ, подверглась насмѣшкамъ нѣкоторыхъ знатоковъ, особенно за свою шерсть, потому что вороныхъ лошадей почти не бываетъ между кровными скакунами; шерсть эта считается признакомъ нечистой скаковой породы. Всѣ были увѣрены, что возьметъ закладъ Пакрета. Ночка поскакала однако впереди; но довольно тихо и вяло; на 2-й верстѣ Пакрета догнала ее, шла у нея на пятахъ, или какъ говорятъ на хвостѣ, легко и свободно; многіе кричали, что она затопчетъ Ночку. Пакрета сравнялась съ нею; обѣ полетѣли быстрѣе и быстрѣе, Ночка однако не отстаетъ; напротивъ, публика видитъ еще вдали какъ Фордъ побуждаетъ Пакрету; всѣ видятъ наконецъ, съ удивленіемъ, что Ночка скачетъ впереди, свободно и даже на поводьяхъ. Она выиграла корпуса на два и охотники до рысистыхъ лошадей громко кричали — ура! Ночка принадлежитъ г. Сапожникову. Скакали 3 м. 12 сек.

3-я) Призъ общества въ 300 р. с. *для продажныхъ лошадей*, *дистанція* 2 в. 100 саж. Вѣсъ на жер. 3 л. 2 п. 35 ф., 4 л. 3 п. 16 ф., 5-ти 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 36 ф., на коб. 4 ф. меньше. Лошадь продается за 600 р. с.; лошадь же, которая будетъ нести 5-ю ф. меньше опредѣленнаго вѣса продается за 500 р. с. 10-ю ф. меньше — за 400 р. 15-ю за 300 р. сер. 20-ю 200 р. с. Всякій имѣетъ право покупать выигравшую лошадь, въ теченіи получаса; если явится нѣсколько покушниковъ, то она продается съ аукціона и лишнія сверхъ объявленной цѣны деньги поступаютъ въ кассу общества.

Записаны лошади:

1) П. П. Воейкова, гн. ж. *Артистъ*, отъ Вайнота и Алины, 5 л., вѣсъ 3 п. 21 ф., цѣна 500 р., ѣзд. *Робертъ*.

2) Н. М. Пашкова вор. коб. *Гетманша* отъ Гетманы и Хоховесы, 5 л., 3 п. 2 ф., 200 р.; ѣзд. *Эльвайнсъ*.

3) И. П. Петровскаго, сѣр. коб. *Альзира*, отъ Актера и Прайамъ-меръ, 6 л., 3 п. 18 ф., 400 р. с., ѣзд. *Оксвилъ*

Альзира и особенно Гетманша, очень хорошия собою лошади; у Гетманши прекрасная голова и шея; но Артистъ некрасивъ и не обѣщала ничего. Скачка была быстрая, особенно въ началѣ; Альзира шла впереди и пришла впереди, очень легко; за нею Гетманша, саженьяхъ въ шести и съ сильнымъ побужденіемъ. Скакали 2 м. 49 сек. Альзира куплена г. Катеневымъ за 400 руб. сер.

Третій день скачекъ, 12 іюня.

1-я) Императорскій призъ для жер. и коб. 4, 5, и болѣе лѣтъ и для коб. 4 и 5 л. Для заграничныхъ лошадей немоложе 4-хъ л. 900 р. с. и для второй лошади изъ суммъ конно-заводства 200 р. с. *Дистанція* 4 в. съ норм. скор. 6 м. 24 сек. Вѣсъ на жер. 4 л. 3 п. 16 ф., 5 л. 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. 3 п. 36 ф. на коб. 5-ю ф. меньше. На лошадей заграничныхъ вѣсъ тотъ-же. Старше 7-ми лѣтъ несутъ вѣсъ семилѣтній.

Записаны лошади:

1) Кн. П. В. Голицына гн. к. *Альма* отъ Галактуса и Альвы, 5 л., ѣзд. *Диксонъ*

2) И. П. Петровскаго сѣр. ж. *Влццй* отъ Сигнала и Вѣсти, 5 л., ѣзд. *Оксвилъ*.

3) О. О. Мосолова гн. ж. *Капканъ*, отъ Чудо и Небылицы, 6 л., ѣзд. *Доккери*.

4) П. П. Воейкова кар. ж. *Армяникъ*, отъ Вайнота и Армиды, 5 л., ѣзд. *Робертъ*.

5) Кн. Д. П. Салтыкова гн. ж. *Прайамъ* отъ Войнота и Пенелопы, 6 л., ѣзд. *Фордъ*.

6) А. О. Мосолова гн. ж. *Страусъ*, отъ Лондона и Леры, 6 л., ѣзд. *О. Дей*.

Страусъ, Капканъ и Альма извѣстныя лошади; остальнымъ тяжело было состязаться съ ними. Страусъ и Капканъ быстро пошли впереди; на первыхъ двухъ верстахъ всѣ лошади были свѣжи и рвались впередъ. Иные держали пари за Страуса, другіе за Альму или за Капкана. На послѣднемъ поворотѣ Капканъ пошелъ рядомъ съ Страусомъ, но видно было, что Доккери по-

нуждалъ Капкана, а Дей сидѣлъ смирно; оба пришли почти рядомъ, но Капканъ съ сильными побужденіями. Страусъ выигралъ на лошадей. Заними пришла Альма, потомъ Вѣщій, и пр. Скакали 5 м. 12½ сек.

2-я) Призъ общества, 300 р. с. для жеребцъ и коб. 3-хъ лѣтъ. *Дистанція* 1½ версты. Вѣсъ на жер. 3 п. 14 ф., на коб. 3 п. 10 ф.

Записаны лошади:

1) Кн. П. В. Голицына, рыж. коб. *Донна-Анна* отъ Галантуса и Декораци, вѣд. *Диксонъ*.

2) И. П. Петровскаго, гн. жер. *Лисень* отъ Генріада и Любы, вѣд. *Оксиль*.

3) Кн. Д. П. Салтыкова рыж. к. *Весна* отъ Юнгъ-Аргуса и Волги, вѣд. *Эльвайнсъ*.

4) А. А. Марка гн. к. *Интрига* отъ Антика и Индустри, вѣд. *Докери*.

5) А. О. Мосолова т. гн. ж. *Налимъ* отъ Генріады и Проблемы, вѣд. *Я. Вудъ*.

Налимъ быстро повелъ всѣхъ за собою; прочія попеременно обгоняли другъ друга и Весна напрасно старалась догнать Налима, — онъ шелъ необыкновенно легко, свободно, какъ-будто большимъ галопомъ; отъ флажной бесѣдки Интрига обошла Весну; Докери началъ хлыстать Интригу, но, не смотря на это, она осталась лошади на двѣ, Налимъ получилъ репутацію хорошаго скакуна. Скакали 1 м. 57 сек. (1 м. 18½ сек. версту).

3-я) Призъ общества для коб. 3-хъ лѣтъ, 500 р. с. съ подпискою по 50 р. с., неустойка половина за годъ впередъ, при запискѣ во время июньскихъ засѣданій общества. *Дистанц. 2 с. 100 саж.* вѣсъ 3 п. 14 ф. число скачущихъ лошадей одного владельца не ограничивается. Лошади рожденныя за границею допускаются съ вѣсомъ 3 п. 21 ф. (17 подписчиковъ), подписка закрыта въ послѣдній день июньскихъ засѣданій 1858 г.

Записаны лошади:

1) А. А. Саножникова вор. к. *Ночка* отъ Немира и Наслѣдницы, вѣд. *Диксонъ*.

2) Кн. Д. П. Салтыкова сѣр. *Рольми* отъ Сигнала и Реджіи, вѣд. *Фордъ*.

3) И. П. Петровскаго гн. *Ланша*, отъ Гранита и Лизы, вѣд. *Оксиль*.

4) П. П. Воейкова, гн. *Весталка*, отъ Карактакоса и Инврументъ, вѣд. *Робертъ*.

5) Н. М. Пашкова гн. *Досилити*, отъ Юріэля и Діаны, Ызд. *Гець*.

6) А. Ѳ. Мосолова ворон. *Джипси*, отъ Генріада и Гиппоны, Ызд. *Я Вудъ*,

Многіе держали пари уже за Ночку; другіе, знакомые съ тренерами и Англичанами, за Джипси, которая, какъ говорили, обскакиваетъ лучшихъ трехлѣтковъ; держали наконецъ пари за Рояльти, какъ дочь Сигнала, извѣстнаго заводскаго жеребца.

Джипси пошла впереди; Рояльти, видная издали своею красною шерстью (свѣтло-сѣрая въ яблокахъ), на второй верстѣ быстро начала обгонять одну, другую третью лошадь; но еще раньше ее Лапша, какъ-то незамѣтно, догнала Джипси и уже скакала у ея хвоста. Рояльти не догнала ихъ, но все больше и больше отставала, потому что Джипси прибавляла бѣгу. На послѣднемъ поворотѣ Вудъ началъ понукать Джипси; между тѣмъ онъ былъ еще впереди на полъ лошади; но къ удивленію всѣхъ Оксвиль на своей Лапшѣ скакалъ почти рядомъ съ нимъ и — крѣпко держалъ ее! Такъ доскакалъ онъ близко, очень близко, саж. за десять отъ выиграшнаго столба; публика была въ недоумѣніи... Но едва Оксвиль далъ волю, даже не шевеля поводьями, Лапша въ три маха была уже впереди и уже у выиграшнаго столба. Оксвиль выигралъ щегольски, блистательно, даже какъ-будто съ насмѣшкою надъ соперникамъ; такъ во время славы своей обскакивалъ Сатурнъ. Лапша сбила всѣхъ съ толку; никто не ожидалъ отъ нея такой прыти, никто не обратилъ и вниманія на нее, когда она, въ числѣ другихъ, выѣхала на кругъ. Теперь всѣ бросились смотрѣть на побѣдительницу Джипси и нашли, что лошади съ такимъ складомъ нельзя не скакать; что у нея необыкновенно развиты задъ, передъ легокъ, а ноги толсты, крѣпки, на короткихъ бабкахъ, какъ у Сатурна, одно слово похвалямъ не было конца. Между тѣмъ лошадь эта очень невелика и не отличается красотой. Ее стали считать *первымъ трехлѣткомъ* за эту славную побѣду.

Скакали 2 м. 47 сек., 1 м. 16 сек. съ дробью версту.

Четвертый день скачекъ, 14 іюня.

1-я) Императорскій призъ для жер. и коб. *не моложе 4 лѣтъ* 1000 р. с. и для второй лошади изъ суммъ Коннозаводства 200 р. сер., *Дист. 3 верстъ*, съ норм. скор. 10 м. 20 сек. Вѣсъ, на жер. 4 л. 3 п. 9 ф., 5 л. 3 п. 19 ф., 6 л. 3 п. 25 ф., 7 л. и больше 3 п. 28 ф. на коб. 4 ф. меньше.

Записаны лошади:

1) К. П. Карачарова, рыж. коб. Баркароль, отъ Женераль-Шассе и Вижконъ, 6 л., Ъзд. Терешкинъ.

2) Кн. Д. П. Салтыкова, гн. к. Баллада, отъ Немира и Бодрой, 6 л., Ъзд. Фордъ.

3) Н. П. Петровскаго, сѣр. жер. Караулъ, отъ Сальви и Кашипы, 4 л., Ъзд. Оксиль.

4) А. Ѳ. Мосолова, гн. ж. Сарказмъ, отъ Рубини и Газеты, 9 л., Ъзд. Я. Вудъ.

Никто не сомнѣвался, что Баллада или Сарказмъ возьметъ призъ; удивлялись только какимъ образомъ съ такими лошадьми записана четырехлѣтняя, Караулъ, и притомъ на 6 верстъ. Ожидали скачку интересную, потому что Сарказмъ хотя и 9 лѣтъ, но еще свѣжъ, а Баллада скакала 6 верстъ, поэтому между ними бой почти ровный. Баллада быстро понеслась впередъ, не смотря на предстоявшія ей 6 верстъ и проскакала ихъ однимъ аллюромъ, какъ машина! Всѣ скакали далеко за нею, въ 10 и 15 саженьяхъ. На послѣдней верстѣ Караулъ нѣсколько приблизился къ ней, потомъ стали его обгонять Сарказмъ и Баркароль; эти обѣ пошли рядомъ, съ поводьями, шпорами; но Баллада все была на томъ же разстоянн, даже дальше въ 15 или въ 20 саженьяхъ. Споръ шелъ только о томъ, кому придти вторымъ и споръ былъ самый горячій, съ хлыстами и шпорами; обѣ пришли почти рядомъ, Баркароль впереди на полъ лошади. А прекрасная Баллада, не смотря на огромное разстоянне, отдѣлявшее ее отъ всѣхъ, не укоротила бѣга и пришла во весь махъ, со всѣмъ усердїемъ.

Баллада принадлежитъ къ числу трехъ или четырехъ первыхъ скакуновъ въ Россіи; трехъ лѣтъ она выиграла пашковскій призъ и потомъ выиграла ихъ много; по отцу она сестра Сатурна, сложена также крѣпко и даже манерою скачки нѣсколько на его похожа; но она большая и красивая лошадь, а знаменитый Сатурнъ только-что не безобразенъ. Скак. 8 м. 4 сек.

2-я) Призъ изъ суммъ Коннозаводства для жер. и коб. 4 л. 900 р. с. изъ коихъ 2 лошади 200 р. с. съ норм. скор. 2 м. 56 сек. Вѣсъ на ж. 3 п. 20 ф. на коб. 3 п. 15 ф. Дистанц. 2 вер. 100 саж.

Записаны лошади:

1) К. И. Карачарова гн. к. Армада, отъ Браво и Аталанты, Ъзд. Терешкинъ.

2) И. П. Петровскаго сѣр. ж. Вѣстунъ, отъ Сигнала и Вѣсти, Ъзд. Оксиль.

3) Кн. Е. В. Голицына кар. ж. *Арзась*, отъ Галантуса и Альвы, ѣзд. *Диксонъ*.

На кругъ явился опять красавецъ Арзась и долго рисовался передъ глазами публики, играя съ человѣкомъ, который водилъ его; то хотѣлось ему оборвать поводъ и онъ, привставъ на задніе ноги, старался передними зацѣпить его, то намѣревался укунить ѣздока, который подошелъ къ нему; но онъ не сердился, а игралъ: едва ѣздокъ вставилъ ногу въ стремя, Арзась вытянулся, какъ бы приглашая его сѣсть, и потомъ тихо и скромно пошелъ шагомъ. Не смотря на сильную выдержку, онъ покрытъ былъ бѣлою пѣною, столько огня въ его температурѣ! Вѣстунъ тоже очень хорошая лошадь, и по статямъ, и по скачкѣ; онъ шибко повелъ за собою Арзаса, котораго Оксвилъ думалъ утомить; но на послѣднемъ поворотѣ Арзась догналъ его и пошелъ съ нимъ рядомъ; Оксвилъ еще надѣялся, ударилъ Вѣстуну, но въ это время Диксонъ далъ волю Арзасу и въ два маха былъ уже впереди, на полъ-лошади, у столба. Армида осталась далеко сзади. Такимъ образомъ до-сихъ-поръ Арзась ни разу не былъ побѣжденъ, чего ему всѣ желаютъ и впредь,—вотъ что значитъ наружность! Скак. 2 м. 45½ сек.

3-я) Подписка (продіусъ) на 10 лѣтъ (съ 1853 г.). Къ сему выдается 600 р. с. (отъ гг. К. Голицыныхъ, Столыпина и Пашкова по 150 р. с.). Скакать въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ въ 4-й день московск. скачекъ. Подписка по 75 р. неустойки 25 р. (Деньги взносятся: при запискѣ матокъ 10 р., при объявленіи приплода—15 р. и съ каждой скачущей лошади 50 р. с.). *Дистанція 1½ вер.* Вѣсъ на жер. 3 п. 14 ф. на коб. 3 п. 10 ф. Числю скачущихъ лошадей одного владѣльца не ограничивается. Если будетъ записано 30 матокъ и болѣе, то вторая лошадь получаетъ 150 р. а третья свою подписку т. е. 75 р. с. Если 40 матокъ и болѣе, то второй выдается 200 р. с., а третьей 100 р. с. Еслиже будетъ записано меньше 30 матокъ, то призъ не выдается, а присоединяется къ призу слѣдующаго года; лошади же скачутъ на свои подписки (24 подписчика).

Записаны лошади:

- 1) Кн. Д. П. Салтыкова сѣр. к. *Ролъти* отъ Сигнала и Реджиа, ѣзд. *Эльвайнъ*.
- 2) П. П. Воейкова гн. к. *Весталка* отъ Карактакоса и Газеты, ѣзд. *Робертъ*.
- 3) Кн. П. В. Голицына гн. к. *Минерва* отъ Галантуса и Мери, ѣзд. *Диксонъ*.

Рояльти, уже знакомая публикѣ, особенно по своей красивой шерсти, къ которой такъ идетъ «серизовый» камзолъ (какъ говорятъ дамы) жокея, Весталка и Минерва, — всѣ три хорошия и красивыя лошади. Рояльти, послѣ нѣсколькихъ саженъ, быстро обошла соперницъ и вела ихъ до послѣдняго поворота; здѣсь начала съ нею спорить Минерва, спорила горячо, т. е. съ обѣихъ сторонъ были въ дѣлѣ и хлысты и шиоры, — что конечно очень занимаетъ зрителей. Рояльти выиграла на лошадь, даже нѣсколько меньше. Здѣсь кровь Сигнала не уронила себя. Скакали 1 м. 55 сек.

Пятый день скачекъ, 17 Юня.

1-я) Императорскій призъ для жереб. и коб. не моложе 4 лѣтъ съ формами верховыхъ, 1200 р. с., изъ конхъ 200 р. заводчику, гдѣ родилась выигравшая лошадь и 200 р. второй лошади. *Дистанция 5 верстъ* съ норм. скор. 9 мин. Въсь на жер. 4 л. 3 п. 16 ф., 5 л. 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. 3 п. 36 ф. на коб. 5 ф. меньше; лошади допускаются всѣхъ породъ, по балотированію.

Записаны лошади:

- 1) Кн. П. В. Голицына рыж. ж. *Докторъ-Бартоло*, отъ Галантуса и Декораціи, 5 л., ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) К. П. Карачарова рыж. коб. *Баркароль*, отъ Женеераль Шассе и Вижконъ, 6 л., ѣзд. *Терешкинъ*.
- 3) Кн. Д. П. Салтыкова, ги. ж. *Прайамъ* отъ Вайнота и Пенелопы, 6 л., ѣзд. *Фордъ*.
- 4) И. П. Петровскаго, рыж. к. *Цапля*, отъ Сигнала и Центурии, 6 л., ѣзд. *Оксвилъ*.

Еще съ утра, въ извѣстныхъ кругахъ публики, были споры о томъ, кто возьметъ призъ, — Цапля или Д. Бартоло? потому что обѣ лошади извѣстныя, первоклассныя. На маленькомъ кругу, до скачки, Англичане, тренеры и разные дилетанты увѣрили, что Д. Бартоло испорченъ, измученъ и Цапля легко возьметъ призъ; имъ возражали, что она лошадь нервная и часто проигрывала лошадямъ хуже ея; короче сказать, скачка эта производила сильное движеніе заранѣе, какъ въ парламентѣ будущая рѣчь лорда такого-то. О другихъ лошадяхъ никто и не упоминалъ, не смотря на то, что Баркароль отъ Женеераль Шассе, и очень хорошая лошадь.

Баркароль пошла впереди; Цапля сзади всѣхъ и такъ проскакали они кругъ и другой; зрители ждали съ нетерпѣніемъ перемены порядка; наконецъ, на послѣдней верстѣ, Прайамъ бы-

стро обогналъ Баркароль и пошелъ впереди; скоро приблизилась къ нему Цапля и оба начали отдѣляться отъ другикъ, все дальше и дальше; а Бартоло, знаменитый Бартоло, отставалъ! Сравнявшись съ Праймомъ на поворотѣ, Цапля пошла съ нимъ рядомъ; но она шла легко, безъ малѣйшаго принужденія, а Прайма сильно понуждали всеми средствами. Только за нѣсколько сажень до выигр. столба Оксвилъ далъ ей волю и она быстро, въ три прыжка, обошла Прайма. За ними, далеко, пришла Баркароль и потомъ Д. Бартоло. Какіе-то любители кричали Цаплѣ ура! и потомъ говорили, что поздравляли тренера г. Петровскаго, *Гагрилу Чикана*, который ее выдерживалъ; она и Лапша составили ему отличную репутацію. Скакали 6 м. 48 сек.

2-я) Призъ общества для жер. и коб. 3-хъ л. 500 р. с. съ подпискою по 50 р. с. Неустойки половина за годъ впередъ, при запискѣ лошадей во время июньскихъ засѣданій общества, остальные деньги вносятся наканунѣ скачки. Дистанція 2 в. 100 саж. Вѣсъ на жереб. 3 п. 14 ф. на коб. 3 п. 10 ф. Число лошадей одного владѣльца не ограничивается (16 подписчиковъ).

Записаны лошади:

- 1) Ки. Д. П. Салтыкова гн. ж. *Нобль* отъ Юнгъ-Аргуса и Наборнъ, фзд. *Фордъ*.
- 2) А. Θ. Мосолова гн. ж. *Каптон-Кандидъ* отъ Ратника и Раширы, фзд. *Оксвилъ*.
- 3) Его же, т. гн. ж. *Налимъ*, отъ Генриада и Проблемы, фзд. *Я. Вудъ*.

Нобль быстро пошелъ впереди; за нимъ Налимъ. Перевѣсъ былъ на сторонѣ г. Мосолова, который своими двумя лошадьми могъ измучить чужую, пожертвовавъ одною изъ своихъ и давая другой возможность сберечь силы до послѣдней минуты. Фордъ, на Ноблѣ, побоялся этого неравнаго боя, не пустил никого впередъ и съ ибѣта поскакалъ очень быстро; одинъ изъ фздоковъ г. Мосолова сдѣлалъ было попытку обогнать его и вести за собою; но попытка не удалась, Нобль летѣлъ все время впереди и далеко оставилъ ихъ за собою. Онъ приобрѣлъ себѣ самую лучшую репутацію, потому что Налимъ, оставленный имъ далеко, выигралъ очень легко на скачкѣ 12 июня. Между тѣмъ Нобль, по наружности, обѣщалъ меньше нежели исполнилъ; даже шея у него толста и должна бы тяготить его. Скак. 2 м. 50 с.

3-я) Призъ Общества 300 р. с. для жер. и коб. не моложе 4-хъ лѣтъ. Дистанція 2 в. 100 саж. Вѣсъ на ж. 4 л. 2 п. 39 ф., 5 л. 3 п. 10 ф., 6 л. 3 п. 14 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 16 ф. На коб.

3 ф. меньше. *Ъздоки Русскіе*, выигравшему изъ нихъ выдается отъ общества листъ и 15 р. с.

Записаны лошади:

- 1) П. А. Кошелева сѣр. к. *Альзира* отъ Актера и Праймаъ-Меръ, 6 л., ѣзд. *Паршиковъ*.
- 2) П. П. Воейкова гн. ж. *Концертъ* отъ Непира и Куницы, 5 л., ѣзд. *Кузмичевъ*.
- 3) Н. С. Мосолова гн. к. *Колибри*, отъ Кинжала и Ласточки, 4 л., ѣзд. *Кузмичевъ*.
- 4) Кн. П. В. Голицына рыж. к. *Минута*, отъ Галантуса и Мери, 4 л., ѣзд. *Чугуновъ*.
- 5) А. Ѡ. Мосолова гн. к. *Фейеръ-Флай*, отъ Лондона и Легенды, 6 л., ѣзд. *Горбуновъ*.

Скачка эта интересовала московскую публику потому, что ѣздоки назначены исключительно русскіе. Паршиковъ, надѣясь на Альзиру, пошелъ съ мѣста впередъ и не давалъ дороги никому; скачка была нарядная, быстрая и разнообразная; русскій характеръ проявился отчасти и здѣсь, въ англійской скачкѣ: то одинъ, то другой ѣздокъ шелъ впередъ, обгонялъ передоваго, отставалъ снова, или шелъ рядомъ. Между тѣмъ Альзира все была впереди. У флажной бесѣдки Минута догнала ее и пошла почти рядомъ; началась борьба; Чугуновъ на Минутѣ выходилъ изъ себя; но Паршиковъ выигралъ легко, едва понудивъ Альзиру поводьями; Минута осталась на корпусъ сзади. Альзира скакала уже у другого владѣльца, который вѣроятно не жалѣлъ, что купилъ такую лошадь. Она обошлась ему теперь только въ 100 р. с. Скакали 2 м. 48 с.

Шестой день скачекъ, 19 Июля.

1-я) Призь изъ суммъ Коннозаводства для жеребца и коб. не моложе 4-хъ лѣтъ, 1000 р. сер. изъ конхъ второй лошади 200 р. с. *Дистанція* 2¼, верст. съ норм. скор. 3 м. 45 сек. Вѣсъ на жер. 4 л. 3 п. 16 ф., 5 л. 3 п. 26 ф., 6 л. 3 п. 32 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 36 ф. на коб. 5 ф. меньше.

Записаны лошади:

- 1) Кн. П. В. Голицына, кар. коб. *Леди-Флай* отъ Флайнгъ-Дочмана и Леди Луизы, 5 л., ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) Кн. Д. П. Салтыкова, рыж. к. *Белладона*, отъ Анника и Бодрой, 7 л., ѣзд. *Фордъ*.
- 3) П. П. Петровскаго, рыж. к. *Цапля*, отъ Сигнала и Центурицъ, 6 л., ѣзд. *Оксель*.

Цапля и Белладона, страшныя одна для другой соперницы;

обѣ считаются въ числѣ четырехъ или пяти лучшихъ скакуновъ въ Россіи. Ни одна скачка не произвела такого сильнаго движенія между охотниками, любителями и даже въ публикѣ, какъ скачка этихъ двухъ знаменитыхъ лошадей. До скачки и послѣ скачки было столько споровъ, закладовъ, толковъ, даже раздоровъ интригъ и брани, что — хоть бы въ самой Англіи! Во первыхъ, для Белладоны, записанной въ двухъ скачкахъ, перемѣнили рядокъ скачекъ, для того, чтобы она успѣла отдохнуть, — что конечно вооружило всѣхъ, державшихъ пари за Цапю. Съ этого и началось волненіе по поводу этой скачки. О числѣ закладовъ за ту или за другую, нечего и говорить!

На скачку явилось только двѣ лошади, Цапля и Белладона. Вотъ поскакали. Белладона, какъ лошадь испытанной силы, пошла очень быстро съ мѣста; Фордъ надѣялся замучить Цапю, боясь не силы ея, но быстроты. Цапля шла смирно сзади. По обыкновенію, при послѣднемъ поворотѣ, она стала догонять Белладону; скоро сравнялась съ нею и глаза всѣхъ устремились на нихъ. Вотъ видно ясно, какъ Фордъ старается прибавить ходу Белладонѣ, сильно дѣйствуя руками; а Оксвиль держитъ руки неподвижно; Цапля идетъ рядомъ и еще на поводьяхъ; всѣ смотрятъ на руки Оксвиля. У державшихъ пари сильнѣе бьется сердце...

Онѣ ужъ близко; промчались мимо флажной бесѣдки, рядомъ; но Фордъ продолжаетъ работать руками и ногами; Оксвиль сидитъ покойно; — Ура! Цапля, Цапля!.. Кричатъ въ толпѣ. Лошади скачутъ ровно; наконецъ, только за 25 или за 30 шаговъ, Оксвиль тихо тронулъ поводьями, поднялъ было хлыстъ, но Цапля при первомъ движеніи рукъ сдѣлала два или три страшныхъ прыжка и выскочила впередъ на лошадь.... Хлопанье въ ладоши и ура раздались еще громче, Цапля выиграла! — Однако въ туже минуту всѣ видятъ, что поздравляютъ Кн. Салтыкова... Пошли вопросы, сомнѣнія; бросались внизъ узнать въ чемъ дѣло, почему эти поздравленія? Неужели выиграла Белладона, тогда какъ всѣмъ, безъ исключенія, показалось, что выиграла Цапля, да еще такъ легко, безъ хлыста, безъ шпоръ? Неужели всѣ могли такъ ошибиться? — Вѣроятно ошиблись, если призъ отдали Белладонѣ.... Судьи объявили наконецъ, что когда Цапля вынеслась впередъ, Белладона уже коснулась линіи выигрышнаго столба и была на *полъ-головы* дальше Цапли, которая хотя и обогнала ее значительно слѣдующею лонсадою, но уже поздно. Такъ говорили въ судейской бесѣдкѣ; но съ этимъ никто не хотѣлъ согласиться;

даже многіе бывшіе тамъ же, говорили, что призъ слѣдуетъ Цапль; жокеи, тренеры, мальчики, даже мужики и музыканты (стоящіе прямо на лннїи столба)—всѣ утверждали положительно, что выиграла Цапля; вездѣ слышны были толки, рассказы, замѣчанія, неблагопріятныя для Белладоны; даже многія дамы спорили съ членами за Цаплю.—Движеніе было удивительное! Кто бы могъ подумать, что это у насъ, въ Россіи?

Я отправился на форумъ, т. е. на маленькій кругъ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ; тамъ говорили тоже самое!... Почему же наконецъ отдали призъ Белладонѣ? Иные говорятъ, что Оксвиль нечаянно, лѣвою ногою, задѣлъ шпорою Цаплю и она бросилась вправо, въ то самое время, какъ обгоняли Белладону и такимъ образомъ сдѣлала лишнее и могла заставить судей ошибиться; но если дѣло спорное, какъ оно и есть, — почему не назначено перескачки?

Опять сомнѣніе и недоумѣніе! Вообще эта скачка надѣлала много шума и была удивительна тѣмъ, что споръ вышелъ противъ очевидности. Споръ этотъ вѣроятно не рѣшится никогда; каждый останется при своемъ мнѣніи; но какъ бы ни было, — Белладонѣ отданъ призъ, а *вся слава принадлежитъ Цапль*, которая пришла безъ понужденія и при первомъ движеніи рукъ ѣздока была уже впереди *). Знатоки дѣла говорятъ, что Оксвиль ошибся тѣмъ, что *поздно* тронулъ Цаплю и потому не успѣлъ опередить Белладону на столько, чтобы не было никакого сомнѣнія; другіе прибавляютъ къ этому, что онъ вмѣстѣ и *рано* слишкомъ началъ обгонять Белладону; онъ нѣсколько обогналъ и пройдя флажную бесѣдку, но Белладона, понуждаемая сильно, успѣла опять догнать Цаплю, а новое усиліе Цапли сдѣлано было поздно. Самъ Оксвиль утверждаетъ, что выигралъ онъ и что въ Англіи призъ отдали бы ему. «Дѣло не въ деньгахъ, но въ славѣ,» говорятъ иные. «Кому что нужно,» — отвѣчаютъ другіе. Цапля получила славу, а Белладона деньги.

Скакали 3 мин. 12 сек.; 1 м. 16 сек. съ дробью версту.

2-я) Подписка на лошадей, родившихся въ 1856 г. *Дистанція 2 верст.* Вѣсъ на жер. 3 п. 15 ф., на коб. 3 п. 10 ф. Подписной суммы съ каждой лошади 25 р. с. и столько же за каждую скачущую; число лошадей не ограничивается. 11 подписчиковъ.

*) Послѣ скачки я слышалъ, что за Цаплю предлагали пари, кто въ 100 р., кто въ 500, въ 1000 и даже въ 5000 р. серебромъ!... Жаль, что онѣ не могли состояться.

Записаны лошади:

- 1) Д. П. Салтыкова рыж. к. *Веспа* отъ Аргуса и Волги, ѣзд. *Эльвайсъ*.
- 2) А. Θ. Мосолова вор. к. *Джипси*, отъ Генриада и Гишоны, ѣзд. *Я. Вудъ*.
- 3) Его-же, гн. к. *Супплементъ*, отъ Рубини и Газеты, ѣзд. *Горбуковъ*.

Двѣ лошади г. Мосолова пошли впереди и сначала даже какъ будто смѣшали Веспу, потому что Супплементу надобно было непременно идти первому, чтобы сберечь Джипси; такъ по крайней мѣрѣ было видно по ихъ скачкѣ; а Супплементъ была буквально только Супплементомъ. Предосторожность эта была напрасна; еще у поворота видно было, что Веспа оттягиваетъ; Джипси съ необыкновенною быстротою обошла ее и Супплементъ, которая поскакала такъ тихо, что осталась за флагомъ. Веспа прибавила ходу, но осталась сажень на двадцать сзади. Публика захопала Джипси съ необыкновеннымъ усердіемъ. Скакали 2 м. 34 сек.; 1 м. 17 сек. версту.

3-я) Призъ общества 800 р. с., изъ конхъ второй лошади 200 р. с. для жереб. и коб. не моложе 3-хъ лѣтъ. *Дистанія 3 версты*. Вѣсъ на жер. 3-хъ л. 2 п. 35 ф., 4 л. 3 п. 10 ф., 5 л. 3 п. 20 ф., 6 л. 3 п. 26 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 30 ф. на коб. 4 ф. меньше.

Записаны лошади:

- 1) Кн. П. В. Голицына гн. к. *Альма* отъ Галантуса и Альвы, 5 л. (нескакала), ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) И. П. Петровскаго гн. ж. *Вьюнъ* отъ Грека и Верхославы, 5 л., ѣзд. *Оксаль*.
- 3) Кн. Д. П. Салтыкова рыж. к. *Белладона* (не скакала по усталости).
- 4) Θ. Θ. Мосолова гн. жер. *Капканъ*, отъ Чуда и Небышцы, 6 л., ѣзд. *Доккери*.

На скачку явилось только двѣ лошади, Вьюнъ и Капканъ; говорили, что Белладона очень устала; а Цапля, идя домой мимо рысстаго круга, играла и фыркала, какъ-будто сей часъ изъ конюшни. Капканъ извѣстная, хорошая лошадь (и очень красивая собою), а Вьюна никто не зналъ, и потому всѣ были увѣрены, что призъ возьметъ Капканъ. Дѣйствительно, онъ пошелъ впереди, отдѣлился далеко и оставилъ за собою Вьюна саж. на двадцать. Всѣ справедливо жалѣли, что не было по крайнѣй мѣрѣ

Альмы, если не Белладоны, потому что была бы борьба и скачки интереснѣе. Скакали 3 м. 53 сек.

Седьмой день скачекъ, 21 іюня

1-я) Призъ общества въ честь почетнаго члена Д. П. Воейкова 1-го, сереб. 800 р. изъ коней второй лошади 200 р. с. для жер. и коб. *не моложе 4-хъ лѣтъ. Дистанція 4 версты.* Вѣсъ на жер. 4 л. 3 п. 10 ф., 5 л. 3 п. 20 ф., 6 л. 3 п. 26 ф., 7 л. и стар. 3 п. 30 ф. на коб. 4 ф. меньше. Лошадь, выигравшая отъ 500 р. с. несеть лишняго вѣса 4 ф., а выигравшая 1000 р. с. и болѣе — 6 ф.

Записаны лошади:

1) Кн. Д. П. Салтыкова рыж. коб. *Белладона* отъ Антика и Бодрой, 7 л., вѣд. *Фордъ*.

2) П. П. Воейкова рыж. ж. *Сатурнъ*, отъ Непира и Стразы, 7 л., вѣд. *Робертъ*.

Въ послѣдній день московскихъ скачекъ ихъ назначено было четыре; даже пять, считая скачку мальчиковъ-скакуновъ, на простыхъ лошадяхъ. Первая скачка была не интересна, скакать должны были Сатурнъ и Белладона; на дняхъ онъ скакалъ съ Балладою и теперь всѣ были увѣрены заранѣе въ торжествѣ Белладоны и жалѣли о падшей славѣ Сатурна. Белладона поскакала шибко и первые двѣ версты Сатурнъ еще держался близко, на хвостѣ; но уже было видно, что онъ устаетъ и скоро пойдетъ тише; уже алжуръ его не походилъ на алжуръ Сатурна; на третьей верстѣ онъ сталъ оттягивать и на послѣднемъ поворотѣ отсталъ почти сажень на сто! Онъ остался бы вѣроятно за флагомъ, еслибы Фордъ не укоротилъ бѣга Белладоны; Фордъ прискакалъ тихимъ галопомъ и наконецъ рысью прѣхалъ къ выигрышному столбу. Сатурнъ былъ въ это время въ сажняхъ тридцати сзади.

2-я) Призъ въ 900 р. с. (И. Ѳ. Ладыженскаго 300 р., Ал. А., Ао. А., Дм. А. Столыпныхъ, П. И. Воейкова, Кн. Д. П. Салтыкова и П. Н. Дирина, по 100 р. сер.) данный съ 1854 г. на 10 лѣтъ, для лошадей 4 лѣтъ, рожден. въ Россіи. Подписка по 50 р. с., неустойка 15 р. с. на канунѣ скачки. *Вторая лошадь* получаетъ изъ приза 100 р. с., а третья свою подписку. *Дистанц. 4 верст.* Вѣсъ на жер. 3 п. 20 ф., на коб. 3 п. 16 ф. Лошади, которыя выиграли призамп или подпискамп 1000 р. с. и больше, несуть 8 ф. лишняго вѣса. Записываются лошади въ двухлѣтнемъ возрастѣ. Число лошадей не ограничивается (16 подписчиковъ.)

Записаны въ скачку:

1) П. П. Петровскаго рыж. ж. *Лодарь*, отъ Сигнала и Лотте-реи, ѣзд. *Оксвилъ*.

2) Кн. Д. П. Салтыкова кар. жер. *Витязь*, отъ Генріада и Феррины, ѣзд. *Фордъ*,

3) Его же, рыж. жер. *Игорь*, отъ Юнгъ-Аргуса и Иды, ѣзд. *Эльвайнсъ*.

Двѣ лошади кн. Салтыкова противъ одной; перевѣсъ былъ натурально, на его сторонѣ; то одинъ, то другой изъ его ѣздоковъ опережали Оксвиля, сбивая его съ толку и беспокоя его лошадь. Витязь, на котораго конечно, было больше надежды, обогналъ наконецъ Лодаря и оставилъ его далеко за собою. Игорь отсталъ еще дальше и Оксвилъ, потерявъ надежду догнать Витязя, отъ флажной бесѣдки шелъ тихимъ галопомъ; въ это время Игорь догналъ его, сравнялся съ нимъ и пошелъ уже мимо; тутъ только опомнился Оксвилъ, спохватился тронулъ Лодаря и легко и быстро обогналъ Игоря.

3-я) Призъ Общества 300 р. с. для лошадей всѣхъ лѣтъ, не пришедшихъ первыми въ Москвѣ на скачкахъ 1859 г. *Дистанц.* 2 с. 100 саж. Вѣсъ на жер. 3 л. 3 п. 5 ф., 4 л. 3 п. 16 ф. 5 л. 3 п. 24 ф., 6 л. 3 п. 30 ф., 7 л. и старѣе 3 п. 34 ф.. на коб. 4 ф. меньше. Число лошадей не ограничивается. Записывать лошадей наканунѣ первой скачки до 12 ч. дня, съ подпискою по 5 р. с., а наканунѣ послѣдней скачки объявить какія лошади скачутъ, со взносомъ за кругъ по 15 р. сер.

Записаны лошади:

1) П. П. Петровскаго, гн. ж. *Вьюнъ*, отъ Грека и Верхославы, 5 л., ѣзд. *Паршиковъ*.

2) П. П. Воейкова, гн. ж. *Концертъ*, отъ Непира и Куницы, 5 л. ѣзд. *Робертъ*.

3) А. О. Мосолова, гн. к, *Фейеръ-Флай*, отъ Лондона и Легенды, 6 л., ѣзд. *Я. Вудъ*.

Фейеръ-Флай пошла впереди, за нею Концертъ и потомъ Вьюнъ. На второй верстѣ Паршиковъ началъ догонять одного и другого и скоро обошелъ ихъ. Онъ прискакалъ легко и свободно, держа Вьюна на поводьяхъ, тогда какъ Концерта поуждали сильно: Вьюнъ пришелъ впереди лошади на двѣ.

Эти три скачки только увеличивали нетерпѣніе охотниковъ и знатоковъ; потому что главная самая интересная скачка назначена была послѣднею. Здѣсь должны были выказать себя три первыхъ трехлѣтка, — *Нобль*, *Ланша* и *Клара*.

4-я) Призъ Н. А. *Яковлева*, 1500 р. с. для лошадей 3 л., рожденных въ Россіи и за границую. Всѣ на жер. 3 п. 20 ф., на коб. 4 ф. меньше. *Дистанц.* 2 в. 133 саж., скакать въ первое воскресенье послѣ 15 іюня; записка наканунѣ перваго дня московскихъ скачекъ по 150 р. с. неустойки половина наканунѣ скачки; число лошадей не ограничивается (13 подписчиковъ.)

Записаны лошади:

- 1) К. И. Карочарова гн. к. *Предестине*, отъ Сквара и Рулетъ, ѣзд. *Диксонъ*.
- 2) И. П. Петровскаго, гн. к. *Лапта*, отъ Гранита и Лизы, ѣзд. *Оксвилъ*.
- 3) Ки. Д. П. Салтыкова кар. к. *Клара*, отъ Чантиклира и матери Клариссы, ѣзд. *Эльвайнъ*.
- 4) Его же, гн. жер. *Нобль*, отъ Юнгъ-Аргуса и Наборнъ, ѣзд. *Фордъ*.

Наконецъ на кругъ явились Клара, Нобль и Лапша и еще неизвѣстная публикѣ Предестине. Всѣ были, какъ говорится, очень заинтересованы этою скачкою; судили и рядили, — какая должна выиграть; заключали и составляли пари, кто по статямъ, по ходу лошади, кто по породѣ, по прежней скачкѣ; многіе сѣдидились за каждое промедленіе. Но вотъ поскакали. «Опять двѣ противъ одной!» Говорили державшіе пари за Лапшу. Нобль шелъ впереди, за нимъ Лапша и рядомъ съ нею, то отставая, то обгоняя ее, — Клара. Предестине шла далеко сзади. Когда онѣ въ первый мчались мимо бесѣдки, Лапша скакала съ открытымъ ртомъ, — оттого-ли что рвалась на поводьяхъ, или желая захватить больше воздуха. На послѣднемъ поворотѣ знаменитая Лапша начала отставать, отставать, нѣсколько догнала было Нобля и Клару у флажной бесѣдки, Оксвилъ началъ работать руками, даже махнулъ раза три бичемъ; но видя вѣроятно, что не догнать переднихъ, пустилъ Лапшу вольно и прискакалъ лошадей на пять сзади, — что очень жаль, потому что мы не знаемъ, на сколько она могла бы подвинуться къ первымъ и усилить и ихъ и свою быстроту. Нобль пришелъ первымъ, за нимъ, на полкорпуса, Клара.

Такъ обманула Лапша ожиданія и надежды многихъ! отстать безъ борьбы, такъ далеко! — это казалось или тѣмъ удивительнѣе, что въ этотъ разъ она скакала шестью секундами тише прошлаго раза; стало-быть, еслибы она скакала какъ въ тотъ разъ, то пришла бы по-крайней-мѣрѣ въ 15 или 20 саженьхъ впереди Нобля и Клары; притомъ она пришла совершенно свѣ-

жею и нисколько не запыхалась, тогда какъ Клара и Нобль дышали сильно. Была-ли она въ нерасположеніи (что не рѣдко бываетъ съ лошадьми, особенно съ кобылами), или дѣйствительно тупѣ Клара и Нобль, — сказать покамѣстъ трудно; она легко обскакала Джипси, которая, говорятъ, ни мало не уступаетъ Клара; Оксвиль утверждаетъ, что она въ эти дни нѣсколько ослабѣла ногами, при выдержкѣ; но съ этимъ многіе не соглашались; время покажетъ правду. Скакали 2 мин. 51 сек.

Такъ кончились московскія скачки. Тутъ же, когда еще публика не разѣхалась, была еще скачка, — мальчиковъ-скакуновъ, на простыхъ лошадяхъ; эта безпорядочная и живописная скачка всегда очень интересуется московскую публику, точно также какъ и самихъ мальчиковъ, которымъ дается призъ, — первому три руб. сер., остальнымъ, всѣмъ поровну, кажется 75 коп. сер. Выигралъ мальчикъ П. П. Воейкова. Потомъ составили бѣгъ мальчишекъ, тоже на призъ, — однимъ словомъ было скаковое *folle-journé*!

На маленькомъ кругу я разговаривалъ съ однимъ господиномъ и узналъ отъ него кое-что новое и кажется дѣльное, какъ о нашихъ, такъ и объ англійскихъ скачкахъ. Истинныхъ спортсменовъ, говоритъ онъ, мало, и у насъ, и въ Англии, и вездѣ. Въ Англии — больше нежели гдѣ-нибудь, скачки сдѣлались не благородною охотою спортсменовъ, но комерческимъ расчетомъ дѣльныхъ компаній, спекуляціею барышниковъ и разныхъ промышленниковъ, которые думаютъ извлечь изъ лошади только деньги и вовсе не заботятся ни о славѣ, ни о чести, ни объ успѣхѣ дѣла. — «Теперь вѣкъ не тотъ; намъ нужны деньги и деньги; безкорыстно мы не сдѣлаемъ шагу», говорятъ, или по-крайней-мѣрѣ думаютъ, современные, не «господа», но господа промышленники. Вѣкъ все такой же, какъ и прежніе вѣка; подобные люди говорили тоже самое и во всѣ времена; и точно также есть и въ наше время люди съ душою, которые не увлеклись современнымъ корыстнымъ и промышленнымъ духомъ, и торжество науки и убѣжденія, однимъ словомъ — торжество своего дѣла, считаютъ важнѣе прибыли. Вѣкъ не оправдываетъ всего. Истинный спортсманъ, лордъ или простой фермеръ, заботится не о выигрышѣ приза; онъ радуется даже когда проиграетъ, если чужая выигравшая лошадь *по породѣ должна была выиграть*; тогда для него — торжество дѣла, знанія, науки.

Корыстное или, какъ его называютъ, поблаговзвучнѣе, — практическое, направленіе, проявляется вездѣ и въ скачкахъ и

даже въ охотѣ. Отъ цѣли скачекъ многіе отклонились безъ церемоніи; скачки для нихъ не экзаменъ лошадей для вѣрной оцѣнки будущихъ производителей; но средство достать побольше денегъ. Даже богатые люди, имѣющіе скаковыхъ лошадей, только и думаютъ о выигрышѣ... это тоже, конечно, своего рода увлеченіе. И въ этомъ увлеченіи они не пренебрегаютъ никакими дозволенными средствами чтобы получить призъ, — средствами, отъ которыхъ истинный спортсманъ откажется... Но объ томъ надобно говорить много или ничего не говорить.

Вникнувъ во все, написанное въ этомъ письмѣ, вы легко можете составить себѣ слѣдующій выводъ.

1) На призъ «съ формами верховыхъ,» куда допускаются лошади всѣхъ породъ, не явилось ни одной лошади другой породы, кромѣ англійской кровной и потому можно думать, что убѣжденіе въ ихъ превосходствѣ распространяется въ Россіи.

2) Больше всѣхъ призовъ взялъ кн. Салтыковъ, потомъ кн. Голицынъ и И. П. Петровскій и стало быть лошади ихъ, или лучше, или сбережены лучше, или совершеннѣе выдержаны.

3) Ъздоки у всѣхъ г. коннозаводчиковъ, за исключеніемъ г. Карачарова, были Англичане, что дѣлаетъ честь Англичанамъ, а не намъ, которые до-сихъ-поръ не могли выучить скакать своихъ людей *).

4) Лучшія современныя лошади, изъ трехлѣтковъ: *Нобль*, *Клара*, *Ланша* и *Джипси*; изъ четырехлѣтнихъ: *Арзасъ* и *Вистунъ*. Изъ старыхъ: *Баллада*, *Цапля*, *Белладона* и *Страусъ*. Которая же лучшая изъ этихъ лучшихъ?...

б) Происхожденіе этихъ, лучшихъ лошадей слѣдующія:

Баллада отъ Непира и Бодрой.

Белладона — Антика и Бодрой.

Цапля — Сигнала и Центурія.

Страусъ — Лондона и Леры.

Ланша — Гранита и Лизы.

Клара — Чантиклира и матери Клариссы.

Нобль — Юнгъ-Аргуса и Наборнъ.

---

*) Спѣшу замѣтить, что у кн. Голицына, И. П. Петровскаго и К. И. Карачарова — тренеры, т. е. приготовляющіе къ скачкѣ лошадей, Русскіе. У кн. Голицына *Константинъ*, у г. Петровскаго *Гаврило Чиканъ*, у Карачарова *Федоръ*; а кн. Голицынъ и г. Петровскій взяли призовъ больше другихъ, за исключеніемъ кн. Салтыкова. Константинъ и Гаврило вывели *Арзаса*, *Цаплю* и *Ланшу*.

Джипси — Генриада и Гиппоны.

Арзась — Галантуса и Альвы.

Къ этому выводу я долженъ прибавить то, чего въ письмѣ не видно, а именно: что эти лучшія лошади происходятъ отъ жеребцовъ своихъ заводовъ, а не отъ англійскихъ (за малыми исключеніями) и что происходящія отъ выписныхъ изъ Англій жеребцовъ, какъ напр. отъ Женераля-Шассе, Флай и Дочмана *), Генриада, и пр. постоянно проигрывали своимъ.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что молодые охотники и заводчики наши превзошли почти всѣхъ старыхъ.

О. П.-И.

Москва. 25 іюня 1859 г.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Сборы. — Кулербергъ до 12 часовъ вечера. — Кулербергъ за полночь. — Открытіе памятника Императору Николаю I. — Баронъ Клодтъ и Рамазановъ. — Художественныя выставки г. Зміоски. — Гулянья по водѣ. — Гонка судовъ. — Новый яхтъ-клубъ. — Гулянья на землѣ. — Смерть Фалъева. — Два слова о Дюпре. — Отстройка Театра-Цирка. — Благотворительное гулянье въ Полюстровѣ.

— Каролина Карловна! Machen sie mir eine Schleife, говоритъ Карлъ Ивановичъ Кукенгеймъ, извѣстный портной изъ Нѣмцевъ.

— Mit grossem Vergnügen, отъчаетъ покорная супруга.

За словомъ слѣдуетъ дѣло и Карлъ Ивановичъ съ удовольствіемъ видитъ въ небольшомъ зеркалѣ, что его желтый, съ красными разводами, галстухъ повязанъ прелестнѣйшимъ бантомъ, на удивленіе всѣмъ щеголямъ портняжнаго цѣха. Видитъ Карлъ Ивановичъ, что стоитъ ему надѣть рыжеватый парикъ, сѣрое пальто и соломенную фуражку, и онъ будетъ великолѣпенъ, не смотря на кривыя ноги. Карлъ Ивановичъ готовъ; не готова еще Каролина Карловна.

— Карлъ Ивановичъ, взываетъ она, — machen sie mir das Kleid zu.

— Mit grossem Vergnügen, говоритъ Карлъ Ивановичъ и, заигрывая съ Каролиной Карловной, прибавляетъ — ви корошеньки.

*) Фл. Дочманъ не купленъ, но дѣти его скакали у насъ.

- Ви сама корошеньки.
- Нѣтъ, я не корошеньки, а ви корошеньки.
- Ви всегда глупости болтовать любите.

Карлъ Ивановичъ почему-то самодовольно хохочетъ, потирая руки и нѣжно поглядывая на бюстъ Каролины Карловны, развитый до крайнихъ предѣловъ возможности, а она, Каролина Карловна, грозитъ, но съ такимъ видомъ, по которому ясно видно, что она въ эту минуту довольна.

На дворѣ стоитъ телѣжка, нагруженная съѣстными припасами, простынями, подушками и одѣялами. Весело и мирно выходитъ счастливая чета изъ дому, Карлъ Ивановичъ съ трудомъ посадилъ Каролину Карловну въ телѣжку, самъ влѣзъ туда, тронулъ возжи и старая лошаденка поплелась, потряхивая головой и помахивая жиденькимъ хвостикомъ..... Проѣзжая по Гороховой, Карлъ Ивановичъ указалъ на большой, желтый домъ безобразнѣйшей архитектуры, какихъ въ Петербургѣ очень много, и напомнилъ Каролинѣ Карловнѣ, что тутъ живетъ Адамъ Адамовичъ Книперъ.

Адамъ Адамовичъ Книперъ — сапожникъ, длинный, сухощавый Нѣмецъ, свирѣпаго и мрачнаго характера, веселый и нѣжный только въ пьяномъ видѣ. Жена его, Дарья Ивановна, извѣстна цѣлому кварталу своимъ безобразіемъ, строптивостью и частыми драками съ мужемъ. Въ ту минуту, какъ счастливый Карлъ Ивановичъ указывалъ Каролинѣ Карловнѣ на желтый домъ, Адамъ Адамовичъ и Дарья Ивановна дрались съ ожесточеніемъ пѣтуховъ. Адамъ Адамовичъ говорилъ, что надо взять съ собой водку, а Дарья Ивановна стояла за кофе. Утомившись нѣсколько, они рѣшили взять и то и другое и перебраниваясь отправились къ заранѣ нанятой лодкѣ; тамъ Адамъ Адамовичъ въ самое короткое время пришелъ въ нѣжное и веселое расположение духа.... Плыли они туда-же, куда потащился и Кукенгеймъ съ супругою....

Много ѣхало и шло добрыхъ Нѣмцевъ и Русскихъ по одному и тому-же направленію. Ёхалъ переплетчикъ — страшный волокита, осыпаемый укорами, предостереженіями и угрозами ревнивой жены. Ёхалъ мрачный и насупившійся булочникъ съ вертлявой женой, о которой сосѣдки рассказывали множество скандальныхъ исторій. Ёхали прикащики съ милосердными барышнями; управляющіе фабриками и заводами. Плелась такъ-называемая мастеровщина. Ёхали чиновники, артисты, студенты, гимназисты; нарумяненные барышни, съ привѣтливими и обод-

рительными улыбками.... Было 23-е іюня, т. е. канупъ Иванова дня; Крестовскій островъ предлагалъ радушіе и гостепрѣимство петербургскимъ гулякамъ — Нѣмцамъ и Русскимъ. Бывали-ли вы когда-нибудь на этомъ гуляньѣ; бывали-ли вы когда-нибудь на *Кулербертъ*? Видѣли-ли вы неупорядоченную, бѣшеную веселость Нѣмца и неистовый разгулъ русскаго человѣка? Вѣроятно, нѣтъ, а жаль. Это единственное изъ всѣхъ петербургскихъ гуляній, имѣющее рѣзкій, даже черезчуръ рѣзкій и своеобразный характеръ. Тутъ уже не спросишь: кого хоронятъ?..

Часовъ съ восьми вечера и до двѣнадцати дѣло идетъ на Кулербергѣ обыкновеннымъ, офиціальнымъ, петербургскимъ порядкомъ. Гуляющіе толкуются довольно-монотонно по лѣсу подъ звуки двухъ, трехъ оркестровъ военной музыки. Развеселые господа, будущіе вожаки разгула и всякихъ неистовствъ, постепенно отравляются алкоголемъ, подготавливая себя къ предстоящему кутежу. Люди, одаренные нѣсколько-аристократическимъ взглядомъ на міръ Божій или скромные по натурѣ, благоразумно удаляются во-свои, поглазѣвъ на пеструю толпу и наслушавшись всласть военной музыки. Многое множество народа наполняетъ русскій трактиръ, наслаждаясь, смотря по вкусу и наклонностямъ, или просто чаемъ, или чаемъ, съ приправою горячительныхъ напитковъ, или этими напитками безъ чаю, или необыкновеннымъ искусствомъ извѣстныхъ канатныхъ виртуозовъ знаменитаго семейства Вейнертъ или, наконецъ, дикою музыкою арфистокъ. Съ арфистками этими повторяется вотъ уже нѣсколько лѣтъ одна и та-же исторія. Пока онѣ коверкаютъ какую-нибудь польку или романсъ, густая толпа слушателей стоитъ предъ эстрадой, но только кончилась музыка и одна изъ прелестныхъ артистокъ возьметъ въ руки ноты для собиранія добротныхъ даяній, толпа разсыпается горохомъ въ разныя стороны и каждый диллетантъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ притворяться, что онъ вовсе не слушалъ музыки. Между народомъ, наполняющимъ довольно-грязныя и дымныя комнаты русскаго трактира, особенно-рѣзко кидается въ глаза подкутившій купеческій сынокъ, окруженный прихлебателями. Тароватый амфиціонъ сыплетъ деньгами, ругательствами и сквернѣйшими остротами. Шумъ и крикъ заглушаютъ и раздражающую нервы арфу и пронзительную флейту и фальшивую скрипку. Безтолковая прислуга суетится и бѣгаетъ. Блюстители общественнаго порядка и благочинія, съ сухими, форменными физиономіями, шныряютъ съ похвальнымъ намѣреніемъ выказать свою бдительность и

усердіе. Отъ времени до времени слышатся звуки разбиваемой посуды....

Между-тѣмъ наступаетъ полночь; гулянье въ лѣсу разгарается и принимаетъ, наконецъ, свой настоящій видъ. Лѣсъ превращается въ цѣлый адъ, гудитъ и стонетъ; пѣсни, музыка, заываніе шарманки, крики, свистъ и тысяча разнообразныхъ звуковъ сливаются воедино, и надо имѣть очень-крѣпкіе нервы, чтобы рѣшиться вступить въ этотъ стенищій дикимъ разгуломъ лѣсъ. Костры, разложенные по берегу какого-то ручья, пылаютъ ярко и, мѣшаясь съ полусвѣтомъ петербургской ночи, представляютъ поразительно-эффектную картину; народъ кишитъ пестрымъ муравейникомъ. Весь гуляющій людъ становится бѣсноватымъ; самая полиція опускаетъ руки, въ отупѣніи, передъ этимъ неудержимымъ и широкимъ разгуломъ. На Кулербергъ взбираются дѣти и старики, дѣвушки и старыя бабы, сбѣгаютъ внизъ, кувыркаются, падаютъ, кричатъ и хохочутъ. Нѣсколько удалцевъ съ полнымъ усердіемъ скачутъ чрезъ костры, другіе пробираются по какой-нибудь сваленной березѣ черезъ ручей, обрываются и падаютъ въ воду при неистовыхъ крикахъ, свистѣ и рукоплесканіяхъ многочисленныхъ зрителей. Въ одномъ мѣстѣ шарманкѣ вторитъ, надрываясь, кларнетъ; въ другомъ, съ цѣлю привлечь вниманіе почтенной публики, гремятъ бубны. Тамъ мужикъ, лѣтъ сорока, гигантскаго роста и геркулесовскаго сложенія, въ трико грязнаго и подозрительнаго свойства, кувыркается и ломается съ легкостью пятнадцатилѣтняго мальчишки; здѣсь маленькая дѣвочка, измученная и можетъ-быть голодная, толчется апатически на одномъ мѣстѣ, подъ слабыя и наводящія уныніе звуки шарманки. *Петрушка* потѣшаетъ толпу, передѣлывающая барана въ болвана, квартальнаго въ хватальнаго и т. п. Родительница изъ Нѣмокъ, а можетъ-быть и не родительница, тащитъ шарманку и груднаго ребенка, потому-ли, что его негдѣ оставить или съ цѣлю возбудить общее участіе. Нѣкоторыя изъ промышленницъ этого сорта доходятъ дотого, что вывозятъ, съ шарманкой, калѣкъ и уродовъ. Православный людъ закатываетъ во все горло пѣсни. Богѣ-скромные Нѣмцы импровизируютъ вокальные квартеты и квинтеты, въ которыхъ подгулявшій первый теноръ выводитъ самыя невѣроятныя нотки и вретъ съ отчаянною безсовѣстностью, въ чемъ весьма-усердно помогаютъ ему и остальные пѣвцы. Невозможно, чтобы дѣло обходилось безъ непріятныхъ исторій; порой завязывается рыцарская схватка за прелестную даму сердца; порой драка воз-

никаетъ просто изъ толчка. Тамъ, глядишь, какой-нибудь господинъ, потерявъ въ пьяномъ видѣ часы, привязывается, безъ всякаго основанія, къ бѣдняку и оборванцу, торжественно обвиняетъ его въ воровствѣ. Бѣднякъ робѣетъ, какъ не робѣтъ бѣдняку, вѣчно-обижаемому и забытому; привязавшійся ни съ того, ни съ другого господинъ даетъ невинному бѣдняку затрещину, бессмысленная толпа, жадная ко всякимъ скандаламъ и побойщамъ, принимаетъ его сторону и на заподозрѣннаго бѣдняка сыплется градъ ударовъ, подъ которымъ онъ падаетъ въ безсиліи. Правосудная полиція, не избѣгая праздничныхъ искушений, твердая въ своихъ всѣмъ извѣстныхъ принципахъ, но нетвердая на ногахъ; накидывается на окровавленнаго бѣдняка и чинитъ надъ нимъ пьяную, неправую расправу, получивъ нѣкоторую толику отъ обвинителя. Не такъ дѣйствуетъ истинный воръ. Онъ вытаскивъ часы, его поймали и поколотили, поколотитаки порядочно; все время онъ притворялся пьянымъ; но какъ только кончилось побойще и хозяинъ часовъ; удовлетворенный повидимому, хочетъ удалиться, сказавъ вору:

— Ну, чортъ съ тобой, ступай себѣ на всѣ четыре стороны; съ полиціею не хочу я связываться.

Воръ трезвъ и, хватая за руку хозяина часовъ, говоритъ:

— Нѣтъ, позвольте, вы не можете самоуправничать и драться; я васъ не отпущу, пусть насъ разсудитъ начальство.

И можно впередъ сказать, что обкраденный поплатится.... Вообще должно сознаться откровенно, что полиція наша не отличается особеннымъ правосудіемъ и не пользуется общественнымъ довѣріемъ.... Но, въ сторону предметы, вызывающіе на размышленіе, обратимся къ предметамъ игривымъ и веселенькимъ. Вотъ у одного изъ тѣхъ оркестровъ, которые шатаются по петербургскимъ дворамъ, собрались охотники и охотницы потанцевать. Это по большей части тѣ ловкіе кавалеры и тѣ влестныя барышни, которыхъ такъ часто *выводятъ* изъ маскарадовъ въ шустерь-клубъ. Танцоры вносятъ музыкантамъ по 10 коп. сер. съ пары и составляютъ кадрили, кадрили весьма игривый, оживленный канканами и другими любопытными прибавленіями. Вертлявыя барышни выплясываютъ съ жаромъ, а ловкіе кавалеры ихъ выкидываютъ такіа колѣнца, что зрители только ахаютъ да радуются. Нерѣдко особенно-отчаянная пара заносится съ такимъ азартомъ, что вышибаетъ инструменты у музыкантовъ, валитъ ихъ съ ногъ и сама падаетъ на землю, вызывая хохотъ и громкое одобреніе окружающей толпы. Въ

числѣ танцоровъ вы нерѣдко увидите чиновника, студента съ ботанической сумкой черезъ плечо и военнаго писаря-любезника, путающаго всѣ фигуры и сбивающагося ежеминутно на трепакъ. Танцорки представляютъ также довольно-пеструю смѣсь, напоминающую смѣсь покойника «Пантеона»: тутъ встрѣчаются и шелковыя и ситцевыя платья; шляпки и платочки; свѣженькія личики и хари густо-намазанныя бѣлками и румянами; бойкія канканерши и скромныя барышни, повидимому только-что начинающія изучать тайны кадрили. Иногда въ самомъ разгарѣ танца оскорбленная дама съ ругательствами бросаетъ своего нескромнаго кавалера и выходитъ изъ круга. Покинутый кавалеръ, принимая въ соображеніе, что онъ внесъ 10 коп. сер., доканчиваетъ кадрили одинъ, стараясь отсутствіе дамы замѣнить удвоеннымъ собственнымъ рвеніемъ. Разговоры всѣхъ этихъ дамъ и этихъ кавалеровъ подслушать трудно; только урывками долетаютъ до слуха кое-какія фразы:

- Перестаньте, пожалуйста, вы забываетесь.
- Помилуйте-съ, какъ это можно.
- Ахъ, какъ весело.
- А тамъ будетъ еще веселѣе.
- Мужчины всѣ обманщики.
- Зачѣмъ-же обманывать.
- Что ты, чортъ, толкаешься?
- Самъ шѣртъ.
- Вы ужъ, кажется, вспотѣли.
- Да-съ.
- Ach! mein Gott, mein Gott!
- Machen sie kein Scandal!
- Разступись, народъ, капитанъ идетъ!
- Ach, lassen sie mich!
- Ахъ, что это вы? ахъ, какъ вамъ не стыдно....

Такихъ кадрили вы найдете съ десятокъ, если не болѣе, ни мокрая трава, ни кочковатая почва, — ничто не останавливаетъ отважныхъ танцоровъ. Порой являются господа, желающіе отличиться оригинальностью; они нанимаютъ оркестръ музыки съ тѣмъ, чтобы онъ, играя, слѣдовалъ за ними. Подъ навѣсомъ простынь, женскихъ платковъ или просто подъ чистымъ небомъ истребляется водка, вино, кофе, чай и закуски. На круглыхъ качеляхъ, верхомъ на маленькихъ, деревянныхъ лошадакахъ пресерьезно катаются большіе и пьяные дураки. Ревность, любовь, дружба, ссоры, драки, зависть, словомъ, все изъ города перенос-

сится въ это время на Крестовскій островъ и все принимаетъ болѣе откровенный, болѣе шумный характеръ. Лѣсъ кипитъ жизнью и пьянымъ языческимъ разгуломъ. Не будетъ, кажется, и конца этому празднику!... Но вотъ, часу въ пятомъ утра, костры гаснутъ одинъ за другимъ, музыка смолкаетъ. Какъ снопы валятся пьяные на сырую землю; утомились самые неустойчивые; слышно въ разныхъ сторонахъ мычаніе и брань. Тише и тише становится съ каждой минутой. Многие уже погрузились въ глубочайшій сонъ; порой гдѣ-нибудь раздается женскій визгъ, почему онѣ визжать — Богъ ихъ знаетъ; здѣсь и тамъ, между деревьями, мелькаютъ какъ безпокойныя привидѣнія, которыхъ земля не принимаетъ, будочники, городовые и т. д. по восходящей линіи. Засыпаютъ, наконецъ, самые неугомонные гуляки; засыпаютъ съ тѣмъ, чтобы завтра, опохмѣлившись, начать кутежъ снова и только ночью уже возвратиться къ семейному очагу или къ верстаку, съ головною болью и вообще со всѣми страданіями, такъ хорошо извѣстнымъ нашему мастеровому люду. Иванъ Купало отпразднованъ, надо приниматься за работу.

Представляя этотъ слабый очеркъ этого языческаго праздника въ Петербургѣ снисходительному вниманію моихъ читателей, я обращаюсь къ своему дѣлу, т. е. перечню городскихъ новостей.

Главную и общентересную между ними составляетъ въ послѣднее время открытіе коннаго монумента Императору Николаю I-му происходившее 25 іюня. Въ художественномъ исполненіи этого монумента участвовали архитекторъ Монферанъ, профессора Императорской Академіи Художествъ — баронъ Клодтъ, Рамазановъ и академикъ Залеманъ. Первому изъ нихъ принадлежитъ каменный пьедесталъ эллиптической формы изъ краснаго финляндскаго гранита, шоханскаго порфира темно-малиноваго цвѣта и бѣлаго итальянскаго мрамора съ цоколями изъ сѣраго сердобольскаго гранита. Барону Клодту изваяніе самой статуи, г. Рамазанову барельефы, а г. Залеману колоссальныя фигуры правосудія, силы, мудрости и вѣры, изображающія необыкновенно сходныя черты вдовствующей Государыни Императрицы и Великихъ Княгинь Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ. Памятникъ этотъ, обошелся въ 753,000 руб. сер. и исполненъ чрезвычайно скоро, менѣе чѣмъ въ три года. Нельзя не удивляться этому, принимая въ соображеніе его громадность, простирающуюся до 22 аршинъ высоты, межъ тѣмъ какъ на исполненіе памятника Фридриха Великаго въ Берлинѣ, имѣющаго высоты только

19 аршинъ было употреблено двѣнадцать лѣтъ. На статую пошло до 1,300 пудовъ металла, который при первой отливкѣ прорвалъ форму, какъ случилось это и при отливкѣ Фальконетомъ статуи Петра Великаго. Я полагаю, что читателямъ будетъ не безъ интересно прослѣдить со мною вкратцѣ художественную дѣятельность главныхъ участниковъ въ исполненіи монумента, Барона Клодта-фонъ-Юргенсбурга и Н. А. Рамазанова.

Баронъ Петръ Карловичъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, сынъ заслуженнаго генерала, сдѣлался художникомъ по любви и призванію еще будучи артиллерійскимъ офицеромъ, и вскорѣ своими первыми произведеніями обратилъ на себя особенное вниманіе покойнаго Государя Императора, давшаго молодому художнику средства посвятить себя на полное изученіе безкорысно любимаго имъ искусства. Баронъ вскорѣ доказалъ, что брошенное сѣмя пало не на бесплодную почву. Русская скульптура и литейное дѣло обязаны ему громадными конными статуями на Аничковскомъ мосту, огромнымъ барельефомъ, изображающимъ всѣ возрасты лошади на фронтонѣ флигеля примыкающаго къ мраморному дворцу, памятникомъ св. великому князю Владиміру, на Крещатикѣ, въ Кіевѣ, статуей баснописца Крылова въ Лѣтнемъ саду, громадными барельефами Исакіевскаго собора и, наконецъ, колоссальной статуей Императора Николая I-го.

Николай Александровичъ Рамазановъ, товарищъ Ставассера, Иванова (скульптора) и Климченко, замѣчательнѣе своими статуями Фавна съ козленкомъ и Милона Кротонскаго, Нимфой, ловящей на плечѣ своею бабочку, и группой Сатира и Нимфы, которые онъ исполнилъ въ Италіи и имѣлъ счастье представлять покойному Государю Императору, во время путешествія его по Италіи въ 1845 году. Г. Рамазанову принадлежатъ также огромные бюсты Державина и Карамзина, поставленныя на памятникахъ ихъ въ Казанѣ и Симбирскѣ. Исчислять прочія, многочисленныя скульптурныя произведенія Рамазанова не позволяютъ тѣсныя рамки нашей хроники. Для Памятника Императора Николая I-го исполнены имъ три барельефа, изображающія событія 1825, 1831, и 1851 года, возмущеніе 14 декабря, волненіе черни на Сѣнной въ холерную эпидемію и открытіе Веребинскаго моста на Николаевской желѣзной дорогѣ. Баронъ Клодтъ и Рамазановъ, по высочайшему повелѣнію, исполняютъ теперь модели огромныхъ барельефовъ для храма Спасителя въ Москвѣ. Рамазанову, замѣчательному по таланту композиціи, предстоитъ въ настоящее время особенный случай выказать всю силу своего артистиче-

скаго дарованія надъ исполненіемъ громаднaго барельефа «Сoшествіе Христа Спасителя въ адъ»; сюжетъ этотъ до-сихъ-поръ не былъ еще трактованъ ни однимъ изъ русскихъ скульпторовъ.

Коснувшись художествъ полагаю не лишнимъ прибавить извѣстіе объ очень счастливомъ для нашихъ художниковъ предпріятіи италіянца Зміоски, флорентинскаго живописца, который устроилъ постоянную выставку картинъ въ Варшавѣ, открывшуюся перваго марта прошлаго года. Мысль эта осуществилась въ настоящее время въ большихъ и прочныхъ размѣрахъ и имѣетъ цѣлю распространить въ публикѣ вкусъ и любовь къ изящнымъ искусствамъ и давать какъ русскимъ такъ и иностраннымъ художникамъ случай и средства продавать свои произведенія; покупать картины и разыгрывать ихъ въ лоттерейхъ между подписчиками. Подписчики раздѣляются на два разряда: въ первомъ платятъ 10 руб. сер. въ годъ съ правомъ билета для входа и двухъ билетовъ на лоттерею. Подписчики втораго разряда, платяще 6 р. въ годъ, получаютъ билетъ для входа и одинъ лоттерейный билетъ. Каждый изъ подписчиковъ, имѣющій старинныя или новыя произведенія искусствъ, имѣетъ право выставить и продавать на ряду съ принадлежащими обществу. Половина денегъ, внесенныхъ подписчиками, назначается на покупку картинъ для розыгрыша въ лоттерей; другая на издержки требемыя выставкой за проданныя картины берется пять процентовъ на содержаніе заведенія. Послѣ успѣшнаго хода дѣла въ Варшавѣ, Зміоски отправился въ Кіевъ и въ залахъ Университета св. Владиміра открылъ первую провинціальную художественную выставку въ Россіи. Подобныя выставки г. Зміоски намѣренъ учредить и въ другихъ городахъ Россіи, сперва въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Государь Императоръ, Государыня Императрица и всѣ особы Императорскаго дома (какъ напечатано въ Journal de St. Pétersbourg) осчастливили Зміоски, украсивъ списокъ его подписчиковъ своими именами. Давно бы пора подумать о благородной, высоко-самоотверженной кастѣ художниковъ, которымъ между могучимъ талантомъ и нищетою остается одинъ исходъ, одна спокойная приставъ — могила гдѣ-нибудь въ третьемъ болотномъ разрядѣ общечеловѣческихъ петербургскихъ непробудныхъ усыпальницъ. Выставки подобнаго рода будутъ для художниковъ также нѣчто въ родѣ того благодѣтельнаго литературнаго фонда, за который принялись было въ первое время съ такою горячностію, ограничившуюся впрочемъ только одними словами. Мы вообще богаты на затей, любимъ поговорить, а какъ

дойдетъ до дѣла — махнемъ рукой и прекрасная мысль пропадетъ безъ дѣла.

Гулянья идутъ своимъ чередомъ; гуляетъ Петербургъ и по землѣ и по водѣ. Послѣднія играютъ даже довольно важную роль въ нашей общественной жизни; они съ каждымъ годомъ, при развитіи пароходныхъ сообщеній принимаютъ болѣе и болѣе правъ гражданственности. И по моему мнѣнію это очень естественно. Какъ не развиться въ петербургскомъ жителѣ страсти къ водѣ, когда съ одной стороны города Финскій заливъ, съ другой Нева съ притоками и наконецъ Ладожское озеро, съ его ситами, конями и богомольствомъ на Коневцѣ и Валаамѣ.

Петербургъ, лѣтомъ, обращается въ временную Венецію. Давно ли было, напримѣръ, состязаніе Невскихъ яликовъ, гдѣ первенство получили перевозчики содержателя легкаго неваго пароходства В. И. Тайвани, какъ за ними тотчасъ послѣдовало болѣе серьезное состязаніе судовъ Яхтъ-Клуба, огибавшихъ островъ Нерву. На состязаніе были записаны яхты: Государя Императора — «королева Викторія;» «Никса,» Государя Наслѣдника Цесаревича; «Волна,» его императорскаго высочества генерал-адмирала; «Джоржіанъ,» дворянина Берда; «Вѣтка» — гг. Метлевыхъ, «Заря» графовъ Рибопьера и Александра Григорьевича Строгонова. Гонка началась съ большаго Кронштадскаго рейда на пространствѣ по прямому пути 106 итал. миль. Призъ выиграла яхта «Волна» пришедшая въ тотъ же день въ 10 часовъ, 17 минутъ, 17 секундъ по полудни. За нею слѣдовали Джоржіанъ, потомъ «Вѣтка», «Никса,» «Королева Викторія» и «Заря» пришедшая 16 числа въ 1 часъ 15 минутъ.

Носятся слухи, что между любителями водяныхъ путешествій устраивается еще другой частный Яхтъ-Клубъ на малыхъ судахъ, съ подпиской по 10 руб. сер. въ годъ, гдѣ будутъ преподавать основныя правила управленія парусами и всего того, что касается до научной части правильнаго управленія мелкими судами, во время бури: учрежденіе подобныхъ обществъ очень благотельно и можетъ предотвратить не мало несчастныхъ случаевъ, повторяющихся почти каждое лѣто. Съ развитіемъ любви къ рѣчной навигаціи увеличится, разумѣется, и число опытныхъ шкиперовъ, которыхъ такъ часто недостаетъ на купеческихъ судахъ, приходящихъ въ Петербургъ съ Ладожскаго озера.

Тони любимое лѣтнее развлеченіе извѣстнаго класса петербургскаго общества, преимущественно богатыхъ купеческихъ сынковъ и прикащиковъ ихъ батюшекъ. Остынетъ дневный

жарь, потемнѣетъ небо и веселая толпа, въ сообществѣ прекраснаго пола, отправляется на яликахъ на самую оконечность такъ называемаго *взморья*, гдѣ (между нами сказать) почти на каждомъ шагу можно сѣсть на мель, на знаменитые «Козлы», на которыхъ, кромѣ осетра и стерляди, гостей также рѣдко выдаемыхъ въ невскихъ водахъ какъ появленіе въ Петербургѣ бѣлаго слона, — содержатели тоней преискренне желаютъ посѣтителямъ всевозможнаго счастья, въ лососяхъ, сигахъ, но болѣе всего, къ несчастію, въ мелкой рыбицѣ, отнесенной естествоиспытателями къ разряду, неупотребляемой гѣтомъ корюшки, лилипутской ряпушки и безвинно угнетаемой тенетами колюшки. И такова разгульная щедрость русской купеческой природы, что на этихъ тоняхъ оставляются за ночь по нѣскольکو сотенъ рублей, изъ-за одного удовольствія полакомиться на другой день тощимъ запасомъ рыбы пойманной на счастье. Не знаю, кто пустилъ въ міръ Божій неопровержимую истину, что охота пуще неволи и эта истина какъ нельзя очевиднѣе сбывается на дачникахъ: у береговъ, подъ мостиками, на пристаняхъ, всюду встрѣтите вы добровольныхъ мучениковъ уженья, съ верблужимъ терпѣніемъ просиживающихъ долгіе часы надъ разными Невками. Да впрочемъ, что большой части изъ нихъ и дѣлать, въ ожиданіи вечера, съ его дачною музыкой, цыганами и другими разными придаточными. Вечеръ, это праздникъ для всѣхъ островитянъ; куда не повернешь ухо, отсюду доносятся стройные звуки оркестровъ, со всѣхъ оконечностей горада несутся сплошные ряды экипажей, мелькаютъ прекрасныя и невзрачныя фізіономіи и стоитъ по дорогѣ наметь отъ пыли. Минеральныя воды и *Monde brillant*, возстановленный предприимчивымъ г. Излеромъ, какъ и въ прежніе годы, преимущественно собираютъ обильную дань съ чающихъ гѣтнихъ увеселеній. Магнитомъ большинства служить въ нынѣшній сезонъ *Monde brillant* цыганка московскаго хора, Маша красоты довольно привлекательной въ своемъ родѣ. Что еще особенно новаго готовятъ увеселительныя заведенія острововъ неизвѣстно, но уже приближается срокъ темныхъ вечеровъ и слѣдовательно и увеселительныхъ ночей подъ разными заманчивыми названіями. Поговаривали еще будто великодушный И. И. Излеръ намѣревался самъ совершить воздушное путешествіе изъ своего сада для удовольствія публики, да, ловите ваши дни, какъ Горацій, почтеннѣйшіе петербургскіе дачники:

Пока мѣстъ наслаждайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!

ибо земное бытіе скоротечно, какъ изволите знать и вы и я. Почти каждый день истину эту подтверждаютъ примѣры неожиданныхъ утратъ людей, которые восхищали насъ или своею изобрѣтательностію или неотъемлемымъ талантомъ среди какихъ бы невзрачныхъ обстановокъ ни проявлялся онъ. Къ числу подобныхъ утратъ принадлежитъ смерть артиста Императорскихъ театровъ г. Фалѣва. А мѣсто его было неблестящее: онъ постоянно игралъ только роли слугъ, но игралъ ихъ съ такимъ совершенствомъ, что врядъ-ли скоро наши театралы увидятъ достойнаго ему преемника. Быть можетъ нѣкоторые замѣтятъ при этомъ: да чтожъ тутъ особенно труднаго выполнить роль слуги? Какой особенный интересъ можетъ придать любой піесѣ вѣрное и отчетливое воспроизведеніе такого ничтожнаго лица? Вмѣсто отвѣта на это приведу фактъ. Въ извѣстной французской комедіи «La demoiselle villageoise» роль слуги, которому приходилось сказать всего едва нѣсколько стиховъ, долго проходила незамѣченною. Однажды знаменитый Дюпре вызвался по капризу исполнить эту роль и держалъ пари, что истинный артистъ можетъ возвысить все «до перла созданія», какъ выразился Гоголь; Дюпре является на сцену и встрѣчается съ молодой крестьянкой, которой онъ долженъ былъ только замѣтить:

Ces paroles, ce langage —

Vous n'êtes pas née au village!

Его предшественники не присоединяли никакой мимики къ этой короткой фразѣ. Геній Дюпре понялъ, что этого было мало для проясненія личности главнаго лица піесы. По мѣрѣ того, какъ мнимая крестьянка начинаетъ говорить съ нимъ, вольная, безцеремонная поза стараго слуги измѣняется. Станъ его выпрямляется, руки почтительнѣй и почтительнѣй падаютъ внизъ и съ послѣднимъ словомъ онъ уже съ уваженіемъ обнажаетъ предъ бѣдно одѣтой дѣвушкой свою сѣдую лысую голову. Взрывъ рукоплесканій заглушилъ монологъ Дюпре. Піеса выиграла на сто процентовъ.

Сколько разъ такимъ же образомъ помогалъ успѣху и Фалѣвъ. Онъ умеръ въ недостаточномъ состояніи. Безкорыстно преданный своему призванію, никогда ничего не требовалъ онъ отъ дирекціи, кромѣ вставки на казенный счетъ верхней и нижней челюсти зубовъ, безъ которыхъ пришлось бы ему и голодать и шепелявить предъ александрийскою публикой. Коснувшись театровъ, добавлю, что отстройка Театра-Цирка быстро подвигается впередъ и къ зимнему сезону вѣроятно окончится, для

представленій русской оперы, а покуда на лѣтнее время, вся сценическая дѣятельность сосредоточивается въ Каменно-островскомъ театрѣ.

Я чуть было не забылъ сказать, что въ Полуостровѣ, на островѣ Тиволи было недавно устроено гулянье въ пользу пострадавшихъ отъ пожара на Пескахъ. Прелестныя обитательницы полуостровскихъ дачъ взяли на себя продажу билетовъ. Очень естественно, что билетъ изъ дамской ручки цѣнился очень дорого. Были правда грубіяны, которые не трогались ни красотою продавщицъ, ни высоко-филантропическою цѣлью гулянья и требовали законнымъ порядкомъ сдачи... Это ужасно, mesdames, не правда-ли? Мнѣ рассказывали, что кто-то изъ посѣтителей далъ двадцати-пяти рублевую депозитку.

— Вы, конечно, сказала прекрасная блондинка, кокетливо и приятно улыбаясь щедрому посѣтителю — жертвуете все это несчастнымъ; благодарю васъ отъ ихъ имени.

Посѣтитель нѣсколько поморщился и запинаясь отвѣтилъ:

— Да... жертвую... но позвольте мнѣ хоть нѣсколько мелочи на извозчика, я живу отсюда очень далеко, пѣшкомъ дойти нѣтъ возможности, даже ради такого прекраснаго дѣла, въ которомъ вы принимаете участие.

Не знаю, сколько дали ему мелочи.

Въ заключеніе честь имѣю поздравить съ миромъ въ Европѣ.

Егоръ Меллеръ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Сочиненіе г. Романова: «Присоединеніе Амура къ Россіи» окончится въ слѣдующей книжкѣ. Надѣмся, что читатели наши не скучали обширностью этого труда — и съ другой стороны не обвиняли насъ въ невольныхъ замедленіяхъ при его печатаніи.

Напечатанною нынѣ статью г. Лаврова, «Германскіе теисты», открывається въ нашемъ журналѣ рядъ статей о философіи, преимущественно нѣмецкой. Редакціи обѣщаны труды гг. Гогоцкаго и Юркевича по этому-же предмету.

Библиографическая хроника отлагается до слѣдующей книжки.

Графъ Григорій Кушелевъ-Безбородко.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 7.

Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія. — Разсужденіе о распространеніи шахматной игры въ Европѣ и Америкѣ.—Торжество въ Нью-Йоркѣ по случаю возвращенія Морфи.—Партіи: Ланге съ Зиккелемъ и Эліасономъ; Лондонскаго клуба съ Парижскимъ; Лабурдоне съ Макдоннелемъ; Стаунтона съ Андерсеномъ. — Примѣчаніе къ *проблемѣ коня*. — Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. Урусова (статья 5—ая). Рѣшеніе задачъ.—Задачи. —

Было время когда наука, художество, литература, существовали и развивались не иначе какъ подъ покровительствомъ сильныхъ міра сего; когда всякій ученый, поэтъ, художникъ, находился въ необходимости прилѣпиться къ какому нибудь меценату, посвящать ему свои творенія, восхвалять его доблести и, что всего хуже, прилѣпиться иногда къ его вкусу и понятіямъ. Какъ долго существовала и какъ сильна была эта зависимость людей мысли, таланта, генія, отъ людей власти и богатства видно изъ того, что даже, французскіе писатели мпнувшаго столѣтія, — которыхъ конечно нельзя упрекнуть въ недостатокѣ любви къ независимости и въ врожденной склонности къ клиентизму, — не могли отъ нея освободиться; и они тоже принуждены были льстить, занскивать, унижаться, употреблять тысячи ухищреній, чтобы, по выраженію одного изъ нихъ, lancer la flèche sans montrer la main. Довольно вспомнить, что самъ главнокомандующей блестящею арміею энциклопедистовъ былъ въ тоже время камергеромъ короля прусскаго и, рукою написавшею философическій лексиконъ и Микромегаса, строчилъ иной разъ до безстыдства льстивыя похвалы, не только Фридриху второму, но даже герцогу Ришелье и маркизѣ Помпадуръ.

Теперь все это изменилось; ученые не имѣютъ надобности посвящать свои труды герцогамъ, князьямъ и кардиналамъ; поэты не пишутъ заказныхъ стиховъ, на свадьбы, крестины и похороны. Тѣ и другіе служатъ не отдѣльнымъ лицамъ, не избраннымъ аристократическимъ кружкамъ, а всему современному обществу, которое, — какъ ни много укоряютъ его въ матеріальности, — вознаграждаетъ произведенія ума и таланта не хуже самыхъ щедрыхъ меценатовъ. Ламартинъ получилъ за исторію жирондистовъ, если не ошибаюсь, триста тысячъ франковъ; геологъ Агаситцъ, человѣкъ не имѣвшій никакого состоянія (во время своего студенчества онъ принужденъ былъ просить у Гумбольдта денежной помощи), составилъ, въ самое короткое время, огромный капиталъ единственно своими лекціями; Рапелъ, Рубини и всѣ геніальныя артисты нашего времени не могли бы тоже, кажется, пожаловаться на недостатокъ сочувствія къ ихъ талантамъ. «Но, воскликнуть нетерпѣливые читатели, какую же связь имѣетъ все это съ гамбитами и матами, о которыхъ обязанъ рассказывать шахматный листокъ?» А вотъ, позвольте, я сейчасъ объясню.

Исторія развитія и распространенія шахматной игры въ Европѣ и Америкѣ*) имѣетъ большую аналогію съ исторіей наукъ, литературы и просвѣщенія вообще; можно даже замѣтить, что онѣ идутъ совершенно параллельно одна другой. Я вовсе не хочу сказать этимъ, что шахматная игра и ея теорія имѣли бы для человѣчества значеніе подобное значенію наукъ, литературы и другихъ существенныхъ элементовъ цивилизаціи; утверждать это, было бы безуміе. Но тѣмъ не менѣе, я думаю, что помянутая аналогія, — которую сейчасъ постараюсь доказать фактами, — никакъ не можетъ быть приписана простой случайности. Вообще надо замѣтить, что игры и всякаго рода людскія забавы совсѣмъ не столь пустая вещь какъ многіе думаютъ; онѣ часто весьма вѣрно опредѣляютъ характеръ эпохи, общества, человѣка. Турниры также приличны рыцарямъ, какъ еро-

*) Объ исторіи шахматной игры на востокѣ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній; сверхъ того эта игра не разрабатывалась тамъ теоретически, а мы, въ настоящемъ случаѣ, имѣемъ въ виду преимущественно ея теорію и литературу. Замѣтимъ впрочемъ, что сколько намъ извѣстно, изъ всѣхъ восточныхъ народовъ Аравитяне всего болѣе занимались шахматами, и именно въ самую блестящую эпоху своего существованія; что опять таки говорить въ пользу нашего мнѣнія. Наконецъ въ Австралію игра занесена разумѣется европейцами теперь довольно быстро распространяется въ ихъ колоніяхъ.

лашь нашимъ чиновникамъ и наоборотъ, нельзя безъ смѣху представить себѣ какого нибудь риттера Тогенбурга за ломбернымъ столомъ или Чичикова съ Маниловымъ на борзыхъ, закованныхъ въ желѣзо коняхъ. Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es, говоритъ французская пословица; а я скажу: расскажите мнѣ какъ проводите вы часы досуга и я разгадаю вашъ нравъ. Можно даже утверждать, что личность отдѣльнаго человѣка опредѣляется полнѣе и вѣрнѣе его удовольствіями, чѣмъ дѣловыми занятіями и официальнымъ положеніемъ, ибо послѣднія подчинены, и къ несчастію слишкомъ часто, внѣшнимъ обстоятельствамъ, тогда какъ первые зависятъ, почти всегда, отъ собственнаго выбора. Не всякій профессоръ—ноборникъ просвѣщенія; не всякій офицеръ — герой, но уже конечно всякій человѣкъ, не знающій другаго наслажденія кромѣ карточной игры и, такъ называемаго, легкаго чтенія въ родѣ романовъ Дюма и Феваля — пустой и ничтожный человѣкъ. Но обратимся къ исторіи шахматъ. Конечно не для того, чтобъ рассказывать ее въ полнотѣ и подробности—это потребовало цѣлые томы, — а только чтобъ объяснить ея характеръ, указать главные эпохи; каждая изъ этихъ эпохъ, каждый даже отдѣльный дѣятель, котораго намъ придется назвать въ этомъ бѣгломъ очеркѣ, составитъ со временемъ предметъ особой статьи нашего Листка.

Трудно было бы опредѣлить съ точностію когда именно шахматная игра занесена съ востока въ Европу, но нѣтъ сомнѣнія, что она получаетъ важное значеніе и научный характеръ, только съ того времени, когда человѣческій умъ начинаетъ пробуждаться отъ средне-вѣковаго усыпленія и прежде всего именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ началось это счастливое пробужденіе, а за тѣмъ, переходитъ изъ страны въ страну, отъ народа къ народу, совершенно сообразно распространенію просвѣщенія. Первые основы шахматной теоріи положены въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія испанцемъ Луценомъ (1498 г.) и португальцемъ Даміано (1512 г.) Но Иберійскій полуостровъ не долго сохранялъ пальму шахматнаго первенства и, уже во второй половинѣ XVI вѣка, сильнѣйшій испанскій игрокъ, монахъ Рюп-Лопецъ, потерпѣлъ, въ присутствіи Филиппа втораго, жестокое пораженіе отъ молодаго италянца извѣстнаго подъ прозвищемъ *il puttino**)

---

*) Въ какомъ именно году это происходило я навѣрно не знаю, но надо полагать что въ 1576, потому что рекомендательное письмо, которымъ Филиппъ второй снабдилъ сиракузянина Паоло Бои къ Донъ-Жуану австрій-

(Леонардо, уроженецъ города Кутри). Съ этого времени, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ, шахматное искусство совершенствуется, шахматная теорія развивается, преимущественно, можно даже сказать почти исключительно, на Апеннинскомъ полуостровѣ; а кому не извѣстно, что этотъ періодъ былъ самой блестящею эпохой существованія Италіи? Бон, Леонардо, Каррера, Греко, Сальвіо, — современны великимъ италіанскимъ художникамъ и ученымъ, составившимъ славу своего отечества. Французы, перенявъ царственную игру отъ испанцевъ, получаютъ значеніе въ исторіи шахматной науки не раньше половины минувшаго столѣтія, то есть именно въ ту эпоху, когда Франція становится въ главѣ умственнаго движенія Европы; и основатель французской шахматной школы, Мишель Даниканъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Филлidora, пишетъ свой *Analyse du jeu des échecs*, въ то самое время когда Вольтеръ, д'Аламберъ, Дидро и ихъ сподвижники трудятся надъ колоссальнымъ зданіемъ энциклопедіи.*)

Тѣсныя предѣлы настоящей статьи не позволяютъ намъ входить въ разсмотрѣніе вопроса кто болѣе подвинулъ шахматную теорію: французы или италіанцы и въ чемъ заключается различіе взглядовъ тѣхъ и другихъ, — замѣтимъ только, что ни Филлidorъ, ни италіанскіе писатели, не только не разрѣшили всѣхъ вопросовъ этой теоріи, (это было бы невозможно, потому что она подлежитъ безконечному развитію) но даже не успѣли сообщить ей научной формы, которую она имѣетъ въ настоящее время**). Они положили основаніе, начертали программу; но вывести на этомъ основаніи обширное зданіе шахматной теоріи, выполнить заданную программу, суждено было XIX вѣку. И дѣло это исполнено не испанцами, не италіанцами, не французами, но нѣмцами и англичанами и, еще въ большой степени, однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ; нужно ли прибавлять, что мы разумѣемъ автора *Analyse nouvelle*? Съ появленіемъ этой

скому помѣчено 22 августомъ 1575 г.; а Бонъ былъ въ Мадридѣ въ одно время съ Леонардо; по крайней мѣрѣ они вмѣстѣ отправились изъ Италіи.

*) Филлidorъ родился 7 Сентября 1726 года, умеръ въ 1795 году; первое изданіе его анализа относится къ 1748 г.

***) Г. Янишъ совершенно правъ говоря въ одномъ изъ своихъ сочиненій... *malgré les travaux des amateurs éminents de toutes les nations depuis le XVI siècle, des Lopez, des Salvio, des Ponziani, des Philidor, c'est encore de nos jours que se sont faites les découvertes les plus étonnantes dans la théorie des échecs, sans qu'on puisse même prévoir qu'elle se trouve jamais épuisée.*

книги (1842 и 1843 г.) шахматная теорія окончательно приняла свойственную ей научную, аналитическую форму; послѣдующимъ писателямъ остается только разработывать подробности, идти по указанному г. Янишемъ пути.*)

Надо однако замѣтить, что по смерти Филидора, Французы не тотчасъ уступили шахматную славу другимъ народамъ; Дешапель и Лабурдоне поддержали ее до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но эти люди замѣчательны только въ отношеніи практическаго искусства, а къ теоріи они ничего не прибавили; первый не имѣлъ о ней почти никакого понятія**); второй, хотя и написалъ трактатъ шахматной игрѣ, но эта книга нисколько не соотвѣтствуетъ славѣ автора. Послѣ Дешапеля и Лабурдоне Франція не произвела ни одного первокласнаго игрока и, еще до исхода первой половины столѣтія, потеряла, въ лицѣ своего представителя Сент-Амана поражение отъ руки англичанина Стаунтона. Наконецъ, въ настоящее время, блестящіе подвиги Морфи заставляютъ думать, что скоро, можетъ быть, всѣ страны стараго свѣта принуждены будутъ уступить шахматный вѣнецъ юной, исполненной свѣжихъ силъ Америкѣ.

Теперь если обратимъ вниманіе на постепенное распространеніе благородной игры въ различныхъ классахъ общества, то и тутъ увидимъ, что оно слѣдовало распространенію просвѣщенія вообще. Въ XVI вѣкѣ любовь къ шахматной игрѣ проявляется прежде всего въ аристократіи и, можетъ быть еще въ большей степени, въ католическомъ духовенствѣ. Немногіе дошедшіе до насъ подробности о жизни знаменитыхъ игроковъ того времени дадутъ, мнѣ кажется, поводъ думать, что положеніе ихъ въ обществѣ было очень подобно положенію современныхъ имъ живописцевъ, скульпторовъ, писателей. Они тоже пользовались покровительствомъ королей, папъ, герцоговъ, кар-

---

*) Въ самомъ непродолжительномъ времени мы сообщимъ читателямъ подробную статью о многосложной и въ высшей степени плодотворной дѣятельности г. Яниша; эта статья докажетъ, надѣмся, что не національная гордость, а уваженіе къ истинѣ заставляеть насъ ставить такъ высоко груди нашего соотечественника.

***) Когда въ партіи игранный по перепискѣ между Парижемъ и Пестомъ, Венгерцы, послѣ ходовъ 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ сыграли 2) $\frac{g1-f3}$, Дешапель сказалъ: *les Hongrois ont fait une faute, dont nous devons profiter* и совѣтывалъ отвѣчать посредствомъ 2) $\frac{f7-f5}$. Судите по этому каковы были его теоретическія познанія.

диналовъ; покровительствомъ полезнымъ, пожалуй необходимымъ, но тѣмъ не менѣе иногда и нѣсколько унижительнымъ. Бон и Леонардо приняты ко двору Филиппа втораго, но играютъ передъ католическимъ величествомъ не иначе, какъ стоя на колѣняхъ; папа Пій V предлагаетъ Сиракузянину (прозвище Бон) большія выгоды, но съ тѣмъ, чтобъ онъ вступилъ въ монашеское званіе; отъ чего Бон впрочемъ отказался, *per vivere a gusto de suoi usagi*, замѣчаетъ Каррера. Странствованія Puttino и Сиракузянина, напоминаютъ походы Бенвенуто Челлини. Филidorъ тоже находитъ сильныхъ покровителей, особенно въ средѣ англійской аристократіи; въ Лондонѣ онъ часто игралъ съ лордами Сондерландомъ и Годолфиномъ; въ Ахенѣ герцогъ Кумберландскій и лордъ Сандуитчъ оказали ему важное пособіе. Узнавъ о страсти Фридриха втораго къ шахматной игрѣ, Филidorъ отправился въ Пруссію; нѣсколько разъ игралъ въ присутствіи короля и даже, почти безвыѣздно, жилъ въ Потсдамѣ, какъ узнаемъ изъ одного письма математика Эйлера къ Голдбаху.

Но вкусъ къ благородной игрѣ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространялся, число любителей постоянно увеличивалось, а съ этимъ измѣнилось и самое положеніе ихъ въ обществѣ. Теперь шахматные писатели не нуждаются для сбыта своихъ произведеній въ покровительствѣ англійскихъ лордовъ и италіанскихъ кардиналовъ; эти произведенія и безъ того находятъ довольно читателей: сочиненіе Гейдебранда имѣло три изданія, *Analyse* Янниша — два раза переведенъ на англійскій языкъ. Знаменитые игроки предпринимаютъ путешествія не съ тѣмъ, чтобъ выказывать свое искусство передъ герцогами и принцами, а чтобъ найти случай помѣриться силами съ достойными себя соперниками. Однако, каковы бы ни были успѣхи распространенія шахматной игры въ Европѣ, они ничтожны въ сравненіи съ распространеніемъ ея въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ она получила уже общественное значеніе въ полномъ смыслѣ этого слова; не одни записные любители и члены клубовъ, но общество во всемъ своемъ составѣ интересуется ея успѣхами; чтобъ убѣдиться въ этомъ, посмотрите что пишетъ нью-іоркскій корреспондентъ одного изъ нашихъ журналовъ о приемѣ сдѣланномъ побѣдителю Гаррвитца и Андерсена.

«Болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, двѣтъ нью-іоркскаго общества, собрались въ епископальной университетской церкви, украшенной щитами съ изображеніями именъ извѣстнѣйшихъ пораженныхъ американцемъ шахматистовъ, и означеніемъ дней

его побѣдъ. Нѣсколько оркестровъ привѣтствовали вступленіе побѣдителя въ храмъ. Потомъ послѣдовали нескончаемыя рѣчи; въ продолженіи каждой изъ нихъ, Морфи, безъ сомнѣнія, успѣлъ бы дать мать сильнѣйшему изъ своихъ противниковъ. На длинныя привѣтствія онъ отвѣчалъ и коротко и скромно, выражая глубокую признательность къ соотечественникамъ и уваженіе къ своимъ европейскимъ соперникамъ. Въ заключеніе торжества, члены нью-іоркскаго клуба поднесли ему шахматы и шахматный столъ, превосходящіе великолѣпіемъ матеріаловъ и изяществомъ отдѣлки все видѣнное доселѣ въ этомъ родѣ. Наиболѣе подходящіе къ нимъ суть шахматы королевы Викторіи, но они меньшаго размѣра. Столъ розоваго дерева, съ инкрустаціями изъ чернаго дерева и серебра; онъ окаймленъ двойнымъ рядомъ жемчуга. Самыя шашки — изъ чистаго золота и серебра; пѣшки имѣютъ три, офицеры пять дюймовъ вышины. Золотыя шашки (черныя) изображаютъ дворъ вестготскаго царя, а серебрянныя (бѣлыя) станъ сѣверныхъ варваровъ, принимавшихъ участіе въ разрушеніи западной имперіи. Историческая вѣрность строго соблюдена во всѣхъ подробностяхъ. Каждая шашка имѣетъ корнаниновое основаніе. Вся игра стоила тысячу шесть сотъ долларовъ. Ящикъ для храненія шашекъ осыпанъ алмазами. На крышкѣ—вензелевое изображеніе имени Морфи, надъ—нимъ корона и похвальные надписи. Описанное торжество происходило 25 Іюня; на слѣдующій день, жители Бостона поднесли побѣдителю золотой вѣнокъ.

№ 45.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ. *)

(Бѣлыя.)	(Черныя.)	8) c4—d5°	d8—d5°
1) e2—e4	e7—e6	9) g1—f3	c5—d4°
2) d2—d4	d7—d5	10) c3—d4°	b8—c6
3) e4—d5°(1)	e6—d5°	11) c1—e3	0—0
4) c2—c4(2)	f8—b4+(3)	12) f1—d3(6)	e7—f5(7)
5) b1—c3(4)	c7—c5(5)	13) 0—0	f8—d8
6) a2—a3	b4—c3°+	14) f1—e1(8)	g7—g6
7) b2—c3°	g8—e7	15) d3—f5°	c8—f5°

*) Къ сожалѣнію мы не знаемъ кѣмъ играна вѣтоящая партія; она заимствована изъ сочиненія г. Лауге, равно какъ и игри за No No 46, 47 и 48.

16) d1—e2	f5—g4	32) e3—c5	b5—b4
17) a1—d1	d8—d7	33) a3—b4°	a5—b4°
18) d1—d2	a8—d8	34) c5—e3	b4—b3
19) e1—d1	f7—f5	35) e3—c1	c6—e7(10)
20) h2—h3	g4—f3°	36) c1—b2	e7—f5
21) e2—f3°	d5—f3°	37) b2—c1	f5—g3+
22) g2—f3°	f5—f4	38) e4—d4	e6—f5
23) e3—f4°	d7—d4°	39) d4—c4	g3—e2
24) d2—d4°	d8—d4°	40) c1—b2	f5—f4°
25) d1—d4°	c6—d4°	41) c4—b3°	f4—f3°
26) g1—g2	b7—b5	42) h3—h4	h7—h5
27) f4—e3	d4—c6	43) b2—f6	f3—g4
28) f3—f4	g8—f7	44) b3—c4	e2—f4
29) g2—f3	f7—f6	45) c4—d4	f4—g2
30) f3—e4(9)	f6—e6	и черные выигрываютъ.	
31) f2—f3	a7—a5		

Примѣчанія къ партіи No. 45.

(1) Подвигать королевскую пѣшку (.4—e5.) менѣе хорошо; тогда черные приобрѣтутъ атаку посредствомъ 3) $\frac{c2-c3}{c7-c5}$ 4) $\frac{c2-c3}{b8-c6}$ если теперь бѣлые сыгравтъ 5) $\frac{g1-f3}{}$, то получимъ 5) $\frac{d8-b6}{}$ 6) $\frac{f1-d3}{c8-d7}$ 7) $\frac{d3-c2}{a8-c8}$ 8) $\frac{0-0}{f7-f6}$ 9) $\frac{b2-b3}{c5-d4^\circ}$ 10) $\frac{c3-d4^\circ}{f6-c5^\circ}$ 11) $\frac{d4-e5^\circ}{f8-c5}$ и черныя имѣютъ превосходство положенія. Если же на пятомъ ходѣ бѣлые сыгравтъ 5) $\frac{f2-f4}{}$, тогда 5) $\frac{d8-b6}{}$ 6) $\frac{g1-f3}{c3-d7}$ 7) $\frac{f1-e2}{g8-h6}$ 8) $\frac{0-0}{c5-d4^\circ}$ 9) $\frac{c3-d4^\circ}{c6-d4^\circ}$ 10) $\frac{f3-d4^\circ}{h6-f5}$ и партія черныхъ лучше.

(2) Этотъ ходъ очень часто встрѣчается на практикѣ и при малѣйшей ошибкѣ черныхъ даетъ бѣлымъ довольно сильную атаку; но если черные будутъ совершенно правильно защищаться, то не только вполне отразятъ нападеніе, но приобрѣтутъ даже превосходство положенія, какъ это совершенно ясно и несомнѣнно доказано г. Янишемъ въ приложеніи къ Analyse nouvelle des ouvertures du jeu des échecs (Т. II р. 253 et 254). Основательнѣе играть 4) $\frac{g1-f3}{}$ послѣдствіемъ чего будетъ 4) $\frac{f1-d3}{g8-f6}$ 5) $\frac{f1-d3}{f3-d4}$ 6) $\frac{0-0}{c2-c6}$ 7) $\frac{c1-e3}{0-0}$ игра совершенно равна.

(3) Самыи лучший ходъ.

(4) Если бѣлые закроются слономъ, то 5) $\overline{d8-e7+}$

(5) Анализъ этого хода въ первый разъ встрѣчается въ Kritik der Eröffnungen Ланге; въ сочиненіи г. Яниша тутъ играетъ

5) $\overline{g8-e7}$

(6) Для хода 12) $\overline{f1-d2}$ см. партію № 46; 12) $\overline{a1-c1}$ имѣло бы послѣдствіемъ потерю пѣшки а3.

(7) с8—f5 представляется съ перваго взгляда кажется спльнѣе, но болѣе внимательное разсмотрѣніе обнаруживаетъ, что тогда 13) $\frac{0-0}{a2-d8}$, 14) $\frac{a1-c1}{f5-d8^\circ}$, 15) $\frac{d1-d3^\circ}{c7-f5}$, 16) $\overline{f1-d1}$, и бѣлые хорошо защитили пѣшку d4, а на нее то и направлена атака черныхъ.

(8) Это ловушка; если черные возьмутъ пѣшку, то потеряють ферзя за ладью и слона, а именно 14) $\overline{f5-d4^\circ}$ 15) $\frac{f3-d4^\circ}{c6-d4^\circ}$

16) $\frac{e3-d4^\circ}{d5-d4^\circ}$ 17) $\frac{e1-e8+}{d8-e8^\circ}$ 18) $\overline{d3-h7^\circ+}$ и черный ферзь погибъ.

(9) Если f3—g4, то 30) $\overline{h7-h5+}$ 31) $\frac{g4-h4}{f6-f5}$ 32) $\frac{f2-f3}{a7-a5}$ 33) $\frac{e8-d2}{b5-b4}$

34) $\frac{a3-b4^\circ}{a5-b4^\circ}$ 35) $\frac{d2-c3}{b4-b3}$ 36) $\frac{e3-c1}{c6-a5}$ и черные должны выиграть.

(10) При с6—а5, игра легко могла бы кончиться розыгрышемъ.

№ 46.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Зинккель. (Бѣлые.)	М. Ланге. (Черные.)	12) f1—e2(2)	e7—f5
1) e2—e4	e7—e6	13) 0—0	f8—d8
2) d2—d4	d7—d5	14) d1—d2(3)	c6—d4°
3) e4—d5°	e6—d5°	15) f3—d4°	f5—d4°
4) c2—c4	f8—b4+	16) a1—d1	d4—e2°+
5) b1—c3	c7—c5	17) d2—e2°	d5—a5
6) a2—a3	b4—c3°+	18) d1—d8°	a5—d8°
7) b2—c3°	g8—e7	19) f1—d1	d8—e8
8) c4—d5°(1)	d8—d5°	20) e3—a7°	c8—e6
9) c1—e3	c5—d4°	21) a7—c5	e8—c6
10) c3—d4°	b8—c6	22) c5—b4	e6—d5
11) g1—f3	0—0	23) f2—f3	c6—b6+
		24) g1—h1	d5—c6

игра ничья.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ No. 46.

(1) $d4-c5^\circ$ было бы не хорошо ибо тогда 8) $\frac{d1-d4}{d8-a5}$ 9) $\frac{d1-d4}{b8-c6}$
 10) $\frac{d4-c3}{d5-d4}$ а если 10) $\frac{d4-g7}{h8-g8}$, то 10) $\frac{g7-f6}{d5-d4}$ 11) $\frac{c1-d2}{a5-c5^\circ}$
 13) $\frac{c3-d4^\circ}{c5-d4^\circ}$ 14) $\frac{f6-d4^\circ}{c6-d4^\circ}$ 15) $\frac{f1-d3}{c3-f5^\circ}$ 16) $\frac{d3-f5^\circ}{e7-f5^\circ}$ 17) $\frac{a1-c1}{0-0-0}$ 18) $\frac{g2-g3}{g8-e8+}$
 и т. д.

(2) Въмѣсто этого можно играть $d1-a4$, съ тѣмъ, чтобъ потомъ поставить слона на кѣтку $c4$; но и въ этомъ случаѣ черные будутъ, кажется, имѣть превосходство положенія; предполагая напримѣръ 12) $\frac{d1-d4}{c8-e6}$ 13) $\frac{a1-c1}{e7-f5}$ 14) $\frac{f1-c4}{d5-e4}$ 15) $\frac{c1-c3}{c6-d4^\circ}$ или 15) $\frac{c4-e6^\circ}{f5-c3^\circ}$ и въ обоихъ случаяхъ игра черныхъ лучше.

(3) Если 14) $\frac{d1-a4}{c8-d7}$, то 14) $\frac{e2-c4}{c6-d4^\circ}$ 16) $\frac{c4-d5^\circ}{d7-a4^\circ}$
 17) $\frac{d5-b7^\circ}{d4-c2+}$ 18) $\frac{g1-h1}{a8-b8}$ 19) $\frac{b7-a6}{f5-e3^\circ}$ 20) $\frac{f2-e3^\circ}{a4-b5}$ 21) $\frac{a6-b5^\circ}{b8-b5^\circ}$; игра черныхъ хороша. Если же на пятнадцатомъ ходѣ бѣлые сыгряютъ $a4-b5$, то черные завоюютъ пѣшку посредствомъ 15) $\frac{c4-d5^\circ}{d7-a4^\circ}$
 16) $\frac{e2-b5^\circ}{c6-d4^\circ}$. Для большихъ подробностей см. Kritik der Eröffnungen Ланге [Глава 5.] и его же Lehrbuch des Schachspiels [§ 212.]

№ 47.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Зиккель.	М. Ланге.	12) $b3-c2(6)$	$h7-h6$
(Бѣлые.)	(Черные.)	13) $0-0$ (7)	$f7-f5$
1) $e2-e4$	$e7-e6$	14) $a1-d1$	$g8-h8$
2) $d2-d4$	$d7-d5$	15) $c3-e2$	$d8-f6$
3) $e4-d5^\circ$	$e6-d5^\circ$	16) $b2-b4$	$g7-g5$
4) $c2-c4$	$c8-e6(1)$	17) $h2-h3$	$f5-f4(8)$
5) $d1-b3(2)$	$b8-c6$	18) $e3-c1$	$h6-h5$
6) $c1-e3$	$f8-b4+$	19) $c1-b2$	$g5-g4$
7) $b1-c3$	$g8-e7$	20) $h3-g4^\circ(9)$	$h5-g4$
8) $a2-a3$	$b4-a5$	21) $f3-e5$	$c6-e5^\circ$
9) $g1-f3(3)$	$0-0$	22) $d4-e5^\circ$	$f6-h4$
10) $f1-d3(4)$	$a5-b6$	23) $b2-d4$	$g4-g3$
11) $c4-d5^\circ(5)$	$e7-d5^\circ$	24) $f2-g3^\circ$	$f4-g3^\circ$

- 25) f1—f3   h4—h2+   27) d4—g1   d5—e3+
 26) g1—f1   h2—h1+   бѣлыя сдаются.

Примѣчания къ партіи № 47.

(1) Выше было уже замѣчено, что лучший ходъ есть 3) $\overline{f8-b4+}$ но и 4) $\overline{c8-e6}$ заслуживаетъ вниманія. Что касается до хода 4) $\overline{c7-c6}$ то онъ положительно нехорошъ. Въ поясненіе приводимъ небольшую партію, въ которой г. Ланге, имѣвшій первый ходъ, ловко воспользовался ошибкою противника съигравшаго 4) $\overline{c7-c6}$

4) c2—c4	c7—c6	11) c6—c7	b8—a8
5) d1—b3	f8—e7	12) f1—b5+	e8—f8
6) c1—f4	e7—f6	13) 0—0	b2—a1°
7) f4—b8°	a8—b8°	14) f1—d1	c8—e6
8) c4—d5°	f6—d4°	15) b3—a3+	f6—e7
9) d5—c6°	d8—f6	16) d1—d8+	a8—d8°
10) g1—f3	d4—b2°	17) c7—d8°.Ф*)	×

Наконецъ здѣсь представляется еще ходъ 4) $\overline{c7-c6}$, но при немъ начинавшій партію можетъ приобрести сильное положеніе посредствомъ: 5) $\frac{b1-c3}{g8-f6}$ 6) $\frac{c4-d5°}{f8-d5°}$ 7) $\frac{f1-c4}{}$. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобъ 4) $\overline{c7-c6}$ вело къ непремѣнному проигрышу; вотъ партія, въ которой г. Ланге съигралъ его и тѣмъ не менѣе одержалъ довольно блестящую побѣду.

4) c2—c4	c7—c5	11) e5—c6°	d8—d4°
5) b1—c3	g8—f6	12) c6—d4+	c3—b5°
6) c4—d5°	f6—d5°	13) d4—b5°	f8—b4+
7) f1—b5+	b8—c6	14) c1—d2	b4—d2°+
8) g1—f3	c5—d4°	15) e1—d2°	0—0—0+
9) d1—d4°	c8—e6	16) d2—e1	e6—c4
10) f3—e5	d5—c3°	17) a1—c1	h8—e8×

(1) Для мало опытныхъ любителей не лишнимъ считаемъ замѣтить, что по новѣйшимъ уставамъ игры, пѣшка, достигшая восьмой линіи, можетъ преобразиться, по волѣ играющаго, въ любого офицера, даже и такого, который имѣется еще на доскѣ. Такимъ образомъ можно имѣть двухъ ферзей, трехъ коней, двухъ одноцвѣтныхъ (т. е. двигающихся по клеткамъ одного и того же цвѣта) слоновъ и т. п.; что впрочемъ на практикѣ встрѣчается довольно рѣдко.

Едва ли нужно придавать, что противник г. Ланге играть очень слабо.

(2) К. А. Янишъ признаетъ этотъ ходъ самымъ лучшимъ.

(3) Брать пѣшку b7 нельзя, ибо тогда 9) $\frac{a8-b8}{a8-b8}$ 10) $\frac{b7-a6}{b8-b6}$ и бѣлые теряютъ ферзя.

(4) 10) $\frac{f1-e2}{f1-e2}$ имѣло бы послѣдствіемъ 10) $\frac{a5-b6}{a5-b6}$ 11) $\frac{c4-d5^\circ}{e7-d5^\circ}$ 12) $\frac{b3-d1}{h7-h6}$ 13) $\frac{0-0}{f7-f5}$ 14) $\frac{h2-h3}{h2-h3}$ (чтобъ не пустить слона на клетку g4) 14) $\frac{f5-f4}{f5-f4}$ 15) $\frac{e3-c1}{d5-e7}$ и черные имѣютъ превосходство положенія.

(5) Этотъ ходъ необходимъ, ибо черные угрожаютъ взять пѣшку c4 и сыграть потомъ c6—a5, если же бѣлые двинуть 11) $\frac{c4-c5}{c4-c5}$, то 11) $\frac{b6-c5^\circ}{b6-c5^\circ}$ 12) $\frac{d4-c5^\circ}{d5-d4}$ и черные возвращаютъ офицера съ превосходствомъ положенія.

(6) 12) $\frac{d3-c4}{d3-c4}$ дурно, ибо черные отвѣтятъ 12) $\frac{c6-a5}{c6-a5}$

(7) Можно бы кажется d3—f5, чтобъ помѣшать движенію пѣшки f7.

(8) Черные имѣютъ славную атаку.

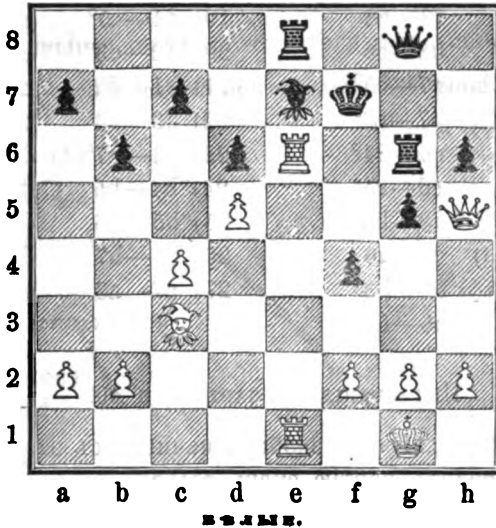
(9) f3—e5 не спасло бы партіи.

№ 48.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

М. ЛАНГЕ.	Г. ЭЛИАСОНЪ.	12) d4—d5	c6—d4
(Бѣлые.)	(Черные.)	13) c1—e3	d4—f5
1) e2—e4(1)	e7—e6	14) d3—f5°	e6—f5°
2) d2—d4	b7—b6(2)	15) e3—d4	f5—f4
3) g1—f3	c8—b7	16) g3—f3	h8—g8
4) f1—d3	f8—e7	17) a1—e1	g8—g6
5) 0—0	g8—f6	18) f3—h5	e8—f8
6) b1—c3	h7—h6	19) d4—c3	f8—g8(3)
7) e4—e5	f6—d5	20) e5—e6	d7—d6
8) c3—d5°	b7—d5°	21) e6—f7°+(4)	g8—f7°
9) c2—c4	d5—f3°	22) e1—e6	d8—g8
10) d1—f3°	b8—c6	23) f1—e1	a8—e8
11) f3—g3	g7—g5		

ЧЕРНЫЕ.

Положеніе партіи послѣ 23-го хода черныхъ.

Силы обѣихъ сторонъ совершенно тождественны, но игра черныхъ до того отъснена, что бѣлые могутъ совершенно покойно подготовить матъ и помѣшать этому нѣтъ никакихъ средствъ. Въ дѣйствительности было слѣдующее продолженіе.

24) g2—g3	g8—h7	26) g3—f4	g5—f4°
25) g1—h1	h7—g8	Бѣлые даютъ матъ въ 3 хода.	

Примѣчанія къ партіи No. 48.

- (1) Эта партія была играна въ берлинскомъ клубѣ, весной 1853 года, на небольшомъ турнирѣ изъ двѣнадцати человекъ.
- (2) Этотъ ходъ слабѣ чѣмъ 2) $\overline{d7-d5}$, онъ, какъ можно видѣть изъ настоящей партіи, даетъ чернымъ игру весьма спертую, чисто оборонительную.
- (3) Черные теряютъ много темповъ; они вынуждены къ этому своимъ стѣсненнымъ положеніемъ.
- (4) Теперь игра бѣлыхъ несомнѣнно выиграна.

№ 49.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Лондонъ.	Парижъ.	3) e4—d5°	e6—d5°
(Бѣлые.)	(Черные.)	4) g1—f3	g8—f6
1) e2—e4	e7—e6	5) f1—d3	c7—c5
2) d2—d4	d7—d5	6) d1—e2+(1)	f8—e7

7) d4—c5°	0—0	18) g1—f1°	f6—g4
8) c1—e3	f8—e8	19) d4—c5°	g4—e3°+
9) d3—b5	b8—c6	20) f2—e3°	e8—e3°
10) f3—d4	e7—c5°	21) b1—d2	a8—e8
11) b5—c6°(2)	b7—c6°	22) b3—b4	e3—d3
12) c2—c3	c5—d4°	23) a1—a7°(4)	d3—d2°
13) c3—d4°	c6—c5	24) b4—b5	d2—b2°
14) e2—d3	d8—b6	25) b5—b6	d5—d4
15) 0—0 (3)	c8—a6	26) b6—b7	d4—d3
16) d3—b3	b6—b3°	27) a7—a8	g8—f8
17) a2—b3°	a6—f1°		бѣлые сдаются.

Примѣчания къ партии № 49.

(1) Нехорошо сыграно; вообще, начиная съ этого хода, лондонскій клубъ ведетъ партию очень слабо.

(2) Если 11) $\frac{d8-b6}{d4-c6}$, то 12) $\frac{d8-b6}{d4-c6}$ и бѣлымъ плохо.

(3) Черезъ это бѣлые теряютъ ладью за слона, но положеніе ихъ такъ не хорошо, что всякій другой ходъ имѣлъ бы, можетъ быть, еще худшія послѣдствія.

(4) Сыграно, какъ говорится *на авось*, въ надеждѣ провести пѣшку.

№ 50.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

МАКДОННЕЛЪ.	ЛАБУРДОНЕ.		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e6	13) f4—e5°	d7—e8
2) f2—f4(1)	c7—c5	14) g3—h3	e8—h5
3) g1—f3	b8—c6	15) g2—g4	h5—g6
4) c2—c3	d7—d5	16) f1—g2	g6—e4
5) e4—e5	f7—f6	17) g4—g5	h6—f5
6) b1—a3(2)	g8—h6(3)	18) e3—f5°	f8—f5°
7) a3—c2	d8—b6(4)	19) c1—e3	e4—f3°
8) d2—d4	c8—d7	20) g2—f3°	c6—e5°
9) c2—e3	c5—d4°	21) f3—g4	e5—g4°
10) c3—d4°	f8—b4+	22) d1—g4°	a8—f8
11) e1—f2	0—0	23) a1—g1	b4—d6
12) f2—g3	f6—e5°	24) e3—c1	f5—f3+
		25) h3—h4	f8—f4

бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 50.

(1) Это слабѣе чемъ 2) $\frac{d2-d4}{-}$.

(2) Вообще говоря надо избѣгать ставить коней на кѣтки а3 и h3, но въ настоящемъ случаѣ ходъ b1—a3 недуренъ; конь можетъ стать потомъ на c2 и подрѣшить пѣшку d4.

(3) Отсюда конь можетъ занять кѣтку f7 и f5 и въ обо-ихъ случаяхъ будетъ имѣть выгодное положеніе; въ первомъ онъ атакуетъ пѣшку e5, а во второмъ d4.

(4) Во Французскомъ дебютѣ этотъ ходъ имѣетъ большую важность; онъ угрожаетъ пунктъ b2 и во многихъ случаяхъ затрудняетъ рокировку.

№ 51.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

АНДЕРСЕНЪ. (Бѣлыя.)	СТАУНТОНЪ. (Черныя.)		
		22) b4—c5°	d6—c5°
		23) a3—c5°	d8—e7
1) e2—e4	e7—e6	24) c5—c7	f7—d6
2) d2—d4	g7—g6(1)	25) c7—a5	h7—h5
3) f1—d3	f8—g7	26) c1—c7	h8—f8
4) c1—e3	c7—c5	27) f1—c1	a7—a6
5) c2—c3	c5—d4°	28) e2—d4	a8—c8
6) c3—d4°	d8—b6(2)	29) d4—e6	c8—c7°
7) g1—e2(3)	b6—b2°	30) c1—c7°	f8—f7
8) b1—c3	b2—b6	31) a5—b6	f7—f6
9) a1—c1	b8—a6	32) h2—h3	g6—g5
10) c3—b5	g7—f8	33) b6—b2	d6—b5
11) 0—0	d7—d6	34) d3—b5°	a6—b5°
12) d4—d5	b6—a5	35) b2—e5°	h5—h4
13) e3—d4	e6—e5	36) c7—b7°	f6—f1+
14) d4—c3	a5—d8	37) h1—h2	e7—f6
15) f2—f4	f7—f6	38) b7—b8+	e8—e7
16) f4—e5°	f6—e5°	39) d5—d6+(4)	e7—f7
17) d1—a4	c8—d7	40) b8—f8+	f7—g6
18) c3—b4	g8—h6	41) f8—f6°+	f1—f6°
19) g1—h1	h6—f7	42) e5—g5°+	g6—f7
20) a4—a3	a6—c5	43) g5—g7+	f7—e6°
21) b5—d6°+	f8—d6°	44) g7—e7×	

Примѣчанія къ партіи No 51.

(1) Въ одной изъ предъидущихъ партій мы имѣли уже нѣчто подобное, а именно 1) $\frac{e2-e4}{e7-e6}$ 2) $\frac{d2-d4}{b7-b6}$ и замѣтили, что этотъ способъ игры невыгоденъ для черныхъ.

(2) Теперь Андерсенъ долженъ потерять пѣшку d4 или b2, но за то онъ выиграетъ время и успѣетъ прекрасно развернуть свои силы.

(3) Въ настоящемъ случаѣ это лучше чѣмъ g1—f3, ибо даетъ возможность сыграть потомъ, когда черный ферзь возьметъ пѣшку b2, b1—c3.

(4) Бѣлые играютъ мастерски.

Шесть партій одного и того же дебюта способны утомить самага сосредоточеннаго любителя, а потому перейдемъ къ чему нибудь другому, а именно къ сочиненію кн. Урусова, но прежде надо сдѣлать маленькое примѣчаніе касательно предъидущей его статьи. Читатели конечно помнятъ, что тамъ сообщено было, между прочимъ, весьма остроумное рѣшеніе такъ называемой *проблемы коня*, но при томъ не было сказано кто первый нашелъ это рѣшеніе. Оно принадлежитъ умершему австрійскому любителю Карлу Венцелидесу и напечатано въ первый разъ въ берлинской Schachzeitung 1849 года.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 5-я)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе.)

7. Сила Слона.

Для обороны слонъ лучше коня, что доказывается тѣмъ, что онъ удерживаетъ двѣ, три пѣшки, а иногда и болѣе; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, скорѣе можно отдать преимущество коню передъ слономъ.

Двѣ отдѣльныя пѣшки выигрываютъ въ положеніяхъ подобныхъ діагр. LIV, гдѣ, пожертвовавъ одною можно ступить другою на 7-ую линію; но, вообще говоря, слонъ удерживаетъ двѣ пѣшки.

Тоже самое можно сказать о двухъ соединенныхъ пѣшкахъ. Къ этому примѣръ діагр. LV, гдѣ пѣшки выигрываютъ*).

Всякая пѣшка въ концѣ игры лучше одинокаго слона, ибо она можетъ выиграть.

Въ положеніи діагр. LVI. слонъ дѣлаетъ ничью при своемъ ходѣ, но, обыкновенно, если одна изъ двухъ пѣшекъ перейдетъ 6-ую линію — слонъ проигрываетъ.

Въ положеніи діагр. LVII, не смотря на то, что при слонѣ есть пѣшка, черные, при своемъ ходѣ, дѣлаютъ ничью.

А въ полож. діагр. LVIII, слонъ съ трудомъ дѣлаетъ ничью.

---

*) Авторъ вѣроятно разумѣетъ *при своемъ ходѣ*, ибо при ходѣ черныхъ ни одна изъ пѣшекъ не пройдетъ въ ферзи.

- 1) $\frac{c4-c5}{b6-a7}$ 2) $\frac{b4-c4}{d7-d6}$ (если 2) $\frac{\quad}{c7-c8}$, то 3) $\frac{b5-b6}{a7-b6}$ 4) $\frac{c4-d5}{c8-d8}$ 5) $\frac{a6-a7}{\quad}$
и бѣлые выигрываютъ) 3) $\frac{c5-c6}{a7-b6}$ ничья.

Въ положеніи діагр. LIX, а также если бы пѣшки стояли на линіи h, а слонъ на бѣлой клѣткѣ, игра ничья.

Когда въ игрѣ только кони, слоны и пѣшки, — большею частью выигрышъ въ зависимости отъ первенства хода.

- Діагр. LX. 1) $\frac{d2-c4}{d8-a5}$ 2) $\frac{d2-c4}{a5-d8}$ 3) $\frac{c4-d6+}{c8-c7}$ (3) $\frac{b5-b6}{d8-b6^\circ}$, ничья)
4) $\frac{d6-c4}{c7-c8}$, (A) (если 4) $\frac{d6-f7}{d8-h4}$ 5) $\frac{f7-e5}{h4-f2}$) 5) $\frac{c4-d6+}{c8-c7}$ 6) $\frac{b5-b6+}{c7-b6^\circ}$
7) $\frac{d6-b5}{d8-c7}$ ничья. (A) 4) $\frac{d6-f5}{d8-g5}$ 5) $\frac{f5-d4}{g5-e3}$ 6) $\frac{d4-c6}{c7-c8}$ 7) $\frac{c6-e7+}{c8-c7}$
8) $\frac{b5-b6+}{e8-b6^\circ}$ 9) $\frac{c7-d5+}{c7-c8}$ ничья.

- Діагр. LXI. 1) $\frac{\quad}{d8-a5}$ 2) $\frac{d5-e7+}{c8-c7}$ 3) $\frac{e7-f5}{a5-b5}$ (если 3) $\frac{c7-c8}{\quad}$, то
4) $\frac{f5-d6+}{c8-c7}$ 5) $\frac{d6-c4}{\quad}$ и бѣлые выигрываютъ) 4) $\frac{f5-d6}{b6-g1}$ 5) $\frac{d6-c4}{c7-c8}$
(если g1-f2, то b5-b6+) 6) $\frac{c4-e5}{g1-f2}$ 7) $\frac{e5-d7}{f2-g1}$ игра ничья.

Но при ходѣ бѣлыхъ, въ обоихъ случаяхъ игра выигрывается
діагр. LX. 1) $\frac{d2-c4}{\quad}$ и 2) $\frac{c4-d6+}{\quad}$, а въ діагр. LXI. 1) $\frac{d5-e7+}{c8-c7}$

- 2) $\frac{e7-c6}{d8-h4}$ 3) $\frac{b5-b6+}{c7-b6^\circ}$ 4) $\frac{a8-b8}{h4-g3+}$ 5) $\frac{b8-c8}{\quad}$.

Діагр. LXII. Кто начнетъ, тотъ и выиграетъ. Если черные, то слонъ возьметъ пѣшку и, отступивъ на e5, выиграетъ.

- Если же бѣлые: 1) $\frac{b5-d4+}{c6-d5}$ 2) $\frac{d6-d7}{b4-e7}$ 3) $\frac{d4-f5}{e8-e2}$ 4) $\frac{f5-e7^\circ+}{d5-c4}$
5) $\frac{d7-d8\phi}{e2-e1\phi}$ 6) $\frac{d8-d5+}{c4-b4}$ 7) $\frac{d5-d4+}{b4-a3}$ 8) $\frac{d7-c6}{e1-g3+}$ (A) 9) $\frac{c6-e5}{g3-g7+}$
10) $\frac{c7-b6}{g7-f6+}$ 11) $\frac{b6-a5^\circ}{f6-g5}$ 12) $\frac{d4-c5+}{a3-a2}$ (или a3-b3 13) $\frac{e5-d3}{\quad}$)
13) $\frac{a5-b5}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ.

- (A) 8) $\frac{\quad}{a3-b3}$ 9) $\frac{c7-b6}{b3-a3}$ 10) $\frac{b6-a6}{e1-c1}$ 11) $\frac{c6-a5^\circ}{c1-c8+}$ 12) $\frac{a6-b6}{c8-b8}$ 13) $\frac{a5-b7}{b8-g3}$
14) $\frac{a4-a5}{g3-b3+}$ 15) $\frac{b6-c6}{b3-f3+}$ 16) $\frac{d4-d5}{\quad}$ бѣлые выигрываютъ.

Если съ обѣихъ сторонъ слоны при пѣшкахъ, то, кромѣ первенства хода, выигрышъ будетъ зависѣть отъ пвѣта слоновъ: при отноцвѣтныхъ слонахъ вѣроятенъ выигрышъ, а при разноцвѣтныхъ — розыгрышъ.

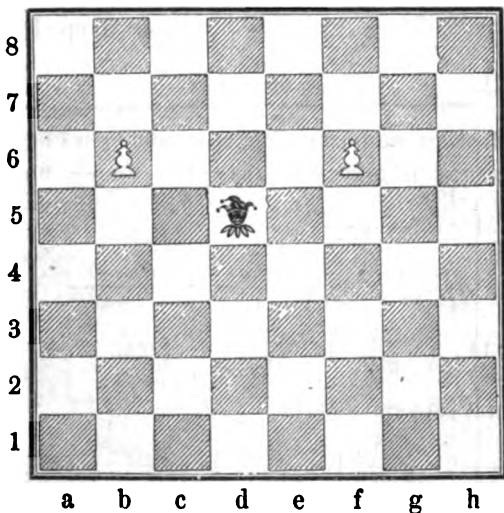
Діагр. XLIII. 1) $\frac{a5-d8}{e7-b4}$ 2) $\frac{d8-f6}{b4-a5}$ 3) $\frac{f6-c3}{a5-b6}$ 4) $\frac{c3-b4}{a5-b6}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. LXIV. 1) $\frac{a1-g7}{d8-a5}$ 2) $\frac{d6-d7+}{e8-d8}$ 3) $\frac{g7-f6}{d8-c7}$ 4) $\frac{d7-d8\phi}{e8-d8}$ бѣл. выигрываютъ; или 1) $\frac{d6-d7+}{e8-d8}$ 2) $\frac{g7-d4}{e8-d8}$ бѣлые выигрываютъ; или 1) $\frac{d6-d7+}{d8-g5}$ (если $d8-h4$, то $g7-h6$) 2) $\frac{d6-d7+}{e8-d8}$ 3) $\frac{g7-e5}{g5-h4}$ 4) $\frac{e5-f4}{h4-f6}$ (если $h4-e7$, то $f4-c7+$) 5) $\frac{f4-e3}{d3-c7}$ (если $f6-e5$, то $e3-b6+$ и, помѣнявшись слонами, $e6-e7$) 6) $\frac{e3-b6+}{c7-b6^{\circ}}$ 7) $\frac{e6-f6^{\circ}}{b6-c7}$ 8) $\frac{f6-e7}{c7-b6^{\circ}}$ бѣлые выигрываютъ.

Въ діагр. LXV и LXVI ничья. Въ діагр. LXVII бѣл. при своемъ ходѣ даютъ въ 3 хода матъ.

LIV.

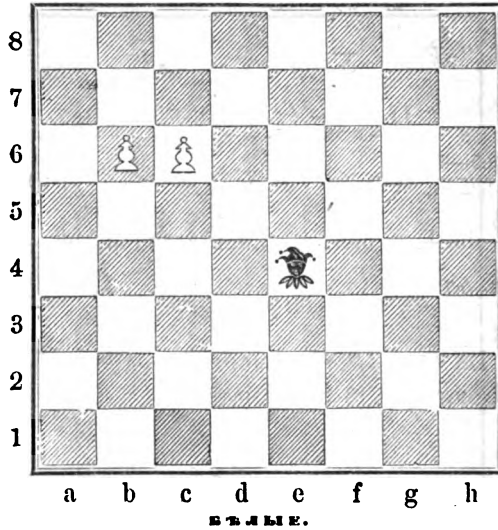
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

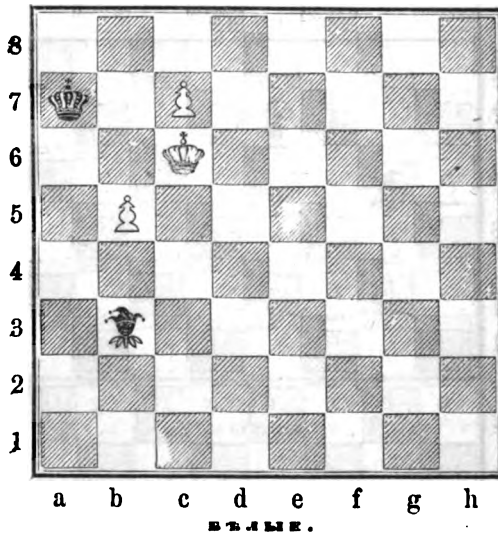
LV.

ЧЕРНЫЕ.

LVI.

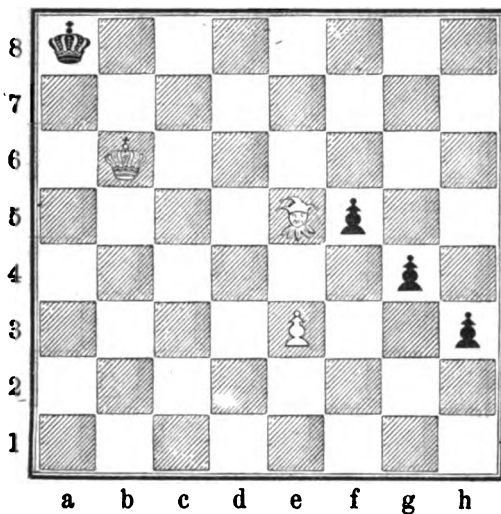
ЧЕРНЫЕ.

Черные начинают; игра ничья.

LVII.

ЧЕРНЫЕ.

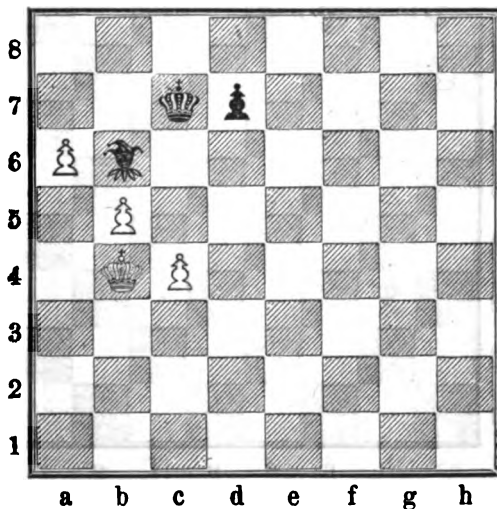

БѢЛЫЕ.

При ходѣ черныхъ — игра ничья,
а при ходѣ бѣлыхъ — бѣлые выигрываютъ.

LVIII.

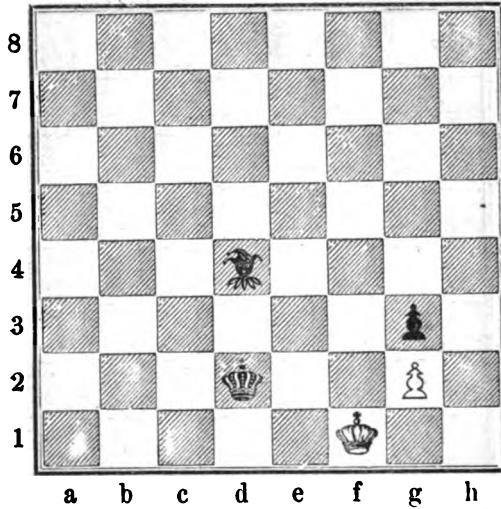
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

LIX.

ЧЕРНЫЕ.

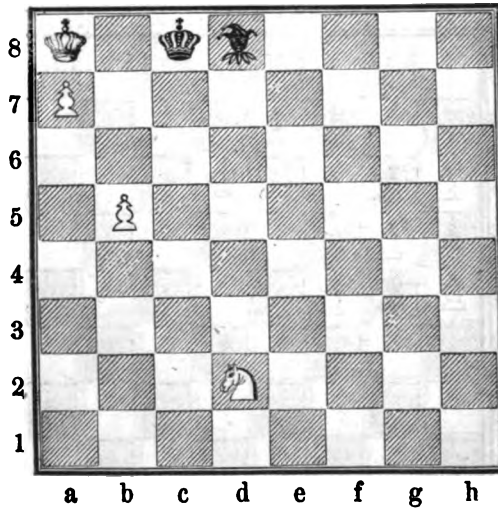

БѢЛЫЕ.

Игра ничья.

LX.

ЧЕРНЫЕ.

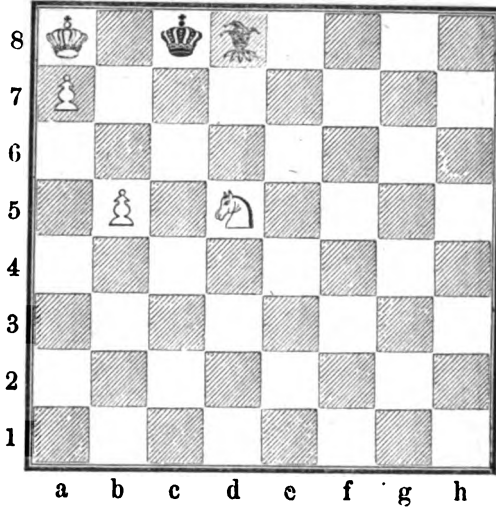

БѢЛЫЕ.

При ходѣ черныхъ — игра ничья,
а при ходѣ бѣлыхъ — бѣлые выигрываютъ.

LXI.

ЧЕРНЫЕ.

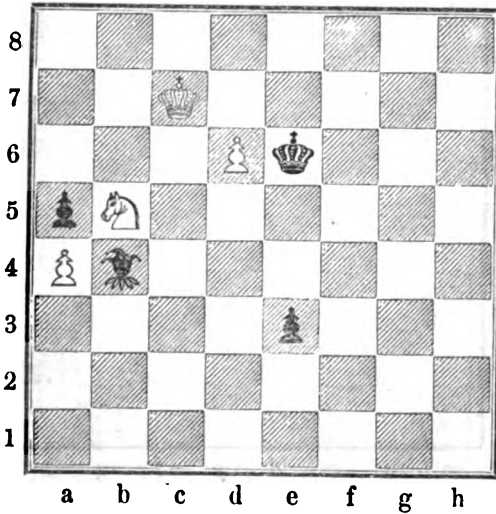

БѢЛЫЕ.

При ходѣ черныхъ — игра ничья,
а при ходѣ бѣлыхъ — бѣлые выигрываютъ.

LXII.

ЧЕРНЫЕ.

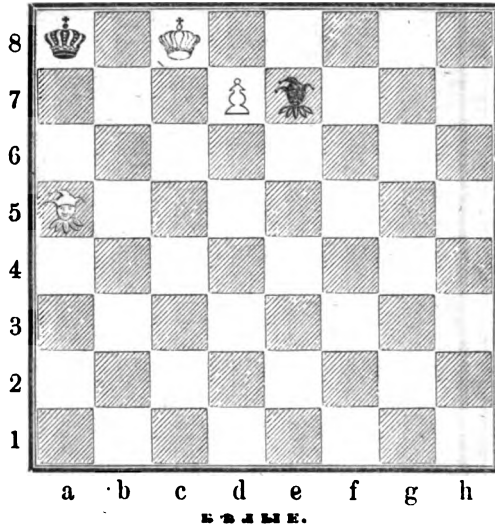

БѢЛЫЕ.

Начинающій выигрываютъ.

LXIII.

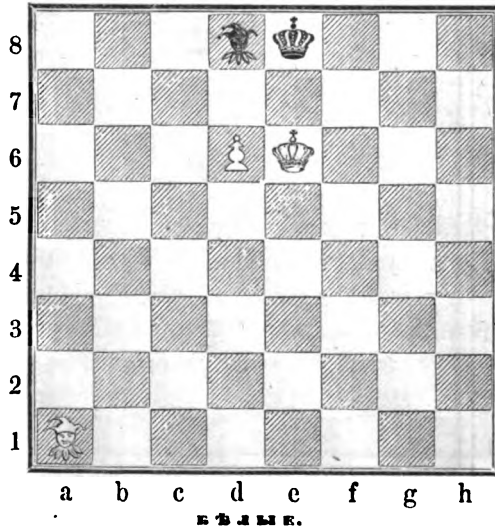
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

LXIV.

ЧЕРНЫЕ.

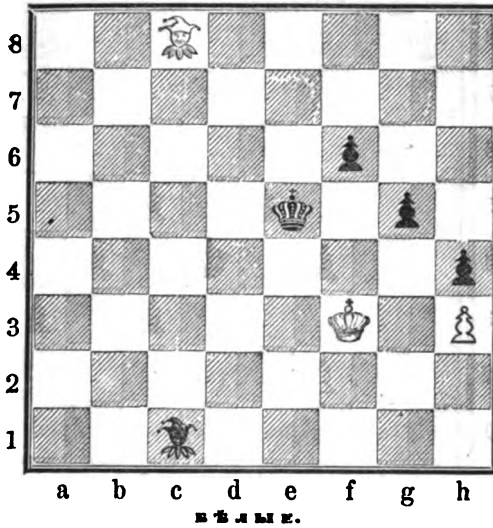

БЕЛЫЕ.

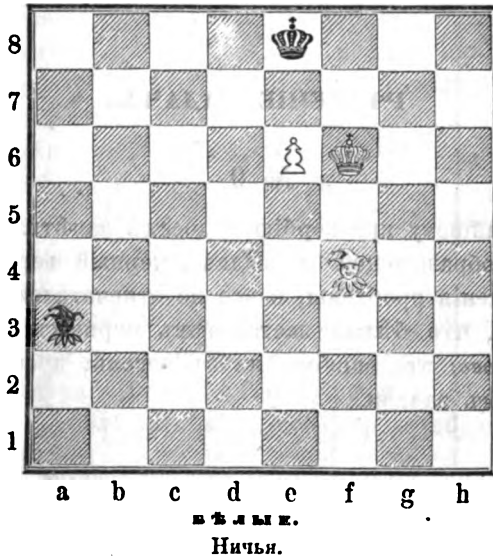
LXV.

ЧЕРНЫЕ.

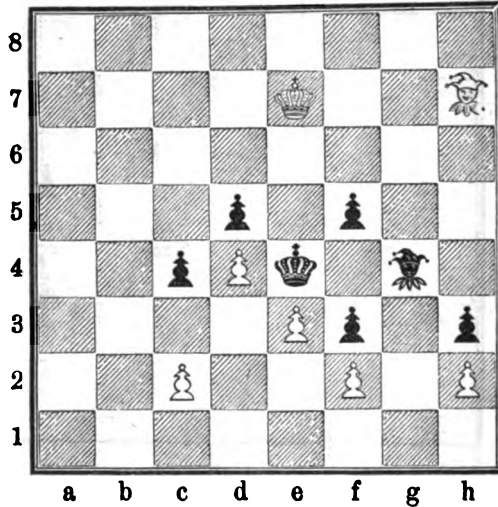
LXVI.

ЧЕРНЫЕ.

LXVII.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

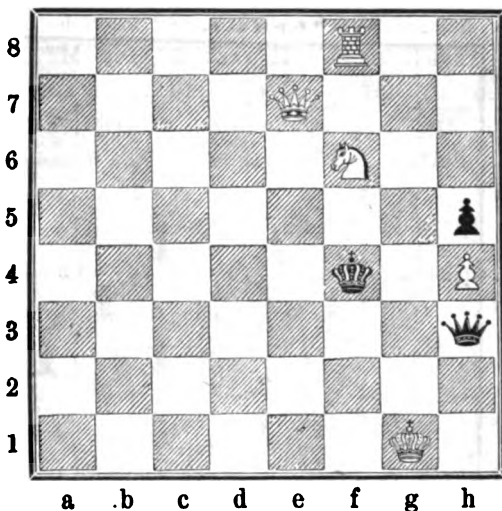
РѢШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 9.

Къ величайшему прискорбію и досадѣ замѣтили мы, что въ діаграммѣ, изображающей эту задачу, черный ферзь, необходимый для рѣшенія проблемы, вовсе не отпечатался; сверхъ того тамъ сказано, что бѣлые заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ *въ восемь ходовъ*; это ошибка: не въ восемь, а *въ шесть*. Вотъ настоящій видъ задачи.

ФОНЪ ОППЕНА (въ Берлинѣ).
 Посвящается Н. И. Николаеву.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

№ 10.

Прежде нежели приступимъ къ самому рѣшенію считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ, безъ которыхъ мало-опытные любители не въ состояніи будутъ оцѣнить всю трудность и замысловатость составленной М. Беццелемъ проблемы. Игрокъ, владѣющій бѣлыми шапками, обязуется заставить противника сдѣлать матъ въ двѣнадцать ходовъ, но,—какъ видно изъ помѣщенной въ майскомъ листкѣ діаграммы,—этотъ противникъ имѣетъ всего только двѣ шашки: короля и пѣшку, которая достигла уже седьмой линіи, а такъ какъ ни король, ни пѣшка находящаяся на седьмой линіи*) доски, не только мата, но даже и шаха дать не могутъ, то понятно, что бѣлые, для выполненія условій проблемы, должны пропустить пѣшку черныхъ на восьмую линію, гдѣ она немедленно вступаетъ въ права офицера. Но, согласно правиламъ игры, пѣшка эта можетъ быть, по волѣ владѣющаго его игрока, обращена въ ферзя,

*) Само собою разумѣется, что говоря «седьмая линія» мы, въ настоящемъ случаѣ, считаемъ линію со стороны игрока владѣющаго тою пѣшкою, о которой идетъ рѣчь.

ладью, слона или коня, а слѣдовательно, для разрѣшенія настоящей задачи, необходимо найти средство заставить черныхъ, — и при томъ непремѣнно опредѣленнымъ числомъ ходовъ, — сдѣлать матъ въ каждомъ изъ этихъ четырехъ случаевъ, (при ферзѣ, ладьѣ, слонѣ, конѣ). И такъ задача М. Беццеля состоитъ собственно изъ четырехъ проблемъ, изъ которыхъ каждая, а особенно тѣ двѣ гдѣ приходится имѣть дѣло съ чернымъ конемъ или слономъ, — чрезвычайно трудна и замысловата. Вотъ рѣшеніе.

$$1) e1-d2 \quad e2-f1^{\circ}$$

А. Черные обращаютъ пѣшку въ ферзя.

$$2) h5-c5+ \quad c4-d4$$

$$3) a3-a4+ \quad f1-c4$$

$$4) b6-d6+ \quad d4-e4$$

$$5) d6-d5+ \quad e4-f4$$

$$6) d2-d1+ \quad f4-g4$$

$$7) d5-g2+ \quad g4-h4$$

$$8) g2-h2+ \quad h4-g4$$

$$9) c5-g5+ \quad g4-f3$$

$$10) h2-e2+ \quad c4-e2^{\circ} \times$$

В. Черные обращаютъ пѣшку въ ладью.

$$2) b6-b5+ \quad c4-d4$$

$$3) c1-b2+ \quad d4-e4$$

$$4) b5-d3+ \quad e4-f4$$

$$5) d3-g3+ \quad f4-e4$$

$$6) g3-g4+ \quad f1-f4$$

$$7) g4-g2+ \quad f4-f3$$

$$8) d2-d1 \quad e4-f4$$

$$9) a3-a4 \quad f4-e3$$

$$10) e7-d5+ \quad e3-d3$$

$$11) g2-f1+ \quad f3-f1^{\circ} \times$$

С. Черные обращаютъ пѣшку въ слона.

$$2) b6-b3+ \quad c4-d4$$

$$3) a3-a4+ \quad f1-c4$$

$$4) d2-d1 \quad d4-e4$$

$$5) a4-b4 \quad e4-d4$$

$$6) a2-a3 \quad d4-e4$$

$$7) b3-g3 \quad e4-d4$$

$$8) e7-c6+ \quad d4-e4$$

- 9) g3—g4+ e4—d3
- 10) g4—e2+ d3—c3
- 11) e2—e1+ c3—d3
- 12) b4—b3+ c4—b3^o×

D. Черные обращают пѣшку въ коня+.

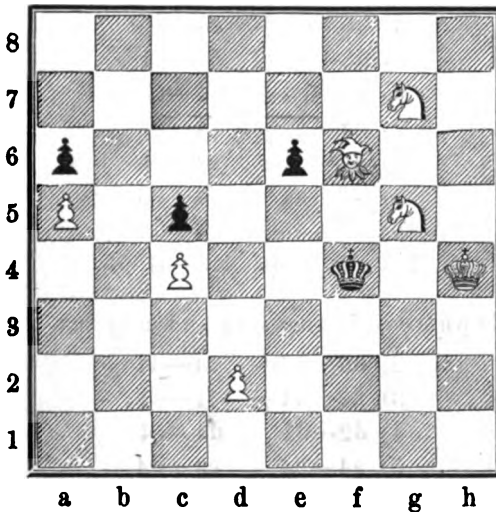
- 2) d2—e1 конь идетъ какъ угодно.
- 3) h5—h4+ конь заслоняетъ короля отъ шаха.
- 4) b6—a5 c4—d4
- 5) a3—e3 d4—c4
- 6) e1—d1 c4—d4
- 7) e7—c6+ d4—c4
- 8) e3—e1 c4—d3
- 9) a5—b5+ d3—c3
- 10) b5—b4+ c3—d3
- 11) h1—f2+ конь беретъ коня^o×

Задачи.

№ 13.

Н. НИКОЛАЕВА (изъ Клинска, въ Сибири).

ЧЕРНЫЕ.

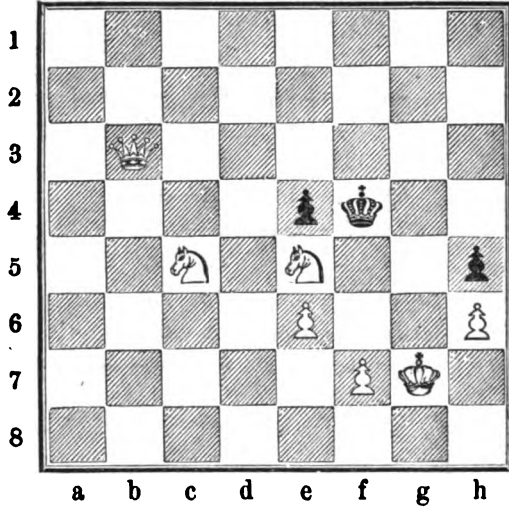
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 14.

ЛИХТЕНШТЕЙНА (въ Пруссiа).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 8 хода

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТАГО.

VII.

Мы на пути. — Игра въ зѣвки. — Сныть, т. е. страна, текущая млекою и медомъ. — Степь графини Отакойто. — Грозная вѣсть. — Столбъ и надпись. — Миловидный дистаночный и звѣрообразный объѣздчикъ. — Теопень какъ дипломатъ, или воръ у вора дубинку укралъ. — Представительная личность. — Лестное предложеніе. — Кое-что о русскихъ глаголахъ.

Мы на пути, т. е. мы заняты нѣсколько сутокъ сряду скучнымъ дѣломъ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Встрѣчный людъ глядитъ, разня ротъ на нашъ длинный поѣздъ, составленный изъ какихъ-то необыкновенныхъ фуръ, брыкъ, вагоновъ и проч., изъ которыхъ выглядываютъ и собачьи морды и полусонныя человѣческія физиономіи въ косматыхъ шапкахъ, или помятыхъ и сбитыхъ набокъ картузахъ. Первый день мы провели нескучно, среди общаго говора оживленнаго шутками и смѣхомъ; солнце привѣтливо глядѣло на насъ сверху и легкій вѣтерокъ чуть относилъ струи табачнаго дыма отъ экипажей. На другой день затѣялась чичерь и провожала насъ вплоть до мѣста. А знаете ли вы, что такое чичерь? Это все, что хотите, т. е. и сухая ѣдкая крупа, и крупный дождь съ мѣлкимъ снѣгомъ, и крупный снѣгъ съ дождемъ пополамъ, и опять крупа — стучитъ и прыгаетъ и — опять очередная.... Такъ и думалось, что настанетъ зима, подмерзнетъ, подтруситъ снѣжку и — начнутся пороши. Однакожь, не подмерзло, не запорошило; на утро переиѣнился вѣтеръ, перемежающаяся чичерь обратилась въ скучную однообразную слякоть.... настала тишина, обуяла лѣнь, дремота; все утихло, все пасушилось; молча, безъ мысли и желанія, глядишь какъ мелкій дождикъ сбѣчетъ по кожаному фартуку, слушаешь какъ чвакаютъ лошадиныя копыта, а тамъ уставятся глаза на ободъ колеса и тупо глядятъ, какъ клубится и плыветъ по немъ

мутная вода, потомъ перейдутъ они на лице сосѣда, а тотъ все таки держитъ между пальцами окурокъ сигары, а самъ опустилъ вѣки и клюеть носомъ по сторонамъ; улыбнешся, зѣвнешь разъ, другой, глаза закроются и — самъ начнешь клевать носомъ, а сосѣдъ проснулся, глядитъ на тебя, улыбается.... Итакъ отъ станціи до станціи, съ утра до ночи, одни лишь усталые кони, кажется, живутъ полной жизнью, они хлопчутъ изъ всѣхъ силъ дотащить насъ въ степь....

Сколько написано стиховъ, сколько пропѣто пѣсенъ про эту степь! Такъ и думается, что это та обѣтованная страна, гдѣ и свѣтло и тепло и просторно человѣку; такъ и чудятся эти безконечныя пампы Буэносъ-Айреса, эта ширь да гладь нашего Херсона, гдѣ «куда ѣдешь — тамъ будешь», гдѣ «поѣхалъ въ степь — ночуй въ степи, всталъ въ степи — ложись на степь!...» Ковыль да перекати-поле, да глубокое синее небо съ журавлиными рѣзкими окриками несущимися ни вѣсть откуда.... Не такова степь за-тамбовская! Вотъ, мы ѣдемъ въ степь: направо ветла — на лѣво ветла, опять ветла за ветлой, а за ними все-таки ветлы да ветлы.... Пришлось такъ, или наскучило: свернули направо, налѣво дорожка словно ленточка: тутъ черная гряда, глубокая пахоть, тутъ полосами озими, опять грядки взбуравленной земли да порыжѣвшая степца съ болотными круговинами да съ вымочками.... Блѣдно, желто, бугристо, и грязь, и гряда.... скирды съ сѣномъ, стога съ хлѣбомъ, какія-то подобія человѣческихъ жилищъ подъ грубою настилкой соломы, полусгнившей отъ течи, полуистлѣвшей отъ копоти, да кой-гдѣ куца горькаго осинника утыканнаго сплошь вороньими гнѣздами.... А вотъ, усталые кони начали пофыркивать и поднимаютъ уши чаще прежняго: впереди хуторокъ, непременно Свинушка или въ родѣ того.... Вотъ, и опять хутора. — Эй! Какъ зовутся ваши хуторы? — Большія Свинушки, малыя Свинушки! Вотъ вамъ и Сныть: большая Сныть, малая Сныть! Стой! добрались до мѣста; тутъ намъ ночевать! О, кого надѣлила судьба хоть одинъ разъ въ жизни ночлегомъ въ этой Сныти, тотъ навѣрное удержитъ его въ памяти наравнѣ съ пожаромъ, наводненіемъ, непріятельскимъ нашествіемъ и имъ подобными злополучіями.

- Эй, мужичекъ, поди сюда: какъ называется вашъ поселокъ?
- Сныть. Мала-Сныть.
- Ну, ладно. Что, остановиться тутъ можно?
- Какъ-становиться?
- Ну, извѣстно какъ.... На ночевку. Ночевать.

— А, ночевать.... мажно.... У насъ, у сусѣда-мажно; и-дѣ хошь.

— Овесъ ѣсть?

— Какъ не быть. Овса въ волю.

— Почемъ за четверть?

— Какъ, почемъ?

— Ну, извѣстно, какъ цѣна; почемъ продаете?

— На продажу нѣтути.

— Какъ, нѣтути? Вѣдь ты говоришь — овса въ волю! Вѣдь вы овесъ продаете?

— Продаемъ. Къ пристанямъ ставимъ, на базаръ вывозимъ.

— Ну, какъ цѣна базарная? почемъ?

— Хтошь ее.... Ономясь гривенъ семь продавали. Баютъ, сталъ дешевле... годъ овсянный.

— Ну, мы тебѣ дадимъ восемь гривенъ за четверть; давай овса.

И опять — нѣтути!

Семь, восемь гривенъ ассигнаціями за четверть овса и овса-млтуты; а у хозяина четырнадцать кладушекъ «сулѣтошнихъ» на гумнѣ — точать мыши, а на продажу все таки — нѣтути, неуправка, своихъ лошадей кормятъ снопами, а помолотиться не хватаетъ времени «возка одолѣла; хлѣба до зимы не убраться съ поля!»

— Эй, хозяйка! смети-ка со стола; что это за крошево навалено? взываетъ нашъ Артамонъ Никитичъ, войдя въ тѣсную смрадную лачугу, отъ пола до потолка набитую ребятами и поросятами. Тутъ, по его соображенію, можно было помѣстить поваровъ, потому что осмотрѣнные уже имъ двѣ лачуги были еще гаже и неопрятнѣе.

— Заразь, кормилецъ; то — хлѣбушка; робяты не поглотали, приговариваетъ одна изъ закоптѣлыхъ бабъ, сгребая локтемъ въ рѣшето крошево или, лучше сказать, ломти и крошки черного какъ уголь и черствого какъ камень хлѣба.

У хозяина десять кладушекъ непчатыхъ ржи на гумнѣ, а онъ самъ и его робяты, съ утра до ночи, лѣто и зиму, въ праздники и будни — глодаютъ это подобіе хлѣба, недоквашеннаго, недомѣшаннаго, въ которомъ запекается двѣ части всякой дряни и только третья часть чистой муки. Что это? скудость, нищета, экономія, что-ли? въ краю, гдѣ каждая десятина даетъ сорокъ четвертей хлѣба превосходнаго качества?

— Да грязь-то соскобли съ лавокъ, добавляетъ Артамонъ Никитичъ, толкая погой свинью, разсвирѣпѣвшую за свое кри-

кливое дѣтище, которому я имѣлъ неосторожность отдавить ноги; ступивши на пукъ соломы, гдѣ оно коновилоеъ.

Вскорѣ появились наши люди и, выгнавъ бабъ съ ребятами и свинью съ поросятами въ другую избу, принялись выгребать и выворачивать скрябками и лопатами гниющую постилку и всякій соръ изъ избы, чтобъ имѣть возможность приготовить ужинъ для охотниковъ. Я пошелъ смотрѣть, какъ кучера и борзятники таскали подъ мышками немолоченный овесъ. Самъ хозяинъ усердно помогалъ раззорять сулѣтошнюю кладушку и самъ таскалъ снопы и подкладывалъ ихъ подъ морды лошадямъ. Къ величайшему нашему удовольствію, слякоть прекратилась, вѣтеръ гналъ облака въ разныя стороны, изрѣдка посвѣчивало красноватое осеннее солнце готовое спрятаться за длиннымъ ометомъ гречневой соломы, лежавшимъ на краю выгона: все предвѣщало холодную утреннюю зарю и, если не ведренный и теплый, то, по крайней мѣрѣ, сухой день. Заботливые наши ловчіе увели обѣ стаю залежавшихся гончихъ въ проводку. Освобождаясь изъ тѣсной и душной закуты, собаки радостно взвизгивали, выпрямляли ноги; катались на спинѣ и какъ-будто поздравляя съ просторомъ и свободой вылизывали одна у другой морды; всего опаснѣе въ этомъ случаѣ борзья: тѣ, послѣ обыкновенной растяжки и выправки, пускались дѣлать вольты и удивительные прыжки; тутъ безъ внимательнаго надзора и постоянныхъ окриковъ можетъ случиться то, что пять, шесть злобачей заложатся по игрунѣ, заловятъ ее и, прежде нежели псари успѣютъ подбѣжать на выручку, плясуна или плясунью изорвутъ въ клочки.

Въ надеждѣ на благоприятную перемену погоды, мы расположились на выгонѣ бивуакомъ, сдвинули экипажи какъ указывала потребность и подувавшій еще легкій вѣтерокъ, устроили логовище для стайныхъ и сворныхъ собакъ; изъ единственнаго деревяннаго топлива съ трудомъ добытаго въ Сныти, т. е. изъ стараго плетня, развели два пепелища для заварки котловъ и добыванія углей на самовары; однимъ словомъ, въ короткое время передъ Снытью образовалось что-то въ родѣ конной ярмарки: близъ двухъ котловъ, въ которыхъ псари кипятили воду для овсянки, а повара бѣжковали двухъ жирныхъ барановъ на ужинъ людямъ, собралась порядочная кучка зѣвакъ и тѣ изъ охотниковъ, которые были не прочь поточить ласы и поострить на счетъ ближняго, затѣяли тотчасъ разговоръ съ мирными обитателями Сныти.

— А что, почтенный, въ баню, чай, по субботамъ ходишь?

обратился острякъ Никита къ сиволаповому долговязову парню, который стоялъ, растопыря руки и выпуча глаза. Дѣтина этотъ былъ дотого грязень, что на него страшно было смотрѣть; волосы на головѣ у него были сухи, безцвѣтны и торчали какъ иглы.

— Кака тамъ баня! произнесъ парень, запуская пятерню къ себѣ въ чубъ и глядя въ пустоту.

— Извѣстно, какія бани бываютъ....

— И, косатикъ, мы къ эфтому не привычны; бань нѣтути и въ заведеніи у насъ, вступился невзрачный клинобородый мужичонка, такой же грязный и нечесаный какъ и первый.

— Чтожь вы, косаремъ, что-ли, скоблитесь?

— А вотъ, родимый, подь праздникъ Миколу зимняго, бражку заваримъ, въ печку слазимъ — то и баня у насъ!

— Отъ Николы до Николы, а тамъ — николи! Ладно! заключилъ Никита.

— Оттого и дамы у нихъ всѣ таки-брунетачки, прибавилъ графскій борзятникъ, довольный своей изысканной рѣчью.

Я не сталъ больше слушать и пошелъ къ экипажамъ; тамъ, съ помощью ковровъ, попонъ и прочаго, съужили устроить что-то въ родѣ шатровъ и балагановъ съ обильнымъ количествомъ сѣна и соломы, долженствовавшихъ замѣнить для насъ и для охотниковъ пуховики и матрасы. Тутъ же на двухъ появившихся откуда-то столахъ Артамонъ Никитичъ распоряжался приготовленіемъ чая. Чѣмъ ближе были мы къ цѣли, тѣмъ сильнѣе томило всѣхъ желаніе скорѣе кончить наше скучное путешествіе; всѣ съ тоскливымъ видомъ поглядывали другъ другу въ глаза и взгляды эти, какъ нельзя яснѣе, выражали мысль cadaго. Всѣ эти Воробьевки, Свинушки, Сныти и пр., со всею ихъ грязью и копотью, блохами и тараканами, были дотого одвообразны и съ виду похожи одна на другую, что намъ, послѣ двухъ-трехъ ночлеговъ, начало уже казаться будто мы закружились въ какомъ-то водоворотѣ и вертимся на одномъ и томъ же мѣстѣ. Алексѣй Николаевичъ, котораго мы наименовали шкиперомъ, одинъ соображалъ, рассчитывалъ и распоряжался нашимъ передвиженіемъ и какъ опытный морякъ, знавшій всѣ рифы и отмели, увѣрялъ насъ, что избранный имъ ночлегъ есть лучший и удобнѣйшій и слегка подтрунивалъ надъ нашимъ нетерпѣніемъ.

И вотъ, выждавъ минуту, когда мы размѣстившись какъ по-пало началъ молча прихлебывать изъ стакановъ, онъ улыбнулся

глядя на наше уныніе и объявилъ, что завтра намъ остается только одинъ короткій переходъ до мѣста. Мигомъ всѣ оживились и заговорили въ разъ.

— Да, отсюда до графской степи всего восемнадцать верстъ, а тамъ верстъ семь степью до станціи, заключилъ Алѣевъ.

Начались общія поздравленія. Второй стаканъ чаю казался для насъ вкуснѣе; графъ приказалъ налить Петрунчику пуншъ; тотъ пріосанился и выкинулъ штучку; Бадовъ подалъ Караю пол-кренделя; Владимірецъ отпустилъ малую-толику изъ пантомины глухонѣмаго .... однимъ словомъ, отъ этого ничтожнаго извѣстія у всѣхъ просіяли лица. Тотчасъ былъ призванъ одинъ изъ обозничихъ и ему приказано, съ частью легкихъ передовыхъ подводъ и поварскою фурую, выступить на разсвѣтъ и идти до мѣста на рысяхъ для занятія квартиръ.

Ни съ одной станціи не собирались мы такъ торопливо и весело въ путь, какъ это было послѣ ночлега въ Сныти. Едва разсвѣло и передовые тронулись, какъ и остальное кочевье поднялось на ноги; начали поить и впрягать лошадей, кормить собакъ, укладываться, усаживаться... и вотъ, при яркомъ сіяніи солнца на совершенно чистомъ небѣ, среди невыразимой тишины свѣжаго осенняго утра, мы тихо потянулись по ровной проселочной дорогѣ. Въ слѣдствіе ли переменъ погоды, или потому, что на душу вѣяло ожиданіемъ чего-то лучшаго, мнѣ казалось, что самая мѣстность рѣзко измѣнилась въ своихъ чертаніяхъ и что мы очутились въ другомъ краю; кругомъ насъ была эта тишь, просторъ, безлюдье; кромѣ нашего обоза полшага шагъ-за-шагомъ по ровной плоскости, мы не встрѣтили ни одного существа способнаго нарушить безмолвіе окружавшей насъ пустыни: однѣ лишь бѣлогрудыя дрофы, ходя стадами по полю, сторожко насъ оглядывали; кой-гдѣ торчали не свезенныя еще копны, да расбросанныя по горизонту хуторки, словно приплюснутыя къ землѣ соломенные жгутики, разнообразили ту картину, которой нельзя было дать другого названія какъ *земля* да *небо*. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли въ даль, какъ-будто каждый изъ насъ старался увидѣть прежде другихъ что-нибудь знакомое впереди, но долго и долго передъ нами длилась одна лишь эта недостижимая черта дальнаго горизонта, которая убѣгала все дальше и дальше, становилась тонѣе и нѣжней по мѣрѣ возвышенія солнца на синемъ безоблачномъ небѣ.

Наконецъ, подобно мореходцамъ потерпѣвшимъ крушеніе, мы могли воскликнуть: берегъ, берегъ! Мы узрѣли эту завѣтную

грань, за которою по всѣмъ вѣроятностямъ ожидало насъ много сильныхъ и дорогихъ охотнику ощущений. Алексѣй Николаевичъ первый, показывая на тонкую едва замѣтную впереди черту, сказалъ: вотъ Графская! и всѣ начали напряженно смотрѣть въ даль. Для меня, мало постигавшаго значеніе этой короткой фразы, открылось впереди не что иное, какъ просторная равнина степи, законченная темною полосой лѣса, обнимавшаго полъ небосклона впереди. Мы подвинулись еще версты на три впередъ, и лѣсъ этотъ, казавшійся въ началѣ отдѣльною кущею, началъ принимать обширные размѣры, темнѣлъ и ширился.

— Ого, мы кажись ѣдемъ въ степь, а впереди насъ заснѣла цѣлая Вологодская губернія; тутъ, какъ видно, растутъ лѣса и немаленькіе! сказалъ я, обратясь къ Алѣеву.

Тотъ улыбнулся и вмѣсто возраженія встрѣтилъ меня вопросомъ.

— Вы принимаете эту черную полосу за гряду лѣса?

— Конечно. Иначе быть не можетъ. И въ добавокъ лѣсъ не шуточный; тутъ будетъ гдѣ разойдутись вашимъ пискунамъ.

— Это начались *соры*. Вы ихъ увидите здѣсь много. Вотъ, вскорѣ покажутся Синіе кусты; то лѣсъ настоящій.... И глядя на мою вопрошающую физиономію Алексѣй Николаевичъ продолжалъ:— Вотъ эта, широкая возвышенная полоса, по которой не трудно разѣхаться въ двухъ каретахъ, не что иное, какъ грань или окружная межа графской степи. Она опоясываетъ сто двадцать тысячъ десятинъ земли отъ сотворенія міра не паханой; по ней бродятъ стадами журавли, дрофы, стрепета и обитаютъ милліоны сурковъ. Это собственность (какъ ее называетъ мой Аванасій) графини Отакойто. Кунцы-гуртоправы снимаютъ часть этой степи, участками, для выкормки бойнаго скота, съ правомъ распахать третью часть участка; такимъ образомъ, поднявши часть степи плугомъ, они засѣваютъ на ней бакчи, потомъ просо, макъ, пшеницу и, снявши нѣсколько хлѣбовъ, бросаютъ вспаханную землю и поднимаютъ *новъ*; тучный черноземъ оставленный безъ обработки покрывается сорными травами: польномъ, чернобыльникомъ, девясилемъ, репейникомъ и другими; нѣкоторые стебли тянутся въ вышину аршина на два и выше и образуютъ изъ себя сорную заросль вышиною въ ростъ человѣческій: вотъ отчего издали эти соры кажутся сплошною лѣсною кущею и такъ разнообразятъ видъ степи. Тутъ появляется множество мышей, которыхъ, въ грунтѣ разрыхленномъ, легко

устраивать для себя норки и это служить приманкою для лисицъ; онѣ постоянно мышкуютъ въ сорахъ, а живутъ и вылаживаютъ по сосѣдству съ ними въ сурчинахъ. — А вотъ, и Синіе кусты показались; отсюда остается намъ проѣхать версты пять до Козихи, а тамъ Дроновы хутора, заключилъ мой опытный истолкователь.

Мы подвинулись еще версты на три впередъ; Синіе кусты показались въ полномъ объемѣ и начали уходить отъ насъ направо; стоя посреди графской степи, они являли изъ себя что-то въ родѣ оазиса среди плоскости усѣянной небольшими курганчиками, на которыхъ подобно короткимъ тумбочкамъ сидѣли сурки. Мы ѣхали рубежемъ; направо отъ насъ были земли такъ называемыя *владьльческія*, направо безконечно тянулась графская степь: тамъ-сямъ появлялись отдѣльными полосками соры; ближайшій къ намъ была не что иное, какъ рѣдкій бурьянъ, а дальніе, сливаясь въ одну гряду, обманывали глазъ, и казались сплошнымъ и густымъ лѣсомъ. Глядя на Синіе кусты и слѣдуя рубежемъ, мы подѣхали къ Козихѣ, т. е. къ круглому, заросшему мелкимъ кустарникомъ болоту, которое лежало во владѣльческихъ угодьяхъ и упирало въ графскій рубежъ. Это болото названо Козихой потому, что тутъ нѣкогда обитали дикія козы; а теперь вылаживается въ немъ страшное количество журавлей, гусей и другой дичи. За болотомъ направо показались Дроновы хутора, т. е. мѣсто нашего пристанища; надобно было подвинуться еще съ версту впередъ, повернуть направо и быть дома. Тутъ, на краю, такъ сказать, желаннаго берега, насъ ждало то явленіе, которому надлежащее названіе предоставляю дать горячимъ охотникамъ.

На рубежѣ, въ томъ мѣстѣ, откуда шла со степи дорога къ хуторамъ, мы увидѣли столбъ съ черной доской; подлѣ столба два человекъ о чемъ-то горячо разговаривали: одинъ изъ нихъ, пѣшій, стоялъ и слушалъ, вершникъ что-то объяснялъ ему, показывая рукой въ разныя стороны; наконецъ, онъ тронулся рѣзкой рысью въ степь, часто оглядываясь и зорко осматривая нашъ поѣздъ; пѣшковой пошелъ къ намъ на встрѣчу; въ немъ мы вскорѣ узнали Артамона Никитича, который на разсвѣтѣ дня отправился съ передовыми для занятія квартиръ. Трудно было угадать, что спѣшилъ онъ намъ сообщить, но судя по этой дальней встрѣчѣ нельзя было сомнѣваться, что онъ шелъ за дѣломъ.

— Ну, что? произнесъ графъ на такомъ разстояніи, съ коте-

раго можно было слышать слова и обозрѣть до крайности озабоченную физиономію его камердинера.

Вмѣсто отвѣта Артамонъ Никитичъ снялъ шапку и, не прибавляя прыжки, тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ подошелъ къ экипажу.

— Что скажешь? повторилъ графъ, ожидая слышать непременно что-нибудь новое.

— Что, ваше сіятельство, плохо.... выехали нарочно, чтобъ встрѣтить васъ, началъ Артамонъ Никитичъ.

— Какъ плохо? Что такое? Что случилось?

— Да, у насъ, слава Богу, все благополучно... только, вотъ, это обстоятельство какъ вамъ покажется! добавилъ камердинеръ показывая на столбъ съ черной доской.

— Чтожъ тамъ такое? Что за доска?

— Помилуйте, какое строгое запрещеніе на все, что, кажется, птицѣ чужой не перелетѣтъ за межу; по осени вотъ ужъ четыре охоты спровадили... и мы чуть остановились, объѣздчикъ на дворъ: что вотъ онъ поѣхалъ извѣщать дистанчнаго объ нашей охотѣ. Строгость, говорятъ, да взыски съ нихъ такіе, что Боже упаси.

Выслушавъ эту новость мы успѣли выдти изъ экипажей и вмѣсто всякихъ разсужденій отправились къ столбу.

Кто ожидалъ, кому могло придти на мысль, что въ минуту прибытія нашего въ этотъ желанный край, насъ встрѣтитъ, какъ-будто нарочно для насъ приготовленное одно изъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, передъ которымъ вся эта прошлая тоска и дремота, грязь и слякоть, всѣ эти Воробьевки и Свинушки, съ ихъ полнымъ безобразіемъ, были — ничто.

На столбѣ мы прочли, если не такъ складно, за то явственно и вразумительно написанное, объявленіе отъ главной вотчинной конторы графини Отакойто, (такъ будемъ ее называть по милости Аванасья) объявленіе, строго воспрещающее: «прогонъ на паству лошадей, скота, а главное — ружейную и псовую охоты во владѣніи графини, подъ опасеніемъ, что скотъ, лошади, овцы и ружья у охотниковъ будутъ отбираемы, собаки убиваемы, всѣ охотничьи снасти, какъ-то: капканы, дудки, силки, сѣти перепелныя и проч. уничтожаемы, а сами охотники, въ случаѣ ослушанія и ссоръ, въ контору по принадлежности представляемы...» и проч. И всѣ эти — *аемыя*, т. е. чаемыя и для насъ злополучія были читаны всѣми поочередно и по нѣскольку разъ.

Пока господа упражнялись въ чтеніи этого зловѣщаго объявленія, охотники тоже сходились, окружали Артамона Никитича

и, съ приличными въ нужныхъ мѣстахъ восклицаніями на русскій ладъ, выслушивали онъ него неприятную новость. Одинъ только Теопенъ слушалъ въ полъ-уха и сидя на козлахъ стайной фуры задумчиво похлестывалъ короткимъ кнутикомъ по сапогу; новость эта, какъ видно, была для него ни почемъ. Я подошелъ къ нему:

— Ну, Теопенъ Ивановичъ, дѣло-то вышло дрянъ, сказали я, любопытствуя знать, какъ это извѣстіе на него подѣйствовало.

— А что?

— Да то, что въ графскую намъ нельзя и носа сунуть... Запрещеніе строгое.

— Ни-че-вось.

— Какъ, ничего! До насъ четыре охоты были здѣсь, да съѣхали; слѣдовательно и насъ не пустять.

— Захотять, пустять....

— Въ томъ-то и дѣло, что не захотять... Объѣздные учреждены: ловять, ружья ломають, собакъ бьютъ... Значить, нельзя же идти на проломъ. Пожалуй, неприятностей могутъ надѣлать.

— Да, што... ничево-съ...

Только и рѣчи! Какое-то странное упорство, досадная самонадѣянность, это холодное отношеніе къ интересу минуты... Чортъ знаетъ, что это за каменный человекъ, подумалъ я и отошелъ къ обществу.

Мы дошли пѣшкомъ до квартиры. Дроновы хутора разселены вдоль неправильной ложбины съ узкимъ протокомъ перепруженнымъ плотинами. Тутъ, въ ближайшемъ къ графской степи хуторѣ, суждено было намъ пріютиться. Помѣщеніе было довольно сносное; особенно для стайныхъ и сворныхъ собакъ обѣихъ охотъ нашлись два просторныхъ сарая, которые для большого удобства надлежало только разгородить жердями и устлать соломой; но мы не могли ни къ чему приступить положительно; люди ходили съ мѣста на мѣсто, спуста головы и, какъ говорится, *руки ерозь*, не зная за что взяться; господа собрались въ одной изъ довольно просторныхъ избъ, съ недавно вымытымъ дощатымъ поломъ: одни сидѣли молча какъ громомъ пораженные, другіе бѣгали въ досадѣ изъ угла въ уголь, цѣпляясь за связки и чемоданы кой-какъ брошенные при переноскѣ ихъ изъ экипажей. Это неожиданное извѣстіе дѣйствовало на всѣхъ возмутительно: кромѣ того что мы лишились одного изъ самыхъ лучшихъ и надежныхъ мѣстъ для двухнедѣльной потѣхи, мы потратили много времени на длинный переѣздъ, зашли въ про-

тивную сторону и отдалились отъ вольныхъ и обильныхъ звѣрежь иѣсть на двойное разстояніе. Алексѣй Николаевичъ вытребовалъ хозяина. Ракій мужчина, съ окладистой бородой въ видѣ лопаты и съ простодушнымъ взглядомъ, подтвердилъ наше опасеніе за будущее и предрекалъ чистую неудачу: по словамъ его уже нѣсколько охотъ прежде насъ, простоявъ сутки въ хуторахъ, должны были удалиться. «Завелси-вишь новый управляющій надъ заводами и положилъ запретъ на все... а объ охотникахъ и говорить нечего! что ружей поизломали у мужиковъ, которые охочи до дудаковъ, что сѣтей поостобрили у перепелятниковъ, ужаси! Такъ и вашей милости, я чай, не придется погалдить въ степи, затѣмъ новый управляющій, сказываютъ, самъ собачаръ! До прежде его всѣмъ было споручно и на счетъ скотины было куды-вольготно! а теперь, нѣтъ! Крутыя времена пришли!» заключилъ разскащикъ.

Сообщивъ эту нерадостную вѣсть, борода убралась восвояси.

Во время обѣда объявили намъ, что ѣдутъ объѣздчики. Всѣ обратились къ окнамъ и съ любопытствомъ смотрѣли на этихъ посланцевъ судьбы. На статныхъ коняхъ степной породы, по лемъ, прямо къ нашему хутору, ѣхали три всадника: не было сомнѣнія, что это объѣздные съ графской, ѣхали къ намъ съ извѣстіемъ, конечно нерадостнымъ. Тотчасъ былъ призванъ Артамонъ Никитичъ и ему въ пять голосовъ было приказано задержать гг. прибывшихъ, пока кончится нашъ обѣдъ, а между тѣмъ принять ихъ какъ можно ласковѣе, угостить порядкомъ, и стараться какъ можно вкрадчивѣе и искуснѣе «добыть языка», но, главное, стараться задобрить и если можно, то купить ихъ расположеніе.

Что было говорено до насъ, неизвѣстно. Послѣ обѣда велѣно впустить объѣздныхъ къ его сіятельству. Одинъ изъ нихъ остался при лошадахъ, двое вошли къ намъ въ избу и почтительно поклонившись остановились у двери. Первый изъ вошедшихъ былъ молодой, статный и красивый малый, въ снемъ тонкомъ полукафтанѣ, перетянутъ черкесскимъ поясомъ и въ козловыхъ сапогахъ; съ перваго же взгляда было ясно, что этотъ щеголь былъ неглупъ, рѣчистъ и самолюбивъ, т. е. не прочь отъ удовольствія получить особенный почетъ и при случаѣ разыграть роль проѣзжаго купчика. Онъ состоялъ въ роли старшаго объѣздчика или дистанчнаго, имѣлъ у себя подъ командой двѣнадцать человекъ верховыхъ налетовъ, которыми, какъ узнаемъ послѣ, распоряжался очень умно и не безвыгодно

для себя. Товарищъ его простой объѣздчикъ былъ что-то среднее между мужикомъ и дворовымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ среднее же между человѣкомъ обыкновеннымъ и страшилищемъ. Судя по его росту, плечамъ и этой скуластой, плоской, изрытой оспинами, съ тупымъ и звѣрскимъ взглядомъ раскосыхъ глазъ, харѣ и вообще какой-то свирѣпости во всемъ ея складѣ, значилось ясно, что для этого степнаго витязя выпить полведра съ маху, сожрать барана и приплюснуть встрѣчнаго, было дѣло нестоющимъ долгаго размышленія.

— Ну что, господа честные, зачѣмъ пожаловали? началъ Алексѣй Николаевичъ, которому, какъ опытнѣйшему и бывалому уже здѣсь, мы предоставили дипломатическую часть этого важнаго дѣла.

— Къ вашему сіятельству, явились съ покорнѣйшей просьбой, отвѣчалъ начальникъ стражи съ полнымъ уваженіемъ и заученой подчиненностью. По его голосу и выраженію надо было думать, что онъ долженъ быть или смышленнѣйшій и тончайшій плутъ, или скромный и точный исполнитель своей обязанности.

— Радъ служить. Что вамъ отъ насъ надобно?

— Мы наслышены, что ваше сіятельство изволили прибыть въ эти мѣста на счетъ охоты, такъ если вашему сіятельству неравно желательно будетъ проѣхать въ нашу степь, то мы обязаны васъ предупредить и дать объ васъ знать конторѣ, а вамъ заявить впередъ, что травить звѣря въ нашихъ дачахъ не дозволяется.

— Знаю, любезный. Мы давеча читали тамъ у васъ на межѣ запрещеніе. Кто это смастерилъ его? Для вашей графини, кажется, все равно... Что, она вернулась изъ Италіи?

— Никакъ нѣтъ. Вотъ, ужъ седьмой годъ пошелъ...

— А управляющій у васъ тотъ-же? какъ егѣ... Огивкинъ, Кремешковъ, что ли? Онъ былъ человѣкъ сговорчивый.

— Никакъ нѣтъ. На ихъ мѣсто назначенъ новый. Вотъ ужъ два года слишкомъ какъ они завѣдываютъ и вотчиной и заводами.

— Ага, такъ это онъ придумалъ такую строгую систему?

— Не могу знать. Намъ отъ конторы назначеніе послѣдовало. Еще съ прошлаго года учредили четыре дистанціи, человѣкъ по двѣнадцати объѣздныхъ въ каждой.

— Ого! Значить, къ вамъ теперь и муха не пролетитъ безъ вашего вѣдома...

— Муха не муха, а вотъ на счетъ бычковъ да промысловъ

никовъ разныхъ, ужъ это будетъ наше попеченіе... Тутъ мы должны стараться не упускать изъ вида ничего.

— Хорошо. Ну, а если намъ теперь понадобится идти къ Боброву или на Битюгъ? Тутъ какъ вы посудите? Вѣдь намъ нельзя же перелетѣть на крыльяхъ верстъ сорокъ... Мы не журавли!

— Это какъ вашей милости будетъ угодно; тутъ мы воспрепятствовать вамъ не можемъ; только я обязанъ о проходѣ вашему извѣстить контору и проводить васъ черезъ свой участокъ. Ужъ это моя должность... Вотъ, не угодно ли вашему сѣятельству полюбопытствовать на инструкцію.

И г. дистаночный почтительно поднесъ Алѣеву перегнутый въ восьмую листъ бумаги.

Фирманъ этотъ былъ написанъ года два назадъ и такъ потертъ отъ постоянного ношенія въ карманѣ, что состоялъ изъ восьми отдѣльныхъ лоскутковъ съ буроватыми пятнами. Мы окружили Алѣева и начали читать глядя черезъ его плечи. Любопытное постановленіе начиналось такъ: Отъ вотчиннаго правленія ея сѣятельства и т. д. старшему дистаночному 2-й половины колягинскихъ межъ Алексѣю Антонову Крутолобову.

Инструкція.

Тутъ слѣдовало множество пунктовъ за подписью главноуправляющаго полковника Стебакова и управляющаго конторою Клевалова, а вънизу печать.

Инструкція была полная и неумолимо строгая. Послѣ пунктовъ относившихся къ чабанамъ, гурто-правамъ и прочему люду, слѣдовалъ длинный наказъ какъ управляться съ охотниками всѣхъ сортовъ и видовъ. Тутъ было припасено, какъ говорится: «всѣмъ сестрамъ по сергамъ!» Начитавшись вдоволь о ястребятникахъ, перепелятникахъ, псовыхъ и ружейныхъ охотникахъ, мы дошли наконецъ до пункта 29-го, гдѣ было сказано: «Буди же освѣдомишься вѣрно о прибытіи большихъ псовыхъ охотъ для травли звѣря въ твоемъ участкѣ, то обязанъ ты прибывшихъ съ такимъ намѣреніемъ господъ предупреждать, а о прибытіи ихъ контору немедленно извѣщать. Если же таковымъ охотамъ потребуются проходить степью, то обязанъ ты съ объѣздными оную охоту сопровождать черезъ свой участокъ, строго наблюдая притомъ чтобы во время слѣдованія оной охоты никакого звѣря травлю не было». Наконецъ, пунктъ 30-й гласилъ такъ: «У казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, однодворцевъ и вообще у промышленниковъ ставящихъ капканы на сурковъ, оные отбирать и

вмѣстѣ съ владѣтелями таковыя орудія въ контору представлять» и проч.

По прочтеніи этой «грозы конторской», какъ назвалъ ее Владимірецъ, между нами возникла жаркая французская полемика; каждый опровергалъ чужое мнѣніе и предлагалъ отъ себя что-нибудь новое, въ свою очередь ни къ чему негодное. Стерлядкинъ упорно стоялъ на томъ, что это — *quelque piéce... pour atraper* — насчетъ *срыва*, и стоитъ только заискать и *купить* расположеніе дистаночнаго, то мы навѣрное будемъ травить сколько душъ угодно. На этомъ кончили и чтобъ условиться на свободѣ какъ дѣйствовать и что намъ окончательно предпринять, Алѣевъ обратился къ дистаночному.

— Ну, любезнѣйшій, это видно, что у васъ тутъ завелись новыя порядки—и если существуетъ такое строгое запрещеніе, то мы конечно не рѣшимся сдѣлать вамъ неприятность. Спасибо, что ты извѣстилъ насъ во время. Если понадобится идти вашей степью мы тогда увѣдомимъ. А теперь, чтобъ разстаться друзьями, ступайте-ка напейтесь чайку.

Послѣ легкаго отказа г. дистаночный и его молчаливый товарищъ вышли съ Артамономъ Никитичемъ пить чай.

Въ короткій срокъ ихъ отсутствія, на свободѣ, послѣ подробнаго обсужденія всего дѣла, было условлено и положено, съобща: «Если не удастся какъ-нибудь *смазывать* этого дѣла съ дистаночнымъ и братією, помимо конторы и властей, то писать письмо къ управляющему и просить у него дозволенія, по крайней мѣрѣ проходитьъ черезъ степь, метнуть гончихъ въ Синіе кусты». Умнѣ этого придумать, кажется, было нечего.

Черезъ часъ дистаночный явился благодарить за угощеніе, хмѣльнаго онъ ничего не употреблялъ и потому велъ себя по прежнему, почтительно и съ достоинствомъ. Задобренный ласковымъ приемомъ и какъ будто сочувствуя намъ, онъ прибавилъ: «жалъ, ваше сіятельство, лисицъ у насъ много; я, признаться, и самъ охотникъ, а *ловить ихъ не дозволено*; хоть бы на васъ посмотреть какъ бы вы стали тѣшиться....

— Да, нехудо бы... А вотъ что, любезный, нельзя ли такъ, помимо вашей инструкціи? а? Мы бы атакнули въ Синихъ кустахъ, прошлись бы по сора́мъ... Кто тамъ увидитъ? Управляющій вашъ съ конторою, тамъ, за тридевять земель....

— Никакъ нельзя, ваше сіятельство; на счетъ этого у насъ строгости большія. Народъ тоже.... дружка за дружкой, такъ вотъ — чего не было плетутъ.... Помилуй Богъ, донесутъ, какъ

разъ подь красную шапку угодишь... Управляющій же теперешній, не тѣмъ будь помянутъ, человѣкъ, куда — тяжелъ...

— Ну, а если мы отправимъ къ нему нарочнаго съ письмомъ и будемъ просить разрѣшенія поохотиться хоть въ одномъ твоёмъ участкѣ... Какъ думаешь, дозволить?

— Этого я не могу вамъ доложить... ужъ это какъ вамъ будетъ угодно... Затѣмъ, счастливо оставаться.

Замѣтно было, что послѣдняя предложенная Алѣевымъ мѣра какъ-то неблагопріятно подѣйствовала на дистаночнаго; онъ поспѣшно раскланялся и вышелъ.

Между тѣмъ, пока шли у насъ эти неудачные переговоры, Теопенъ Ивановичъ сидѣлъ на завалинѣ у крайняго двора, гдѣ помѣстился также и объѣздчикъ остававшійся при лошадяхъ. Съ первой понюшки табаку, которымъ Теопенъ Ивановичъ изволилъ попотчевать новаго знаконца, между ними возникла длинная бесѣда. Степнякъ какъ видно былъ не прочь погуторить съ добрымъ человѣкомъ, а ловчій нашъ былъ великій мастеръ слушать; неизвѣстно о чемъ толковали они, но видно было что Теопенъ Ивановичъ услышалъ для себя что-нибудь очень пріятное, потому что даже и тогда какъ степные стражи тронулись въ путь онъ долго смотрѣлъ имъ въ слѣдъ и, пропустивъ потомъ двойную порцію роменскаго съ передышкой, крикнулъ и примолвилъ — «ладно».

По отбытіи дистаночнаго мы остались въ болѣе сомнительномъ положеніи нежели были до его появленія. Осталась одна темная надежда на милость управляющаго... За рѣшеніемъ исполненіе не замедлило. Черезъ часъ времени хозяинъ нашъ стоялъ у избы съ парю дюжихъ коней запряженныхъ въ крестьянскую телѣгу, и Аванасій, напутствуемый всѣми возможными совѣтами и приказаніями, усѣлся на мягкой постилкѣ и рѣзкой рысью отправился въ путь. Взадъ и впередъ ему предстояло сдѣлать слишкомъ семьдесятъ верстъ, и потому мы не надѣялись получить отвѣтъ ранѣе какъ на другой день къ вечеру.

За то встрѣча ему была самая почетная; на другой день во время обѣда доложили намъ, что ѣдетъ Аванасій; мы словно по командѣ вскочили съ мѣстъ и побѣжали къ окнамъ. Охотники всѣ до одного вышли къ нему на встрѣчу; даже бабы и ребята высыпали на улицу поглазѣть на происходившее. Обозрѣвши эту картину, мы снова усѣлись за покинутую трапезу. Вошелъ Аванасій и... подалъ Алѣеву его же письмо нераспечатаннымъ; при письмѣ была приложена маленькая записка.

— Чтожъ? проговорилъ Алѣевъ принимая письмо.

— Что, сударь, ѣздилъ — ни по что, привезъ — ничего.

Алѣевъ прочелъ записку сначала молча, потомъ началъ въ слухъ: «Его высокоблагородіе, г. главноуправляющій третьяго дня въ шесть часовъ пополудни изволилъ отбыть въ С. Петербургъ срокомъ на одинъ мѣсяць, а потому контора за отсутствіемъ его не можетъ доволить охоты во владѣніяхъ ея сіятельства».

Конторщикъ Чревобитовъ.

Боже мой! На семи печатныхъ листахъ не передашь всего, что говорилось по полученіи этого окончательнаго отказа. Начали наконецъ утверждать и доказывать, что мы можемъ травить въ дачахъ графини Отакойто. Отчего, напримѣръ, во время прохода степью на насъ не могутъ напасть волки, лисицы, даже зайцы и мы, защищая свою жизнь, рубимъ ихъ, стрѣляемъ, наконецъ травимъ собаками... Бѣдную графиню надѣляли заочно такими побранками, отъ которыхъ она навѣрное упала бы въ истерику, еслибъ могла ихъ слышать; управляющему отпускалось ихъ вдвое; Батовъ свирѣпствовалъ и грозилъ ему рѣшительнымъ побіеніемъ; наконецъ онъ приглашалъ всѣхъ слѣдовать за нимъ съ обнаженными кинжалами и въ случаѣ надобности травить самихъ объѣзчиковъ... Это породило общій смѣхъ, и бѣдный Лука Лукичъ, оставленный въ одиночествѣ при своемъ лютомъ мнѣніи, горячился пуще прежняго и началъ даже намъ самимъ угрожать кинжаломъ. Погоревавши и насмѣявшись досыта, рѣшили наконецъ — завтра же тронуться въ дальнѣйшій путь: взять въ поленъ Козиху, а оттуда съ собаками на смычкахъ идти степью прямо къ Хопру.

Рѣшено. Осталось только отдать приказаніе ловчимъ.

— Фунтикъ! Кликни Θεопена, сказалъ Алѣевъ случившемуся тутъ мальчику Стерлядкина, который такъ горько рыдалъ, выпрашиваясь у него въ отъѣзжее. Названіе Фунтика онъ получилъ отъ охотниковъ уже во время пути.

Вопелъ Θεопенъ и по обыкновенію прилипъ у притолки.

— Завтра, началъ Алѣевъ, надо брать Козиху.

— Это какъ вамъ будетъ угодно... По моему такъ Козихи съ первоначала брать бы не слѣдовало; ее устѣмъ взять и на послѣдяхъ.

— Когда на послѣдяхъ?

— Извѣстно, къ концу, передъ выходомъ, либо такъ — между дѣла, какъ надумается. Мѣсто подъ рукой, домашнее, звѣрь — набродный.

— Ты, какъ видно, располагаешь туразить тутъ до зны, а я тебѣ говорю, что намъ надо завтра взять Козику по пути, мы выступимъ отсюда къ Хонру.

— Это чтожь?... Что ни лучшія мѣста кинуть такъ! Лучше было и не ходить въ такую даль... Чтожь мы все и будемъ выступать да выступать. Отъ добра — добра не ищутъ. Мѣсто — въ свѣтъ первое! Звѣря — сила! А вчера, сидя на завалинѣ, четырехъ перевидѣлъ на рискъ... лисъ выкунягъ; горить, грачъ грачомъ! Самая пора; только бы вотъ — тронуть, посыплютъ....

— Ты говоришь какъ-будто во спѣ... я знаю твой характеръ — вынь да положь! Слышалъ вѣдь кажется....

— Да, што.... Слушать-то нечего!

— Какъ нечего! Тебѣ говорятъ, что въ графскую насъ не пустятъ.

— Какъ не пустить... Захотятъ, пустятъ...

— Ну, вотъ прошу толковать съ подобными людьми! проговорилъ Алѣевъ горячо. Зарубилъ одно... Теперь прошу его урезонить! Тебѣ говорятъ; русскимъ языкомъ, что мы завтра должны отсюда выступить; тутъ дѣлать нечего.

— Это воля ваша... какъ вамъ будетъ угодно... А я мекаю такъ, что дальше идти намъ не за чѣмъ. Что намъ дѣлать на Хонрѣ? Тамъ, я чай, съѣхалось охотника не въ перечеть... Поди, подметай чужіе слѣды. А тутъ, Ышь — не хочу! Такихъ мѣстъ вѣкъ не обыщешь, благо — дошли.

— Чтожь ты будешь тутъ дѣлать?

— А что хочу, то и дѣлаю!

— Ну, вотъ, послушайте его! обратился къ намъ Алѣевъ. — Прощу васъ потолковать съ такими людьми. Тебя призвали сюда для того, чтобъ отдать приказаніе. Завтра мы выступаемъ; по пути возьмемъ Козику и оттуда, сомкнувши стаю, идемъ степью на Хонерь. Понятно тебѣ? Затѣмъ тебя кликнули. Теперь, ступай.

— Это понятно. Слушаю-сь.

Феопень посмотрѣлъ на меня твердо, вопросительно, какъ-будто онъ хотѣлъ что-то мнѣ сказать, повернулся и какъ-то неохотно вышелъ. По отбытіи ловчачо между охотниками возникло словопрѣніе. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ Бачовъ схватился за мысль Феопена и началъ варьировать ее на разные лады. Всѣ видимо были недовольны своимъ настоящимъ положеніемъ; никому не хотѣлось трогаться съ мѣста и идти дальше, какъ говорится — на авось! и потому Лука Лукичъ

не встрѣчалъ общаго отпора, хотя на вопросъ Алѣева — для чего намъ здѣсь оставаться? и чего ждать? онъ не могъ держать никакого отвѣта. Я сидѣлъ молча и слушалъ, убѣждаясь больше-и-больше, что всё, словно по заказу, несла *околесную*.... Тутъ, во время общаго говора, незамѣтно для прочихъ, ко мнѣ подвернулся Фунтикъ и сказалъ шепотомъ, что Теопенъ имѣетъ надобность переговорить со мной о весьма-нужномъ дѣлѣ и просить придти къ нему такъ, чтобъ «не замѣтили господя». Увернувшись очень-ловко, я вышелъ и по указанію Фунтика отправился на таинственное свиданіе съ ловчимъ.

За хозяйскимъ гумномъ, на берегу тинистаго протока, гончія лакали запарку изъ полотнянаго походнаго корыта. Теопенъ стоялъ тутъ опершись грудью на весло; съ нимъ были два его помощника — Сергѣй и Пашка.

Я подошелъ къ обществу и попросилъ огня раскурить сигару.

— Что, сударь, вышли прогуляться? сказалъ ловчій.

— Да. Наскучило тамъ сидѣть. Всѣ горячатся, спорятъ и все-таки не сталкиются, что дѣлать.

— Да, што... Не слушалъ-бы... Дбруць!

Теопенъ размѣшалъ остатокъ запарки и обратился ко мнѣ.

— Это я вамъ доложу, сударь, у насъ всегда такъ ведется: съ подходомъ, да съ высоко! Вотъ и сюда пришли — за какимъ дѣломъ? на столбахъ граматы вычитывать! Ужь это я вамъ доложу, что не выду такъ отсюда, а вырою столбъ и буду возить съ собою; куда придемъ — тамъ и поставлю; пусть-ихъ читаютъ на здоровье!

— Нельзя-же, любезный другъ; это дѣло такое — на что если пойдетъ — и столбу вѣрь. Въ чужихъ дачахъ, ты самъ знаешь, травить нельзя; а пойдешь на перекоръ, такъ, пожалуй, влетишь въ такое дѣло, что послѣ и не распутаешься...

Вмѣсто всякаго возраженія Теопенъ отвернулся къ корыту и началъ глядѣть по-своему. Эта переглядка вмѣстѣ съ молчаніемъ, для меня, начинавшаго нѣсколько понимать натуру Теопена Ивановича, значила ясно: «дескать, и этотъ городить такой-же вздоръ, какъ остальные; и этому больше нечего отвѣчать какъ — *слушаю*».

— Серега, веди. «На мѣсто!» крикнулъ онъ гончимъ. Собаки скучились и пошли за Сергѣемъ. А ты, Пашутка, снимай корыто.

Пашка принялся снимать съ колушковъ корыто, для того чтобъ развѣсить его на жердяхъ для просушки.

— Виновать, сударь, потревожилъ я васъ оттуда. У меня до васъ есть нужное дѣльце, началъ Теопенъ, отходя въ сторону.

— Очень-радъ служить, чѣмъ могу. Говори, что надо?

— У васъ лошади не истомлены, шли налегкѣ; кучеръ вашъ — парень степенный... Нужновато-бъ съѣздить мнѣ, не далече тутъ, къ кумѣ... Не пожалуете-ли вашу тройку; лошади будутъ сохранны; ѣзды тутъ нисколько.

— Помилуй, Теопенъ, какъ-же тебѣ не стыдно затрудниться въ такихъ пустякахъ. Самъ-бы раньше меня распорядился и съѣздить, куда надо. Лошади свѣжія, что имъ дѣлается?

— Нѣтъ, ужъ вы сами потрудитесь приказать, своимъ словомъ, это для меня вѣрнѣй. Да, тамъ, между господъ, неравно къ рѣчи придетъ, не проговоритесь какъ-нибудь. Мнѣ-бы съѣхать только такъ, чтобъ не въ домекъ нашему народу; а тамъ, пожалуй, хотъ и спохватятся, подождутъ; невелика важность.

Объяснивши въ короткихъ словахъ, какого рода приказаніе я долженъ буду отдать Игнаткѣ, Теопенъ кликнулъ своего выжлятника, которому, какъ видно, онъ довѣрялъ во всемъ больше, нежели Сергѣю.

— Пашутка, летай, сыщи нхняго кучера, да шукни ему, чтобъ посгѣшилъ сюда; только, смотри, осторожнѣй, не запри-мѣтай-бы кто.

Недолго пришлось намъ ожидать. Пашка и Игнатъ мигомъ явились.

— Игнатка, сказалъ я своему возницѣ, — въ сумерки надѣнь на тройку хомуты, только такъ, чтобъ этого не замѣтили и не было распросовъ, и какъ только народъ соберется ужинать, запряги осторожнѣе и съѣзжай со двора какъ можно тише. Теопенъ Ивановичъ съ Пашкой поѣдутъ съ тобой, куда надо. Ты теперь остаешься въ полномъ распоряженіи у Теопена Ивановича и если онъ похвалитъ тебя за усердіе, то получишь большое отъ меня спасибо.

Пожелавъ Теопену Ивановичу счастливаго пути, самъ не зная, въ какую сторону лежалъ этотъ путь, я пошелъ обратно, ни мало не затрудняя себя вопросомъ и желаніемъ разгадать затѣю нашего ловчаго. «Что будетъ, узнаемъ послѣ», думалъ я, «а теперь надо молчать». Съ этой мыслью очутился я снова въ обществѣ горемыкъ-охотниковъ. Горячій споръ и длинныя разсужденія шли у нихъ по-прежнему, но дѣло отъ этого не уяснялось и прежнее рѣшеніе оставалось во всей силѣ. Принялись наконецъ съ досады подтрунивать надъ своимъ безотраднымъ положеніемъ;

Владимирецъ въ этомъ случаѣ первенствовалъ и рѣзкими каламбурами вызывалъ общій хохоть.

Подали уже свѣчи и, слушая въ тихомолку разныя небасенки, я преспокойно допивалъ второй стаканъ чая, какъ неожиданно рухнула гроза на мою тайну.

— Ну, если ты такъ твердо вѣришь его словамъ (словамъ Θεопена), началъ вдругъ Алѣевъ, относясь къ Бацову, — такъ ты-бы потрудился разузнать отъ него хорошенько — съ чего онъ вздумалъ утверждать....

— Однакожь, подхватилъ графъ, — я самъ почти одного мнѣнія съ Лукой. Ты знаешь вѣдь Θεопена: онъ скорѣе промолчитъ о дѣлѣ, въ которомъ самъ сомнѣвается.

— Хорошо. Если онъ докажетъ чѣмъ-бы то ни было, что для насъ лучше оставаться здѣсь, а не идти дальше, я готовъ оставаться и ждать хоть цѣлую недѣлю.

— Пожалуй. Эй, кликните Θεопена, крикнули два голоса разомъ и Фунтикъ прытко побѣжалъ изъ избы.

«Ну», подумалъ я, «что теперь лучше — *быть или не быть* — Θεопену?»

Прошло около получаса и Фунтикъ явился съ докладомъ, что Θεопена Ивановича нигдѣ не сыщутъ.

— Какъ, не сыщутъ? Пошли кого-нибудь по-умнѣй, чтобъ спросили у выжлятниковъ, сказалъ Алѣевъ.

Прошло еще полчаса. Явился посланецъ *по-умиль* и донесъ, что ловчаго нѣтъ нигдѣ и въ добавокъ Пашка пропагъ.

— Дурачье. Послать сюда Сергѣя.

Явился и Сергѣй и доложилъ, что когда онъ уходилъ ужинать, Θεопенъ и Пашка оставались при стаѣ, вернувшись-же назадъ, онъ не засталъ ни того, ни другого.

Послѣ этого донесенія послѣдовалъ новый приказъ — узнать, гдѣ Θεопенъ и Пашка.

Вслѣдъ затѣмъ въ присутствіи моемъ было отправлено нять посланцевъ справиться уже о томъ, нашли-ли Θεопена? Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго явился самъ Артамонъ Никитичъ и доложилъ какъ-то тревожно и таинственно, что и моя тройка сбѣжала куда-то со двора.

— Ну, объ этомъ не хлопчите, отвѣчалъ я, надумавшись на свободѣ, какъ по-искуснѣе солгать. — Я еще съ утра приказалъ Игнаткѣ перековать пристяжныхъ и перетянуть шину на колесѣ. Вѣдь завтра въ походъ, такъ надо-же исправить.

Это успокоило многихъ. Спросили еще раза три о Θεопенѣ и

мирно улеглись спать. На утро мы пробудились очень-рано и первый вопрос у всѣхъ былъ — гдѣ Теопенъ? но, увы, и Теопенъ, и Пашка, и моя подкованная тройка съ Игнатомъ, какъ-будто и на свѣтъ не роживались. Вплоть до девяти часовъ только и рѣчи было, что о Теопенѣ и его спутникахъ. Я упорно молчалъ, твердо надѣясь, что рано или поздно они явятся. Наконецъ вбѣжалъ къ намъ Фунтикъ, какъ-будто съ вѣстью о пожарѣ: «Теопенъ Ивановичъ идетъ, и лошадей ведутъ», проговорилъ онъ на-скоро.

Вмѣсто распросовъ мы вышли одинъ по одному и очутились посреди выгона.

По одной изъ окольныхъ дорогъ, не со степи, а отъ сосѣднихъ хуторовъ, тихо шелъ Теопенъ въ своемъ фризомъ балахонѣ; онъ несъ что-то похожее на маленькую собачку, которая прыгала и вертѣлась у него на рукахъ; слѣдомъ за нимъ тройка, понатужась, везла грузный возъ; по сторонамъ шли Игнатъ и Пашка; у одного въ рукахъ были возжи, другой управлялся съ такимъ-же беспокойнымъ звѣркомъ, какъ и у Теопена.

Недоумѣвая на что подумать, мы молча дождались, пока Теопенъ Ивановичъ очутился отъ насъ въ десяти шагахъ; на рукахъ у него рвался и юлилъ всячески живой сурокъ; взмыленные лошади подвезли къ нашему крылечку покрытый попонами грузный возъ, въ которомъ, судя по упору тройки, было не меньше пятидесяти пудовъ клади.

— Что это? Гдѣ это? Какъ? Откуда? И множество подобныхъ вопросовъ и восклицаній встрѣтили въ одинъ разъ нашего мудренаго затѣйника.

— Да, вотъ, ѣздили поглядѣть, какъ запретный звѣрь ловится, отвѣчалъ Теопенъ и, сдавши сурка одному изъ охотниковъ, которые сбѣгались со всѣхъ концовъ поглазѣть на происходившее, онъ молѣвъ на колесныя ступицы и сдернувъ попоны, покидалъ на полъ около десятка давленныхъ сурковъ. Остальная клада состояла изъ капкановъ, весьма-отчетливой и прочной работы. Судя по емкости телѣги и высотѣ вороха, надо было полагать, что тутъ ихъ было штукъ до двухсотъ, слѣдовательно, одного желѣза не меньше сорока пудовъ.

Неожиданная новость эта дотога озадачила всю честную компанію, что никто не рѣшался высказывать въ слухъ своихъ мыслей; глядя на это темное пока для всѣхъ дѣло, я какъ-то неволью припоминалъ тѣ вѣскіе слова, которыхъ смыслъ теперь только началъ по-немногу объясняться: «да што.... ничево-съ....

какъ не пустить — захотятъ, пустятъ!» думалъ я безпрестанно и полагалъ навѣрное, что вся эта продѣлка, всею ея тяжелой стороною, ляжетъ прямо на дистаночнаго и его грозную ин-струкцію. Кстати-же, думалъ я, тамъ есть кое-что о суркахъ и капканахъ.

— Чьи-жъ это капканы? спросилъ Алѣевъ.

— А кто-шъ ихъ.... Тамъ, разберутся.... Хозяинъ същется, отвѣчалъ Теопенъ съ свойственной ему уклончивостью.

— Какъ не найдтись, прибавилъ краснобай Никита, взвѣшивая на рукѣ одинъ изъ капкановъ, — за десяткомъ, пожалуй, не погнались-бы, а тутъ, вишь, что ихъ наворочено; рублей на тысячу будетъ.

— Тысяча, не тысяча, а за пятьсотъ не укупишь, возразилъ старикъ Андрей, самъ капканщикъ. — Работа знатная, цѣлко-выхъ полтора штука....

Стерлядкинъ и графъ посмотрѣли молча Алѣеву въ глаза и только пожали плечьями; послѣдній обратился къ своему ловчему.

— Ну, Теопенъ, спасибо тебѣ за сметку, а за усердіе вдвое. Теперь я вижу, что ты говоришь правду: отсюда намъ идти, видно — погодить.

— Что-жъ, денекъ, другой — время нисколько. А тамъ, какъ вамъ будетъ угодно....

— Ну, ну, ладно. Теперь это дѣло надо отдать тебѣ въ опеку; справляйся какъ знаешь. Тебѣ и книги въ руки. Мы тутъ въ сторонѣ. Пойдемте, господа.

И господа возвратились въ избу совсѣмъ не въ такомъ расположеніи духа, въ какомъ вышли изъ нее не задолго: у всѣхъ просіяли лица. Пахнуло вдругъ надеждой на благополучный исходъ испорченнаго нами-же и какъ казалось, невозможнаго дѣла.

— Что это такое! повторяли одинъ за другимъ въ раздумьи, не зная, какъ и что подумать о случившемся. — Ага! что? Я вамъ говорилъ! приговаривалъ Бацовъ, бѣгая взадъ-впередъ по комнатѣ. Онъ торжествовалъ. — Ну, братъ, Теопенъ твой рѣдкій человѣкъ! вторилъ графъ, и вслѣдъ затѣмъ всѣ сразу приступили ко мнѣ съ вопросомъ что значать эти сурки и капканы, съ какой цѣлью Теопенъ скрылся вчера и для какой надобности выпрашивалъ у меня лошадей? Я отвѣчалъ, что цѣль эту постигаю на столько-же на сколько и они, а лошадей онъ просилъ для того, чтобъ съѣздить къ — *куль*.

Всѣ громко захохотали.

— Изъ всего этого я вижу, заключилъ графъ, — что мы

цѣлые сутки городили вздоръ; одинъ только этотъ немогузнайка знаетъ дѣло, какъ оно есть. Теперь намъ остается одно: ни словомъ, ни дѣломъ не мѣшать ему ни въ чемъ.

— Пусть какъ знаетъ — такъ и кроить, добавилъ Стерлякинъ.

Какъ будто къ слову явился Θεопень Ивановичъ.

— Ну, что скажешь хорошаго? спросилъ Алѣевъ.

— Ничевось. Пришелъ, nebudeтъ-ли какого приказанія?

— Ну, теперь какія приказанія... А вотъ что, скажника намъ, откуда ты нацапалъ такую пропасть капкановъ?

— Какъ, откуда? Такъ вотъ пообобралъ... Ваялись кой-гдѣ по запретнымъ мѣстамъ.

— То-то, смотри, какъ-бы не явились съ обыскомъ? Тогда, знаешь, надо знать какъ...

— Да, што... ничево-съ... Какіе тамъ обыски... извѣстно — воръ у вора дубинку укралъ. Ужъ на этотъ счетъ будьте покойны. Какъ бы намъ еще не пришлось пообыскать округъ ихъ! а то... Тутъ не то дѣло! прибавилъ Θεопень, помолчавъ не много, и на лицѣ его мелькнула злая усмѣшка, какъ будто онъ припомнилъ что-то очень для себя забавное и смѣшное.

Послѣ этого, конечно, говорить было нечего.

— Тебѣ, я думаю, не мѣшаетъ теперь отдохнуть, заключилъ Алѣевъ.

— Пойду. Ночь-таки намаялись. А насчетъ того, наслучай найдутъ сюда эти брызгуны, такъ ужъ извольте приказать, чтобъ къ вашей милости ихъ никакимъ манеромъ не допускать, дескать, почиваютъ, чтоли тамъ, господа; а коли что молъ надо, такъ ступай къ ловчему, затѣмъ молъ, что ему отъ господъ приказъ отдавъ. Я такъ и ребятамъ наказалъ.

— Ладно. Дѣлай тамъ какъ знаешь.

— Затѣмъ счастливо оставаться. А телѣга пусть такъ и стоитъ передъ крыльцемъ; ее не прикажите трогать.

Едва-ли нашему ловчему удалось соснуть часъ времени; дистаночный и звѣрообразный его товарищъ не замедлили прибыть со степи; послѣ короткихъ распросовъ у охотниковъ нарочно приготовленныхъ для ихъ встрѣчи, степные стражи отправились къ нашему крыльцу, гдѣ встрѣтилъ ихъ Артамонъ Никитичъ и, объяснившись какъ подобало, отправилъ ихъ съ Фунтикомъ по принадлежности, т. е. для свиданія съ ловчимъ. По словамъ графскаго камердинера, дистаночный Крутолобовъ съ виду былъ унылъ и озабоченъ: онъ долго и навязчиво про-

смысл позволенія представиться къ графу и говорить, что кремль дѣла на счетъ «грабежа», какъ онъ называлъ подвигъ Θεопена, онъ имѣеть объяснить его сѣятельству много кой-чего «касательно охоты».

Съ прибытіемъ дистанчнаго мы были обязаны выдерживать строгій карантинъ; всѣхъ насъ мучило любопытство знать, что станетъ прорекать Θεопенъ Ивановичъ при видѣ челоуѣка, прибывшаго искать законной защиты въ дѣлѣ насилія грабежа и иныхъ золъ возмущающихъ гражданское благоустройство. Бацовъ не утерпѣлъ и пригласилъ меня соупутствовать; съ общаго согласія мы облеклись въ охотничьи кафтаны, надѣли косматые шапки, пробрались огородомъ и притаились у плетневаго сарая, гдѣ послѣ ночныхъ трудовъ Θεопенъ Ивановичъ изволилъ расположиться на отдыхъ. Когда мы устроились на своемъ секретномъ постѣ и я обыскалъ щель для одного глаза, вступительныя рѣчи съ обѣихъ сторонъ были какъ видно уже кончены, потому что разговоръ перешелъ въ область тонкихъ разсужденій весьма мирнаго впрочемъ и дружелюбнаго характера. Дистанчный стоялъ, глядя пытливо на Θεопена, товарищъ его безвѣчно разсматривалъ ничтожныя предметы, какъ-то: сѣдлы, пожи, рога и проч. Ловчій нашъ лежалъ на кровати устроенной наскоро изъ трехъ тычинокъ съ перекладинами проткнутыми въ плетень; тонкая соломенная постилка, потникъ подъ бокомъ и сѣдельная подушка въ головѣхъ, вотъ и всѣ предметы, по которымъ блуждали касыя глаза объѣздчика. По лицу дистанчнаго было замѣтно, что онъ былъ чѣмъ-то озадаченъ; Θεопенъ Ивановичъ дотягивалъ не торопясь обильную пенюшку и началъ, глядя по своему на козловые сапоги начальника стражи:

— Оно дѣло-знамо, на что запретъ положень, до той вещи и не касайся... Птица такъ птица, а звѣрь — звѣрь. Сурокъ у насъ тоже за звѣря числится? Неравенъ случай, ябы-того, себѣ на обшивку... вы, не бось, въ звѣрья его оточтете?

Было ясно, что дистанчнаго Крутолобова очень затрудняло разъясненіе этихъ вопросовъ, а потому, минуя ихъ, онъ двинулся къ своей цѣли, сначала окольною дорожкой:

— Коли вы насчетъ этого нужду имѣете, Θεопенъ Петровичъ (такъ именовалъ онъ Θεопена), такъ мы вамъ предоставить можемъ.

— Что вы мнѣ предоставите?

— Вы говорите вотъ на счетъ обшивки, такъ если угодно

мы вамъ парочки три-четыре, настоящихъ, выдѣланныхъ...
Ужъ это будьте въ надеждѣ.

— Ну, на этомъ спасибо. А теперь котикъ дорогъ сталъ, пострѣли ево-горой! Полушубокъ, что ли опушить — дай не дай два рубля, а то, такъ и весь цѣлковый *).

— Это такъ-съ. Справедливо.

Прослушавъ первое спасибо дистаночный двинулся впередъ шибче.

— А нельзя ли намъ, Феногенъ Петровичъ, уладить съ вами дѣло безъ дальнихъ хлопотъ, такъ, чтобъ и намъ было не обидно, и ваши труды хлопоты не пошли задаромъ?

— Ну, моего труда тутъ нисколько. Извѣстно, дѣлай что велятъ...

— И моего интересу, признаться, тутъ нѣтъ вовсе; только что однѣ можно сказать непріятности... ребятъ жалко; изхарчились сердечные; выгоды-то имъ, почитай, никакой, а убытку, страсть что... Жалованья, по нашему дѣлу суда, почитай что на соль не дохватить.

— А на какомъ окладѣ они состоятъ?

— Рублей по сту, съ небольшимъ, выдается изъ конторы...
Сами судите, лошадь, самому пить, ѣсть, одѣться, обуться надо...

— Угу...

— Такъ я вотъ, признаться, сказать, глядя на ихъ нужду, и говорю; поставьте ребята кашкановъ по пятку на человѣка все таки подспорье; ужъ о барышахъ тутъ, что толковать, а нужду покроетъ.

— Гм... Знамо господамъ служите, отъ когожь и поживитесь какъ не отъ господъ.

— По справедливости такъ, Феногенъ Петровичъ, вы это говорите настоящее, какъ есть... подхватилъ дистаночный, обрадованный сговорчивостью своего собесѣдника и его, какъ думалъ онъ, незрѣлымъ пониманіемъ настоящего дѣла. — Такъ вотъ, извольте видѣть, имъ-то убытки, а мнѣ, пожалуй, непріятности не миновать изъ-за нихъ.

— Непріятности-то ни почему; не былобъ чего хуже... Оно конечно и жалъ какъ добрый человѣкъ за чужой грѣхъ пропадать станеть... Такъ вы говорите, капканы-то объѣзницкіе?

— Истинно такъ.

---

*) Сурокъ въ выдѣлкѣ называется котикомъ. Шкурка его употребляется на оторочку овчинныхъ тулуповъ и дубленыхъ полушубковъ и цѣнится очень дорого.

— Гм... какъ же это... я ужъ и понять не могу: — вы же звѣря оберегаете, вы же его и ловите?!

— Ужъ это мы оставимъ въ сторонѣ, Феногенъ Петровичъ... я вамъ сказалъ по сущей откровенности, что тутъ ничего больше, окромя съ моей стороны помощи служащему народу... А вы вотъ, Феногенъ Петровичъ, возьмитесь-ка устроить дѣльце такъ, чтобъ и намъ остаться безъ обиды, и вамъ за хлопоты... я, пожалуй, (прибавилъ краснойбабъ съ приличнымъ пониженіемъ голоса) шукну ребятамъ скинутса... рубликовъ пять-десять готовы вамъ служить...

— Гм... Пятьдесятъ рублей, маловато... За совѣтъ сто возьму, а за дѣло не могу взять съ васъ тысячи. Графъ осерчалъ... передъ господами-то ему стыдно стало: затѣмъ, обнадѣжилъ! пойдѣмъ, говорить, къ маменькѣ въ степь, она, говорить, просила; тамъ, вишь, лисиць много...

— Развѣ вашъ графъ нашей графинѣ...?

— Эва, хватились! Въ племянникахъ съ поконъ вѣка числятся, да онажъ ему и мать крестная притомъ. По зимѣ видались гдѣ-то тамъ въ чужихъ краяхъ, такъ она сама припросила, побывай, говорить, Миколенька, въ мою вотчину; взгляни тамъ; говорить ни ихніе порядки, да отпиши ко мнѣ — что и какъ...

Бацовъ мой чуть не фыркнулъ, слушая эту сказку; онъ закрылъ ротъ ладонью и покраснѣлъ какъ буракъ.

— Мы не знали этого... проговорилъ тревожно дистаночный.

— Да оно и знать-то вамъ не для чего.

— А то кабы ихъ сѣятельству угодно было заявить сначала и къ управляющему бы посылать не для чего...

— Ну, къ управляющему-то онъ посылалъ не затѣмъ, а приказывалъ онъ ему явиться сюда на лицо; должно быть пряжку хотѣлъ намылить: лапа-то у вашего управляющаго слышно, не въ мѣру загребиста, да и дѣла у васъ тутъ больно стервецкія завелась!

— Какіяжъ тутъ особенныя такія дѣла могутъ... по экономіи во всемъ какъ и прежде порядокъ одинъ... у насъ на виду ничего нѣтъ такого чтобъ ужъ очень... а если слухъ тамъ какой прошелъ неблагопріятный для управляющаго, такъ это дѣло не наше...

— Слухъ тотъ, что — мошенникъ, и подобралъ къ себѣ такихъ. Какой у васъ тутъ такой Клеваловъ есть?

— Это главный конторщикъ; человѣкъ хороший...

— Ну, этому Сибири не миновать!

— Напрасно такъ думаете. Его укорить ни въ чемъ нельзя. Дѣло свое справляетъ какъ лучше требовать нельзя. Распоряженія идутъ не отъ него... Письменная часть...

— А письменная-то часть у нихъ вотъ какая: по вѣдомостямъ пишутъ землю въ наймы полтора дѣлковыхъ, а берутъ съ купцовъ шесть; степи отдають въ лѣто гуртовъ подь шестьдесятъ, а въ книгахъ ставятъ понменно пятнадцать; испанокъ атарами перегоняють въ нѣбные къ управляющему, а по книгамъ овцы дохнуть отъ оспы да отъ глиста; въ заводѣ, что ни кровнымъ маткамъ глаза выкалываютъ, да продають за бракъ, съ молотка, по три дѣлковыхъ, а съ окольныхъ заводчиковъ жарятъ за нихъ по пяти, да по семи сотъ.... Мало-ли! всего не перескажешь.... Вотъ и по вашей сторожевой части, тожъ дѣла дьявольскія живутъ.... Вы, вотъ, какъ видно, ничего.... а есть у васъ тутъ старшій дистаночный Крутолобовъ, у графа онъ записанъ Алексѣемъ Антоновымъ? И Феопенъ Ивановичъ посмотрѣлъ дистаночному въ глаза такъ дружелюбно и довѣрчиво, какъ будто Алексѣй Антоновъ Крутолобовъ былъ отъ него за тысячу версть.

Дистаночный молчалъ; лица его видѣть я не могъ, но замѣтилъ что уши у него сильно покраснѣлись.

— Вы вотъ и объ этомъ, не бось скажете, хорошій человекъ! да такъ и должно.... Онъ вамъ начальникъ; а объ начальникѣ, какая онъ шельма ни есть, говорить съ покоромъ не слѣдъ, затѣмъ самъ идешь его путемъ, самъ будешь начальникомъ!

— Это ужъ, Феогенъ Петровичъ, я вамъ доложу его снательству кто-нибудь напраслину донесъ, произнесъ дистаночный неровнымъ и сильно упавшимъ голосомъ.

— Ну, вы должно быть его мало знаете, а я вамъ скажу, что и въ начальники къ вамъ попалъ онъ черезъ сестру; та, вишь, у этого мошенника Клевалова въ полюбовницахъ живетъ; а съ такой защитой у него и дѣла идутъ не по вашему.... Вы вотъ говорите, глядя на нужду, позволяете ребятамъ по пяти капканчиковъ и то боитесь кабы неприятели не нажить, а у Крутолобова, пополамъ съ конторщикомъ, я вамъ доложу ихъ стоитъ вблизи тысячи. За прошлый годъ, вишь, снасть окупилась сразу, да тысячи по двѣ дѣлковыхъ на брата въ карманъ очистили. Ужъ это такъ, повѣрьте.... Не хотите-ли табаку; какъ васъ по имени по отчеству? заключилъ Феопенъ Ивановичъ, поднося тавлинку. Дистаночный нехотя захватилъ щепоть табаку и проговорилъ какъ-то невнятно: «Алексѣемъ.»

Феофенъ Ивановичъ пропустилъ свою порцію съ храпомъ и прибавилъ видимо для того, чтобъ втянуть въ разговоръ сильно оторопѣвшаго собесѣдника:—такъ вотъ онѣ, сударь ты мой, какія дѣла случаются на бѣломъ свѣтѣ!

Какъ ни былъ Крутолобовъ рѣчивъ и ловокъ, но послѣ такого разгрома видимо растерялся и не зналъ что начать; наконецъ онъ обратился къ своему молчаливому товарищу и высказалъ его осмотрѣть лошадей.

— Чтожъ теперь, какъ ваши господа хотятъ поступить на счетъ кашкановъ?

— Хтошъ ихъ.... Въ дѣло это вступился графъ, приказалъ счесть, сликовать, да печати приложить.

— Вотъ что, Феофенъ Петровичъ, помогите, дайте совѣтъ; я вамъ, кажется, по конецъ жизни слуга.... не оставьте! взмолился бѣдный Крутолобовъ.

— Ну, вамъ тутъ трусить, я чай, нечего. Коли возьмутся такъ за старшинъ да начальниковъ. Первымъ дѣломъ, управляющаго тряхнуть....

— Да нѣтъ, вы меня-то не оставьте; дайте вашъ совѣтъ какъ тутъ поступить.

— А я вамъ подамъ, вотъ какой совѣтъ. Чѣмъ тутъ попусту языки мозолить садитесь-ка лучше на лошадь, да поѣзжайте къ своему старшинѣ Крутолобову-дескать, такъ и такъ, коли хочешь молю крутой лобъ поберечь и насъ выручить, такъ поспѣшай молю-есть у меня такой человѣкъ, что отвораживаетъ отъ людей всякія бѣды-напасти.... да захвати молю, про запасъ десять паръ котика да сотню цѣлковыхъ.

— Батюшка, тяжеленько будетъ.

— Ну вамъ-то что чужіе достатки беречь. Можетъ я ему и подамъ совѣтъ, что двухсотъ стоитъ.

— За котики не постоимъ, а пятьдесятъ рубликовъ примите.

— Чудакъ-человѣкъ! Говорятъ вамъ, поѣзжайте....

— Ъхать-то мнѣ некуда, Феофенъ Петровичъ, въ старшинахъ состою я, забота объ этомъ дѣлѣ на мнѣ лежитъ.

— Такъ это вы-то Крутолобовъ?! проговорилъ Феофенъ Ивановичъ очень сценнчно.

— Доподлинно, я....

— Экъ я дура-то.... мужиковина! какого рюха дакъ! Экъ, вы меня оплели, повыпытали какъ ловко! Ну, не сказалъ бы я вамъ кой-чего кабы зналъ напередъ, что вы....

— Ну ужъ и вы, Феофенъ Петровичъ, на руку охулки не

положите. Что дѣлать, сто рублей отвѣчаю, только чтобъ совѣтъ былъ въ пользу.

Столковавшись такимъ образомъ и условившись окончательно, Крутолобовъ вынулъ изъ боковаго кармана красный сафьянный бумажникъ и отсчиталъ деньги. Феопень Ивановичъ повѣрилъ, сложилъ ихъ бережно и сунулъ въ жилетный карманъ.

— Ну, теперь, Феопень Петровичъ, за вами чередъ, что вы скажете, какъ мнѣ поступить въ этомъ дѣлѣ.

— А я скажу вамъ съ первоначала, что дѣло ваше придется вамъ обломать не безъ труда.

— Какъ это такъ?

— Графъ опасенъ. Осерчалъ, упрямя: къ нему подходи теперь, ужъючи. Перво на перво съ приѣзду, онъ больно зарился на вашу степь, хотѣлъ тутъ постоять, потѣшиться... а какъ вы ему вчера задали загвоздку — теперь и спятилъ. Не пойду, говоритъ, нога моя не будетъ тамъ; заааааа одно — мошенники, грабители! Живъ не буду, говоритъ, чтобъ не доканать ихъ. Вотъ, онъ въ ночь и послалъ своихъ двадцать человекъ снимать капканы съ сурчинъ...

— Какъ же намъ поступить теперь? перебилъ Крутолобовъ нетерпѣливо.

— Первоначала мой вамъ совѣтъ, надо втравить его въ дѣло, чтобъ позарился снова на охоту: за это я возьмусь. Есть у васъ волки?

— Есть. На Бирихинской степи, въ логахъ, видаемъ часто.

— Ладно. Такъ вы оставьте тутъ товарища, я поѣду съ нимъ, огляжу мѣста. А завтра, вернувшись и доложу ему, что волковъ спя. Онъ волковъ травить страсть любить. Лисица ему ни по чемъ.

— Ну-съ...

— Дескать, ваше сіятельство, чѣмъ въ даль забиваться, потравимъ лучше тутъ; мѣста моль сподручны и бѣгъ на чистоту. Ужъ это мое дѣло подзарить господъ.

— Ну-съ.

— А вы тѣмъ временемъ скачите... Кто тамъ у васъ старшой теперь на мѣсто управляющаго?

— Конторщикъ Клеваловъ.

— Ладно. Ну, такъ вамъ съ нимъ толковать будетъ сподручно. Дескать, такъ и такъ: дѣло не безъ опаски — такъ пусть явится съ повпнной самъ — дескать къ вашему сіятельству, узналъ моль, то и то... наши моль объѣздные отказали вамъ въ

охотѣ; наказъ молѣ данъ имъ строгій, на счетъ мужика, чтобъ не шлялись съ дудками по степи, да заразной скотины не вгоняли; а на счетъ васъ, дескать, приказъ у нихъ есть словесный, чтобъ дворянскому званію проѣздъ на степь былъ не возвращень, а я, дескать, объѣздчиковъ накажу, а дистанчнаго смѣню, то за что осмѣлились молѣ васъ, какъ я слышалъ, задержать. Такъ, молѣ, коли вашему сіятельству угодно, я молѣ вамъ предоставлю знающихъ людей, чтобъ указывали, гдѣ есть волки. На волковъ напирай больше; лисица ему нипочемъ. Слышь?

— Слышу. Это ужъ будьте покойны. Знаемъ, какъ сказать.

— Ну, а я въ ту пору вернусь со степи да подзужу ихъ всѣхъ; дескать, звѣрь страсть! волки и лисицы табунами ходятъ... Толькобъ намъ затянуть ихъ въ степь, да на первый разъ пооблакомить, чтобъ не пустымъ мѣстомъ, а тамъ...

— Чтожъ, мнѣ ѣхать? спросилъ торопливо Крутолобовъ, озадаченный изобрѣтательностью своего совѣтчика и покровителя.

— Сейчасъ и поѣжайте, чтобъ по утру, какъ вернусь со степи, былъ отъ васъ кто-нибудь на лице, вотъ съ такимъ дѣломъ какъ я толковалъ.

— Ну, а капканы какъ?

— Объ нихъ погодить надо. Толькобъ намъ господъ вотъ залучить въ степь, да звѣря разыскать по больше, они и объ себѣ забудутъ; а то еще капканы! капканы не уйдутъ отъ насъ.

— Хорошо. Дай Богъ вамъ здоровье. Такъ я поскачу; а объѣздному дамъ приказъ чтобъ остался тутъ, да ѣхалъ съ вами показывать мѣста.

— Ладно.

Такъ разстались эти состязатели. Непзвѣстно, кто изъ нихъ считалъ себя побѣдителемъ и кто былъ довольнѣе собой, потому-что ловчій нашъ, повѣривши снова полученную сумму, призадумался, почесалъ голову и сердито сунулъ пачку въ карманъ.

Наши господа только ахали и пожимали плечьями, выслушивая отъ насъ подробное донесеніе о подвигѣ ловчаго. Многое, о чемъ мы говорили безъ прикрасъ и прибавленій, было до того ново и невообразимо для всей честной компаніи, что насъ постоянно встрѣчали возраженіями: нѣтъ! не можетъ быть, и проч. Одинъ Алѣевъ молчалъ и только въ концѣ разговора прибавилъ: — Такъ онъ еще сорвалъ съ нихъ и контрибуцію! признаюсь, этого я не ожидалъ, хотъ и былъ увѣренъ еще со вчерашняго съ нимъ свиданія, что мы будемъ атукать въ графской. Я сильно надѣялся на благопріятный исходъ дѣла именно потому, что онъ такъ

упорно не соглашался съ нами. Чтобъ повѣрить справедливость моихъ словъ и то, на сколько я изучилъ этого человѣка, замѣтите, что теперь, послѣ такого блистательнаго успѣха, онъ будетъ непремѣнно золъ, недоступенъ и недоволенъ собой; первая личность, которая должна будетъ пострадать, это-его любимецъ Пашка; онъ непремѣнно привяжется къ мальчику за какую-нибудь малость и отдуеть арапникомъ или по крайней мѣрѣ дастъ ему двѣ, три затрешины, хотя завтра же подарить ему десять или двадцать рублей на подметки.

Мы условились хранить наше наущничество въ тайнѣ отъ Θεопена; людямъ, бывшимъ при насъ и тѣмъ охотникамъ, которымъ было извѣстно наше переодѣванье, было настрого приказано молчать.

Часу въ первомъ Θεопенъ Ивановичъ вошелъ къ намъ.

— Что скажешь хорошаго? началъ Агѣевъ.

— Да, што... Ничево-съ. У Θεопена Ивановича физиономія была крайне нерадостная; какъ будто онъ былъ кѣмъ-нибудь обиженъ.

— Ты что-то не въ духѣ; не случилось ли чего-тамъ, у тебя?

— Да, што... Зачѣмъ самъ не приглядишь, того и жди, что случится. Собаки было подрылись. Пашку пощипалъ маненько. Малый лядаций.

— Ну, такъ. Чтожь ты намъ не скажешь, на чемъ кончились твои переговоры? Пустятъ ли насъ въ степь?

— Какъ не пустить-должно быть пустятъ. Я пришелъ доложить-прикажете кому изъ борзятниковъ побыть на два покорма при гончихъ, въ подмогу Сергѣю, а я отлучусь; Пашутку тожь возьму съ собой, не пришлось бы гдѣ перевыть. А тутъ, на случай завтра, до меня, придутъ къ вамъ на счетъ капкановъ такъ отдавать надо погодить.

— Хорошо. Назначь, кого тамъ знаешь.

— Слушаю.

На другой день рано по утру прибылъ конторщикъ Клеваловъ. Разсчитывая время, надо думать, что онъ поднялся въ путь съ полночи и не жагѣлъ лошадей. Приѣхалъ онъ на тройкѣ въ одномъ изъ тѣхъ ресорныхъ экипажей, которыми теперь уже нѣтъ названія и которые у богатыхъ помѣщиковъ опредѣляются для привоза и отвоза докторовъ и приказныхъ. Любой мужикъ при встрѣчѣ съ подобнымъ экипажемъ, сворачивая съ колеи непременно скажетъ: «дохтура тащѣтъ» или «прутъ стракулиста.» Но, не въ томъ дѣло. Новоприбывшій былъ не чета этимъ блю-

стителю народнаго здравія и благочинія. — По наружности онъ казался настоящимъ бариномъ. Ростомъ онъ былъ высокъ и красивъ собой, съ приличнымъ брюшкомъ, уважительною осанкою и вовсе не лакейскими приемами; енотовая его шуба и бархатный осенній картузь не пострашили бы головы и плечь не только судейскихъ, но даже и предводительскихъ; черная фракъная пара съ атласной жилеткой и золотой цѣпочкой отъ часовъ, такъ кажется и просились въ гостинную къ любому степному помѣщику.

Отправясь по указанію охотниковъ для свиданія съ графскимъ камердинеромъ, онъ съ любопытствомъ осматривалъ сворныхъ собакъ, которые были при охотникахъ или попадались ему на пути. Не менѣе прилично и съ достоинствомъ встрѣтилъ его и Артамонъ Никитичъ, которому доложили о пріѣздѣ графскаго *управляющаго*. Камердинеръ Атукаева вышелъ по утреннему, въ шелковомъ халатѣ: объяснившись, они пожали другъ другу руки и отправились къ Артамону Никитичу, какъ оказалось-кушать чай, потому что вскорѣ одинъ изъ людей понесъ туда на серебряномъ подносѣ чайный приборъ съ лимономъ, сливками, ромомъ и сухариками въ серебряной корзинѣ. Нанютивши своего гостя чаемъ, Артамонъ Никитичъ, уже одѣтый, вышелъ съ нимъ на дворъ и началъ ему показывать сворныхъ-барскихъ и охотничьихъ собакъ; Клеваловъ любовался всѣмъ и дѣлалъ очень дѣльные замѣчанія, доказывавшія, что онъ хорошо понимаетъ охотничье дѣло. Къ девяти часамъ вернулся Теопень; онъ прибылъ со степи въ обществѣ Пашки и дистанчнаго. Конторщикъ тотчасъ изъявилъ желаніе осмотрѣть гончихъ и пошелъ съ дистанчнымъ къ ловчему. Незвѣстно какого рода разговоры шли тамъ, потому что осмотръ сталъ продолжаться вплоть до десяти часовъ, послѣ чего Теопень вошелъ съ докладомъ, что управляющій конторою графини Отакойто прибылъ къ его сіятельству.

— Что ему нужно отъ меня? спросилъ графъ.

— А ктошъ его знаетъ; должно быть пардону чтоли запросить.

— Ну, зови.

Клеваловъ не замедилъ явиться.

На этотъ разъ, графъ, уже настоящій, а не подставной, отнесся къ нему съ рѣчью, въ началѣ короткой и сухой, а въ послѣдствіи очень ласковой и даже привѣтливой.

Нѣтъ надобности повторять съ какимъ искусствомъ, приличнымъ во всемъ и до крайности почтительнымъ Клеваловъ выразилъ

свое сожалѣніе о сдѣланной намъ непріятности; ко всему, что было уже продиктовано Θεопеномъ и что мы знали напередъ, онъ прибавилъ отъ себя только одинъ лишній пунктъ: предъявилъ что онъ отодралъ розгами одного изъ конторскихъ писарей, который дерзнулъ въ его отсутствіе написать Аванасью записку, не имѣя на то ни отъ кого приказанія. Въ слѣдъ за тѣмъ, онъ очень униженно предъявилъ намъ о цѣли своего прибытія и приглашалъ насъ поохотиться на степи. Однимъ словомъ, все, даже то, чего никогда не пришло бы намъ въ голову требовать, было предлагаемо къ нашимъ услугамъ.

— Вашему сіятельству, я полагаю, будетъ далеконою всякій разъ ѣздить отсюда, заключилъ онъ, получа согласіе и благодарность отъ графа, а потому, не прикажете ли приготовить для васъ стоянку въ прасольскихъ хуторахъ; тамъ для васъ помѣщеніе будетъ, и опрятнѣе, и удобнѣе, и ближе къ мѣстамъ. Мы съ васъ за квартиру недорого возьмемъ, прибавилъ онъ, съ приличною улыбкой, развѣ только что дозволите и намъ взглянуть на такую отличную охоту. Признаюсь, я подобной не видывалъ!

— Прекрасно, отвѣчалъ графъ. Очень благодаренъ тебѣ за эту мысль. Мы постоянно пока-туть, а тамъ, если въ самомъ дѣлѣ переходы покажутся велики, пожалуй, переселимся и поближе. Надѣюсь, что ваши объѣзды останутся довольны нами. А тебѣ впередъ наше общее спасибо за это предложеніе.

— Помилуйте, ваше сіятельство, я очень счастливъ, что имѣлъ честь сдѣлать что-нибудь для васъ удобное. Дистаночному я прикажу быть при васъ безотлучно или оставлять знающаго человѣка для указанія мѣсть и, если что встрѣтится для вашего сіятельства впередъ, извольте отъ него требовать. Затѣмъ, счастливо оставаться.

— Надѣюсь, что мы еще увидимся, заключилъ графъ очень любезно.

Приличный и подобострастный правитель конторы ея сіятельства изволилъ раскланяться на всѣ стороны. О крестной маменькѣ и «грабежѣ» капкановъ не было и помина. Какъ видно была во всемъ мудрая воля распорядителя и устроителя этого необыкновеннаго свиданія!

— Я васъ приглашаю, господа, любаго, взятъя устроить это дѣло такъ, какъ оно теперь есть, сказалъ Атукаевъ, когда мы остались одни.

— Θεопена сюда, Θεопена! крикнули мы, какъ кричатъ изъ

партера при вызовалъ любимыхъ актеровъ, и при появленіи ловчаго разразился страшный громъ рукоплесканія и восторженное — браво!

— Ну, Θεопень, удивилъ ты насъ своей сметкой, сказалъ графъ, подходя къ ловчему съ серебрянымъ кушакомъ въ рукѣ. — Прими это отъ меня и носи на память о твоёмъ удалствѣ, а это тебѣ на табакъ за трудъ и усердіе. Атукаевъ подавъ Θεопену кушакъ и пятьдесятъ рублей.

По примѣру графа, Алѣевъ и мы всѣ одарили Θεопена щедро.

— Молодецъ, молодецъ! вторили всѣ, — ты обдѣлалъ это дѣло такъ, какъ никому бы изъ насъ не пришло въ голову.

— Да што.... ничево-съ.

Многое говорилось въ этомъ родѣ, съ цѣлью попытать у Θεопена больше того, что было уже намъ извѣстно, но отвѣтомъ было постоянное «ничево-съ» или что-нибудь въ родѣ этого.

— Однакожъ, мнѣ жаль бѣднаго дистанчнаго, замѣтилъ подъ конецъ Алѣевъ. — Ты съ нимъ поступилъ безопасно: можно было его помиловать. Это, братъ, грѣшно.

— Помилуйте; сударь, какъ-же мнѣ съ нимъ поступить-то?

— Ну, все-таки полегче. Я вѣдь знаю: ты съ него сорвалъ таки-порядкомъ! добавилъ Алѣевъ сурьезнымъ тономъ.

— Это вамъ такъ кажется... А я тутъ можно сказать — большіе убытки понесъ! Они молн-Бога, что на дурака попали... другой, на моемъ мѣстѣ, ихъ не такъ бы взогрѣлъ! А мнѣ куда съ ними возжаться? Народъ рѣчистый, ловкій... они такихъ, какъ я, десятками покупаютъ и продаютъ. А грѣха тутъ, воля ваша, нѣтъ! Θεопень призадумался, потомъ какъ-будто отвѣчалъ на свой собственный вопросъ: — Тутъ знамо-дѣло, кто кого надулъ, тотъ и правъ.

— Однакожъ, ты могъ кончить дѣло и безъ надувательства.

— Хм... какой-бы я былъ человѣкъ такой? Въ тѣ поры я себя долженъ передъ народомъ на смѣхъ пустить: дескать лнию-то онъ подвелъ, а колѣна и не выкинулъ! Нѣтъ, вы нашихъ русскихъ коренныхъ обычаевъ не изволите знать! Тутъ, выходитъ, кто кого поддѣлать половчѣй, тому и почетъ, тотъ и человѣкъ есть!... Они-то сами, на чемъ стоятъ?! Что тутъ выходитъ народа округныхъ плакущаго — страсть! Теперъ забрали такую силу, кто ни подвернись, привяжутся — ни къ чему, облупятъ какъ липку и суда не щипи; ни пѣший ни конный не попадайся. Вотъ, а вчера

сцапали мужичка, ѣхалъ степью-журавля везъ. Чтожъ? дай-не дай десять рублей: дичи, говорятъ, стрѣлять не велѣно... бияся бияся, сердечный, на семи цѣлковыхъ порѣшилъ и то еще сказалъ — спасибо... Вотъ они каковы, грабители. Жагѣй ихъ! Нѣтъ, вы изволите судить по своему, а я мекаю такъ, что я убытку много понесъ! затѣмъ, грамотѣ мало обученъ, сметки нѣтъ настоящей. Какіе мы люди!

Противъ этихъ аргументовъ всякое возраженіе было напрасно. Учите хромага плясать. Увѣрьте русскаго человѣка, что «поддѣтъ и надуть» не долженъ онъ считать своей гражданской доблестью... О, наши завѣтные, коренные, кровные глаголы! непереводаемые, непримѣнимые ни къ чему заморскому-нѣмецкому... Широко вашу смѣсь!... Да Нѣмцу и не понять его — провалится!

— Когдажъ мы начнемъ порскать? спросилъ графъ.

— А чегожъ будемъ гонить? Завтра, я мекаю такъ-что надо намъ взять Синіе кусты. Собаки скучать, попрашиваются. Выступимъ попоздѣй; сдѣлаемъ кольцо короткое, за тѣмъ — сразу какъ бы не осадить, разошатся, жирны, залежались.

— А не свалить ли намъ обѣ стаи? добавилъ Алѣевъ.

— И то не худо. Мѣсто разлетистое, кочкарникъ, гоньба полазистая. Выглятамъ же теперь только что работу давай: въ двѣ стаи гаркнемъ на радостяхъ такъ, что ковыль задрожитъ!

И Теопень Ивановичъ какъ будто забылъ о томъ, что онъ понесъ *большіе убытки*; онъ изволилъ улыбнуться и пожелать намъ «счастливо оставаться!»

Остатокъ дня и большая часть ночи прошли въ шумныхъ толкахъ и заманчивыхъ предположеніяхъ на счетъ будущей *потѣхи*.

Все вокругъ насъ задвигалось и засуетилось. Охотники тоже глянули веселѣе; къ вечеру они сами собой составили хоръ; давно уже неслышанныя нами пѣсни и пляска дѣлились у нихъ до полуночи.

Чтобъ судить объ увлеченіяхъ псоваго охотника, надобно видѣть его во время его сборовъ на «Патрикѣвну».

VIII.

Два слова о томъ, что дороже для псоваго охотника. — Степь. — Сурчины. — Видъ острова. — Разстановка. — Свальная стая. — Новый родъ смерти, изобрѣтенный Фунтикомъ. — Первое поле.

Прежде нежели поставимъ ногу въ стремя и отправимся въ то мѣсто, къ которому мы доскивались доступа съ такимъ тру-

домъ и тревогой, я считаю обязанностью хоть слегка объяснить для незнающихъ причину, почему псовый, наторѣвшій въ своеѣ дѣлѣ, охотникъ травлю лисицъ предпочитаетъ всякой другой потѣхѣ. Спросите у любого, только опытнаго и втравленнаго борзятника, или лучше, предложите ему право выбора и спросите потомъ, кого онъ желаетъ травить: волка или лисицу? Лисицу, подавай лисицу! крикнетъ онъ изступленно и поскачетъ ни вѣсть куда, обречетъ себя на трудъ едва выносимый, на разнородныя лишения для того только, чтобъ добыть и затравить «Патрикѣвну *)!»

За чтожъ такое сильное предпочтеніе этой всемірной ку-мушкѣ, у которой нѣтъ даже настоящаго бѣга, потому что самая тупая изъ борзыхъ собакъ, на чистотѣ, не дастъ ей хода, а собака рѣзвая не отпуститъ лису дальше того разстоянія, на какомъ «зазрѣла.»

Умъ, хитрость, находчивость, изворотливость, сметливость и необыкновенное умѣнье въ минуту неизбежной гибели пользоваться самыми ничтожными средствами и случаями и съ помощью ихъ, въ глазахъ своего грознаго преслѣдователя извернуться, обмануть, проскользнуть какъ ртуть между пальцами и исчезнуть какъ дымъ отъ вѣтра, — вотъ качества этого проворнаго и увертливаго звѣрька, которыми такъ дорожитъ псовый охотникъ. За то съ какимъ одушевленіемъ и энергіей будетъ онъ рассказывать, пожалуй ночь на пролетъ, о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ и продѣлкахъ, какіе выдѣлывала съ нимъ Патрикѣвна: всѣ моменты гоньбы и травли, всѣ эволюціи и увертки хитраго звѣрька будутъ передаваемы имъ съ такимъ одушевленіемъ и увлеченіемъ, что вамъ многое покажется вымысломъ и едвали вѣроятнымъ дѣломъ.

А гоньба по лисицѣ чего стоитъ? Также самая стая, которая помкнула по волку и въ мгновеніе ока поставила сѣраго на вашу лязъ, или, обогнувши два три раза островъ, вынесла на мѣстѣ бѣляка къ вашимъ ногамъ, также стая, уже усталая и подбитая натекла на лисій слѣдъ и вы слышите другіе голоса, чувствуетъ что-то особенное въ помычкѣ выжлять, что-то болѣе дружное, жадное, свирѣпое въ гоньбѣ всей стаи. Волкъ, при первомъ звукѣ охотничьяго рога, при малѣйшемъ признакѣ опасности,

---

*) Кстати было бы при этомъ освѣдомиться также, почему онъ, минувъ всѣ нарицательныя, величаетъ бирюка — Тимофичемъ, а лису — Патрикѣвной. Пришло кому-нибудь въ голову наименовать медвѣдя — Мишкой, коша — Васькой? и т. д.

мчатся изъ острова на прямикъ и потому держить на себѣ стаю недолго, особенно если его застигли въ островѣ не при гнѣздѣ; гоньба по волку не менѣе заркая и злобная какъ и по лисицѣ, но быстрота скачки первого и прямое направленіе избираемое имъ большею частію случайно и на проломъ, не взирая ни на какія встрѣчи и препятствія, не всегда даетъ возможность гончимъ «скутиться» и гнать стаينو. Заяцъ, преимущественно бѣлякъ, имѣетъ въ характерѣ «давать круги» и бить собакъ на одномъ мѣстѣ и потому выдерживаетъ болѣе стайную и продолжительную гоньбу, но это кушанье и для собакъ и для охотника обыденное, будничное; другое дѣло — лиса.

Застигнутая въ распахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она задумала позавтракать вкусной зайчатиной или полакомиться тетерью, лисица, не вдругъ, не сразу пустится на утекъ; она очень хорошо знаетъ, что за всякій необдуманный шагъ впередъ или назадъ, за всякое движеніе на *аосъ* она непременно заплатится своею красивой и теплою шкуркой, безъ которой ей оставаться невозможно и потому Патрикѣвна начинаетъ съ искреннею заботливостью хлопотать о сбереженіи этой собственности: надѣлавши сметокъ и узловъ посреди острова, прежде нежели горластый ловчій успѣлъ накликать, а проворные выжлятники подбить стаю на ея горячій слѣдъ, смышленная кумушка успѣла уже побывать на опушкѣ и навести справки о возможности улепетнуть изъ острова безъ большаго шума и огласки; но, увы! всѣ надежные пути для нея пресѣчены, всѣ лучшія и удобнѣйшія мѣста на пролазъ грозятъ засадою и гибелью; между тѣмъ стая вѣрной тропой натекаетъ, близится, не даетъ Патрикѣвнѣ ни свободно дохнуть, ни хорошенько поразмыслить о томъ, на что ей рѣшиться. Отысканная и подбуженная снова, она мчится на другой конецъ острова, ныряетъ подъ крайній кустъ и зорко оглядываетъ и соразмѣряетъ возможность на утекъ, но и тутъ ей предстоитъ опасность горше прежней: вездѣ, гдѣ бы не слѣдовало и быть, словно выросли изъ земли и торчатъ недвижимо зоркіе борзятники, а подлѣ нихъ насторожа уши сидятъ на корточкахъ рѣзвоногія борзья: съ этими послѣдними Патрикѣвна не желаетъ встрѣтиться даже и во снѣ, не только на яву и среди чистаго поля. Какъ быть? Дѣло, куда ни поверни, выходитъ дрянъ! Осталось одно: обмануть неотвязную ораву и пробраться низиною въ камыши... и вотъ, она ринулась прямо въ собакъ, собрала всю стаю и поволокла ее за хвостомъ въ глубь острова, выгнула на право, на лѣво, разметала собакъ, скрала слѣдъ и

тишкомъ, бочкомъ, чуть дыша, гдѣ ползкомъ, гдѣ скачкомъ, добралась до желанныхъ камышей, но, и тутъ къ Патрикѣвнѣ счастье обернулось спиной: проходъ въ камыши забранъ предательской стѣнкой изъ тенетъ а по крыламъ стоятъ грозные тетечки, кто съ ружьемъ, кто съ дубинкой... а собаки сзади свирѣпѣютъ, ревуть словно повѣшенныя за языкъ, ведутъ вѣрно, близятся... и Патрикѣвна снова мчится вдоль острова, снова скрадываетъ слѣдъ и снова бочкомъ тишкомъ прокралась она мимо всей стаи къ ручью; тутъ, надѣлавши новыхъ петель, она, на свободѣ, побрела по теченію воды, обыскала мѣстечко по глубже и по глуше, опустилась въ воду съ ушами и, выставя кончикъ носа наружу, молча любитса какъ свирѣпая стая примчавшись съ гикомъ къ берегу, остановилась смолкла, рассыпалась и съ жалобнымъ визгомъ кружить на одномъ мѣстѣ и ищеть пропавшаго слѣда... Но и тутъ бѣдной затѣйницѣ суждено не долго наслаждаться плодомъ своего проворства и хитрости. Съ пѣной у рта, съ глазами на выкатѣ, горлани хриплымъ голосомъ и поталкивая каблуками усталого коня примчался ловчій къ тому мѣсту, гдѣ гончія «стеряли слѣдъ»: онъ подсвистываетъ измученнымъ выжлятамъ, кружить по мѣсту и зорко высматриваетъ, куда понорилась лиса; но, ни тутъ, ни около норы не видно.... Безотвязный и опытный охотникъ останавливаетъ коня и, оглянувъ мѣстность, спускается въ ручей, мутить, буравить и пѣнить воду, ближе и ближе.... и вотъ, встряхиваясь и кой-какъ оправляясь на пути, Патрикѣвна опять волочить за мокрымъ хвостомъ озлобленную стаю, а ловчій трубитъ позовъ по «красному.» Тутъ только началась самая кипучая и безотвязная гоньба; стая «варитъ», не покидая слѣда.... лисица пошла «опушничать и вывертываться на чистоту»: охотники глядятъ на нее и стоятъ словно деревянные: съ этими расправа плоха! А вотъ, одинъ изъ нихъ приглянулся Патрикѣвнѣ: онъ жадно смотритъ на нее, нетерпѣливо оправляется въ сѣдлѣ, бодритъ коня, осаживаетъ свору.... Этотъ, по мнѣ думаетъ Патрикѣвна и отведя стаю далеко въ другой конецъ острова, примчалась на опушку и бѣжитъ прямо къ ногамъ горячаго охотника.... Вотъ онъ дрогнувъ всѣмъ тѣломъ, не выдержавъ, собаки рванулись, свора свиснула и въ тотъ же мигъ, Патрикѣвна, увлекая пыλικихъ борзыхъ, мчится назадъ въ островъ и падаетъ подъ первый кустъ: собаки юркнули мимо, разметались, ищутъ, мечутся въ стаю, а Патрикѣвна тѣмъ временемъ одинокая, свободная, безъ препонъ и помѣхи, напрягая послѣднія силы, катится какъ

червонецъ по темному грунту чернозема. Бѣдный борзятникъ скачетъ за ней сломя голову, кричитъ, хлопаетъ, накинкаетъ съ плачемъ по поламъ пропавшихъ собакъ, а смышленница летитъ какъ пухъ по вѣтру все дальше и дальше... Вотъ и борзья вынеслись изъ острова за ними прорвалась и вся стая; отчаянный охотникъ, проводивъ лису, возвращается назадъ и проклиная судьбу свою, начинаетъ сбивать гончихъ.... Къ нему на встрѣчу несется ловчій, съ бранью и проклятіями: — Галокъ тутъ считаете! кричитъ онъ еще издали и пошла упреки и доказательства со всѣми возможными прибаутками такого рода и склада, что со стороны слушая по неволѣ скажешь: мастеръ русскій человѣкъ браниться! А Патрикѣвна тѣмъ временемъ давно уже полизываетъ свои уставшія лапки и лежа на боку думаетъ... а что такое думаетъ она? ужъ тутъ присочинить трудно.

Вотъ, почему дорога охотнику лисица: она кипятитъ въ немъ кровь, *протираетъ* ему *глаза*, т. е. учитъ его проворству, ловкости, сметливости, тонкому соображенію.

Поѣдемъ же травить лисицъ.

Пробудились мы съ разсвѣтомъ дня; никому не хотѣлось спать, не смотря на то, что у охотниковъ пѣсни, а у насъ рассказы длились далеко за полночь. День, словно на заказъ, выдался самый охотничій: въ началѣ туманъ дотога густой, что въ десяти шагахъ нельзя было видѣть ровно ничего; часа черезъ два туманъ исчезъ, сплошная бѣловатая полоса закрыла небо и повисла шатромъ надъ всею окрестностью; въ воздухѣ было тепло, влажно и тихо, что такъ необходимо и благотѣльно для иску и выслушиванія гончихъ. Къ десяти часамъ люди успѣли позавтракать и собрались на выгонѣ каждый съ своей сворой; покуривая коротенькія трубочки, охотники мало по обыкновенію занимались шутками и островами, потому что каждый былъ крайне озабоченъ своими собаками; съ борзыми рѣшительно не было слада: отлежавшись при сытномъ кормѣ и почувавъ время своей потѣхи, онѣ съ радостнымъ визгомъ кидались на груди къ охотникамъ, вылизывали морды у своихъ лошадей, прыгали и бѣсновались такъ, что тутъ и жди общей свалки и грызни на смерть. Чтобъ судить о заманчивости охотничьяго дѣла, надо взглянуть попристальнѣе на ту оживленную картину, когда псовые охотники, окруженные сворными собаками, выводятъ изъ стойла осѣданныхъ лошадей.

Оба ловчіе съ своими стаями присоединились къ группѣ борзятниковъ; мы сѣли на лошадей и тронулись въ путь.

Мы подъѣхали къ запретному столбу; Синіе кусты, бывшіе въ виду у насъ со времени выступленія изъ хуторовъ, теперь открылись явственныя и становились выше; это была продолговатая голубая куца охваченная отвсюду ровной линіей степи; глядя на эту отдѣльную полосу рѣдкаго осиноваго лѣса, которая и лѣтомъ и зимой синѣетъ на горизонтѣ, не мудрено догадаться отчего она носить названіе Синихъ кустовъ. Во всякое время года они служатъ въ родѣ маяка для проѣзжающихъ по степи.

Недалеко отъ столба намъ попались на встрѣчу дистаночный и его неразлучный товарищъ: они поспѣшали къ намъ на рысяхъ; снявши издалика шапку дистаночный подъѣхалъ къ Агѣеву.

— Вашему сіятельству не угодно ли будетъ травить волковъ? мы сейчасъ двухъ перевидѣли; должно быть остановятся и лягутъ въ широкомъ логу, сказалъ онъ принявъ по прежнему Агѣева за графа.

— Ты любезный съ этимъ отнесись къ графу, отвѣчалъ тотъ съ улыбкой, — а мнѣ пора ужъ потускнѣть; я бываю въ сіяніи только при случаѣ и на короткій срокъ. Вонъ, онъ графъ, впереди, направо; ступай къ нему. Графъ! къ тебѣ вотъ, съ докладомъ, крикнулъ Агѣевъ.

Атукаевъ приостановилъ свою лашадь; Крутолобовъ прыгнувъ съ сѣдла и подбѣжалъ къ его сіятельству гнѣшій; мы проѣхали мимо и не слышали, о чемъ у нихъ была рѣчь. Послѣ этого дистаночный остался съ нами и съ непритворнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нашу потѣху.

Не смотря на то, что Синіе кусты, какъ казалось, были къ намъ очень близко, до нихъ отъ графской межи по прямой линіи считалось восемь верстъ; намъ слѣдовало проѣхать гораздо больше, потому что мы должны были огибать соры и въ пномъ мѣстѣ дѣлали большой крюкъ: по сорамъ мы не рѣшались проѣзжать потому, что тутъ навѣрное могли подбудить нѣсколько лисицъ и безъ сомнѣнія, увлекаясь травлей не скоро бы дошли до опредѣленнаго мѣста.

На пути намъ попадалось множество сурчинъ. Сурчины эти не что иное, какъ небольшіе курганчики, аршина въ два вышиною и сажени полторы въ діаметрѣ, съ тремя, четырьмя и болѣе отнорками наверху; на дальнихъ постоянно свистали сурки, сидя на заднихъ лапкахъ; при нашемъ приближеніи они тотчасъ прятались въ норы. Отъ сурчины къ сурчинѣ были протоптаны узкія тропы, на которыхъ не расла трава, признакъ постоянного сурочьяго путешествія по ночамъ. Тутъ на тропкахъ и возлѣ

отжорковъ ставятъ капканы и, осторожные во всякое другое время, но крайне-неуклюжіе и неповоротливые, ночные путешественники попадають въ нихъ, потому-что ходять постоянно одною дорожкой и ни за что не свернуть въ сторону.

Наконецъ, мы очутились у острова. Боже мой, какое надежное мѣсто для звѣря, если онъ захочетъ укрыться отъ зоркаго глаза охотника или спастись отъ преслѣдованія. Десятинъ сто рѣдкаго осиноваго лѣса, состоящаго изъ порубей и отдѣльныхъ кущъ, окаймилъ собой просторную ложбину или сухое болото съ кочками и хворостомъ. Отсюда, во всѣ стороны, въ степь, выходятъ тонкими языками отвершки, или лучше сказать — рывины, по которымъ втекаетъ вешняя вода и, образовавъ во время весны что-то въ родѣ озера, лѣтомъ просыхаетъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ было озеро, остаются кочки, заростающія рѣзакомъ и другими болотными травами. Тутъ, въ лѣтнее время, кишатъ змѣи, плодятся журавли и другая дичь, а къ осени, когда болото подсохнетъ, оно наполняется лисицами, которыя бѣгутъ сюда со степи «мышковать». Весь островъ, съ лѣсомъ, кочкарникомъ и непродорнымъ хворостнякомъ, сквозь который удобно пропазывать однѣмъ только змѣямъ, имѣлъ въ ширину версты полторы и былъ почти круглый. Его со всѣхъ сторонъ охватила безконечная равнина степи, на которой, словно бородавки на тѣлѣ, торчали въ безчисленномъ множествѣ сурчины, да кой-гдѣ раскиданные по горизонту скирды сѣна.

Чтобъ розыскать и выжить отсюда звѣря, особенно лисицу, надо имѣть стаю не въ десять или двадцать собакъ, а именно стаю такую, какую мы подвели теперь къ Синимъ кустамъ: у насъ было на лицо сто-восемь паратыхъ лучшей породы собакъ, и изъ нихъ почти половина такихъ звѣрогоновъ, изъ которыхъ каждая могла быть вожакомъ и править стаей. Въ добавокъ ко всему, правителями этой свальной, едва-ли виданной кѣмъ-нибудь изъ охотниковъ стаи, были двѣ такія личности, какъ Теопенъ Ивановичъ и Игнатъ Савельичъ. Одинъ, съ вѣчно-затаенной мыслью, холодно, въ полглаза, глядѣлъ ни вѣсть куда; другой, пытливо и зорко, оглядывалъ мѣстность: онъ понималъ всю трудность предстоящаго дѣла и соображалъ заранѣе какъ его вести.

— Зачѣмъ эти господа суются въ подобныя мѣста? сказалъ графъ, когда мы остановились въ виду острова и подъѣхали къ ловчимъ. — Здѣсь былъ Жигуновъ съ компаніей и хотѣли брать Синіе кусты. Сколько у нихъ на спуску?

— Своя стая шестнадцать собакъ, да понабрали кой у кого смычка четыре, отвѣчалъ ловчій Игнатъ.

— За то всё багряныя — глѣбовскія по чухонскимъ русакамъ нагоняны, а бѣляка съ рожками, хоть изъ хлѣва, а добудуть! прибавилъ Теопень съ обыкновенною флегмой.

Всѣ громко засмѣялись, услышавъ такую ѣдкую насмѣшку.

— Что-жъ, велите разѣзжаться; время нисколько, заключилъ онъ, слѣзая съ лошади.

— Откуда думаете заводить? спросилъ Алѣевъ.

— А что тутъ заводить! Метнулъ съ поля, на духахъ, откуда ни ворвались — работа будетъ. Мѣсто, видите, какое....

Борзятники раздѣлились на двѣ половины и поѣхали на рысяхъ, занимать мѣста. Немало было споровъ и перебранки у тѣхъ, которые старались захватить мѣста въ головѣ рывтинѣ, идущихъ изъ острова; остальные протянулись линіей по чистой степи; цѣпь эта отстояла отъ острова почти на версту и охотникъ отъ охотника были расположены саженьяхъ въ двух-стахъ. Бацовъ, съ Караемъ и другими двумя собаками его своры, помѣстился въ головѣ узенькой лощины съ рѣдкими кустиками; подлѣ него устался мой безсмѣнный стремянной, Егоръ. Я и Владимірецъ, какъ праздные зрители, оставались пока при стаѣ.

Разомкнутыя гончія сидѣли въ тѣсномъ кругу, жадно поглядывали на островъ и взвизгивали отъ нетерпѣнія. Наконецъ Пашутка донесъ своему дядюшкѣ, что охотники на мѣстахъ. Сдавши верхніе кафтаны въ торока, оба ловчіе въ легкихъ курткахъ, съ рогами за плечами, пошли къ острову; тутъ надобно было слышать этотъ жалобный пискъ и вой всей стаи, изъ которой, однако-жъ, ни одна собака не смѣла ступить шага впередъ. Выдержка удивительная! Но, вотъ, свистокъ и — обѣ стаи ринулись съ гикомъ, разсыпались по опушкѣ и смолки; выжатники, раздѣлись на двѣ руки, по трое поскакали туда-жъ — и начали порскать. Въ началѣ былъ слышенъ только одинъ шелестъ опавшаго листа въ томъ мѣстѣ, гдѣ шарилы собаки, да рѣдкое взвизгиванье нетерпѣливыхъ ищеекъ, потомъ одна помкнула и залилась: «вались! къ нему!» крикнули ей въ слѣдъ два человѣческіе голоса и нѣсколько новыхъ собачьихъ голосовъ мигомъ подравнялись къ пискунѣ и — *повели зєрря*; минутою спустя, взревѣла вся стая и въ островѣ закипѣлъ адъ.... Слыша этотъ ожесточенный ревъ и стонъ, становилось страшно: подобной гоньбы ни прежде, ни послѣ этого единственнаго случая я не слыживалъ. Я повернулъ коня, отѣхалъ далеко въ поле и

нагожь окружилъ всю линію охотниковъ; (конечно, съ тыла, потому что проѣзжать передъ носомъ охотника, стоящаго на лазу, во время гоньбы было-бы неппростительнымъ невѣжествомъ) всѣ они, даже лошади стояли недвижимо, словно, замороженные.

Смотрите на дилетанта, увлеченнаго стройнымъ, систематическимъ, разумнымъ порядкомъ волнующихъ его душу звуковъ; слѣдите за приливомъ и отливомъ его страстнаго увлеченія этими гармоническими струями.... Онъ глядитъ какъ-то торжественно, и умиленный, увлеченный, убаюканный чарующими мотивами, едва-слышно стучитъ тактъ ногой, объясняетъ себя страстнымъ взглядомъ, нетерпѣливымъ движеніемъ.... Не таковъ образъ охотника, отуманеннаго зыкомъ паратой стаи — это нѣмой, окаменѣлый человѣкъ: однѣ полураскрытыя, дрожащія губы да глаза, жадно устремленные на одинъ дорогой для нихъ пунктъ, даютъ знать, что это еще живой человѣкъ. А вотъ, дикіе, неистовые крики слились и покатались одною волной; чуткое ухо доноситъ охотнику, что звѣрь пошелъ — «пряника» стая ведетъ къ нему.... о, тогда не глядите охотнику въ глаза; вамъ будетъ и жалко и страшно слѣдить за этими муками въ человѣкѣ, у котораго сперлось дыханіе, остановилась кровь....

Я подѣхалъ и сталъ за спиной у Бацова; гоньба въ островѣ въ это время дошла до крайняго предѣла озлобленія и неистовства. Слушая отсюда этотъ оглушительный ревъ и завыванье, казалось, будто весь островъ съ его кущами, зарослью и кочкарникомъ сорвался съ мѣста, кружится и стонетъ какимъ-то зловѣщимъ всесокрушающимъ стономъ. Рогъ за рогомъ, порсканье и окрики выжлятниковъ подбивавшихъ въ стаю, слились въ одну нераздѣльную неумолкавшую ноту.

— Береги! шеннулъ я Лукѣ Лукичу, глядя, какъ лисица, отслушивая гончихъ «тыняла» между кустовъ, пробираясь лощинкой прямо къ его ногамъ.

Горячій охотникъ не выдержалъ и отдавъ не во время свору понесся на встрѣчу къ лисѣ, но, въ тотъ мигъ, когда Карай и прочія собаки съ нею встрѣтились, Патрикѣвка — «пала», собаки съ горяча пронеслись и она шмыгнула мимо моей лошади; я поскакалъ въ слѣдъ за нею по степи, но, увы! пока Бацовъ успѣлъ справиться и показать ее собакамъ, плутовка была уже вблизи сосѣдней сурчины и недождавшись Карая успѣла попориться. Блѣдный и растерянный подскакалъ ко мнѣ Лука Лукичъ; онъ проклиналъ и меня за появленіе не въ пору, и себя за то, что родился не въ пору на свѣтъ, и графиню благополучно обитав-

шую въ ту пору во Флоренціи и, собравши на свору собакъ, снова сталъ на лазу.

Я подѣхалъ къ Егору, который тѣмъ временемъ успѣлъ уже второчить лисицу. Выжлятники, то тамъ, то тамъ, выскакивали изъ острова сбивать прорвавшихся гончихъ; кой-гдѣ травили, вторачивали и подавали позовъ, что — «звѣрь принятъ». Ловчіе то-и-дѣло накликали своихъ послушныхъ выжлятъ на новый слѣдъ и снова въ островѣ закинула съ бѣльшей силой и съ бѣльшимъ остервененіемъ дружная, свирѣпая, неотвязная гоньба. Вотъ и негодующій сосѣдъ мой отгокалъ и второчилъ лисицу, потомъ и другую, я подѣхалъ къ нему снова и поздравилъ его съ удачнымъ полемъ: Лука Лукичъ глянулъ на меня привѣтливѣе; онъ уже не проклиналъ ни своей судьбы, ни отсутствующей графини, потому что въ торокахъ у него красовались двѣ матерья лисицы. Послѣднимъ становилось въ островѣ плохое житье; никакія хитрости и увертки не помогали бѣдняжкамъ, застигнутымъ въ располъ на ихъ сборномъ пунктѣ; ни густая заросль, ни высокія кочки, между которыми онѣ успѣвали на время скрадывать слѣдъ и затруднять гоньбу, не служили уже для нихъ убѣжищемъ и защитою: то тамъ, то сямъ, оторопѣвшая Патрикѣвна, не находя никакихъ новыхъ средствъ къ обману и уверткамъ, выносплалась изъ опушки прямо въ пасть къ борзымъ. Рѣдкая изъ нихъ въ этомъ крайнемъ случаѣ успѣвала обмануть бдительность охотника и вернуться отъ его своры. Вся игра Патрикѣвны оканчивалась всетаки тѣмъ, что она послѣ всѣхъ ловкихъ и граціозныхъ увертокъ, черезъ двѣ-три минуты, туго притороченная за голову къ задней лукѣ помахиwała пушистымъ хвостомъ по кожаному потнику.

— Да что ихъ тутъ у васъ, садокъ, что-ли? спросилъ Лука Лукичъ, вторачивая съ радостнымъ лицомъ третью лисицу. Этотъ вопросъ относился къ дистанчному, который подѣхалъ къ намъ на рысяхъ. Онъ, кстати сказать, былъ сильно заинтересованъ всѣмъ видѣннымъ, особенно, гоньба такой многочисленной и дружной стаи приводила его въ восхищеніе. Прибылъ же онъ къ намъ, какъ оказалось, съ извѣстіемъ нерадостнымъ. Въмѣсто отвѣта на возгласъ Бацова, онъ какъ-то торопливо проговорилъ: — а тамъ у васъ мальчикъ задохся!

— Гдѣ? Что такое? Какой мальчикъ? Какъ задохся? заговорили мы въ два голоса къ вѣстнику.

— Да вотъ, на той сторонѣ, мальчикъ, что на кавурой ло-

шадкѣ, попалъ въ сурчину за лисицей, отвѣчалъ онъ невразумительно.

Я поскакалъ на указанное мѣсто и вскорѣ на противоположной сторонѣ степи, которая была скрыта отъ насъ островомъ, на далекомъ разстояніи отъ мѣста травли, подлѣ сурчины, увидѣлъ небольшую группу людей: это были, какъ оказалось послѣ, Стерлядкинъ, Владимірецъ, два охотника и звѣрообразный стражъ. Одинъ изъ охотниковъ поддерживалъ Фунтика: мальчикъ сидѣлъ съ посинѣвшимъ лицомъ, моталъ болѣзненно головой и тупо глядѣлъ впередъ; онъ былъ какъ будто въ парализѣ. За немѣніемъ подъ рукой никакихъ медпрепаратовъ ему помачивали темя и виски виномъ.

На вопросъ мой, Стерлядкинъ и прочіе объяснили мнѣ, что все это значитъ.

Помѣстившись близъ того мѣста, откуда напускали гончихъ, Фунтикъ выждалъ на себя лисицу. По неопытности и съ горяча онъ показалъ звѣря не во время: лисица — пала, собаки скололись, и мальчикъ началъ ее травить степью, скрылся изъ вида и вогналъ лисицу въ сурчину. Горячему охотнику показалось, что нора неглубока и лисица близко; онъ протиснулся въ сурчину съ тѣмъ чтобъ вытащить ее за уши. Опустился по поясъ въ нору, Фунтикъ закупорилъ ее какъ пробка и не имѣя опоры ногамъ остался въ положеніи человѣка повѣшеннаго въ низъ головой. Онъ долженъ былъ погибнуть непременно, потому что подать ему помощь было некому: охотники стояли къ полю спиной и не обращали вниманія ни на что, происходившее внѣ острова. Обѣздчикъ, видѣвшій какъ и куда Фунтикъ травилъ лисицу, заподозрилъ его долгое отсутствіе и отправился наводить справки: увидѣвши «бѣду не мпнучую» онъ поскакалъ назадъ и кликнулъ охотниковъ, которые и вынули мальчика изъ сурчины въ безпамятствѣ и съ посинѣвшимъ лицомъ.

Наконецъ Фунтика кое-какъ оттерли; онъ получилъ даръ слова и кучу наставленій, угрозъ и предостереженій, и мы вернулись къ острову. Тамъ, по прежнему шла самая свѣрѣпая гоньба; управляемая такими мастерами какъ Θεопенъ Ивановичъ и его товарищъ и подстрѣкаемые ихъ проворными помощниками, собаки «лѣзли изъ кожи» и выносили звѣря *на щипцѣ*; то тамъ, то тамъ, борзятники травли и вторачивали лисицъ; казалось, что эта гоньба и травля должны были продлиться до ночи, потому что лисицъ въ островѣ, судя по помычкѣ гончихъ, было еще много, но ловчіе вдругъ загудѣли въ рога и пошли къ

опушкѣ, а выжлятники ринулись въ средину острова и начали сбивать собакъ со слѣда. Надо было падить и сберегать усердныхъ ищеекъ, которыя съ горяча могли догоняться до изнеможенія. Борзятники не смотря на поданный сигналъ долго не оставляли своихъ мѣстъ, потому что гончіе, подваливаясь на рогъ ловчаго, поминутно натекали на звѣря и гнали зарко; болѣе полу-часу ловчіе гудѣли въ рога стоя близъ опушки; собаки валялись изъ острова неохотно. Наконецъ борзятники собрались; у рѣдкаго изъ нихъ не было двухъ или трехъ лисицъ въ торокахъ; всѣхъ было взято изъ острова сорокъ-три лисицы, сверхъ того Игнатъ Савельичъ вынесъ оттуда замятаго гончимъ барсука.

Поздравивъ другъ друга съ первымъ и такимъ удачнымъ полемъ, мы сдали верховыхъ лошадей стремяннымъ, сѣли въ линейку, въ которой прибылъ за нами Петруничъ, посадили съ собой Фунтика и рѣзкой рысью поѣхали домой. Охотники съ пѣснями прибыли спустя часъ времени. Боже мой, чего не наслушался я, сидя вечеромъ за стаканомъ чая; борзятники входили къ намъ по-парно и по-трое и со всѣми подробностями рассказывали каждый о своемъ подвигѣ.

На другой день мы намѣревались брать соры и легли спать ранѣе обыкновеннаго.

IX.

Ѣзда по сорамя. — Травля оборотней. — Переѣзна квартиръ. — Могарычъ. — Учитель-сочинитель. — Занятіе, поражающее тоску и дремоту. — Опять Синіе кусты. — Смерть Фунтика. — Отъѣздъ.

На другой день дистаночный получилъ свои капканы въ видѣ награды за спасеніе Фунтика отъ вѣрной смерти, а этотъ спасенный простоялъ около получаса на колѣняхъ, выпрашивая себѣ позволеніе отправиться съ нами на охоту. Стерлядкинъ долго не соглашался, и наконецъ, какъ бы въ силу общаго нашего представительства, послѣ острастки и предостереженія на будущее время изъявилъ свое согласіе. Увы, кто изъ насъ могъ предугадать, что этотъ проворный мальчикъ, получившій такое пристрастіе къ охотничьему дѣлу, придумаетъ для себя такой родъ смерти, отъ котораго ни одному изъ старыхъ и опытныхъ охотниковъ не пришло на мысль его предостеречь.

Мы собрались и выступили ранѣе вчерашняго. Съ этого дня ловчіе начали чередоваться со стаями и мы вышли съ Игнатомъ. Ѣзда по сорамя мнѣ очень понравилась. Тутъ, на плоской и от-

крытой мѣстности, сидя верхомъ на лошади, легко было слѣдить за движеніемъ ловчаго со стаяй и за успѣхомъ травли на всѣхъ пунктахъ. Подъѣзжая къ сора́мъ, которые большею частію состояли изъ продолговатыхъ четверугольниковъ содержавшихъ подъ собою десятинъ двадцать, тридцать и болѣе поднятой плугомъ степи, борзятники дѣлились на двѣ половины; тѣ, которымъ приходилось стоять въ головѣ острова заравнивались на рысяхъ и становились на мѣста: къ нимъ примыкали остальные и такимъ образомъ составлялась неразрывная цѣпь; тутъ ловчій вводилъ стаю и начиналось порсканье; собаки, разсыпавшись по бурьяну, тотчасъ причували слѣдъ, шли въ доборъ и натекали лисицу, которая, по обыкновенію, видя бѣду неминуемую, старалась въ началѣ притаяться гдѣнибудь подъ глыбой земли или въ густомъ бурьянѣ, но эта утайка вообще длилась недолго и, волею, неволею, Патрикѣвна, должна была пускаться на утекъ. Рѣдкая заросль мало способствовала отчаяннымъ бѣглянкамъ къ обманамъ и укрывательству; отыскавши однажды звѣря по слѣду, стая вела вѣрно и безъ отрыва, почти всегда «на зрячь» и лисица непремѣнно выбѣгала на когонибудь изъ борзятниковъ, гдѣ уже рѣдкая изъ нихъ успѣвала смастерить какую-нибудь штучку. Бывали однакожъ случаи, что и тутъ, при всей наметанности собакъ и мастерствѣ охотниковъ, этотъ хитрый звѣрекъ проскользалъ, какъ говорится, между пальцевъ и уносилъ на плечахъ не тронутую шкурку, оставя своихъ преслѣдователей въ недоумѣніи и досадѣ. Фунтикъ былъ первымъ представителемъ такой неудачи; единственную лисицу, на которую послѣ долгихъ ожиданій удалось ему спустить свою свору, онъ втравилъ обратно въ соры, гдѣ, разметавъ собакъ, Патрикѣвна вернулась къ Фунтику подъ лошадь и, на свободѣ, сопровождаемая неистовымъ крикомъ и одинокимъ преслѣдованіемъ мальчика, скрылась степью изъ вида. Съ Бацовымъ на другой день повторился тотъ же случай: гончіе вывели лисицу къ его ногамъ; собаки не успѣли заловить ее сразу, разбѣхались, пронесли и лисица юркнула въ круговину состоявшую изъ кочекъ заросшихъ густою травой, запада тамъ и, выждавъ минуту, когда борзые въ напрасномъ иску разметались въ стороны, вернулась подъ лошадь къ Бацову и исчезла въ сорахъ. Подобныя продѣлки повторялись и съ другими доѣзжачими, ежедневно; но, кромѣ этихъ обыкновенныхъ и хорошо всѣмъ извѣстныхъ случаевъ, бывало нѣсколько такихъ, которые ставили въ тупикъ самыхъ опытныхъ и знающихъ охотниковъ.

Объѣздивши въ три дня мѣста во кругъ Козихи и Спнихъ кустовъ, мы по совѣту дистаночнаго брали пятое поле въ такъ называемомъ Бурихидскомъ участкѣ, верстахъ въ пятнадцать отъ мѣста нашей стоянки; тутъ не было вовсе сорбв; обрысканные нами въ первые дни они тянулись теперь отъ насъ на лѣво, охвативъ горизонтъ тонкою черною полоской; за то передъ глазами у насъ ширилась эта степь, сохранившая свою перво-данную дѣвственную физиономію: тишь, просторъ, безлюдье, пустыня—кругомъ! рѣдкія сурчины съ ихъ флегматическими обитателями, стада бѣлогрудыхъ дудаковъ, да эти, поражающіе какое-то тоскливое чувство, журавлиные голоса въ глубокомъ небѣ вотъ единственные представители теченія тутъ какой-то робкой, тахой, разъединенной жизни. Прощедши напрямкомъ въ глубь этой пустыни мы очутились въ лоскахъ. Для скопленія въ лѣтнее время воды на пойло быкамъ, прасолы перепружаютъ ихъ узкими плотинами, отчего образовались небольшіе прудки, а верховья ихъ заростають сплошнымъ камышемъ, который тянется узкими гривами въ разныя стороны по дну лощинъ. Тутъ, переходя со стаей изъ лоска въ лоскъ, Феопену Ивановичу предстояла забота гѣшить насъ постоянной травлей. Лисицъ нашлось множество, но между ними попадались такія, которыхъ охотники, не понимавшіе настоящей причины, отнесли прямо къ разряду заколдованныхъ, и послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ опытовъ, отказывались ихъ преслѣдовать, считая ихъ, по свойственной русскому человѣку вѣрѣ въ лѣшихъ, за оборотней и т. д., за что-то такое къ чему крещенному человѣку прикасаться не слѣдуетъ. Первый опытъ въ этомъ темномъ дѣлѣ выпалъ на долю старика Савелья; его быстроногая Красотка и другія сворныя собаки были пзвѣстны въ охотѣ какъ приваленныя въ особенности на лисицъ, которыхъ онъ успѣлъ уже поцѣтить въ графской больше десятка. Случилось такъ, что въ виду всѣхъ охотниковъ гончіе вывели лисицу пзъ камышей прямо къ Савелью Трофимовичу; кругомъ его была открытая степь, безъ всякихъ перемычекъ, слѣдовательно, лисицу надо было считать пойманною. Выждавъ звѣря какъ слѣдовало, старый охотникъ принялся его травить: собаки мигомъ dospѣли и съ горяча накрыли лисицу, но, въ то-же мгновение отскочили прочь и лисица, къ удивленію всѣхъ, пошла на утекъ; собаки долго не давали ей хода, окружали, опережали ее, сбивали со слѣда; Савелій горячо атукалъ, догонялъ, топталъ ее лошадыю, натравливалъ и подзарпывалъ собакъ; тѣ снова заскакивали лисицу впередъ и съ боковъ, но,

притронуться къ ней не смѣла ни одна, какъ-будто на звѣрѣ, вмѣсто мягкой шерсти, торчали иглы. Долго и съ удивленіемъ смотрѣли мы на стараго охотника, который атукалъ жалобнымъ голосомъ и, кажется, плакалъ съ досады, что его надежныя собаки *оплывають* и не берутъ звѣря! Такъ скрылся онъ у насъ изъ вида и, спустя время, вернулся къ мѣсту съ пустыми тороками. Этотъ рѣдкій случай навѣрное обратилъ бы вниманіе всѣхъ охотниковъ и сталъ бы предметомъ самыхъ вычурныхъ толковъ, еслбъ ему не было суждено повториться надъ самимъ Алѣевымъ еще до возвращенія Савелья. Гончія, не перестававшія гамѣть въ камышахъ, вывели матерую лисицу прямо на Алексѣя Николаевича. Собаки его своры, изъ которыхъ каждая способна была управиться съ лисицей, какъ кошка съ мышью, ягомъ накрыли звѣря и, какъ опшаренныя кипяткомъ, отскочили отъ него прочь; освободясь изъ мяки, лисица, точно также, какъ и у Савелья, пошла на утекъ и, словно заколдованная, скрылась изъ вида нетронутая ни одной собакой. Но этимъ не кончилось: графскій охотникъ, Кондратій, у котораго собаки были тоже надежныя, точно также проводилъ лисицу степью и вернулся назадъ ни съ чѣмъ. Наконецъ выскочилъ изъ камышей четвертый оборотень въ образѣ такой же лисицы и побѣжалъ прямо на Ваську, Алѣевского стремяннаго: знаменитый его Чернопѣгій пошелъ къ ней на встрѣчу впереди всѣхъ собакъ, и глядя на этотъ самоувѣренный приѣмъ втравленного волкодава, казалось, что отъ бѣдной лисицы останутся одни ключья. Не тутъ-то было! Схватя съ разлета лисицу за спину, онъ трепнулъ ее сердито, швырнулъ отъ себя въ сторону и самъ остановился на мѣстѣ, какъ-будто у него закружилась голова; прочія собаки подоспѣвъ, накрыли бѣглянку снова и въ тотъ же мигъ бросили ее; помятая и оторопѣвшая отъ двухъ такпхъ ударовъ, лисица, чуть переваливаясь, въ началѣ очень тихо, а потомъ шибче и шибче побѣжала степью; Васька, какъ видно было, разсвирѣпѣлъ отъ этой неудачи, а по охотничьему — срамоты. Онъ помчался въ слѣдъ за бѣглянкой и натравливая ее собаками, которыя, окружая и заскакивая впередъ, не давали ей надлежащаго хода, вскорѣ изловчился пристукнуть ее пулькой *), погѣвъ съ сѣдла и началъ вторачивать. Мы неотвязно смотрѣли

*) У псовыхъ охотниковъ, занимающихся травлею волковъ, въ ручку арапника вплетена полуфунтовая свинцовая гирька, которою они, взявъ за конечникъ, машутъ на скаку и стараются попасть звѣря по головѣ; однимъ ловкимъ ударомъ волка можно *ослепить*.

на стремяннаго и ждали его возвращенія, чтобъ взглянуть поближе на того звѣря, который не дался въ зубы даже Чернопѣтому... Еще къ большому удивленію мы видѣли, что Васька, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію сѣсть въ сѣдло и ѣхать къ намъ съ триумфомъ, повелѣлъ лошадей на чумбурѣ, распустивъ его во всю длину и въ добавокъ часто отмахивалъ ее отъ себя арапникомъ, какъ видно, желая быть отъ нее подальше; собаки тоже рыскали далеко отъ лошади. Причиной всего этого не замедлила объясниться: отъ лисицы, наскоро и кой-какъ притороченной къ сѣдлу, разило такимъ нестерпимымъ запахомъ, что подъ вѣтеръ нельзя было устоять отъ лошади въ пяти шагахъ.

Собравшись въ кучку и глядя на торока стремяннаго, мы долго разсуждали объ этомъ новомъ для всѣхъ явленіи; наконецъ Теопенъ Ивановичъ выѣхалъ изъ лощины.

— Ну, ты что скажешь объ этомъ? спросили его въ два голоса графъ и Бацовъ, разсказавъ въ началѣ о неудачной травлѣ прежнихъ лисицъ.

— Что тутъ сказать; дѣло знамо — змѣевка.

— Что за змѣевка? какая змѣевка?!

— А такая жъ, что змѣи ѣдятъ; тутъ, выходитъ, имъ водѣ. Я и по гоньбѣ смекнулъ: ведутъ, словно улицей закатываютъ! да какъ и не причуютъ; вишь, смердотина какая! А я вамъ доложу, добавилъ ловчій, что по лѣту ихъ и травить нельзя: не равно дастъ хватку, собака распухнетъ, а чего добраго — и околѣетъ. Изъ волковъ тожъ попадаются такіе, что съ голоду змѣи да ящерицъ похватываютъ; отъ того разить такъ, что за версту не подступишь. Одначе, пора на перевалъ, время нисколько, часъ третій, небось, есть? заключилъ Теопенъ.

Сергѣй и Пашка, вызывавшіе въ это время стаю изъ камышей, тронулись впередъ и спустились въ новую лощину; охотники, не нарушая прежняго порядка, заѣзжали и становились по мѣстамъ. Тутъ нѣкоторымъ изъ борзятниковъ суждено было повторить уже видѣнное нами, и они возвратились домой съ полной увѣренностью, что имъ выпало на долю травить — *оборотня*.

Въ это поле мы затравили лишь девять лисицъ всей охотой и вернулись на квартиру раньше обыкновеннаго, потому, что на утро мы снимались съ прежней стоянки и переходили для большаго удобства въ прасольскіе хутора. Обозъ съ тяжестими вышелъ на разсвѣтѣ; мы, съ очередной стаей взяли на прощаньѣ

Козиху, гдѣ застали двухъ лисицъ и одного первый разъ встрѣченнаго нами волка, котораго однакожь пришлось травить въ угонъ и потому мы довольствовались только зрѣлищемъ настоящей волчьей скачки *).

Прасольскіе хутора, куда мы прибыли, пройдя верстъ двѣнадцать степью и держась направо отъ Синихъ кустовъ, представили намъ жизненныхъ удобствъ больше нежели прежнія стоянка, хотя мы на время должны были разъединить нашихъ охотниковъ. Въ одномъ изъ нихъ помѣстился Теопенъ съ частью общихъ тяжестей, далѣе сталъ Игнатъ со стаей и борзятниками, послѣдній заняли мы всеѣмъ обществомъ. Хутора эти были ни что иное, какъ большаго размѣра плотно срубленныя двѣ избы, соединенныя просторными сѣнями; къ этимъ жильямъ были пригорожены правильными четверугольниками большіе дворы съ навѣсами, подъ которыми можно было помѣстить штукъ до тысячи рогатаго скота, который откармливался въ здѣшней степи для продовольствія нашихъ столицъ. Дворъ отъ двора были отодвинуты слишкомъ на версту, для предупрежденія всякихъ сообщеній одного гурта съ другимъ на случай заразы. Все три двора были расположены по изгибамъ узкой долины съ ничтожными ручейкомъ. Кругомъ насъ была одна эта ровная глубокая степь съ сурчинами, законченная всюду сѣроватымъ горизонтомъ, да въ одномъ углу тѣ же, нигдѣ не отстававшіе отъ насъ, Синіе кусты.

Первый день послѣ перваго ночлега на новомъ мѣстѣ былъ опредѣленъ на отдыхъ. Пользуясь этимъ Теопенъ Ивановичъ просилъ заранѣе дозволить ему сдѣлать охотничій праздникъ и поставить ребятамъ обѣщанный «могарычъ.» Отказа конечно быть не могло, и потому въ хуторѣ, гдѣ онъ помѣстился со стаей, просторная двѣнадцати аршинная изба была еще на капунѣ какъ-то щеголевато обставлена, полъ усыпанъ пескомъ, который, Богъ вѣсть, откуда добытъ въ этомъ царствѣ глубокаго чернозема. Въ одномъ углу стояло нѣсколько древесныхъ сучьевъ разыгрывавшихъ роль лѣса; тутъ же, т. е. на краю лѣса, былъ поставленъ простой столъ, усыпанный густо золой; остальную пустоту заня-

---

*) Все охотники утверждаютъ, и я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что голоднаго волка травить въ угонъ невозможно. Сила скачки и широта его розмаха такъ велики, что ни одна изъ борзыхъ, какъ бы ни была она рѣзва, не въ состояніи на скаку не только достигъ, но даже приблизиться къ утскающему звѣрю.

малы два длинныя стола съ обильнымъ запасомъ разныхъ напитковъ, закусокъ и съ двумя кипѣвшими самоварами.

Часу въ третьемъ мы отправились пѣшкомъ посмотрѣть на пирующихъ, а главное, послушать охотничьихъ пѣсень, которыя, надо сказать правду, наши охотники пѣли мастерски. Пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда мы появились среди ихъ веселаго общества. Въ избѣ, кромѣ пѣсельниковъ и людей, завѣдывавшихъ хозяйственною частью пирушки, было мало пьющаго народа. За столомъ, посыпаннымъ золой, сидѣли оба ловчіе, безъ кафтановъ и съ рогами за спиной; вокругъ стола, въ тѣсномъ кружку, стояли охотники, держа въ обѣихъ рукахъ по ложкѣ. Не видавшій ни разу охотничьей пирушки, конечно-бы удивился, глядя на эту странную затѣю, но для насъ это было не ново: дѣло въ томъ, что ни одна почти охотничья пѣсня не поется безъ того, чтобъ тутъ не было ѳголосоу стаи, а учащенное шмыганье ложками по столу, посыпанному золой, очень-вѣрно выражаетъ гоньбу выжлять въ островѣ, и мастера, умѣющіе сочетать звуки какъ должно, съ пятью, шестью парами деревянныхъ ложекъ произведутъ такой гамъ и пискъ, что, слушая издали, всякій приметъ его за гоньбу стаи, состоящей голосовъ изъ сорока.

Когда мы вошли, запѣвала только-что затянулъ:

Заплѣ. Не пора-ли намъ, ребята,

Своихъ кониковъ сѣдлатъ?

Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!

Своихъ кониковъ сѣдлатъ!

Заплѣ. Скакуновъ лихихъ сѣдлатъ,

Въ чисто поле выѣзжать.

Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!

Въ чисто поле выѣзжать!

Заплѣ. Въ чисто поле выѣзжать,

Въ островъ гончихъ напускать.

Хоръ: Гей, гей, рам-да-да!

Въ островъ гончихъ напускать!

Заплѣ. Ну-ка, ну-ка, запускай,

Проровняйся, запорскай!

Хоръ: Гей, гей, и проч.

Хоръ на время умолкаетъ; ловчій трубитъ сначала въ рогъ и начинаетъ во весь голосъ порскасть и накликасть на горячій: Га-эй, собаченьки! по-ди, по-ди, въ лѣсъ, въ лѣсъ! Га-эй, поди, проровняйся... и проч. Тутъ одинъ изъ охотниковъ начинаетъ шмыгать, сначала одной, потомъ двумя ложками очень-вѣрно подражая голосу собаки, попавшей на слѣдъ звѣря, а ловчій съ полнымъ одушевленіемъ подваливаетъ стаю и накликаетъ на

горячій: Га-эй, дружки, чуй его, чуй! Га-эй, собаченьки — тутъ шоль, тутъ бѣжалъ — натеки, дружки! Вались! къ нему! У-а! дошоль! дошблъ! и т. под. Тѣмъ временемъ, къ первымъ двумъ ложкамъ постепенно присоединяются остальные; гоньба закипаетъ, хоръ поетъ:

Запѣв. Чу, Камшило, чу, Громило!
Къ нимъ вся стая подвалила.
Хоръ: Гей, гей, рам-да-да и проч.
Запѣв. Звонарю обидно стало —
Какъ спалилася вся стая.
Хоръ: Гей, гей....
Запѣв. Онъ по волку тутъ погналъ,
Лихо гончихъ оборвалъ....

Тутъ, въ моментъ полного разгара гоньбы, ловчій подаетъ въ рогъ по красному и кричить: «Береги въ поля!»

Тѣмъ-же порядкомъ воображаемаго звѣря начинаетъ травить кто-нибудь изъ борзятниковъ и если во время этой охотничьей оргіи въ числѣ слушателей есть кто-нибудь изъ охотниковъ-господъ, то хоръ тутъ-же, именуя любимую собаку его своры, подпѣваетъ:

Барской своры кобель Скорый
Сѣра волка подорвалъ! и проч.

И запѣвало поздравляетъ барина съ полемъ, а тотъ обязанъ положить — *золотую гривну* на смычокъ Звонарю *).

Сверхъ этой очень-длинной и однообразной пѣсни, охотники по желанію графа и прочихъ пропѣли еще любимую всѣми, превосходно-выполняемую хоромъ и одушевленную общимъ атуканьемъ борзятниковъ пѣсню, въ словахъ которой, однако-жь, при всемъ стараніи, я не могъ доискаться надлежащаго склада; она поется протяжнымъ голосомъ и почему-то называется «Заря».

Темна ночка на проходѣ,
День красный настаетъ;
(Младой) ловчій встаетъ, —
Въ рога голосъ подаетъ.

Вы, охотнички, вставайте,
Лошадей дружки сѣдлайте,
На смычки собакъ смыкайте:
Всѣ готовыми ступайте.

---

*) Пѣсня эта очень длинна. Особенно, если запѣвало обладаетъ даромъ импровизаціи, онъ къ началу ея прибавляетъ отъ себя нѣсколько новыхъ куплетовъ, которыми восхваляетъ дѣйствительный или вымышленный подвигъ какой-нибудь удалой собаки въ охотѣ.

Выѣзжайте во поля,
Выступайте въ острова,
И по тѣмъ (темнымъ) мѣстечкамъ,
Гдѣ есть озимь и лужечки.

Тамъ бывали русанки.
Ну-жъ, снимай съ собакъ смычки;
Вдоль по острову ступайте,
Проровняйся, пропорскай.

Снова отпускается изрядная порція порсканья и гудѣнья въ рога, послѣ чего хоръ добавляетъ:

- Хоръ:* Ты, Затѣйка, натеки,
Горкалушка подхвати!
Вотъ и сталъ вся взорвала
Горячо звѣря погнала!
- Ловчий:* А-у! а-у! а-у!
Доберись миленькіе!
Чуй — дружки, чуй!
У-лю-лю, у-лю-лю, у-лю-лю!
Слушай! Береги въ поля!
- Хоръ:* Ты, Нахалушка, нагнись,
Ты, Примѣтка, растянись,
Ты разбей его, Разбой!
Ты не выдай, Дорогой!
- Всѣ:* Ухъ! ухъ! ухъ! Дошолъ! Дошолъ!
О-го-го, о-го-го, о-го-го!
- Запѣв.*: Баринъ, съ полемъ честь имѣемъ поздравить.

Тутъ, какъ водится, слѣдуетъ новая подачка на ошейникъ Дорогому.

Насъ подчивали чаемъ.

Въ сѣняхъ и вокругъ избы, на вольномъ воздухѣ, охмѣлѣвшіе уже охотники ходили съ чашками въ рукахъ или сидѣли группами, безопасно и весело разсуждая о суетахъ мірскихъ вообще и охотничьихъ въ-особенности; между прочимъ, въ одномъ кружку шла рѣчь о вчерашнихъ событіяхъ. Тутъ, какъ водится, не обошлось безъ спора, доказательствъ и возраженій: одни утверждали, что имъ пришлось имѣть дѣло съ нечистой силой, другіе опровергали ихъ и ловко надъ ними подтрунивали. Дистанционный былъ тоже въ числѣ почетныхъ гостей; онъ, по-видимому, былъ очень доволенъ обществомъ и оказываемымъ ему вниманіемъ. Было также замѣтно, что между начальникомъ степной стражи и нашимъ мудрецымъ ловчимъ утвердились довѣріе и пріязнь.

Вскорѣ для насъ и въ-особенности для графа Атукаева, ко-

торый, кстати сказать, былъ страстный охотникъ до людей подобныхъ Петрунчику, представился случай позабавиться новымъ и весьма-замѣчательнымъ явленіемъ. Передъ окнами у насъ, какъ-то внезапно, появился отрепанный господинъ въ сѣренкомъ гарусномъ пальто, въ зеленыхъ, суконныхъ брюкахъ, съ множествомъ заплатъ, пристеганныхъ кой-какъ бѣлыми нитками и въ какихъ-то сандаляхъ или лучше сказать, въ бабьихъ котлахъ, надѣтыхъ на босу ногу; подъ мышкой онъ держалъ большую пачку бумагъ, свернутыхъ трубочкой. Мусье этотъ отнесся къ группѣ охотниковъ, сидѣвшихъ у насъ подъ окномъ, и началъ велерѣчиво допытываться у нихъ, какъ ему свидѣться съ графомъ Атукаевымъ; тѣ отвѣчали какъ-то неохотно и уклончиво, но, когда вновь-появившійся прорекъ: «не менѣе того, я желаю представиться, и вы обязаны (тутъ надо было видѣть позу и повелѣвающій его видъ) доложить его сіятельству, что путешествующій ученый и благородный человекъ желаетъ...» и проч., нашъ Атукаевъ пришелъ въ восторгъ; онъ засуетился страшно: Петрунчикъ, бывшій съ нами, тотчасъ получилъ отъ него приказаніе, прикинуться графомъ и принять господина съ достоинствомъ. Хлюстиковъ приосанился, помѣстился на видномъ мѣстѣ и за господиномъ былъ отправленъ посланецъ.

— А, это Каракуля! сказалъ дистаночный, взглянувши мелькомъ въ окно. — Э тотъ...

— Смотри же, Петрунчикъ, не посрамись! говорилъ Атукаевъ, не слушая Крутолобова.

Каракуля вошелъ тихо, но не робко и съ какими-то вывертами. Физиономія этого господина была такова, что взглянувши на нее первый разъ всякій начнетъ припоминать, гдѣ онъ видѣлъ такую птицу? Совершенно птичій обликъ! И носъ и ротъ и борода у него какъ-то побѣжали къ низу, согнулись и образовали что-то въ родѣ клюва.

— Кого вамъ надо видѣть? спросилъ нетерпѣливо графъ, когда тотъ снова въ глаза, стараясь угадать къ кому слѣдовало отнестись.

— Я-съ, къ его сіятельству...

— А, вамъ къ графу; вотъ графъ.

Новоприбывшій важно подступилъ къ самому носу Петрунчика.

— Честь имѣю рекомендоваться... Учитель и даже сочинитель! проговорилъ Каракуля, наклоня лѣвое плечо и вознося правую руку къ свертку бумагъ.

— Да какой ты, братецъ, сочинитель? Что ты сочинилъ? началъ Петрунчикъ, щуря одинъ глазъ.

— Помилуйте, сятельнѣйшій графъ, не позволяйте сомнѣваться въ томъ. Я сочинилъ или лучше сказать воспѣлъ въ хоренчскомъ размѣрѣ поэму, подъ названіемъ: *Мой недремлющій сонъ*.

— Да какой это сонъ, братецъ? Что въ немъ есть, въ этомъ снѣ?

— Много есть ощущеній по истинѣ вѣрныхъ, потому что сонъ этотъ я испыталъ на себѣ самолично, имѣвъ случай уснуть зимой на улицѣ въ нанковомъ сертукѣ. Онъ написанъ такъ, что еслибъ вашему сятельству угодно было прочесть всю поэму, то вы бы могли вообразить даже, что это видѣніе мертваго человѣка, поелику я былъ мертвъ: мужики оттерли-сь.

Послѣ такого вступленія учитель-сочинитель долго пояснялъ Петрунчику какого рода сны бываютъ у мертваго человѣка и подъ конецъ, какъ-то экспромтомъ, заключилъ:— а не менѣе того я васъ могу увѣрить, что для ученаго человѣка достаточно одной рюмки водки. Съ этимъ, Петрунчикъ, какъ видно былъ совершенно согласенъ, потому что не замедлилъ крикнуть къ людямъ о подачѣ бодряжки. Черезъ часъ мы оставили ихъ обоихъ пляшущихъ подъ пѣсни охотниковъ. На другой день намъ донесли, что Петрунчика и учителя-сочинителя охотники какъ-то стравили и они подрались; учителя вытолкали вонъ, а Петрунчикъ, отоспавшись, явился къ отвѣту и по общему приговору былъ обреченъ на трехдневное воздержаніе.

Послѣ этого охотники наши ѣздили въ разныя стороны по степи, въ *наѣзку*, безъ гончихъ. Нѣтъ ничего скучнѣе этой наѣздки. Это однообразное дѣло способно породить скорѣе охлажденіе и навести дремоту, нежели завлечь и пристрастить къ себѣ человѣка, еще не томящагося охотничьей лихорадкой. Ызда «на глазокъ» по степи за лисицами монотоннѣе и скучнѣе въ десять разъ ѣзды мелкотравчатыхъ на хлопки за зайцами. Тамъ по крайней мѣрѣ это круговое движеніе, крикъ, хлопанье, а больше всего постоянное ожиданіе, что вотъ-вотъ выскочитъ *косою* изъ-подъ межи или кустика, увлекаютъ охотника и онъ, подстрекаемый нетерпѣніемъ и надеждой, суетится, хлопаетъ и кричитъ: эхъ вскочи! эхъ подымись! потѣши, дружокъ! и проч. И вотъ, матерой, свѣжій русакъ прыгнулъ на сажень вверхъ, взбрыкнулъ ножками, перетронилъ, насторожилъ одно ухо и «загорѣлся какъ свѣча!» Все встрепенулось, гикнуло, помчалось въ слѣдъ за этимъ голубымъ шарикомъ... и вотъ, какой-нибудь Крылатъ

оторвался от кучки собакъ, заложился по русаку, dospѣлъ, швырнулъ косаго — разъ! два! и въ слѣдъ ему раздаются голоса полные энергій, страсти... Нѣтъ, совсѣмъ не то ѣзда за лисицами.

Выѣхавъ изъ дома охотники наши растягивались въ линію и, захвативъ большое пространство степи, двигались шагъ-за-шагомъ, все больше и больше расширяя линію и подаваясь медленно впередъ, высматривали лисицу на рыску или отаптывали попадавшіяся по пути круговины съ кочками, гдѣ она могла залечь — и все это дѣлалось какъ-то крадучись, въ тихомолку... Нужно имѣть слишкомъ острое зрѣніе чтобъ замѣтить лисицу на рыску въ степи, обыкновенно версты за двѣ и болѣе впереди себя. Тутъ начинается эта томительная *отъѣздка звѣря*: два, три охотника отдѣляются и начинаютъ заѣзжать на рыскахъ лисицу спереди и съ боковъ, стараясь въ началѣ пересѣчь ей путь, *скружить* и отъѣхать отъ опаснаго мѣста и, тогда уже, послѣ продолжительной, осторожной и утомительной для лошади и собакъ отъѣздки, начинается травля такого звѣря, противъ котораго надо имѣть въ запасѣ слишкомъ много находчивости и соображенія чтобъ овладѣть его шкуркой. Разорванная такимъ образомъ линія опять сомкнулась и опять увидѣли движущуюся темноватую точку на горизонтѣ и снова, два-три зоркіе вершника отдѣляются отъ прочей братіи и ѣдутъ на рыскахъ, таща на сворѣ высунувшихъ языки собакъ и разъединяясь и кружа по степи, направо, налѣво, исчезаютъ изъ вида и пропадаютъ въ пространствѣ; снова начинается это безмолвное, устроенное на знакахъ и пантомимахъ, движеніе впередъ, преслѣдованіе навось! Ничего общаго и жизненнаго — все въ тихомолку, все врозь, и за всю эту тоску и муку, чаще всего, въ результатъ — обманутое ожиданіе, чистая неудача! Нѣтъ, ѣзда за лисицами, по чернотропу, на глазокъ, по моему дѣлу не стоящее ни времени, ни труда.

Не смотря на это наши господа кружили по степи въ продолженіе трехъ дней сряду, измучили лошадей, подбили собакъ и затравили звѣря, сравнительно съ прежней ѣздой подъ гончими, вдвое меньше.

Давъ наконецъ отдохнуть лошадямъ и отлежаться собакамъ рѣшились на *послѣдствіе* взять Синіе кусты и проститься съ гостепріимной степью.

Идучи къ острову охотники долго подтрунивали надъ Фунтикомъ, которому не суждено было ни разу возить въ торокахъ

лисицу, хотя онъ принимался травить ихъ по нѣскольку разъ. Мальчикъ отшучивался, но по лицу его было замѣтно, что онъ досадовалъ. На этотъ разъ придали ему къ сворѣ старую хорошо притравленную собаку, потому что бывшія у него зайчатницы плохо управлялись съ лисицей. Не было сомнѣнія, что мальчикъ на послѣдяхъ утѣшится. Мѣсто для себя онъ выбралъ весьма надежное и сталъ въ головѣ лощинки на перемычкѣ, между двумя графскими охотниками. Игнатъ кинулъ свою стаю въ островъ и гоньба вскорѣ закипѣла. Борзятники начали травить; дошла наконецъ очередь и до Фунтика: выждавъ на себя звѣря съ полнымъ терпѣніемъ, онъ отдалъ свору, и собаки его накрыли матерую лисицу, сразу, безъ угонки. Надо было видѣть съ какой поспѣшностью обрадованный новичокъ соскочилъ съ лошади, второчилъ лисицу и очутился снова на своемъ счастливомъ мѣстѣ. Я смотрѣлъ на него издали и молча порадовался его успѣху. — Ну, теперь его не достанешь рукой! примолвилъ Бацовъ, глядя въ свою очередь на Фунтика.

Долго послѣ этого пробыли охотники подъ островомъ; лисицъ въ немъ, по видимому, было меньше прежняго, однакожь борзятники не застаивались: во многихъ мѣстахъ травля шла очень успѣшно. Я собрался ѣхать къ Алѣеву на другой конецъ острова, какъ Бацовъ, взглянувъ въ сторону, вскрикнулъ: — Смотри! Фунтикъ! Что съ нимъ?

Было отчего воскликнуть Бацову. Весьма смиренная и хорошо прѣзженная лошадка, на которой сидѣлъ Фунтикъ, неизвѣстно отчего пришла въ бѣшенство. Стоя до этого на мѣстѣ очень спокойно, она, вдругъ, помчалась-зря, и начала страшно трепать задомъ. Справляя на вольты и осаживая на поводьяхъ, сколько доставало силъ, мальчикъ не трусилъ и крѣпко держался въ сѣдлѣ, но лошадь металась, взбрыкивала, приходила въ большую и большую ярость и, забравъ силу, закусивъ удила и понуря голову, помчалась прямо по степи, взмахивая высоко задомъ. Изнемогши въ борьбѣ, мальчикъ, какъ видно было, отдался на произволъ бѣшеннаго животного, но все-таки держался въ сѣдлѣ твердо. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что никто изъ ближайшихъ охотниковъ не вздумалъ поспѣшить къ нему на выручку; да и сдѣлать это для нихъ не было никакой возможности: скача къ Фунтику на помощь, они обязаны были спустить со сворѣ собакъ, которыя не видя передъ собой звѣря успѣли бы тѣмъ временемъ надѣлать страшной кутерьмы. Взглянувъ одинъ по одному на скачущаго мальчика и не понимая

причины этой скачки, никому не приходило въ голову, что каждому изъ насъ слѣдовало, брося все, ринуться на помощь въ самомъ началѣ; теперь же, когда всѣ поняли необходимость этого, было уже поздно: мальчикъ былъ слишкомъ далеко отъ насъ. Между тѣмъ, пока мы недоумѣвали глядя на это новое, загадочное для всѣхъ явленіе, лошадь, взмахивая высоко задомъ, уносилась дальше и дальше... наконецъ, оступившись, она опрокинулась, подмяла подъ себя слабого сѣдока и вскопча на ноги, снова помчалась степью, таща за собой мальчика, у котораго несомнѣнно одна нога осталась въ стремени. Бадцовъ, я, и одинъ изъ охотниковъ поскакали по слѣдамъ бѣдствующаго; послѣ нѣсколькихъ встрепокъ лошадь наконецъ поскакала одна, оставя несчастнаго сѣдока по среди степи. Мы вскорѣ очутились подлѣ него, но увы, это былъ уже не нашъ проворный и веселый Фунтикъ, а его безжизненный трупъ: изо рта у него обильно текла кровь съ пѣной; онъ получилъ нѣсколько ударовъ въ грудь и въ голову; на ногѣ у него осталось оторванное отъ сѣдла стремя, у пояса висѣло обрывокъ чумбура. Осмотрѣвъ все внимательно, мы подали сигналъ «на драку» и нѣсколько охотниковъ не замедлили прискакать къ мѣсту. Къ Стерлядкину и прочимъ господамъ былъ посланъ гонецъ съ извѣстіемъ о случившемся и тѣ явились вскорѣ. Неожиданная смерть Фунтика глубоко опечалила всѣхъ охотниковъ: у многихъ появлялись на глазахъ слезы; всѣ они любили мальчика, забавлялись его рѣзвостью и обращались съ нимъ какъ съ меньшимъ братомъ; даже дистанчный и его неразлучный товарищъ горевали искренне, глядя на погибшаго.

Что было причиною этой грустной катастрофы? Отчего такая благонравная и смиренная лошадь, на которой мальчикъ ѣздилъ три года въ хлопунцахъ *), вдругъ взбелѣнилась и надѣлала такихъ бѣдъ? Это были вопросы пока неразрѣшимые.

Стерлядкинъ искренне сокрушался и себя одного упрекалъ въ случившемся несчастіи; мы всѣ вообще чувствовали себя какъ-то неловко: какъ будто на каждомъ изъ насъ лежала частица обвиненій взводимыхъ на себя Стерлядкинымъ.

Послали на квартиру за линейкой для перевозки тѣла съ хутора и нѣсколько охотниковъ отправились по нашему указанію для поимки убѣжавшей лошади; но они возвратились поздно ве-

---

*) Подъ хлопунцовъ опредѣляются самыя смѣлыя и съ смиренной пріѣздой лошади.

черомъ, не найдя даже признака ея слѣдовъ, и только на другой день къ вечеру, съ помощью и содѣйствіемъ дистанчнаго, удалось на нее наткнуться объѣзчикамъ: лошадь погрязла и околѣла въ одной изъ тѣнистыхъ лощинъ, въ Бурихинскомъ участкѣ, вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы травили оборотней; по донесенію сторожей, на ней было сѣдло, съ приторченной къ нему лисицей. Это было верстахъ въ десяти отъ нашей квартиры и мы на утро сѣли въ линейку и отправились съ нѣсколькими верховыми на мѣсто. Съ перваго же взгляда на лошадь, причина смерти горячаго и неопытнаго охотника открылась намъ со всею ясностью: этотъ рѣдкій, однакожъ не единственный въ охотѣ случай, служилъ еще большимъ дуказательствомъ тому, какъ много опытности и соображенія надо имѣть охотнику, чтобъ управиться съ такимъ звѣремъ какъ лисица. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ:

Каждому уже извѣстно, что лисица, при ея необыкновенной изобрѣтательности средствъ къ своему спасенію, попавшись наконецъ въ руки къ охотнику, пускается на послѣднюю крайность: она ловко прикидывается мертвою. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ было и съ Фунтикомъ: принявъ лисицу отъ собакъ, обрадованный мальчикъ по неопытности или по забывчивости, не добивъ ее, приторчилъ къ сѣдлу *по зальчи*, *) т. е. просто привязалъ ее за ноги къ задней лукѣ, оставя голову на свободѣ. Къ несчастію, ни одному изъ сосѣднихъ охотниковъ не пришла мысль взглянуть ближе и внимательнѣе какъ управился новичекъ съ своей добычей, а издали разсмотрѣть было невозможно; сверхъ того каждый изъ нихъ, стоя на лазу, обязанъ былъ не зѣвать и думать о себѣ одномъ. Очень естественно, что Фунтикъ, второча живую лисицу и ставъ на прежнее мѣсто, обратилъ все свое вниманіе на то, что происходило передъ нимъ въ островѣ. Лисица тѣмъ временемъ очнулась и запустила острые зубы въ пахъ лошади: нестерпимая боль и страшный испугъ послѣдней, были виновниками видѣнныхъ нами послѣдствій. Когда люди вытащили на арканѣ лошадь изъ тины и сняли съ нее сѣдло, оказалось, что правый пахъ у нее мѣстахъ въ шести былъ глубоко прокушенъ и кровь текла обильно; все это доказывало, что лисица была приторчена живая и околѣла въ болотѣ вмѣстѣ съ лошадейю.

---

*) Лисицу, какъ бы она ни была помята собаками, въ началѣ добираютъ и туго приторачиваютъ за глотку; пристегнутая на мертвой петлѣ къ лукѣ, она не можетъ ожить и движеніемъ своимъ напугать лошадь. Отъ несоблюденія этого правила случалось много несчастій съ охотниками.

Употребивъ слѣдующій затѣмъ день на отдаіе грустнаго долга нашему общему любимцу, мы изготовились въ ночь и выступили на зорькѣ въ дальнѣйшій путь. Дистаночнаго и бывшихъ при насъ объѣзчиковъ за ихъ хлопоты и усердіе одарили щедро, такъ что первый остался вовсе не въ накладѣ за «убытки понесенные Θεопеномъ», а послѣдніе, допивая прощальную чарку съ охотниками, выражались искренне, что «такихъ господъ на рѣдкость встрѣтишь!»

Такъ тревожно начали мы наше полеванье во владѣніяхъ графини Отакойто, такъ весело и удачно продолжали и — такъ грустно пришлось его кончить.

Крутолобовъ съ двумя сторожами провожатъ насъ далеко степью, направляя наше слѣдованіе къ Хопру, куда мы двинулись съ цѣлью провести тамъ остатокъ осени до порошъ.

Х.

Кочевая жизнь. — Крутое. — Зима-весна. — Бугры. — Еще одна хитрость лисицы. — Необыкновенные волки. — Крылатые зѣтри. — Отъѣздъ. — Бокино. — Производство въ чинъ. — Заключеніе.

Теперь остается сказать немногое о тѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ, которыя по-челу-нибудь выходили изъ ряда обыкновенныхъ и останавливали на себѣ наше общее вниманіе. По выходѣ изъ прасольскихъ хуторовъ мы повели жизнь въ родѣ наѣздничей, или лучше сказать кочевой-цыганской. За исключеніемъ Хлюстикова и людей обязанныхъ быть при обозѣ, всѣ мы сидѣли на коняхъ и растянувшись въ линію протекали мѣстность въ видѣ опустошительной лавы. Обозъ съ заводными лошадьми и порожними фурами шелъ вмѣстѣ съ нами, пробираясь гдѣ-нибудь сторонкой и былъ постоянно въ виду. Очередная стая шла тоже съ нами, и если имѣлся въ виду какой-нибудь островъ, ловчій, вводилъ туда гончихъ и проходилъ его на проломъ: борзятники заравнивались на рысяхъ, окружали островъ, гоньба закипала живо, рогъ гудѣлъ — по красному, и звѣрь выносился на счастливаго охотника, а иногда попадали на цѣлый выводокъ волковъ и тогда травля дѣлалась общею, а тамъ, снова движеніе на хлопкахъ... Часу во второмъ за полдень, по данному сигналу всѣ съѣзжались къ обозу, потомъ, пообедавъ въ *сухомятку* и давъ отдохнуть лошадямъ и собакамъ, шли дальше. Итакъ съ ранняго утра до позднихъ сумерекъ, когда обозничіе, прикочевавъ къ

какому-нибудь поселку и запасшись фуражемъ и провiантомъ, устроивали для насъ ночлеги.

По мѣрѣ удаленiя нашего отъ графской степи, мѣстность начала рѣзко измѣняться въ своихъ очертанiяхъ; глазъ пересталъ лѣниво скользить по этой однообразной плоскости съ ея ничтожными оттѣнками; начались бугры, скаты, перелѣски, глубокия лощины съ топкимъ дномъ и низкимъ кустарникомъ, такъ сильно влекущимъ къ себѣ псоваго охотника; кой-гдѣ въ сторонѣ начали поблескивать крашенныя крыши господскихъ усадьбъ, частыя поселки, шпицы колоколенъ, рѣчки съ широкими перепрадами, мостами и мельницами. Часъ отъ часу наше общее движенiе начало оживляться большимъ разнообразiемъ и тревогой: стали попадаться бѣжкiе русаки, затѣвалась зарѣкая трава, отчаянная скачка....

На четвертыя сутки передъ вечеромъ мы прикочевали къ Крутому и расположились на стоянку, для того, что тутъ намъ предстояла серьезная, или сказать лучше по охотничьи — «строгая ѣзда.» Крутое это былъ крайнiй или начальнiй пунктъ обширнаго бассейна новохоперскихъ мѣстъ, куда по осени съ разныхъ сторонъ съѣзжалось множество псовыхъ охотниковъ, и всѣ они, переходя отъ мѣста къ мѣсту и не мѣшая другъ другу, вездѣ находили обильное количество звѣря. Слѣдующiй день былъ опредѣленъ на отдыхъ, на осмотръ мѣстности и на подвывку. Пользуясь прекрасной погодой, мы расположились въ виду острова бивуакомъ: разбили двѣ палатки, устроили нѣсколько шалашей, врыли котлы, настлали логовище для собакъ, однимъ словомъ, въ два часа времени устроились, какъ нельзя лучше и удобнѣе и зажили какъ дома. Сзади насъ, на краю горизонта, стояло село Крутое съ церковью и множествомъ вѣтряныхъ мельницъ; передъ нами, черезъ рѣчку и широкое поле, тянулась сплошная куща береженаго лѣса, блистая на солнцѣ багряными и желтыми отливами; отъ него въ сторону шли бугры и буеры, поросшия мелкимъ кустарникомъ; все это заканчивалось вдали такой же волнистой и всюду неровной плоскостью. Русскiй человекъ не задумается какъ именовать то мѣсто, на которомъ онъ обитаетъ: потому ли что самое село было расположено надъ обрывистымъ скатомъ возвышенной мѣстности, или эти бугры съ крутыми боками носили названiе Крутаго, неизвѣстно, но вѣрно то, что тутъ въ необитаемой глуши, среди обширныхъ болотъ и дикой заросли, выплаживалось много краснаго звѣря, а жизнь ему тутъ была самая привольная.

На утро, послѣ перваго ночлега нашего подъ острѣвомъ, въ воздухѣ была такая тишина и солнце свѣтило дотога ярко, что насъ, поселившихся подъ сѣнью березовой рощицы, прямо на полдень, начало обдавать вешнимъ зноемъ и собаки тяжело дыша прятались подъ тѣнь. Но пословица не даромъ велитъ хвалить утро когда настанетъ вечеръ: часу въ третьемъ за полдень подулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, и весна наша умчалась ни вѣсть куда, черезъ часъ небо заволокла сплошная сѣрая туча, посыпалъ обильный снѣгъ и къ утру его выпало слишкомъ на четверть.— Пороша! пороша! кричали наши охотники, пробуждаясь на зорькѣ и поднимая край полости, на которой лежалъ толстый пластъ снѣга. Но не надолго послужила имъ эта мимолетная зима: часамъ къ десяти, пока люди успѣли позавтракать и собраться, солнце пригрѣло по вчерашнему, бугры начали обнажаться, снѣгъ таять и къ ночи осталась только ничтожная его частичка по прибоямъ и впадинамъ.

Часу въ десятомъ оба ловчіе въ легкихъ курткахъ и въ болотныхъ сапогахъ повелъ пѣшкомъ гончихъ въ бугры. Выжлятники поѣхали въ слѣдъ за ними и, спустившись въ первую лоцину, разбрелись по разнымъ пунктамъ для того, чтобъ имѣть возможность сбивать и задерживать собакъ во время гоньбы. Борзятники тоже раздѣлившись по трое и по пятку, пошли занимать мѣста и скрылись въ лабиринтѣ спусковъ. Не такъ-то легко было каждому изъ нихъ добратся до назначеннаго пункта: бугры, казавшіеся издали сплошнымъ, стояли одинъ отъ другого на слишкомъ далекомъ разстояніи, а низина между ними состояла изъ топъ съ частыми протоками и прочими болотными принадлежностями.

Всѣми, какъ говорится, правдами и неправдами, то садясь верхомъ на лошадь, то таща ее за собой на чумбурѣ черезъ топъ и по крутому склону cadaго бугра, прихватываясь на пути за вѣтки кустарника, я взобрался наконецъ на темя одного изъ возвышеній, откуда, сидя верхомъ на лошади, было очень удобно обозрѣвать и мѣстность и дѣйствіе cadaго охотника. Цѣпляясь также за сучья и таща въ поводу лошадей, борзятники устанавливались по мѣстамъ лицомъ къ тому пункту, откуда ловчіе должны были напускать стаю. Глядя на послѣднихъ нельзя было не припоминать извѣстной всѣмъ поговорки, что охота бываетъ иногда хуже неволи! Я уже имѣлъ случай говорить о значеніи ловчаго проникнутаго страстью къ своему занятію, но едва ли съумѣлъ бы я показать въ надлежащемъ свѣтѣ ту степень труда

и самопожертвованія, на какую обрекаетъ себя ловчій, желающій правильно, усердно и добросовѣстно вести свое трудное дѣло. За примѣрами ходить, конечно, было бы недалеко. Какъ доказательство тому, я приведу здѣсь слѣдующій, отнюдь нерѣдкій и дотого обыкновенный случай, что о немъ ни одинъ изъ охотниковъ не сталъ бы и упоминать.

Подъ конецъ гоньбы въ буграхъ, гончіе у Теомена подхватили по волку и-скололись; звѣрь пошелъ прямикомъ, низинной, минуя борзятниковъ. Игнатъ видѣлъ это, но, насадить гончихъ на слѣдъ не было никакой возможности: передъ нимъ стояло цѣлое озеро воды и бывшія съ нимъ собаки, не чуя слѣда, шли туда неохотно; недолго думая нашъ ловчій подхватилъ двухъ звѣрогоновъ подъ мышки и ринулся съ ними въ воду; сначала онъ побрелъ по поясъ, потомъ по грудь, наконецъ юркнулъ съ головой; собаки поплыли вмѣстѣ съ шапкой ловчаго. Очутясь на сушѣ, Игнатъ мигомъ насадилъ собакъ на горячій, подалъ въ рогъ и, забывъ свою плавающую шапку, принялся накликать остальныхъ собакъ и исчезъ съ ними въ камышахъ; выжлятники тѣмъ временемъ успѣли подбить нѣсколько новыхъ голосовъ, заскакали звѣря, подали его на хлопкахъ охотникамъ и волкъ былъ принятъ съ разу. Говорите послѣ этого ловчему, что принимая такія ванны онъ можетъ схватить по крайней мѣрѣ лихорадку, отвѣтомъ навѣрное будетъ «ничево-съ».

Къ двумъ часамъ мы вышли изъ бугровъ и проходя полевъ метали гончихъ по отъемамъ; звѣря здѣсь нашли немного, однакожь не проходили попусту. Тутъ мнѣ пришлось долго любоваться на одну изъ тѣхъ продѣлокъ, на какіе можетъ быть способна только — Патрикѣвна. Въ одномъ изъ отъемныхъ болотъ, лежавшихъ посреди чистаго поля, гончія натекли на лисицу. Втравленная до двухъ разъ обратно въ болото и видя свое безвыходное положеніе, лисица ринулась въ стаю и, разметавъ гончихъ между кочками, очутилась у ногъ моей лошади стоявшей недвижимо въ частомъ кустарникѣ. Осмотрѣвъ всѣхъ борзятниковъ, стоявшихъ на чистотѣ, и незамѣченная ими, лисица шмыгнула черезъ дорогу и проползла подъ межей къ толстому слою нарастающаго еще снѣга; тутъ, растѣнувшись во всю длину она начала нагребать на себя снѣгъ и такъ искусно зарылась въ немъ, что невидавшему этой продѣлки никакъ бы не пришло на мысль заподозрить здѣсь ея присутствіе. Долго простоялъ я не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ торчалъ одинъ только кончикъ чернаго носика затѣйницы.

Подъѣхалъ Бацовъ.

— Хочешь травить лисицу? спросилъ я.

— Гдѣ? Какъ? Говори, гдѣ она?

— У меня въ карманѣ.

— Ну, вотъ, вздоръ, пустяки...

— Ну, если пустяки, такъ ты ступай своей дорогой, я прислужусь кому-нибудь другому.

— Нѣтъ, пожалуйста, говори правду; ты не шутишь!

— Какія тутъ шутки. Я говорю серьезно: хочешь травить, пуцу тебѣ лисицу изъ рукава, а не вѣришь, ступай на свой лазъ.

— Ну, вздоръ, какого тамъ чорта ты выпустишь...

— Я говорю лисицу, а не чорта.

— Да, гдѣжъ она?

— У меня....

— Пустяки....

— Цари!?

— О чемъ?

— На бутылку шампанскаго; а если не дамъ тебѣ лисицы, отвѣчаю дюжиной.

— Да гдѣжъ она, твоя лисица!

— Опять-таки говорю, въ карманѣ.

И снова разговоръ въ томъ же родѣ. Долго томилъ я бѣднаго Луку Лукича, наконецъ, сжалившись надъ нимъ, велѣлъ приготовить и, подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала лисица, хлопнулъ разъ до трехъ арапникомъ: видя бѣду неминуемую, Патрикѣевна какъ ни прикидывалась мертвою, однакожъ должна была вскочить изъ-подъ копытъ моей лошади и досталась въ жертву Караю.

На другой день по указанію мужиковъ, доставлявшихъ намъ фуражъ, мы отыскиали гнѣздо волковъ изъ одиннадцати штукъ: одного изъ нихъ прозѣвали тенетчики, другой попалъ на слабую свору графскаго борзятника и оттерся въ кустахъ, но затравленные въ одно время девяттеро остальныхъ привели въ немалое удивленіе почти всѣхъ охотниковъ, хотя нѣкоторые, разсматривая добычу, утверждали, что имъ случалось и прежде видѣть подобныхъ: дѣло въ томъ, что въ гнѣздѣ этомъ оказалось волчатъ двое черныхъ, одинъ бѣлый, два обыкновеннаго цвѣта и трое нестрыхъ (сѣропѣгихъ). Затравленная при нихъ matka была обыкновенной шерсти.

На обратномъ пути насъ обдало сильнымъ дождемъ; небо

обложились тучами, и дождь лилъ до полуночи. Все это ни мало не обезкураживало наших охотниковъ; въ три дня стоянки подъ Крутымъ они успѣли нагородить столько шалашей подъ густой настлжкой соломы, что могли укрыть отъ слякоти не только себя, но даже собакъ; пострадали однѣ только лошади. Я спалъ въ одномъ шалашѣ съ Бацовымъ. На разсвѣтѣ дня, въ лазѣйку завѣшенную ковромъ просунулась къ намъ благополучная физиономія Игната, съ словомъ «баринъ.»

— Что тебѣ надо? спросилъ я полусердито, какъ это бываетъ съ людьми нѣхотя пробуждающимися.

— Охотники собираются. Прикажете побудить?

— Да ты ужь разбудилъ меня. Что они? Куда ѣдутъ?

— Не знаю. Лошадей засѣдлали и господь будятъ.

— А на дворѣ что?

— Морозъ страшенный.

— Чтожь они, одурѣли что ли? проговорилъ Бацовъ тоже сердито.

— Не могу знать, отвѣчалъ Игнатка.

— Позови сюда кого-нибудь изъ охотниковъ, заключилъ я.

— Куда вы собираетесь? спросили мы новую физиономію, появившуюся на мѣстѣ Игнаткиной.

— Да вонъ, крылатый звѣрь подступилъ къ березнику, такъ хотятъ попытать счастья, отвѣчалъ тотъ какъ-то невразумительно.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже одѣты и сѣли на лошадей. Морозъ былъ препорядочный; на сучьяхъ деревъ и на землѣ, облитой вчерашнимъ дождемъ, блестѣла ледяная корка. Человѣкъ шесть охотниковъ и мы съ графомъ выѣхали въ поле безъ собакъ съ одними арапниками. На озимяхъ сидѣло небольшое стадо дрофъ: раздѣлясь по двое, охотники справа и слѣва поскакали въ заѣздъ стороной и вскорѣ дрофы были окружены. Видя это круговое нападеніе птицы разбѣжались врозь и направились скрыться, но лошади были рѣзвѣе ихъ и каждый изъ сѣдоковъ избравъ для себя жертву тотчасъ догонялъ ее. Причина такого успѣха заключалась вотъ въ чемъ: у дрофъ, ночевавшихъ посреди поля, размокшія крылья такъ сковало морозомъ, что онѣ не могли ихъ разнять для того чтобъ улѣтѣть отъ насъ. Мы очень легко догоняли ихъ на бѣгу, но справлялись съ ними не безъ труда. Тутъ, какъ водится, не обходилось безъ смѣха: старый дудакъ чуть не заклевалъ у насъ охотника: конецъ арапника, которымъ тотъ стегнулъ птицу, туго обвился кру-

гомъ и захлеснулся у нея на шею: охотникъ погѣвъ съ лошади съ тѣмъ, чтобъ овладѣть птицей, но разсвирѣпѣвшій дудакъ перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное; онъ началъ прыгать на охотника, нароя выключнуть ему глазъ, и вскорѣ спихъ съ ногъ своего преслѣдователя; борьба, повершаемая общимъ смѣхомъ, длилася пока не подоспѣли къ бѣдствовавшему на выручку. Поймавъ пять штукъ дрофъ, мы вернулись къ шалашамъ.

Глядя на колотъ охотники наши призадумались; надо было хорошенько поразмыслить, на что слѣдовало рѣшиться: идти ли дальше въ надеждѣ на «оттеплину» или вернуться къ домамъ? Послѣднее рѣшеніе было принято почти единогласно, потому что слишкомъ поздняя осень не подавала надежды на возможность дальнѣйшей ѣзды по чернотропу, а стоять на мѣстѣ безъ дѣла и ждать порошъ было бы безразсудно; не всякая вѣдь зима бываетъ богата порошами, иной годъ выдается для охотника такой несчастливый, что ему во всю зиму придется взять двѣ три пороши-слыныхъ и тѣмъ забастовать. Сверхъ того къ порошамъ мы могли не спѣша поспѣть къ домамъ, гдѣ было припасено довольно *охлажденнаго* уже звѣря. Итакъ, усадивъ собакъ и размѣстившись сами какъ удобнѣе, мы тронулись наконецъ въ обратный путь.

На пятые сутки мы прибыли въ Бокино и, оставя обозъ и охотниковъ на постояломъ дворѣ, сами поспѣшили къ нашимъ радушнымъ знакомцамъ. Нежданное появленіе наше привело обоихъ братьевъ въ восторгъ; по маршруту намъ слѣдовало пройти лѣвѣе Бокина, но мы согласились сдѣлать маленькій крюкъ, чтобъ доказать тѣмъ наше общее желаніе свидѣться съ ними. Нужно ли пояснять, съ какимъ радушіемъ мы были встрѣчены! Распросы и повѣствованіе о кочевой жизни длились до поздняго вечера, послѣ чего условлено было, пользуясь завтрешней стоянкой въ Бокинѣ, сдѣлать для охотниковъ обѣихъ охотъ прощальный пиръ; въ этой затѣ и на мою долю была частица въ общей стачкѣ, которую однакожъ постарались до времени отъ меня скрыть.

На другой день мы отправились къ охотникамъ, гдѣ уже все было подготовлено къ тому чтобъ попировать на славу; для насъ тоже былъ приготовленъ завтракъ на отдѣльномъ столѣ, гдѣ передъ однимъ изъ приборовъ лежали въ видѣ украшенія охотничій ножъ, рогъ и свора: въ силу общей стачки всѣ размѣстились за столомъ такъ, что мнѣ пришлось сѣсть прямо противъ

этихъ атрибутовъ, положенныхъ, какъ видно было, не безъ цѣли. Охотники весело и непринужденно усѣлись за длинными столами въ двухъ просторныхъ избахъ и пошли пирь-пировать; въ началѣ у нихъ шло все тихо и степенно, потомъ, когда стала, какъ говорится, у каждаго летать муха передъ носомъ, говоръ и смѣхъ усилился въ одну непрерывно рокочущую ноту.

Подъ конецъ завтрака, когда мы чокнулись, чуть-ли не по четвертому разу стаканами, явился хоръ и запѣлъ какую-то по-здравительную пѣсню, которой содержанія теперь не припомню, но удержался навсегда въ памяти ея припѣвъ; каждый куплетъ запѣвало, обращаясь ко мнѣ, закончивалъ такъ:

«Будь товарищъ закадычный,
Будь охотникъ ты лихой!»

По окончаніи пѣнія все объяснилось: сосѣди мои, графъ и Бацовъ чокнулись со мной и предложили вопросъ, желаю ли я быть записнымъ охотникомъ и всѣмъ имъ товарищемъ? За согласіемъ, конечно, ходить было недалеко и, вслѣдъ затѣмъ, началось при звукѣ роговъ торжественное посвященіе меня въ званіе псового охотника: Атукаевъ препоясалъ меня книжаломъ, а Бацовъ навѣшивая рогъ на плечи горячо обнималъ меня и приговаривалъ: «нѣтъ, ты, братъ, не шути этимъ: это дѣло важное; теперь ты самъ — *человѣкъ настоящий*... и проч. Алексѣй Николаевичъ водвелъ на *приплодъ* пару породистыхъ собакъ. Въ слѣдъ затѣмъ пошли тосты поздравительные, благодарственные и всякіе иные. Такимъ образомъ, при торжественномъ звукѣ роговъ и восторженныхъ крикахъ охотниковъ, мнѣ суждено было принять на себя почетный титулъ Мелкотравчатого, какимъ имѣлъ я честь предстать предъ вась, мой читатель, еще въ началѣ этихъ бѣглыхъ очерковъ.

На другой день мы разѣхались изъ Бокина въ разныя стороны.

Въ заключеніе мнѣ бы слѣдовало, по долгу пишущаго, сказать свое мнѣніе о пользѣ или бесполезности по преимуществу псовой охоты, такъ какъ о ней собственно шла здѣсь рѣчь, но объ этомъ предметѣ и я и вы, мой читатель, наслушались и читались столько сужденій, что мнѣ пришлось бы повторять чужія мысли и слова; отъ себя добавлю только то, что правильная и серьезная псовая, какъ и всякая другая охота, есть своего рода наука, къ которой, заключу словами ловчаго Феопена: *«надо подступать умѣючи!»*